

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

СЕНТЯВРЬ1881

ДѢЛО

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 9

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЛОЖЬ ДО ПРАВДЫ СТОИТЬ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. (Посвящено М. И. Писареву). **И. В. ШПАЖИНСКАГО.**
2. НУМА РҪМЕСТАНЪ. Романъ. (Главы X—XI). **АЛЬФОНСА ДОДЪ.**
3. ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАРТІИ ВЪ ГАЛИЦІИ. (Эпизодъ изъ исторіи русско-славянскихъ отношеній). **ТУРИСТА.**
4. ЮЛІАНКА. Очеркъ изъ польскаго городского быта. (Переводъ съ польскаго). **ЭЛИЗЫ ОБЖИКО.**
5. ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ. (Продолженіе). **ГАЛІОРАНКА.**

(См. на оборотѣ).

6. ЗАРЯ. Провансальская народная пѣсня. (Изъ поэмы Жана Экара Miette et Noré). Стихотвореніе . . . Д. МИХАЛОВСКАГО.
7. ПИСАТЕЛЬ. Романъ. (Часть вторая. Главы XVI—XVIII) РОБЕРТА ГАЛТА.
8. ОМУТЪ. Романъ. (Главы I—VII). Б. М. СТАНЮКОВИЧА.
9. ЖЕЛАНІЕ. (Изъ С. Прюдома). Стихотвореніе Д. МИХАЛОВСКАГО.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. ИДЕАЛИЗАТОРЫ РАСКОЛА. (Окончаніе). П. ХАРЛАМОВА.
Русские диссиденты.—Старовѣры и духовные христіане, *И. Юзова*. Спб., 1881 г.—Значеніе сектанства въ русской народной жизни, ст. *А. Пругавина*, „Русская Мысль“, 1881 г., № 1-й.—Программа для собранія свѣдѣній о русскомъ расколѣ или сектанствѣ, *А. Пругавина*, М., 1881 г.
11. ЕВРЕЙ И КУЛАКЪ. (Общественно-экономическая параллель). Б. ЛЕВСКАГО.
12. ЗАМѢТКИ ЗЕМЦА О ЗЕМСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ И ЗЕМСКИХЪ ПРИЕМАХЪ. (Продолженіе) ЗЕМЦА.
13. НОВЫЯ КНИГИ.
Н. А. Новосельскій. Соціальные вопросы въ Россіи. Спб., 1881 г.—Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й. В. И. Семеновскаго. Томъ I. Спб., 1881 г.—Вережь и трудъ. Краткое руководство политической экономіи (по М. Блоку), Н. А. Тизенгаузена, Спб., 1881 г.—Избранныя бесѣды пастора Версѣе. Перевелъ А. Забѣлинъ. Спб., 1881 г.
14. ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ. (Литературная хроника). П. К—ВА.
15. УДАЧНАЯ ПРОПАГАНДА. В.
16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Изъ жизни деревни. Н. Ш.
17. ПЛАНЪ ГАМБЕТТЫ И ВЫБОРЫ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОРПУСЪ. (Политическая и общественная хроника). Ж—КА.
18. ИРЛАНДСКІЯ ДѢЛА. (Окончаніе). Б.
19. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. „Письма знатныхъ иностранцевъ“ ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.

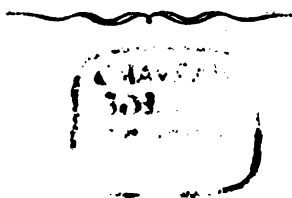
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И. А. БЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

△
PSlav 236-4 (1881, no. 9),
✓

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871 годъ съ пересылкою	10 р.
” 1872 ” ”	10 ”
” 1876 ” ”	8 ”
” 1877 ” ”	10 ”
” 1880 ” ”	12 ”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 сентября 1881 года.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

- Ложь до правды стойтъ.** Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. (Посвящено М. И. Писареву). *И. В. Шпагинскаю.*
- Нума Руместанъ.** Романъ. (Главы X—XI) *Альфонса Додэ.*
- Литературно - общественныя партіи въ Галиціи.** (Эпизодъ изъ исторіи русско-славянскихъ отношеній). *Туриста.*
- Юліанка.** Очеркъ изъ польскаго городского быта. (Переводъ съ польскаго). *Элизы Ожешко.*
- Замѣтки и воспоминанія** (Продолженіе). *Галлфранка.*
- Заря.** Провансальская народная пѣсня. (Изъ поэмы Жана Экара *Miette et Nogé*). Стихотвореніе. *Д. Михаловскаю.*
- Писатель.** Романъ. (Часть вторая. Главы XVI—XVIII) *Роберта Гальта.*
- Омутъ.** Романъ. (Главы I—VII). *К. М. Станюковича.*
- Желаніе.** (Изъ С. Прудома). Стихотвореніе. *Д. Михаловскаю.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Идеализаторы раскола.** (Окончаніе). *И. Харламова.*
- Еврей и кулакъ.** (Общественно-экономическая параллель). *Б. Ленскаю.*
- Замѣтки земца о земскихъ изданіяхъ и земскихъ приѣмахъ.** (Продолженіе). *Земца.*
- Новыя книги.**
- Жизнь и печать.** (Литературная хроника). *И. К—ва.*
- Удачная пропаганда.** *В.*

- Внутреннее обозрѣніе. Изъ жизни
деревни *Н. Ш.*
- Плачь Гамбетты и выборы въ законо-
дательный корпусъ. (Политиче-
ская и общественная хроника). *Ж—ка.*
- Ирландскія дѣла. (Окончаніе). . . *В.*
- Картинки общественной жизни.
„Письма знатныхъ иностран-
цевъ“ *Откровеннаго Писателя.*
-

ЛОЖЬ ДО ПРАВДЫ СТОИТЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посвящено М. И. Писареву).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Паулина Антоновна Пильманъ, рекомендуетъ гувернантокъ, боннъ и прислугу, дама лѣтъ подъ сорокъ. Говорить раздѣльно и басомъ.

Исай Ивановичъ, сожитель ея, видный мужчина крупныхъ размѣровъ, но робкаго вида.

Владиміръ Михайловичъ Огрѣховъ, молодой человекъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Нимфодора Гавриловна Принендяева, пріятная особа неопредѣленныхъ лѣтъ.

Наумъ Потаповичъ Тузловъ, нѣкогда клубный швейцаръ, человекъ состоятельный, лѣтъ шестидесяти.

Марина Наумовна, дочь его, молодая дѣвушка.

Агафья (Матвѣвна), кухарка.

Цирля, еврейка - факторша, старуха.

Работникъ при дровяномъ складѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: приемная г-жи Пильманъ. Прямо—стеклянная дверь со звономъ, налѣво—дверь въ комнату хозяйки, направо—въ корридоръ, ведущій въ кухню. У лѣвой стѣны письменный столъ, у правой диванчикъ и стулья. Въ лѣвомъ углу шкафъ, правѣ стеклянной двери конторка Исаи Иваныча.

ЯВЛЕНІЕ I.

Исай Иванычъ (сидитъ за конторкой, лицомъ къ публикѣ. Онъ сосредоточенно вырѣзываетъ и клеитъ коробку, причѣмъ помогаетъ себѣ языкомъ и вообще гримасничаетъ) и Агафья (вноситъ и ставитъ на письменный столъ подносъ съ чашкою кофе, молочникомъ и корзинкою сухарей).

Исай Иванычъ. Кухарка Агафья-съ!

Агафья. Чего, батюшка?

Исай Иванычъ. А что-же вы мнѣ-съ?

Агафья. Сейчасъ принесу. Тебѣ нынче особый кофею стоговленъ, ячменный.

Исай Иванычъ. Ячменный-съ?

Агафья. Ну-да. Приказано ячменный варить, а настоящаго для запаха прибавлять чуточку. Дорогъ, вишь, настоящій-то сталъ.

Исай Иванычъ. Да-съ... Все-таки давайте побольше-съ... и хлѣба...

Агафья. Порція известная тебѣ, сколько положено. (Уходитъ въ кухню.)

Исай Иванычъ. Побольше-съ! (Заслышавъ шаги слѣва, поспѣшно прячетъ работу въ конторку.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Исай Иванычъ, Пильманъ (слѣва) и Агафья.

Исай Иванычъ (встаетъ при входѣ Пильманъ, разшаркивается и почтительно цѣлуетъ ея руку.) Съ добрымъ утромъ-съ! (Садится на мѣсто и съ значительнымъ видомъ раскрываетъ конторскую книгу.)

Пильманъ. Былъ кто-нибудь? (Принимается за кофе.)

Исай Ивановичъ. Горничная-съ. Записалась на мѣсто, въ семейство-съ. Тридцать копѣекъ внесла.

Пильманъ. «Полицейскія Вѣдомости» просмотрѣли?

Исай Ивановичъ. Интереснаго ничего-съ. (Подаетъ газету.)

Пильманъ. Много вы смыслите! (Продолжаетъ завтракать, проѣгая газету.)

(Агафья вноситъ большую фарфоровую чашку кофе и ломоть хлѣба.)

Исай Ивановичъ (завидя свой завтракъ, радостно). Хмъ-гмъ!

Агафья (ставитъ его на конторку). Вотъ, батюшка, и тебѣ. (Уходитъ. Исай Ивановичъ съ жадностью принимается ѣсть, причеъ нѣсколько выкатываетъ глаза.)

Пильманъ. Да не трещите зубами! Можно-ли такъ отвратительно ѣсть!

Исай Ивановичъ (сконфузился). Я потише-съ...

Пильманъ. А эта публикація!.. Прозѣвалъ? (Читаетъ.) «Молодая особа ищетъ занятій, переписки, можетъ служить чтицей и завѣдывать небольшимъ хозяйствомъ»... А говоритъ «интереснаго ничего-съ»!.. Вотъ и еще... (Отчеркиваетъ карандашемъ двѣ публикаціи и подходит съ газетой къ Исаю Ивановичу.) Вырѣжьте это и это и наклейте въ книгу. Если-бъ вы поменьше занимались вашими картонажами, было-бы лучше. А то весь вашъ смыслъ уходитъ въ коробки и пустяки.—Клеилъ? (Поднимаетъ доску конторки и достаетъ ящикъ съ его работой.) Ну такъ и есть!

Исай Ивановичъ. На этой коробкѣ будетъ механическій жукъ, съ движущимися лапками, изъ фольги-съ.

Пильманъ (съ усмѣшкой). Этакая машина и жучками заниматься изволить!

Исай Ивановичъ (принимая свой ящикъ, поцѣловалъ ея руку). Гмъ!... (Указываетъ на выпитую изъ чашку.) Кофей-съ...

Пильманъ. Ну?

Исай Ивановичъ. Гмъ!.. невкусенъ сегодня-съ.

Пильманъ (нахмурилась). Что та-ко-е?!

Исай Ивановичъ. Прошу извинить-съ. (Садится въ смущеніи.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Исай Ивановичъ, Пильманъ и Припендяева.

Припендяева (войдя, законфузилась и осматривается въ нерѣшимости: уйти или остаться). Сюда-ли я?... Здравствуйте!

Пильманъ. Что вамъ угодно?

Припендяева. Я-я... видите-ли, я хотѣла... Вы г-жа Пильманъ?

Пильманъ. Я.

Припендяева. Я зашла... Здѣсь въ домѣ квартира, кажется, отдается? Билетикъ я видѣла...

Пильманъ. Это меня не касается. Къ дворнику обратитесь.

Припендяева. Вы говорите—къ дворнику?

Пильманъ. Да. (Штыливо.) Если вы только за этимъ?

Припендяева. Такъ я-я... До свиданья-съ... А впрочемъ... Позвольте узнать, вы, кажется, прислугу рекомендуете?

Пильманъ. Рекомендую.

Припендяева. Ахъ, какъ это трудно хорошую прислугу найти! Ужасно!.. За все время какъ я жила у генеральши Фуфыкиной... я у нея въ экономвахъ жила... да и прежде у кого ни жила, вы представить себѣ не можете, какую муку приходилось терпѣть отъ этой прислуги. Ужасно! Хозяевамъ вуда легче угодить, чѣмъ Хамову отродью. Такія претензіи!..

Пильманъ (перебиваетъ). Да, жалуются. Итакъ, если нужное въ квартирѣ, то это меня не касается; если-же имѣете дѣло ко мнѣ, то о постороннихъ предметахъ оставимъ.

Припендяева. Дѣло?.. Д-да, мнѣ желалось... Видите-ли... Впрочемъ, лучше въ другой разъ. Такъ-какъ я еще не рѣшила...

Пильманъ. Ну когда рѣшите, тогда и пожалуйте.

Припендяева. То есть собственно я рѣшила... но, знаете, это такъ трудно... вдругъ... безъ совѣта... Если-бы вы были добры дать мнѣ совѣтъ...

Пильманъ. Главное—не стѣсняйтесь. Я человѣкъ дѣловой и меня вы ничѣмъ не можете удивить.

Припендяева (взглянувъ на Исая Ивановича). Но тутъ... мы не одни...

Пильманъ. Этого не стѣсняйтесь. Въ мечтанія погруженъ. Стѣна... А впрочемъ... Исая Ивановичъ!

Исая Ивановичъ. Вы мнѣ-съ?

Пильманъ. Выйдите вонъ.

Исая Ивановичъ. Ухожу-съ. (Уходитъ въ лѣвую дверь.)

Пильманъ. Я васъ слушаю.

Припендяева. Видите-ли, въ жизни моей произошелъ нѣкоторый переворотъ... Весь вѣкъ я жила по чужимъ людямъ, угождала, ухаживала... Ахъ, теперь только понятно мнѣ, насколько тяжела эта жизнь!.. Вдругъ... Видите-ли, былъ у меня билетъ внутренняго займа... Знаете, эти выигрышные... Ахъ, что за неподобная бумага эти билеты!..

Пильманъ. Вы выиграла?

Припендяева. Представьте—да!

Пильманъ. Поздравляю. Не хотители-ли кофею?

Припендяева. Нѣтъ, онъ волнуешь... Благодарю. Я и чай жиденькій пью, самый жиденькій.

Пильманъ. Много выиграли?

Припендяева. Ни-че-го... Не такъ чтобы очень, а для меня ничего...

Пильманъ. Однако?

Припендяева. Не слишкомъ, а-а... И какъ-же я была рада, если-бъ вы знали!.. Господь сжалился надъ моею сиротскою долей и невидимо послалъ... Представьте, вижу я сонъ...

Пильманъ. Сонъ въ руку. Но мы уклоняемся. Вы вдругъ разбогатѣли. Фактъ. Не хотите-ли выгодно помѣстить деньги? Можно подъ вѣрное обезпеченіе...

Припендяева. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не стяжательна. И деньги—что въ нихъ?.. (Вздыхнула.) Нѣтъ, у меня мысли серьезные.

Пильманъ. Именно?

Припендяева. Жизнь устроить свою. Ахъ, какъ это трудно, какъ это ужасно трудно!

Пильманъ. Съ деньгами-то? Не думаю.

Припендяева. Душечка, не говорите!.. Мнѣ желалось устроиться при монастырѣ. Что нужно мнѣ?—спокойствіе, церковь и только. Располагала купить себѣ келью и тамъ жить. Свѣтлая, уютная комнатка, цвѣты... ахъ, много цвѣтовъ... и въ клѣткахъ птички поютъ... Не правда-ли, хорошо?

Пильманъ. Ну и купили-бы келью.

Припендяева. Пробовала тамъ жить. Не понравилось мнѣ... Тамъ и покой и почетъ, пока деньги съешь зря... Ахъ, госпожа Пильманъ! Женщинѣ со средствами и притомъ одинокой очень трудно устроиться въ настоящее время. Какъ жить одной? Ограбятъ, зарѣжутъ... Положимъ, при себѣ денегъ я не держу, но по наслышкѣ зарѣжутъ... Вы «Ракомболя» читали? Понсонъ-дю-Террайль написалъ. Увлекательный писатель. Я всѣ романы его читала. Такъ у него вотъ какой случай описанъ...

Пильманъ. Мало-ли вздора въ романахъ! И такъ, вы боитесь. Фактъ. Что-же вамъ—охранителя?

Припендяева. Д-да... то-есть... Нѣтъ, мнѣ ужасно какъ совѣстно...

Пильманъ. А мнѣ такъ досадно на васъ. Дожили до такихъ лѣтъ...

Припендяева. Что-же мои лѣта?.. Я кажется...

Пильманъ. Еще свѣжи. (Открываетъ конторскую книгу.) Ваша фамилія, имя и отчество?

Припендяева. Нимфодора Гавриловна Припендяева. (Пильманъ записываетъ.) А если мнѣ совѣстно, то вѣдь такой щекотливый вопросъ...

Пильманъ. Пустяки. Адресъ?

Припендяева. Плющиха, домъ Кособрюхова. (Записываетъ.) Но какъ-же пустяки!.. Вы Богъ знаете что можете подумать, а вѣдь этого нѣтъ... Мысли у меня совершенно спокойныя... А только при теперешнемъ моемъ положеніи боюсь жить одна.

Пильманъ. Какъ-же вы: замужъ?.. Да не жеманьтесь, пожалуйста. Я человекъ дѣловой.

Припендяева. Лучше ужъ замужъ, хотя я вовсе не расположена... Иначе—согласитесь—сплетни пойдутъ. Разумѣется, я никакихъ поводовъ не подамъ, потому вовсе я не за этимъ... Но—знаете—и святого осудить. Я полагаю, что замужъ лучше.

Пильманъ. Какого-же вамъ жениха, посолиднѣй?

Припендяева. Что-же старенькій... Старенькій самъ жуликовъ испугается, а не то чтобы меня защитить. Значить какое-же съ нимъ спокойствіе? А мнѣ оно вѣдь только и нужно... Наконецъ, горчичники ему, или растирать опodelьдокомъ... Хлопотно!

Пильманъ. А изъ какихъ? Военнаго хотите?

Припендяева. Командовать привыкли они, военные эти, особливо ежели изъ армейской пѣхоты. А женщинѣ подъ солдатскую выправку—какъ хотите—неудобно это совсѣмъ... да за свои еще деньги!.. Начнетъ штурмовать... Неудобно. Ежели изъ интендантскихъ... Тѣ обходительнѣй... Предпримчивы только, деньги станеть тревожить... А я не могу. Сами судите—возможно-ли кому-нибудь деньги довѣрить?

Пильманъ. Ну, изъ чиновниковъ, статскихъ?

Припендяева. Испитыхъ изъ нихъ много... худые, зеленые, пыльные какіе-то... Наконецъ, запиваютъ...

Пильманъ. Хоть замужъ вы хотите только въ видахъ безопасности, но угодить на васъ трудно.

(Исай Иванычъ входитъ и садится за конторку.)

Припендяева. Ахъ, вовсе-же не трудно, душечка моя! Если хорошій человекъ, не мотыга, не вартешникъ, не пьяница—вотъ и все... Ну, приличный... сѣумѣетъ расположеніе заслужить и только! (Въ приливѣ откровенности.) Надо вамъ сказать, душечка, что въ мужчинѣ я всего больше цѣню силу и вротость. Вотъ. О, человеку съ этими качествами я легко довѣрю свое спокойствіе!

Пильманъ. Силу и кротость. Значить такого? (Киваетъ на Исаю Иваныча).

Исай Иванычъ. Вы мнѣ-съ?

Пильманъ. Не вамъ. (Припендяевой.) Я васъ кое съ кѣмъ познакомлю, а выбирать ужь дѣло вашего вкуса. Но понимаете, что это стоитъ хлопотъ, а хлопоты требуютъ денегъ...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Цирля (изъ стеклянной двери).

Пильманъ. Цирля, ты?

Цирля. Ждравствуйте, мадамъ Пильманъ! Насла товаръ. Ай, что за товаръ!

Пильманъ. Подожди. (Припендяевой.) Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ. Узнаете условія и вручите на предварительные расходы.

Припендяева (тихо, указывая глазами на Исаю Иваныча). А этотъ мужчина... онъ не женатъ?

Пильманъ. Онъ занятъ. (Уходитъ влѣво.)

Припендяева. Ахъ, занятъ!... (Уходитъ за нею.)

Цирля. А что-за ета за дама, цаво она хоцетъ?

Исай Иванычъ (доставшій свою работу). Не вѣмъ.—Какова коробка!

Цирля. Тцъ—тцъ! Ай, какъ за ета прикрасно!

Исай Иванычъ. На крышкѣ жукъ, лапками разводить, шельмецъ... Видите?

Цирля. Ай, какъ живой! А много-зе ви за коробками этими вируцаете?

Исай Иванычъ. На табакъ и на материалъ-съ. Наилучшіе не продаю. Долго обдумывалъ, съ секретамъ-съ...

Цирля. А поцаму-зе не продавать? За нихъ-зе можно хоросія днѣнги брать?

Исай Иванычъ. Тѣ для себя-съ... А вотъ глядите... (Достаетъ еще какую-то коробку и занимаетъ Цирлю объясненіемъ ея устройства.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Исай Иванычъ, Цирля, Мариша и Агафья (входятъ изъ кухни).

Агафья. Зачѣмъ тебѣ Павлину Антоновну?

Мариша. Ругаться.

Агафья. Вотъ! Что за оказія?

Мариша. А какъ она смѣетъ подбивать хозяина, чтобы намъ отказать отъ квартиры? Ей—видишь ты—квартира понанабилась! Барыня слаонервная отыскалась такая, которой нуженъ покой. Для нея. Скажите! А моему старику покой значить не нуженъ? Такъ я и уступила, какъ-бы не такъ! Отлично понимаю, что эта «слаонервная» значить. Домикъ отдѣльный, въ саду, тихо, глухо, какъ-разъ мѣсто игорный домъ завести, или салонъ для любовныхъ свиданій, гадость какую-нибудь...

Агафья. Да ты не шуми, Марина Наумовна, не горячись такъ...

Мариша. Ахъ, какъ-же не горячиться, Матвѣвна, если подъ тебя подлость подводятъ! И кто? Вѣдь хозяйку твою любезную, по дѣламъ-то ея отвратительнымъ, грязнымъ отовсюду гнать нужно, какъ заразу, чуму, а не ей тѣснить честныхъ людей! Ее въ тюрьму, въ Сибирь мало!

Цирля. Тцъ! Мозно-ли такъ нехоросо говорить!

Агафья. По твоему приговору не сошлютъ вѣдь, стало и шумѣть незачѣмъ. Сылка выйдетъ, и только. А ты вотъ что: поди-тва лучше къ хозяину, поговори, попроси, коли что—цѣну надбавьте.

Мариша. Что-о?!—Ни копѣйки! Изъ-за Пильманши—ни полушки!

Агафья. Ну, какъ себѣ знаешь. Поругайся, если охота. (Уходитъ въ кухню.)

Цирля. А вамъ очень васа квартира нужна?

Мариша. Тебѣ что за дѣло?

Цирля (тихо, отводя ее въ сторону.) Я-то вамъ сказу: мозно такъ дѣло устроить, сцо мадамъ Пильманъ не станеть васъ вигонять.

Мариша (отходить, презрительно). Я дѣла привыкла чисто обдѣлывать, безъ вашего брата.

Цирля. Ай—за напрасно! Узо позалѣтъ мозно.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Исай Ивановичъ, Цирля, Мариша, Пильманъ и Припендяева (въ началѣ).

Припендяева. Такъ пожалуйста, Паулина Антоновна, какъ только будетъ у васъ подходящее, въ ту-же минуту мнѣ телеграмму. Пожалуйста!

Пильманъ. Хорошо, пришлю.

Припендяева. Ни минутки не медлите. Буду ждать съ нетерпѣніемъ.

Пильманъ. Говорю—пришлю.

Припендяева. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ я больше буду вамъ благодарна...

Пильманъ. Да, хорошо, хорошо!

Припендяева. Ну, до свиданья. (Пошла-было, но возвращается и говорить ей на ухо.) А *ею* предупредите, что я добрая и что... что я очень буду нѣжна...

Пильманъ. Скажу.

Припендяева. Ну, до свиданья. (Съ чувствомъ жметъ ея руку.) Душечка, позвольте васъ обнять!

Пильманъ. Лишнее—это...

Припендяева. Нѣтъ, ужъ позвольте! (Крѣпко цѣлуетъ.) До свиданья. (Въ дверяхъ.) Жду! (Уходитъ.)

Пильманъ (съ удивленіемъ, дѣлая видъ, что теперь только замѣтила Маришу). Госпожа Тузлова!

Мариша. Вы, г-жа Пильманъ, вздумали выжить насъ изъ квартиры. Послушайте, если осмѣлитесь насъ беспокоить, то я такой гвалтъ подниму, что васъ самихъ выдворятъ изъ Москвы въ 24 часа.

Пильманъ. Не слишкомъ-ли скоро!

Цирля. Хи-хи-хи!

Мариша. Въ 24 часа!

Пильманъ. Вашъ отецъ тридцать лѣтъ стучалъ булавою въ клубъ. Фактъ. И, конечно, выстукалъ связи... Но я сомнѣваюсь, чтобы онѣ были настолько значительны, насколько нелѣпы ваши претензіи и велика дерзость.

Цирля. Очень красиво, хи-хи!

Мариша (гнѣвно). Мой отецъ!.. Вы смѣете говорить!.. Называть его, *вы-я?* О, вашъ языкъ слишкомъ грязенъ для этого!

Пильманъ. Прошу не забываться, однако!.. Исая Ивановичъ! (Исай Ивановичъ встаетъ. Маришѣ.) Не угодно-ли выйти вонъ, не то (указывая на Исая Ивановича) васъ *проводятъ!*

Мариша. Если на то пошло, я куплю эту жидовку, вашихъ пособниковъ, раскопаю грязь вашихъ продѣлокъ и, клянусь, если не найду уголовщины, за которую вамъ крѣпко достанется. Тогда всѣ узнаютъ, что булава, которою стучалъ отецъ клубнымъ швейцаромъ, куда свѣтлѣй вашей совѣсти! (Быстро уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Исай Ивановичъ, Цирля, Пильманъ и Огрѣховъ.

Цирля. Ай-ай, сдо-зе такая за барисня! Какой язычокъ!

Пильманъ (въ волненіи, рѣзко). Ты съ чѣмъ? (Достаетъ изъ шкафа бутылку, наливаетъ рюмку и выпиваетъ.)

Цирля. Коньячокъ?! Хоросій, духъ хоросій какой! Польза большая отъ него; когда цаловѣкъ разстроень.

Пильманъ. На меня лавро-вишневья капли не дѣйствуютъ. Съ чѣмъ, говорю?

Цирля. А, насл. Музцина молодой, хоросій музцина.

Пильманъ. Гдѣ?

Цирля. А въ ренсковомъ, на Драцовѣ.

Пильманъ. Хорошъ, должно-быть!

Цирля. Благородній, дворяницкѣ. Во всякое дѣло можно пустить, цто хотите.

Пильманъ. Съ тобою онъ?

Цирля. А на улицѣ здеть.

Пильманъ. Приведи.

Цирля. А узъ ви 15 цалковикъ, сцо минѣ обѣсцали, готовьте, мадамъ Пильманъ. Все сами увидите, сцо за товаръ, в-ва! (Уходитъ.)

Исай Иванычъ. Гм!.. И я-бы коньячку-съ. Искушеніе!

Пильманъ. Чего еще?! Хорошъ! Минѣ дерзости дѣлаютъ, а онъ какъ истуканъ!

Исай Иванычъ. Что-же я-съ?

Пильманъ. Должны были вытолкать дерзкую дѣвку, вотъ что! Ваша обязанность оберегать меня отъ всякихъ скандаловъ. Не знаете?

Исай Иванычъ. Я какъ-бы пугало-съ?

Пильманъ. Чучело вы гороховое.

Исай Иванычъ. Гм!..

Цирля (вводитъ Огрѣхова). Ходите, ницаво, ницаво!.. Вотъ, мадамъ Пильманъ...

Пильманъ (прерывая). Довольно. Ступай. Придешь завтра.

Цирля. А нынче-то какъ-зе?.. Днѣзюнокъ-бы нузно минѣ...

Пильманъ. Ты меня знаешь?—Ступай!

Цирля. Узъ ви, мадамъ Пильманъ, хоць-би задатоцку...

Пильманъ. Цирля—я!

Цирля (со вздохомъ). Хоросо узъ, завтра узъ, нецаво дѣлать! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Исай Иванычъ, Пильманъ и Огрѣховъ.

Пильманъ (садится и внимательно оглядываетъ Огрѣхова). Фамилія ваша и имя?

Огрѣховъ. Огрѣховъ, Владиміръ Михайлычъ.

Пильманъ. Чѣмъ занимались?

Огрѣховъ. Прежде кое-чѣмъ, перепискою, переплетному мастерству выучился...

Исай Ивановичъ. Картонажи умѣете?

Пильманъ. (Исаю Ивановичу.) Не ввязывайтесь. (Огрѣхову.) Ну-съ?

Огрѣховъ. Ну, этимъ перебивался... Въ послѣднее время занятій не имѣлъ.

Пильманъ. Почему?

Огрѣховъ. Да такъ... Оскорбленъ.

Пильманъ. Оскорблены? Интересно!

Огрѣховъ. Да какъ-же! Бѣднаго человѣка эксплуатируютъ хуже скота. А кто эксплуатируетъ, сытые эти, не хуже-ли скотовъ сами?.. Съ этимъ нельзя примириться... Еще-бы!.. Да и трудъ, если предлагали, такъ подлый, ниже моихъ способностей и по развитію моему даже положительно нестерпимый...

Пильманъ. Такъ-съ. Ну, а вслѣдствіе этихъ вашихъ взглядовъ, вы подъ надзоромъ полиціи не состоите?

Огрѣховъ. Что-съ?.. Нѣтъ, ни подъ какимъ я надзоромъ не состою.

Пильманъ. Постараюсь навести справки. Итакъ, въ сущности вы тунеядецъ.

Огрѣховъ. Ха! Это мнѣ нравится!

Пильманъ. Безъ возраженій. Вижу насквозь. Тунеядецъ и хуже бродяги. Тотъ такъ и считаетъ себя бродягой, а у васъ идеи, значить, вы правы, а за васъ виноваты другіе, скоты тамъ, и прочее.

Огрѣховъ. Но, позвольте замѣтить вамъ...

Пильманъ. Не позволяю. (Огрѣховъ дѣлаетъ негодующій жестъ.) Не къ тому рѣчь, чтобы васъ осуждать; но разъ вы пойдете у меня въ дѣло, я должна знать, что вы за птица. Вы дворянинъ?

Огрѣховъ. Дворянинъ.

Пильманъ. Имѣніе было?

Огрѣховъ. У отца было.

Пильманъ. Конечно, продано?

Огрѣховъ. По освобожденіи крестьянъ, да.

Пильманъ. Потомъ?

Огрѣховъ. Отецъ служилъ по акцизу. Жили хорошо.

Пильманъ. Учились гдѣ?

Огрѣховъ. Дома. На образованіе мое отецъ денегъ не жалѣлъ. Самъ онъ, будучи человѣкъ развитой и вполнѣ либеральный, имѣлъ огромное вліяніе на мои убѣжденія.

Пильманъ. Это какъ?

Огрѣховъ. А такъ... Съ раннихъ лѣтъ онъ открывалъ мнѣ мерзкія стороны жизни, наши язвы общественныя, чтобы я не былъ довѣрчивъ и глупъ. Вообще онъ былъ очень уменъ.

Пильманъ. Не очень, если поучалъ мальчика мерзостямъ жизни.

Огрѣховъ. (Съ усмѣшкой.) Напрасно беретесь судить.

Пильманъ. Къ дѣлу. Служили?

Огрѣховъ. Да... По смерти отца, остались безъ средствъ. Принужденъ былъ идти въ юнкера.

Исай Ивановичъ. И я юнкеръ въ отставкѣ, ха-ха!

Пильманъ (Исаю Ивановичу). Чему обрадовался? (Огрѣхову.) Разумѣется, вскорѣ вышли въ отставку?

Огрѣховъ. Еще-бы!

Пильманъ. И такъ, вы дворянинъ, по чину—отставной юнкеръ, голышъ, къ труду не способны, но съ фантазіями. Кандидатъ на скамью подсудимыхъ.

Огрѣховъ. Опредѣленіе!

Пильманъ. Вѣрное. Теперь извольте слушать меня. Да, вашъ видъ? Есть? (Огрѣховъ подаетъ свою бумагу.)

Исай Ивановичъ (пока Пильманъ разсматриваетъ бумагу, потихоньку выходитъ изъ-за конторки и, подмигнувъ, дружески хлопаетъ Огрѣхова по плечу). Камрадъ.

Пильманъ. Исай Ивановичъ, на мѣсто! (Огрѣхову.) Слушайте. Согласны-ли вы, за приличное вознагражденіе, обвиняться съ одною особою съ тѣмъ, чтобы послѣ обряда никогда ее не видать?

Огрѣховъ. Такое странное предложеніе!.. Позвольте подумать.

Пильманъ. Некогда думать. Я тогда только оставлю васъ у себя, дамъ уголь и хлѣбъ, если отдадитесь въ полное мое распоряженіе, иначе можете убираться. Сотню найду вмѣсто васъ. И такъ, вы безпрекословно мнѣ подчиняетесь. Я могу васъ женить, приставить куда и къ кому найду нужнымъ, словомъ—распорядиться по усмотрѣнію. Приятно обѣщаю, что позабочусь о вашей выгодѣ. Я принимаю въ васъ участіе, молодой человекъ. Согласны?

Огрѣховъ. Если такъ... пожалуй...

Пильманъ. И дѣлу конецъ. (Запираетъ въ столъ его видъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ-же и Припендяева.

Пильманъ. Вы опять?

Припендяева. Душечка, я зашла... Я—видите-ли—шла мимо... (замѣтила Огрѣхова.) Ахъ!.. (Сконфузилась.) Можетъ быть, я помѣшала?.. (Пильманъ отрицательно качаетъ головой.) Шла мимо... Дай, думаю, забѣгу еще попросить безподобную Паулину Антоновну, чтобы, какъ только... сію-же минуту-бы мнѣ телеграмму...

Пильманъ. Эко не терпится вамъ! Сказала—пришлю.

Припендяева. Такъ я только за этимъ, душечка, да... (Застѣнчиво оглядывая Огрѣхова.) Право, боюсь помѣшала... Если-бъ не мимо...

Пильманъ. Кстати вотъ познакомьтесь съ молодымъ человѣкомъ. Господинъ Огрѣховъ, дворянинъ.

Припендяева. Ахъ, очень, очень пріятно! (Пожимаетъ руку Огрѣхову. Въ сторону.) Интересенъ!.. (Пильманъ, тихо.) Бѣдненькій, какъ онъ плохо одѣтъ! (Громко, нервнито поглядывая на Огрѣхова.) Если-бъ я могла быть полезной... Я была-бы такъ рада!..

Пильманъ. Можете. Человѣкъ въ нуждѣ.

Припендяева (смущенно). Ахъ, съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!.. Но чѣмъ?.. Я, право, не знаю...

Пильманъ. Деньгами. Очень просто.

Припендяева. Д-да?.. Но, какъ-же... при первомъ знакомствѣ... Мнѣ, право, такъ совѣстно... Паулина Антоновна ставитъ меня въ неловкое положеніе, хи-хи-хи!..

Пильманъ. Сами напросились помочь.

Припендяева. Но я вообще... Какъ-же такъ—вдругъ?.. Я отъ души... но можно обидѣть... И всѣ молчать, хи-хи!.. Ну, не знаю, что дѣлать... (Совсѣмъ сконфуженная, отходить въ сторону, всплѣшно достаетъ изъ кошелька деньги и зажимаетъ ихъ въ руку.)

Исай Ивановичъ (глубокомысленно). Хвостъ прищемили.

Пильманъ (гнѣвно). Исай Ивановичъ, подите въ кухню, и пока не позову, не смѣйте входить. (Тихо, когда проходитъ мимо.) Оселъ!

Исай Ивановичъ. Прошу извинить-сь! (Уходитъ смущенный.)

Припендяева (протягиваетъ Огрѣхову руку, въ которой деньги). Пожалуйста!.. Не осудите... Отъ души, право... Такъ рада!.. Милости просимъ ко мнѣ. Плющиха, домъ Кособрюхова, спросите г-жу Припендяеву!..

Пильманъ. Это потомъ.

Припендяева. Но я, какъ вы, Паулина Антоновна... Дупечка моя! (Цѣлуетъ ее.) До свиданья. (Тихо.) Присылайте его поскорѣй. (Громко.) М-г Огрѣховъ, до свиданья, надѣюсь. (Рукопожатіе.) Будемъ друзьями?

Огрѣховъ. Весьма признателенъ вамъ...

Припендяева. Ахъ, вздоръ, пустыни! (Выразительно жметъ руку еще разъ.) Друзьями. (Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Пильманъ, Огрѣховъ и послѣ Агафья.

Пильманъ. Дайте сюда.

Огрѣховъ. Что?

Пильманъ. Деньги, конечно! (Сама беретъ ихъ у него изъ руки.) Пять рублей. Не очень разщедрилась! (Прячетъ ихъ въ свой кошелекъ.)

Огрѣховъ. Позвольте, но какъ-же... мои это!

Пильманъ. А на кого-же они пойдутъ, какъ не на васъ? Васъ надо поить, кормить, одѣть, наконецъ. Фактъ. Не въ такихъ-же лохмотьяхъ водить васъ! (Въ дверь.) Агафья! (Ему.) Я даже сейчасъ велю старьевщику принести платья. (Вшедшей Агафь.) Этотъ господинъ будетъ жить у насъ, въ комнатѣ возлѣ кухни. (Надѣваетъ шляпку и пальто.) Ъсть будетъ съ тобою.

Агафья. Слушаю.

Пильманъ. Я на полъ-часа отлучусь, такъ пришли сюда Исая Иваныча. Да, позабыла! (Садится къ столу и быстро пишетъ.) Съ этою запиской вы, Огрѣховъ, отправитесь къ доктору. Онъ васъ осмотритъ.

Огрѣховъ. То-есть какъ-же такъ?

Пильманъ. Разумѣется. Должна же я узнать, здоровы вы, или нѣтъ. Вы такъ блѣдны и худы...

Огрѣховъ. Съ голоду.

Пильманъ. А можете, у васъ чахотка. Почему я знаю? Я до известной степени отвѣчаю за васъ, такъ-сказать, гарантирую. Кто боится жизнь, того свидѣлствуютъ черезъ врача, иначе нельзя опредѣлить размѣръ страховой преміи. А мнѣ-то какъ-же дѣйствовать на-обумъ? (Вручаетъ записку.) Вотъ. Ступайте по адресу. (Уходить. Огрѣховъ понуро садится.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Огрѣховъ и Агафья.

Агафья. Чего-жъ ты понурился, паренекъ?

Огрѣховъ. Чортъ знаетъ что! Бѣ доктору! Когда я совершенно здоровъ!

Агафья. Да какъ-же твоему слову повѣрить?

Огрѣховъ. Отчего-же не вѣрить?

Агафья. На такое дѣло идешь, въ живой товаръ обернулся, христіанская душа, и слову твоему вѣру дать? Посуди!

Огрѣховъ (досадливо). Въ какой еще тамъ товаръ?!

Агафья. Да вѣдь продаешь ты себя. Оставленъ у насъ, стало такъ. Примѣрно убоину я изъ лавки возьму. Что въ горшокъ ее, что кинуть собакамъ—все ей одно. Такъ-то и ты.

Огрѣховъ (выходя изъ задумчивости). Да чортъ съ ней! Рекрутовъ-же осматриваютъ.

Агафья. Приравнялъ! Некруту Царь ружье въ руки даетъ, Рассею оборонять, али тамъ, въ басурманскихъ земляхъ, чинить правду. Такъ нужно-же Ему, Царю, знать: каки эти руки, гожи-ли дѣло Его въ точности произвести. И то Ему, Батюшкѣ, знать надобно: коли хворъ человекъ, что-бы тяготою его не надсадить и не обидѣть. Выходить, некрута осмотрѣть нужно. Правда, и тебя къ доктору шлютъ, только ты къ некруту не приравнивайся, потому то—дѣло святое, а твое—коли прямо сказать—такъ поскудное. Все-же должнѣ ты это разобрать и понять.

Огрѣховъ. Строгая какая, ха-ха!

Агафья. Сказать-то тебѣ, видно, нечего!

Огрѣховъ. На твои разсужденія что и сказать! Благонравны очень, ха-ха!

Агафья. Ступай къ дохтуру-то.

Огрѣховъ (съ начальствомъ). Я, бабушка, къ нему на смотрины, ха-ха! Какъ у васъ, «глядками» въ деревняхъ это зовется?

Агафья. Ну, парень, ты такое сморозилъ, что и серчать на тебя нельзя. Видишь что... не разумѣешь знать этого... въ деревняхъ-то у насъ стыдъ живетъ. Коли-бъ у тебя стыда этого хоть-бы на четъ мизинца осталось, не сказалъ-бы ты вздора такого. Ступай лучше къ дохтуру-то, ступай, хе-хе-хе! (Махнула на него рукой и уходитъ.)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена: кухня г-жи Пильманъ. Слѣва, по задней стѣнѣ, бокомъ къ публикѣ, русская печь. Отъ нея вдоль сцены идетъ перегородка, отдѣляющая къ лѣвой сторонѣ чуланчикъ, изъ котораго одна дверь въ перегородкѣ. Здѣсь оборванный диванъ, столикъ и простой табуретъ. Въ кухнѣ, занимающей двѣ трети сцены, двѣ двери: въ задней стѣнѣ, правѣе печи, въ квартиру хозяйки и направо на черный ходъ. Полеи съ посудой и соответствующая обстановка. Справа лавка и столъ.

. ЯВЛЕНИЕ I.

Пильманъ (стоя у стола, смотритъ лежащую въ кулѣкѣ провизію), Агафья, Огрѣховъ (за перегородкой) и потомъ Цирля.

Пильманъ. За говядину семь гривенъ. Еще что купила?

Агафья. Керосину три фунта.

Пильманъ. Двадцать-одна. Значитъ девяносто-одна копейка. Ну?

Агафья. Кореньевъ на восемнадцать, да за пару молока, стало-быть, шестнадцать копѣекъ.

Пильманъ. Однако!

Агафья. Дешевле не отдають, матушка. И на рынкѣ та же цѣна.

Пильманъ. Ну-съ, выходитъ истрачено рубль съ четвертакомъ. Сдачи съ двухъ рублей должно быть семьдесятъ-пять. (Считаетъ сдачу.) Гривенника не достаетъ.

Агафья. Что-бишь еще-то?.. Да! подправочной муки взяла на три копейки, да шпигу на пятачекъ.

Цирля (входитъ справа). Ждравствуйте-съ!

Пильманъ. Здравствуйте-съ! (Агафья.) Все-таки не достаетъ двухъ копѣекъ.

Агафья. Не дохватываетъ?.. Больше ничего, кажется, не брала... Не брала точно. Въ лавкѣ, знать, обсчитали, замѣсто пятачка трешникъ сунули.

Пильманъ. Ужь это твое дѣло.

Агафья. Управимшись, схожу. Эка жулики, прости Господи!

Цирля. Хи-хи! А ты сама денъги считаешь. Цаво не считаешь? Я, мадамъ Пильманъ, до васъ.

Пильманъ. Вижу, что ко-мнѣ.

Цирля. Денъзонокъ не дадите-ли минѣ?

Пильманъ. За что это?

Цирля. А какъ-же, за того цаловѣна-то? Пятнадцать цалковихъ, за дворянчика-то, сдо обѣсцали минѣ? Узъ третій разъ за ними хозу.

Огрѣховъ (про себя). За меня это!.. Проклятыя!

Цирля. Нѣтъ, мадамъ Пильманъ, ви мои дѣньги отдайте. Я то вамъ сказу: я дѣло свое сдѣлала цестно, благородно...

Пильманъ. Изъ кабака привела оборванца.

Агафья (занятая у печки). Никакъ тутъ онъ, Владиміръ-то Михайлычъ.

Пильманъ. Такъ что-же?.. (Цирлѣ.) За что я платить стану теперь? Можеть-быть, его прогнать придется.

Цирля. Ай-вай, зацѣмъ прогонять! Такой муздина и прогонять!

Пильманъ. А вотъ увидимъ. Черезъ недѣлю зайти.

Цирля. Нѣтъ узъ, мадамъ Пильманъ, этого не можно никакъ. За сдо миня обизать? Нузно вамъ: ходи Цирля, исци Цирля, а Цирля насла, платить ницаво не хотите?

Пильманъ. Будеть изъ чего—заплачу, а пока миѣ отъ него ничего, кромѣ расходовъ. (Уходитъ къ себѣ.)

Цирля (хлопнувъ себя по бедрамъ). Вотъ и толкуй, хлопочи! А она вотъ сдо таперь говорить!.. Гм!.. Гасшпадинъ!.. а гасшпадинъ!.. Ви здѣсь, гасшпадинъ?

Огрѣховъ. Пошла къ чорту, пока цѣла!

Цирля. Гасшпадинъ! она ницаво вамъ не будетъ давать, обманеть васъ, гасшпадинъ, вѣрьте цести обманеть! Я то вамъ сказу: ходимъ, я васъ къ одному цаловѣку сведу...

Огрѣховъ (выскакиваетъ въ кухню взбѣшенный). Я сказалъ, убирайся пока цѣла! Вонъ!

Цирля. Ой, зацѣмъ-зе крицать! У минѣ мысль до васъ въ головѣ...

Огрѣховъ. В-вонъ!!

Цирля. Ну я къ мадамъ Пильманъ, дѣнезки полюцать. (Пятится къ двери.) Все цестные люди дѣляютъ такъ? Сдо такой ета? (Уходитъ въ заднюю дверь.)

Огрѣховъ. Живымъ мясомъ торгуютъ, провлятыя! (Въ волненіи ходитъ по кухнѣ.)

Агафья. Горько оно человѣку-то, правда. А все не на нихъ, а на себя-бы тебѣ поругаться, коль такъ. Про жидовку говорить нечего. Павлина Антоновна тоже вѣры не нашинской, глядишь, и никакого у ней Бога нѣтъ. По совѣсти судить, на то и похоже. Ну, а на тебѣ крестъ. А то, можеть, нѣту? Не носишь?.. Семъ, паренекъ, погляжу... (хочеть разстегнуть воротъ его рубашки).

Огрѣховъ. Ну, оставь! (Уходитъ къ себѣ и ложится, отвернувшись къ стѣнѣ.)

Агафья. Богъ съ тобой!.. Въ которомъ-же мѣстѣ меня об- считали?.. Надо-быть, въ погребкѣ, энтотъ раскосый... Онъ без- премѣнно. (Накрывается платкомъ.) Таперь сходить, опосля ничего не добьешься. Эко жулье!.. (Уходитъ вправо.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Огрѣховъ, Припендяева (въ дверяхъ) и Пильманъ (за сценой).

Припендяева. Здѣсь? За перегородкой, вы говорите?

Пильманъ. Направо дверь. Или обождите въ конторѣ, пока уйдетъ публика. Туда его позовемъ.

Припендяева. Нѣтъ, я лучше здѣсь. (Входитъ.) М-г Огрѣ- ховъ, къ вамъ можно? (Подходить къ его двери.)

Огрѣховъ (встаетъ). Войдите.

Припендяева. Я навѣстить васъ... Здравствуйте! Пау- лина Антоновна говоритъ, что вы были больны?

Огрѣховъ. День похворалъ.

Припендяева. Вотъ гдѣ васъ помѣстили!.. Какое вар- варство!.. Да развѣ можно тутъ жить?

Огрѣховъ. Палаты, помилуйте! Въ такихъ-ли норахъ обы- вать приходилось! Присѣсть не хотите-ли?

Припендяева (садится). Ахъ, бѣдный вы мой!.. Но здѣсь оставаться нельзя, невозможно!.. Какой-то чуланъ, чадъ изъ кухни!.. Рѣшительно невозможно! Надо устроить васъ иначе... Я позабочусь... Ахъ, вы не знаете, м-г Огрѣховъ, какое жи- вѣйшее участіе я въ васъ принимаю!.. Право... Ну будто вы мнѣ родной.

Огрѣховъ. Видно очень вы добраго сердца.

Припендяева. Ахъ, я добраго, даже—если хотите—слаба- го сердца... Прежняя жизнь, по чужимъ людямъ, могла меня ожесточить... Ахъ, и я горе видала!.. А вышло—нѣтъ, не оже- сточила нисколько. Если хотите, это удивительно даже. Не прав- да-ли?.. О, я далеко не эгоистка, м-г Огрѣховъ. Напротивъ... И въ этомъ вы убѣдитесь, надѣюсь... Д-да, въ эти дни я ча- сто думала объ васъ и даже всплакнула...

Огрѣховъ. Спасибо вамъ за участіе, хотя... можетъ-быть, я и не стою его.

Припендяева (съ чувствомъ пожимаетъ его руку). Ахъ, стои- те, стойте! Что вы?!. Наконецъ, я предчувствую, а предчувствія

никогда меня не обманываютъ... Ахъ, да!.. Въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ я васъ увидала намереди, я сразу угадала, что вы несчастный, горемычный, но не дурной и не злой. Отнюдь!.. Я тогда-же почувствовала къ вамъ симпатію... Помните? Нѣтъ больше: нѣжность... Я смѣло могу это сказать... Да, ту материнскую нѣжность, въ которой такъ много святого, чистаго, свѣтлаго!.. Ахъ, какое это неподобное чувство, ш-г Огрѣховъ! И какъ мнѣ было васъ жалъ!

Огрѣховъ. Жалокъ я, правда. До такого дошелъ положенія—на что хуже? Мысли по кабакамъ, да по разнымъ вертепамъ мыкались. Въ душѣ глохло, меркло, злость накупала... Прямо шелъ на погибель, даже ожесточенно, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше сознавалъ—куда и къ чему иду... Стыдъ, пока не притупился во мнѣ, ножемъ сердце кололъ. Тогда я умѣлъ еще плакать... Среди оборванной сволочи въ ночлежномъ дому, ночью рыдаешь, рыдаешь бывало... Такое горе подступить, кажется грудь разорветъ... Мать, дѣтство вспоминалось, домашняя жизнь... Вотъ и вы эти струны задѣли... Проснись кто тогда и посмѣйся надъ слезами моими—не знаю... убилъ-бы! А потомъ... потомъ я самъ надъ ними глумился. Оскотинѣлъ.

Припендяева (пересѣвшая рядомъ, обняла его одною рукою, жмется щекою къ шекѣ, цѣлуетъ его въ голову, въ лобъ). Ахъ, вы мой бѣдный! Ахъ, несчастный вы мой!.. Но при нѣжномъ участіи вы отдохнете душею... О, да!.. Я это сдѣлаю... Со мною вы отдохнете!

Огрѣховъ (отстраняясь). Ну ласки-то эти оставьте!

Припендяева. Но по-че-му-же?!

Огрѣховъ (встаетъ). Не такого они свойства, чтобы мнѣ въ настоящую минуту ихъ принимать. Стыдно вамъ!

Припендяева (взволнованно). Ахъ, полно!.. Ну, полно!.. Ну, садитесь сюда. Послушайте, что я скажу... хорошее-хорошее!.. Идите ко-мнѣ... ну, скорѣй!

Огрѣховъ. Нашелъ кому изъясняться! Да знаете-ли, что теперь вы за *это* ужасно мнѣ опротивѣли!

Припендяева. Ка-акъ? Что вы сказали?!

Огрѣховъ. Ну-да! Бываетъ, что и мерзавецъ почувствуетъ въ себѣ человѣка. Минуты такія находятъ... Тогда онъ, этотъ мерзавецъ, и даже извергъ—на подвигъ способенъ! И тогда онъ ужасно чутокъ къ обидѣ. Она сгубить его можетъ, все въ немъ убить, но и самъ онъ способенъ убить за нее. Понимаете? Да куда вамъ!.. Подождите покрайности пока пройдетъ это со мною. Тогда... ну, тогда мы и разлюбезныя бесѣды будемъ вести, и водку, пожалуй, пить съ вами и лобызаться!

Припендяева. Но вы... вы невозможный!.. Вы оскорбляете мои деликатныя чувства!.. Я даже въ монастырѣ располагала устроиться...

Огрѣховъ. Деликатныя чувства? Подите!

Припендяева. Положительно я... Ахъ, дурно!.. Воды... А-ахъ-ахъ-ахъ!.. (истерично рыдаетъ).

Огрѣховъ (нахально). А если васъ взять, да покрѣпче поцѣловать, дурнота-то пройдетъ ваша, ась? (Хочетъ ее обнять.)

Припендяева (быстро встаетъ и отстраняетъ его вытянутыми руками.) Нѣтъ, ужъ пожалуйте!

Огрѣховъ. Ха-ха-ха! (Схватилъ шапку и черезъ кухню идетъ въ правой двери.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Огрѣховъ (въ началѣ), Припендяева, Агафья и Исай Иванычъ.

Агафья (встрѣчаясь въ дверяхъ). Куда ты?

Огрѣховъ. Не твое дѣло. (Почти сталкиваетъ ее съ дороги и уходитъ. Агафья значительно покачала головою.)

Припендяева. Ахъ, Боже мой! Вотъ не ожидала никакъ!.. Безподобно!.. Такой грубый и дерзкій!.. И я въ такомъ ужасно неловкомъ положеніи!.. Благодарность!.. Ну, миленькій, погоди!

Исай Иванычъ (входитъ изъ задней двери). Кухарка Агафья.

Агафья. Что, батюшка, скажешь?

Припендяева (въ сторону). Ахъ, это тотъ интересный мужчина!.. (Кокетливо оправляется.)

Исай Иванычъ. Того-съ... ѣсть не дадите-ли?

Агафья. Погоди, время обѣдать придетъ. А таперь дать мнѣ нечего.

Исай Иванычъ. Гмъ!.. Обѣдъ... долго-съ.

Агафья. Ну какъ быть, потерпи!

Исай Иванычъ. Кухарка Агафья, вы почтенная женщина. Уважаю-съ.

Агафья. Спасибо на добромъ словѣ.

Исай Иванычъ. Урезоньте Паулину Антоновну. Въ проголодь вредно-съ.

Припендяева (въ сторону). Ёсть, бѣдному, не даютъ!

Агафья. Твоя забота, ты и толкуй, а мнѣ въ ваши дѣла встрѣвать не слѣдъ, батюшка мой.

Исай Иванычъ. Я чрезъ васъ потому собственно-съ, чтобы неудовольствія не навлечь...

Припендяева (входитъ въ кухню). Можетъ-ли быть?.. Это возмутительно!.. Хотя до сихъ поръ намъ не удалось сказать другъ другу слова; этого *не допускали*; но вы, надѣюсь, позвольте высказать все мое негодованіе... (выразительно жметъ ему руку). Я просто возмущена!

Исай Ивановичъ (смѣшался и не знаетъ, какъ ему быть). Я-я-съ... Слышать изволили... Въ шутку я кухаркѣ Агафѣ-съ... Почтенная женщина-съ... (пятится къ двери.) Могу потребоваться въ конторѣ...

Припендяева (удерживаетъ его). Вы—преданный человѣкъ и такъ относиться! Преданный, близкій человѣкъ и не заботиться о насыщеніи его аппетита! Кто-же такъ поступаетъ, помилуйте!

Исай Ивановичъ (оглядывается на дверь). Во всякомъ случаѣ вамъ-бы потише-съ...

Припендяева (говоритъ тише). Напротивъ, ему самый изысканный столъ, любимыя кушанья...

Исай Ивановичъ. Правильно-съ.

Припендяева. Только кушай, голубчикъ, кушай себѣ на здоровье. Вотъ я какъ понимаю. Вы что особенно любите, Исай Ивановичъ?

Исай Ивановичъ. Я... все-съ.

Агафья. Чего хопъ давай только побольше! (Уходитъ съ лоханкою въ правую дверь.)

Припендяева. Ну однако, особенно?

Исай Ивановичъ. Отъ наименованія воздержусь... Искушеніе аппетита.

Припендяева (тономъ, вызывающимъ на откровенность). Что-же, она скупа?

Исай Ивановичъ (жосится на дверь). Нѣтъ, а-а...

Припендяева. Ну что-же, что? Не бойтесь. Услышимъ, если пойдетъ.

Исай Ивановичъ. Тутъ я полагаю—виды-съ. Сытый, думаетъ, забунтую, а въ проголодь помирнѣй-съ. Женщина ума тонкаго. Пожалуйста, не говорите!

Припендяева. Ей?!

Исай Ивановичъ. Избави Богъ! Умоазключилъ собственно для себя-съ.

Припендяева. За кого вы меня принимаете! Но удивительно, какая охота вамъ жить при такихъ стѣснительныхъ, даже унижительныхъ, условіяхъ для мужчины. Бросьте, уйдите!

Исай Ивановичъ. Мнѣ-съ?.. Немыслимо.

Припендяева. Что-же васъ держитъ? Развѣ очень привязаны, любите? Признайтесь мнѣ: любите?

Исай Ивановичъ. Этого не опредѣляль-сь.

Припендяева. Но все-таки что-же вы чувствуете къ Паулинѣ Антоновнѣ? Она и не молода, и не хороша и вообще, ахъ, вовсе не женственна... Скажите-же—что?

Исай Ивановичъ. Ея преимущества-сь.

Припендяева. Но чувства-то, каковы ваши чувства?

Исай Ивановичъ. Какъ сказать?.. Въ предѣлахъ ея желаній...

Припендяева. А что-же у васъ своего, независимо отъ желаній Паулины Антоновны и ея преимуществъ?

Исай Ивановичъ. Независимо?.. Довольно безформенно-сь.

Припендяева. Но имѣете-же вы какія-нибудь тайныя, завѣтныя мысли, стремленія, жажду лучшаго, полнаго счастья? У васъ всѣ права на такія желанія. О, разумѣется! Будьте-же откровенны—имѣете? Не бойтесь, насъ не слышать никто.

Исай Ивановичъ. Такъ-сказать... (покосился на дверь) по-ползновенія мыслей бывали-сь, но сокровенно и больше мечтательно.

Припендяева. Ахъ, это чрезвычайно какъ интересно!

Исай Ивановичъ. Больше при обстановкѣ необычайной... Воображаешь себя пустынноикомъ, въ дѣбряхъ... Вдругъ искушеніе, она-сь... Но я побораю. Или рыцаремъ въ забралѣ и латахъ... Ухищряются преградить путь... Но я, съ копьемъ на перевѣсь, лечу впередъ и ухищренія втуфь-сь.

Припендяева. Какое у васъ блестящее воображеніе! Исай Ивановичъ, пожалуйста, приходите ко мнѣ!.. Плющиха, домъ Кособрюхова... Въ книгѣ у васъ записано. Приходите! Поговоримъ откровенно и все... Я такъ буду рада!

Исай Ивановичъ. Не увольть-сь.

Припендяева. Да вы найдите предлогъ отлучиться, а сами ко мнѣ.

Исай Ивановичъ. Услѣдятъ и доведѣются-сь.

Припендяева. Но мы такъ устроимъ, что ни за что не узнаютъ.

Исай Ивановичъ. Затруднительно. У нея весьма пронизательный взглядъ, прозрѣвающій внутрь... Возможно обнаружить смущеніе. При отсутствіи спокойствія и увѣренности, возможно весьма-сь.

Припендяева. Ахъ, какой вы!..

Исай Ивановичъ. Не рѣшителенъ-сь.

Припендяева. Ну какъ-же намъ быть?.. А какой-бы я

столъ для васъ приготовила, вина!.. Какіе паштеты я умѣю дѣлать, Исай Ивановичъ!.. Еще маринадъ... изъ дичи маринадъ. Ахъ, неподобно!.. Генеральша Фуфыкина... Въ послѣднее время я жила у генеральши Фуфыкиной... «Душечка, Нимеодора Гавриловна, скажетеъ бывало, полакомьте насъ, сдѣлайте маринадъ!»..

Исай Ивановичъ. Испушеніе!

Припендяева. А для васъ того-ли я наготовлю! Все-таки не теряю надежды видѣть васъ у себя. (Протягиваетъ ему руку.) Употребимъ всѣ старанія къ этому. Не правда-ли?

Исай Ивановичъ. Позвольте облобызатъ. (Цѣлуетъ ея руку.)

Припендяева. Какой вы милый! (Громко чокаетъ его въ лобъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Припендяева, Исай Ивановичъ, Пильманъ и послѣ Агафья.

Пильманъ. Вотъ ка-акъ! (Исай Ивановичъ въ ужасѣ отскакиваетъ отъ Припендяевой.) Исай Ивановичъ, въ контору!.. Что-же къ мѣсту приѣхъ? Маршъ!

Исай Ивановичъ. Я объяснить-съ...

Пильманъ (значительно). *Послѣ.*

Исай Ивановичъ (не спуская съ нея глазъ, пятится къ двери). Во избѣжаніе недоразумѣній...

Пильманъ. Послѣ сказала!

Исай Ивановичъ (въ сторону). Пропалъ! (Уходитъ.)

Припендяева. Какъ вы рѣзки, однако! Можно-ли такъ, Паулина Антоновна! И за что?

Пильманъ. Васъ это никоимъ образомъ не касается.

Припендяева. И какъ на меня смотрите!.. Зачѣмъ-же, душечка, сердиться? Васъ это портить, не къ лицу... Надвюсю, вы не ревнуете? Ха-ха-ха!

Пильманъ. Къ вамъ? Заблуждаетесь на свой счетъ; г-жа Припендяева. При вашихъ стремленіяхъ это, впрочемъ, естественно. Фактъ.

Припендяева (злобно). Ужели?

(Агафья входитъ справа и направляется къ печкѣ.)

Пильманъ. Но о пустякахъ я не говорю. Что-же Огрѣховъ?

Припендяева. Огрѣховъ! Этотъ дерзкій нахалъ! Вашъ Огрѣховъ не только не стоитъ никакой симпатіи, но положительно господинъ невозможный! Прощайте! (Уходитъ въ заднюю дверь.)

Пильманъ (слѣдую за ней). Но скажите въ чемъ дѣло?.. (Уходитъ.)

Агафья. Знать не потрафилъ! (Вынимаетъ изъ печки горшокъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Агафья, Огрѣховъ (справа) и потомъ Пильманъ.

Агафья. Ай, сгрубилъ этой барынь-то?

Огрѣховъ. А что?

Агафья. Да сейчасъ сказывала хозяйкѣ, что никакой ты жалости не достоинъ. Видно не угодилъ, маху далъ.

Огрѣховъ (садится на лавку). Взорвало... Вышло такъ... Иной разъ обозлишься по малѣйшему поводу, зубами заскрѣпишь, вотъ до чего!

Агафья. Этакъ и до грѣха не далеко поди.

Огрѣховъ. Сорвешь сердце-то, а потомъ тряпка — тряпкою, даже ослабѣешь, руки трясутся.

Агафья (ставитъ передъ нимъ деревянную чашку). На-ка поѣшь. Уходилъ, я вижу. (Огрѣховъ принимается ѣсть.) Въ покорахъ барыни этой, такъ думается мнѣ, худого для тебя нѣтъ ничего, а станетъ бранить Павлина Антоновна... (Входитъ Пильманъ. Въ сторону.) Какъ-разъ!

Пильманъ. Вы, Огрѣховъ, какъ смѣли отлучаться безъ спроса? Жрать, такъ вы здѣсь! (выхватываетъ у него чашку и оставляетъ. Агафья:) Впередъ кромѣ хлѣба и воды ничего ему не давать! (Огрѣхову.) А лучше всего выгнать васъ вонъ, тѣмъ болѣе, что свадьба, для которой вы назначались, не состоится, а Припендяеву васъ дернуло разозлить. Наговорилъ дерзости и ушелъ!

Огрѣховъ (робко, вставая). Я дерзости не говорилъ-съ...

Пильманъ. Лжете! Фактъ. Я думала—вы толковый, взвѣсите, насколько выгодно расположеніе такой женщины; а онъ фордыбачить, или чортъ знаетъ что! Изъ васъ, забудыги, отребья, она человѣка-бы сдѣлала, замужъ-бы вышла за васъ... Этакое счастье въ руки плыло, а онъ все дѣло изгадилъ! Если вы такая тупица, или съ гоноромъ тамъ, то чортъ-ли мнѣ въ васъ!

Огрѣховъ. Я, Паулина Антоновна... Извините-съ... Какъ это вышло понять не могу... Пожалуйста, извините меня!.. Впередъ какъ уважете-съ... Во всемъ будетъ по-вашему, Паулина Антоновна...

Пильманъ. Сегодня я отправлю васъ къ Припендяевой. Дамъ порученіе. Сумѣйте поправить дѣло. А нѣтъ — протурю. (Уходитъ. Огрѣховъ съ жалкимъ видомъ опускается на скамью.)

Агафья (сурово на него глядя). Правда твоя: мало ослабъ, а и какъ есть оробълъ. Чай, самому стыдно?

Огрѣховъ (раздражительно). Оставь, пожалуйста! Лѣзетъ съ совѣтами... Не хочу!

Агафья. И то! Зачѣмъ по-пустому тревожить. Гдѣ лживо, да криво, тамъ правдѣ не честь.

Огрѣховъ (безъ раздраженія). Ну и пускай! (Задумчиво постукиваетъ по столу ложкой.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Агафья, Огрѣховъ и Мариша (весело вбѣгаетъ справа).

Мариша. Наша взяла, Матвѣвна! Отстояла квартиру.

Агафья. Ну?!

Мариша. Вотъ-те и ну! Разругала твою Пильманшу, она и шлетъ къ хозяину Исаю Ивановичу: не требуется, молъ, квартира. Ага? А ты говорила—слышка одна выйдетъ у насъ.

Агафья. Знать, ты страху на нее напустила, хе-хе!

Мариша. Еще-бы! Поджала хвостикъ, небось!.. Сегодня сѣжу у хозяина. Именно о квартирѣ рѣчь завела. Вдругъ входитъ Исай Ивановичъ... Ха-ха-ха!.. Бываютъ-же такіе, ха-ха!.. Какъ взглянула я на вашего Исаю Ивановича, такъ и покатила. Онъ покраснѣлъ, глазами ворочаетъ, а меня разбираетъ! Совѣстно, чувствую — дура, губы кусаю себѣ, но не могу удержаться и полно!

Агафья. Онъ чудной, точно.

Мариша. Хорошо. Объявляетъ онъ, наконецъ, что Паулина Антоновна «на квартиру не претендуетъ». Я и спрашиваю: зачѣмъ, говорю, Исай Ивановичъ, когда я Пильманъ бранила, она съ мѣста васъ подняла? Вытолкать меня, что-ли? (Подражая Исаю Ивановичу.) «Не знаю-съ, не вины». — Стало-быть, говорю, вы тѣлохранителемъ ея состоите?—«Оберегать долженъ-съ». А самъ, какъ ракъ вареный, сидитъ, ха-ха-ха!

Агафья. Ишь вѣдь прищипка какая!

Мариша. О, бабушка, я ко всѣмъ. (Быстро взглянула на Огрѣхова.) Вѣдь я къ вамъ за дѣломъ.

Агафья. За какимъ такимъ дѣломъ?

Мариша. Мужа купить, Матвѣвна. Слышно, у васъ женихи продаются.

Агафья. Есть, дитятко, есть!

Мариша. Дворянинъ, слышно, одинъ женихъ есть. Цѣна ему сто рублей. Ужъ очень, Матвѣвна, дешево, вотъ и хочу ку-

пить. Теперь за сто рублей лошадь порядочную не купишь, а тутъ человекъ, да съ головой, бабушка, и дворянствомъ.

Агафья (киваетъ на Орѣхова). Вотъ сидитъ. Потолкуй.

Огрѣховъ (съ укоромъ). Агафья Матвѣвна!

Мариша. Такъ это вы?.. Вы? Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Ой, бабушка, умру! Ха-ха-ха!.. Родимая умру-у, ха-ха!..

Огрѣховъ (встаетъ взволнованный съ сжатыми кулаками). Не выноσιμο!

Агафья. Полно тебѣ, егоза.

Мариша. Постой, бабушка, постой!.. Надо-же познакомиться... Ха-ха-ха! (Садится на лавку и, продолжая говорить, едва сдерживаетъ хохотъ.) Познакомимтесь... Садитесь, пожалуйста... ха-ха!.. Да садьте! (Огрѣховъ садится.) Миѣ очень лестно, ха-ха-ха!.. Какъ васъ зовутъ?

Огрѣховъ (мрачно). Что-съ?

Мариша. «Что-съ!»—Зовутъ какъ?

Огрѣховъ. Владиміръ.

Мариша. Имя хорошее. Сто одинъ рубль!.. Матвѣвна, а ѣсть онъ много? (Ему, съ напускной дѣловитостью.) Если у васъ большой аппетитъ, то при опредѣленіи цѣны это надо взять во вниманіе. (Быстро встаетъ.) А если, бабушка, дѣло пойдетъ на лады и въ церковь насъ повезутъ, сдѣлай вотъ какъ: дворникамъ за нами вели метлами заметать, сама возьми тазъ (беретъ большой мѣдный тазъ), сосѣдямъ дай сковороды и что мочи звоните намъ проводы. (Громко стучитъ въ тазъ.) Такъ, бабушка, такъ! Ха-ха-ха! (Бросаетъ тазъ на полъ и съ хохотомъ убѣгаетъ вправо. Огрѣховъ сидитъ теперь, опершись на локти и закрывши руками лицо.)

Агафья (пытливо глядя на него, въ сторону). На-тко, похлебай, парень, каково это вкусно!

Огрѣховъ (встаетъ). А-ахъ! (отчаянно махнулъ рукою и на отмахъ отворилъ дверь, чтобы уйти).

Агафья. Владиміръ Михайлычъ!

Огрѣховъ (у двери, обернувшись черезъ плечо). И тебѣ, старая, не стыдно! Не жалко!.. Что вы изъ меня дѣлаете?.. Что я—собака паршивая, что-ли?

Агафья. Стой-ка! (беретъ его за плечо и подводитъ къ лавкѣ). Садись.

Огрѣховъ (сваливается на лавку. Со слезами въ голосѣ.) Грѣшно намъ! (Заплакалъ).

Агафья (ласково гладитъ его голову, которую онъ въ рыданіяхъ уронилъ на руки). «Грѣшно» сказалъ ты. Великое это слово. И дивно: заплакалъ и Бога вспомнилъ. Хорошія эти слезы, другъ мой. И таперь я какъ сыну стану тебѣ говорить... Полно-ка,

сердечный мой, полно!.. Слушай. Пильманшу и всю эту мерзость ты брось. Повадки барскія и мысли о даровомъ житьѣ—брось. Платье это кургузое — брось. Одѣну я тебя въ пасконъ и сермягу, да приставлю къ работѣ. На нашемъ-же дворѣ въ складъ предѣлю, дрова колотъ, да ворочать. Миѣ по знакомству уважутъ. И работай, другъ, до поту кроваваго, чтобы вся изъ тебя нагуленная дрянь вышла. И за все это ѣшь ты хлѣбъ, да водичкою запивай. Честный хлѣбъ, не покорливый. *Человѣкомъ* станешь, Владиміръ Михайлычъ. Вотъ тебѣ слово мое и совѣтъ. Хочешь—примай, нѣтъ—твоя воля. (Отходить.)

Огрѣховъ. Ну, бабушка, давай сермягу, давай топоръ! Бончено! Какъ сыну совѣтовала... У матерей руки цѣлуютъ. Дай-же миѣ... (хочетъ поцѣловать ея руку).

Агафья. Мы лучше вотъ какъ. (Обнялись.)

Огрѣховъ. Камень съ души!.. Шабашъ, женихъ не продажный!

З а н а в ѣ с ь .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена: внутренность городского двора. Слѣва—сторожка, обшита тесомъ, съ крылечкомъ. Отъ нея въ глубину идетъ заборъ дровяного склада, въ которомъ ворота. Выше забора и въ отворенныя ворота видны сложенные въ сажени дрова. Справа, больше чѣмъ половину сцены, занимаетъ садикъ при квартирѣ Тузовыхъ, обнесенный сбоку и сзади рѣшеткой. Здѣсь, подъ деревомъ, столъ и диванчикъ. Въ глубинѣ, во всю ширину сцены, задній фасадъ большого каменнаго дома, къ которому отъ зрителей образуется достаточный проходъ съ одной стороны сторожкой и заборомъ склада, а съ другой—садовою рѣшеткою. Въ послѣдней, сбоку, калитка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тузовъ сидитъ въ цвѣтникѣ, подъ деревомъ, и читаетъ газету; Огрѣховъ, одѣтый чернорабочимъ, задумчиво сидитъ на крыльцѣ сторожки и Работникъ изъ дровяного склада.

Работникъ (за сценой). Володька!

Огрѣховъ. Чего тебѣ?

Работникъ. Иди дрова накладывать. Два сажня купили сейчасъ.

Огрѣховъ. И безъ того руки зудятъ. Накладывай самъ.

Работникъ (выходя изъ воротъ). Протурятъ, въ брюхѣхъ зачнетъ зудѣть. Хуже тады. Иди, коли сказываютъ, чортъ! (Уходитъ въ складъ.)

Огрѣховъ. Э, что-бъ васъ!.. (Лѣнливо подвнялся и уходитъ туда-же.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тузловъ, Мариша и Агафья (въ началѣ).

Тузловъ. Голова! поразительно даже... (Положилъ газету на столъ и нюхаетъ табакъ.) Чуть врозь поползло, затянулъ возжи и тпру! Шутка-ли горлановъ унять! Каждая ихняя партія на свой салтыкъ гнетъ. А онъ зарычалъ и поджали хвосты. Умудряетъ-же Господь человекѣа! (Опять погружается въ чтеніе.)

Мариша (входитъ справа). Папаша!

Тузловъ. Что, душенька?

Мариша. Вамъ сюда чаю подать?

Тузловъ. Сюда прикажи.

Мариша (оборотившись, громко). Агафья, сюда неси!

Тузловъ (щелкнувъ по газетѣ). Умнѣйшая, скажу тебѣ, голова. Провидѣцъ!

Мариша. Все любимецъ вашъ, Бисмаркъ?

Тузловъ. Ну, любить-то намъ его не за что. А дивлюсь... Сегодня въ «Вѣдомостяхъ», описано какую онъ штуку загнулъ... Ш-ши! Гляди—куры! (Встаетъ и отходя хлопаетъ въ ладоши.) Ш-ши, проклятыя! (Остановился надъ клумбой.) Мариша, поди-ка, что я... (Покажу... Каковъ тюльпанчикъ разцвѣлъ!

Мариша. Прелестъ!

Тузловъ. Изъ тѣхъ, что луковицы князь Александръ Сергѣичъ прислалъ. (Обходятъ клумбы.) Спасибо его сѣятельству удержилъ!.. Вотъ георгины такъ плохо растутъ. Почва не та, рыхлую надобно, легкую... А мирабилисъ забыли полить, эхъ-ма! (Агафья, которая справа вноситъ стаканъ чаю.) Принеси-ка, матушка, лейку водицы.

Агафья. Сейчасъ принесу. (Уходитъ обратно.)

Тузловъ. Очень мнѣ эта женщина нравится. И готовить прекрасно. Гдѣ добыла?

Мариша. На нашежъ дворѣ, у Пильманъ.

Тузловъ. А, у той!..

Мариша. Ждала, когда у насъ мѣсто очистится. А здѣсь, напочка, что?

Тузловъ. Здѣсь, душенька, вербены. По колеру подобранны всѣ.

Агафья (входит съ лейкою). Изволь, батюшка.

Тузловъ. Ну вотъ мы и польемъ. А то совсѣмъ головки повѣсили. (Поливаетъ.) Ишь куры какъ накопили! Разоръ!.. (Отдаетъ лейку.) Спасибо тебѣ. (Агафья уходитъ.) Теперь выпьемъ чайку. (Садится.) Да, голова! Всю страну въ увѣдѣ держитъ. Каково это?

Мариша. И хватаетъ у васъ терпѣнья каждую газету прочитывать отъ строки до строки!

Тузловъ. Я больше иностранную политику, душенька. Люблю. Въ клубъ во многихъ газетахъ отдѣлъ этотъ прочитывалъ. Что ты сегодня будто какъ озабочена?

Мариша. Дѣло задумала, папочка.

Тузловъ. А ну, ну, послушаемъ, что за дѣло такое!

Мариша. Вотъ что: купимъ-ка мы имѣньице, да поѣдемъ туда жить. Маленькое, папочка, не дорогое. Вотъ на Клязьмѣ, во Владимірской губерніи, продается усадьба. Прелестъ, говорятъ. Домъ, службы, садъ, дѣсу сколько-то десятинъ... Очень дешево.

Тузловъ. Ахъ, ты затѣйница! Что-же мы тамъ—рыбу станемъ удить на Клязьмѣ, иль что? Такъ для этого не стоитъ тратиться на покупки... Опять куры! (Встаетъ и хлопаетъ въ ладоши.) Ш-ши!.. Наказанье!

Мариша. Вовсе не рыбу... Я дѣла хочу, работать... Послушайте, что Агафья рассказываетъ про деревенскую жизнь, какія тамъ болѣзни, нужда!..

Тузловъ. Вотъ что-о!

Мариша. Наконецъ, у меня есть цѣль.

Тузловъ. Какая-же именно?

Мариша. Определенная... Въ свое время узнаете.

Тузловъ. Нѣтъ ты какъ это, Мариша: серьезно, или развѣ вообразія ради придумала?

Мариша. Совершенно серьезно.

Тузловъ (со вздохомъ). Плохо! (Садится.)

Мариша. Почему? Объясните.

Тузловъ. И съ чего, Господи! Кто тебѣ этого вздора напѣлъ?

Мариша (всплывчиво). Что-же вы называете «вздоромъ», позвольте узнать?

Тузловъ. А затѣю твою. Вотъ что. По-модному это. Пусть и тебѣ вовсе не подходящее. Слава Богу, ты у меня не хуже другихъ, ни генеральскихъ, ни княжескихъ дочекъ... Ни обхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Знаешь языки и на фортепіаннахъ играешь. Не безприданница, наконецъ. Тебѣ правильный путь открыть, *благородный*, а ты такія фантазіи!..

Мариша. Значить, играй на фортепіанахъ, наряжайся и жди жениха!

Тузловъ. Огорчаешь ты меня, дочка.

Мариша. Папаша, да вы поймите... Если я не могу, если я чувствую, что такъ жить не слѣдуетъ, пусто! Если мнѣ хочется сдѣлать что-нибудь для другихъ, хорошее, доброе и такъ, чтобы самой потрудиться для этого! Не хотѣлось, ничего я не затѣвала, наряжалась, сорила деньгами а теперь не то у меня на умѣ. Зачѣмъ-же мѣшать? Дурного и невозможнаго я не хочу. Хоть одному человѣку сдѣлать добро и то счастье, да какое хорошее! А откажете, смотрите стану какая: хмурая, злая. Развѣ это не огорчить васъ?

Тузловъ. Огорчить, разумѣется.

Мариша. Вотъ то-то-же. А такъ будетъ и невольно, папаша. Тогда ничто меня не разсвѣтъ.

Тузловъ. Охъ, охъ, охъ!

Мариша. Да вы не вздыхайте, родной. Я не остригусь и не стану ходить отрепой. Такая-же буду хорошая барышня, какъ теперь. Я вѣдь знаю, что вы спите и видите, чтобы я на барышню похожа была.

Тузловъ. Точно, Мариша... Всегда помышляя, чтобы ты... швейцаръ вѣдь я былъ, все одно что лакей... чтобы по тебѣ этого нисколько не видать было, а чтобы барышней ты была и жила-бы по-барски... Всю жизнь, дочка, трудился для этого.

Мариша (поцѣловавъ его). А въ деревнѣ у себя я ужъ настоящей барышней стану. А вы-то, вы?—*помѣщикъ*. Вы у меня такой важный, красивый... Идетъ въ панамѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ тростью. Кто идетъ?—*баринъ*.

Тузловъ. Да.

Мариша. Въ церкви опять. Стоите вы впереди, на почетномъ мѣстѣ. Дьяконъ вамъ просвиру...

Тузловъ. Да.

Мариша. Знакомства заведете, будете объ иностранной политикѣ толковать...

Тузловъ. Съ кѣмъ-же тамъ, со становымъ? Такъ съ нимъ, душенька, о политикѣ не годится.

Мариша. Сосѣди найдутся. А садъ! У васъ страсть къ цвѣтамъ. На своей землѣ такіе-ли мы цвѣтники разведемъ! Мало цвѣтников, огородъ! Свой сахарный горохъ будемъ вѣсть.

Тузловъ. Что горохъ! Если устроить парники, арбузы и дыни свои. Канталупку если, съ ананаснымъ запахомъ, а? У

насъ въ клубѣ поваръ мороженое изъ нее мастеръ дѣлать. Бнязь Александръ Сергѣичъ любилъ.

Мариша. Папочка, милый, свои арбузы! Чего это стоитъ!

Тузовъ. Многое можно куль... кульви... Какъ это слово-то? У меня по огородничеству руководство есть, такъ въ немъ оно часто употребляется. Куль-ти...

Мариша. Культивировать?

Тузовъ. Ну вотъ, вотъ, оно самое. Многое можно. Напримѣръ, Юрискую капусту развести, острые кочни...

Мариша. Браво, папочка, браво!

Тузовъ. Браунколи, сафой... Низкій браунколь съ кудрявыми листьями—разчудесная вещь для зимы. Можетъ-ли только во Владимірской губерніи все это произростать?

Мариша. Можетъ, папочка, можетъ. Тамъ что хотите будетъ расти.

Тузовъ. Хе-хе-хе!

Мариша. Чему вы?

Тузовъ (встаетъ). Да какъ-же, ужь дыни свои ѣдимъ! Ай да дочка, молодець старикомъ вертѣтъ!

Мариша. Золотой мой, вы у меня—прелесть! (цѣлуетъ его).

Тузовъ. То-то прелесть! (Пошли вправо). А кто-же тебѣ говорилъ про эту усадьбу?.. Смотри, пожалуйста, опять чьи-то куры! Ш-ши!.. Ну, если жить намъ въ деревнѣ, чуръ этой дрянни не заводить! (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Огрѣховъ (выходитъ изъ склада, усталый), за нимъ Работникъ и потомъ Агафья.

Работникъ. Взмылили шею-то, а?

Огрѣховъ. Убиррайся ты!..

Работникъ. Ну, потише, не то такъ звѣздану! Баринъ, ха-ха! (Обернувшись къ воротамъ.) Робята, пойдемъ бариновы онучки проъемъ! (Уходитъ. За заборомъ хохотъ.)

Огрѣховъ (идетъ къ сторожкѣ). Мало работой измучили, издѣваются надъ тобою, скоты!

Агафья (входитъ справа, съ подносикомъ). Владиміръ Михайлычъ!

Огрѣховъ. Ну?

Агафья. Хоть-бы здорово сказагъ, а то «ну»! (Черезъ калитку выходитъ изъ сада.)

Огрѣховъ (сухо). Здравствуй.

Агафья. Сердить. Ну, какъ можешь?

Огрѣховъ (садится на крыльцо сторожки). Северно можешь, вотъ какъ.

Агафья. Нездоровъ, что-ли?

Огрѣховъ. И нездоровъ, да и такъ скверно, вообще.

Агафья. Сначала трудненько, что говорить! Всякая работа не спора, пока не привыкнешь. А потомъ гляди молодцомъ станешь какимъ!

Огрѣховъ. Подохнешь до молодца-то.

Агафья. Господь съ тобой!

Огрѣховъ. И пусть. Чорта-ли наживешь?

Агафья. Полно-ка, полно. Говорю—съ непривычки. А ты потерпи. Хорошо будешь стараться, хозяина твоего упрошу, чтобы отпустилъ въ рощу. У него своя роща, въ нашихъ мѣстахъ куплена. Тамъ, осмотрѣвшись, дѣло узнаешь—приказчикомъ сдѣлаютъ. Только старайся, да не блажи. Такъ-то хуже, Владиміръ Михайлычъ.

Огрѣховъ. Какъ ни вѣнь—хуже.

Агафья. Неужто-жъ прежнее житье лучше было?

Огрѣховъ. По крайней мѣрѣ спокойнѣй... Ни мыслей тревожныхъ, ни путаницы... А разбередили душу, ну и болитъ. Легче отъ этого, что-ли?.. Практическій человѣкъ осмѣетъ меня и дуракомъ назоветъ.

Агафья. Что Пильманшу бросилъ, за это?

Огрѣховъ. Хоть-бы за это. Какое мнѣ дѣло, что она негодяйка? Она сама по себѣ, а чрезъ нее все-бы можно устроиться и вовсе не подло. Если при ея содѣйствіи, то непременно ужъ подло!

Агафья. Вотъ какъ ты сталъ разговаривать!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Огрѣховъ, Агафья (вначалѣ) и Мариша.

Мариша (за сценой). Матвѣвна! (Входитъ справа.) А, съ Владиміромъ Михайлычемъ! (Подходитъ.) Здравствуйте, дровоголь... или какъ васъ по должности? Руку! (Пожимаетъ ему руку.) Мозолистая, корявая... Будто и въ самомъ дѣлѣ работникъ.

Агафья. А чѣмъ не работникъ?

Мариша. Онъ? Ха-ха-ха! Губы распустилъ, носъ повѣсилъ... Я-бы такого работника за одинъ этотъ видъ прогнала. Поди, Матвѣвна, воду сливать привезли.

Агафья (тихо Маришѣ). А ты-бы поласковѣй съ нимъ...

Мариша (смѣясь, заглушаетъ ее). Водовозъ дожидается. Слышишь?

Агафья. Иду, иду! (Уходитъ, взявъ по пути выпитый стаканъ Тулова.)

Мариша. Ну-съ... ха-ха!.. Пари держу, что вы Матвѣевнѣ на судьбу плакались.

Огрѣховъ. Миѣ не до смѣха, Марина Наумовна.

Мариша. До слезъ? Ну, конечно.

Огрѣховъ. Будьте-же справедливы... Настоящее положеніе мое—что такое?

Мариша. Увлеченіе?

Огрѣховъ. Д-да... По чувству оно хорошее...

Мариша. А можетъ быть, глупое? Разсудите сперва.

Огрѣховъ. Понять-то могу-же я... Разумѣется, хорошее; но свинуться съ положеніемъ этимъ, жить въ немъ безнадежно, безвыходно...

Мариша. Не хватаетъ силенки.

Огрѣховъ. Не въ томъ дѣло... По развитію своему—какъ хотите—я все-таки выше простого рабочаго. Отсюда свои потребности...

Мариша. А вы опять къ Пильманъ. На что лучше? Тамъ и потребности ваши удовлетворятъ. Удивительно, какъ вы рѣшились промѣнять карьеру у ней на трудъ батрака. Вашъ костюмъ, этотъ топоръ—увлеченіе, маскарадъ. Зачѣмъ? Эхъ, послушайтесь-ка меня, бросьте все и возвращайтесь къ Паулинѣ Антоновнѣ. И дохода ее въ своей персонѣ лишили. Хорошо-жь это?

Огрѣховъ. Марина Наумовна, вы-же увѣрены, что я не пойду, что съ прежнимъ у меня кончено навсегда...

Мариша. Ни чуточки не увѣрена, да и сами вы не увѣрены. Не лгите и не рисуйте, Огрѣховъ.

Огрѣховъ. Вотъ какъ!.. Горько, невыразимо горько ваше презрѣніе!.. И безъ того тяжело, тошно, а при этомъ... веревку на шею или ножъ въ бокъ... Вотъ до чего можетъ дойти. Тогда и пожалѣете, можетъ быть...

Мариша (строго). Я не сентиментальна, Владиміръ Михайлычъ. Какая тутъ жалость! Отвращеніе, а не жалость. Вы плохо меня понимаете. За одно то, что вы такъ расквасились, миѣ противно разговаривать съ вами. (Быстро уходитъ, хлопнувъ калиткой.)

Огрѣховъ. Марина Наумовна!.. Ушла, разсердилась... Вотъ это миѣ ножъ! (Подходить къ калиткѣ.) Да если-бъ не ты,

если бъ не жить возлѣ тебя, не видѣть, не слышать тебя, чтобы стало со мною?.. Солнышко мое свѣтлое, радость моя!.. (Отходить.) Къ чему?.. Мысли объ ней, мечты—въ чему это все? Чѣмъ смѣлѣй онѣ, тѣмъ несбыточнѣй... Даже подло: тебѣ участіе оказали, а ты вотъ бредишь о чемъ!.. Да и возможно-ли между нами сравненіе? Я и она! (иронически пожимаетъ плечами).. «Расквасился». Развѣ не правда? Конечно, пошлю сентиментальность развелъ. Положимъ искренно я, такъ что-же изъ этого?—«Не хватаетъ силенки», вотъ что... И съ какимъ презрѣніемъ она это сказала!.. Если не жаль все потерять въ ея мнѣніи, опротивѣть, малодушничай, кисни... Нѣтъ, такъ нельзя, такъ продолжаться не можетъ! (Уходитъ въ складъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Мариша и Агафья выходятъ справа и въ концѣ Исая Ивановича. (У Агафьи въ рукахъ плетеная корзинка для покупокъ, Мариша съ работою.)

Агафья. Таперь, Марина Наумовна, даромъ надъ нимъ смѣяться. Оставь. Ободрить надобно.

Мариша (съ притворнымъ удивленіемъ). Что ты!

Агафья. Ну-да. А ты все на смѣхъ его поднимаешь. Коли человѣкъ себя устыдился, на соблазнъ не пошелъ... Сказывала вѣдь про ту барыню, Припендиева фамилія ей...

Мариша. Помню.

Агафья. Ну вотъ. Да не токма это одно, а и на черную работу пошолъ, значить онъ не пропащій. И привѣтъ, ободри. Смотри, какъ этимъ его подзадоришь!

Мариша. Твой любимчикъ, а я подзадоривай! Съ какой стати?

Агафья. Я что! мое дѣло не важное. Коли-бъ ты намедни не зачала въ тазы бить, не вотъ-то-бы онъ моихъ совѣтовъ послушалъ.

Мариша. Ай-да я! А хорошо, если-бъ изъ твоего Владиміра Михайлыча прокъ вышелъ?

Агафья. И настолько, милая моя, это пріятно, что и сказать нельзя. Не разъ себѣ скажешь спасибо за это.

Мариша. Я вотъ котенка закинутого отходила и то честь, а тутъ—шутка ли!—человѣка спасти!

Агафья. Чтой-то, ты словно-бы трунишь надо мною, Марина Наумовна?

Мариша. А какъ тебѣ кажется?

Агафья. Все смѣшки, да смѣшки!..

Мариша. Смѣяться-то я смѣюсь, да *по-своему*. Еще неизвестно, Матвѣвна, кто кому больше сдѣлалъ добра: я-ли Огрѣхову или онъ мнѣ. Можетъ быть, чрезъ него у меня такія чувства явились, которыя хотъ и были, да смутно... Зажила-бы какъ всѣ и ничего-бы не вышло изъ нихъ. А теперь я по иному жить стану.

(Исай Ивановичъ идетъ изъ глубины сцены къ сторожкѣ.)

Агафья. Любопытно. Каки-же таки чувства таперь въ тебѣ?

Мариша. Долго рассказывать. Ступай лучше въ лавочку, да редиски папашѣ не забудь взять.

Агафья. Въ лавку-то я пойду, а и скрытна-же ты, Мариша Наумовна! (Отворяя калитку, видитъ Исай Ивановича, заглядывающаго въ сторожку.) Исай Ивановичъ! Здорово живешь?

Исай Ивановичъ. Здравствуйте, кухарка Агафья. (Подходить.) Безъ васъ плохо-съ.

Агафья. Ну, ужъ и плохо, хе-хе! (Уходитъ въ глубину сцены.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мариша и Исай Ивановичъ.

Мариша. Здравствуйте, Исай Ивановичъ!

Исай Ивановичъ. Низайше кланяюсь. (Пошелъ прочь съ зачѣтною поспѣшностью.)

Мариша. Куда-же вы? Зайдите къ намъ на минутку.

Исай Ивановичъ (въ отдаленіи). Не досужно-съ.

Мариша. Зайдите! А то подумаю, что боитесь меня. Стыдно! (Исай Ивановичъ стоитъ въ нерѣшительности.) Поближе хотъ подойдите. Я не кусаюсь. (Подходить.) Огрѣхова ищите?

Исай Ивановичъ. Его-съ.

Мариша. Батюшки, какой вы мрачный! Что съ вами? Больны?

Исай Ивановичъ. Я никогда не хвораю-съ.

Мариша. Отчего-жъ вы такой? Да входите! (Отворила калитку и почти втаскиваетъ его къ себѣ.) Отчего?

Исай Ивановичъ. Удрученъ-съ.

Мариша. Удручены? Садитесь, пожалуйста. Чѣмъ-же вы удручены, милый Исай Ивановичъ? Повѣдайте мнѣ.

Исай Ивановичъ. Смѣшливы-съ.

Мариша. Я? Ха-ха-ха! Не буду, честное слово. Я съ участиемъ. Чѣмъ?

Исай Ивановичъ. Раздѣлье у меня... вслѣдствіе особыхъ причинъ. Дошло выше точки-сь.

Мариша. Точки?—Не понимаю!

Исай Ивановичъ. Если по термометру, то выше нуля-сь. Это я въ поясненіе. Когда выше нуля-сь, то съ горъ потоки и скованное дотолѣ въ хладномъ оцѣпенѣніи является въ пробужденіи силъ.

Мариша. Значить ваше раздѣлье, или ваше терпѣніе — выше нуля?

Исай Ивановичъ. Значительно-сь.

Мариша. И вы находитесь въ пробужденіи силъ?

Исай Ивановичъ. Именно-сь.

Мариша. Но съ горъ потоки въ природѣ, когда весеннее солнце. А васъ что-же пригрѣло?

Исай Ивановичъ. Этого я не могу-сь.

Мариша. А, покраснѣлъ!.. Вы представить себѣ не можете, какъ это въ васъ мило. Скажите... Во дворѣ слухъ, что вамъ досталось отъ Паулины Антоновны за какую-то Припендяеву. Правда?.. Ужъ не эта-ли дама—то *солнце*, отъ котораго въ васъ «пробужденіе силъ?»

Исай Ивановичъ (смущенно). Кха!..

Мариша. Ну, сгорѣлъ окончательно. Значить такъ. Что же—правда, вышла у васъ непріятность съ хозяйкой?

Исай Ивановичъ. Было-сь.

Мариша. Ну что? Расскажите пожалуйста.

Исай Ивановичъ. Даже чрезмѣры... Въ воспоминаніи этомъ пріятнаго ничего-сь... Одно скажу: было чрезмѣры.

Мариша. Но за что?

Исай Ивановичъ. Она приглашала къ себѣ-сь...

Мариша. Припендяева?

Исай Ивановичъ. Да-сь. Женщина добрая... Отмѣнное угощеніе имѣлось въ виду... Сочные куски и румяные-сь... Если между бутылкою, на фонѣ бѣлой скатерти—искушеніе! Я представлялъ это себѣ... и живо-сь, такъ-что обоніемъ ощущалъ... Посмаковать не пришлось. Не пошелъ-сь.

Мариша. Значить, вся исторія изъ за того, что васъ пригласили покушать?

Исай Ивановичъ. Облобызаль-сь.

Мариша. Припендяеву? Ахъ, вы бѣдный!

Исай Ивановичъ. Нѣтъ, я руку-сь... Въжливость, а возвели въ преступленіе.

Мариша. Ха-ха-ха! Такъ васъ на этомъ застали? Ну какъ

не бѣда! Милый Исая Ивановичъ, васъ надо выручить отъ Пильманъ. Хотите?

Исая Ивановичъ. Противъ теченія-съ.

Мариша. Что за бѣда? Я поведу васъ за собой на буксирѣ. Я маленькій пароходикъ и вы большой, большой... ха-ха-ха! Шутки въ сторону. Желаете отдѣлаться отъ Паулины Антоновны?.. Молчите. Да будьте-же откровенны. Я принимаю въ васъ искреннее участіе. Честное слово.

Исая Ивановичъ. Думалъ-съ.

Мариша. Проще всего, разумѣется, прямо сказать: такъ могъ и такъ—не хочу у васъ жить.

Исая Ивановичъ. Не мыслимо-съ.

Мариша. Ну, сбѣжать.

Исая Ивановичъ. Отыщутъ и препроводятъ обратно-съ.

Мариша. Какъ-же быть, если вы такой храбрый?

Исая Ивановичъ. Измыслить... похитрѣй надо-съ... Собственно объ этомъ я и шелъ посоветоваться съ Владиміромъ Михайлычемъ. Похитрѣй-съ. Напримѣръ, какими-нибудь предзнаменованіями...

Мариша. Не понимаю.

Исая Ивановичъ (тайнственно). Она суевѣрна, при всемъ благоразуміи своемъ, суевѣрна весьма-съ... Явленія какія-нибудь изобрѣсти, несчастія предвѣщающія и именно отъ меня-съ.

Мариша. Не чортомъ-же вамъ нарядиться! Нѣтъ, голубчикъ, пустяки это.

Исая Ивановичъ. А еще я думалъ: все поѣдать-съ.

Мариша. Ка-акъ?!

Исая Ивановичъ. Что ни готовятъ на кухнѣ поѣдать безъ остатка-съ. День голодна, два голодна, должна-же, наконецъ, выгнать.

Мариша. Ха-ха-ха! (Вскакиваетъ.) Вы уморите меня, ха-ха-ха!.. Вотъ такъ надумалъ!.. Можетъ быть, и еще «измыслили» что-нибудь?

Исая Ивановичъ. На крайній случай-съ.

Мариша (садится). Ну что, что такое? Расскажите, утѣшите!

Исая Ивановичъ. Буйство учинить.

Мариша. Батюшки!

Исая Ивановичъ. Что-бы какъ съ цѣпи-съ... Бить, коверкать что ни попало. Мысленно я даже дѣлаю это.

Мариша. Ужели?

Исая Ивановичъ. Ей-ей. Гляжу на шкафъ и мысленно расшибаю его-съ. Схватить если мой табуретъ и трахъ съ размаху—въ щепу-съ! Ярость ощущаю въ такіе моменты, хоть вида

не подаю. Представляется какъ Сампсонъ храмъ у Филистимлянъ разрушилъ. Потрясъ и разрушилъ. Такъ точно и я-съ. На кухнѣ тоже все въ дрызгъ. Естественно, послѣ этого выгнать должна.

Мариша. Ха-ха-ха!.. Охъ, уморилъ!.. Но, голубчикъ, вѣдь за это васъ въ арестантскія роты упрячуть.

Исай Ивановичъ. Пускай.

Мариша. Нѣтъ, лучше обойтись безъ разгрома. Жаль, что я не знакома съ госпожей Припендяевой...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Мариша, Исай Ивановичъ, Агафья и Припендяева (выходятъ изъ глубины).

Агафья. Да никакъ онъ у насъ, въ саду нашемъ сидитъ.

Припендяева. Исай Ивановичъ?

Исай Ивановичъ (вскакиваетъ въ испугѣ). Она-съ!

Мариша. Что съ вами? Кто?

Исай Ивановичъ (заметался). О-на-съ!!

Агафья (входитъ въ калитку). Тутъ и есть. (Припендяева подходитъ къ рѣшеткѣ.)

Исай Ивановичъ (подхватываетъ Агафью). Кухарка Агафья проведите меня поскорѣй черезъ вашу квартиру-съ. (Поспѣшно увлекаетъ ее вправо.)

Агафья (спотыкаясь). Стой! Съ ногъ сшибешь!.. Ахъ, какой!.. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Мариша и Припендяева.

Припендяева (подозрительно глядя на Маришу). Бѣжать отъ меня!.. Странно!

Мариша. Не отъ васъ, онъ отъ страха... Кажется, имѣю удовольствіе говорить съ госпожею Припендяевой?

Припендяева. Да-съ, я Припендяева. Если отъ страха, то недоумѣваю, чѣмъ могу возбудить подобное чувство?

Мариша. Не вы. Прошу, войдите. Очень рада познакомиться-ся. Исай Ивановичъ не васъ испугался. Вы, напротивъ, возбудили въ немъ чувства совсѣмъ другія. А вѣроятно боится, чтобы Пильманъ не увидала васъ вмѣстѣ. Ему вѣдь жестоко за васъ досталось.

Припендяева. Д-да?! Но за что? Я была далека отъ вся-

каго повода вызвать неприятность со стороны этой ужасной женщины.

Мариша. Ей немного нужно для этого.

Припендяева. Вотъ ужъ именно! Ахъ, какая неприятная женщина! Не правда-ли?

Мариша. Очень.

Припендяева. И никакой женственности, рѣшительно никакой! Манеры, голосъ—помилуйте! Руки—обратили вниманіе?—хищные крючья какіе-то. Одѣвается какъ!.. Наконецъ, прическа!—Ха-ха!

Мариша. Не то что у васъ. У васъ одинъ этотъ завитокъ на лбу чего стоитъ!

Припендяева. Вы находите?

Мариша. Шикъ!

Припендяева. А вѣдь пустыни, какая-нибудь прядка волосъ, между тѣмъ...

Мариша. Пикантно. Вообще все на васъ такъ изящно, кокетливо...

Припендяева. Ахъ, душечка, это въ моей натурѣ. Даже когда я въ экономкахъ жила, въ нуждѣ, и тогда все было у меня комильфотно и за ширмами... розовымъ были обиты... пахло духами.

Мариша. Вообще увлеченіе Исая Ивановича я вполнѣ понимаю.

Припендяева. Развѣ онъ?

Мариша. Чувствуетъ въ себѣ пробужденіе силъ. Изъ за васъ готовъ даже голову проломить Паулинь Антоновнѣ.

Припендяева. Ахъ, Боже мой! Я не воображала, что онъ такой пылкій!

Мариша. Потому-что храбръ и рѣшителенъ. Извините за нескромный вопросъ: а вамъ онъ нравится?

Припендяева. Мнѣ?.. А какъ находите его вы?

Мариша. О, достойнымъ... достойнымъ благосклонности даже такой пріятной особы, какъ вы.

Припендяева. Ахъ, вы слишкомъ любезны! Прелесть моя, позвольте васъ обнять. (Поцѣловались.) А ужъ вы такъ милы, такъ восхитительно милы!.. Откровенно говоря, онъ мнѣ пріятенъ, скажу больше—нравится... Сила и кротость... Нравится, да... Но при его нерѣшительности... Сбѣжалъ вѣдь при васъ!.. Наконецъ, въ виду того, какъ онъ угнетенъ извѣстной особой (вздыхнула), сближеніе между нами почти невозможно.

Мариша. Признаюсь!

Припендяева. Душечка, простите, но если-бы я осмѣлилась попросить вашего содѣйствія?

Мариша. Это въ вашемъ сближеніи-то?

Припендяева. Ну д-да... Напримѣръ, если-бы возможно доставить намъ случай видѣться у васъ въ домъ? Къ себѣ Исая Ивановича не дождешься, а вы на одномъ дворѣ съ нимъ, знакомы...

Мариша. По-жа-луй... но въ остальномъ умываю руки. Да бѣльшого и не потребуется съ моей стороны. Исая Ивановичъ во всякомъ случаѣ покладистѣй Огрѣхова, которымъ вы остались, кажется, недовольны?

Припендяева. Ахъ, тотъ жалкій, у Пильманъ! Но, душечка, представьте, до чего можетъ простираться нахальство! Я, тронутая его положеніемъ, приняла въ немъ участіе... пять рублей даже... а онъ имѣлъ наглость перетолковать это такими чувствами съ моей стороны... (пожимаетъ плечами.) Возмутительно!

Мариша (вставая, всторуно). Ужъ молчала-бы! (Замѣчаетъ Орѣхова, который выходитъ изъ склада.) Вотъ и онъ. Постой-же, голубушка! (Припендяевой). Въ Воскресенье Исая Ивановичъ свободенъ и я постараюсь устроить... Пріѣзжайте къ намъ утромъ.

Припендяева (встаетъ). Ахъ, не знаю какъ благодарить за вашу любезность...

Мариша. Э, полноте! Чуть-ли не онъ прошелъ по двору. Вотъ случай вамъ перемолвиться...

Припендяева. Исая Ивановичъ? (Заторопилась.) Такъ я... До свиданія, прелесть моя... На всякій случай мой адресъ: Плющиха, домъ Кособрюхова. Очень, очень признательна! (Съ чувствомъ пожала руку Маришѣ и выходитъ въ калитку. Мариша, сдѣлавъ видъ, что пошла домой, останавливается въ отдаленіи.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мариша, Припендяева и Огрѣховъ.

Припендяева (налетаетъ на Огрѣхова) Ахъ! (Отступила.)

Огрѣховъ (съ ироніей). Испугались?

Припендяева. Въ этомъ изящномъ костюмѣ васъ трудно узнать. Разумѣется, удивитесь. Преуспѣваете. Весьма завидное положеніе, чрезвычайно!

Огрѣховъ. Которое тѣмъ не менѣе я предпочелъ вашимъ объятіямъ.

Мариша (подошедши къ калиткѣ). Какія вы рѣзкости говорите, Огрѣховъ!

Припендяева (быстро обернулась къ Маришѣ, смущенно). Ахъ, вы здѣсь?!

Огрѣховъ (энергично). По дѣломъ, Марина Наумовна. Эта женщина... (Припендяева поспѣшно уходитъ.) Улепетывать!.. (Мариша отходитъ и, сѣвъ на диванчикъ, принимается за работу. Огрѣховъ подходит къ калиткѣ.) Подлая она... Дѣло вотъ въ чемъ...

Мариша (сухо). Не интересуюсь.

Огрѣховъ. Конечно, подобное вамъ и слушать не слѣдуетъ... (Молчаніе.) Когда я разсказалъ Агаѣѣ подробности, она этой Припендяевой такую резолюцію положила!.. (Молчаніе.) Плотоядныя и сентиментальничаютъ... У Пильманъ по крайней мѣрѣ на чистоту... (Молчаніе.) Все не то говорю... Въ головѣ одно, а говоришь совсѣмъ о другомъ... А вы все молчите... (Молчаніе.) Сердиты на меня, Марина Наумовна?

Мариша (отбрасываетъ работу). Идите сюда. Садитесь. (Воспелъ и сѣлъ.) Да, сердита.

Огрѣховъ. Дѣйствительно, я глупость сказалъ...

Мариша. Не одну. Я, молъ, настолько развитъ, что простой трудъ для меня унижителенъ. Первое. Позвольте узнать, въ чемъ состоятъ ваше *развитіе*?

Огрѣховъ. Какое развитіе! Наморился, нервы расслабили, потому такъ и сказалъ. Именно глупость. Вѣдь я сознаю, что ничего толкомъ не смыслю... вообще все ничтожество свое теперь сознаю... Теперь только, Марина Наумовна, когда вы... Впрочемъ, что-же объ этомъ!.. Если человѣкъ въ понятіяхъ разобраться не можетъ—на что хуже? А самолюбія съ гору. И выходишь ни къ чему не пригоднымъ. Чуть не погибъ. И погибъ-бы, если-бъ не вы...

ЯВЛЕНІЕ X.

Мариша, Огрѣховъ и Тузловъ (войдя, останавливается въ отдаленіи.)

Мариша. Дальше-съ. Сказано было про ваши «потребности». Это въ смыслѣ того-же «развитія», которое вы сами опредѣлили сейчасъ. Поясню. Лѣнивый комфортъ, болтовня, праздное шатанье и грязное обдѣлываніе дѣлишекъ при случаѣ—вотъ каковы эти *потребности*. Съ ними живутъ тысячи *развитыхъ*—то по-вашему, недоучки, бездарности, все озлобленное, неумѣлое и лѣнивое. Вотъ!

Тузловъ (въ сторону). Отбрила!

Мариша. Затѣмъ вы удавитесь тамъ собирались, или зарѣзаться...

Огрѣховъ. Марина Наумовна, не будете вспоминать...

Мариша. Но приходитъ - же вамъ дичь эта въ голову? Если нарочно придумано, чтобы сочувствіе мое возбудить, такъ это глупо и пошло.

Огрѣховъ. Нѣтъ, я искренно, ей-Богу искренно, Марина Наумовна. Кромѣ видимыхъ причинъ, на это наводили меня и другія, душевныя, скрытыя...

Мариша. Каковы-бы ни были ваши причины, я вотъ что скажу. Если вы надѣли вотъ это (беретъ его за рукавъ), сермягу, то не срамите ее. Подъ нею не живутъ такія гадкія чувства. Сермягу если что убиваетъ, такъ совѣсть, стыдъ, или страсть, значить сила, а не слабость, не дряблость душевная. Сермяга никакого труда, каторжнаго труда не боится. Сермяга въ огонь, на гибель идетъ, да какъ?—міръ дивить; не люди, а богатыри, орлы! Умѣйте-же уважать эту сермягу хоть за то, что она васъ научить труду. Не то съ плечъ долой и я васъ не знаю!

Тузловъ (въ сторону). Даже слеза прошибла!

Огрѣховъ (встаетъ). Нѣтъ, не сниму, не осрамлю, Марина Наумовна! Увидите! Сомнѣнія и слабость мою простите... Въ послѣдній разъ. Никогда не будетъ этого, никогда!.. И не за такимъ дѣломъ, какъ теперешнее, а пусть втрое, вдесятеро будетъ труднѣе, не сплосхаю, Марина Наумовна, никогда!.. Я сердцемъ слова ваши принялъ... Я докажу... И спасибо вамъ за нихъ, за участіе ваше! Цѣню... Жить буду имъ... Въ немъ утѣшеніе и крѣпость моя и все!

Мариша (встаетъ). Эко вспыхнулъ! А вы не во мнѣ, а въ самомъ себѣ силу найдите. Прочнѣе и чести вамъ больше. Вотъ тогда...

Огрѣховъ. Что-же тогда?

Мариша. Хорошо будетъ. (Повернулась уйти.) Папочка, вы здѣсь!? (Огрѣховъ уходитъ въ глубину сцены.)

Тузловъ. Не этого-ль молодца ты хочешь на Клязьмѣ-то куль... кульви... Какъ бишь?

Мариша. Культивировать?

Тузловъ. Да.

Мариша. Впередъ не забѣгать! (Погрозилась.) Милый! (бросается къ нему на шею и, цѣлуя, повертываетъ кругомъ).

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена: комната въ квартирѣ Тулова. Въ задней стѣнѣ два-три окна въ садъ. Съ боковъ по двери. По серединѣ круглый столъ. Слѣва зеркало и мягкія стулья, справа диванъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мариша и Агафья.

Мариша. Рѣшено, Матвѣвна, ѣдемъ въ деревню.

Агафья. Али не въ шутку имѣніе покупаете?

Мариша. Какая тутъ шутка! Завтра купчую совершаемъ.

Агафья. А мнѣ, признаться, не вѣрилось, что папенька твой согласится. Очень ужъ онъ къ Москвѣ пріобыкъ. Правда, сходно, почитай за безцѣнокъ достается добро.

Мариша. И дешево, а главное—очень папашѣ понравилось тамъ. Пока ѣхали по желѣзной дорогѣ, грустный сидѣлъ, неразговорчивый. Сидитъ и крихтитъ. И жалко его и страхъ разбираетъ: ну какъ усадьба да не понравится! Языкъ не повернется просить за нее. Сходимъ на станціи, беремъ лошадей. Поѣхали. Гляжу—повеселѣлъ мой старикъ. Ширь, просторъ, здѣсь лѣсъ, тамъ деревня, вдали рѣчка блеститъ—прелестъ!

Агафья. Ужъ на что краше, какъ ежели поле да жаворонки надъ тобою поютъ, али въ жаркій день въ лѣсъ войтить...

Мариша. И стало папашу разбирать нетерпѣнье. Торопить ямщика безпрестанно. Чуть гдѣ лѣсокъ, «не это-ли, братецъ, Русановка», спрашиваетъ. Волнуется больше меня. Наконецъ, ямщикъ указалъ: «эвонъ на горкѣ зеленѣется, видити?»—«Пощелъ-же, братецъ, полтинникъ на водку», ха-ха!

Агафья. Вотъ у насъ какъ!

Мариша. А пріѣхали, въ восторгъ пришелъ мой старикъ. Дѣйствительно, прелестъ усадьба. Бѣгаетъ, суетится, смѣется, планируетъ гдѣ и что посадить, гдѣ бесѣдку, гдѣ купальню устроить, ну мило смотрѣть на него, да и только!

Агафья (съ вѣжностью). Батюшка мой!

Мариша. Съ пріѣзда другой день изъ дома пропадаетъ. Думаешь—зачѣмъ? Погляди сколько въ кабинетѣ добра для деревни натащено. Садовыхъ ножей однихъ съ дюжину.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ-же и Тузловъ. (Руки его полны покупокъ.)

Мариша. Какъ, еще?!

Тузловъ. Еще, дочка, еще! Отличныя вещи! Смотри. Вотъ коса. Съ крючкомъ, видишь какая? Коса эта для подстрижки деревьевъ, аллея изъ акаціи, липы, орѣшника... Наклонится вѣтка, а мы ее чикъ! Заросло, мѣшаетъ пройти—чикъ, чикъ и готово! На ручку ее такимъ образомъ насадить нужно. Не такъ, Агафьюшка, какъ въ деревнѣ у васъ. Тѣ косы крючкомъ, а эта прямо насаживается (беретъ изъ угла палку и насаживаетъ косу), этакимъ вотъ манеромъ... Ай!

Мариша. Обрѣзались?

Тузловъ. Пустяки! (прикладываетъ порѣзанный палецъ къ губамъ).

Мариша. Какъ вы не осторожны, папаша! Дайте, арники приложу. (Достаётъ изъ стола пузырекъ и кусочекъ полотна.)

Тузловъ. Ну вотъ еще! Царапина, вздоръ.

Агафья (взяла косу). Вострая, а ты прямо ручкою ее ухватишь! (Кладетъ на столъ.)

Тузловъ. Ну нѣжности! Полно! (Беретъ завернутый въ рогожу ручной садовый насосъ.) А это, душенька, гидropульть для поливки. Поливка первое дѣло. Устройство такое: насосъ въ мѣдной трубкѣ и два рукава. Одинъ въ воду, ногою вотъ такъ придерживать... скобка для этого есть... и качай. Изъ другого рукава фрръ, фрръ! — фонтанъ. Да вотъ мы сейчасъ... (Присѣвши на корточки, хочетъ развязать веревочку, которою умотанъ насосъ.) Тащи-ка, Агафья, воды. Попробуемъ.

Мариша. Въ комнатѣ? Да вы все заляете!

Тузловъ. Хе - хе! Ну въ садъ, въ садъ, Агафья! (Агафья уходитъ въ лѣвую дверь.) Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь негодится.

Мариша. Давайте-же арники привяжу. Разболится порѣзъ, нельзя будетъ въ деревнѣ работать.

Тузловъ. И то. Привязывай, да скорѣй.

Мариша (завязывая ему палецъ). Папаша, такъ я скажу Владимиру Михайлычу, что мы приглашаемъ его въ деревню.

Тузловъ. Приглашай, приглашай. Дѣло доброе. Какъ ты про него рассказывала, доброе дѣло, хорошее. Опять - же онъ дворянинъ. Надо помочь.

Мариша. При чемъ тутъ дворянство?

Тузловъ. А какъ-же? Или теперь оно ужъ ни въ грошъ?

Такъ, такъ! Ну, а я по-старинному, чту. Для меня въ настоящемъ дѣлѣ оно большое имѣетъ значеніе, на всякій случай...

Мариша. На какой это?

Тузловъ. Возможный, дочка, возможный, хе-хе! Отцу все нужно завѣсить и предусмотрѣть. (Обертываясь къ окну.) Агафьюшка, принесла?

Агафья (въ окнѣ). Два ведра, батюшка. (Скрывается.)

Тузловъ (дочери). Скоро-ли? Какъ ты копаешься!

Мариша. Дайте завязать хорошенько. Не терпится вамъ!

Тузловъ. А въ садоводствѣ онъ понимаетъ?

Мариша. Не знаю. Если и нѣтъ, то вы скоро научите. (Кончила съ пальцемъ.) Извольте, готовъ.

Тузловъ (береть гидрульть). Скоро, конечно! Этого дѣла только понюхать, по уши уйдешь въ него. Только ростокъ увидать того сѣмьчака, что самъ посадилъ... Выползетъ—нѣжненькій, свѣженькій... да еще что! малюсенькій самъ, а щелуху на головкѣ изъ земли тащить, ха-ха! Ну-ка, братецъ, посмотримъ, какіе ты фонтаны будешь пускать! (Поспѣшно уходитъ въ лѣвую дверь.)

Мариша (въ окно). Матвѣвна, позови Владимира Михайлыча. Скажи, нужно поговорить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Мариша и потомъ Огрѣховъ.

Мариша (задумчиво прошлась по сценѣ). Что я въ немъ люблю?.. Можетъ быть; свое дѣло люблю, а не его самого?.. Я не волнуюсь, спокойна... Рада видѣть его—да, жалѣю... это сильно во мнѣ; рада помочь... для этого все сдѣлать готова; но и только... *Предусмотрительность* папаши насчетъ «дворянства», вѣроятно, напрасна. Такъ, или нѣтъ, но его необходимо вести дальше. Здѣсь, безъ меня, онъ погибнетъ... Пойдемъ вмѣстѣ, пока это можно... А разойдемся, все-таки онъ уйдетъ отъ меня хорошимъ и на старый путь не вернется. Отрадно вѣдь это!

Огрѣховъ (входитъ слѣва, въ костюмѣ болѣе приличномъ нежели въ 3-мъ актѣ. Поклонился. Ему протягиваютъ руку). Агафья сказала, чтобы я пришелъ...

Мариша. Да, мнѣ нужно васъ видѣть. Садитесь, Владимиръ Михайлычъ. Вы знаете, что мы купили имѣньице и увѣжаемъ туда?

Огрѣховъ. Слышалъ. Значить... прощайте!

Мариша. Жалко?

Огрѣховъ. Лишнее спрашивать...

Мариша. А если нѣтъ, не прощайте?

Огрѣховъ. Какъ-такъ?

Мариша. Я много думала о васъ и рѣшила, что вамъ необходимо вонъ изъ Москвы, на свѣжій воздухъ, на здоровый деревенскій трудъ, Владиміръ Михайлычъ. Другая жизнь, обстановка, новые люди, хорошіе, честные, сильные—все это отлично на васъ подѣйствуетъ. Словомъ—я такъ рѣшила и мы ѣдемъ вмѣстѣ. Рады?

Огрѣховъ. Но-о... что-же мнѣ дѣлать у васъ?

Мариша. О, дѣла за глаза будетъ! Въ деревенскомъ хозяйствѣ хлопотъ полонъ ротъ. Отъ однихъ папашиныхъ затѣй жутко придется. У него плановъ—нѣсть имъ конца.

Огрѣховъ. Не знаю какъ и благодарить васъ, Марина Наумовна... Но существуетъ причина... Я - бы не смѣлъ ее высказать...

Мариша. Говорите.

Огрѣховъ. Теперь поневолѣ приходится... (Смущенно.) Вотъ что, Марина Наумовна... Милость всегда тяжела, а есть положенія, чувства, при которыхъ невыносима. Чувствовать себя въ зависимости отъ того, кто такъ дорогъ... Простите меня!..

Мариша (потупилась). Продолжайте.

Огрѣховъ. Мучительно это... А вамъ съ моимъ сумасбродствомъ я буду смѣшенъ, даже противенъ... На что хуже! (Съ облегченнымъ вздохомъ.) Ну вотъ, я сказалъ. Сами видите, что мнѣ у васъ не житье. А за меня не бойтесь. Знаю — боитесь, что безъ вашей поддержки опять попаду въ негодня. Нѣтъ, не будетъ этого, Марина Наумовна. Потому ужъ не будетъ, что въ душѣ у меня святыня... Добро ваше—святыня... и вы сами... все вмѣстѣ. И я всю жизнь долженъ быть достоинъ, чтобы носить въ сердцѣ это сокровище мое...

Мариша. Вѣрю.

Огрѣховъ. Ну слава Богу!

Мариша. Теперь мы друзья. (Крѣпко жметъ ему руку.) Живя у насъ, вы будете зависѣть не отъ меня, а отъ своего собственнаго труда. Значить «милости» никакой. Разстаться съ вами мнѣ было-бы... тяжело. Бѣльшаго сказать не могу. Если этого мало... и вы настаиваете, чтобы уйти отъ меня—Богъ съ вами! Это докажетъ, что неособенно цѣните мое участие, Владиміръ Михайлычъ.

Огрѣховъ. Нѣтъ цѣню, крѣпко цѣню, Марина Наумовна! Я съ вами поѣду. Но... забудьте, что сейчасъ говорилъ... Какъ еще много во мнѣ нахальства!

Мариша. Что такое? Какого?

Огрѣховъ. А позади - то меня что стоитъ? Какая лужа, трясина, мерзость! Откуда я вышелъ? Откуда вы меня вывели?.. Я забылся, открывая вамъ душу, забылъ, что этимъ васъ оскорбляю. Простите! Клянусь, въ послѣдній разъ было! (Смахнулъ слезу.)

Мариша. Успокойтесь, голубчикъ... Полно! Вы у меня хороший. Не мучайте себя и не огорчайте меня. Станемъ вмѣстѣ работать и посмотрите какъ заживемъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Мариша, Огрѣховъ и Тузловъ (въ окнѣ).

Тузловъ. Ну гидропультъ! Владиміръ Михайлычъ, идите смотрѣть. На пять саженой хватаетъ. Мариша, иди! (Звонокъ.)

Мариша. Звонятъ. Кто-то пришелъ, папочка.

Тузловъ. Ну, вы, Владиміръ Михайлычъ. Идите скорѣй! Такіе фонтаны, что чудо! (Огрѣховъ уходитъ въ лѣвую дверь.) Сила какая! Пѣтухъ пробрался въ цвѣтникъ, я какъ нацѣлилъ въ него, такъ голубчика аршина на два подбросило, заоралъ, ошалѣлъ, ха-ха-ха! (Скрывается.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Мариша и Припендяева (справа).

Мариша. А, Нимфодора Гавриловна!

Припендяева. Здравствуйте, душечка моя! (Поцѣловались.) Мегсі за письмо. Какъ вы любезны! Такъ сегодня омъ у васъ будетъ?

Мариша. Да.

Припендяева. Ахъ, какъ я вамъ признательна!.. Предупрежденъ?

Мариша. Нѣтъ! Не отважился-бы придти. Вы для него пріятный сюрпризъ.

Припендяева. Но какъ это подѣйствуетъ на него?.. Я полагаю, мнѣ нужно вести дѣло быстро, рѣшительно?

Мариша (съ улыбкою). Натискомъ?

Припендяева. Именно. Благодарю васъ, прелесть моя! Даже пылко, если хотите... Словомъ—настолько увлечь, что отступать было-бы... не порядочно. Да?

Мариша. Превосходно!

Припендяева. Согласитесь, что помимо всего другого,

это даже вопросъ самолюбія. Нельзя-же допустить какую-нибудь Пильманъ восторжествовать надъ собою. Наконецъ, мнѣ такъ его жалко!.. Ненавидя эту противную, какъ онъ долженъ стрра-дать!

Мариша. Исай-то Иванычъ? Ха-ха! Во всякомъ случаѣ онъ очень мраченъ. Узнавши, что мы уѣзжаемъ, совсѣмъ носъ повѣсилъ.

Припендяева. Развѣ вы уѣзжаете?

Мариша. Въ деревню.

Припендяева. И скоро?

Мариша. На дняхъ.

Припендяева. Какъ жалко!.. Значить мнѣ нужно особен-но воспользоваться сегодняшнимъ случаемъ... Душечка, не осуждайте меня! Мнѣ ужасно совѣстно передъ вами. Повѣрите-ли, я сама дивлюсь своей смѣлости. «Что должна она обо мнѣ подумать?» говорю я себѣ. Но при всей деликатности чувствъ, при всемъ умѣньи собою владѣть, я—на бѣду свою—слишкомъ сострадательна и добра, слишкомъ! Это и побуждаетъ меня дѣйствовать такъ... неосмотрительно, можетъ быть, дурно на ваши глаза... (Звонокъ.) Ахъ! (подпрыгнула) До чего у меня нервы разстроены!

Мариша. Онь. Желаю успѣха. (Уходитъ влѣво.)

Припендяева. Боже, какъ я взволнована!.. (подбѣгаетъ къ зеркалу и оправляется.) Срамъ! Даже колѣни дрожать... Но лицо оживилось зато... очень, да!.. и блескъ въ глазахъ... Какъ въ иные моменты женщина можетъ быть интересна!.. (Прикладываетъ руку къ сердцу.) А сердце-то, сердце!.. Сколько въ немъ жизни и страсти!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Припендяева и Исай Иванычъ (войдя справа, пятится къ двери).

Припендяева (съ удивленіемъ.) Исай Иванычъ! (Быстро подходит и протягиваетъ ему руку.) Ахъ, какъ я рада!

Исай Иванычъ. Сударыня, я случайно, повѣрите—случайно-съ. Марина Наумовна... Картонажъ имъ принесъ...

Припендяева. Марины Наумовны нѣтъ. Мы одни. Я въ восторгѣ, что случай доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣться съ вами. Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не сбѣжите отъ меня, какъ наемни, въ саду?.. (Исай Иванычъ вздохнулъ на всю комнату.) Сму-ще-ны!.. Чему приписать это смущеніе?.. Тому-ли, что я сама смущена и... смущена такъ при-ят-но?.. (Исай Иванычъ, безпокойно ворочая глазами, испускаетъ такой-же вздохъ.) Я вижу, вы вовсе не рады видѣть меня!.. (Скорбно вздохнула и отходитъ.)

Исай Ивановичъ. Откровенно говоря, радъ-съ.

Припендяева (съ живостью). Неужели? Думали обо-мнѣ?

Исай Ивановичъ. Да-съ.

Припендяева. Очень?

Исай Ивановичъ. Да-съ.

Припендяева. И неужели скучали?

Исай Ивановичъ. И это въ себѣ ощущалъ.

Припендяева (протягиваетъ ему обѣ руки; кокетливо). Не вѣрю, охъ, не вѣрю я вамъ!

Исай Ивановичъ. Какъ честный человекъ-съ.

Припендяева. А я... Знаете-ли, что послѣ того, какъ я ждала васъ къ себѣ съ такимъ нетерпѣніемъ... помните нашъ разговоръ въ кухнѣ?.. и не дождалась, разумѣется, я такъ была огорчена этимъ, что заболѣла и вылежала почти съ недѣлю...

Исай Ивановичъ. А вы-бы толченаго чесноку-съ.

Припендяева (удивлено). Че-го?!

Исай Ивановичъ (смутился). Чесноку, я сказалъ-съ... Со-ку-съ, поль-рюмки... Помогаетъ отъ всякихъ болѣзней...

Припендяева (съ гримасой). Можетъ-быть, въ какихъ ни-будь тамъ разстройствахъ... Но у меня... (выразительный вздохъ.) Развѣ не понимаете? Это совсѣмъ не то-о... Нервы... истерич-ное... Это отъ чувствъ происходитъ...

Исай Ивановичъ. Напряглись?

Припендяева (садится и стыдливо прикрывается рукою). Ну да... (Погрозилась.)

Исай Ивановичъ (осклабился). За что-съ?

Припендяева. Не за что? И достаетъ у васъ коварства спрашивать! (Откинулась на спинку и мечтательно завела глазки.)

Исай Ивановичъ (сдѣлавъ шагъ-другой къ Припендяевой). Ко-варство-съ?

Припендяева (выпрямляется и обдаетъ его жгучимъ взглядомъ). А нѣтъ?

Исай Ивановичъ. Ха-ха-ха!

Припендяева. Смѣется! Вамъ пріятно, конечно... Само-любіе мужчины это щекочетъ. Думаютъ объ немъ, волнуются, бо-лѣютъ изъ-за него... Еще-бы!

Исай Ивановичъ (подходить близко). Испушеніе!

Припендяева. Нѣтъ, отойдите! (какъ-бы отстраняетъ, беря между тѣмъ его за руку) Вы видите какъ мнѣ трудно... Я не въ силахъ превозмочь волненіе... я... (останавливаетъ на немъ долгій и страстный взглядъ.) Надо-же меня пощадить!

Исай Ивановичъ (игриво). А если не отойду-съ?

Припендяева. Мучи-тель! (порывисто дышетъ, судорожно по-

тирая руки и лобъ) Что вы дѣлаете?.. Что вы со мною дѣлаете?.. (слабымъ голосомъ, закрывая лицо). Уй-ди-и!!

Исай Ивановичъ. Испушеніе! Видь вашъ настолько отмѣненъ... Дерзаю послушаться... (становится на колѣно.) Ручку-съ (цѣлуетъ руку).

Припендяева (кладетъ другую ему на плечо, страстно). Любишь?

Исай Ивановичъ. Порабощенъ-съ.

Припендяева (заклываетъ его въ объятія). Счастье мое!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Цирля (въ окнѣ).

Цирля. Тсъ! Ай цто за дѣла!

Исай Ивановичъ (вскакиваетъ, грозно). Жидовка!.. Чего тебѣ здѣсь?

Цирля. А мадамъ Пильманъ послала мине: «отысци, Цирля, игдѣ онъ и скази цто-бы домой исельъ»...

Исай Ивановичъ. А-а! Ты за мной!? Иду!.. Иду, но берегите башки!

Цирля. Ай цто такая! (скрывается).

Припендяева. Милый, куда ты?

Исай Ивановичъ. Иду, чортъ возьми, но и задамъ-же я имъ! (Пошелъ къ двери.)

Припендяева (удерживаетъ). Что ты задумалъ? Постой!

Исай Ивановичъ. Не препятствуйте-съ! Пока не остылъ, не удерживайте меня. Разгромлю! Такой дебошъ учиню, что чертямъ тошно станеть! (Шумно уходитъ.)

Припендяева. Дебошъ? Что такое?.. Надо пойти, этакъ онъ Богъ знаетъ чего натворить! (Поспѣшно уходитъ за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Агафья (входитъ слѣва, убираетъ со стола покупки и накрываетъ его скатертью) потомъ Мариша.

Агафья. Ну вотъ, Владиміръ Михайлычъ, мы и у праздника. Повеселѣлъ. Надо-быть, она хорошее сказала ему...

Мариша (слѣва). Гдѣ-же они?

Агафья. Кого тебѣ, матушка?

Мариша. Припендяева съ Исаемъ Ивановичемъ?

Агафья. Не знаю. Вошла, никого не было тутъ. Знать ушли.

Мариша. Неужели опять сбѣжалъ? Съ нимъ станется. По-

годи накрывать, еще рано, Матвѣвна. Узнать-бы, не ушелъ-ли Исай Иванычъ домой?

Агафья. Дойду, спрошу. (Нѣжно гладитъ Маришу по головѣ.) Ахъ, ты касатка моя!.. (Поцѣловала.)

Мариша. За любимчина, что-ль?

Агафья. За сердце твое доброе, вотъ, другъ, за что. (Уходить въ лѣвую дверь.)

Мариша. А сама!.. Да, Владиміръ Михайлычъ, многимъ вы обязаны этой старухѣ!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Мариша, Тузловъ и Припендяева.

Тузловъ (входитъ слѣва). Сважи на милость, что творится у насъ во дворѣ? Шумъ, трескъ, брань—что такое?

Мариша. Пьяные, можетъ быть. Праздникъ.

Припендяева (взволнованная, входитъ справа). Что онъ дѣлаетъ, ахъ, что онъ дѣлаетъ! Ужась! Представьте—ломаеть, бьетъ мебель, посуду, все!

Мариша. Исай Иванычъ?

Припендяева. Ну, да! Понимаете-ли, я въ ужась пришла. Бѣшеный!.. Вотъ ужъ не ожидала никакъ!

Тузловъ. Смирный человѣкъ... Странно! Развѣ что выпивши?

Мариша. Онъ опьянѣлъ, только не отъ вина, папочка. Тутъ другое. Охъ, Нимфодора Гавриловна!.. (Погрозилась.) Вѣрно вы слишкомъ его разожгли!

Припендяева. Я—я... Но, все-таки, душечка, какъ-же такъ можно? Зачѣмъ безобразничать?.. Значить, въ немъ буйны наклонности есть. Это меня тревожить.

Мариша. Но какъ-же тутъ быть, если Исай Иванычъ для свободы своей ничего лучшаго не придумалъ? «Дебошъ» онъ «измыслилъ» давно. А теперь, изъ-за васъ, онъ жаждетъ свободы, и весь этотъ погромъ ради васъ.

Припендяева. Но Пильманъ позеленѣла отъ злости и полетѣла въ полицію. Ему вѣдь достанется...

ЯВЛЕНІЕ Х.

Тѣ-же и Исай Иванычъ, въ сопровожденіи Огрѣхова (справа).

Исай Иванычъ. Разнесъ!.. Въ дрыгъ разнесъ!

Мариша. Ха-ха-ха! О, Сампсонъ!

Тузловъ. Погорячились, милѣйшій, нехорошо!

Огрѣховъ. Насилу унялъ, до того расходился.

Исай Ивановичъ. Все въ черепки и щепу-сь. Нимфодора Гавриловна, я потерплю... Въ смирительный домъ, или въ арестантскія роты-сь. Пускай! Свергъ и доканалъ-сь... Позвольте же *свободной* рукою пожать вашу ручку-сь. Преграды упали.

Припендяева (береть его подъ-руку). Рекомендую, господа: мой женихъ.

Исай Ивановичъ. Польщенъ-сь! (Цѣлуетъ ея руку.)

Огрѣховъ (съ ироніей). Поздравляю! (Тихо Тузлову и Маришѣ.) Изъ огня попалъ въ полымя.

Мариша (тихо). Ну, ужъ вы!.. (Громко.) Отъ души желаю вамъ счастья. Надѣюсь, Нимфодора Гавриловна, что съ вами Исаю Ивановичу разрушеній «измышлять» не придется.

ЯВЛЕНИЕ XI и послѣднее.

Тѣ-же и Пильманъ (входитъ справа въ сильномъ гнѣвѣ. Прическа и костюмъ ея въ беспорядкѣ).

Пильманъ. А, здѣсь! Такъ и знала!.. (Исай Ивановичъ отступаетъ за Припендяеву.) И всѣ подговорщики въ сборѣ!.. Будьте покойны, всѣмъ вамъ достанется. Къ суду притяну и убытки взыщу до копѣйки!

Тузловъ. Сударыня, позвольте замѣтить вамъ...

Пильманъ (накидывается на него). Что вы хотите сказать? Что это не вы, не дочь ваша, не Огрѣховъ, не эта лицемерная интригантка? (Указываетъ на Припендяеву.)

Припендяева (презрительно). Ха-ха-ха!

Пильманъ. Нѣтъ, вы-сь, ваше дѣло! Самъ онъ не могъ... Его подбучили и натравили на меня. Фактъ.

Исай Ивановичъ (выступаетъ). Не справедливо. Я самъ-сь. Взрывъ чувствъ и разрушеніе...

Пильманъ. Вамъ пропишутъ за этотъ «взрывъ». Отправляйтесь! Полиція требуетъ къ составленію акта.

Припендяева (снова береть его подъ-руку, значительно и спокойно). Исай Ивановичъ, если-бы васъ вознамѣрились арестовать, потрудитесь заявить, что я беру васъ на поруки и вношу надлежащій залогъ.

Пильманъ (ядовито). За-логъ! На по-ру-ки!!

Огрѣховъ. Довольно-сь. Не угодно-ли вамъ прекратить эту сцену, Паулина Антоновна, и выйти отсюда.

Пильманъ. Какъ, вы?!.. Бродяга, котораго я пріютила изъ милости, чортъ знаетъ кто, и смѣетъ такъ говорить?!

Исай Ивановичъ. Камарадъ, не плошай!

Пильманъ. Что-о?! (Исай Ивановичъ прячется за Припендяеву.)

Огрѣховъ. Правда, былъ я бродягой, и хуже того... При вашемъ содѣйствіи далеко-бы пошелъ. Но мнѣ вы только *содѣйствовали*, а есть люди, которыхъ *погубили* и погубили жестоко. Вспомните дѣвочку, нищенку тринадцати лѣтъ, которую вы также пріютили «изъ милости», а затѣмъ продали.. гнусно продали одному негодяю. За такія милости ссылають на каторгу.

Мариша. Низость какая!

Огрѣховъ. Я розыскалъ эту несчастную и вы за нее отвѣтите.

Пильманъ (растерялась). Дѣвочка!.. Какая дѣвочка!.. Врете, Огрѣховъ!

Огрѣховъ. Судь вамъ напомнить какая. Ступайте, жалуйтесь на насъ, только, пожалуйста, уходите!

Пильманъ. Но я готова оставить... Даже Исаю Ивановича, при всей гнусности его поступка, могу не преслѣдовать.

Огрѣховъ. Какъ вамъ угодно. Но я не смѣю оставить. Надо спасти другихъ отъ вашихъ сѣтей. Вы эксплуатируете развратъ, изъ грязи выжимаете деньги. Изъ корысти вы губите честь, жизнь человѣка и безпощадно, съ холодной жестокостью, потому-что у васъ нѣтъ ничего святого... Конечно, не мнѣ судить васъ. Мое прошлое у всѣхъ на виду... Оно позорно, гнусно... Я мучаюсь имъ... Я долженъ-бы молчать среди честныхъ людей; но *правда*, которою эти люди спасли меня, возстааетъ противъ васъ громко, неумолимо! Она убьетъ ваше зло! (Энергично ударить влѣво.)

Тузловъ (въ волненіи подходит къ правой двери и широко растворяетъ ее). Прошу немедленно выйти... Здѣсь, въ честномъ домѣ, вамъ не слѣдуетъ быть...

Пильманъ (медленно поворачивается, ненавистно глядя на Тузлова). Честные люди! (Уходитъ. Мариша обнимаетъ отца.)

Исай Ивановичъ. Сокрушили и сократили, ха-ха!

Занавѣсъ.

И. В. Шпагинскій.

Москва.
Іюль, 1881 г.

НУМА РУМЕТАНЪ.

РОМАНЪ

Альфонса Додэ.

ГЛАВА X.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ.

Между президентомъ Ле-Кеснуа и его зятемъ никогда не существовало большой симпатіи. Время, частыя сношенія, узы родства не въ силахъ были сократить разстояніе, раздѣлявшее эти двѣ натуры, побѣдить холодъ невольной робости, которую ощущалъ Руместанъ въ присутствіи высокаго молчаливаго старика съ блѣднымъ, гордымъ лицомъ, съ голубовато-сѣрымъ взглядомъ, — какъ у Розалии, но безъ свойственнаго ей выраженія нѣжности и снисходительности, — который подавлялъ и замораживалъ его остроуміе. Нума, непостоянный и подвижный, вѣчно увлекаемый собственною рѣчью, съ пылкою и въ то-же время сложною натурою, не могъ примириться съ неумолимою логикою, прямою и суровостію своего тестя; въ тайнѣ завидуя его достоинствамъ, онъ объяснялъ ихъ холоднымъ темпераментомъ населенія сѣвера, крайняго сѣвера, представителемъ котораго онъ считалъ президента.

— Послѣ этого уже встрѣчаешь одного только бѣлаго медвѣдя, а затѣмъ уже ровно ничего... полюсъ и смерть.

Тѣмъ не менѣе онъ льстилъ ему, пытался обворожить его ловкими подходами, знакомыми ему приманками, на которыя легко попадается галль; но галль оказывался хитрѣе его самого и не

подавался. Когда, бывало, по воскресеньямъ, въ столовой на Place Royale, шелъ разговоръ о политикѣ, когда Нума, расчувствовавшись послѣ обильной трапезы, пытался увѣрить стараго Ле-Беснуа, что въ сущности они очень близки къ соглашенію, такъ-какъ оба стремятся ко одной и той-же цѣли,—къ свободѣ,—старикъ однимъ негодующимъ ударомъ разрывалъ всѣ его сѣти.

— Да нѣтъ-же, вовсе не къ одной и той-же!

Нѣсколькими опредѣленными, беспощадными аргументами, онъ отодвигалъ противника на должное разстояніе, срывалъ съ него маску изъ красивыхъ словъ и доказывалъ, что его невозможно поймать на лицемѣрный либерализмъ. Адвокатъ отдѣлывался шутками, но въ глубинѣ души очень обижался, главнымъ образомъ, изъ-за жены, которая, хотя и не вмѣшиваясь никогда въ политическіе разговоры, сидѣла тутъ-же, смотрѣла и слушала. Вечеромъ, въ каретѣ, возвращаясь домой, онъ силился доказать ей, что отецъ ея просто несетъ бессмыслицу.

О, если бы не она, онъ-бы далъ ему надлежащій отпоръ. Розалія, не желая сердить его, старалась оставаться нейтральною.

— Да, къ сожалѣнію, вы никогда не ладите другъ съ другомъ...— Но втайнѣ она находила, что правъ ея отецъ.

Послѣ того, какъ Руместанъ сдѣлался министромъ, отношенія ихъ стали еще холоднѣе. Президентъ Ле-Беснуа рѣшительно отказался являться на приемы въ улицѣ Гренель и безъ обиняковъ объяснилъ это своей дочері:

— Не забудь сказать своему мужу, чтобы онъ по-прежнему ѣздилъ ко мнѣ, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше; я всегда буду ему очень радъ; но въ министерствѣ меня никогда не увидятъ. Я знаю, что готовятъ намъ эти люди; я не хочу, чтобы на мнѣ лежала даже тѣнь солидарности съ ними.

Впрочемъ, въ глазахъ свѣта такое поведеніе президента объяснялось семейнымъ горемъ, благодаря которому Ле-Беснуа давно уже жили отшельниками. Министру народнаго просвѣщенія было бы, вѣроятно, даже не совсѣмъ пріятно чувствовать въ своихъ салонахъ присутствіе этого мощнаго противника, передъ которымъ онъ терялся, какъ мальчикъ; тѣмъ не менѣе онъ привинулся обиженнымъ такимъ рѣшеніемъ, воспользовался этимъ, какъ случаемъ для позировки, всегда драгоцѣнной для комедіанта, и какъ

предлогомъ для того, чтобы очень неаккуратно ѣздить на воскресные обѣды, на которые Розалія часто являлась одна, объявляя отсутствіе мужа однимъ изъ безчисленныхъ извиненій, — за сѣданіемъ комиссіи, собраніемъ, обязательными банкетами, — которыя позволяютъ мужьямъ, живущимъ политической жизнью, пользоваться такою широкою свободою.

Сама она, напротивъ, не пропускала ни одного воскресенья, пріѣзжала рано, скоро послѣ полудня, и была счастлива тѣмъ, что хотя временно могла оживить въ родительскомъ домѣ свою любовь къ семейной жизни, для удовлетворенія которой при официальной обстановкѣ ея существованія у нея дома не было ни малѣйшаго досуга. Въ этотъ часъ, когда Гортензія была еще въ церкви вмѣстѣ съ матерью или уѣзжала съ какими-нибудь знакомыми на музыкальное утро, Розалія навѣрное могла рассчитывать, что застанетъ отца въ библиотекѣ, длинной комнатѣ, въ которой стѣны сверху до низу были уставлены книгами; здѣсь онъ сидѣлъ наединѣ со своими нѣмыми, вѣрными духовными друзьями, единственными друзьями, въ которыхъ онъ не усомнился послѣ постигшаго его горя. Президентъ не усаживался читать; онъ осматривалъ полки, останавливался предъ какимъ-нибудь красивымъ переплетомъ и, стоя на ногахъ, самъ того не подозрѣвая, читалъ цѣлый часъ, не замѣчая ни времени, ни усталости. При появленіи старшей дочери лицо его озарялось блѣдной улыбкой. Обиравшись съ отцомъ нѣсколькими словами, такъ-какъ оба они были не разговорчивы, она также принималась перебирать своихъ любимыхъ авторовъ, выбирала, перелистывала, стоя возлѣ него, при нѣсколько сумрачномъ свѣтѣ, падавшемъ въ комнату изъ широкаго *Cours du Magasin*, до котораго, среди воскресной тишины торговаго квартала, доносились тяжелыя ноты вечерняго благовѣста съ сосѣдней колокольни. Иногда онъ передавалъ ей раскрытую книгу.

— Прочти вотъ это, говорилъ онъ, отмѣчая ногтемъ указанное мѣсто; и когда она оканчивала чтеніе, прибавлялъ:

— Неправда-ли, какъ это хорошо?..

Для молодой женщины, которой жизнь давала все, что есть въ ней блестящаго и роскошнаго, не существовало болѣе высокаго наслажденія, чѣмъ этотъ часъ, проведенный возлѣ стараго, печальнаго, обожаемаго отца, къ которому она была привязана не

однимъ только родственнымъ чувствомъ, но и тѣсною, интимною духовною связью. Ему она была обязана своимъ прямымъ образомъ мыслей, тѣмъ чувствомъ справедливости, которое придавало ей такую силу, пристрастіемъ къ живописи и къ прекраснымъ произведеніямъ поэзіи, такъ-какъ въ Ле-Кеснуа, несмотря на постоянную возню со сводомъ законовъ, не окаменѣлъ живой человѣкъ. Розалія любила и почитала свою мать, но ее неволью шокировала эта слишкомъ обиденная, лишенная всякой энергіи натура, представлявшая полнѣйшее ничтожество въ своемъ собственномъ домѣ, которую горе, возвышающее нѣкоторыхъ людей, еще ниже пригнуло къ землѣ и низвело до самыхъ вульгарныхъ женскихъ занятій, до ханжества и мелочныхъ хозяйственныхъ дразгъ. Она была моложе мужа, но казалась старше его и походила на отживающую старушку, разбитую и печальную, отыскивающую теплое уголки въ своихъ воспоминаніяхъ, воскрешавшихъ въ ея памяти дѣтство, проведенное въ залитомъ солнцемъ имѣніи южной Франціи. Но больше всего ею овладѣла церковь, и послѣ смерти сына она ходила усыплять свое горе въ безмолвной прохладѣ, въ полумракѣ высокихъ сводовъ, какъ въ мирную атмосферу монастыря, огражденного отъ шума мірской жизни тяжелыми, обитыми войлокомъ, дверями,—съ лишеннымъ всякой энергіи эгоизмомъ отчаянія, распростертаго въ прахъ и отказавшагося отъ всѣхъ заботъ и обязанностей.

Розалія, которая въ моментъ постигшаго ихъ несчастія была уже взрослой дѣвушкой, была поражена, увидавъ, какъ различно родители ея переносили свое горе: мать, отказавшись отъ всего, совершенно опустила въ слезливую религіозность; отецъ, напротивъ, въ работѣ отыскивалъ силу; съ этого времени она, по сознательному выбору, съ особенно-нѣжнымъ предпочтеніемъ стала относиться къ отцу.

Замужество, общая жизнь съ южаниномъ-мужемъ, съ его преувеличеніями, дожью, безумными выходками, еще болѣе усилили въ ней любовь къ этому безмятежному одиночеству въ безмолвной библіотекѣ, въ которой было такъ хорошо послѣ величественной, официальной и холодной обстановки министерской квартиры. Среди сповойной бесѣды вдругъ слышался скрипъ растворяемой двери, шелестъ шелкового платья;—это возвращалась Гортензія.

— А! я знала, что найду тебя здѣсь...

Она не любила читать. Даже романы казались ей скучными и были не достаточно романтичны для ея экзальтированного воображенія. Едва пробывъ пять минутъ въ библіотекѣ, со шляпою на головѣ, она уже восклицала:

— Какъ отъ всей этой бумаги несетъ затхлымъ... не правды, Розалія?.. Ну пойдемъ, побудь теперь немножко со мною... отецъ довольно держалъ тебя возлѣ себя; теперь моя очередь.

И она увлекала ее въ свою комнату, въ ихъ комнату, такъ-какъ Розалія тоже жила въ ней вплоть до двадцатилѣтняго возраста.

Здѣсь, въ теченіи часа, она весело болтала, оглядывая всѣ предметы, которые когда-то были тѣсно связаны съ ея существованіемъ: кровать съ полотнянымъ пологомъ, ея пюпитръ, этажерка, библіотека, въ которой вмѣстѣ съ заглавіями книгъ, вмѣстѣ съ множествомъ дѣтскихъ бездѣлушекъ сохранилась частичка ея дѣтства. Она находила былыя думы въ каждомъ уголкѣ этой дѣвичьей комнаты, которая теперь была убрана кокетливѣе и богаче, чѣмъ въ ея время: на полу разстилался коверъ, подъ потолкомъ висѣла ночная лампа въ видѣ цвѣточной чашечки, на каждомъ шагу стояли маленькіе изящные столики, — швейные, письменные. Во всемъ убранствѣ комнаты было больше изящества, но менѣе порядка: на спинкахъ стульевъ висѣли двѣ или три неоконченныя работы; на раскрытомъ письменномъ бюро была разбросана цѣлая груда вензельной бумаги. При входѣ въ комнату онѣ всегда останавливались на минуту при видѣ царившаго здѣсь безпорядка.

— Это вѣтеръ, говорила Гортензія, раздражаясь смѣхомъ; — онъ знаетъ, что я обожаю его и, вѣроятно, приходилъ посмотрѣть, тутъ-ли я.

— Вѣроятно, позабыли затворить окно, спокойно возражала Розалія... Какъ ты можешь жить въ такой обстановкѣ? Я не въ состояніи думать, когда все не на своемъ мѣстѣ.

Она вставала, чтобы поправить криво-висѣвшую на стѣнѣ рамку, которая рѣзала ей глаза; взгляды у нея былъ такой-же вѣрный и строгій, какъ умъ.

— А меня, напротивъ, это приводитъ въ хорошее настроеніе... Мнѣ кажется, что я путешествую.

Это различіе въ характерѣ выразалось и на лицахъ обоихъ сестеръ. У Розаліи лицо было правильное, съ чрезвычайно чи-

стыми чертами, съ спокойными глазами и съ цвѣтомъ, перемѣнчивымъ, какъ ключъ, бьющій изъ большой глубины; а у второй сестры, напротивъ, черты были неправильныя, но умныя и выразительныя, а цвѣтъ лица — матовый, какъ у креолки. Это былъ сѣверъ и югъ, повтореніе отца и матери, двухъ совершенно противоположныхъ темпераментовъ, которые соединились, но не слились, и воспроизвели каждый свою расу. И это произошло, несмотря на жизнь въ одинаковыхъ условіяхъ, на одинаковое воспитаніе въ томъ-же самомъ большомъ пансіонѣ, гдѣ Гортензія нѣсколькими годами поздне, при тѣхъ-же учителяхъ, начала свое школьное образованіе, которое сдѣлало изъ ея сестры серьезную, внимательную женщину, всегда вполне отдававшуюся каждой, самой ничтожной, обязанности, — а ее оставило такою же мечтательною, вѣчно волнующеюся и безпокойною. Иногда при видѣ ея волненія Розалія восклицала:

— Какъ я счастлива... у меня вовсе нѣтъ воображенія!

— А у меня только это и есть! отзывалась Гортензія. И она напоминала сестрѣ, какъ, бывало, на урокахъ господина Бодуи, которому было поручено научить ихъ стилю и правиламъ развитія мысли, что онъ съ важностью называлъ „классомъ воображенія“, — Розалія не имѣла никакого успѣха, выражая всякую мысль въ нѣсколькихъ ясныхъ словахъ, между тѣмъ какъ она съ помощью вотъ такого клочка мысли исписывала цѣлые томы. — „Единственною премією, которую я когда-нибудь получала, была премія воображенія“, заключила она. Несмотря на все это, онѣ нѣжно любили другъ друга; это была одна изъ тѣхъ привязанностей между взрослой и маленькой сестрой, которыя напоминаютъ отношенія матери къ дочери. Розалія всюду возила ее съ собою, — на балы, къ своимъ друзьямъ, въ магазины, въ которыхъ изощряется вкусъ парижанокъ. Даже послѣ того, какъ онѣ обѣ уже вышли изъ пансіона, она по-прежнему оставалась ея мамашей. А теперь она заботилась о томъ, чтобы выдать ее замужъ, найти ей спокойнаго, надежнаго товарища, необходимаго для этой безумной головки, человѣка съ твердою волею, которая сумѣла бы регулировать ея порывы. Межанъ, казалось, былъ совсѣмъ подходящій человѣкъ; но Гортензія, которая сначала не отказывалась, вдругъ стала обнаруживать самую очевидную антипатію. У нихъ было по этому поводу объясненіе на другой день послѣ

вечера въ министерствѣ, на которомъ Розалія замѣтила волненіе и смущеніе сестры.

— О, да, онъ очень добръ, и я очень люблю его, говорила Гортензія. — Это надежный другъ, котораго хотѣлось-бы видѣть возлѣ себя всю жизнь... Но мнѣ не такой нуженъ мужъ.

— Почему?

— Ты будешь смѣяться... Онъ недостаточно дѣйствуетъ на мое воображеніе, вотъ въ чемъ дѣло!.. Перспектива замужества съ нимъ производитъ на меня впечатлѣніе прямоугольнаго буржуазнаго дома въ концѣ аллеи, прямой какъ буква і. А ты вѣдь знаешь, что я люблю совсѣмъ другое, — все неожиданное, внезапно удивляющее...

— Кого-же ты выбираешь? Господина Лаппара?

— Мегсі!.. Чтобы онъ предпочиталъ мнѣ своего портного...

— Господина Рошмора?

— Образцоваго писаку... Ты знаешь, какъ я ненавижу бумагу.

Наконецъ, встревоженная Розалія пристала къ ней, во что-бы то ни стало добиваясь отвѣта и настаивая на этомъ все больше и больше. — „Чего-бы я желала, отвѣчала молодая дѣвушка, и на матово-блѣдномъ лицѣ ея вспыхнуло легкое пламя, какъ отъ быстро горящей соломы, — чего-бы я желала“... Затѣмъ, внезапно измѣнившимся голосомъ, съ комическимъ выраженіемъ она внезапно воскликнула:

— Я желала-бы выйти замужъ за Бомпара; да, за Бомпара... Вотъ мужъ, о которомъ я мечтаю... У этого, по крайней мѣрѣ, есть воображеніе, есть оружіе противъ монотонности.

Она встала и принялась рассказывать по комнатѣ, особенно, свойственною ей походкой, нѣсколько подавшись впередъ верхнею частью туловища, вслѣдствіе чего она казалась еще выше ростомъ. „Сколько гордости, сколько достоинства во всемъ его существованіи, и какъ оно логично вытекаетъ изъ его помѣшательства! Нума хотѣлъ дать ему мѣсто, но онъ самъ не захотѣлъ; онъ предпочелъ жить своими химерами. И послѣ этого еще упрекаютъ югъ въ практичномъ, промышленномъ духѣ... Вотъ вамъ человѣкъ, который служить живымъ опроверженіемъ этой сказки... Вотъ, хоть-бы теперь, — онъ самъ рассказывалъ мнѣ это въ тотъ вечеръ, на балу, — онъ искусственно выводитъ страусовыя яйца, изобрѣлъ для этого машину и увѣренъ, что выручитъ милліоны...

При этомъ онъ счастливѣе, чѣмъ если-бы на самомъ дѣлѣ обладалъ такими деньгами... Да этотъ человѣкъ просто олицетворенное волшебство! Подайте мнѣ Бомпара! Я не хочу никого кромѣ Бомпара!“

„Ну, значитъ, и сегодня опять ничего не узнаю“... подумала старшая сестра, которая сквозь эту болтовню замѣчала что-то болѣе глубокое.

Разъ какъ-то въ воскресенье, Розалія, пріѣхавъ въ родительскій домъ, встрѣтила мадамъ Ле-Кеснуа, которая ждала ее въ передней, и таинственнымъ тономъ сказала:

— Въ салонѣ сидитъ гостья... дама, пріѣхавшая съ юга...

— Тетушка Порталь?

— Увидишь сама...

Это была не тетушка Порталь, а какая-то разряженная провансалка, которая пріѣхала по-деревенски и вслѣдъ затѣмъ громко расхохоталась.

— Гортензія!

Въ юпкѣ, доходившей до плоскихъ башмаковъ, въ большой тюлевой косынкѣ, окутывавшей своими складками корсажъ, съ личикомъ, обрамленнымъ волнами спускавшихся прядей волосъ, придерживаемыхъ маленькимъ чепчикомъ, украшенныхъ узорчатымъ бархатомъ съ шитьемъ въ видѣ желтыхъ бабочекъ, Гортензія дѣйствительно была похожа на одну изъ тѣхъ красотокъ, которыя по воскресеньямъ кокетничаютъ на гуляньи въ Арлѣ, или расхаживаютъ парочками, потупивъ глазки, между колоннами монастыря св. Трофима, зубчатая стѣна котораго, какъ нельзя лучше, идетъ къ этимъ смуглымъ, восточнымъ глазамъ, напоминающимъ церковную слоновую кость, на которой среди бѣлаго дня дрожитъ отблескъ восковой свѣчи.

— Не правда-ли, какъ она мила! восхищалась мать, глядя на это живое олицетвореніе страны, въ которой она провела свою молодость. — Розалія, напротивъ, содрогнулась подъ наплывомъ какой-то бессознательной грусти, какъ-будто этотъ костюмъ далеко, далеко отодвигалъ отъ нея сестру.

— Вотъ еще фантазія!.. Этотъ нарядъ идетъ къ тебѣ, но ты мнѣ больше нравишься одѣтая, какъ парижанка... И кто это тебя такъ хорошо нарядилъ?

— Одиберта Вальмажуръ. Она только-что ушла.

— Какъ часто она къ вамъ ходитъ, замѣтила Розалія, проходя въ ихъ комнату, чтобы снять шляпу;— что это у васъ за дружба?.. Я буду ревновать.

Гортензія стала защищаться, нѣсколько смущенная. Присутствіе въ домѣ этой дѣвушки въ южномъ нарядѣ доставляло удовольствіе матери.

— Не правда-ли, мама? крикнула она изъ другой комнаты. Притомъ-же эта бѣдная дѣвушка чувствовала себя такою потерянною въ Парижѣ; она такъ интересна съ своею слѣпою преданностью гению брата.

— Ну, ужь и гению?.. усумнилась старшая сестра, покачивая головой.

— Ахъ, Боже мой! ты сама видѣла, какой успѣхъ онъ имѣлъ тогда, на вашемъ вечерѣ; и вездѣ то-же самое.— Когда-же Розалія возразила, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ свѣтскихъ успѣховъ, основанныхъ часто на желаніи угодить, на модномъ шикѣ, на минутномъ капризѣ, она воскликнула:

— Ну, да наконецъ, онъ приглашенъ въ Оперу.

Бархатная лента колебалась на маленькомъ фригійскомъ чепчикѣ, какъ-будто подъ нею, дѣйствительно, находилась одна изъ тѣхъ экзальтированныхъ головъ, гордый профиль которыхъ когда-то украшался этимъ уборомъ.

— Къ тому-же эти Вальмажуры были вовсе не простые крестьяне; это послѣдніе представители обѣднѣвшаго дворянскаго рода!..

Розалія, стоявшая передъ большимъ зеркаломъ, обернулась со смѣхомъ:

— Какъ? ты вѣришь этой сказкѣ?

— Разумѣется!.. Они по прямой линіи происходятъ отъ принцевъ Де-Во... Документы сохранились, точно такъ-же, какъ и гербъ надъ дверью ихъ сельскаго жилища. Имъ стоитъ только захотѣть...

Розалія содрогнулась. За музыкантомъ-крестьяниномъ, оказывалось, скрывался принцъ. При участіи воображенія это могло имѣть опасныя послѣдствія.

— Все это чистѣйшій вздоръ, сказала она, и на этотъ разъ уже не смѣялась;— въ окрестностяхъ Апса есть, по крайней мѣрѣ, десять семействъ, носящихъ эту княжескую фамилію. Тотъ, кто

увѣрялъ тебя въ противномъ, просто лгалъ изъ тщеславія, изъ...

— Да это говорилъ Нума, твой мужъ... Тогда, на вечерѣ въ министерствѣ, онъ рассказывалъ всевозможныя подробности.

— О, что касается его, то вѣдь ты знаешь... нужно все переводить на иной масштабъ, какъ онъ выражается.

Но Гортензія не слушала. Она возвратилась въ гостинную и, усѣвшись за рояль, звонкимъ голосомъ запѣла:

*Mout'as passa tu matinado
Mourbièu Marioun...*

Это была старинная народная провансальская пѣсня, съ торжественнымъ, какъ церковное пѣніе, мотивомъ, пѣть которую научилъ свою свояченицу Нума; онъ забавлялся, слушая, какъ она поетъ ее съ своимъ парижскимъ акцентомъ, коверкая южное произношеніе и напоминая англичанку, говорящую по-итальянски.

„Ты куда пропадала съ утра?
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„На колодецѣ съ ведромъ я была,
Боже мой, милый другъ!“
„Кто-жъ стоялъ у колодца съ тобой?
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„Я болтала съ подругой одной,
Боже мой, милый другъ!“
„А зачѣмъ-же у бабы тесакъ?
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„Это прялка подвѣшена такъ,
Боже мой, милый другъ!“
„Кто-жъ видалъ, чтобъ у бабы былъ усъ?
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„Это сокъ ежевики, клянусь!
Боже мой, милый другъ!“
„Не растетъ ежевика весной,
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„Это вѣтвь еще съ осени той,
Боже мой, милый другъ!“
„Набери-же хоть горсть для меня,
Чортъ возьми, Маріонъ!“
„Она пташками съѣдена вся,
Боже мой, милый другъ!“
„Маріонъ!.. Я зарѣжу тебя,
Чортъ возьми Маріонъ!..“

Она остановилась и воскликнула, подражая жесту и интонаціи Нумы, когда онъ входилъ въ азартъ: „*Ça, voyez vous, mes infants... C'est bo, comme du Shakespeare!*..“ *)).

— Да, прекрасная картина нравовъ, замѣтила Розалія, подходя ближе. Мужъ — неотесанный, грубый, жена — лукавая, живая... настоящая южная семья.

— О, дитя мое... воскликнула мадамъ Ле-Кеснуа тономъ нѣжнаго упрека, тономъ тѣхъ старыхъ ссоръ, которыя перепли у нихъ въ привычку... Табуретъ передъ роялемъ быстро повернулся на своемъ винтѣ и обратилъ къ Розаліи чепецъ негодующей провансалки.

— Это ужь слишкомъ!.. Что тебѣ сдѣлалъ этотъ югъ?.. Что касается меня, то я обожаю его. Я его совсѣмъ не знала, но мое послѣднее путешествіе съ вами показало мнѣ, гдѣ мое истинное отечество... Несмотря на то, что меня крестили въ церкви св. Павла, я въ сущности оттуда, — дитя площадки въ Апсѣ... Знаешь, мама, въ одинъ прекрасный день мы бросимъ здѣсь этихъ холодныхъ сѣверянъ и поселимся вдвоемъ въ нашемъ чудномъ югѣ, гдѣ поютъ и танцуютъ, гдѣ есть вѣтеръ, солнце, миражъ, — все, что поэтизируетъ и расширяетъ жизнь... „*Да, тамъ мнѣ хотѣлось-бы жи-и-тъ*“... вдругъ запѣла она... Ея подвижные пальцы снова опустили на клавиши, и окончаніе мечты ея потонуло въ шумномъ потоцѣ музыкальныхъ звуковъ.

„И ни слова о тамбуринѣ, подумала Розалія; — дѣло становится серьезнымъ!“

Дѣло было серьезнѣе, чѣмъ она думала.

Съ того самаго дня, когда Одиберта увидѣла, какъ Гортензія прикрѣпляла цвѣтокъ къ тамбурину ея брата, съ той самой минуты передъ ея честолюбивымъ воображеніемъ раскрылась блестящая картина будущности, которая не мало способствовала ускоренію ихъ отъѣзда. Радуніе, съ которыми встрѣтила ее Гортензія, когда она въ первый разъ пришла къ ней просить ея заступничества, поспѣшность, съ которою она тотчасъ поспѣшила къ Нумѣ, еще болѣе укрѣпили ея неопредѣленные вначалѣ надежды. И съ тѣхъ поръ она исподволь, ползкомъ, съ своею крестьянскою, почти итальянскою, двуличностью, подготавливала свои планы, сооб-

*) Это, видите-ли, дѣти мои,—это прекрасно, какъ стихи Шекспира!

шая о нихъ своимъ мужикамъ только намеками. Изъ кухни на Place Royale, гдѣ она вначалѣ робко дожидалась въ углу, при- сѣвъ на край стула, она проскользнула въ гостинную и, — всегда чистенькая и гладенькая, — вскорѣ очутилась здѣсь на положеніи бѣдной родственницы. Гортензія была отъ нея безъ ума, показывала ее своимъ подругамъ, какъ хорошенькую вещацу, привезенную изъ Прованса, о которомъ она всегда говорила съ одушевленіемъ. А Одиберта прикидывалась олицетворенной простотой, нарочно преувеличивала свою пугливость, свои гнѣвные изліянія противъ дождливаго парижскаго неба и очень мило вставляла въ разговоръ свое „Boudiou“, рассчитывая на эффектъ этого восклицанія, какъ актриса, играющая роль простушки. Даже на лицѣ президента это „boudiou“ вызывало улыбку. А заставить улыбнуться президента было не легко.

Но, главнымъ образомъ, она пускала въ ходъ свою льстивую тактику въ комнатѣ Гортензіи, когда онѣ оставались наединѣ. Она вдругъ опускалась возлѣ нея на колѣни, брала ее за руки, восхищалась всякою мелочью въ ея нарядѣ, ея манерой завязывать бантъ, прической, расточая передъ нею тяжеловѣсные комплименты, которые, несмотря на свою безцеремонность, доставляютъ удовольствіе, — до такой степени они кажутся наивными и искренними. О, когда барышня вышла изъ коляски передъ фермою, ей показалось, что къ нимъ спустилась сама царица небесная, такъ-что она отъ изумленія не въ состояніи была говорить, а брать ея, бѣдняга, слушая, какъ по камнямъ дороги застучали колеса экипажа, увозившаго парижанку, сказалъ, что ему кажется, словно камни эти, одинъ за другимъ, падаютъ ему на сердце. Вообще она не упускала случая поговорить о братѣ, объ его гордости, объ его тревогахъ... И о чемъ ему было тревожиться? скажите пожалуйста... Послѣ вечера у министра о немъ говорятъ во всѣхъ газетахъ, всюду выставляютъ его портретъ. А сколько приглашеній изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, такъ-что онъ и поспѣть на всѣ не можетъ! Герцогини, графини пишутъ ему раздушенные записки съ такими-же коронами на бумагѣ, какія нарисованы на картахъ, которыя посылаютъ за нимъ... И, несмотря на это, онъ все-таки недоволенъ, бѣдняжка!

Всѣ эти рѣчи, нашептываемыя возлѣ Гортензіи, въ концѣ-концовъ сообщали и ей долю лихорадки и магнетической воли крестьян-

ки. Тогда, не поднимая глазъ, она спрашивала, нѣтъ-ли у Вальмажура невѣсты, которая ждетъ его тамъ, на родинѣ.

— У него, невѣста?.. Ага! вы его не знаете... Онъ слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія, чтобы связаться съ мужичкой. Самыя богатныя ухаживали за нимъ;— вотъ, напримѣръ, та, что живетъ въ Комбетъ, да еще другая... и все красавицы какія... А онъ даже и смотрѣть не захотѣлъ на нихъ... Богъ знаетъ, что онъ забралъ себѣ въ голову!.. О, эти артисты!..

И это новое для нея слово такъ странно звучало въ ея невѣжественныхъ устахъ, словно латинская фраза изъ католической мессы или кабалистическая формула изъ сочиненій Альберта Великаго *). Наслѣдство двоюроднаго брата Пюифурса тоже часто поминалось въ этой ловкой болтовнѣ. На югѣ вы рѣдко встрѣтите семью изъ рабочей или буржуазной среды, у которой не было-бы своего двоюроднаго брата Пюифурса, искателя приключеній, который уѣхалъ еще юношей, съ тѣхъ поръ ни разу не писалъ и представляется воображенію родственниковъ, конечно, разбогатѣвшимъ. Это своего рода лотерейный билетъ съ очень отдаленнымъ шансомъ на выигрышъ, фантастическая панорама далекаго будущаго, полного богатства и надеждъ, въ осуществленіе которыхъ эти люди, въ концѣ-концовъ, начинаютъ твердо вѣрить. Одиберта также вѣрила въ наследство двоюроднаго брата и часто говорила о немъ молодой дѣвушкѣ, не столько для того, чтобы прельстить ее, какъ для того, чтобы уменьшить въ ея глазахъ разстояніе, отдѣлявшее ихъ вслѣдствіе различія общественнаго положенія. Послѣ смерти Пюифурса братъ выкупилъ Вальмажуръ, отстроилъ заново замокъ и возстановилъ свой дворянскій титулъ, такъ какъ всѣ говорили, что документы на это существуютъ.

Послѣ этихъ бесѣдъ, продолжавшихся иногда до сумерекъ, Гортензія долго сидѣла безмолвная, прислонившись лбомъ къ стеклу оконной рамы, и въ розовыхъ лучахъ зимняго заката передъ нею воскресали высокія башни отстроеннаго замка и его платформа, вся залитая свѣтомъ и звуками серенадъ въ честь повелительницы его.

— Boudiou, какъ поздно уже!.. вскрикивала крестьянка, видя,

*) Albert-le-Grand, знаменитый философъ-схоластикъ, жившій въ XIII вѣкѣ.

Прим. пер.

что довела ее до желаемого настроенія.—А я и не подумала объ ужнѣ для моихъ мужиковъ! Прощайте, я бѣгу...

Вальмажуръ часто приходилъ и дожидался ея внизу, но она никогда не позволяла ему подниматься наверхъ. Она чувствовала, что онъ слишкомъ неуклюжъ и грубъ и слишкомъ равнодушно относится къ задуманному ею плану оболъщенія. Она еще не вуждалась въ его содѣйствіи.

Быль, впрочемъ, еще человекъ, который очень стѣснялъ ее и избѣгать котораго было трудно. Это была Розалія; на нее кошачьи ласки и притворная наивность провансалки не производили желаемого впечатлѣнія. Въ ея присутствіи Одиберта, крѣпко сдвинувъ свои густыя черныя брови, не говорила ни слова; и среди этого молчанія, вмѣстѣ съ расовою ненавистью въ ней зависала подавленная, мстительная злоба слабого существа противъ самаго серьезнаго препятствія въ ея проектахъ. Это была истинная причина ея озлобленія; но передъ младшею сестрою она представляла на видъ другія: Розалія не любила тамбурина, притомъ „она не исполняетъ своихъ религіозныхъ обязанностей... А женщина, не исполняющая религіозныхъ обязанностей, видите-ли...“ Что касалось самой Одиберты, то она ихъ исполняла самымъ ревностнымъ образомъ; она не пропускала ни одной службы и приобщалась въ установленные сроки. Это, конечно, не обуздывало ее ни въ чемъ; она была коварна, лжива, лицемерна, жестока до преступности и почерпала въ текстахъ только принципы мести и ненависти. Зато она оставалась непорочною въ железкомъ смыслѣ этого слова. Несмотря на свои двадцать-восемь лѣтъ, хорошенькое личико и ту грязную среду, въ которой ей теперь приходилось вращаться, она хранила суровое цѣломудріе подъ броней своей толстой крестьянской косынки, стянутой надъ сердцемъ, которое до сихъ поръ воспламенялось только братскимъ честолюбіемъ.

— Гортензія тревожитъ меня... Взгляни на нее.

Розалія, къ которой мать обратилась съ этими словами, сидя съ нею въ одномъ изъ угловъ министерской гостиной, подумала, что мадамъ Де Кеснуа раздѣляетъ ея опасенія. Но замѣчаніе матери относилось къ состоянію здоровья Гортензіи, которая никакъ не

могла отдѣлаться отъ упорнаго простуднаго кашля. Розалія по-смотрѣла на сестру. Все то-же цвѣтущее лицо, та-же живость, тотъ-же веселый характеръ. Она, правда, немного кашляла; такъ что-же изъ этого? Это общая участь всѣхъ парижанокъ послѣ бальнаго сезона. Съ хорошей погодой она быстро поправится.

— Говорила ты объ этомъ съ Жаррасомъ?

Жаррасъ былъ другъ Руместана, старинный посѣтитель кафе Мальмюса. Онъ сказалъ, что это пустяки и посоветывалъ воды Ар-вильяра.

— Прекрасно! такъ и поѣзжайте... съ живостью воскликнула Розалія, которая была очень рада этому предлогу, чтобы удалить Гортензію изъ Парижа.

— Да, но какъ-же отецъ твой останется одинъ?..

— Я буду ѣздить къ нему каждый день...

И вдругъ бѣдная мать, рыдая, призналась, что мысль объ этомъ путешествіи съ дочерью, внушаетъ ей невольный ужасъ. Въ теченіи цѣлаго года ей приходилось такъ ѣздить по разнымъ водамъ съ сыномъ, котораго они лишились. Неужели-же ей предстоитъ опять радъ такихъ-же путешествій, съ перспективою того-же ужаснаго исхода? Вѣдь и у того болѣзнь началась въ двадцать лѣтъ, въ цвѣтѣ здоровья и силы...

— О, мама, мама... замолчи...

Розалія принялась нѣжно уговаривать ее. Вѣдь Гортензія не больна; вѣдь докторъ самъ это сказалъ. Эта поѣздка будетъ просто развлеченьемъ. Арвильяръ, Дофинскія Альпы, чудная мѣстность. Она сама съ удовольствіемъ поѣхала-бы съ Гортензіей; но, къ несчастью, это невозможно; серьезныя причины...

— Да, я понимаю... твой мужъ, министерство...

— О, нѣтъ, не то.!

И прижавшись къ матери въ порывѣ сердечной интимности, которая рѣдко возникала между ними, она прошептала:

— Слушай... только никому не говори; никто этого еще не знаетъ, даже Нума...

И она повѣрила ей непрочную еще надежду на великое счастье, въ которомъ она уже отчаялась, ожиданіе котораго теперь наполняло ее безумною радостью и опасеніемъ, надежду, — быть можетъ, имѣть ребенка.

ГЛАВА XI.

На водахъ.

Arvillara-les-Bains, 2 августа 76 г.

„Помѣщеніе, въ которомъ я пишу тебѣ, положительно достойно вниманія. Вообрази себѣ четырехугольную залу, очень высокую, звучную, выложенную каменными плитами, съ оштукатуренными стѣнами; свѣтъ, проникающій въ нее черезъ два большія окна, смягчается синими занавѣсками и, кромѣ того, ослабляется какою-то летучей влагой со вкусомъ сырн, которая липнетъ къ одеждѣ и отъ которой тускнѣютъ золотыя вещи. Здѣсь ты видишь людей, сидящихъ вдоль стѣнъ, на скамьяхъ, стульяхъ, табуретахъ, вокругъ маленькихъ столовъ,—людей, которые ежеминутно пошатриваютъ на часы, встаютъ, выходятъ, уступая мѣсто другимъ, причѣмъ, каждый разъ, съвозъ раскрытую дверь виднѣется толпа прѣхавшихъ на воды паціентовъ, прогуливающихся въ свѣтлыхъ сѣняхъ, и бѣлые передники бѣгающихъ взадъ и впередъ служанокъ. Несмотря на все это движеніе, не слышно шума; только раздается непрерывный ропотъ разговоровъ въ полголоса, шелестъ развертываемыхъ газетъ и скрипѣніе ржавыхъ перьевъ по бумагѣ; всюду, словно въ церкви, царствуетъ благоговѣйная тишина, освѣжаемая высокою струею минеральной воды, которая бьетъ по серединѣ залы, разбивается о металлическій дискъ и разлетается брызгами и мелкою пылью надъ широкими, расположенными одинъ надъ другимъ, бассейнами. Это—зала для *ингалицій* (вдыханій).

Скажу тебѣ, моя милая, что не всѣ ингалируютъ на одинъ манеръ. Вотъ, напримѣръ, тотъ престарѣлый господинъ, который въ настоящую минуту сидитъ напротивъ меня, буквально слѣдуетъ предписаніямъ доктора; я узнаю ихъ всѣ. „Поставьте ноги на скамейку, подайтесь грудью впередъ, разставьте локти и держите ротъ всегда раскрытымъ, чтобы способствовать вдыханію!“ Бѣдняжка! Какъ онъ вдыхаетъ, съ какимъ довѣріемъ, какое благоговѣніе, какая вѣра свѣтятся въ его маленькихъ, кругленькихъ глазахъ, которые какъ-будто говорятъ источнику: „О, арвильярскій источникъ, исцѣли меня; видишь, какъ я вдыхаю тебя, какъ я вѣрю въ тебя“... Затѣмъ у насъ есть скептики, которые ингали-

рують небрежно, оборотившись къ источнику спиной, пожимая плечами и разсматривая потолокъ; затѣмъ — обезкураженные, истинные больные, чувствующіе бесполезность и ничтожество всего этого; къ числу ихъ принадлежитъ и моя сосѣдка, несчастная дама, которая послѣ каждаго приступа кашля быстро подноситъ ко рту палець, чтобы посмотрѣть, не появится-ли на кончикѣ перчатки краснаго пятнышка. Однако, несмотря на это, общество находитъ возможность весело проводить время. Дамы, живущія въ одной гостинницѣ, сдвигаютъ свои стулья, собираются въ кружокъ, вышиваютъ, болтаютъ въ полголоса, коментируютъ „Газету для купающихся“ и „Списокъ пріѣзжихъ“. Молодые люди держатъ въ рукахъ англійскіе романы въ красныхъ переплетахъ, священники читаютъ молитвенники; — въ Арвильярѣ много священниковъ, въ особенности миссіонеровъ, съ большими бородами, съ желтыми лицами, потерявшіе голосъ отъ слишкомъ долгой проповѣди слова Господня. Что-же касается меня, — ты знаешь, что я до романовъ не охотница, въ особенности до нынѣшнихъ, въ которыхъ все происходитъ, какъ въ жизни. Поэтому я рѣшилась писать письма къ двумъ-тремъ избраннымъ жертвамъ: къ Мари Берюрье, къ Аврели Дансартъ и къ тебѣ, моя обожаемая старшая сестрица. Ждите отъ меня писемъ, длинныхъ, какъ газеты. Подумай только, каждый день два часа ингаляцій въ четыре приема! Никто не ингалируетъ здѣсь такъ долго, какъ я; другими словами, я представляю собою по-истинѣ феноменъ. На меня, вслѣдствіе этого, обращаютъ большое вниманіе, и я немало горжусь этимъ.

Впрочемъ, кромѣ ингаляцій, мнѣ не назначили никакого леченія, за исключеніемъ стакана минеральной воды, которую я пью у источника утромъ и вечеромъ и которая должна побѣдить, наконецъ, упорную хрипоту, оставшуюся послѣ моего противнаго кашля. Это специальное свойство арвильярскихъ водъ; не даромъ сюда со всѣхъ сторонъ съѣзжаются пѣвцы и пѣвицы. Красавецъ Майоль только-что покинулъ насъ съ совершенно обновленными голосовыми струнами. Мадмуазель Башелери, — знаешь, та маленькая пѣвица, что пѣла на вашемъ праздникѣ, — чувствуетъ такую пользу отъ здѣшняго леченія, что послѣ установленнаго трехнедѣльнаго курса начинаетъ новый, за что ее очень хвалятъ въ „Газетѣ для купающихся“. Мы имѣемъ честь жить въ одной гостинницѣ съ этою молодой и знаменитой особой, имѣющей счастье обладать нѣжною ма-

менькою изъ Бордо, которая за табль-д'отомъ жалуется на то, что въ салатъ нѣтъ „аппетитовъ“ и рассказываетъ о шляпѣ въ сто-сорокъ франковъ, — *de cent quarante francs*, — бывшей на ея дочкѣ во время послѣднихъ Лоншанскихъ скачекъ. Это — прелестная парочка, производящая фуроръ между нами. Всѣ восхищаются, глядя на шалости *Vébé*, какъ ее называетъ мать, — слушая ея хохотъ, ея рулады, глядя, какъ развѣвается по вѣтру ея коротенькая юбка. Всѣ толпятся передъ усыпаннымъ пескомъ дворомъ гостиницы, чтобы посмотрѣть, какъ она играетъ въ крокетъ съ мальчиками и дѣвочками, — она играетъ только съ самыми маленькими, — какъ она бѣгаетъ, скачетъ, ударяетъ по шару съ мальчишеской хваткой, выкрикивая: „Я отгоню вашъ шаръ, *monsieur Paul!*“

Всѣ, глядя на нее, говорятъ: „она еще такой ребенокъ!“ Я-же, признаться, думаю, что эти притворныя ребячества входятъ въ составъ ея роли точно такъ-же, какъ ея юбки съ широкими бантами и коротенькая кофточка. Притомъ у нея такая курьезная манера цѣловать эту толстую бордоску, вѣшаться на шею своей мамашѣ, которая нѣжничаетъ съ нею, балуетъ ее, какъ ребеночка, при всѣхъ! Я ли не люблю ласкаться; а теперь, знаешь, мнѣ просто совѣстно бываетъ поцѣловать маму. Есть здѣсь и другая интересная, хотя и менѣе веселая семья, — принцъ и принцесса Ангальтскіе, съ дочкой, гувернанткой, горничными и свитой; они занимаютъ весь бель-этажъ гостиницы и считаются самыми важными жильцами ея. Я часто встрѣчаю принцессу на лѣстницѣ, когда она медленно поднимается со ступеньки на ступеньку, идя подъ-руку съ мужемъ, красивымъ малымъ, такъ и блещущимъ здоровьемъ подъ шляпою, отороченною синей лентой. Въ курзалъ она отправляется не иначе, какъ въ носилкахъ; и какъ тяжело видѣть это исхудалое блѣдное лицо за маленькимъ окошечкомъ въ дверцахъ, отца и ребенка, идущихъ рядомъ съ носилками; и ребенокъ, повидимому, тоже слабый, унаслѣдовавшій отъ матери всѣ черты, а можетъ быть, и болѣзнь. Какъ она скучаетъ, эта восьмилѣтняя дѣвочка, которой запрещено играть съ другими дѣтьми; какъ грустно смотреть она съ балкона на игру въ крокетъ и на кавалькады, отправляющіяся изъ гостиницы. Родители находятъ, что у нея слишкомъ синяя кровь для такихъ плебейскихъ увеселеній и предпочитаютъ держать ее въ печальной атмосферѣ, окружающей умирающую мать, возлѣ отца,

проводящаго больную съ вѣчно надменнымъ и скучающимъ лицомъ, — или же оставлять ее въ обществѣ прислуги. Боже мой, такое знатное происхожденіе — все равно, что чума, заразительная болѣзнь! Эти люди ѣдятъ отдѣльно, въ маленькомъ салонѣ, инга-лируютъ отдѣльно, такъ-какъ есть отдѣльныя, семейныя комнаты; вообрази же себѣ это печальное tête à-tête, эту женщину и этого ребенка, однихъ въ большомъ безмолвномъ селепѣ.

Какъ-то недавно, вечеромъ, насъ собралось довольно много въ большомъ салонѣ перваго этажа, гдѣ обыкновенно устраиваются игры, поютъ, а иногда даже танцуютъ. Маменька Башелери только что акомпанировала Bébé, которая спѣла каватину изъ какой-то оперы; — мы хотимъ поступить въ оперу, мы даже и въ Арвильяръ пріѣхали, чтобы „прочистить себѣ для этого голосъ“, по изящному выраженію матери. Вдругъ дверь растворяется и является принцесса, съ своимъ обычнымъ важнымъ видомъ, едва живая, изящная, закутанная въ кружевную мантилью, которая нѣсколько скрываетъ страшную и знаменательную худобу и узость плечъ. За нею вошли мужъ и ребенокъ.

„Продолжайте, пожалуйста“... покашливая, говоритъ бѣдняжка. И вообрази себѣ, эта дура выбираетъ изъ всего своего репертуара самый раздирательный, самый sentimentalный романсъ, — *Vorrei morire*, нѣчто въ родѣ нашихъ „*Feuilles mortes*“ въ итальянскомъ переводѣ; это — больная, которая желаетъ умереть осенью, утѣшая себя иллюзією, что вмѣстѣ съ нею умретъ вся природа, окутанная первымъ туманомъ, какъ саваномъ.

Vorrei morir ne la stagion dell'anno.

Мотивъ этой пѣсни, мелодичный, печальный, еще усиливаль обаятельную звучность итальянскихъ словъ; и посреди этой обширной залы, куда сквозь раскрытыя окна проникали благоуханіе, легкій вѣтерокъ и прохлада ночи, это желаніе прожить еще до осени, это перемиріе, эта отсрочка, которыхъ требуетъ умирающая у своей болѣзни, производили потрясающее впечатлѣніе. Не говоря ни слова, принцесса встала и быстро вышла. Во вракѣ сада я слышала рыданіе, одинъ длинный порывъ рыданія, мужской голосъ, тихо уговаривавшій ее, и жалобный плачь ребенка, опечаленнаго горемъ матери.

Въ этомъ заключается грустная сторона подобныхъ цѣлебныхъ

и́стностей, — во всѣхъ этихъ мелкихъ проявленіяхъ болѣзни, съ которыми встрѣчаешься на каждомъ шагу, въ упорномъ кашлѣ, плохо заглушаемомъ перегородками комнатъ, въ этихъ платкахъ, которые прижимаютъ ко рту, чтобы защитить себя отъ вѣтра, въ этихъ разговорахъ, въ этихъ жалобахъ, о содержаніи которыхъ догадываешься по болѣзненнымъ жестамъ, неизмѣнно указывающимъ на грудь, на плечо близь ключицы, наконецъ, въ сонныхъ, вялыхъ походкахъ, въ постоянномъ, гнетущемъ сознаніи болѣзни. Мама, бѣдная мама, знающая всѣ цѣлебныя мѣстности для грудныхъ болѣзней, говоритъ, что въ О-Боннъ или въ Монъ-Д'оръ совсѣмъ не то. Въ Арвилляръ посылаютъ только реконвалесценто́въ, какъ я, напримѣръ, или-же совершенно безнадежныхъ больныхъ, которымъ уже ничѣмъ невозможно помочь. Къ счастью, въ нашей гостинницѣ, „Aux Alpes Dauphinoises“, есть только трое больныхъ подобнаго рода — принцесса, да еще двое молодыхъ людей изъ Ліона, братъ и сестра, сироты, говорятъ — очень богатые и, кажется, очень больные, въ особенности сестра, съ свойственнымъ ліонкамъ блѣднымъ, какъ у утопленницы, лицомъ, закутанная въ пенюаръ и въ вазанныя шали, безъ малѣйшаго золотого украшенія, безъ ленточки, безъ всякаго намека на кокетливую заботу въ нарядѣ. Какую бѣдную смотреть эта богачка! Ее невозможно спасти; она это знаетъ, отчаявается и отдается своему отчаянью. Въ этомъ сторбленномъ молодомъ человѣкѣ, затуномъ въ модную жакетку, напротивъ, видна твердая рѣшимость жить, невѣроятная сила сопротивленія болѣзни.

„У сестры моей нѣтъ упругости... а у меня она есть!“ сказалъ онъ какъ-то на дняхъ за табль-д'отомъ своимъ сильнымъ голосомъ, который такъ-же трудно слышать, какъ знаменитое иѣ въ пѣніи Вотеръ. И дѣйствительно, въ немъ ужасно много упругости! Онъ главный коноводъ всякихъ удовольствій въ гостинницѣ, организаторъ игръ, пикниковъ, экскурсій; онъ ѣздитъ верхомъ, катается на салазкахъ, на маленькихъ обвязанныхъ вѣтвями салазкахъ, на которыхъ мѣстные горцы спускаются съ самыхъ крутыхъ склоновъ, — вальсируетъ, фехтуетъ, не смотря на страшные приступы кашля, которые не останавливаютъ его ни на одно мгновеніе. Кромѣ того, у насъ живетъ медицинское свѣтило, докторъ Бушро, — помнишь, тотъ самый, къ которому мама

ѣздилъ совѣтоваться насчетъ нашего бѣднаго Луи. Не знаю, узналъ-ли онъ насъ, но между нами происходитъ что-то странное....

.... Я только-что выпила, какъ всегда, полстакана воды у источника. Этотъ драгоценный источникъ находится на разстояніи десяти минутъ отсюда, если подниматься по направленію къ доменнымъ печамъ, въ ущельи; по ущелью съ ревомъ бѣжитъ кипящій пѣною потокъ, спускающійся съ ледника, который замыкаетъ перспективу, сверкая среди синеватой дѣпи альпъ и какъ-будто непрерывно тая около незримаго снѣжнаго основанія своего, омываемого бѣлой пѣной влокачущей воды. Громадныя черныя скалы, сквозь трещины которыхъ, между покрывающими ихъ папоротниками и лишаями, по каплямъ сочится вода, поросшіе темно-зелеными соснами склоны, почва которыхъ, покрытая угольной пылью, блеститъ частичками слюды,—вотъ какова эта мѣстность. Но чего я не въ состояніи описать тебѣ, это—царящаго здѣсь оглушительнаго гула. Между камнями бѣшетъ потокъ, возлѣ него грохочетъ паровой молотъ лѣсопилены, а въ узкомъ ущельи, по единственной дорогѣ, всегда загроможденной возами съ каменнымъ углемъ, вереницами тянется скотъ, скачутъ кавальяды гуляющихъ, приходятъ и уходятъ пациенты, пьющіе воду—да, еще забыла прибавить: по временамъ, на порогахъ жалкихъ хижинъ появляется какой-нибудь ужасный кретинъ или кретинка съ отвратительнымъ зобомъ, съ толстымъ, бессмысленнымъ лицомъ, съ разинутымъ, ворчащимъ ртомъ. Кретинизмъ принадлежитъ къ числу продуктовъ этой мѣстности. Повидимому, природа слишкомъ сильно дѣйствуетъ здѣсь на человѣка; заключающіяся въ почвѣ желѣзо, мѣдь и сѣра подавляютъ, коверкаютъ, душатъ, а горная вода леденитъ человѣка, какъ и эти жалкія малорослыя деревья, которыя растутъ между скалами. Это также одно изъ тѣхъ печальныхъ и страшныхъ впечатлѣній, которыя поражаютъ тотчасъ по прибытіи сюда, но затѣмъ изглаживаются черезъ нѣсколько дней.

Теперь я не только не избѣгаю кретиновъ но имѣю даже своихъ излюбленныхъ зобатыхъ. Особенно замѣчательенъ одинъ изъ нихъ, ужасное маленькое чудовище, сидящее у самаго края дороги въ дѣтскомъ креслицѣ, годномъ развѣ для трехлѣтняго ребенка; а ему уже шестнадцать лѣтъ, какъ разъ столько-же, сколько мадамъ Узель Башелери. Когда я подхожу, онъ начинаетъ раскачивать

свою тяжелую, точно каменную, голову, которая издает хриплый, подавленный, бессмысленный, дикий крикъ, и лишь только получить свою серебряную монету, съ торжествомъ показываешь ее угольщицѣ, украдкой наблюдающей за нимъ изъ окна ближняго дома. Да, это обиженное судьбою существо, приобретающее больше, чѣмъ зарабатываютъ всѣ три его брата вмѣстѣ, работающіе на плавильныхъ заводахъ въ La Debout, представляетъ собою источникъ доходовъ, которому завидуетъ не одна мать. Отецъ ничего не дѣлаетъ; онъ страдаетъ грудью; зиму онъ проводитъ за своимъ убогимъ очагомъ, а лѣтомъ усаживается вмѣстѣ съ другими несчастными на скамейкѣ, среди влажной атмосферы, насыщенной парами, поднимающимися изъ клокочущаго источника тотчасъ по выступленіи его изъ-подъ земли. Мѣстная нимфа, въ бѣломъ передникѣ, съ мокрыми руками, наполняетъ до желаемаго предѣла подаваемые стаканы, между тѣмъ, какъ на сосѣднемъ дворѣ, отдѣленною отъ дороги низкою рѣшеткою, какія-то головы, туловищъ которыхъ не видно, откидываются назадъ, напрягаясь отъ усилій, корча страшныя гримасы на солнцѣ съ широко раскрытыми глазами, представляя собою иллюстрацію Дантовскаго „Ада“; — это грѣшники, осужденные на полосканіе.

Иногда, выходя оттуда, мы дѣлаемъ кругъ, чтобы возвратиться въ курзалъ, и спускаемся черезъ деревню. Мама, которую утомляетъ шумъ гостинницы и которая въ особенности боится, чтобы я не танцевала слишкомъ много въ салонѣ, мечтала навязать маленькій буржуазный домикъ въ Арвильярѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ предложеніяхъ. На каждой двери, въ каждомъ этажѣ висятъ объявленія, раскачиваясь среди зелени глициній, между окнами съ свѣтлыми, заманчивыми занавѣсками. Поневоля спросишь себя: куда-же дѣваются жители во время сезона, — располагаются-ли они стадами по склонамъ окрестныхъ горъ или отправляются жить въ гостинницы, платя по пятидесяти франковъ въ день? Последнее очень-бы меня удивило; тотъ магнитъ, который виднѣется въ ихъ глазахъ, когда они смотрятъ на пріѣзжаго, мнѣ кажется страшно алчнымъ; это что-то блестящее и цѣпкое. И этотъ блескъ, это внезапное сіяніе, озаряющее лицо моего маленькаго зобатаго, какъ-будто отраженіемъ его серебряной монеты, я встрѣчаю здѣсь повсюду: въ очкахъ маленькаго вертляваго доктора, который выслушиваетъ меня каждое утро; въ глазахъ этихъ добрыхъ, заиски-

вающихъ дамъ, приглашающихъ васъ осмотрѣть ихъ домъ, ихъ маленькій, очень удобный садикъ, съ наполненными водою ямами, съ кухнями въ первомъ этажѣ, принадлежащими къ квартирамъ въ третьемъ; въ глазахъ извозчиковъ, одѣтыхъ въ короткія блузы и клеенчатныя шляпы съ лентами, вопросительно поглядывающихъ на васъ съ высоты своихъ экипажей; во взглядѣ маленькаго погонщика ословъ, стоящаго передъ раскрытою настезъ конюшнею, въ которой помахиваютъ длинныя уши; наконецъ — даже во взглядѣ ословъ, да, и въ этомъ широкомъ, упрямомъ и кроткомъ взглядѣ я видѣла ту металлическую жесткость, которая общается страстью къ деньгамъ.

Впрочемъ, дома у нихъ препротивныя, застроенныя кругомъ, скучныя, безъ горизонта, полныя всякаго рода неудобствъ, насчетъ которыхъ невозможно остаться въ невѣдѣніи, такъ-какъ вамъ спѣшать сообщить о нихъ въ сосѣднемъ домѣ. Нѣтъ, мы положительно останемся вѣрны нашему каравансарая, гостинницѣ *Alpes Dauphinoises*, которая тамъ, на возвышеніи, грѣетъ на солнцѣ свои безчисленные зеленые ставни, выдѣляющіеся на красномъ фонѣ кирпичныхъ стѣнъ, посреди молодого еще англійскаго парка, состоящаго изъ рошицъ, лабиринтовъ и усыпанныхъ пескомъ аллей. Впрочемъ, кромѣ насъ этимъ паркомъ пользуются и остальные пять или шесть лучшихъ мѣстныхъ гостинницъ: — *La Chevette*, *La Laita*, *La Bréda*, *La Planta*. Всѣ эти гостинницы, съ савойскими именами, неистово конкурируютъ между собою, слѣдятъ, наблюдаютъ другъ за другомъ сквозь раздѣляющую ихъ зелень парка; каждая такъ и рвется выставить на видъ свое превосходство громкимъ звономъ обѣденнаго колокола, бречаньемъ фортепіанъ, хлопаньемъ вnutовъ, блескомъ фейерверковъ и широко раскрытыми окнами, сквозь которыя до слуха путешественника, остановившагося въ сосѣдней гостинницѣ, доносятся звуки смѣха, пѣсенъ и танцевъ, какъ-будто говорящіе ему:

— Какъ тамъ веселятся! Какъ много тамъ народа!

Но самая ожесточенная битва между соперничающими гостинницами происходитъ на страницахъ „Газеты для купающихся“, въ спискахъ пріѣзжихъ, которые аккуратно два раза въ недѣлю печатаются въ маленькой газетѣ.

Какая завистливая ярость царствуетъ въ гостинницахъ *Laita* или *Planta*, когда, наприжѣръ, въ газетѣ появляется: „*Принцъ и*

принцесса Ангальтскіе со свитою... Alpes Dauphinoises.“
 Передъ этою подавляющею строкою блѣднѣетъ все. Что-ей противопоставить? И содержатель гостинницы ищетъ, добывается, нѣтъ-ли у кого - нибудь изъ жильцовъ передъ именемъ частички *de* или какого-нибудь титула, и ужь непремѣнно пуститъ ихъ въ ходъ и выставитъ на видъ. Вотъ уже въ третій разъ *La Chevette* преподноситъ намъ одного и того-же инспектора лѣсничаго въ трехъ различныхъ видахъ: въ качествѣ инспектора, маркиза и кавалера орденовъ Св. Маврикія и Лазаря. Но до сихъ поръ побѣда оставалась за гостинницею *Alpes Dauphinoises*, хотя мы тутъ рѣшительно не причемъ. Ты знаешь вѣдь, какая мама скромная, недлимая; она запретила Фанни говорить о томъ, кто мы, потому-что положенія, занимаемыя нашимъ отцомъ и твоимъ мужемъ, не замедлили-бы привлечь на насъ всеобщее любопытство и окружить наше существованіе здѣсь свѣтскою пылью. Въ газетѣ просто значилось: „*Госпожа Ле-Кеснуа съ дочерью (изъ Парижа)*... *Alpes Dauphinoises*“, а такъ-какъ парижанъ здѣсь немного, то инкогнито наше не было нарушено.

У насъ очень простенькое, но довольно удобное помѣщеніе, — двѣ комнаты въ третьемъ этажѣ. Передъ нами разстилается вся долина и амфитеатръ горъ, которыя у подошвы кажутся совершенно черными отъ сосенъ, а кверху принимаютъ другіе оттѣнки, свѣтлѣютъ и уже блещутъ полосками вѣчнаго снѣга или безплодныхъ обрывовъ, рѣзко отличающихся отъ маленькихъ воздѣланныхъ пространствъ, какъ-будто образующихъ ряды зеленыхъ, желтыхъ, розовыхъ четырехугольниковъ, среди которыхъ стоги сѣна, кажутся не больше пчелиныхъ ульевъ. Но, несмотря на этотъ прекрасный видъ, мы не сидимъ дома. Вечеръ проводишь въ салонѣ, а днемъ бродишь въ паркѣ, что входитъ въ предписанный курсъ леченія, которое, среди этого строго распредѣленнаго и вѣстѣ съ тѣмъ до таковой степени пустого времяпрепровожденія, совершенно овладѣваетъ вами и поглощаетъ все ваше время. Самый интересный часъ наступаетъ послѣ завтрака, когда всѣ группируются вокругъ маленькихъ столовъ подъ большими липами, у входа въ садъ, и пьютъ кофе. Это часъ пріѣздовъ и отъѣздовъ; возлѣ экипажа, увозящаго отъѣзжающихъ, идутъ прощанья, обмѣниваются рукопожатіями; тутъ-же вертится прислуга гостинницы съ неизмѣннымъ савойскимъ блескомъ во взглядахъ. Здѣсь цѣлуются съ людьми, которыхъ едва

знають; вотъ замахали платки, зазвенѣли бубенчики, и тяжелая, нагруженная карета, калыхаясь, исчезаетъ на узкой, пролегающей на половинѣ склона, дорогѣ, унося съ собою эти имена, эти лица, которыя на мгновение участвовали въ общей жизни, всѣхъ этихъ людей, которые вчера еще были неизвѣстны, а завтра уже будутъ забыты.

На смѣну прїѣзжаютъ другіе и устраиваются, каждый по-своему. Мнѣ кажется, что наша жизнь должна напоминать монотонную скуку на пароходѣ, мѣняющемъ пассажировъ въ каждой гавани. Все это движеніе забавляетъ меня, но дорогая наша мама по-прежнему печальна и сосредоточена, несмотря на улыбку, которую она пытается вызвать на своемъ лицѣ всякій разъ, какъ я на нее посмотрю. Я понимаю, что каждая мелочь въ нашей жизни составляетъ для нея тяжелое воспоминаніе и воскрешаетъ рядъ печальныхъ образовъ. Она столько насмотрѣлась на эти больничные каравансаран, сопровождая своего умирающаго сына изъ одного мѣста въ другое, въ долину или на горахъ, подъ соснами, на берегу моря, съ вѣчно обманутою надеждою и вѣчною покорностью, которую поневолѣ приходилось проявлять среди этихъ мученій. Право, Жаррасъ могъ-бы избавить ее отъ этихъ воспоминаній о минувшихъ страданіяхъ; вѣдь я совсѣмъ не больна, почти вовсе не кашляю и если-бы не противная хрипота, благодаря которой мой голосъ сталъ похожимъ на голосъ парижскихъ разнощниковъ, продающихъ зеленый горошекъ, то я чувствовала-бы себя лучше, чѣмъ когда-нибудь. Аппетитъ у меня адскій, такой ужасный голодъ, что, кажется, минуты не могу подождать. Вчера, послѣ завтрака въ тридцать блюдъ съ такимъ меню, которое по сложности не уступало китайской азбукѣ, я вижу женщину, сидящую передъ своею дверью и чистящую малину. Вдругъ у меня является необыкновенный аппетитъ... и я съѣдаю двѣ чашки, моя дорогая, двѣ чашки этой крупной, свѣжей малины, „мѣстнаго плода“, какъ выражается гарсонъ, прислуживающій намъ за столомъ. Вотъ тебѣ мой желудокъ!

Какъ-бы то ни было, дорогая моя, хорошо, что ни ты, ни я не страдаемъ болѣзнью бѣднаго брата, котораго я почти не знала; здѣсь, на другихъ лицахъ, я встрѣчаю тѣ-же исхудалыя черты, то-же безнадежное выраженіе, которыя видны на его портретѣ въ комнатѣ родителей. А какой оригиналъ этотъ докторъ, когда-то

лечившій брата—этотъ знаменитый Бушро! Намедни мама хотѣла представить меня ему и, чтобы добиться консультаціи, мы бродили по парку около этого высокаго старика съ грубымъ, жесткимъ лицомъ; но онъ былъ окруженъ аривильярскими врачами, которые слушали его съ подобострастіемъ школьниковъ. Тогда мы стали дожидаться его у выхода изъ ингалаціонной залы. Но и это оказалось тщетнымъ: нашъ докторъ такъ принялся шагать, какъ-будто желалъ убѣжать отъ насъ. Съ мамой, ты знаешь, скоро не побѣдишь, такъ-что мы пропустили его и на этотъ разъ. Наконецъ, вчера Фанни ходила къ нему и спрашивала у его экономки отъ нашего имени, не можетъ-ли онъ насъ принять. Онъ велѣлъ отвѣтить, что пріѣхалъ на воды для того, чтобы лечиться, а не лечить. Вотъ невѣжа-то! Правда, что я никогда не встрѣчала подобной блѣдности; онъ точно восковой; отецъ показался бы цвѣтущимъ возлѣ него. Онъ питается однимъ молокомъ, никогда не спускается въ столовую, а тѣмъ болѣе въ салонъ. Нашъ маленькій, вертлявый докторъ, котораго я зову—господинъ „Такъ и надо“,—говоритъ, что онъ страдаетъ очень опасною болѣзнью сердца и что только благодаря аривильярскимъ водамъ онъ въпродолженіи трехъ лѣтъ уже поддерживаетъ свою жизнь.

„Такъ и надо! Такъ и надо!“—только и слышится въ лепетѣ этого курьезнаго, тщеславнаго, болтливаго человѣчка, который вертится по утрамъ въ нашей комнатѣ. „Докторъ я не сплю... Мнѣ кажется, что леченіе возбуждаетъ меня!“— „Такъ и надо!“— „Докторъ, меня вѣчно клонитъ ко сну... Я думаю, что въ этомъ виноваты воды“.— „Такъ и надо!“ Болѣе всего ему надо поскорѣе посѣтить всѣхъ больныхъ, чтобы къ десяти часамъ поспѣть въ свой кабинетъ, гдѣ онъ даетъ консультаціи приходящимъ больнымъ; это—маленькая мухоловка, биткомъ набитая людьми, ожидающими на лѣстницѣ и даже на троттуарѣ. Зато-же онъ и не мѣшваешь; а быстро составляетъ вамъ рецептъ, не переставая вертѣться и скакать, какъ пациентъ, добивающійся „реакціи“ послѣ купанія.

О, эта реакція! это тоже цѣлая исторія. Такъ какъ я не беру ни ваннъ, ни душей, то мнѣ и о реакціи заботиться не приходится; но иногда я съ четверть часа сижу подъ липами и гляжу, какъ всѣ эти люди расхаживаютъ взадъ и впередъ большими, разнѣренными шагами, съ сосредоточеннымъ видомъ, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ при встрѣчахъ. Мой старичекъ изъ ингалаціонной

залы, — тотъ, что такъ умильно смотритъ на источникъ, — предается и этому упражненію съ не менѣе педантической добросовѣстностью. У входа въ аллею онъ останавливается, складываетъ свой бѣлый зонтикъ, спускаетъ поднятый воротникъ сюртука, смотритъ на часы и — маршъ въ дорогу, энергичною поступью, прижавъ локти къ туловищу — разъ, два! разъ, два! — вплоть до широкой полосы золотистаго свѣта, проникающаго въ аллею въ томъ мѣстѣ, гдѣ недостаетъ одного дерева. Дальше онъ не идетъ, трижды поднимаетъ руки, какъ-будто упражняясь гимнастическими гирями, затѣмъ тою-же походкою возвращается назадъ, снова потрасая гирями, и такъ — пятнадцать разъ сряду. Я думаю, что отдѣленіе маниаковъ въ Шарантонѣ должно нѣсколько напоминать фізіономію нашей аллеи около одиннадцати часовъ.

6 августа.

Итакъ, это правда, — Нума ѣдетъ къ намъ! О, какъ я рада, какъ я рада! Твое письмо пришло съ тою почтою, которая приходитъ сюда въ часъ и раздается въ бюро гостиницы. Это торжественная минута, отъ которой зависитъ настроеніе человѣка на цѣлый день. Бюро наполняется народомъ; всѣ становятся въ полукругъ около толстой мадамъ Ложронъ, имѣющей чрезвычайно внушительный видъ въ своемъ синемъ фланелевомъ пенуарѣ, въ то время какъ она своимъ самоувѣреннымъ, нѣсколько жеманнымъ, какъ у старой компаньонки, голосомъ провозглашаетъ разнообразныя адреса писемъ и посылокъ. Каждый выходитъ по вызову, и я должна тебѣ сказать, что возможность щегольнуть обширной корреспонденціей положительно становится здѣсь вопросомъ самолюбія. Да впрочемъ, къ чему не примѣшивается самолюбіе въ этомъ сплетеніи мелкаго тщеславія и глупостей? Вотъ дошла-же я, наприѣрѣ, до того, что горжусь своими двухчасовыми ингаляціями!.. „Г. принцъ Ангальтскій... Г. Вассеръ... Г. Вассеръ... Мадмуазель Ле-Кеснуа“... Разочарованіе, — это мой модный журналъ... „Мадмуазель Ле-Кеснуа“... Я смотрю, нѣтъ-ли для меня еще чего-нибудь и убѣгаю съ твоимъ дорогимъ письмомъ въ глущину сада, на скамейку, окруженную высокими орѣшникомъ.

Это моя скамейка, уголокъ, гдѣ я уединяюсь, чтобы помечтать, чтобы сочинять свои романы. Знаешь, для того, чтобы творить, развивать — по правиламъ господина Бодуи, вовсе не нужно

широкаго горизонта. Если онъ слишкомъ великъ,—я теряюсь, путаюсь, и конченъ балъ! Единственная непрятная сторона моего уголка—это сосѣдство качелей, на которыхъ маленькая Башелери проводитъ цѣлые дни. Молодой человѣкъ, хвастающійся своею упругостью, подбрасываетъ эту дѣвицу на воздухъ, и дѣйствительно, онъ долженъ обладать большою упругостью, чтобы такимъ образомъ раскачивать ее по цѣлымъ часамъ. Она визжитъ, какъ ребеночекъ, заливаясь хохотомъ. „Выше! Еще!“... Боже! какъ это дѣвчонка меня раздражаетъ; я-бы желала, чтобы она вѣстѣ съ качелями залетѣла на облака и никогда уже оттуда не возвращалась. Когда ея нѣтъ, мнѣ такъ хорошо на моей скамейкѣ, я такъ далеко отъ всѣхъ. Тамъ я наслаждалась твоимъ письмомъ, а когда прочитала постскриптумъ,—даже вскрикнула отъ радости.

Да благословить Господь Шамбери и его новый лицей и эту завладеу перваго камня, благодаря которой министръ народнаго просвѣщенія пожалуетъ въ наши края. Здѣсь ему очень будетъ удобно готовить свою рѣчь, гуляя, напримѣръ, въ аллеѣ реакціи,—вотъ тебѣ на! даже каламбуръ вышелъ,—или подъ моимъ орѣшникомъ, когда тишина ихъ не возмущается близостью мадемуазель Башелери. Милый Нума! Мы такъ хорошо ладимъ съ нимъ; онъ такой живой, такой веселый. Какъ мы будемъ болтать съ нимъ вдвоемъ о нашей милой Розалии и о серьезной причинѣ, не позволяющей ей въ настоящее время путешествовать... Ахъ, Боже мой, вѣдь это секретъ!.. А мама такъ еще заставляла меня клясться... Какъ она тоже рада, что увидитъ милаго Нуму. Повѣришь-ли, она вдругъ потеряла всю свою скромность и робость и такъ величественно вошла въ бюро гостиницы, чтобы заказать помѣщеніе для своего зятя, министра. Боже, что сдѣлалось съ нашей хозяйкой, когда она услышала эту новость!

— Какъ! сударыни... вы изволите быть... вы были?...

— Да, мы были... мы изволимъ быть...

Широкое лицо хозяйки сдѣлалось лиловымъ, пунцовымъ, превратилось въ палитру живописца, бьющаго на эффектъ. А какъ засуетились г. Ложронъ и вся прислуга!.. Съ самаго дня нашего прибытія мы тщетно добивались лишняго подсвѣчника; теперь на каминѣ ихъ очутилось пять. Отвѣчаю тебѣ, что Нума останется доволенъ, Ему отводятъ бель-этажъ принца Ангальтскаго, кото-

рый уѣзжаетъ черезъ три дня. Арвиллярскія воды, повидимому, оказываютъ пагубное дѣйствіе на принцессу, и самъ маленькій докторъ того мнѣнія, что ей слѣдуетъ уѣхать какъ можно скорѣе. „Такъ и надо“, — потому-что, если-бы случилось несчастье, репутація гостинницы *Alpes Dauphinoises* никогда не оправилась-бы отъ такого удара.

Жалко смотрѣть, съ какою поспѣшностью готовятъ все для ихъ отъѣзда, какъ ихъ торопятъ, толкаютъ съ тою магнетическою враждебностью, которая какъ-будто свойственна даже мѣстности, гдѣ человѣкъ начинаетъ быть въ тягость другимъ. Бѣдная принцесса Ангальтская! Какъ торжественно праздновалось ея прибытіе! А теперь ее готовы были-бы выслать за черту департамента между двумя жандармами. Таково гостепріимство цѣлебныхъ мѣстностей!.. Кстати, а Бомпаръ? Ты не пишешь мнѣ пріѣдетъ-ли онъ съ Нумой. О, опасный Бомпаръ? Если онъ пріѣдетъ, я способна улетѣть съ нимъ на какой-нибудь ледникъ. Какія богатая фантазіи нашли-бы мы вдвоемъ тамъ, на вершинахъ!... Я смѣюсь, я такъ счастлива... и въ то-же время вдыхаю, вдыхаю, хотя меня нѣсколько стѣсняетъ присутствіе этого ужаснаго Бушро, который только-что вошелъ и усѣлся черезъ два мѣста отъ меня.

Какой, однако, жесткій видъ у этого человѣка! Сложивъ руки на наболдашникѣ своей палки и опираясь на нихъ подбородкомъ, онъ громко говоритъ, глядя прямо впередъ и не обращаясь ни къ кому. Можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ принять на свой счетъ все, что онъ гворитъ о неосторожности паціентокъ на водахъ, о ихъ тонкихъ батистовыхъ платьяхъ, о безразсудной привычкѣ выходить послѣ ужина въ мѣстности, гдѣ вечера отличаются гибельною свѣжестью? О, злой человѣкъ! Какъ-будто онъ знаетъ, что сегодня вечеромъ я должна собирать въ арвиллярской церкви пожертвованія въ пользу миссіонерской пропаганды. Отецъ Оливьери будетъ рассказывать съ кафедры о своей миссіи въ Тибетѣ, о своемъ плѣнѣ и мученичествѣ, а мадмуазель Башелери пропоетъ *Ave Maria* Гуно. Я напередъ радуюсь въ особенности нашему возвращенію по всѣмъ этимъ маленькимъ темнымъ улицамъ, съ фонарями; это будетъ настоящее торжественное шествіе при свѣтѣ факеловъ. Если господинъ Бушро вздумалъ теперь давать мнѣ консультацію, то я не желаю ея, — поздно. Притомъ, милостивый

государь, я заручилась разрѣшеніемъ моего маленькаго доктора, который несравненно любезнѣе васъ и общалъ мнѣ даже туръ вальса въ салонѣ, въ заключеніе вечера. Никто и не подозрѣваетъ, какое у меня крѣпкое здоровье, несмотря на мою талью, длинную и тонкую, какъ веретено; къ тому-же ни одна парижанка никогда не заболѣетъ оттого, что слишкомъ много потанцуетъ. „Берегитесь... Не утомляйтесь“... Одна несетъ мнѣ шаль, другой затворяетъ окно за моей спиной, боясь, чтобы я не простудилась. Но больше всѣхъ хлопочетъ молодой человекъ съ упругостью, такъ-какъ онъ находитъ, что у меня ея куда больше, чѣмъ у его сестры. Бѣдная дѣвушка! Дѣйствительно, не трудно имѣть больше энергіи, чѣмъ она. Между нами,—мнѣ кажется, что сей молодой господчнъ, приведенный въ отчаянье холодностью Алисы Башелери, накинулся на меня и теперь ухаживаетъ за мною... Но увь!.. напрасный трудъ; сердце мое занято, оно все принадлежитъ Бомпару... Ну, такъ нѣтъ-же, не Бомпару, да ты сама-бы, можетъ быть, догадалась объ этомъ; не Бомпаръ герой моего романа. Герой этотъ... герой этотъ... Ну, нечего дѣлать, часъ мой подошелъ къ концу. Я скажу тебѣ это въ другой разъ, моя холодная снѣгурочка“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАРТІИ ВЪ ГАЛИЦІИ.

(Эпизодъ изъ исторіи русско-славянскихъ отношеній).

Лѣтъ за двадцать тому назадъ врядъ-ли больше десятка средне-образованныхъ людей въ Россіи думали когда-нибудь о Галиціи, а изъ литераторовъ никто, кромѣ специалистовъ-славистовъ (Срезневскій, Лавровскій), да такъ-называемыхъ украинифиловъ, которые вносили въ свои изданія народной словесности, рядомъ съ приднѣпровскими, и галицкія пѣсни (Лукашевичъ, Максимовичъ, Метлинскій и др.), не писалъ объ этой ближайшей къ Россіи западно-славянской землѣ. Публицистика русская открыла Галицію только послѣ польскаго возстанія 1863 года,—и одно время вспоминала ее довольно часто, или, лучше сказать, одно время сами галичане напоминали ей о себѣ довольно часто: это было время довольно значительнаго переселенія въ Россію галицкихъ духовныхъ въ униатскія части царства Польскаго, а потомъ въ учителя въ новыя классическія гимназіи. Само собою разумѣется, что напоминанія эти должны были носить на себѣ характеръ тѣхъ интересовъ, которые привлекали въ Россію эту эмиграцію. Печать-же русская, не приготовленная предварительнымъ изученіемъ, оказалась не въ состояніи отнестись критически къ несшимся къ ней голосомъ галичанъ-эмигрантовъ, и, мало того, именно та часть печати, которая всего болѣе говорила о славянствѣ, прибавила къ общему незнанію галицкихъ дѣлъ еще и нарочитое нежеланіе провѣрить точность тѣхъ заявленій, вѣрить которымъ ей было пріятно. Такимъ образомъ, въ русской печати водворился мнѣ о Галиціи какъ о своего рода Венеціи до 1866 г., которая спитъ и видитъ присоединеніе къ «общему отечеству», т. е. къ Россіи, да о добродѣтельныхъ, безкорыстныхъ патріотахъ Галиціи, которые

изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ довести свою родину до этого пламенно-желаемаго соединенія, а пока стараются хоть о нравственномъ, литературномъ единеніи, выдерживая зато гоненія отъ враговъ: вѣмцевъ, поляковъ и кучки измѣнниковъ собственному народу, выдумавшихъ какую-то національную особенность украинскаго племени, т. е. малороссовъ въ Россіи и русиновъ въ Австро-Венгріи.

Нѣсколько фактическихъ статей о Галиціи, напечатанныхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, и особенно сдѣланныя въ нихъ выписки изъ галицкихъ изданій, несомнѣнно остановили наиболѣе горячихъ миеологовъ,—но не изгнали миеовъ изъ общаго оборота и не сдѣлали совершенно невозможнымъ ихъ возрожденіе. Этого результата не имѣла даже обстоятельная глава о малорусской литературѣ въ Россіи и Австріи, помѣщенная въ новомъ изданіи «Исторіи славянскихъ литературъ» г. Пыпина. По крайнемѣрѣ, въ концѣ 1879 г., когда австро-славянскія дѣла и вопросъ о примиреніи съ поляками опять обратилъ взоры русскихъ публицистовъ за австрійскую границу и они заговорили, напр., о собраніи галицкаго политическаго общества «Руска Рада»,—то мы не знали, чему болѣе удивляться: незнанію, или смѣлости въ изобрѣтеніи репортеровъ и редакцій «Голоса», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени» и т. п.

Въ числѣ наиболѣе важныхъ вопросовъ, поставленныхъ на этомъ собраніи «Руской Рады», былъ занимающій Галицію и до сихъ поръ вопросъ о соединеніи «старой» и «молодой» партій,—которыя извѣстны въ русской печати подъ именемъ «московской» и «украинской» партій. И въ самомъ дѣлѣ, постановка этого вопроса вообще и то, какъ относится къ нему общественное мнѣніе въ Галиціи настолько любопытны, что мы считаемъ не бесполезнымъ передать объ этомъ нѣсколько свѣденій читателямъ въ Россіи.

Начнемъ съ короткой исторіи партій галицкихъ, отсылая читателя, который-бы желалъ болѣе подробныхъ библіографическихъ свѣденій, къ вышеупомянутой главѣ труда г. Пыпина.

Галицкія партіи носятъ до сихъ поръ влички національно-литературныя гораздо болѣе, чѣмъ политико-соціальныя. Это обусловливается положеніемъ народности русиновъ Галиціи и характеромъ образованія тамошнихъ высшихъ классовъ, т. е. почти исключительно духовенства. Извѣстно, что масса народа въ Галиціи одинакова съ малороссами, или украинцами, въ Россіи и до раздѣла Украйны между Московскимъ государствомъ, Польшею и Турціею въ концѣ XVII в. жила общею жизнію съ рюриковичевскою, гедиминовичевскою, польскою и казацкою Украй-

ною. Но послѣ вышеупомянутаго раздѣла и истребленія казачества на правой сторонѣ Днѣпра въ XVIII в. Галиція представлена была въ неограниченную власть польскаго аристократическаго государства, и съ теченіемъ времени неполяченными въ ней остались только крестьяне, часть мѣщанъ и духовенство, которое, впрочемъ, можно было считать на половину ополяченными. Раздѣлъ Польши отдалъ Галицію подъ австро-нѣмецкое вліяніе, тогда-какъ остальные украинскія земли поступили подъ власть Россіи, гдѣ московское вліяніе, осиливъ уже высшіе классы въ восточной половинѣ Украйны, теперь стало наступать и на польскіе, полуукраинскіе и украинскіе элементы и западной части. Вотъ почему, когда по законамъ національнаго и въ частности славянскаго возрожденія, и въ Галиціи насталь часъ постановки вопроса національнаго, то отвѣтъ на этотъ вопросъ получился не въ такой простой формѣ, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, напр., въ Чехіи, Славоніи, Польшѣ,—и породилъ, кромѣ естественнаго раздѣленія интеллигенціи на партіи культурно-политическія, еще и національныя партіи.

Впрочемъ, въ 1848 г., т. е. тогда, когда вопросъ національный сталъ серьезнымъ въ Галиціи, какъ и во всей Австріи вообще,—отвѣтъ на него былъ не такъ запутанъ, какъ нѣсколько времени спустя. На вопросъ: *«что вы за народъ?»*—галичане, которые тогда были въ состояніи отвѣчать на такіе вопросы, т. е. духовные, отвѣчали: *«мы часть народа малорусскаго, который живетъ отъ нижней и верхней Тиссы въ Венгріи до нижняго Дона и Кубани въ Россіи»*. Этотъ отвѣтъ данъ былъ, между прочимъ, и тогдашней «Руской Радой». Послѣ не разъ было говорено,—между прочимъ и нѣкоторыми участниками ея, перешедшими на службу въ Россію,—что отвѣтъ въ смыслѣ признанія тождества русиновъ Галиціи съ русскими-великоруссами напугалъ-бы австрійское правительство, и что это опасеніе опредѣлило національную программу собранія. Быть можетъ, относительно нѣкоторыхъ членовъ «Руской Рады» 1848 г. это и правда,—и это, конечно, опредѣляетъ степень ихъ политической и личной нравственности,—но нельзя сомнѣваться, что большинство галицкихъ патріотовъ 1848 г. было совершенно искренно, признавъ себя малоруссами,—такъ-какъ оно состояло изъ духовныхъ, которыхъ всѣ традиціи, и то, что было еще національнаго въ ихъ воспитаніи, привязывали къ малорусскому XVII вѣку, а также изъ небольшого числа литераторовъ, которыхъ національные инстинкты были пробуждены зашедшими въ Австрію украинскими книгами Котляревскаго, Максимовича и др. Максимовичъ-же; едва-ли не единственный ученый и писатель

въ Россіи, имѣвшій въ 40-е годы сколько-нибудь правильныя сношенія съ галичанами, рекомендовалъ имъ украинскія народныя пѣсни и ихъ языкъ, какъ единственную естественную почву для замѣны тредьяковщины, которою ознаменовались первые опыты русской литературы въ Галиціи въ XIX стол., сколько-нибудь живою и народною литературою. Такимъ образомъ, галицкая интеллигенція, при самомъ выступленіи на политическое поприще, высказалась за мѣстную и демократическую формулу національности. Масса народа, съ своей стороны,—конечно, весьма равнодушная къ вопросу о томъ, въ какомъ смыслѣ она русская, и зная только, что она непольская,—поддерживала своихъ тогдашнихъ представителей, надѣясь, что они будутъ выразителями ея соціально-экономическихъ интересовъ, затронутыхъ живо вопросомъ объ отмѣнѣ барщины и о выкупѣ угодій (усадебъ, полей, лѣсовъ и пастбищъ)—безъ чего крестьяне не могли себѣ вообразить свободы. Такимъ образомъ, 1848—1849 гг. были временемъ большаго одушевленія и единства среди галичанъ, начинавшихъ свое дѣло національнаго и политико-соціальнаго возрожденія. Кромѣ общества «Руской Рады», которая была сначала неоформленнымъ собраніемъ нотаблей,—два постоянныя литературно-патріотическія учрежденія ведутъ свое начало съ этого времени: «Галицко-русская Матица» и «Народный Домъ». Оба учрежденія имѣютъ капиталовъ и имущества на сумму до 250,000 гульденовъ, значительную часть которыхъ сложили крестьянскія общины въ первые годы свободы и одушевленія. Въ виду этихъ капиталовъ вдвойнѣ странно попросиайство нѣкоторыхъ теперешнихъ патріотовъ галицкихъ у славянскихъ комитетовъ въ Россіи,—гораздо болѣе бѣдныхъ, чѣмъ, напр., «Народный Домъ». Процессъ-же собиранія этихъ капиталовъ показываетъ, что если-бы галицкіе патріоты сдумѣли поддержать свое единеніе съ народомъ, то и политическая сила ихъ все росла-бы, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, какъ это случилось.

А случилось именно послѣднее. Галицкое духовенство не показало послѣ 1848—49 года даже литературной дѣятельности, которая бы соответствовала принятой его малорусской демократической формулѣ опредѣленія своей національности: въ большинствѣ случаевъ оно продолжала старую церковно-малорусско-польскую тредьяковщину въ литературѣ, а въ жизни обнаружило весьма большое равнодушіе къ свѣтской школѣ и къ реальнымъ нуждамъ народа. Со временемъ не только народъ сталъ разочаровываться въ своихъ духовныхъ патріотахъ, но даже выступилъ наружу тотъ антагонизмъ между крестьянствомъ и

духовенствомъ, который, напр., въ придиѣпровской Украйнѣ, проявляется въ отпаденіи крестьянъ въ *штундовскія братства*. Мало-по-малу разъединеніе проявилось и среди самой галицкой интеллигенціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ подростъ болѣе молодыхъ и болѣе свѣтскихъ людей и болѣе близкое знакомство съ тою украинскою литературою, которую галичане напередъ признали своею, произвели въ Галиціи раздѣленіе на двѣ литературныя партіи: «старыхъ» и «молодыхъ», или «народовцевъ». Вышнимъ образомъ партіи эти отличались правописаніемъ: старые писали Максимовичевымъ правописаніемъ, или *этимологическимъ* (близкимъ къ церковно-славянскому, но съ надстрочными значками), молодые—Кулишевымъ, которое желало быть фонетическимъ *). Первые стояли и за болѣе церковный языкъ, вторые за народный. Къ литературнымъ отличіямъ присоединялись, хотя сначала и въ легкой степени, отличія политическія: старые видѣли политическій народъ въ духовенствѣ, молодые въ крестьянствѣ; старые возлагали надежду преимущественно на австрійскую бюрократію, молодые говорили съ сочувствіемъ о старомъ украинскомъ казачествѣ, такъ-что первоначально они обратили на себя подозрительные взоры австрійскаго правительства. Молодыхъ прозвали казакоманами и украинцами и противоположали ихъ старымъ, просто «русинамъ» или «рускимъ» (съ однимъ с), но не въ томъ смыслѣ русскимъ, какъ полагаютъ нѣкоторые наши публицисты, т. е. не въ болѣе широкомъ,—общеруссы,—а именно въ тѣсномъ,—«русина» австрійскіе или «рутенцы», какъ теперь принято говорить съ ироніей въ самой Галиціи. Дѣло въ томъ, что большинство галицкой интеллиген-

*) По первому правописанію писалось, напр., *съвъ, кѣвъ, ѡвъ, ѡтъ, вечерникъ, нѣсъ* и т. п. по второму: *сѣвъ, кѣвъ, вѣвъ, вѣтъ, вечерники, нѣсъ* и т. п. Впослѣдствіи сторонники фонетическаго правописанія отбросили твердый знакъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть ихъ произвела совсѣмъ радикальную реформу, признавъ буквы *ю, я, ѣ, е* не буквами, а слогами и замѣнивъ ихъ послѣдовательно начертаніями *йу, ѡа, ѡѣ, ѡо, ѡе* или *ју, ја, јѣ, јо, је*, а вмѣстѣ съ тѣмъ отбѣливъ два совершенно отличные въ природѣ языка процесса, которые сливаются въ русской гражданѣ въ одинъ, а именно соединеніе гласныхъ *а, е, і, о, у* съ согласною *й* (іотъ) и смягченіе согласныхъ, которое и радикалы-фонетики выражаютъ посредствомъ послѣдовательнаго употребленія значка *ь*. Такимъ образомъ, радикалы пишутъ: *ѡама*, или *јама, јамоју* и т. д., а также *кон, кона, кѣвъ, кова, полуда, і муди* и т. д. Практическое значеніе всѣхъ этихъ правописаній можно постичь только занимаясь обученіемъ народа грамотѣ, особенно по единственному резонному способу,—по подвижнымъ буквамъ. Тогда можно увидѣть, что тѣмъ болѣе радикально-фонетично извѣстное правописаніе, тѣмъ болѣе оно демократично. Вотъ почему галицкіе народники оказывались и „фонетиками“, а клерикалы—„этимологами“.

ціи до того проникнуто было австро-рутенской легальностью и униатскимъ влериализмомъ, что всякая реально-демократическая мысль, да еще выводящая за предѣлы Австріи, какъ казакфильство и крестьянское украинофильство и панмалорусизмъ, должна была пугать ее и возбуждать вражду, особенно если эта мысль вела за собою, какъ первое послѣдствие, непризнание мѣстныхъ авторитетовъ. А этихъ послѣднихъ за 10—15 лѣтъ сложилось въ Галиціи не мало, по пословицѣ «на безлюдья и Оома человекъ». Теперь, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, эти авторитеты должны были уступить Шевченку, М. Вовчку, Костомарову, Кулишу и прочимъ «украинцамъ». Несмотря, однако, на внутреннія ссоры, обѣ галицкія фракціи держались сначала довольно согласно, во внѣшнихъ отношеніяхъ, оставаясь вѣрны старой формулѣ 1848 г. «о малорусской національности, отдѣльной отъ поляковъ и великоруссовъ», и въ горячее время польскаго возстанія и инкриминацій московскихъ централистовъ и вызванныхъ ими репрессалій противъ украинцевъ въ Россіи, галицкіе писатели изъ старыхъ, ставшіе потомъ стипендіатами московскаго славянскаго комитета, какъ, напр., редакторъ «Слова» г. Дѣдицій, выступали не хуже издателей украинофильской «Меты» (цѣль) противъ «несытаго централизма Москвы», выражаемаго въ органахъ гг. Каткова, Аксакова и т. п. Рѣшительное раздѣленіе партій и притомъ уже не на *русскихъ* или *русиновъ* съ одной стороны и *украинцевъ* съ другой, а на *русскихъ* или *москвофиловъ* и на *украинцевъ*, — произошло уже послѣ 1866 года.

Въ этомъ году разбитая подъ Садовой Австрія, вынужденная на нѣмецко-венгерскій дуализмъ, нуждалась въ отдѣленіи поляковъ отъ славянской оппозиціи и рѣшилась «пожертвовать имъ русиновъ». Съ другой стороны московскіе дѣятели, въ родѣ кн. Черкаскаго, еще раньше попробовали употребить въ свою пользу въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ юго-восточной его части, населенной малоруссами-униатами, малорусскія антипатіи къ Польшѣ и отчасти украинскія казацкія традиціи и демократическія тенденціи. Извѣстно, что редакторъ прекратившейся «Основы» и самый дѣятельный ея сотрудникъ г. Кулишъ пошли на службу въ Царство Польское, подъ начальство Н. А. Милютина и кн. Черкаскаго. Въ то-же время началось переселеніе въ холмскую епархію и священниковъ-униатовъ изъ Галиціи, гдѣ уже и въ старшемъ поколѣніи духовенства, подъ вліяніемъ національнаго движенія, ультрамонтанство оказалось слабѣе, чѣмъ оно было среди ополченныхъ священниковъ въ Царствѣ Польскомъ, и гдѣ въ младшемъ поколѣніи казакфиль-

ство и украинофильство заставляло болѣе горячихъ людей даже изъ студентовъ львовскаго университета ходить въ православную церковь. Само собою разумѣется, что дѣятели, въ родѣ кн. Черкаскаго, нуждались болѣе въ антипатіяхъ малорусскихъ, нежели въ симпатіяхъ, и употребляя украинцевъ и галичанъ противъ поляковъ, имѣли въ виду полное «обрусеніе» Польши, начиная съ ея униатскихъ частей, — «обрусеніе» въ московскомъ смыслѣ этого слова. Только на первыхъ порахъ и обрусители допустили въ церквахъ и школахъ холмской епархіи полу-малорусскія книги галицкаго происхожденія, но затѣмъ, шагъ за шагомъ, шли къ цѣлямъ «объединенія» и «обрусенія». Сначала эти цѣли вызывали ропотъ въ Галиціи, но мало-по-малу московскіе дѣятели въ Царствѣ Польскомъ нашли себѣ дорогу къ сердцамъ галичанъ, преимущественно изъ «старшихъ». Бейство «прижатіе славянъ къ стѣнѣ» и Гискрино «пожертвованіе русиновъ полякамъ» помогло московскимъ дѣятелямъ какъ нельзя лучше. Теперь нельзя сомнѣваться, что политика гр. Бейста и министерства, нѣмецкихъ мѣщанскихъ централистовъ, въ родѣ Гискры, подала австрійскимъ славянскимъ вождямъ, и въ частности русинамъ, мысль обратиться за поддержкою къ московскимъ дѣятелямъ и что эти послѣдніе дали австрійскимъ славянамъ, и въ частности галичанамъ, обѣщанія, исполненіе которыхъ далеко превосходило ихъ компетентность. Эти обѣщанія побудили тогдашняго издателя главной галицкой газеты «Слово», г. Дѣдицкаго, одного изъ самыхъ плодovitыхъ писателей изъ партіи «старшихъ», на рѣзкую перемѣну фронта по національному вопросу. Въ горячей статьѣ онъ объяснялъ всѣ неудачи галичанъ съ 1848 г. тѣмъ, что они не имѣли тогда смѣлости признать себя частію великаго народа русскаго, единаго отъ Карпатъ до Амура.

Это заявленіе, которому «Слово» остается вѣрнымъ и до сихъ поръ, имѣло рѣшительныя послѣдствія для исторіи политическихъ партій въ Галиціи. Какъ увидимъ дальше, оно привело постепенно «старшую» партію на ложе смерти. Дѣло въ томъ, что это заявленіе такъ и осталось заявленіемъ. Для того, чтобъ оно стало дѣломъ, нужно было, чтобъ Галиція дѣйствительно стала въ такое отношеніе къ Австріи, въ какомъ была къ ней до 1866 г. Венеція, да кромѣ того, конечно, нужно было, чтобъ и Россія была похожа на Сардинское, потомъ Итальянское королевство. На дѣлѣ не было ни того, ни другого, и, когда галицкимъ «москвофламъ» приходилось поставить политическій вопросъ серьезно, то они отказывались отъ политической уніи съ Великороссіей, а говорили только о моральной, пре-

имущественно литературной, и то собственно языковой. Но оказалось, что и для этой послѣдней въ Галиціи нѣтъ реальной почвы: по крайней мѣрѣ, несмотря на брошюру г. Дѣдицкаго «Въ одинъ часъ малорусину выучитися по-великорусски», ни онъ, ни кто-другой изъ писателей его партіи не выучился по-великорусски и всѣ продолжаютъ писать до того удивительнымъ языкомъ, что ихъ покровители въ Россіи никогда не рѣшаются поцитировать въ подлинникъ ни одного періода, ими написаннаго,—а сами галицкіе «общеруссы» ни изъ-за чего такъ не сердятся, какъ если кто покажетъ публикѣ въ Россіи подлинныя образчики ихъ «общерусскаго литературнаго языка». Врядъ ли нужно лучшаго доказательства, что вся исторія единенія галичанъ съ нашими централистами есть миеологія и притомъ соединенная съ умышленнымъ обманомъ общественнаго мнѣнія въ Галиціи и въ Россіи. Но еще менѣе чѣмъ для языковаго единенія было дѣлаемо что-либо для единенія духа и содержанія двухъ литературъ. Да иначе и быть не могло. Соедините, если можете, самыя отсталыя и захолустныя «Епархіальныя Вѣдомости», написанныя языкомъ Симеона Полоцкаго съ любымъ петербургскимъ обозрѣніемъ!

Слѣдуетъ сказать, что ревнители единенія въ Россіи, и даже спеціальныя для того учрежденія, какъ славянскіе благотворительныя комитеты, ровно ничего не сдѣлали даже для ознакомленія галичанъ съ тою литературою, съ которою предполагалось ихъ объединить, и на неоднократныя напоминанія объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (ред. Корша), въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (1875 г.), отвѣчали обвиненіями въ злонамѣренности (въ «Голосѣ», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Кіевлянинѣ», въ «Гражданинѣ», въ «Рускомъ Мирѣ» и даже въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»). Мы нарочно выписываемъ имена этихъ изданій, для того, чтобы показать, что вопросъ объ ознакомленіи галичанъ съ Россіей посредствомъ произведеній ея литературы былъ поставленъ весьма гласно, и, однако-жъ, постановка эта осталась безъ всякихъ результатовъ. Намъ удалось въ 1875—1876 г. систематически осмотрѣть всѣ русскіе центры въ Австріи (Черновцы, Коломыя, Львовъ, Перемышль, Мукачевъ, Унгваръ, Прешевъ, кружки русиновъ въ Вѣнѣ), — и добыть копіи съ каталоговъ библіотекъ всѣхъ австро-русскихъ учреждений и обществъ, и нигдѣ мы не нашли ничего подобнаго, хотя-бы самой маленькой систематической коллекціи русскихъ авторовъ изъ Россіи. Если-бы напечатать эти каталоги, то получились-бы самыя краснорѣчивыя

обвинительные акты противъ московскихъ славянофиловъ и ихъ комитетовъ, въ протоколахъ которыхъ мы находимъ слѣды сношеній со всѣми почти австро-русскими обществами и кружками. Но сношенія эти ограничивались выдачею личныхъ субсидій отдѣльнымъ попрошайкамъ да случайными посылками литературнаго хлама и едва-едва кой-какихъ учебниковъ.

Въ 1875 г. одно только австро-русское общество имѣло весьма полную коллекцію книгъ о Россіи, а также періодическія изданія Петербургскія и Московскія, — это вѣнское общество «Сіг» (Свѣтъ), которое подвергалось постояннымъ атакамъ галицкихъ и російскихъ объединителей именно за свое отщепенское украинофильство. Къ нашему удивленію, намъ сообщили, что эта «русская» коллекція была составлена именно при помощи украинофиловъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ осыпали обвинениями славянскіе комитеты, особенно кievскій, и поддерживающіе ихъ органы («Голось», «Московскія Вѣдомости», «Кіевлянинъ» и т. п.). Въ разгаръ возобновленной гонки на украинофильство въ Россіи, какъ-разъ при началѣ сербско-болгарской войны украинофилы изъ Россіи положили начало бібліотекѣ книгъ о Россіи въ Черновцахъ (въ Буковинѣ), въ Унгварѣ и Мукачевѣ (въ Венгріи).

Такимъ образомъ, поступленіе галицкой старшей партіи подъ патронатъ московскихъ и петербургскихъ славянофиловъ-централистовъ не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ даже въ литературномъ отношеніи. Но этого мало; скоро оказались результаты отрицательные: внутренняя литературная производительность партіи сплпно упала.

Въ числѣ прочихъ объясненій этого явленія приводится иногда такое, что, ожидая присоединенія Галиціи къ Россіи, литераторы русской партіи не желали увеличивать количества мѣстной литературы, все-таки болѣе или менѣе малорусской. Въ этомъ объясненіи есть доля истины, но имъ не объясняется все. Много значила тутъ и эмиграція старыхъ и молодыхъ людей русской партіи на службу въ Россію, гдѣ они тотчасъ-же забывали интересы своей родины, такъ-что даже вызывали упреки въ самомъ львовскомъ «Словѣ». Эта эмиграція оставила «москвофильскую» партію почти совершенно безъ молодого поколѣнія. Результатомъ было то, что въ слѣдующіе за 1866 годы изданія «Матицы» захирѣли до того, что общество, которое прежде все-таки печатало и научные труды, и популярныя книги, теперь по цѣлымъ годамъ стало не подавать признаковъ своего существованія. До какого моральнаго состоянія дошло оно вмѣстѣ со своей партіей, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣ-

ста протокола его общаго собранія въ 1870 г.: «О. Гушалевичъ. Выдѣлъ (комитетъ) Матица спитъ. Налѣжитъ позавязовати (основать) филиалки по краю, которыя-бы расширяли часопись. Комитетъ будетъ могъ вліяти на провинцію... О. Лепкій. Дивно маѣ, що о. Гушалевичъ, жиющий тутъ въ Львовѣ и присутствовавшій не разъ на засѣданіяхъ Выдѣла, може говорити, що Выдѣлъ Матицы спалъ. О. Гушалевичъ былъ членомъ Выдѣла, тожъ спалъ и онъ. Если-же не спалъ, то чему не будилъ онъ другихъ... Онъ самъ спалъ. (Публика: славно! О. Лепкій сѣдаетъ коло о. Гушалевича; оба ведутъ между собою живой разговоръ, наконецъ, усмѣхаючись, стискаются за руки). — (Литер. Сборникъ, изд. Гел.—р. Матицею. 1870 г. 125—126). Послѣ этого курьезнаго разговора Матица выдала только двѣ книги «Литературнаго Сборника» и теперь едва начинаетъ опять поговаривать о необходимости проявленія своего бодрствованія.

Параллельно упадку литературной дѣятельности, упала и политическая дѣятельность партіи. Но тутъ дѣйствовали нѣсколько иныя причины,—да и положеніе поллитическихъ дѣятелей галицкихъ было нѣсколько иное, чѣмъ положеніе чистыхъ литераторовъ. Съ самаго начала конституціонной системы въ Австріи депутаты-русины какъ-будто приняли правиломъ быть не столько представителями интересовъ своего народа, сколько слугами правительства. Они видѣли въ этомъ единственную гарантію огражденія своего существованія отъ притязаній поликовъ. Своею вѣрностью монархическому принципу въ революціонную эпоху 1848—49 гг. и въ эпоху реакціи русины заслужили въ официальныхъ кругахъ Австріи эпитетъ «восточныхъ тиролецевъ».

Если-бы согласить политическую дѣятельность депутатовъ-галичанъ съ литературными заявленіями ихъ друзей въ 1866—1867 гг., то пришлось-бы тиролецамъ превратиться вдругъ въ венеціанцевъ.

Галицкіе политики придумали еще болѣе удивительную вещь: оставаться восточными тиролецями въ то время, когда литературные друзья ихъ играютъ роль венеціанцевъ, и въ то время когда даже вѣрность дѣйствительныхъ тиролецевъ колебалась въ виду централистической конституціи, когда само правительство признавалось, что оно «пожертвовало ихъ полякамъ».

Галицкіе депутаты сдѣлались неизмѣнными министерскими депутатами въ рейхсратъ и въ то-же время, среди полного торжества парламентскаго правленія, не переставали въ мѣстномъ сеймѣ слать адреса прямо къ коронѣ и въ обращеніяхъ къ народу говорить такъ, какъ-будто въ Австріи продолжаетъ

существовать неограниченная монархія. Австрійскія «мѣщанскія министерства» послѣ 1867 г. не приобрѣли себѣ доброй славы между прочимъ благодаря биржевой своей дѣятельности,—а между тѣмъ они постоянно пользовались поддержкой галицкихъ депутатовъ, между прочимъ и въ такихъ дѣлахъ, какъ казенная поддержка залгравшимся на биржѣ «дѣльцамъ» 1873 г. Само собою, что ставши въ ряды «вѣрноконституціонныхъ», галицкіе депутаты поддерживали всю противославянскую политику правительства съ 1867 г., противъ которой пущено столько бумажныхъ громовъ и въ петербургскихъ, и въ московскихъ славянофильскихъ газетахъ. И странное дѣло: эти-же самыя газеты не переставали гладить по головкѣ именно этихъ галицкихъ политиковъ. Не знаемъ, чего было тутъ больше: незнанія, нелогичности или умышеннаго мороченья публики?

Но гдѣ тонко, тамъ и рвется. Галицкіе политики оборвались и передъ своимъ народомъ, и передъ правительствомъ. Народъ галицкій дѣйствительно заявилъ себя роялистомъ въ революціонную эпоху 1848—49 гг., но, конечно, не роялистомъ доктринеромъ: онъ шелъ противъ польскихъ помѣщиковъ, не какъ противъ либераловъ, а какъ противъ помѣщиковъ, и стоялъ за «Цісаря», потому-что получилъ отъ него отмѣны «панщины» и ожидалъ отъ него уступки и «поля, дісу і пасовиська». Ожиданія эти далеко не сбылись, и народъ охладѣлъ къ высшей политикѣ, а между тѣмъ выступилъ антагонизмъ между нимъ и духовенствомъ, которое доставляло контингентъ политиковъ. Пользы отъ двадцатилѣтней дѣятельности постоянно выбираемыхъ однихъ и тѣхъ-же депутатовъ въ рейхсратъ и въ сеймъ крестьяне не видѣли, и потому стали продавать свои голоса хоть за водку, получаемую отъ помѣщиковъ-поляковъ. Къ тому-же послѣ 1867 г. мѣстная администрація все больше переходила въ руки поляковъ и наклоняла вѣсы выборовъ, конечно, въ сторону своихъ и противъ русиновъ. Каждое избирательное число послѣднихъ становилось меньше,—и теперь въ рейхсратѣ ихъ только 4 или даже собственно три *) Въ парламентскомъ смыслѣ русиновъ въ Австріи не существуетъ.

На этомъ литературномъ и политическомъ вымирании «старой» или рутенско-москвофильской партіи дѣло не остановилось. Въ послѣднее время обнаружались признаки разложенія моральнаго, которые, однако-жъ, не представляютъ ничего ни удивительнаго, ни новаго для внимательныхъ наблюдателей.

*) Русскія села Восточной Галиціи выбираютъ 17 депутатовъ, изъ коихъ въ послѣдній разъ выбрали 13 польскихъ пановъ.

Въ недавнее время выступило уже передъ судомъ дѣло своего рода Юханцева, въ которомъ дѣлъ обрисовались порядки тѣхъ учреждений, въ которыхъ галицкіе политики старой партіи играютъ роль хозяевъ. Въ началѣ 1879 г. священникъ Корнилій Яворовскій, казначей духовной консисторіи въ Львовѣ, кассиръ фонда вдовъ и сиротъ и другихъ подобныхъ, ввѣренныхъ консисторіи, капитулу и т. п., предалъ себя въ руки суда, сознавшись въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ. Въ октябрѣ началось судебное сѣдѣніе. Прокуратура обвиняла г. Яворовскаго въ растратѣ 12,873 гульденовъ. Подсудимый признавался только въ растратѣ 7,000, которые онъ частію проигралъ, частію издержалъ въ надеждѣ имѣть возможность возратить ихъ въ кассу; 4,000 - же, по его словамъ, выданы заимобразно Крылошанину Малиновскому (членъ капитула церкви св. Юра и вліятельное лицо партіи), что удостовѣряется его роспискою, найденною у подсудимаго. Подсудимый считалъ возможнымъ брать деньги изъ кассы, такъ-какъ не было ни правильной отчетности, ни контроля и такъ-какъ и другіе брали изъ нея, и не разъ, напр., Крылошанинъ - Малиновскій бралъ для себя, для митрополита, для устроеннаго партіей банка. Свидѣтели подтвердили эти показанія. Только г. Малиновскій пробовалъ отрицать ихъ и даже утверждать, что его росписка—подложная, но скоро призналъ ея подлинность. Слѣдуетъ прибавить, что свидѣтели,—все лица вліятельныя въ партіи, давали показанія по-польски, а не по-русски, (по-малорусски), хотя судья читалъ имъ формулу присяги по-русски, и они имѣли право, по закону, и, какъ люди, столь склонные обвинять другихъ въ измѣнѣ національности, обязаны были отвѣчать на своемъ языкѣ.

Процессъ этотъ приподнял только край завѣсы, скрывавшей хозяйство въ австро-русскихъ корпораціяхъ, которыя почти всѣ находятся въ рукахъ старой партіи. Статуты этихъ корпорацій, даже частныхъ патріотическихъ обществъ, составленные подъ вліяніемъ патріотовъ 1848—49 гг., даютъ огромное значеніе лицу митрополита и, слѣдовательно, высшему духовенству, а также даютъ чрезмѣрное преимущество комитетамъ передъ общими собраніями членовъ. Почти во всѣхъ этихъ корпораціяхъ въ комитетахъ сидятъ безсмѣнно одни и тѣ-же лица и распоряжаются суммами почти безконтрольно. Поэтому нисколько не будетъ удивительно, если, напр., и въ «Ставропогальномъ Институтѣ», въ который превратилось знаменитое демократическое львовское братство, организованное еще въ XVI в.,—или въ «Народномъ Домѣ» окажутся такіе-же, если не большіе недочеты, какъ и въ кассахъ консисторіи. Но если-бы даже недо-

четовъ и не было, то несомнѣнно, что, напр., «Народный Домъ» служитъ какъ-бы имѣніемъ управляющему имъ комитету, члены котораго имѣютъ въ немъ по удешевленнымъ цѣнамъ квартиры, тогда-какъ, напр., для библіотеки не находится мѣста, и она лежитъ въ беспорядкѣ и не служитъ не къ чему. Кроме того, всему относительно огромному имуществу «Народнаго Дома» завѣдывающіе имъ лица дали употребленіе, совершенно противное цѣлямъ учрежденія. «Народный Домъ», котораго зданія были пожертвованы націи правительствомъ (погорѣлое зданіе университета), а восстановлены на деньги, собранныя съ народа,—основанъ былъ для того, чтобъ давать убѣжище національнымъ культурнымъ учрежденіямъ, помогать развитію литературы и т. п. Но лица, завѣдывающія «Домомъ», стали на такую точку зрѣнія, что нужно сначала увеличить капиталъ его, а потомъ уже работать для достиженія этой цѣли. Для этого-же они отдають помѣщенія «Дома» въ наймы купцамъ, а также подъ квартиры, не забывая при этомъ себя и своихъ; мало того, они пустились въ спекуляцію и купили на имя учрежденія два имѣнія, да притомъ съ долгами. Спекуляція оказывается не удачною: имѣнія вводятъ «Домъ» въ долги, до уплаты которыхъ, говорятъ, нужно отложить даже такія нужды какъ освобожденіе помѣщенія для библіотеки. О такой политикѣ справедливо говорятъ, что «Народный Домъ» тогда приступитъ къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, когда русиновъ и на свѣтъ не будетъ. Единственнымъ объясненіемъ этой странной политики можетъ быть предположеніе, что распорядителямъ «Народнаго Дома» хозяйство сподручнѣе и даже выгоднѣе, чѣмъ литературныя и культурныя занятія.

Очевидно, что подобное безцеремонное отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и имуществамъ можетъ держаться только при полномъ отсутствіи контроля. А чтобы избѣжать его, комитеты «Народнаго Дома», «Русской Матицы» и т. п. заботливо устранили принятіе новыхъ членовъ, сколько-нибудь заподозрѣнныхъ въ духѣ оппозиціи, и даже выключали таковыхъ подъ предлогомъ «отпаденія ихъ отъ національности «русской» въ какую-то украинскую, выдуманную поляками» и т. п.

Понятно, что всякой такой политикѣ раньше или позже долженъ наступить конецъ, особенно подъ вліяніемъ скандаловъ въ родѣ обнаруженной растраты въ св. Юрѣ. Неудачи парламентскія, конечно, способствовали пробужденію въ обществѣ духа критики,—который, между прочимъ, на первый разъ выразился во многихъ мѣстахъ въ довольно единодушномъ желаніи допущенія всѣхъ русиновъ безъ различія партій въ общенаціо-

нальныя учрежденія. Петиція въ такомъ родѣ была представлена и въ комитетъ «Русской Рады» въ концѣ 1879 г.

Когда говорится въ Галиціи о примиреніи и слитіи партій, то разумѣютъ, главнымъ образомъ, партіи «старую» и «молодую» или народную или, иначе, «москвофильскую» и «украинофильскую». Мы уже сказали, что особенно рѣзко разошлись они послѣ заявленій «Слова» въ 1866 году. Заявление это имѣло рѣшительное вліяніе и на галицкихъ украинофиловъ. Оно дало имъ болѣе легальную почву, такъ - какъ они остались вѣрными разъ уже признанной національной формулѣ. Теперь уже не они, казакоманы, являлись новаторами, а старые, москвофилы. Нѣсколько человѣкъ изъ старыхъ политиковъ, которыхъ шокировала манифестація «Слова», пристали къ «молодымъ», какъ, напр., совѣтникъ и банкиръ, впоследствии вице-маршалъ сейма Лавровский и депутатъ, священникъ Кагала. Разумѣется, «молодымъ» пришлось позбавить «казакоманіи», а потомъ отчасти и самого украинофильства и сдѣлать уступки австрійскому бюрократизму и униатскому клерикализму, а вмѣстѣ съ тѣмъ урѣзать нѣсколько и свое украинофильство въ пользу «рутенства», или-же придумать лицемѣрную середину между культомъ Шевченко и совѣтника Лавровскаго, скоро тоже умершаго. Политическая дѣятельность галицкихъ украинофиловъ, или, лучше сказать, ихъ поползновенія на дѣятельность тоже на дѣлаютъ чести ни ихъ морали, ни даже такту. Но такъ-какъ они почти не существовали, какъ парламентская партія, то объ этой сторонѣ дѣла не стоитъ много и разговаривать. Галицкіе украинофилы остались преимущественно литературною партіею, или даже партіею школьною, такъ-какъ они первоначально состояли почти исключительно изъ молодыхъ учителей и профессоровъ. Большимъ преимуществомъ на сторонѣ украинофиловъ оказалась то, что они, какъ ни на есть, а остались на мѣстной почвѣ,—къ тому-же то обстоятельство, что украинофилы, какъ младшіе и бѣднѣйшіе, не попали еще въ парламенты, заставило ихъ искать подъ собою почвы все-же нравственной,—въ школѣ, въ литературѣ. Вотъ почему въ то время, когда москвофильская партія все вымирала, украинофильская все росла и теперь выступаетъ въ качествѣ наслѣдника первой далеко не безъ надеждъ на успѣхъ. Старая партія это отлично чувствуетъ и потому-то такъ неохотно слушала рѣчи о «примиреніи», за которымъ она весьма основательно усматривала свое грядущее замѣщеніе.

Украинофильская партія оказалась гораздо болѣе счастливою чѣмъ «москвофильская» и въ союзникахъ за-границами Австріи, какъ это не удивительнымъ можетъ показаться на пер-

вый разъ. Но мы видѣли, что богатые, организованные, чиновные и вліятельные московскіе славянофилы въ Россіи не принесли никакой существенной пользы своимъ протезѣ, не какъ лицамъ, а какъ партіи. Сами-же галицкіе москвофилы не были въ состояніи воспользоваться даже тою литературою, о единеніи съ которою столько говорили. Помимо всякихъ частныхъ причинъ, тутъ вліяла основная: отсутствіе реальной почвы для единенія. Иначе было съ украинофилами. Украинская литература въ Россіи была и есть не велика, но все-таки жива и родственна галичанамъ, которые сразу получили готовый нравственный, хоть и небольшой капиталъ. Украинофилы въ Россіи никогда не были организованы для систематической дѣятельности, но все-таки между ними были лица, которыя видѣли въ галичаныхъ своихъ людей, въ ихъ дѣлѣ свое дѣло, и если оказывали галичанамъ помощь, то именно помощь дѣлу, а не лицамъ. Съ 60-хъ годовъ, начиная съ г. Кулиша,—который самъ заявилъ о томъ печатно во II т. «Исторіи воссоединенія Руси»,—всегда находились между украинцами изъ Россіи люди, которые прямо работали для литературнаго развитія въ Галиціи, даже живя по временамъ въ странѣ, не говоря уже о томъ, что всѣ вновь появившіеся украинскіе писатели, беллетристы, поэты, педагоги,—отсылали свои произведенія на печатанье въ Львовъ и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше встрѣчали къ тому неудобствъ въ Россіи. А между этими молодыми украинскими писателями оказалось нѣсколько человекъ съ несомнѣннымъ талантомъ. Мало того, даже матеріальная помощь дана была галичанамъ-украинофиламъ гораздо болѣе существенная отъ украинцевъ, чѣмъ москвофилы получали отъ своихъ покровителей. Мы уже говорили о библіотекахъ. Теперь скажемъ о типографіи въ Львовѣ, средства для основанія которой были доставлены изъ Россіи, но съ условіемъ, что они даются не лицамъ, а учрежденію, которое галичане и основали подъ именемъ «Товарищества имени Шевченко». Выборъ распорядителей общества былъ сдѣланъ сразу неудачно. Оно то-же пошло по дорогѣ «Народнаго Дома» и отложило издательство до тѣхъ поръ, пока типографія не разбогатѣетъ, и по нѣскольку лѣтъ не созываетъ общаго собранія и не даетъ отчета. Вообще шевченковскаго въ этомъ обществѣ нѣтъ ничего, кромѣ имени. Но все-таки типографія существуетъ и приноситъ свою пользу хоть части изданій украинофильской партіи. Все-же это не то, что деньги, безслѣдно загубленные славянскими комитетами на субсидіи попрошайкамъ.

Такимъ образомъ, украинская партія въ Галиціи оказалась на болѣе твердой почвѣ и болѣе вооруженною нравственно. Центромъ ея

была и есть еще основанное въ 1867 г. общество «Просвіта», которое теперь имѣетъ нѣсколько филий въ провинціяхъ. Оно издало нѣсколько десятковъ народныхъ книгъ, изъ которыхъ половина, по нашему мнѣнію, весьма плохи и даже вредны, какъ вообще добрая половина того, что повсюду издають для такъ называемаго народа; но въ другой половинѣ есть книжки безспорно хорошія. Во всякомъ случаѣ книжки «Просвіты» читаются и расходятся въ числѣ отъ 10 до 20,000 въ годъ и болѣе. Но самое существенное изъ всего сдѣланнаго «Просвітою», это изданіе, хотя и при официальной помощи, учебниковъ для гимназій, почти по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ классовъ. Изданіе это дало возможность примѣнить на дѣлѣ то, что признала за галичанами австрійская конституція, а именно право на среднее и высшее образованіе на національномъ языкѣ. Право это было признано за русинами еще въ 1848 г., но, по не имѣнію учебниковъ, а потомъ, въ эпоху реакціи, вслѣдствіе германизаторскихъ намѣреній правительства, на дѣлѣ національный языкъ употреблялся только въ низшихъ школахъ да отчасти въ университетѣ (львовскомъ) для кафедры этого языка и литературы; въ гимназіяхъ-же господствовалъ языкъ нѣмецкій. Съ провозглашеніемъ конституціи 1867 г. и съ предоставленіемъ Галиціи (собственно польской ея партіи) автономіи въ школьныхъ дѣлахъ, нѣмецкій языкъ сталъ замѣняться польскимъ. На всѣ жалобы русиновъ польскіе централизаторы отвѣчали: «На вашемъ языкѣ не по чемъ учить». Теперь-же украинцамъ удалось отвоевать, по крайней мѣрѣ, одну полную гимназію въ Львовѣ, не считая классовъ въ другихъ гимназіяхъ. А это, вмѣстѣ съ существованіемъ четырехъ кафедръ въ львовскомъ университетѣ и одной въ черновицкомъ (въ Буковинѣ), съ которыхъ преподаваніе идетъ то-же на «русскомъ» языкѣ (Ruthenische Sprache), какъ говорятъ въ Австріи, или на «малорусскомъ» языкѣ, какъ сказалъ-бы въ Россіи, представляетъ уже сильную гарантію въ пользу сохраненія органической связи между людьми высшаго образованія съ народными массами.

Теперь школьное и литературное поле можно признать окончательно завоеваннымъ «молодою», «народною», или «украинскою» партією. Наилучшимъ доказательствомъ тому служить обстоятельство, что среди самой «старой» партіи являются люди, которые, все еще продолжая ворчать противъ «украиноманіи», считаютъ для себя выгоднымъ издавать украинскихъ авторовъ. Таково, напр., изданіе черновицкаго профессора «русской» литературы—«Руска Библіотека» (т. I, «Писаня И. П. Котляревскаго, В. А. Гоголя, П. П. Артемовскаго-Гулака»; т. II, «Пи-

сая Квитки»). Книги и періодическія изданія украинской партіи должны быть признаны все таки наиболѣе живыми и интересными произведеніями галицкой литературы, въ которыхъ наиболѣе видно и новѣйшихъ научныхъ приемовъ: таковы лингвистическіе и историко-литературные труды львовскаго профессора литературы г. Эм. Огоновскаго: «Слово о Полку Игоревѣ» и повѣмки «Studien über die Ruthenische Sprache» и др., статистическія работы г. Вл. Навроцкаго, статьи по физикѣ доцента вѣнскаго университета г. Пулюя, переводы южно-русскихъ біографій изъ «Исторіи Россіи» г. Костомарова и др. Сюда-же слѣдуетъ причислить популярно-историческія брошюры живущаго въ Россіи беллетриста г. Н. Левицкаго (Нечуя), который, кромѣ того, почти каждый годъ печатаетъ въ Галиціи большую повѣсть изъ народной жизни, всегда почти представляющую интересные результаты наблюденій, хотя и не всегда достаточно обработанную. Къ украинской-же партіи примкнулъ и самый талантливый поэтъ и беллетристъ галицкій изъ числа появившихся въ 60-е годы, Федьковичъ, буковинскій крестьянинъ, описавшій съ удивительною простотою жизнь своихъ земляковъ. По части періодической печати украинская партія издавала въ послѣдніе годы сборникъ «Правда», «Газету Школьну», «Письмо зъ Провсвіты», «Баньковщину» и т. п. Изъ нихъ «Газета Школьна» вызвала противъ себя мѣры официальнаго училищнаго совѣта (въ огромномъ большинствѣ состоящаго изъ поляковъ), который запретилъ сельскимъ учителямъ подписываться на нее, и должна была прекратиться, но замѣнилась учено-литературной газетой «Заря». Въ прошломъ году редакція «Правды», обративъ это изданіе въ неперіодическое, взялась за изданіе газеты (три раза въ недѣлю) «Діло», для которой, чтобъ не рѣзать глазъ грамматиковъ-консерваторовъ, принято старое правописаніе («Дѣло»). Газета эта, — болтливая и водянистая въ передовыхъ статьяхъ, — все-же болѣе отдаетъ современностью, чѣмъ «Слово», выходящее въ томъ-же форматѣ; по языку «Дѣло» совсѣмъ украинское изданіе.

Въ послѣднее время на сторону украинцевъ стали склоняться и тѣ сферы, которыя въ свое время первыя выступили противъ нихъ, въ періодъ появленія ихъ въ видѣ «казакофиловъ». Мы разумѣемъ высшіе клерикальныя сферы, которыхъ органомъ служила до недавняго времени газета «Рускій Сіонъ», раздѣлившійся потомъ на двѣ газеты. Такая перемѣна имѣетъ нѣсколько причинъ: во-первыхъ, подростъ болѣе молодого поколѣнія духовенства, которое уже не такъ держится за старую церковно-славянщину и признаетъ значеніе за народнымъ языкомъ, а во-

вторыхъ, въ болѣе оффиціальныхъ сферахъ,—реакція той части старой партіи, которая симпатизировала уничтоженію уніи въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ въ Россіи. Эта новая благосклонность уніатскихъ клерикаловъ къ партіи, которая дебютировала нѣкогда, какъ «казакофильская», смущается по временамъ курьезами, въ родѣ полемики о Шевченкѣ, по поводу напечатанія въ полномъ пражскомъ изданіи неизвѣстныхъ прежде стихотвореній его, въ родѣ поэмы «Марія», въ которыхъ «батько» и «пророкъ» украинофилы выходятъ за предѣлы не только «церкви восточнаго обряда», но даже и христіанства. Но миръ возобновляется, между прочимъ, благодаря уступкамъ народовцевъ, которые то оправдываютъ своего пророка тѣмъ, что онъ, будучи православнымъ, имѣлъ право не почитать папизмъ въ такихъ поэмахъ, какъ «Иванъ Гусъ»; то заявляютъ, что и они сами не все одобряютъ въ писаніяхъ украинскаго кобзаря, или полагаютъ раздѣлить это писаніе на писанія для профановъ и для посвященныхъ. Вообще перемѣна уніатскими клерикалами гнѣва противъ народовцевъ на милость имѣетъ на народовцевъ очень деморализирующее направленіе. Хорошая сторона этой перемѣны заключается только въ томъ, что она знаменуетъ, что въ Галиціи уменьшаются формальныя раздѣленія между партіями, напр., изъ-за литературнаго языка, и готовится почва для сложенія нормальныхъ партій, которыя различаются между собою культурными и политическими идеалами, не одинаково признаютъ общую національную основу, какъ это мы видимъ повсюду, гдѣ утрата національной независимости не произвела такой путаницы въ понятіяхъ о своей національности, какую мы видѣли при началѣ возрожденія среди русиновъ въ Галиціи.

Такіе успѣхи украинской партіи среди разныхъ общественныхъ элементовъ Галиціи не могли не произвести впечатлѣнія на ея противниковъ, которые увидѣли, что они теряютъ подъ собою почву. Образовалась средняя партія, которая все еще держась формулы единства русскаго племени отъ Тиссы до Амура, заявила, что единство это должно имѣться въ виду только для большихъ оказій, для высшихъ сферъ общества, а что въ обыденной жизни и въ литературѣ для низшихъ сферъ надо считаться съ разнообразіями, напр., съ народными языками, или, какъ говорятъ менѣе уступчивые, съ нарѣчійми и даже выговорами. Наиболѣе активнымъ представителемъ этой средней партіи является священникъ Наумовичъ, довольно талантливый и энергическій человѣкъ, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно образованный,—прежде депутатъ сейма и рейхсрата,—основатель популярнаго журналовъ «Наука», «Руска Рада» и т. п. Онъ стоитъ

за единство русскаго литературнаго языка, хотя, впрочемъ, вовсе не за великорусскій литературный языкъ, въ которомъ онъ тоже недоволенъ простонародностью, но за какой-то высшій русскій языкъ, основанный на церковно-славянскомъ. Но рядомъ съ общерусскою литературою, которую, очевидно, слѣдуетъ еще создать, согласно идеямъ галицкаго патріота, — онъ признаетъ необходимою литературу для простаго народа на его языкъ, которымъ, надо сказать, г. Наумовичъ владѣетъ лучше многихъ крайнофиловъ-народовцевъ.

Онъ первый не выдержалъ пассивности своей партіи и эмигрантскаго и морально-абсентеистическаго духа послѣ 1866 г. и видя, то извнѣ ожидаемая помощь не приходитъ, сталъ искать почвы подъ ногами и обратился къ агитаціи среди самого мѣстнаго народа, начавъ издавать популярныя брошюры, журналы, листки, въ которыхъ жаловался на существующую систему австрійско-польскаго управленія, а также на обѣдненіе народа, противъ котораго онъ предлагалъ и средства. Жалобы эти и эти средства были весьма нехитраго, очень домашняго характера: во всѣхъ бѣдахъ у г. Наумовича были виноваты чужіе, особенно «латинцы», поляки; средства для поправленія дѣлъ, имъ рекомендованныя, были: вѣрность габсбургамъ и пастырямъ церкви, а изъ экономическихъ мѣръ: трезвость и бережливость. Но на первый разъ агитація г. Наумовича была нѣчто новое, и онъ явился въ Галичинѣ своего рода Шульце-изъ-Делича, проповѣдуя организацію народныхъ обществъ бережливости, читаленъ, общественныхъ кассъ, магазиновъ и т. п. 1873—75 гг. были апогеемъ дѣятельности галицкаго Шульце-изъ-Делича. Въ это время ему улыбнулось надежда расширить дѣятельность приобрѣтеніемъ болѣе значительныхъ средствъ. Въ 1873 г. умеръ въ Кронштадтѣ завѣхавшій въ Россію галичанинъ, совѣтникъ Михаилъ Качковскій, оставивъ послѣ себя завѣщаніе, по которому всѣ его капиталы, которые сначала опредѣляли въ 85 тысячъ гульденовъ, на литературно-патріотическія цѣли, указаніе которыхъ онъ предоставилъ, по завѣщанію, особому комитету изъ духовныхъ и литераторовъ старой партіи. Наумовичъ возымѣлъ мысль организовать особое литературно-патріотическое «Общество имени Михаила Качковскаго» съ девизомъ: «молися, трезвися, учися, трудися», каковое дѣйствительно и было открыто. Но сверхъ ожиданія Наумовича, деньги Качковскаго въ общество это не поступили: изъ-за нихъ возникли процессы, сумма денегъ какъ-то все уменьшалась въ гласныхъ о нихъ указаніяхъ, въ послѣднее время самые разговоры о нихъ затихли. Впрочемъ, на первыхъ порахъ много сельскаго духовенства и крестьянъ

янъ и даже студентовъ вписалось въ члены общества, которыхъ числилось нѣсколько тысячъ; на митингъ общества собиралось отъ 500 до 1,000 человекъ, большею частію крестьянъ. Предприняты были народныя изданія; митинги стали сопровождаться сельско-хозяйственными выставками. Но скоро проникло въ общество партіонная рутина, а вмѣстѣ съ нею денежная неаккуратность, тѣмъ болѣе, что Наумовичъ, въ расчетъ на полученіе капитала Качковскаго, допустилъ широкое участіе въ дѣлахъ общества нотаблей старой партіи и ихъ протезѣ. Рядомъ съ этимъ жизнь обнаружила узость клерикально-кооперативной идеи Наумовича, и крестьяне стали замѣчать, что какъ ни трезвись, ни трудись,—все изъ бѣдности не выйдешь,—что «старшіе ихъ братья», духовенство ничему реально-полезному ихъ не выучиваютъ, а проповѣдуя народу: «молися», сами не забываютъ себя и конкурируютъ съ «чужинцами», жидами и ляхами,—въ эксплуатаціи народа, не гнушаясь и ростовщицествомъ, индивидуальнымъ и коллективнымъ, въ видѣ особаго банка сельскаго кредита, основаннаго чинами духовнаго управленія. Симпатія къ Наумовичу и его обществу стали падать до того, что на недавнихъ выборахъ въ сеймъ онъ самъ былъ забаллотированъ въ томъ именно округѣ, гдѣ живетъ.

Между тѣмъ въ молодежи произошло новое движеніе, которое имѣло рѣшительное вліяніе на положеніе всѣхъ старыхъ партій. Движеніе это имѣетъ тоже связь съ постановкой вопроса объ отношеніи галицкой литературы къ русской, «россійской». Мы уже видѣли, что извѣстная партія въ Галиціи дѣлала много шума по поводу литературной уніи Галиціи съ Великороссією и что шумъ этотъ не приводилъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Мало того, не терпимо-централистическая постановка вопроса приводила къ результатамъ отрицательнымъ. Просматривая галицкіе журналы 60-хъ годовъ, видишь, что собственно украинская партія гораздо больше дѣлала для ознакомленія мѣстной публики даже съ великорусской литературою. По крайней мѣрѣ она передавала своей публикѣ голоса ученыхъ великоруссовъ (пр. Лавровскаго, Гильфердинга, пр. Пыпина, даже Погодина) въ пользу самостоятельности малорусскаго языка и законности малорусской литературы. Галицкіе-же общеруссы совсѣмъ ничего не давали, кромѣ газетныхъ перепечатокъ изъ «Москвы», «Моск. Вѣдомостей», «Кіевлянина» и т. п. Извѣстная часть молодежи, вообразивъ, что въ Россіи другой и литературы нѣтъ, отвернулась отъ всего «россійскаго» настолько, что намъ самимъ приходилось встрѣчать въ началѣ 70-хъ годовъ молодыхъ галицкихъ украинофиловъ, которые не хотѣли

читать Гоголя и даже Костомарова, какъ писателей «московскихъ». Среди молодыхъ-же галицкихъ «москвофиловъ» таково было невѣдѣніе «московской» литературы, что когда органъ ихъ «Другъ», изданіе львовскаго студенческаго общества «Академическій кружокъ», пожелалъ познакомить свою публику съ Тургеневымъ, о которомъ слухъ не могъ-же не дойти и въ Галицію, то онъ не выбралъ у этого писателя ничего болѣе подходящаго, кромѣ разсказа «Собака», да и тотъ перевелъ съ нѣмецкаго языка, на какой?—этого уже не беремъ опредѣлить!

Тогда нѣкоторые изъ россійскихъ украинцевъ остановились на такой мысли: познакомить галицкую молодежь съ великорусской литературой, такой, какова она есть, доставляя галичанамъ какъ велико-русскія книги и журналы, такъ и переводя для нихъ разсказы и поэтическія произведенія писателей-великоруссовъ: Щедрина, Тургенева, Некрасова, Достоевскаго и т. п., — показать галичанамъ, однимъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, а другимъ, что русская литература, только настоящая, т. е. та, которую въ Россіи всѣ читаютъ, а не болтовня славянофильскаго кружка, — исходитъ изъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывается и здоровое украинфильство, т. е. изъ принциповъ реализма и демократизма. Планъ сводился, какъ видите, къ тому, чтобъ убить въ галицкихъ украинфилахъ племенную узость, а галицкихъ москвофиловъ поразить на голову московскою-же литературою. Планъ этотъ удался, какъ нельзя болѣе, и постепенный успѣхъ его можно видѣть на страницахъ упомянутаго студентскаго журнала «Другъ» съ 1874 по 1876 годъ. Послѣ ряда полемическихъ статей, въ которыхъ шелъ обменъ мыслей между нѣкимъ украинцемъ и москвофильскими членами редакціи, «Другъ» помѣстилъ, наконецъ, одинъ разсказъ г. Успенскаго въ велико-русскомъ подлинникѣ. Это былъ разсказъ изъ ряда, озаглавленнаго «Изъ Альбома», и рисовалъ онъ жизнь захолустнаго городка, среди котораго жилъ дьяконъ, какъ всѣ дьяконы. Вдругъ въ захолустье является дочь богатаго купца, которая бросила богатство, чтобъ стать народной учительницею. Она-то перевернула вверхъ дномъ жизнь дьякона, пробудивъ въ немъ человѣческіе инстинкты, которые уже никогда не могли примириться съ «свинскимъ», какъ онъ говорилъ, элементомъ его природы и жизни. Драма кончается тѣмъ, что дьяконъ, безсиленъ стать человѣкомъ, спивается, а жена его, которая сначала подозрѣвала учительницу въ амурахъ, сама вмѣстѣ съ нею отправляется въ медико-хирургическую академію, чтобъ приготовиться служить народу. Мы нарочно напомнили содержаніе этого разсказа, который читатель въ Россіи могъ и

забыть, такъ-какъ ихъ не мало появилосъ въ такомъ родѣ въ 70-е годы. На галицкую публику онъ произвелъ странное впечатлѣніе. Во-первыхъ, по языку онъ показалъ наглядно, какъ морочили публику мѣстные общеруссы, выдавая самымъ рѣшительнымъ образомъ свою тредьяковщину за «россійскій литературный языкъ». Во-вторыхъ, по содержанію этотъ рассказъ долженъ былъ сильно задѣть ту публику, которая на бѣольшую половину состоитъ изъ духовенства и его семействъ. Сельская часть публики не сразу разобрала, въ чемъ дѣло, потому-что языкъ разсказа затруднялъ ее, но скоро друзья и враги нововведенія растолковали ей сущность дѣла, и цѣлый рядъ подписчиковъ возвратилъ въ редакцію зловредный № журнала и отказался отъ абонемента. Зато журналъ приобрѣлъ новыхъ изъ провинціальной молодежи. Въ редакціи произошла перемяна: часть отказалась отъ редакціи, и общее собраніе «Академическаго Кружка» приняло отставку ихъ и выбрало большинство комитета изъ партіи радикальной, во главѣ которой стали два молодые беллетриста Павликъ и Франко, оба сыновья крестьянъ, принадлежавшіе прежде къ обществу М. Качковскаго. Въ ихъ рукахъ «Другъ» рѣшительно оставилъ старую, москвофильскую партію, которая, такимъ образомъ, окончательно осталась безъ молодежи.

Украинофилы ликовали, потому-что эта, оставляющая ряды ихъ противниковъ, молодежь становилась на почву «народовцевъ». Но оказалось, что эти раскольники и вмѣстѣ часть молодежи украинофильской сходятся съ оффиціальною украинофильскою партіей только въ вопросахъ формально-литературныхъ и національныхъ, но радикально расходится съ политикою компромиссовъ, которые прежніе казакофилы и поклонники Шевченки успѣли заключить съ разными «совѣтниками» и «крылошанами». Новая народная партія примывала дѣйствительно къ народовству, но въ его прежнемъ, болѣе чистомъ видѣ, и притомъ безъ его національнаго романтизма, который она хотѣла замѣнить новѣйшею европейскою наукою. При томъ-же и по вопросу національному новая народная партія отнеслась скептически къ весьма распространенному вѣрованію объ индивидуалистическомъ характерѣ украинскаго племени (идея, между прочимъ, развитая и въ статьѣ г. Костомарова «Двѣ русскія народности») и явно обнаружилъ намѣреніе искать въ украинскомъ народѣ инстинктовъ и опытовъ артельныхъ, общинныхъ (товариства, громада), такъ-что новая народная партія скорѣе всего можетъ быть названа *народнообщинною*.

Партія эта оказалась довольно плодovitою въ литературномъ отношеніи. Сначала въ 1876 г. она издавала мѣсячную газету

«Другъ», потомъ журналъ «Громадський Другъ», а послѣ для лучшей борьбы съ цензурою, сборники большаго формата: «Дзвінъ» (Колоколъ) и «Молотъ», дальше серію брошюръ подъ названіемъ «Дрібна Бібліотека» (13 брошюръ), а въ настоящемъ году издаетъ опять мѣсячную газету «Свѣтъ». Въ этихъ изданіяхъ появились повѣсти изъ народной жизни Павлика и Франка, изъ которыхъ выдаются особенно «Ребенщучкова Тетяна» Павлика,—исторія борьбы женской личности за свою свободу, и Франка «Борыславъ», рядъ очерковъ изъ жизни крестьянъ рабочихъ на копахъ нести и земляного воску въ Борыславѣ,—а также «На дні», чрезвычайно интересный этюдъ мѣстныхъ осторожныхъ типовъ, результатъ наблюденій автора, который просидѣлъ два раза въ «Мертвомъ домѣ» по политическимъ причинамъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать этюды о положеніи рабочихъ массъ въ Галиціи, объ отношеніи ихъ къ духовнымъ и т. п. Черпая такимъ образомъ мѣстный народный матеріалъ гораздо глубже, чѣмъ это дѣлали прежнія партіи, народно-общинная партія обращается и прямо къ источникамъ передовой западно-европейской литературы, помѣщая переводы изъ Шекле, Ланге, Гексли, а также Эркмана - Шатриана, Байрона (Каинъ), Шелли, Гете (Фаустъ), Гейне и т. п., по большей части очень удачные (стихотворные переводы Франка). Рядомъ съ изданіями новой галицкой группы надо поставить и книги, написанныя въ томъ же направленіи, но для которыхъ матеріалъ доставила не Галиція, или по крайней мѣрѣ не одна Галиція, а и украинскія области Россіи. Таковъ большой романъ Білика и Мирнаго «Хиба ревуть воли, якъ јасла повні?» Въ которомъ въ исторіи двухъ крестьянскихъ семей представлена исторія украинскаго села на лѣвомъ берегу Днѣпра отъ временъ введенія крѣпостного права, въ концѣ XVIII в., до введенія земства включительно, а также двѣ книги: «Життья ј здоровја лудеј на Україні» и «Фабрики ј ремесла на Україні». Выходъ изъ традиціонныхъ галицкихъ партій новая группа обнаружила и тѣмъ, что она обратилась не только къ русинамъ, но и къ полякамъ, принявъ участіе въ организаціи рабочей газеты «Ргаса» («Трудъ») и въ изданіи популярныхъ брошюръ для мѣстныхъ рабочихъ польскаго языка. Нѣкоторыя вещи Франка выходятъ въ одно время по-украински и по-польски.

Надо, впрочемъ, сказать, что какъ партія еще новая и состоящая изъ молодыхъ и не имѣющихъ никакого лично вліятельнаго положенія, народно общинная партія въ Галиціи еще не оказываетъ замѣтнаго вліянія на практической ходъ дѣлъ въ странѣ. Но литературное вліаніе ея довольно сильно и теперь,

такъ-что это едва-ли не самая сильная въ Галиціи литературная партія. Косвенное-же вліяніе ея сказалося и теперъ хоть-бы и тѣмъ, что она выбила всѣ старыя партіи изъ ихъ навъзженныхъ коней и по вопросамъ національнымъ и культурнымъ, и по вопросамъ политическимъ и социальнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи главная заслуга новой партіи заключается въ возбужденіи вниманія къ вопросамъ экономическимъ и къ изслѣдованію болѣе глубокихъ причинъ обѣдненія народа и возрастающаго его обезземеливанья, чѣмъ то «пьянство и лѣнивство», о которомъ столько времени трубили политики обѣихъ старыхъ партій, москвофильской и украинофильской. Движеніе, возбужденное новой партіей въ литературѣ, тѣмъ болѣе имѣетъ шансовъ на будущее развитіе, что ему соотвѣтствуетъ движеніе въ томъ-же направленіи, совершающееся въ самихъ народныхъ массахъ.

Говоря объ упадкѣ количества русиновъ-депутатовъ въ галицкомъ сеймѣ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ, мы уже упомянули объ упадкѣ среди крестьянъ авторитета духовенства. Разладъ народныхъ массъ съ духовенствомъ, которое такъ долго было не только религіознымъ учителемъ, но и политическимъ и національнымъ представителемъ народа, выражается и въ другихъ формахъ: недавно цѣлое село подлѣ Львова, послѣ долгихъ споровъ со своимъ священникомъ, изъявило желаніе перейти въ католицизмъ, а когда къ тому встрѣтилось препятствіе (такъ-какъ и унія считается католицизмомъ), то все перешло въ протестанство. Въ другомъ селѣ нѣсколько грамотныхъ крестьянъ, предводимые однимъ, прежде бывшимъ горячимъ распространителемъ изданій общества М. Качковскаго,—отказались платить налогъ на содержаніе священниковъ и даже силою отняли у волостного старшины конфискованное имъ за недоимку ихъ имущество. Въ бывшемъ по этому поводу процессѣ выяснилось, что цѣлая группа крестьянъ, люди пожилые (за 40 и за 50 лѣтъ), отцы семействъ, высказывали самыя скептическія религіозныя мнѣнія. И, какъ можно судить по наблюденіямъ крестьянки-же Анны Павлигъ, изложеннымъ съ необыкновенною наивностію въ одной ея статьѣ въ «Дзвонѣ»,—подобныя мнѣнія представляютъ вовсе нерѣдкость въ средѣ крестьянъ. Рядомъ съ этимъ нѣсколько процессовъ показали, что среди крестьянъ обращаются такія изданія народно-общинной партіи, которыя львовскіе прокуроры конфисковали, но которыя, впрочемъ, врядъ-ли-бы рѣшились конфисковать прокуроры вѣнскіе, если-бы эти изданія были написаны на нѣмецкомъ, а не на украинскомъ языкѣ. Наконецъ, наблюдатели сообщаютъ, что среди простонародья раз-

ныхъ національностей и церковныхъ обрядовъ въ Галиціи замѣчается желаніе сближенія, совершенно противное узкимъ національнымъ стремленіямъ какъ польскихъ, такъ и русинскихъ политиковъ.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не проявить вліянія и на самихъ политиковъ старыхъ русинскихъ нарѣчій, которые должны были почувствовать необходимость измѣненія своего поведенія. Въ послѣдніе мѣсяцы мы замѣчаемъ сильное движеніе въ галицкихъ политическихъ партіяхъ, сильное стремленіе привлечь на свою сторону активное сочувствіе народныхъ массъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ, какъ вовсе не прежнія вліятельныя лица и кружки руководятъ народными массами, но какъ, наоборотъ, они сами должны подчиниться вліянію этихъ послѣднихъ и шагъ за шагомъ удалиться отъ всѣхъ рутинныхъ способовъ дѣйствій и даже отъ рутинныхъ идей. Это совсѣмъ необычное положеніе дѣлъ обнаружилось впервые на митингѣ, отбывшемся въ Львовѣ на 30-е ноября прошлаго года.

Митингъ этотъ былъ созванъ по поводу празднованія столѣтней годовщины вступленія на престолъ императора Іосифа II. Празднованіе этой годовщины въ Австріи было выдуманно собственно нѣмецко-централистической партіей, чтобъ имѣть лишній случай къ агитаціи противъ теперешняго федеральнаго парламентскаго большинства, въ которомъ клерикалы и феодалы имѣютъ значительную долю участія. Русины, кажется, одни только изъ славянъ присоединились къ празднеству, подѣ предложомъ, что Іосифъ II первый нанесъ ударъ полонизму въ Галиціи, учрежденіемъ русскихъ кафедръ въ университетѣ львовскомъ, а также регулированіемъ барщины и повинностей крестьянскихъ. Но вообще іозефянская демонстрація русиновъ показывала, что ихъ политики все продолжаютъ идти по старой дорогѣ экспериментовъ цесарско-парламентскаго характера. Только второстепенныя обстоятельства, а также дальнѣйшій ходъ дѣла показали, что съ митинга 30-го ноября русины вступили совсѣмъ на новую дорогу.

Прежде всего оказалось, что на этомъ митингѣ политики старой партіи играютъ второстепенную роль и притомъ роль совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ они выступали еще годъ передъ тѣмъ. Мы уже упомянули въ началѣ статьи, что въ концѣ 1879 г. на собраніи общества «Русская Рада» было сдѣлано предложеніе о примиреніи партій среди русиновъ и о принятіи въ число членовъ «Рады» и нѣсколькихъ членовъ изъ партіи украинской. Предложеніе исходило изъ рядовъ представителей одного провинціального округа, который на дѣлѣ

могъ убѣдиться въ томъ, что и проклинаемые украинѳилы по крайней мѣрѣ не хуже «старыхъ» русиновъ работаютъ на національномъ полѣ. Предложеніе было отвергнуто въ общей его формѣ по настоянію комитета «Рады», объявившаго, что въ немъ нѣтъ надобности, такъ-какъ и безъ того всякому честному патріоту открытъ доступъ въ общество. Но затѣмъ комитетъ не принялъ въ члены нѣсколькихъ предложенныхъ представителей украинской партіи, какъ нарочно наиболѣе активныхъ и по своему заслуженныхъ: учителей гимназій, профессоровъ университета, писателей,—чѣмъ и показалъ свою партіонность. Оправданія въ родѣ того, что отверженные—люди, испортившіе родной литературный языкъ и не достаточно «твердые» по отношенію къ полонизму,—быть можетъ, и подѣйствовали-бы на публику десять лѣтъ назадъ, но теперь всѣми знакомыми съ дѣломъ сочтены были весьма неловкими. Имъ повѣрили только газеты въ Россіи, преимущественно «Берегъ», «Кіевлянинъ» и «Московскія Вѣдомости».

Пораженіе комитетомъ «Русской Рады» заставилъ украинѳиловъ обратиться непосредственно къ населенію, и дало имъ мысль организовать митинги 29-го и 30-го ноября, въ приготовленіи которыхъ игралъ главную роль редакторъ «Правды» г. Барвинскій. Москвофилы не могли отказываться отъ участія, и совокупными усиліями были выработаны четыре резолюціи. 1) относительно «государственно праваго положенія русиновъ»—о необходимости исполненія на дѣлѣ конституціи, признающей равноправіе всѣхъ національностей въ имперіи; 2) по вопросамъ экономическимъ, о мѣрахъ противъ обѣдненія массы крестьянскаго населенія,— 3) о дѣлахъ школьныхъ,—о равноправіи русиновъ и поляковъ въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ и въ учительскихъ семинаріяхъ; 4) о внутренней дѣятельности русиновъ,—т. е. о солидарности всѣхъ ихъ партій. Докладчиками по главнѣйшимъ вопросамъ,—по экономическому и школьному,—выступили украинѳилы и при томъ изъ числа наиболѣе чернимыхъ прежде москвофильскими журналами. По вопросу о солидарности партій реферировалъ москвофилъ, членъ «Русской Рады», которая годъ назадъ провалила этотъ вопросъ. Митингъ, на которомъ присутствовало болѣе двухъ тысячъ человекъ (2,300), болѣею частію крестьянъ, конечно, одобрилъ всѣ резолюціи и выбралъ комитетъ для изслѣдованія положенія школъ: въ этомъ комитетѣ, при 12 членахъ, оказалось украинѳиловъ—девять. Такимъ образомъ, первый результатъ митинга 30-го ноября состоялъ въ томъ, что масса населенія не только признала законность существованія украинской партіи, но и отдала

ей преимущество, по крайней мѣрѣ, въ школьныхъ дѣлахъ, которыми эта партія наиболѣе до сихъ поръ и занималась. Вотъ почему теперь нѣсколько забавно читать въ львовскомъ «Словѣ», а затѣмъ и въ «Кіевлянинѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и т. п. похвалы твердости и единодушію митинга русиновъ, а также мудрости одобренныхъ имъ мѣръ къ огражденію національныхъ интересовъ и одобреніе изданной школьной комиссіей прокламаціи, подписанной тѣми самыми лицами, которыя еще недавно честились, какъ извинники, запродавшіеся полякамъ и т. п.

Второй результатъ митинга,—это всенародное поднятіе экономического вопроса тѣми самыми лицами, которыя, — и какъ докладчикъ по вопросу, г. Барвинскій и какъ одинъ изъ ораторовъ, г. Наумовичъ,—не видѣли никакой причины бѣдности «рускаго хлопа», кромѣ «пьянства и лѣнннства». Правда, референтъ нарисовавъ картину обѣдненія «хлопа», предложилъ для поправленія мѣры, при теперешнемъ управленіи въ Австріи совершенно фантастическія, въ родѣ уменьшенія и болѣе равномѣрнаго взиманія и рациональнаго употребленія податей, — пособія отъ сейма и государства заемнымъ кассамъ и коопераціи и т. п. Но важно и то, что политики обѣихъ партій вышли изъ заколдованнаго круга прежней фразеологіи,—причемъ двое изъ ораторовъ подошли и къ общимъ причинамъ бѣдности. Впрочемъ, когда одинъ изъ нихъ, г. Наумовичъ, коснулся конкуренціи съ бѣднымъ «хлопомъ» крупнаго производства и машинъ, то полицейскій комиссаръ, — персона, очевидно, не крѣпкая въ сознаніи предѣловъ своихъ правъ,—замѣтилъ, что онъ «не можетъ позволить говорить о машинахъ, такъ-какъ это значитъ поднимать социальный вопросъ», то г. Наумовичъ сконфузился, замѣтилъ, что онъ не поднимаетъ «социальнаго вопроса», и умолкъ. Тѣмъ не менѣе большинство польскихъ газетъ признало движеніе, охватившее теперь русиновъ глубоко социальнымъ.

На первыхъ порахъ довольные исходомъ митинга, политики русиновъ сочли возможнымъ направить его на старыя колени парламентской рутинны съ тѣмъ только, конечно, чтобъ подновить составъ кандидатовъ въ депутаты сейма и рейсхрата новыми лицами изъ крайнофильской партіи, которыя должны заключить союзъ съ болѣе умѣренными изъ старой партіи. Особенно укрѣпились галицкіе политики въ этомъ планѣ, когда вскорѣ послѣ митинга сеймовые выборы въ одномъ изъ провинціальныхъ округовъ дали перевѣсъ депутату русину. Но вслѣдъ затѣмъ коалиція потерпѣла поражение на выборахъ сей-

новыхъ и рейхсратовыхъ въ двухъ другихъ округахъ. Особенно второе поражение, въ львовскомъ округѣ, оказалось поучительно. Кандидатомъ былъ выставленъ давній дьятель, видное духовное лицо, о. Шведицкій, котораго коалиція партій поставила президентомъ на митингъ 30 ноября. И что-жь? Многіе крестьянскіе гласные подали голоса противъ него и потомъ говорили членамъ «Русской Рады», поддерживавшей кандидата: «если-бы вы поставили намъ кандидатомъ портного, сапожника, кого хотите—мы-бы подали за него голоса, а за попа не подадимъ!» Корреспондентъ «Батьковщины», передавая такія слова, прибавляетъ: «я слыхалъ отъ самихъ избирателей-священниковъ, что народъ подъ Львовомъ не имѣетъ довѣрія къ своимъ пастырямъ». Вслѣдъ за тѣмъ «Батьковщина» получила корреспонденцію отъ одного избирателя-крестьянина, въ которой, между прочимъ, читаемъ слѣдующія слова (даемъ ихъ, конечно, въ переводѣ): «совершенно справедливо, что насъ, русиновъ, чужіе перемогаютъ, но кто тому виноватъ, если не сами русины, а особенно ихъ интеллигенція. Эта интеллигенція, а особенно духовенство, не допускаютъ сами, при выборахъ, чтобъ русинъ былъ выбранъ депутатомъ, потому-что ставятъ такого кандидата, за котораго мы голосовать не хотимъ, или котораго мы не знаемъ. Вы говорите, что мы не имѣемъ такого крестьянина, который-бы понималъ политическія дѣла и могъ-бы занимать такое важное мѣсто, какъ мѣсто депутата въ государственной думѣ. О, не безпокойтесь, господа, мы имѣемъ уже такихъ крестьянъ, которые могутъ представлять насъ въ разныхъ нашихъ дѣлахъ земскихъ лучше, чѣмъ представляли насъ господа Шведицкіе и другіе. Въ Щарецкомъ округѣ такіе русины, за которыхъ-бы подали голоса и польскіе избиратели (крестьяне), слѣдующіе: хозяинъ и старшина громады Ястробка, родовитый русинъ, отставной фейрверкеръ артиллеріи, который знаетъ языки: украинскій, нѣмецкій и польскій и можетъ писать на этихъ трехъ языкахъ, понимаетъ также и политическія дѣла и то, отъ какихъ бѣдъ надо оборонять нашъ край и какія дѣла поднимать въ думѣ; такъ дальше Иванъ Мягитка, Федоръ Царь, старшина громады въ Подбережкѣ и др. Ручаемся вамъ за то, что пока вы не будете ставить въ кандидаты крестьянина, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ выбранъ русинъ».

Такое заявленіе оказалось внушительнымъ. Теперь, когда мы пишемъ эти строки, на новую вакансію въ львовскомъ округѣ поставленъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ избирателей мелкой поземельной собственности; одинъ изъ названныхъ сейчасъ крестьянецъ, Федоръ Царь. Въ избирательномъ манифестѣ,

выданномъ по этому поводу и перепечатанномъ газетами всѣхъ партій русиновъ, бросается въ глаза отступленіе отъ исключительнаго націонализма: кандидатъ-русинъ и крестьянинъ ставится, какъ кандидатъ мелкой поземельной собственности для лицъ всѣхъ національностей, русиновъ (которые составляютъ въ округѣ большинство), какъ и поляковъ (которыхъ въ данной мѣстности значительное меньшинство, особенно, если счесть всѣхъ католиковъ за поляковъ, что, впрочемъ, будетъ не совсемъ вѣрно, хотя такъ до сихъ поръ считаютъ не только политики-поляки, но и политики клерикалы изъ русиновъ).

Мы не беремса предсказывать побѣды кандидата крестьянина-русина, а еще меньше ждемъ практическихъ послѣдствій отъ его присутствія въ вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ, впрочемъ въ 1848 году рѣчи крестьянъ русиновъ изъ Галиціи и Буковины по вопросу объ упраздненіи барщины были одни изъ лучшихъ рѣчей. При теперешнихъ условіяхъ парламентской жизни въ Австріи присутствіе кандидата-крестьянина въ державной думѣ можетъ имѣть значеніе только демонстрація, какъ процессъ выборовъ такого кандидата можетъ имѣть значеніе только повода къ самоорганизации крестьянскаго населенія. Надо сказать, что эта самоорганизация ведется въ послѣднее время весьма дѣятельно среди русиновъ по селамъ и городамъ: группируется она больше всего около читаленъ, которыхъ число быстро растетъ, равно какъ и число періодическихъ изданій (теперь ихъ 17). вмѣстѣ съ тѣмъ организуются и политическія общества, не считая филій «Русской Рады», а также филій литературно-патріотическихъ обществъ «Просвѣты» и «М. Качковскаго». И до сихъ поръ всѣ эти организациі носятъ клерикальную окраску, а также страдают односторонностью національною, какъ и газета «Батьківщина»,— издаваемая украинофилами,—которая стужитъ представителемъ настоящаго движенія среди русиновъ. Но и на этой газетѣ можно видѣть, какъ постепенно экономическіе вопросы берутъ верхъ надъ остальными въ умахъ галицкаго населенія и увлекаютъ даже людей, все еще не рѣшающихся разорвать съ старою рутиною. Мы видѣли, что «Батьківщина» отважилась дать мѣсто голосамъ, направленнымъ противъ духовныхъ кандидатуръ *).

*) Вотъ уже какую рѣчь произнесъ недавно одинъ священникъ крестьянамъ при открытіи одной читальни, послѣ того какъ „Батьківщина“ констатировала фактъ недовѣрія крестьянъ къ священникамъ: „Вы кормите дѣльный свѣтъ, а сами голодны; отъ кроваваго поту вашихъ рукъ одѣваются паны и попы, а сами вы голы и босы; вы воздвигаете церкви и школы, а сами темны! Почему это такъ? Подумайте объ этомъ“. И отыскивая причину, ораторъ показалъ въ концѣ, что причина тому—недостатокъ науки и темнота, которую должны прогнать читальни.

«Батьківщина» проговорила уже въ прошломъ году, что въ случаѣ нужды политики-русины обратятся къ агитаціи среди крестьянъ, не только русиновъ въ Восточной Галиціи, но и мазуровъ (поляковъ) Западной Галиціи,—и избирательный манифестъ Федора Царя даетъ поводъ ожидать, что это обѣщаніе не останется пустою угрозою. Рано или поздно, украинская демократія въ Галиціи должна будетъ выступить на эту дорогу.

Мы видѣли, что литература народно-общинной украинской партіи уже и стала на этотъ путь въ изданіяхъ для львовскаго рабочаго населенія. Это населеніе, состоящее изъ поляковъ, русиновъ и евреевъ, все понимаетъ по-польски и для него польскій языкъ дѣйствительно служить общимъ. На этомъ языкѣ ведутся пренія на митингахъ рабочихъ, которые собираются время отъ времени въ числѣ 500—600 человекъ въ Львовѣ и обсуждаютъ важные для рабочихъ экономическіе вопросы. До сихъ поръ эти митинги городскихъ рабочихъ стояли совершенно отдѣльно отъ русино-крестьянскихъ митинговъ и даже считались исключительно польскими. Но теперь «Батьківщина» уже сообщаетъ своимъ сельскимъ читателямъ-русинамъ о томъ, что говорится на митингахъ городскихъ рабочихъ.

Избирательный манифестъ Федора Царя, подписанный «Русскою Радою», обращается уже и къ избирателямъ-полякамъ. Можно предвидѣть, что оба движенія,—городское, больше польское, по крайней мѣрѣ по языку, и сельское, больше украинское, особенно при ослабленіи клерикальнаго вліянія, сольются въ одно, сначала въ Восточной,—преимущественно украинской—а потомъ и въ Западной,—преимущественно польской, Галиціи. Если еще два, три года дѣла въ Галиціи пойдутъ такъ, какъ они шли въ послѣднее время, то можно предвидѣть, что на развалинахъ старыхъ политическихъ обществъ, въ родѣ «Русской Рады», образуются общества въ родѣ ирландской «Земельной Лиги» или англійской «Лиги Земли и Труда», въ которыхъ примутъ участіе люди всѣхъ національностей въ Галиціи. Эти общества, конечно, окажутся болѣе опасны для теперешняго господ-

Большую правду сказалъ ораторъ также признаніемъ, что народъ не виновенъ въ своей темнотѣ, а виноваты тѣ, кто будучи его „отцами“, худо направляли его, кто были его „учителями“, а ничему не научили его,—и потому-то такъ велика оказалась пропасть между сюртукомъ (въ Галиціи и священники носятъ сюртуки, по-длиннѣе) и козухомъ (тулупомъ), что народъ нѣкому не вѣрить и не можно ясно понять трудовъ „приверженныхъ къ нему людей“. (Батьківщина. 1881, № 10).

ства польской шляхты и еврейской буржуазіи, чѣмъ всѣ старыя «Русскія Рады» съ однимъ с, съ двумя, или съ мягкимъ знакомъ.

Таковы судьбы общественно-литературныхъ партій въ Восточной Галиціи и таково возможное ихъ будущее. Тѣ движенія, какія мы тутъ пытались очертить, по необходимости, слишкомъ бѣгло и блѣдно, имѣютъ себѣ соотвѣтствія и въ другихъ западно-славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію. Повсюду характеръ и положеніе литературно-общественныхъ партій въ этихъ странахъ существенно измѣнился въ послѣдніе годы. Не измѣнилось только отношеніе къ этимъ партіямъ русской печати. Эта печать, въ массѣ, своей игнорируетъ всѣ дѣла своихъ ближайшихъ сосѣдей - соплеменниковъ, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ, которые время отъ времени удостоиваетъ ихъ своего вниманія, относятся къ нимъ тоже безъ изученія съ давно заученными фразами и мѣряютъ ихъ своими, придуманными въ темныхъ углахъ русской жизни, освѣщаемой весьма узкими окошечками, — домашними аршинами, весьма небольшими, несмотря на обширность территоріи Россіи. Таково, напр., отношеніе, болѣе или менѣе извѣстное, къ новымъ явленіямъ западно-славянской жизни московскихъ славянофиловъ и обрусителей. Но таково-же отношеніе и иныхъ изъ російскихъ радикаловъ, въ родѣ, напр., преисполненнаго, впрочемъ, благородныхъ намѣреній, г. Л. Алексѣева, который недавно объявилъ отъ имени «народниковъ» («мы, народники» говоритъ авторъ) украинофильство движеніемъ реакціоннымъ. (Русское Богатство», 1881, № II, — «Что такое украинофильство?») «Народникъ» петербургскаго обозрѣнія, — тоже исполненнаго вполнѣ благородныхъ намѣреній, — усматриваетъ, что украинофильство не признаетъ формулы: «семья выше индивидуума, общество выше семьи, нація выше общества, а человечество выше націи», и потому объявляетъ украинофильство движеніемъ реакціоннымъ. Но если-бы обвинитель зналъ хоть-бы, напр., писаніе молодой украинской партіи въ Галиціи, то онъ-бы увидѣлъ, что она давно уже основала всю свою дѣятельность именно на этой формулѣ. А кромѣ того г. Л. Алексѣевъ не замѣчаетъ, что самъ онъ въ концѣ-концовъ передергиваетъ послѣднюю карту въ своей формулѣ: подставляя украинцамъ, вмѣсто человечества, государство, да еще тоже національное, какъ большая часть теперешнихъ государствъ. Передержка эта совершается, конечно, вполнѣ добросовѣстно и безсознательно, потому-что рѣдко кому

изъ русскихъ литераторовъ удастся избѣгнуть взгляда на весь міръ или съ высоты невысокаго Ивана Великаго, или съ прямолинейнаго Васильевскаго острова, или если и изъ другого мѣста, то все-таки, или сквозь туманъ московскаго ладана, или при свѣтѣ петербургскаго «окна въ Европу».

Бѣглый взглядъ на карту сѣверовосточной Россіи и бѣглое-же воспоминаніе культурной исторіи Московскаго Государства убѣждаютъ въ необходимости этого окна для огромной полосы Россіи. Но болѣе внимательное обозрѣніе карты всей восточной Европы, а также болѣе тщательное изученіе исторіи культуры всѣхъ ея областей, показываютъ, что это окно имѣло своихъ предшественниковъ въ Вильнѣ, гдѣ была основана первая русская типографія, въ Львовѣ, гдѣ была учреждена первая правильная русская школа, и притомъ общественная, а не правительственная, въ Кіевѣ, гдѣ существовала первая русская высшая школа тогда еще, когда на мѣстѣ Петербурга существовало только мшистое болото. Всѣ эти окна помрачились только вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ въ XVII—XVIII в., а потомъ, вслѣдствіе безмѣрнаго развитія централизаціи. Но все-таки, напр., Львовъ не попалъ въ сферу ни московской, ни петербургской централизаціи. А къ тому-же и та и другая теперь, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, теряютъ съ каждымъ годомъ свой смыслъ и теряютъ его окончательно, вмѣстѣ съ большею свободою передвиженія и вообще свободой личности.

Мы видѣли, что московскій ладанъ оказался вовсе не къ добру въ исторіи галицкаго возрожденія; петербургское-же окно въ Европу оказало безмѣрныя услуги даже въ Львовѣ, поскольку оно оказалось дѣйствительно проводникомъ общечеловѣческаго свѣта. Но украинская пословица говоритъ: «не только свѣта, что въ окнѣ, за окномъ больше». Мы видѣли, что въ Галиціи не только литераторы и университетская молодежь, но даже крестьяне уже вступили въ прямое сношеніе съ европейскимъ свѣтомъ и, конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ идти по прямой дорогѣ къ нему.

Повторимъ, что то, что мы показали въ Галиціи, существуетъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію, а такъ-какъ, по силѣ вещей, дѣла сосѣднихъ и родственныхъ населеній не могутъ не оказывать вліянія другъ на друга, то неразсчитливо поступать и тѣ изъ представителей русскаго общества, которые будутъ по-старому относиться къ западно-славянскимъ обществамъ съ московско-опекунской точки зрѣнія, и тѣ, кто будетъ игнорировать эти общества, и тѣ, кто будетъ смотрѣть

на нихъ съ высокоуміемъ, какъ-будто-бы на отставшія отъ російскаго прогресса. Въ послѣднее время событія въ западно-славянскихъ обществахъ два раза сильно затрогивали Россію, и оба раза русская литература была захвачена въ расплохъ событіями: разъ, во время польскаго движенія 1860—1863 гг., въ другой, во время сербо-болгарскаго 1875—1878 гг. Слѣдуетъ остерегаться, чтобъ то-же не случилось и въ третій разъ.

Туркошь.

ЮЛІАНКА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ГОРОДСКОГО ВѢТА

Г-жи Ожешно.

Переводъ съ польскаго.

I.

На одномъ изъ предмѣстій города О., въ очень узкой, тихой, глухой улицѣ есть широчайшій дворъ, обставленный, съ лицевой стороны, почернѣвшими отъ бурь и непогодъ, ветхими, деревянными строеніями. Въ глубинѣ его возвышается фасадъ громаднаго, полуразвалившагося, кирпичнаго зданія, квадратной формы, прорѣзаннаго длинными рядами зіяющихъ отверстій бывшихъ оконъ. Когда-то этотъ *палаццо*, съ окружающими его службами, принадлежалъ какому-то богатому, знатному панскому роду и былъ обведенъ крѣпкой, каменной оградой, о чемъ и теперь свидѣлствуютъ кучи мусора и щебня, покрытаго мѣстами известкой. Но вслѣдствіе какихъ-то неблагоприятныхъ обстоятельствъ, все „недвижимое имущество“ знатнаго рода перешло потомъ въ завѣдываніе мѣстныхъ властей, которыя, не заботясь объ его ремонтѣ и не извлекая изъ него для себя никакой пользы, тѣмъ не менѣе, разрѣшали бѣднякамъ, за ничтожную плату, устраивать себѣ, на свой собственный счетъ и страхъ, временные пріюты, подъ готовыми рухнуть сводами...

Кромѣ постоянно занятыхъ квартиръ въ деревянныхъ строеніяхъ случается, что и въ палаццо заблестятъ иногда зеленоватыя, пузырчатая стекла, вѣ-скоро вставленныя въ темную, гнилую, а не то и въ новенькую, сосновую оконную раму, и тогда другіе обитатели узнаютъ, что среди нихъ, у самой земли, въ подвальномъ, или въ верхнемъ

этажѣ, еще поселилась какая-нибудь нищета, не боящаяся уже никакихъ разрушеній, никакихъ обваловъ... Кое-гдѣ, по карнизамъ и изломамъ красноватыхъ наружныхъ стѣнъ, обгугутъ, вьются неприхотливыя ползучія растенія, свисая внизъ красивыми гирляндами и пучками съ выдающихся, острыхъ угловъ, а изъ многихъ трещинъ и расщелинъ продираются на свѣтъ Божій блѣдно-желтые и блѣдно-лиловые дикіе цвѣточки.

Остатки прежней роскоши пережили здѣсь, однако, десятки лѣтъ. Въ тѣни пахучихъ липъ, привольно раскинувшихъ свои кудрявыя вѣтви по всѣмъ четыремъ угламъ обширнаго двора, — нѣтъ, на примѣръ, лѣтомъ прохода отъ буйно-разрастающихся сорныхъ травъ; но изъ густой, беспорядочной чащи лопуха, хрѣновыхъ листьевъ, выродившейся въ простой шиповникъ махровой розы или одичавшей сирени, — вдругъ сверкнетъ звѣздочка былого ухода, былой культуры: садовая астра, гіацинтъ и т. п. Весь дворъ порастаетъ густою, сочною травою, и когда солнце заглядываетъ въ оконныя отверстія и давнымъ-давно не закрывающіяся двери стараго дома, то подъ теплыми или жгучими лучами солнца мерцаетъ стѣнная живопись, выступаютъ обломки мраморныхъ статуй, роскошной домашней утвари, затѣливой мебели и дорогихъ рѣзныхъ украшеній, укутанныхъ въ черный саванъ паутины и пыли.

Менѣе грустное зрѣлище представляютъ деревянныя постройки. Нѣкогда онѣ исполняли должность панскихъ конюшенъ, каретныхъ сараевъ и амбаровъ, съ неправильно-разбросанными и не одинаковой величины окошечками, мигающими изъ-подъ навѣса чрезвычайно высокой, остроконечной крыши. Но теперь вмѣсто выхолощенныхъ коней, лакированныхъ экипажей и запасовъ всякой провизіи, тутъ прозябаетъ, копошится разный трудящійся, выжидаящій труда и тунеядствующій людъ — ремесленники, прислуга безъ мѣстъ и нищія-побирашки.

Въ одной изъ верхнихъ комнатъ мрачнаго дома, съ утра до ночи, монотонно и гулко раскатывается массивный, дубовый катокъ, и владѣтельница его считается чѣмъ-то въ родѣ „аристократки“, ежедневно и безо всякаго труда получающей за катанье бѣлья изрядные доходы на содержаніе себя и двухъ своихъ племянницъ подростковъ.

Въ рѣдкіе часы отдыха катка, на дворѣ слышатся другіе,

болѣ тихіе и, сравнительно веселые звуки швейной машинки, выходящіе изъ оконца крошечнаго флигелька, обросшаго зеленью. За швейной машинкой постоянно сидитъ худая, блѣдная женщина съ помершими глазами. Но она не распѣваетъ пѣсенъ, какъ это обыкновенно бываетъ при описаніяхъ такихъ тружениць. Она только изрѣдка бросаетъ тревожный взглядъ на дворъ, отрываясь отъ спѣшной, заказной работы, и визгливо, болѣзненнымъ голосомъ выкрикиваетъ два сокращенныя дѣтскія имена. А ея растрепанныя, неумытыя, босоногія дѣти, за одно со своими многочисленными товарищами, оглашаютъ дворъ веселыми, безпечными криками и шумной бѣготней. И странное дѣло! Несмотря на то, что семейные жильцы этого двора безпрестанно смѣняются все новыми и новыми жильцами, — заходи сюда посторонній человекъ черезъ годъ, мѣсяць или недѣлю, ему все будетъ казаться, что это все тѣ-же самыя лица и фигуры, все та-же вопіющая нищета!.. Выждавшій „мѣста“ слуга вылетитъ иногда отсюда и попадетъ въ центръ города, въ свѣтлую, уютную обстановку. Но вѣдь онъ вытѣсняетъ собою своего-же брата, слугу, который, въ свою очередь, залѣзаетъ въ его берлогу, впрядь до счастливой случайности — ссадить его съ должности. Обоего пола нишіе-побирашки отправляются отсюда, на разсвѣтъ дня, въ погоню за дневнымъ пропитаніемъ, за болѣе выгоднымъ „приходомъ“, пока, наконецъ, не зарюютъ ихъ въ самомъ убогомъ закуткѣ того или другого кладбища. Но вѣдь тѣ изъ ихъ друзей-пріятелей, которые только-что вздыхали надъ ихъ прахомъ, уже торопятся, постукиваютъ своими палками и костылями, чтобы поскорѣе замѣстить собою опроставшееся мѣстечко у церковныхъ дверей, на паперти и у чужихъ пороговъ. И ковыляютъ они по натореннымъ дорожкамъ вплоть до своихъ собственныхъ могилъ по кладбищенскимъ закуткамъ! Отъ времени до времени, изъ воротъ выносятъ маленькіе, дѣтскіе гробики, провожаемые этимъ обездоленнымъ, огрубѣвшимъ и развращеннымъ нуждою людомъ, который, еще наканунѣ, вспошилъ весь дворъ и улицу своими циничными криками и пѣснями. Но теперь онъ провожаетъ отошедшаго въ вѣчность младенца — „обузу“ въ голодной семьѣ и плачетъ объ этой „обузѣ“, объ этомъ „лишнемъ ртѣ“...

Вмѣсто вчерашней блѣднлицей, худой швеи съ помершими, впалыми глазами, изъ-за побурѣвшей, пыльной зелени, въ оконцѣ

крошечнаго флигелька, сегодня мелькаетъ уже другое, раскраснѣвшееся лицо и мокрая руки стирающей бѣлье прачки... И дѣтей не убываетъ на дворѣ стараго дома!

Здѣсь, повторяемъ, все и всегда сохраняетъ свой внѣшній видъ, хотя и взрослые люди и дѣти перемѣняются. Только дряхлая, сгорбленная еврейка, по имени Злотка, неизмѣнно и съ незапамятныхъ временъ, покачиваетъ тутъ своею большою головою въ ветхозавѣтнонь, пестромъ турбанѣ, да катокъ гулко рокочетъ своими тяжелыми ящиками, нагруженными тяжелыми камнями. Владѣтельница катка уже много разъ мѣнялась, но самъ онъ твердо стоитъ на тѣхъ-же половицахъ, на которыхъ его впервые поставили.

Въ уровень съ узенькимъ булыжнымъ троттуаромъ находится довольно большое, но мутное окно лавочки, принадлежащей „пани купцовой“ — Злоткѣ. Въ окнѣ выставлены разнокалиберныя бутылки съ разноцвѣтными жидкостями, насыженные мухами творожныя „сырки“ и связки какихъ-то античныхъ, ископаемыхъ баранковъ.

Злоткѣ помогали сначала торговать ея дочери, потомъ — внучки, а теперь помогаютъ ей правнучки. Но сама она всегда сидитъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, на которомъ сидѣла и въ своей давно-прошедшей молодости. Шамкая беззубымъ, ввалившимся ртомъ, она всегда рада поразсказать желающимъ ее слушать разныя „исторіи“ о своемъ „большомъ дворѣ“, о старомъ палаццо и многихъ поколѣніяхъ жильцовъ, прошедшихъ передъ ея проницательными, умными глазами, подобно группамъ то и дѣло новыхъ, но вѣчно одинаковыхъ, туманныхъ тѣней.

Одна изъ нищихъ-побирашекъ, проснувшись какъ-то раньше обыкновеннаго, замѣтила у воротъ двора стараго дома лежавшее на землѣ и завернутое въ грубую тряпку новорожденное дитя. Утро было холодное; роса и сѣрый туманъ увлажнили эту тряпку; но восходившее солнышко сушило и обогрѣвало ее на неподвижномъ тельцѣ спавшей малютки.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вокругъ старой нищенки съ ребенкомъ на рукахъ уже толпились другіе жильцы. Всѣ вѣстѣ говорили и смотрѣли на подкинутый имъ предметъ. Одни удивлялись; другіе негодовали, сжимали кулаки или морщили лбы, какъ-бы стараясь додуматься: кто-бы это такой сыгралъ съ

нии такую скверную штуку? Какой-то оселезъ разразился наглымъ хохотомъ, но зато другой человекъ отеръ себѣ слезу мозолистой ладонью. Нестройный говоръ и восклицанія на дворѣ разбудили и вызвали изъ лавочки Злотку. Она прищурилась на подкинутую дѣвushку, пожала плечами въ знакъ большого недоумѣнія и сострадательно закачала головою.

— А что-жъ вы съ *этими* сдѣлаете? указала она на дѣтя своихъ морщинистыхъ, сухихъ, бѣлыхъ пальцемъ.

Ей первой пришелъ на мысль этотъ настоятельный, практический вопросъ.

Судили, рядили впродолженіи цѣлаго часа. Чей-то мужской голосъ несмѣло заявилъ, что ребенка лучше всего сейчасъ-же сдать въ полицейскій участокъ — „пусть себѣ съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ“. Но въ отвѣтъ на это предложеніе посыпалась такая оглушительная, трескучая брань двухъ-трехъ женщинъ, взывавшихъ всѣ бѣды-напасты на голову высказавшаго свое мнѣніе, что онъ, спасая свою душу и бока, долженъ былъ ступеваться.

— Безпомощное! слышалось въ толпѣ.

— Бѣдненькій червячокъ!..

— Вотъ негодная мать!..

— Подлый отецъ!..

— Да развѣ-жъ только дрянные люди такъ поступаютъ?

— Стыдно, стало!

И опять вопросъ: „Что-жъ съ нимъ дѣлать?“

— Да пусть-бы оно себѣ у насъ росло! сказала прачка изъ флигелька.

Наступило общее молчаніе.

— Положимъ, процѣдила, наконецъ, хлопая своими заплаканными отъ жира глазками, владѣтельница катка: — но у кого?

Опять всеобщій молчокъ.

— А чего тутъ долго толковать: у кого? разрѣшила вопросъ Злотка. — Пусть будетъ у всѣхъ, вотъ и конецъ дѣлу!

Изъ всѣхъ грудей вырвался вздохъ облегченія; а на арену благотворительности выдѣлился какой-то пожилой ремесленникъ въ длиннополомъ халатѣ и, снявъ со своей лысой головы баранью шапку съ суконнымъ доннышкомъ, началъ протягивать ее, поочередно, ко всѣмъ присутствующимъ. Это былъ шорникъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ никогда не удается вынырнуть изъ нужды.

Его обрызгшее, багровое лицо не говорило въ пользу его воздержности и привычекъ, но въ данную минуту оно скрашивалось какимъ-то особенно трогательнымъ выраженіемъ. Онъ трясъ головою, вздыхалъ всѣмъ нутромъ и слезящимися, полу-пьяными глазами плутовски подмигивалъ, прихочивая этой игривостью добродетельныхъ дателей не скупиться „на молочко для найденки“.

— Ну-ну! понукалъ онъ. — Что-жъ дѣлать? Что-жъ дѣлать, коли надо!

— Конечно, нечего дѣлать! говорили, шаря у себя въ карманахъ, бѣдняки.

Въ это время къ подкинутому ребенку подошла какая-то старушка, одѣтая въ потертый ватный салопъ „въ рукава“ и черный ватный капоръ, не совсѣмъ прикрывавшій ея сѣдые волосы. Она посмотрѣла на малютку сквозь очки и опустила въ шапку шорника мелкую серебрянную монетку. Затѣмъ вынула дырявый носовой платочекъ изъ большого мѣшка, въ которомъ виднѣлись маленькія вещицы, сдѣланныя изъ бѣлой бумаги и берлинской шерсти, вытерла себѣ имъ глаза и помаленьку побрела въ городъ, гдѣ, переходя изъ дома въ дождь, всегда распродала, по мизерной цѣнѣ, издѣлья своихъ старческихъ рукъ.

Въ шапку шорника еще упало нѣсколько мѣдныхъ денегъ. А владѣтельница катка, гордо бросивъ въ шапку рублевую бумажку, закинула вверхъ голову и величаво поплыла къ дому, прислушиваясь къ толкамъ и возгласамъ, возбужденнымъ въ толпѣ ея великодушной щедростью.

Одними изъ грошевыхъ дателей руководило искреннее сочувствіе къ найденкѣ, а другими—пошленькое тщеславіе; но и тѣ, и другіе сочли для себя болѣе выгоднымъ немедленно удалиться съ поля милосердія, такъ-что вскорѣ на немъ остались только три съ чѣмъ-то человѣка: шорникъ со своей шапкой, нищая съ ребенкомъ и прачка съ засученными за-локоть рукавами и въ коротенькой юбкѣ, доходившей только до половины ея круглыхъ, голыхъ иврѣ; поодаль отъ всѣхъ ихъ стояла еще, впрочемъ, старая еврейка. Она то отходила къ своей лавочкѣ, то опять возвращалась на свой постъ, смотрѣла въ землю и не переставала бормотать себѣ подъ-носъ что-то непонятное.

— Ну, пани! Берите-ка ужъ это къ себѣ! протянула нищая ребенка къ прачкѣ. — У меня ужъ и руки отеки; да таки время

и въ костѣль, къ святой обѣднѣ! Вы же теперь и своего червачка кормите грудью!

Прачка съ видомъ рѣшимости мотнула головою, слегка прикритою пестрымъ платкомъ, и, не сказавъ ни слова, взяла отъ побирашки дѣтя.

Какъ только совершилась эта передача незначительнаго, по своему вѣсу, груза, шорникъ высыпалъ изъ шапки всѣ собранныя деньги въ фартукъ прачки.

— Пусть оно будетъ у васъ, прошептала ей на ухо подошедшая Злотка.—А ужъ я,—добавила она послѣ нѣкотораго размышленія,—позабочусь, чтобы каждый мѣсяцъ сдавали вамъ такую-же сумму денегъ, какъ вотъ теперь сдали! А ужъ если я возьмусь напоминать, такъ они будутъ собраны, потому-что у всякаго есть ко мнѣ какое-нибудь дѣло, всякій ко мнѣ заходитъ!

— Ну, а вамъ, можетъ, поднести теперь чарочку? обратилась она къ шорнику.—Что вы на это скажете,—а? Утро вѣдь прохладное... Пойдемъ!

Онъ небрежно махнулъ рукою и какъ-будто неохотно, въ силу лишь сдѣланной привычки или по обязанности, лѣниво поплелся за старухой къ дверямъ ея магнитной лавченки.

Одновременно съ ихъ удаленіемъ, загрохоталъ бѣловой катокъ; забренчали гдѣ-то струны разбитаго фортепіано; затянула свои утреннія молитвы нищая брата; шумнымъ роємъ выпорхнули на дворъ, прямо съ постелей, шалуны - ребятишки. „Дождусь-ли я его хоть къ вечеру?“ думала, разводя огонь въ печкѣ, жена шорника, который выпивалъ теперь еще только первую, но ужъ никакъ не послѣднюю, въ тотъ день, чарку водки. Словомъ—на большомъ дворѣ стараго дома закопошилась его будничная изъ года въ годъ одинаковая жизнь,—все вошло въ свой обычный, искони заведенный, строй и ладъ.

II.

Итакъ, руки, поднявшія съ земли *Юлианку*, принадлежали нищей-побирашкѣ въ отвратительныхъ, грязныхъ лохмотьяхъ; а первая картина, представившаяся ея младенческимъ глазамъ, изображала собою закопченныя дымомъ стѣны съ обвисшимъ потолкомъ и широкій каминъ съ чернымъ углубленіемъ. Изъ продол-

говатой бадьи, стоявшей на трех скамейках посрединѣ избы, валили клубы зловоннаго пара, достигавшаго до потолочныхъ бабокъ. Надъ бадьей стояла раскрасѣвшаяся женщина. Она то и дѣло вытирала себѣ рукавомъ дерюжной рубашки ручки пота, струившагося по ея усталому лицу, и снова погружала руки въ густую мыльную пѣну... Отъ времени до времени она подбрасывала топливо въ пылающій каминъ, поправляла въ немъ плитки отъ утѣговъ или отставляла на край закипѣвшую воду и щелокъ въ ведерныхъ чугунахъ. Когда она осторожно переносила ихъ отъ каминна къ опорожненной бадьѣ, то большія ступни ея ногъ скользили по мокрой землѣ.

У ногъ ея ползаль и ворковаль маленькій ребенокъ, а двое старшихъ ея дѣтей врывались подѣ-часъ въ избу то съ громкимъ ревомъ-плачемъ и жалобами другъ на друга, то захлебываясь отъ неудержимаго, раскатистаго хохота и догоняя одинъ другого. Здоровый, коренастый мальчуганъ, по нахальному лицу котораго трудно было-бы предположить особеннуюнѣжность сыновьихъ чувствъ, выдался, съ разгона, на шею матери, обнималъ её и осмалъ поцѣлуями ея дрябля, потныя щеки. Онъ былъ „первенцомъ“ въ семьѣ горемычной прачки, и она относилась къ нему, какъ къ будущей „опорѣ своей старости“. Дѣвочка-же, съ длинными бѣлесоватыми волосами въ невообразимомъ безпорядкѣ, подхватывала на руки меньшаго братишку и, напѣвая ему веселыя пѣсенки, вѣртѣлась и смѣло прыгала съ нимъ, ежеминутно рискуя ушибить, исколѣчить свое „сокровище“.

Какъ только дѣти убѣжали на дворъ, въ избѣ опять раздавались всплески мыльной воды и потрескиванія огня въ широкомъ каминѣ. Прачка стирала, сердилась, негодовала и, по временамъ, разгибая спину, подпирала себѣ подбородокъ мокрой ладонью, безцѣльно глядя куда-то впередъ. Можетъ, она смотрѣла въ свое минувшее, болѣе свѣтлое прошлое? А можетъ, въ затягивающую трясицу своего настоящаго существованія? Или... въ будущность своихъ ребятъ?

Въ избѣ находился еще одинъ малышъ, еле-еле прикрытый грубою рубашенкою пониже живота. Онъ сидѣлъ въ углу, за старой растрепанной метлой. Сухіе и узловатые прутья этой метлы впутывались въ его густые, курчавые волосенки и при каждомъ движеніи малютки все выше и выше поднимали ея природную при-

ческу. Но она не обращала на это обстоятельство никакого вниманія, всецѣло поглощенная созерцаніемъ высказывавшихъ изъ камня искорокъ, видомъ до-бѣла раскаленныхъ утюжныхъ плитокъ, клубами пара и гладильной доской, на одномъ изъ концовъ которой лежала горка уже готового бѣлья, не помѣщенного еще, за недосугомъ прачки, въ пріотворенный шкафъ. Когда огонь въ каминѣ разгорался до золотистаго ровнаго блеска, съ маленькими лишь потрескиваніями, тогда дитя самодовольно улыбалось и спокойно сидѣло-себѣ на мѣстѣ. Но если обгорѣвшія полѣнья сами собою распадались въ стороны, бросая вверхъ цѣлыя снопы искръ, причежь красные уголья отскакивали иногда на середину избы, — наблюдательница смѣялась тихимъ, но продолжительнымъ, какимъ-то умилненнымъ смѣхомъ и ерзала своими тоненькими, протянутыми изъ-за метлы ножками. При сухихъ дровахъ и усиленной топкѣ отблескъ огня освѣщаль тотъ уголь, гдѣ она сидѣла, и озарялъ прелестное смуглое личико съ тонкими чертами и большими черными глазами, но только съ очень, очень блѣдными губками. Пламя служило дѣвочкѣ единственной игрушкой. Она тянулась къ нему и заигрывала съ нимъ. А когда оно начинало блѣднѣть, угасать, на все ея существо набѣгала какая-то грустная, печальная тѣнь.

Въ двѣнадцати часамъ дня дѣти прачки аккуратно врывались въ избу, тормозили за юбку свою мать, и она, обтерѣвъ себѣ руки, ставила на лавку глиняную миску съ крупиною похлебкою. Тогда изъ-за метлы раздавался какой-то сухой шелестъ, и по мокрой землѣ, при помощи рукъ, быстро двигались тоненькія ножки по направленію къ дымящемуся кушанью. Руки и ноги малютки были испещрены рубцами и шрамами отъ обжоговъ огнемъ и кипяткомъ.

Но чуть только она достигла цѣли своего путешествія и протягивала запачканную руку къ деревянной ложкѣ, которую для нея всегда приготовляла ея пріемная мать, — какъ старшій мальчикъ, Антекъ, ударялъ ее своей ложкой по лбу, по головѣ и плечамъ, заливаясь при этомъ веселымъ хохотомъ. И дитя, точно увертливый котенокъ, скрывалось подъ лавку.

— Да дай-же ты ей поѣсть! кричала иногда прачка на сына, если замѣчала его злостныя продѣлки. — Но вѣдь ей „не-богда“ было слѣдить за нравственнымъ развитіемъ своихъ ребятъ!

Ея дочка Анея студила похлебку и кормила ею своего мень-

шаго братишку, выбрасывая изъ нея картофелины подъ лавку, гдѣ ихъ, съ изумительнымъ проворствомъ, пожирало прильнувшее къ землѣ дитя. Впрочемъ, насытившись, и Антекъ подзываетъ ее къ себѣ какъ собаку.

— Юліанка! Гопъ-са! На тебѣ, на! Пиль! Хватай!

Въ сумерки, онъ, его сестра и Юліанка получали отъ прачки по ломтю хлѣба съ солью; затѣмъ—ложились спать. Она-же сама, если не было спѣшной стирки и глаженія, зажигала сальный огарокъ и при его свѣтѣ штопала и накладывала новыя заплаты на свои и дѣтскія лахмотья. Но какъ ни крѣпко спали ея набѣгавшіеся за весь день буяны, а она ихъ часто будила своими рѣзкими движеніями, вскакивая со скамейки и прислушиваясь къ звукамъ пьяной пѣсни, доносившейся къ ней съ улицы. Эти звуки оповѣщали ей грозу—посѣщеніе главы семейства, который занимался въ городѣ кулинарнымъ искусствомъ, приготавливая „именинныя“, „свадебныя“ и „похоронныя“ ужины и обѣды. Онъ только изрядка, и то въ пьяномъ лишь видѣ, вспоминалъ о своемъ семействѣ. Засылавъ его хриплый голосъ и не вѣрную, грузную походку, жена его начинала метаться по всѣмъ угламъ, отыскивая такое скрытое мѣстечко, гдѣ-бы ей можно было спрятать свои трудовые гроши. Она прятала ихъ даже за потолочныя балки, но онъ ихъ и тамъ отыскивалъ!..

Вслѣдъ за прекращеніемъ пѣсни, въ избѣ раздавались оглушительные крики. Сначала гремѣлъ площадной бранью только мужской голосъ и визгливо ругалась охранительница семейнаго очага; но потомъ къ нимъ дружно присоединялись испуганные дѣтскіе вопли, мольбы о пощадѣ, стоны и рыданія.

У Юліанки не было никакой постели и она засыпала въ томъ-же углу, за метлою, гдѣ просиживала всѣ свои дни. Проснувшись отъ шума свалки, дѣвочка дрожала всѣми фибрами своего изможденнаго тѣла и широко раскрытыми глазами смотрѣла на побище черезъ сухіе прутья... Она видѣла тогда высокаго, плечистаго мужчину, съ приподнятымъ вверхъ кулакомъ. Видѣла, какъ этотъ кулакъ то поднимался, то опускался на живую наковальню—мать семейства, которая тоже изловчалась отплачивать ударами за удары. Она вертѣлась и увертывалась отъ него съ бѣшенствомъ разъяренной змѣи, пуская въ ходъ даже и зубы. Юліанка видѣла какъ рука мужчины обматывалась длинной ка-

штановой, женской босой и какъ эта коса притягивала голову побѣжденной къ ногамъ побѣдителя. Антекъ всегда закрывала нать своимъ туловищемъ, и въ его смѣлыхъ глазахъ, обращенныхъ къ отцу, горѣла ненависть и угроза. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что отецъ забиралъ то, зачѣмъ только и приходилъ, т. е. деньги, чтобы опохмѣлиться, и, уходя, такъ „неосторожно“ стучалъ дверью, что даже стѣны шатались. Пращка съ трудомъ вставала на ноги, закрывала себѣ окровавленное лицо обѣими ладонями и долго, долго рыдала. Ей не было уже возможности штопать и накладывать заплатки, а на завтра—предстояло работать, работать, работать.

Юліанка вообще никогда не кричала, а во время дракъ—все только плотнѣе и плотнѣе жалась къ стѣнкамъ своего угла или въ ужасѣ припадала къ метлѣ.

Разъ какъ-то дѣвочка вся вдругъ помертвѣла, встрѣтившись своими лучистыми глазами съ выпуклыми, круглыми черными глазами разсвирѣпѣвшаго повара. Его плоское, скуластое, багровое лицо нагнало на малютку невыразимый страхъ... Она будто сквозь сонъ слышала, какъ онъ приставалъ къ женѣ, требуя отъ нея выдачи тѣхъ „сборныхъ“ денегъ, „на содержаніе проклятаго подкидыша“... Жена влялась, божилась, что давно уже никто не выдаетъ ей ни копѣйки, потому-что „общавшіе свою помощь переселились на другія квартиры, а о найденгѣ и знать не хотятъ!“

Поварь ринулся къ метлѣ, Юліанка зажмурилась... Она только почувствовала, какъ ее подняли за край рубашенки, пронесли такъ нѣсколько шаговъ, а потомъ-выбросили съ размаха за дверь... Затѣмъ, она ничего уже не видѣла, ничего не слышала—потеряла сознание...

На дворѣ бушевалъ осенній вѣтеръ и лилъ проливной дождь. Очнувшись отъ продолжительнаго обморока, дѣвочка прежде всего замѣтила, что кругомъ все тихо, въ смыслѣ предшествовавшихъ ей обмороку криковъ, а потомъ уже почувствовала, что лежитъ въ мокрой, настывшей травѣ и что по ней гадюками ползаютъ и шевелятся сорныя растенія... Она страшно испугалась! Чего? Этого она и сама не знала! Вѣроятно, *всего!*.. И грубаго мужского голоса, все еще терзавшаго ея младенческой слухъ, и свинцовыхъ тучъ, висѣвшихъ на темномъ небѣ, и травы, и сорныхъ растеній, скользившихъ по ея голенькому тѣльцу, и таинственнаго

шума липъ, будто совѣщавшихся между собою о чемъ-то недобромъ, на ея гибель...

Среди этой тьмы и этихъ жуткихъ ночныхъ шелестовъ она издали разглядѣла слабенькій свѣтъ, мерцавшій въ четырехстекольномъ оконцѣ такъ-называемаго „углового“ помѣщенія. Ребенокъ поднялся и, тихонечко, путаясь въ травѣ, оступаясь, падая, вставая и оглядываясь, побрелъ, черезъ весь дворъ къ этому спасительному маяку.

III.

Помѣщеніе, къ которому шла теперь Юланка, было еще меньше того, изъ котораго ее выбросили. Оно было и ниже, и чище, и... холоднѣе... У прачки всѣ стѣны чернѣли отъ дыма и постоянной топки, а здѣсь, напротивъ, онѣ блистали своей первоначальной бѣлизной, поддерживаемой любовью къ опрятности. У прачки воздухъ накаливался до чадной, смрадной духоты; тутъ всегда царилъ сырой, до мозга костей пробиравшій холодъ, потому-что печка „завалилась“, и въ ней почти никогда не топили.

Въ избенкѣ тѣснились: деревянная кровать съ большимъ, чернымъ деревяннымъ крестомъ въ изголовіи и съ такой маленькой постелью, что ее не сразу даже можно было и замѣтить; шаткій столикъ съ жестяной лампочкой-коптилкой возлѣ окна; потертый ватный салопецъ на гвоздѣ; пустой сундукъ, прикрытый отрепшышками какого-то допотопнаго коврика, а на немъ—беззубая старушенка въ очкахъ, вязавшая, по вечерамъ, бѣлыя бумажныя сѣтки для оконныхъ гардинъ и т. п. вещицы.

Это было маленькое, высохшее, изжелта-бѣлое, сутулое созданіе, одѣтое въ куценькій ватный капотецъ чернаго цвѣта, съ сѣрыми и коричневыми бликами на спинѣ, локтяхъ и у обшлаговъ. Она очень близко присматривалась къ своему воздушному руководѣлю и ловко управлялась съ востянными вязальнымъ челнокомъ. Тутъ-же, на столѣ, возлѣ обшитой кирпичины, къ которой прикреплялась сѣтка, стояли катушки и лежалъ клубокъ. Глубокія морщины ея пергаментнаго лица всѣ какъ-то стягивались къ бровямъ, что придавало ей видъ *удивленной*, и въ нихъ наглядно передавалась длинная повѣсть пережитыхъ лѣтъ, пережитыхъ страданій.

Вдругъ она подняла свою сѣдую голову и ея, набухшія кровью,

вѣки быстро замигали. Ей почудилось, что кто-то или что-то возится за дверью... Но нѣтъ! это ей не почудилось, потому-что шорохъ затихъ и опять повторился.

— Духъ Святъ! Духъ Святъ! Наше мѣсто свято! прошептала старушка. Она хотѣла-было осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, но въ это самое мгновеніе послышались дѣтскія всхлипыванія.

— Кто тамъ? приложилась она ухомъ къ двери.

— Юліанка! откликнулся ребенокъ.

Старушка насупилась; но тѣмъ не менѣе откинула дверной крючекъ.

— Наказаніе мнѣ Господне съ этими дѣтишками! проворчала она сердито.— Никогда не дають они мнѣ покоя! Сегодня, утромъ, тотъ лоботрясъ швырнулъ мнѣ камнемъ въ открытое окно; а теперь эта дѣвченка прилѣзла! Вотъ я тебѣ задамъ, чтобы ты не шлялась по ночамъ! Чего тебя сюда принесло? Ну?

Юліанка точно застыла на порогѣ. Съ ея коротенькой, рваной рубашенки сочилась дождевая вода; посинѣвшія ножки стучали другъ о друга колѣнками, видимо подгибаясь подъ тяжестью ея тѣла.

— Ну, чего-жь ты сюда пришла въ такую позднюю пору... въ такой вѣтеръ и дождь? спросила она уже болѣе мягкимъ голосомъ.— Вѣдь теперь-же, слава Богу, на дворѣ глухая ночь?

— Вы-бро-си-ли! прохлипала дѣвочка.

— Гм... Выбросили!.. Скажите, пожалуйста! проговорила старушка, опускаясь на сундукъ, и стала внимательно осматривать свою неожиданную гостью.— Такъ ты, малая, говоришь, что тебя выбросили? А кто-жь тебя выбросилъ, — а?

— Панъ!

— Панъ? Это, значить, мужъ прачки, Яковъ, тотъ мерзкій пьянчужка, что будить своимъ пѣніемъ честныхъ людей? А билъ онъ свою жену?

— Билъ! заплакала Юліанка.

— Скажите, пожалуйста, опять билъ! Охъ, не миновать ему уголовщины, это ужъ какъ Богъ Святъ! А тебя, малая, онъ такъ, по-просту, взялъ, да безо всякой церемоніи и выбросилъ на дождь... холодъ... въ темную ночь?.. Гм... Хорошъ!.. Съ чего-жь это тебѣ пришло въ голову обратиться именно ко мнѣ? Не

потому-ли, что я, третьяго дня, дала тебѣ крошку хлѣба?.. Ну, а теперь, хочешь молока?

— Хочу! громко и смѣло объявила Юліанка.

Старушка, охая и кряхтя, вынула изъ-подъ столика небольшой горшечекъ, бережно закрытый листомъ бумаги, и подала его ребенку.

— Отпей половинку, никакъ не больше! предупредила она наставительнымъ тономъ.— Всего, видишь-ли, нельзя!.. Я сама изъ позавтракаю... Не обойду, разумѣется, и тебя какой-нибудь капелькой...

Дитя держало горшечекъ обѣими руками и пило съ большимъ наслажденіемъ, удивляясь, что ему дали отвѣдать такую вкусную вещь. Но когда на стѣнкахъ посуды обозначилась „половина“ молока, старушка отняла его отъ рта малютки и спрятала подъ столъ.

— Чего-жъ ты такъ трясешься, какъ-будто тебя треплетъ злая лихорадка? задала она вопросъ Юліанкѣ, зубы которой, въ самомъ дѣлѣ, выколачивали мелкую дробь озноба.— Холодно тебѣ, что-ли? Или отъ молока? А у тебя тамъ, у прачки, не имѣется никакой другой одежды, кромѣ этой гадкой, нескромной рубашки?

— Не имѣется!

— Скажите, пожалуста! Не имѣется! Ну, въ такомъ случаѣ и мнѣ нечего тебѣ дать! Послѣднее тряпье валится съ плечъ... Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Была когда-то въ почетѣ... всѣ любили и уважали жену судьи... „вельможную пани сендзину!“.. Развѣ вотъ эту тряпку?

Съ этими словами „пани сендзина“ стянула со своей постели бранные остатки теплаго платка, замѣнявшаго ей одѣяло, и завернула въ него дѣвочку, усадивъ ее въ узкій промежутокъ между печкой и стѣнкой.

— Ну! вздохнулось ей свободнѣе.— Теперь сиди себѣ, малая, или лягъ и спи; а мнѣ надо еще поработать! Отняла ты отъ меня мой платокъ! Чѣмъ-же мнѣ самой укрыться?.. Развѣ ужъ этимъ дыравымъ капотцемъ?.. Салопъ — надо беречь!.. Охъ охъ-хо!.. Спи себѣ съ Богомъ, спи!.. Яковъ сюда не придетъ!.. Не безпокойся!

Юліанкѣ, однако, испытывавшей на себѣ дѣйствіе повсемѣстнаго согрѣвающего компресса — мокрой рубашенки подъ теплымъ

платкомъ, долго не спалось, и она все смотрѣла на свою новую покровительницу, опять вязавшую сѣтку.

Старушка всегда думала вслухъ.

— Да! разсуждала она сама съ собою, эта малая помѣшала мнѣ своимъ приходомъ... Надо наверстать! Оно-то, въ сущности, не такъ еще поздно!.. Пока церковные часы пробьютъ одиннадцать, я еще успѣю довязать свой вечерній урокъ!.. А до одиннадцати всегда надо вязать!.. Ничего не подѣлаешь!.. Кто-же могъ-бы ожидать?.. Берлинскую шерсть я оставляю на-день, потому-что шерстяныя работы больше требуютъ глазъ... Охъ, ужъ, эти мнѣ глаза!.. Удираютъ они отъ меня, удираютъ!..

— А это... несчастное! взглянула она на свою молчаливую собесѣдницу. — Выбросили!.. Ну, а верзилѣ Якову не миновать уголовщины!.. Да и сынъ его тоже будетъ уголовнымъ преступникомъ!.. Яблочко — отъ яблони! Сибѣть, негодяй, строить мнѣ рожи и швырять камни въ мое окно!.. Скажите пожалуйста, на что это похоже? Случись это лѣтъ тридцать тому назадъ, я велѣла-бы кому-нибудь изъ своихъ слугъ хорошенько проучить дерзкого мальчишку!.. Да!.. кому-нибудь изъ своихъ слугъ!.. А вѣдь были они у меня, были! да давно уже ихъ нѣтъ! Кто-жъ могъ-бы ожидать?

Удивленіе не переставало стягивать морщины къ бровямъ старушки, а пряди рѣдѣвшихъ волосъ все ниже и ниже опускались на ея бѣлый лобъ. Въ это время до ея слуха донеслись удары церковныхъ часовъ, и она, вытянувъ свой тонкій палецъ, считала: — „раз-зѣ!.. дв-а! тр-и!.. чет-ы-ре“ и т. д.

Съ послѣднимъ ударомъ — „од-ди-над-цать“, она свернула свое рукодѣліе и опустила его въ большой мѣшокъ; а изъ него вынула ветошку съ берлинскими шерстами и тамбурный крючекъ, проговоривъ при этомъ: „а это, извѣстно, на завтрашній день!“..

— Когда-то мнѣ сидѣлось и до часу и до двухъ часовъ ночи, — тянулась дальше нить ея воспоминаній, — и сидѣлось съ гостями, въ салонѣ!.. Да, салонѣ!.. Охъ, былъ онъ у меня, былъ, а теперь вотъ есть эта клѣтка! Кто-жъ могъ-бы ожидать?..

Пани сендзяна сняла съ себя очки.

— Да, продолжала она, вытирая ихъ кусочкомъ лайки, вынутымъ изъ кожаннаго футляра, — если-бы мнѣ теперь мои прежніе глаза, то я вышила-бы по канвѣ такой великолѣпный

коверъ, какъ тотъ, что лежалъ у меня на паркетномъ полу, передъ диваномъ, въ гостиной... Какую-бы кучу денегъ мнѣ за него заплатили!.. Но глаза... Удираютъ они отъ меня, удираютъ!.. А что будетъ, какъ и совсѣмъ удерутъ?

Съдая голова конвульсивно затряслась, какъ-бы подтверждая неизбѣжность этой катастрофы — окончательной потери зрѣнія.

Въ промежуткѣ между стѣнкой и печкой безпокойно спало и бредило дитя, вторя вопросу старушки своими восклицаніями: „Выбросили Юліанку! Выбросили!“

Но прошла ночь, и ребенокъ, отерывъ глазки, весело разсмѣялся, при видѣ солнышка, бившаго въ окно... Поютъ же птички и бренчатъ золотистые оводы на разсвѣтѣ дня? Такъ и веселый смѣхъ малютки было хвалебнымъ гимномъ природѣ...

Пани сендзина тоже молилась: — „Отче нашъ“ и т. д.

— „Аминь“, перекрестилась она, заслышавъ за собою смѣхъ Юліанки. — А ты, малая, уже и проснулась?.. Ну, скажите пожалуйста, еще и смѣется!.. Хорошо-ли тебѣ спалось?.. Не забыла? А это что?

Дѣвочка чувствовала себя какъ нельзя лучше и почти подбѣжала къ старушкѣ, показавшей ей горшечекъ съ молокомъ.

— Пей себѣ, пей, на здоровье, но только сдѣлай милость, оставь и на мою долю! придерживала ее пани сендзина, опасаясь увлеченія Юліанки.

— Это, видишь-ли, весь мой завтракъ! пояснила она, выпивъ свою гомеопатическую порцію и напавшая себѣ на голову заштопанный кисейный чепчикъ. — То, что ты выпила, пусть тебѣ на здоровье!.. Я не къ тому говорю... Понимаешь?.. Прежде я пила и чай, и кофе, и шоколадъ на густыхъ сливкахъ, но это было очень давно!.. Теперь-то я рада и капелькѣ молочка!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Ничего не подблаешь!.. Человѣкъ бываетъ и на возу и подъ возомъ... Я уже была на своемъ возу и... свалилась съ него... и никогда ужъ не попаду на него; а ты — еще можешь попасть! Почему знать?.. Вся жизнь передъ тобой!.. Теперь вотъ только... ты выросла изъ своей гадьей рубашки, а нѣтъ другой! Пфуй, какъ стыдно!.. Колѣнками свѣтишь! Надо мнѣ попросить для тебя какое-нибудь платьице у знакомыхъ господъ... У меня, видишь-ли, очень много знакомыхъ господъ, которымъ я продаю свои работы... Хожу-себѣ и про-

даю!.. Что-жъ тутъ такого? Только лѣстницы одолѣвають; а на дворахъ одноэтажныхъ домовъ вездѣ бѣснуются злыя собаки!.. Одежу такъ и рвутъ!.. Одна меня даже за ногу укусила! Нога вспухла, и я цѣлую недѣлю не могла выходить изъ дому!.. Да еще и эти грубияны—лакеи и прочая прислуга ругаютъ меня „нищенкой“ и отгоняютъ прочь!.. Кто-жъ могъ бы ожидать?

Юліанка, раскрывъ ротикъ, слушала исповѣдь наболѣвшаго сердца старушки, тусклые глаза которой блеснули негодованіемъ.

— Скажите, пожалуйста! „Нищенка!“ повторила она съ удивленіемъ.—А какая-же я „нищенка“, когда я честно зарабатываю на свой уголь и хлѣбъ насущный? Развѣ мои руководлія не красивѣе, не изящнѣе тѣхъ, что вывѣшиваются на приманку, въ окнахъ лучшихъ магазиновъ? Я буду дѣлать гардины, салфетки, кружева, одѣяльца и всякія подставочки, пока будутъ видѣть мои больные глаза... Но если они отъ меня совсѣмъ удерутъ?.. Что тогда будетъ?..

На лицѣ ея изобразился страшнѣйшій испугъ и все оно перекосилось. Она вдругъ заторопилась, накинула себѣ на плечи ночное покрывало ребенка, а поверхъ кисейнаго чепчика натянула черный ватный капоръ съ длинной оборкой сзади.

— Ступайка-ка себѣ на дворъ! сказала она дѣвочкѣ.—Мнѣ ужъ пора идти въ городъ, и я запру дверь. Къ вечеру возвращайся. Напешься молока и переночуешь. Я обѣда не варю дома: печка, видишь-ли, испорчена, дымить... А я не переносу угара! Захожу-себѣ къ одной доброй женщинѣ, у которой есть казинъ. Она даетъ два гроша, и я даю два гроша. На нихъ мы покупаемъ себѣ крупу или картофель на похлебку... А когда у меня бываетъ много работы, тогда я обѣдаю дома, размоченными въ водѣ баранками, отъ нашей Злотки... Кто-жъ могъ бы ожидать? Ну, ступай-же, дитя, ступай!.. Веди себя прилично! Можетъ, мнѣ удастся принести тебѣ чего-нибудь поѣсть... Прощай! До свиданія!

Обѣ онѣ вышли на дворъ. Пани сендзина направилась къ улицѣ, а Юліанка прислонилась спиною къ стѣнѣ ея жилища. Она уже не смѣялась, потому-что дулъ холодный, порывистый, сѣверный вѣтеръ. Осеннее солнышко свѣтило, но не грѣло. Постояла такъ, постояла, а потомъ и пошла къ теплому флигельку... То протянетъ ручку къ двери, то отдернетъ ее назадъ...

Дверь отворилась и из нея вышла прачка съ пустыми еще ведрами на изогнутомъ коромыслѣ. Рубаха, передникъ и юбка были на ней изорваны и въ кровавыхъ пятнахъ; лицо—въ синякахъ, ссадинахъ и царапинахъ; глаза—опухшіе; рукава—съ прорѣзами до самыхъ плечей, на манеръ гусарскаго „ментика“ или старопольскаго кунтуша „съ вылетами“.

Увидавъ Юліанку, она вспыхнула, какъ порохъ.

— А ты опять сюда прилѣзла? закричала она, топнувъ ногою.—Мало у меня горя и безъ тебя? Дитя ты мнѣ родное, что-ли, чтобы мнѣ кормить тебя своимъ пѣтомъ да еще и терпѣть изъ-за тебя адскія муки? Пошла вонъ, и не смѣй мнѣ на глаза соваться! Слышишь, чертенокъ?

Раздраженная женщина отпихнула дѣвочку отъ дверей и, забирая ихъ, поручила Антеку—не впускать „даровую нахлѣбницу“... Ему-же, какъ говорится, это было и съ руки. Онъ выскочилъ на дворъ и, растопыривъ пальцы, въ видѣ когтей хищнаго ястреба, кинулся на свою жертву, съ крикомъ: „Уберешься-ли ты, проклятый подкидышъ?“

Юліанка попыталась, но не уходила, и онъ снова продѣлалъ свой маневръ, съ азартомъ, близкимъ къ настоящимъ побоямъ.

— Антекъ! Антекъ! высунулась тутъ въ окно бѣлесоватая головка его сестры.—Чего ты къ ней вяжешься? Помоги-ка мнѣ, лучше, растопить каминъ къ маминому приходу! Она приказала, а мнѣ что-то не ладится! Да ну-же, или!

Мальчикъ прыгнулъ въ избу, а Юліанка осталась на томъ мѣстѣ, куда онъ ее загналъ. Ей уже не холодно и она не плакала. Но если-бы кто увидѣлъ теперь ея глаза, тотъ не могъ-бы не подмѣтить, что въ нихъ загорается какой-то безсильный гнѣвъ. Въ ихъ сухомъ блескѣ не было видно страданія... Ее еще застала прачка, несшая ведра съ водою изъ „дальняго“ колодца. Она пріостановилась, посмотрѣла на неподвижнаго ребенка; потомъ вошла въ избу и возвратилась оттуда, отрѣзавъ для Юліанки увѣсистый кусокъ чернаго хлѣба.

— На тебѣ! Бери, коли дадутъ! твнула она его ей.—Тебѣ на весь день хватить! Я тебѣ, кой-когда, буду давать хлѣбъ; но упаси тебя Пречистая Дѣва-Марія приходитъ въ избу! Отдеру розгою и посажу въ крапиву! Такъ и знай!

Дѣвочка взяла хлѣбъ, но не поднесла его, какъ всегда это

дѣлывала, тотчасъ-же ко рту, хотя у нея и сильно бурчало въ желудкѣ, такъ-какъ онъ не довольствовался, примѣрно, двумя столовыми ложками снятого молока. Она все такъ-же неподвижно стояла и смотрѣла на флигелекъ, пока изъ него, съ шумомъ и гамомъ, не выбѣжали Антекъ и Анка. Тогда и она пустилась бѣжать, на сколько умѣли бѣгать ея маленькія ножки, и скрылась въ высокихъ сѣняхъ стараго дома.

IV.

Мѣсяца черезъ три-четыре послѣ вышеописанной сцены, пани сендзина возвращалась, однажды, домой изъ своихъ походовъ „по знакомымъ господамъ“.

— Мое вамъ почтеніе, пани сендзина! Какъ ваше здоровье? остановила ее сидѣвшая на порогѣ своей лавочки Злотка. — Это вы покровительствуете теперь нашему подкидышу?

Старушка смѣшалась.

— Вотъ, пани купцова, возразила она, по обыкновенію, махнувъ рукою, — „не было бабѣ хлопотъ, такъ купила себѣ поросенка!“

— Разумѣется, хлопоты!.. А вы и сами уже нуждаетесь въ чужомъ покровительствѣ! Вѣдь дѣвочка у васъ и ѣсть, и почуетъ.

— Да; ѣсть, когда есть, что ѣсть; а почуетъ, когда на дворѣ холодно!.. Впрочемъ, и у меня почти такой-же холодъ, какъ на дворѣ... Кто-жъ могъ-бы ожидать?

— „Покровительствуете!“ брюзжала она, подходя къ своей избенкѣ. — Какъ-будто я въ состояніи кому-нибудь покровительствовать... Развѣ я такая богачка? Въ прежнее время я дѣйствительно оказывала помощь многимъ сироткамъ... Наряжала ихъ... давала имъ образованіе, доставляла всѣ удобства жизни!.. Теперь-то онѣ летаютъ-себѣ по бѣлому свѣту, а обо мнѣ и думать забыли!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать? Скажите, пожалуйста, какъ я могу покровительствовать этому ребенку? Только лишняя забота на мою сѣдую голову!.. Мать я ему или бабка?

Отпирая дверь, старушка, однако, употребляла всѣ усилія, чтобы не выронить изъ рукъ бумажнаго свертка, въ которомъ находились двѣ картофелины и кусочекъ вареной говядины.

— Это ей! шептала она. — Но куда эта дѣвченка всегда запропащется? Юліанка! А, Юліанка! дрожаль и обрывался старческій голосъ

На этотъ зовъ ребенокъ немедленно явился и истребилъ принесенную для него пищу, а пани-сендзина усѣлась на сундукъ и вынула изъ мѣшка мотки купленной шерсти.

— Садись-ка и ты за работу! сказала она дѣвочкѣ. — Вотъ здѣсь, на полу, сядь противъ меня и вяжи свой чулокъ!

— Держи-же нитку вотъ такъ, на пальцѣ,—не спускай! нагибалась она къ Юліанкѣ.— Сначала поддѣнь ее спицей, потомъ вотъ такъ продѣнь... Видишь, вышло очко? Такъ, такъ!.. Все такъ вяжи!— Я научу тебя всему, что тебѣ подь силу! внушала она ребенку.— И Богу молиться, и чулки вязать!.. Чему другому пусть тебя другіе научатъ!.. Я только начну твое воспитаніе... Да я и всегда все для тебя начинаю!.. Вотъ и тогда, какъ тебя подкинули къ воротамъ нашего двора! Вѣдь я первая положила въ шапку шорника двугривенный въ твою пользу!.. Онъ, знаешь, собиралъ „складчину“, а я сдѣлала ей починокъ!

— А кто-жъ это подкинулъ меня къ воротамъ? спросила дѣвочка, опустивъ на колѣни ручки со спицами и спутанной ниткой.— Кто?

Пани-сендзина сконфузилась и положительно не знала, что ей отвѣтить. Но потомъ, подумавъ, сказала, что „должно-быть, та большая птица, которая разбрасываетъ по міру всѣхъ маленькихъ дѣтей“.

Юліанка долго что-то соображала.

— А почему-же, заговорила она,—эта большая птица не отнесла меня прямо къ прачкѣ, или къ женѣ шорника, или къ кому другому, а взяла да и бросила на землю, къ воротамъ?

— Ну-ну! закашлялась старушка, быстро ковыряя тамбуровымъ крючкомъ.— Чего ты мнѣ надобѣдаешь своими вопросами? Скажите пожалуйста!.. И къ чему тебѣ это знать? Вяжи себѣ чулокъ и повторяй за мною: „Вѣрую во единого Бога“...

— „Вѣрую во единого Бога“, шептало дитя, воюя со спицею, которая ни какъ не хотѣла пройти въ слишкомъ туго связанное очко.

— „Всемогущаго“...

— „Всемогущаго“, вторила Юліанка.

— Да ты, малая, вѣрно, не понимаешь, что означаетъ слово „Всемогущій“?.. Я тебѣ растолкую! Мы, видишь-ли, потому на-

зываетъ Бога „Всемогущимъ“, что Онъ *все* можетъ сдѣлать. Поняла?

Дѣвочка опять опустила ручки на колѣни и впиалась глазами въ свою учительницу.

— А почему-жъ Богъ не велѣлъ той птицѣ занести меня прямо къ прачкѣ или къ женѣ шорника? настаивала она на своей мысли.— Вѣдь ихъ дѣтямъ лучше чѣмъ мнѣ?

Пани севдзина даже вздрогнула.

— Фу, ты, Боже мой! И откуда такіе вопросы у такого малыша? зачала она головою, а потомъ прибавила громче:— Богъ, видишь-ли *все* можетъ. Его благи и милосердію нѣтъ границъ!.. Онъ, вѣрно, хотѣлъ, чтобы и тебѣ хорошо жилось; да вотъ только люди тебѣ плохіе попались... Имъ, видишь ли...

— Да это вовсе не птица, а люди бросили меня на землю! перебила ее Юліанка.

Пани севдзина все больше и больше терялась.

— Ну-ну! Я тебѣ задамъ! Смотри ты у меня! пригрозила она ребенку своимъ тамбурнымъ крючкомъ, выпутавъ его, съ этой цѣлью, изъ петель берлинской шерсти.— Все спрашивать и спрашивать: а кто? а какъ? а почему? а для чего? Если ужъ тебѣ скверно на свѣтѣ, то, видно, такъ Богу угодно! Его на то святая воля! Волѣ Божіей, дитя, всегда надо покоряться!.. Помни-же, покоряйся и ты! Ну что? Покоряешься?

— Покоряюсь! вздохнула дѣвочка.

— Ну, и прекрасно! похвалила ее старушка.— И мнѣ, видишь-ли, не сладко живется, а я тоже покоряюсь!.. Не ропщу и не задаю никакими грѣшными вопросами!.. Мнѣ подчасъ только странно: отчего моя старость такъ непохожа на мою молодость? Кто-жъ могъ-бы ожидать? У меня вѣдь были и родители, и хорошее приданое, и мужъ—отличный, добрѣйшей души человекъ! Его всѣ уважали!.. Онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности судьи!.. И жили мы себѣ съ нимъ, какъ король съ королевой, въ этомъ-же самомъ городѣ... Замѣть, въ этомъ-же самомъ!.. Только дѣтей не давалъ намъ Богъ... А потомъ, какъ мужъ мой умеръ, и достатокъ куда-то испарился и родные куда-то дѣвались... И весь міръ превратился для меня въ пустыню, а руки—стали кормильцами... Да!.. Руки и глаза!.. Руки безъ глазъ нигде не годятся!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Вотъ, видишь!..

Теперь я прошу у Бога только о томъ, чтобы глаза отъ меня не удирали, а они все-таки удираютъ!.. Когда научишься молиться, попроси Его и ты!

— Попрошу! обѣщала Юліанка.

Сумерки сгущались, берлинская шерсть отодвинулась на задній планъ, въ мѣшокъ, уступая мѣсто бумагѣ и челноку. Старушка зажгла лампу.

— Ухъ, какъ-бы теперь славно папиться горячаго чайку! улюбулась она, прикрѣпляя сѣтеу къ кирпичинѣ.— Старыя восточки забнутъ... да и въ горлѣ деретъ послѣ постной соленой похлебки... А что подѣлаешь, если негдѣ взять? А? Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. А тебѣ, малая, темно тамъ, на полу, вязать чулокъ?.. Сложи-ка ужь свою работу и придвинься поближе ко мнѣ... Будемъ учиться! Говори:— „И остави намъ“—это значить „и прости намъ долги наши, яко-же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“...

— „Яко-же и мы оставляемъ“... начала было дѣвочка и оборвала фразу.

— Пани! робко взглянула она на пану сендзину. — А я не оставляю... не прошу!

— Чего? Кому? удивилась старушка.

— Антеку!.. Антеку не прошу! крикнула малютка.

— Пфуй, стыдно! Пфуй, не хорошо! пожурила ее старушка.— У ребенка и такая злопамятность! Антекъ, правда, сорви-голова, дрянной мальчишка; но, согласно волѣ Господней, и ему надо простить! Сейчас-же прости!.. Ну, что? Прощаешь?

— Не прошу! Не прошу! Не прошу! трижды и съ жаркой страстью отказалась отъ повинovenія Юліанка.— А чтобы я и на свѣтъ не смотрѣла, если прошу! А чтобы я заболѣла!.. А чтобы враги мои поумирили!.. Какъ только вырасту большая и сильная, я его поймаю и такъ изобью, такъ изобью, какъ панъ Яковъ свою жену!.. Чтобы ему и Богъ не простилъ!.. Чтобы ему и...

Она сжимала свои маленькіе кулаченки и, съ несвойственной ей возрасту пылкой ненавистью, выбрикивала свои заклятія и проклятія, позаимствованныя ею отъ всѣхъ обитателей двора—повара, его жены, ихъ сына, Злотки, шорника и т. д.

Этотъ бурный порывъ малютки до такой степени поразилъ старушку, что у нея даже и работа выпала изъ рукъ.

— Молчать! задрезжала она, тряся головою.—Если ты такая, так ступай-же себѣ вонъ отсюда!

Дѣвочка медленно спустилась съ сундука и пошла къ указанной ей двери.

— Послушай!.. Если простишь Антеку, то... не уходи отъ меня! сказала ей старушка.—Я позволю тебѣ остаться и... дамъ молока... Ну, что-же ты?..

Но дитя даже и головы не повернуло и взялось за дверной крючекъ.

— Да возвратись-же, малая, возвратись! встревожилась старушка.—Подойди-же ко мнѣ!

Юліанка подошла въ томъ-же хмуромъ, возбужденномъ настроеніи.

Пани сендзина положила руку на дѣтскую кудрявую головку.

— Ну, прости... прости Антеку! кроткой мольбой зазвучала ея простая рѣчь.—Съ меня, видишь-ли, взыщется передъ Господомъ, если я не внучу тебя чему-нибудь хорошему!.. Иззябшая... голодная... и выброшенная на дождь, ты пришла тогда ко мнѣ въ темную ночь, и я тогда-же подумала: „а пусть-себѣ эта чистая душа прильнетъ къ моей душѣ!.. И для нея вѣдь и для меня свѣтъ—пустыня!“ Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Да ты таки и хлопотъ мнѣ прибавила!.. Половину моей пищи съѣдаешь... укрываешься моимъ платкомъ, а я обхожусь дырявымъ капотцемъ!.. А вѣдь одежда страхъ портится отъ укрыванія!.. Ты-бы должна была чувствовать ко мнѣ благодарность и слушаться моихъ приказаній!.. Если я говорю тебѣ „прости“, такъ ты и прости!.. Ну что? Прощаешь, дитя?

Бѣлая рука съ толстыми синими жилами соскользнула съ кудрявой головки на смуглый лобикъ и нѣжно, матерински его погладила.

— Ну, что, дѣтка? Простишь Антеку?.. Простишь?

— Прощу! улынулась Юліанка, цѣлуя ласкающую ее руку.

— Ну, и прекрасно! привлекла ее къ себѣ еще ближе пани сендзина.—Прижмись ко-мнѣ, а я тебѣ расскажу кое-что изъ Священной Исторіи... о томъ, какъ Богъ изъ ничего создалъ міръ и перваго человѣка, и что потомъ было... Я, видишь-ли, получила то образованіе!.. Знала всего понемножку... Говорили даже, что я хорошо выражаю свои мысли... что я—веселая, остро-

умная, пріятная, благовоспитанная особа!.. Да!.. Люди такъ говорили!.. А гдѣ теперь эти люди?.. Гдѣ?.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?..

Увлекаясь своими разсказами о сотвореніи міра, изобиловавшими не идущими къ дѣлу отступленіями, — старушка патетически указывала Юліанкѣ перстомъ въ потолокъ, часто не замѣчая, что та преспокойнѣйшимъ образомъ спитъ себѣ, скло нивъ голову на ея колѣни!.. И спала себѣ дѣвочка до одиннадцати часовъ; а потомъ, шатаясь и хлопая слипающимися глазками, уходила въ свой уголь, покрывалась теплымъ платкомъ, и ее никто не тревожилъ во всю ночь.

И такъ шли дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами впродолженіи двухъ лѣтъ. Но къ концу второго года старушка нѣсколько измѣнила свои привычки. Она гораздо рѣже выходила изъ дому и перестала учить малютку вязаніямъ и молитвамъ. Ея же собственныя руки — „кормильцы“ все медленнѣе и нескладнѣе дѣйствовали тамбурнымъ крючкомъ и вязальнымъ челнокомъ, и это еще больше усиливало нервное подергиваніе мускуловъ старческаго лица... Напрягая зрѣніе, чтобы отличить одинъ цвѣтъ шерсти отъ другого, она начинала дрожать и горестно шептала: „Вотъ ужъ и совсѣмъ, совсѣмъ удирають мои глаза!“

Иногда, въ самомъ дѣлѣ, ей случалось принимать желтый цвѣтъ за розовый, голубой — за зеленый и тогда ей приходилось распускать все то рукодѣліе, надъ которымъ она трудилась десять-двѣнадцать часовъ... Изъ-подъ ея вѣкъ, при такихъ казусахъ, выкатывалась ѣдкая слеза; но она боялась утирать ее и такъ осторожно прикасалась кончикомъ мизинца къ глазу, какъ-будто это былъ очень хрупкій, тонкій предметъ...

— Помолись, дитя, Богу, чтобы глаза отъ меня не удирали! просила она Юліанку. — Дѣтскія молитвы пріятны Господу!

Близость окончателной потери зрѣнія такъ подавляла паню сендзину, что она, сидя, по заведенному порядку, до одиннадцати часовъ, надъ напрасно прикрѣпленной къ кирпичнѣ сѣткой, — даже не разговаривала сама съ собою... нѣмѣла отъ ужаса и печали!.. А облегчить свое горе слезами — нельзя!.. Только ускоришь необходимость нацѣпить на себя пугало — нищенскую суму!..

Молоко все рѣже и рѣже появлялось въ ея холодномъ, сыромъ жилищѣ, и обѣ онѣ съ Юліанкой чаще всего питались размо-

ченными въ холодной-же водѣ баранками... Злотка снисходила къ безвыходному положенію старушки и ея „воспитанницы“ и отпускала этой послѣдней, вмѣсто просимыхъ двухъ—три баранка, изъ тѣхъ, что красовались въ окнѣ ея лавочки.

— Вотъ и приходитъ мой часъ... мой страшный часъ! услышала однажды тихое восклицаніе Юліанка, занятая вопросомъ: куда въ это утро исчезли кровать и подушка изъ-подъ головы пани сендзины?.. Вмѣсто нихъ на полу лежала теперь солома и какой-то мѣшечекъ, набитый сѣномъ... Вслѣдъ за кроватью и подушкой также загадочно исчезли: и ватный салопецъ со стѣны, и шаткіи столбцы, и даже отрешивъ коврика съ пустого сундучка... Въ избѣ остались: только большой черный крестъ на стѣнѣ, да та нищенская постель—солома.

— Кто-жъ могъ-бы ожидать чего-нибудь подобнаго? Кто-жъ могъ-бы ожидать? твердила свое старушка, складывая на изсохшей груди свои упраздненныя руки.—На все, про все воля Божія! Ничего не подѣлаешь!

Вскорѣ послѣ исчезновенія всѣхъ вещей пани сендзины, Юліанку разбудилъ ночью ея отчаянный ропотъ.

— О, Всемогущій! закричала она дикимъ голосомъ.—Зачѣмъ-же Ты допустилъ меня дожить до этого страшнаго дня?.. Зачѣмъ?

Дѣвочка послушала, не скажетъ-ли она еще чего-нибудь; а потомъ опять крѣпко заснула. А вставъ поутру, въ обычное время, увидѣла, что сѣдая голова безмятежно покоится на сѣнной подушкѣ, и вѣки глазъ ея плотно закрыты утѣшителемъ всѣхъ скорбей—сномъ.

Коротенькій осенній день скоро промелькнулъ для рыскавшей по двору Юліанки, и въ сумерки она отправилась „домой“, чтобы прикурнуть въ ногахъ у пани сендзины. Но отворивъ дверь, отшатнулась, не понимая, что такое совершилось съ ихъ жилищемъ? Посрединѣ стоялъ столъ, а на немъ штофъ водки, бутылки съ пивомъ, жестяныя кружки и большая оловянная чарка. Трое какихъ-то мужчинъ горлачили, ругались, курили грошевыя сигары и играли въ карты. На полу валялись три узелка съ гардеробомъ новыхъ жильцовъ, а изъ-за облаковъ табачнаго дыма, строгимъ укоромъ ихъ безшабашному разгулу, на бѣлой стѣнѣ вырѣзывался черный деревянный крестъ пани сендзины.

Юліанка постояла у наружной стѣны, заплакала и пошла къ Злоткѣ.

— А? Это ты? повернулась къ ней отъ прилавка старая еврейка.—Ну, чего-жъ ты хочешь?

— Гдѣ моя добрая пани?

— Твоя пани?.. Гм... Твоя пани? тряхнула головою Злотка, глядя на дѣвочку съ чувствомъ искренняго сожалѣнія.—А кто ее знаетъ, куда она дѣвалась!.. Взяла себѣ палку въ руки и ушла... Развѣ она не простилась съ тобою?

Ребенокъ не отвѣтилъ, но, помолчавъ немного, спросилъ: возвратится-ли домой старушка?

— А чего-бы ей сюда возвращаться? возвратила еврейка.— У пани сендзины не было денегъ, чтобы платить за квартиру; ну, ей и велѣли убраться; а теперь, въ угловое помещеніе перешли лакеи безъ мѣстъ!.. Они уже водку дуютъ и въ карты играютъ... Если-бъ мнѣ хоть отъ нихъ былъ какой заработокъ?.. Да куда имъ!.. Они распутные!.. Пфе!.. Наберутъ въ долгъ, а потомъ надуютъ!.. Я ужъ ихъ добре знаю!..

Начавъ на эту животрепещущую для нея тему, Злотка могла-бы развивать ее до безконечности, если-бы ее не поразилъ неистовый крикъ сидѣвшей на порогѣ Юліанки. Она запустила себѣ всѣ пальцы въ волосы и рвала ихъ, крича во всю глотку, а изъ глазъ ея неудержимо лились слезы... Еврейка старалась успокоить ее ласками и баранками. Но ребенокъ оттолкнулъ ея руку, бросилъ на полъ баранки и стремглавъ пустился бѣжать къ самому темному углу двора, откуда еще долго доносились его вопли и протяжныя всхлипыванія... До этого угла никогда не достигалъ свѣтъ ни одной звѣздочки, ни одного огонька; и дитя, припавъ тутъ, во мракѣ, лицомъ къ стѣнѣ, оплакивало свое *третье* сиротство. У Юліанки опять не было пріюта... Она опять очутилась подъ опекой мокрой земли, свинцоваго неба и бушевавшаго вѣтра поздней осени.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

(Продолженіе).

15-го мая.

Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ я не знаю: на яву или во снѣ происходило только-что случившееся.

Въ умѣ мутится, когда подумаешь, что еще разъ такъ благопріятствовали обстоятельства и еще разъ все потеряно такимъ безумнымъ образомъ.

Какой день мы пережили, но и какимъ урокомъ должна служить эта быстрая, легкая побѣда, мгновенно превратившаяся въ поражение!

Уже съ самаго водворенія своего, учредительное собраніе показало себя, прежде всего избравъ предсѣдателемъ своимъ Бюше, роль котораго какъ парижскаго мэра была крайне двусмысленна, а затѣмъ, назначивъ въ комиссію, облеченную исполнительною (Commission Exécutive) властью, самыхъ подозрительныхъ людей бывшаго временнаго правительства, а именно: Араго, Мари, Гарнье Пажеса, Ламартина, правда, также и Ледрю Роллена, но онъ едва могъ получить 458 голосовъ изъ 750, и то лишь благодаря стараніямъ Ламартина, считавшаго избраніе Ледрю необходимымъ для предотвращенія кризиса. Между тѣмъ товарищи Ледрю Роллена получили по 700 голосовъ. При такихъ условіяхъ и при отсутствіи твердости, выказанномъ имъ до тѣхъ поръ, можно быть увѣреннымъ, что присутствіе его въ новомъ правительствѣ не принесетъ никакого обезпеченія противъ реакціонныхъ происковъ «исполнительной комиссіи».

Нѣсколько дней спустя послѣ этихъ злополучныхъ выборовъ, учредительное собраніе еще болѣе проявило свои анти-революціонныя тенденціи, рѣшительно отказавшись отъ разсмотрѣнія какихъ-бы то ни было предложеній, клонящихся къ удовлетво-

ренію требованій рабочаго класса, и притомъ не вслѣдствіе характера самихъ предложеній, а по существу ихъ предмета.

Конечно, правительство имѣло право сомнѣваться въ полезности «министерства труда и прогресса», предлагаемаго Луи Бланомъ и не раздѣлять его иллюзій относительно результатовъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ этого учрежденія *). Но собраніе отнеслось къ предложенію съ такимъ презрѣніемъ и такъ внушительно перешло къ очереднымъ дѣламъ, что не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ намѣреніи его заявить прежде всего, что оно не находитъ нужнымъ что-либо мѣнять въ существующихъ соціальныхъ отношеніяхъ и не желаетъ препятствовать беспощадной эксплуатаціи, въ рукахъ которой давно уже находятся рабочіе.

Итакъ, учредительное собраніе съ большою ясностью и опредѣленностью выразило, что будетъ не менѣе консервативно, чѣмъ правительство Луи-Филиппа и даже усилитъ законныя преимущества капитала, если найдетъ то полезнымъ.

Недовольство въ средѣ рабочаго класса росло съ каждымъ днемъ и вмѣстѣ съ нимъ и увеличивалась непопулярность собранія. Кризисъ становился неизбежнымъ. Онъ разразился сегодня.

По довольно странной случайности, поводомъ послужила Польша. Пользуясь тѣмъ, что долженъ быть сдѣланъ запросъ новому министру иностранныхъ дѣлъ тѣми изъ депутатовъ, которые находили желательною болѣе энергичную внѣшнюю политику, а именно, относительно поддержанія Польши, которая требовала въ ту минуту своей автономіи,—главные представители клубовъ рѣшили на совѣщаніи своемъ пригласить парижскій народъ явиться въ собраніе для врученія президенту петиціи въ пользу польскаго народа, судьба котораго всегда принималась близко къ сердцу большою частью французскихъ республиканцевъ.

Откровенно говоря, какъ ни симпатиченъ народъ, борящійся за свою независимость, но эта часть программы манифестантовъ, ни въ какомъ случаѣ не могла оказаться благопріятной для ихъ ходатайства, такъ-какъ главная цѣль была слишкомъ отодвинута

*) Это министерство должно было изучить и опредѣлить основанія новыхъ договоровъ между хозяевами и рабочими, установить количество часовъ работы и поденную плату; наблюдать за примѣненіемъ добытыхъ наукой средствъ оздоровленія нѣкоторыхъ производствъ и избѣжанія опасностей, грозящихъ рабочимъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, а также имѣть надзоръ и охранять учениковъ отъ грубаго обращенія и чрезмѣрной хящности ихъ хозяевъ, однимъ словомъ—быть опекуномъ рабочихъ.

на задній планъ и могла остаться непонятою въ рѣшительную минуту.

Съ другой стороны, хотя мы и въ значительной степени начинены релігіознымъ сентиментализмомъ, несмотря на новые соціальныя идеалы наши, тѣмъ не менѣе, по отношенію Польши, и у насъ начинаетъ проявляться нѣкоторая реакція, такъ-какъ мы знакомы лишь съ ея аристократическими претензіями и ультра-католическими предразсудками, которыя, въ высшей степени, противорѣчатъ нашимъ собственнымъ стремленіямъ.

Наконецъ, постоянное расположеніе къ полякамъ со стороны нашего духовенства и даже легитимистской партіи, начинаетъ внушать намъ опасенія и мы боимся грубо обмануться на ихъ счетъ.

Правда, эти сомнѣнія и опасенія раздѣляются пока только немногими изъ революціонеровъ, но все-таки мы нашли, что почва для манифестаціи выбрана была неудачно.

Тѣмъ не менѣе громадная толпа собралась на площади Согласія, при крикахъ: «да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Польша!» Отсюда делегаты должны были направиться въ палату, предводимые генераломъ національной гвардіи г. Куртэ. Въ качествѣ представителя «Клуба національныхъ мастеровъ» я также находился въ этой группѣ, но не помню, какииъ образомъ былъ отъ нея отрѣзанъ и остался у рѣшетки зданія законодательнаго корпуса, гдѣ и ожидалъ исхода этого свиданія.

Около трехъ часовъ пополудни внезапное волненіе охватило толпу и она увидала Гюбера, помощника Барбеса въ клубѣ «La Révolution», объявляющаго, что учредительное собраніе распущено и новое революціонное правительство готово водвориться въ Hotel de Ville.

По рукамъ ходили списки. На одномъ изъ нихъ я прочелъ вмѣстѣ съ именами Ледрю-Роллена, Луи-Блава и Альбера, несравненно болѣе внушительныя имена: Барбеса, Бланки, Распайя, Пьера, Леру, Кабэ и Прудона.

Одинъ изъ моихъ товарищей, которому посчастливилось попасть въ залу засѣданія, сообщилъ мнѣ о томъ, что въ ней только-что произошло.

Вскорѣ послѣ появленія делегатовъ, генералъ Куртэ, самъ не зная почему, отдалъ приказъ стражѣ, охранявшей зданіе законодательнаго корпуса, впустить публику. Произошла неизобразимая сумятица. Президентъ Бюше, энергія котораго столь-же умѣренна какъ и его республиканскія убѣжденія, немедленно потерялъ голову. Онъ допустилъ овладѣть трибуной, сперва Распайя, котораго, по слабости голоса, никто не могъ слышать,

а затѣмъ Бланки, который рѣшился только въ послѣднюю минуту, но затѣмъ сталъ говорить весьма рѣшительно и рѣзко о соціальныхъ реформахъ, требуемыхъ народомъ, очевидно, желая придать движенію его дѣйствительное значеніе. Тогда Барбесъ, опасаясь, что Бланки овладѣтъ положеніемъ и услыхавъ, что Бюше удалось отдать приказъ бить отбой, въ свою очередь, появляется на трибунѣ и съ негодованіемъ объявляетъ внѣ закона тѣхъ, кто отдалъ это распоряженіе, направленное противъ народа.

При этихъ словахъ Гюберъ бросается къ трибунѣ позади Барбеса и выставляетъ объявленіе, на которомъ написаны слѣдующія строки: «Собраніе распущено! Революціонное правительство учреждено!»

Несмотря на необыкновенное сопоставленіе именъ Бланки и Барбеса, состоявшихъ въ открытой враждѣ; индивидуалиста Прудона и коммунистовъ Леру и Кабэ, день казался намъ удачнымъ и мы надѣялись, что революція окажется, наконецъ, дѣйствительной.

Но и на этотъ разъ нашимъ надеждамъ не суждено было сбыться.

Изъ всѣхъ членовъ новаго правительства только двое отправились въ Hôtel de Ville, чтобы, согласно старому обычаю, вступить, такъ сказать, во владѣніе властью. Но и они не надолго могли обмануть себя успѣхомъ.

Ни Ледрю, ни Луи-Бланъ, ни Прудонъ, ни даже Бланки, Кабэ и Распайль не послѣдовали за движеніемъ, въ которомъ, однако-же, всѣ трое принимали дѣятельное участіе: всѣ трое исчезли! Пьеръ Леру и Прудонъ ничего не знали о случившемся. Ихъ, по крайней мѣрѣ, оправдываетъ отсутствіе. Луи-Бланъ, поведеніе котораго въ этотъ день было болѣе, чѣмъ двусмысленно, благоразумно удалился въ ту минуту, когда его собирались нести съ торжествомъ въ Hôtel de Ville. Что касается Ледрю, то, вѣрный своей обычной тактикѣ, онъ увѣрилъ товарищей, что готовъ идти съ ними, а самъ, просто на просто, бросился въ объятія Ламартина въ послѣднюю минуту!

Мы только-что видѣли ихъ обоихъ верхомъ, предшествуемыхъ пушками и сопровождаемыхъ такимъ количествомъ войска, котораго достаточно было-бы для новаго овладѣнія Hôtel de Ville'мъ, во имя учредительнаго собранія, представители котораго, между тѣмъ, успѣли опомниться отъ изумленія и вернуться на свои мѣста, съ которыхъ они такъ покорно допустили удалить себя.

Мой пріятель и я пришли на площадь Hôtel de Ville какъ

разъ въ ту минуту, когда буржуазные батальоны національной гвардіи привѣтствовали Ледрю, Ламартина и ихъ кумовьевъ по реакціи, а къ Венсенну тянулся многочисленный конвой, сопровождавшій кареты, въ которыхъ везли арестованныхъ: Альбера, Барбеса и тѣхъ изъ друзей, которые не захотѣли покинуть ихъ послѣ пораженія.

Въ семь часовъ вечера все было кончено.

Республика ждетъ только послѣдняго удара, который довершитъ ее.

Когда же съумѣемъ мы обойтись безъ всѣхъ этихъ, такъ-называемыхъ, вождей, которые не умѣютъ ни во время захотѣть, ни довести до конца начатую борьбу?

Одни изъ нихъ, какъ Барбесъ и Альберъ, отказываясь, до послѣдней минуты, принять участіе въ этой манифестаціи, рѣшаются примкнуть только тогда, когда уже поздно опредѣлять ея значеніе.

Правда, они дорого заплатятъ за свое великодушное, но позднее и бесплодное участіе; умаляемое, къ тому-же, слишкомъ личнымъ характеромъ мотивовъ, побудившихъ къ принятію рѣшенія.

Другіе, какъ Бланки, Кабэ и Распайль, покидаютъ, на произволъ судьбы, положеніе, созданію котораго сами содѣйствовали и покидаютъ въ ту минуту, когда остается лишь дать ему санкцію.

Что касается Ледрю и Луи-Блана, то двойная игра, которую они ведутъ вотъ уже четыре мѣсяца, приведетъ ихъ, вѣроятно, къ какому-нибудь скверному приключенію, въ которомъ они утратятъ свою политическую честь.

Пора-бы дѣйствительно заинтересованнымъ въ дѣлѣ революціи заняться самимъ, доведеніемъ ея до успѣшнаго конца, — но, къ несчастію, есть основаніе опасаться, что они не скоро еще поймутъ это.

* * *

5 іюня 1848 года.

Итакъ, консерваторы, «друзья порядка», какъ они себя торжественно называютъ, одержали верхъ и господствуютъ съ 15-го мая. Разсчитывая на поддержку, на этотъ разъ, открыто оказываемую имъ исполнительной комиссіей, они надѣются, безъ особыхъ хлопотъ, справиться съ революціей.

Легитимисты, орлеанисты и клерикалы начинаютъ плести свои происки, имѣя въ виду реставрацію, соответствующую

щую вкусамъ каждой изъ этихъ партій. А такъ-какъ содѣйствіе клерикаловъ необходимо для всѣхъ остальныхъ, то у нихъ и заискиваютъ наперерывъ.

Что касается самихъ клерикаловъ, то несмотря на традиціонную склонность свою къ монархіи, они твердо рѣшились воспользоваться вліяніемъ, безразсудно предоставленнымъ имъ республиканцами съ 24-го февраля, лишь для поддержанія той партіи, которая представитъ гарантіи власти, къ которой они стремятся, и удовольствоваться даже республикой, если будутъ имѣть возможность направлять ее по своему усмотрѣнію. Весьма возможно, однако-же, что они въ концѣ-концовъ примкнутъ къ новому династическому кандидату, только-что возникшему въ то время: Луи-Бонапартъ легко можетъ оказаться для нихъ подходящимъ человѣкомъ. Не потому, конечно, чтобы этотъ человѣкъ представлялъ какія-либо замѣчательныя достоинства; близко знающіе его люди не скрываютъ презрѣнія, которое онъ имъ внушаетъ, но его имя могло-бы служить знаменемъ, вокругъ котораго не трудно будетъ собрать не малое количество простодушныхъ людей, въ мозгахъ которыхъ утверждали культъ наполеоновской легенды даже наиболѣе передовые изъ либераловъ, начиная съ 1815 года.

Луи-Бонапартъ, несмотря на двѣ смѣшныя попытки свои, страсбургскую и булонскую (1836—1840) остался, въ глазахъ многихъ, провиденціальнымъ человѣкомъ, благодаря пѣснямъ Беранже и глупости патриотовъ, отождествлявшихъ его дядю, Наполеона, съ революціей, которой онъ былъ лишь убійцей. Скажемъ болѣе, къ этому человѣку относились серьезно даже нѣкоторые изъ нашихъ мнимыхъ республиканцевъ-соціалистовъ.

Между прочими и Луи-Бланъ, имѣвшій «честь» посѣтить того, кого тайно называли «гамскимъ узникомъ» или «принцемъ» и кто, повидимому, понялъ и одобрилъ проекты «организаціи труда»,—съ самыхъ первыхъ дней февральской республики настаивалъ предъ товарищами своими ко временному правительству, на разрѣшеніи семейству Бонапартовъ возвратиться во Францію, чтобы «погрѣться лучами республиканскаго солнца!»

Такимъ образомъ, милое семейство, пользуясь этимъ снисхожденіемъ, успѣшило позволить предложить себѣ кандидатуру въ учредительное собраніе, гдѣ засѣдаютъ около двадцати изъ болѣе или менѣе прямыхъ его представителей. Допустивъ ихъ вернуться во Францію, правительство сдѣлало и другую, не менѣе грубую ошибку, а именно: оно рѣшилось сдѣлать исключеніе для Луи-Бонапарта. Можно было напередъ сказать, что найдутся люди, которые станутъ на сторону *униженнаго и оскор*

бленнаю и вотъ мы пріобрѣли себѣ лишнее затрудненіе. У насъ явился бонапартовскій вопросъ. Этого еще намъ недоставало!

Ожидая важныхъ событій, которыя неминуемо должны были возникнуть по этому поводу, я каждый вечеръ посѣщаю кружокъ, куда ввелъ меня мой товарищъ 15-го мая. Не имѣя почти никакихъ знакомствъ и живя уединенной жизнью по выходѣ изъ версальской нормальной школы, гдѣ я готовился къ учительской профессіи, я весьма охотно согласился выйти изъ своей изолированности и не имѣлъ причинъ въ томъ раскаяться.

Кружокъ собирается обыкновенно у одного изъ своихъ членовъ, въ улицѣ Дю-Бакъ (Du Bac). Онъ состоитъ изъ образованныхъ и интеллигентныхъ молодыхъ людей, отличающихся большою склонностью къ занятіямъ литературой и искусствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли-бы, благодаря своимъ дарованіямъ, пріобрѣсти извѣстность. Прежде всего назову Толѣса Бернара, происходящаго изъ семейства, глава котораго игралъ, повидимому, довольно важную роль во времена первой французской революціи. Мать нашего друга, рано осиротѣвшая, помнитъ, что будучи еще ребенкомъ заключена была въ тюрьму Консьержери, гдѣ находилась въ обществѣ Люсила Демулень, г-жи Дантонъ и вдовы Филиппа Леба, сестры Элеоноры Дюплейксъ, которой 9-е Термидора помѣшало сдѣлаться женою Робеспьера.

Бернаръ служить въ военномъ министерствѣ, куда поступилъ, вслѣдствіе ходатайства Беранже, близкаго друга его семейства. Это человѣкъ лѣтъ 28-ми съ живымъ воображеніемъ и оригинальнымъ умомъ. Поэтъ и философъ, онъ въ то-же время республиканецъ и весьма религіозный человѣкъ. Но его политико-религіозныя воззрѣнія подвергаются самымъ противоположнымъ превращеніямъ.

То онъ августианецъ, мрачный ясенистъ и вѣрить въ необходимость желѣзной диктатуры для установленія республики; то пантеистъ, горячо отстаивающій права личности, свободу воли и горько упрекающій коммунистовъ за слишкомъ легкое отношеніе къ свободѣ.

Какъ поэтъ, онъ восторженный поклонникъ Гёте, Байрона, а затѣмъ Мюссе и Ла-Прада. Гюго ослѣпляетъ его, но не трогаетъ. Ламартина онъ считаетъ убійственнымъ.

Такъ-какъ мое литературное образованіе крайне ограничено, то я не пускаюсь съ нимъ въ споры и по поводу его предпочтеній къ этимъ поэтамъ. Относительно Ламартина я склонялся въ его сторону. Что-же касается религіозныхъ, политическихъ и социальныхъ воззрѣній, то у насъ бывають съ Бернаромъ горячіе споры.

Придя къ коммунизму, вслѣдствіе чтенія сочиненій Фурье, я естественно не могъ относиться съ восторгомъ къ «Путешествію по Икаріи», въ которомъ Кабэ изложилъ свою коммунистическую систему, подновивъ теорію Бабефа, Буанаротти и друзей ихъ по заговору «Равныхъ» (Conspiration des Egaux). Но я раздѣляю мнѣніе, что только коммунизмъ, какъ логическое рѣшеніе соціального вопроса, въ состояніи поставить гармоническую и сознательную солидарность на мѣсто нынѣшняго грубаго антагонизма общихъ и частныхъ интересовъ.

Друзья называютъ меня ужаснымъ утилитаристомъ, врагомъ искусства, которое, по ихъ мнѣнію, можетъ вдохновляться только свободной фантазіей, на что я возражаю имъ, напоминая, что всѣ признаваемые ими великія произведенія искусства внушены чувствами, страстями, страданіями и даже нуждами народной массы.

Въ этихъ спорахъ меня поддерживаетъ иногда, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, другой поэтъ, занимающийся также исторіей, археологіей, живописью и даже химіей! Луи Менаръ (это имя пріятеля) также коммунистъ, но авторитарный и большой сторонникъ Бланки, диктатура котораго кажется ему пригодной для достиженія цѣлей соціальной революціи. По этому-то пункту мы и расходимся, потому-что я не питаю ни малѣйшей склонности ни къ какой диктатурѣ, хотя-бы и къ диктатурѣ такого умнаго и преданнаго дѣлу революціи человѣка, каковъ Бланки. Третій стихотворецъ (изъ всего кружка одинъ я выказываю полную неспособность къ стихосложенію) нерѣдко останавливаетъ наши бурныя пренія. Это Леконтъ Делиль, который уже напечаталъ цѣлый рядъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «*Roemes antiques*». Сынъ богатаго плантатора, убѣжденный республиканецъ, онъ принадлежитъ къ числу людей, которые заставили временное правительство издать декретъ объ отмѣнѣ невольничества въ нашихъ колоніяхъ. Когда отецъ замѣтилъ ему, что этотъ декретъ равносильенъ его раззоренію и, что, не худо было-бы, по крайней мѣрѣ, провести принципъ вознагражденія владѣльцевъ, нашъ пріятель отвѣчалъ только, что, по его мнѣнію, вознаграждать слѣдовало-бы невольниковъ, такъ-какъ они имѣютъ на это несравненно болѣе права, чѣмъ плантаторы.

Безкорыстный, какъ мы видимъ, въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, онъ отличается глубокой ненавистью къ христіанству и поклоненіемъ искусству и философіи древнихъ, на возрожденіе которыхъ надѣется. Онъ исповѣдуетъ настоящій культъ индійскихъ и греческихъ мѣзовъ и, напротивъ, питаетъ замѣтное презрѣніе къ современнымъ соціальнымъ теоріямъ, которыя

всѣ грѣшати, по его мнѣнію, тѣмъ, что берутъ за основаніе христіанство.

Принимая участіе, и даже довольно дѣятельное, въ современной борьбѣ, она тѣмъ не менѣе кажется ему мелочной и лишеной интереса, что, по моему, и несправедливо и невѣрно. Когда онъ покидаетъ свою невозмутимость и вмѣшивается въ наши споры, то дѣлаетъ это всегда, чтобы трунить надъ нами. Я спрашиваю себя тогда, куда приведетъ его эта невозмутимость или, вѣрнѣе, эта страсть быть выше обиденнаго, и невольно припоминается мнѣ эта простая, но глубокая мысль Паскаля: «кто слишкомъ мѣтитъ въ ангелы, тотъ попадаетъ въ скоты».

Кромѣ этихъ трехъ друзей, благодаря которымъ, мысль моя начинаетъ работать надъ многими, до тѣхъ поръ невѣдомыми мнѣ вопросами, я встрѣчаю въ кружкѣ и другихъ молодыхъ людей, стремящихся составить себѣ имя въ литературѣ или искусствѣ и, наконецъ, и такихъ, которые, по семейнымъ или инымъ соображеніямъ, принуждены избрать болѣе прозаическое поприще, но надѣются промѣнять его современемъ на болѣе идеальное.

Что касается меня, то отсутствіе эстетическаго элемента служить мнѣ ручательствомъ въ томъ, что, пользуясь этими сношеніями съ точки зрѣнія интеллектуальнаго развитія, я мало рискую быть увлеченнымъ на путь, къ которому, впрочемъ, я нисколько не подготовленъ. Зная сколько времени пришлось-бы убитъ, чтобы приобрѣсти самыя элементарныя основанія какого-либо искусства, я по необходимости долженъ быть скромнымъ.

Мое первоначальное образованіе, приспособленное исключительно къ крайне ограниченнымъ требованіямъ профессіи сельскаго учителя, было ничтожно во всемъ, касавшемся современной изящной словесности.

Нашъ преподаватель роднаго языка, придерживаясь указанной и весьма узкой рамки программы, предписанной нелѣпыми постановленіями, оставлялъ насъ въ полномъ невѣжествѣ относительно современныхъ образцовыхъ произведеній, за исключеніемъ, однако-же, произведеній Ламартина, чтеніе которыхъ разрѣшалось, вѣроятно, вслѣдствіе распространенной ими скуки. Этотъ преподаватель былъ, однако-же, весьма неглупымъ человекомъ и исполнялъ предписанія, скрѣпя сердце. Однажды, и почти тайкомъ, онъ собралъ нѣкоторыхъ изъ насъ, чтобы прочитать «Лукрецію» Понсара, которая была истиннымъ событіемъ на французской сценѣ. Мое литературное невѣжество подало однажды поводъ къ довольно забавному эпизоду.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ французы получили возмож-

ность правильной оцѣнки Шекспира, благодаря нѣсколькимъ хорошимъ переводамъ великаго трагика, творенія котораго, какъ извѣстно, жестоко искажались нашими переводчиками прошедшаго столѣтія. Однажды вечеромъ я явился въ rue du Vas въ ту минуту, какъ Леконтъ, Делиль и Толесъ-Бернаръ сѣлились по поводу, не помню какой именно, пьесы того, кого Вольтеръ называлъ геніальнымъ варваромъ. Делиль, какъ и слѣдовало ожидать, находилъ его слишкомъ страстнымъ, слишкомъ *человѣчнымъ*.

Приглашенный однимъ изъ спорящихъ высказать свое мнѣніе, я принужденъ былъ сознаться, что всякій разъ какъ приходилось мнѣ слышать разсужденія о Шекспирѣ, я считалъ себя послѣднимъ изъ глупцовъ, такъ-какъ всѣ усилія мои найти красоты въ «Гамлетѣ», «Макбетѣ» и даже въ «Ромео» (единственныхъ мнѣ извѣстныхъ пьесахъ Шекспира) оставались тщетными. Поэтому, къ великому стыду своему, я признавалъ себя неспособнымъ понимать и чувствовать прекрасное.

«Но въ какомъ-же переводѣ вы ихъ читали?» спросили у меня пріятели. Я назвалъ переводъ *Дюси!* Тогда раздался громкій и продолжительный смѣхъ, къ которому невольно присоединился и я. Бернаръ доставилъ мнѣ новый переводъ названныхъ пьесъ, не *переложенныхъ* въ александрійскіе стихи съ соблюденіемъ трехъ классическихъ *единствъ*, и я понялъ тогда дружный смѣхъ, встрѣтившій мое наивное заявленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ считать себя нѣсколько менѣе тупымъ, чѣмъ прежде, что, я долженъ сознаться, въ нѣкоторой степени облегчило мое самолюбіе.

Особенно привлекательны наши собранія тѣмъ, что несмотря на значительное различіе въ степени образованія и умственнаго развитія, ни одинъ изъ новыхъ друзей моихъ не даетъ мнѣ этого чувствовать. Всѣ, безъ исключенія, обходятся со мною просто и выказываютъ самое искреннее расположеніе, такъ-что я чувствую себя среди нихъ такъ свободно, какъ только возможно.

Къ сожалѣнію, этимъ собраніямъ, какъ мнѣ кажется, должны помѣшать готовящіеся важныя событія. Все предвѣщаетъ новую и страшную борьбу, которая, повидимому, неизбѣжна.

«Мы можемъ предложить три мѣсяца нужды въ распоряженіе республики», сказали на своихъ баррикадахъ февральскіе борцы.—Теперь прошло уже почти четыре мѣсяца, а положеніе рабочихъ не только не улучшилось, но еще и ухудшается съ каждымъ днемъ.

Многочисленные сборища каждый вечеръ толпятся на буль-

варахъ и въ средѣ ихъ раздаются сочувственныя восклицанія въ пользу венсенскихъ узниковъ, арестованныхъ 15-го мая или вскорѣ послѣ того, и въ числѣ которыхъ находятся Распайль и Бланки. Требуютъ освобожденія ихъ всѣхъ. Сверхъ того, желая яснѣе обозначить характеръ своего недовольства, рабочіе кричатъ: «да здравствуетъ социальная республика!» указывая такимъ образомъ на отпаденіе свое отъ формалистовъ-республиканцевъ. Съ своей стороны и собраніе все болѣе и болѣе старается расширить пропасть, отдѣляющую его отъ нарижскаго народа. Національныя мастерскія, опереться на которыя уже не видѣла возможности реакція, служили предметомъ безпрестанныхъ доносовъ, какъ скопище грабителей и сорвавшихся съ цѣпи каторжниковъ. Въ этомъ случаѣ особенно отличился Гудто, бывшій министръ финансовъ временнаго правительства, и Дюпенъ, адвокатъ, защищавшій Беранже во время реставраціи, бывшій либераль, сдѣлавшійся однимъ изъ главнѣйшихъ вожаковъ орлеанистской партіи.

Къ этимъ неудовольствіямъ противъ нашихъ, такъ-называемыхъ, *представителей*, прибавилось еще негодованіе по поводу жалкаго отчета, составленнаго Жюлемъ Фавромъ о событіяхъ 15-го мая и который заключался предложеніемъ этого другаго адвоката-перебѣжчика изъ революціоннаго лагеря,—предать суду Коссидьера и Луи-Блана за участіе въ попыткѣ, имѣвшей цѣлью измѣненіе формы правленія.

Я только-что имѣлъ случай бесѣдовать съ весьма робкими и умѣренными республиканцами, но и они приходили въ негодованіе по поводу этого отчета, въ которомъ Жюль Фавръ излил свою ненависть къ Луи-Блану. Эта ненависть имѣла источникомъ «Histoire des dix ans» Луи-Блана, въ которомъ онъ мастерски бичуетъ вяланье и двусмысленное поведеніе лійонскаго адвоката въ дѣлѣ обвиняемыхъ за апрѣльское возстаніе 1834 г., носившее названіе инсurreкціи мютюэллистовъ (*Insurrection des mutuellistes*).

Каждому понятно, что преслѣдовать Луи-Блана невозможно, такъ-какъ именно его странная сдержанность въ день 15-го мая въ сильнѣйшей степени способствовала неудачѣ движенія, предъ лицомъ котораго вначалѣ не отважилось сопротивляться и само собраніе. Дѣйствительно, если-бы Луи-Бланъ выказалъ болѣе мужества и искренности, 15-е мая дорого-бы обошлось тѣмъ, кто теперь не боится требовать преданія его суду.

Выражая одобреніе отчету, внушенному личною неприязнью, наши представители боятся, однако-же, начать враждебныя дѣйствія слишкомъ рано, а потому предложеніе, которымъ заклю-

чалъ этотъ отчетъ Жюль Фавръ, было отвергнуто, правда, слабымъ большинствомъ 32-хъ голосовъ на 700. Эта жалкая цифра 32 краснорѣчиво свидѣтельствуетъ въ пользу успѣха реакціоннаго направленія въ нашемъ учредительномъ собраніи и объявляетъ республикѣ хорошенькую конституцію.

Благодаря укрѣпившемуся соглашенію между делегатами Национальныхъ мастерскихъ и делегатами Люксамбургскаго дворца, и къ великому сокрушенію тѣхъ, кто надѣялся воспользоваться ихъ прежнимъ антагонизмомъ, только-что оконченные выборы позволили послать въ собраніе Пьера Леру и Прудона, двухъ признанныхъ социалистовъ; зато и реакціонный элементъ получилъ подкрѣпленіе въ лицѣ Шангарнье, генерала, вполне преданнаго Орлеанамъ и Тьера, консерватора во что-бы то ни стало, который съ 1834 г. приобрѣлъ, въ качествѣ министра Луи-Филиппа самую мрачную репутацію, какъ авторъ реакціонныхъ законовъ противъ печати и какъ виновникъ избіенія, произведеннаго, по его распоряженію, въ улицѣ Транспоненъ (rue Transponain). Сверхъ того, Парижъ, чтобы посмѣяться надъ исключительной мѣрой исполнительной комиссіи выбралъ въ числѣ прочихъ новыхъ депутатовъ и Луи-Наполеона Бонапарта.

Какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ послѣдній выборъ, повторившійся въ трехъ другихъ департаментахъ? Во всякомъ случаѣ нельзя ожидать отъ него ничего хорошаго.

* * *

15-го іюня.

Если «принцъ Луи» — идиотъ, какъ увѣряютъ въ открытой бесѣдѣ нѣкоторые изъ его друзей, и какъ увѣряетъ меня съ своей стороны сынъ члена конвента Филиппъ Леба, состоявшій при немъ въ качествѣ наставника, то нельзя не сознаться, что его сторонники довольно ловко ведутъ свою пропаганду въ Парижѣ.

Пользуясь постоянно возрастающимъ раздраженіемъ рабочихъ, они сумѣли овладѣть собраніями, образовавшимися, вначалѣ, единственно съ цѣлью требовать освобожденія «венсенскихъ узниковъ» и при посредствѣ своихъ агентовъ примѣняли къ этому чисто-революціонному требованію бонапартистскія вождѣнія.

Полиція, оофициально руководимая Коссидьеромъ, котораго не посмѣли вытѣснить, но на самомъ дѣлѣ находившаяся въ рукахъ нѣкоего Карлье, бывшаго члена республиканскихъ тайныхъ обществъ (очевидно въ качествѣ шпіона), и вполне пре-

даннаго реакціи, полиція смотритъ на это сквозь пальцы, и увѣряютъ, что она сама не остается чуждой распространенію новаго бонапартистскаго лозунга: «*Poléon, nous l'aurons*».

Какъ ни странно все это съ перваго взгляда, но если поразмыслить, оно объясняется легко.

Въ виду столкновения, которое стараются вызвать въ средѣ парижанъ, задача правительства заключается въ томъ, чтобы направить его въ пользу реакціи.

На этотъ разъ борьба завяжется съ обѣихъ сторонъ, во имя республики, что вначалѣ должно неминуемо спутать понятія и парализовать дѣйствія войскъ, которыя будутъ противопоставлены народу. Несмотря на скверный духъ начальниковъ, мобили, состоящіе изъ дѣтей Парижа, болѣе привыкшихъ строить баррикады, чѣмъ брать ихъ, къ тому-же находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ родными и знакомыми, стрѣлять по которымъ имъ прикажутъ,—мобили болѣе другихъ способны повернуть свое оружіе противъ тѣхъ, кто будетъ отдавать имъ такія приказанія. Придется, слѣдовательно, изобрѣсть какое-нибудь недоразумѣніе, которое могло-бы придать хоть нѣкоторое подобіе справедливости правительству и собранію и позволить обратить молодежь въ орудіе подавленія рабочихъ, которыхъ опасаются съ тѣхъ поръ, какъ такъ недостойно обманули.

Впрочемъ, средство имѣется подъ рукою. Благодаря поддержкѣ, которую полиція оказываетъ подъ сурдиной, бонапартистскимъ агентамъ, благодаря бессмысленнымъ крикамъ: «*Poléon, nous l'aurons*», которые сливались съ полнымъ значеніемъ кликомъ: «да здравствуетъ социальная республика!», который отнынѣ сдѣлался лозунгомъ рабочихъ,—не трудно будетъ возбудить мобилей и повести ихъ въ бой, въ пользу реакціи, увѣряя ихъ, что мятежъ, который они призваны подавить, имѣетъ цѣлью ниспроверженіе республики въ пользу Луи-Бонапарта.

Эта ужасная комбинація имѣетъ тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ, что дѣлая видъ 4-го мая, будто искренно примыкаетъ къ республикѣ, учредительное собраніе пріобрѣло въ провинціи репутацію дѣйствительной преданности республикѣ.

Въ довершеніе путаницы происходитъ слѣдующее: 12-го іюня, когда собраніе должно было постановить рѣшеніе, относительно только-что происходившихъ дополнительныхъ выборовъ, Ламартинъ всходитъ на трибуну, блѣдный, разстроенный, и подъ предлогомъ начала мятежа, существовавшего лишь въ его собственномъ воображеніи, требуетъ, чтобы покончили съ Бонапартами, при помощи спеціальнаго декрета объ ихъ изгнаніи. Собраніе отложило рѣшеніе, по этому поводу, до слѣдующаго

засѣданія. На этомъ засѣданіи Жюль Фавръ, которому порученъ былъ отчетъ о выборахъ, заявилъ, что, по его мнѣнію, февральская революція возвратила семейству Бонапартовъ всѣ политическія права и что остается только утвердить избраніе Луи-Наполеона, которое произведено было вполне законнымъ путемъ.

Ледрю-Ролленъ, высказался за предложеніе объ изгнаніи, прибавивъ, что, насколько ему извѣстно, уже производится вербовка въ *императорскую гвардію*.

Напротивъ того, Луи-Бланъ, во имя «великихъ принциповъ», столько разъ имъ нарушенныхъ за послѣдніе четыре мѣсяца, поддерживаетъ мнѣніе Жюля-Фавра, предложеніе котораго и принимается большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Итакъ, Луи-Бонапартъ провозглашенъ представителемъ народа. Но затѣмъ происходитъ нѣчто совершенно неожиданное. Едва успѣли постановить рѣшеніе, какъ друзья принца, болѣе ловкіе, чѣмъ наши республиканцы, устраиваютъ настоящій *сoup de théâtre*, который ставитъ собраніе въ крайне комическое положеніе. Замѣтившій послѣ 25 мая Бюше, президентъ Сенаръ получаетъ письмо отъ Луи-Бонапарта, который, иронически благодаря собраніе за только-что принятое имъ рѣшеніе, подтверждающее его *права*, заявляетъ «объ отказѣ своемъ отъ полномочія, врученнаго ему избирателями, не желая, какъ онъ прибавлялъ, чтобъ его имя, служащее символомъ порядка, національности и славы, подавало-бы поводъ къ смутамъ и раздорамъ родины. Готовый всѣмъ пожертвовать для блага Франціи, готовый исполнить долгъ свой, если *того потребуетъ народъ*, онъ находитъ, что еще не настала минута занять постъ, назначенный ему его избраніемъ, а потому онъ предпочитаетъ оставаться въ изгнаніи, во избѣжаніе оскорбительныхъ подозрѣній, противъ него направленныхъ».

Благодаря этому маневру, ловко выполненному и поддержанному недобросовѣстностью противниковъ, которые вмѣсто того, чтобы прямо и искренне отнестись къ вопросу, пользовались бонапартистами для прикрытія собственныхъ интригъ, сторонники принца торжествуютъ и есть отчего — они не потеряли времени.

* * *

17 іюня.

Національныя мастерскія начинаютъ серьезно водноваться. Довольно слышали мы обвиненій, оскорбительныхъ и даже безчестящихъ, которыми преслѣдуютъ насъ съ трибуны Гудто и

Дюпенъ. За неимѣніемъ иныхъ средствъ гласности, стѣны покрываются нашими негодующими протестами. Въ нихъ мы напоминаемъ, съ своей стороны, Дюпену низость его поведенія при Луи-Филиппѣ, а Гудто—его финансовыя шашни съ домоу Ротшильдъ, которому онъ доставилъ около шестидесяти милліоновъ (въ бытность свою министромъ финансовъ, на другой день послѣ февральскаго переворота), разрѣшивъ пересмотръ условій займа, подписаннаго этимъ банкомъ незадолго передъ паденіемъ Луи-Филиппа.

Далѣе, мы только-что узнали о ночномъ похищеніи нашего директора Эмиля Томаса, подозрѣваемаго (какъ говорилось въ «*Moniteur*»), для оправданія этого противозаконнаго поступка), въ бонапартистскихъ проискахъ, а на самомъ дѣлѣ, виновнаго лишь въ томъ, что онъ отказался привести въ исполненіе проектъ грубаго распушенія мастерскихъ, который собирается представить въ собраніе клерикаль-депутатъ и главный вожакъ реакціонеровъ—Фаллу, по соглашенію съ исполнительной комиссіей. Это исчезновеніе Эмиля Томаса, напоминающее времена «*lettres de cachet*», доводитъ наше раздраженіе до послѣднихъ предѣловъ.

Подобныя способы дѣйствія едва-ли могутъ продлиться. Правительство, полиція и собраніе, все дѣятельно работаетъ въ пользу столкновенія.

Къ тому-же довольно странное предложеніе только-что пущено газетой, которая, повидимому, имѣетъ цѣлью доставить поводъ къ желаемому взрыву. Эта газета начала выходить недавно и подъ заимствованнымъ изъ временъ нашей первой революціи заглавіемъ «*Le Père Duchesne*». Она объявляетъ объ устройствѣ громаднаго народнаго банкета, *по пяти су съ челомъ*, который будетъ данъ на гласисѣ укрѣпленій. Билеты раздаются тысячами и полиція, столь щекотливая обыкновенно въ дѣлахъ этого рода, повидимому, нисколько не тревожится на этотъ разъ. Мнѣ и друзьямъ моимъ этотъ проектъ народнаго банкета кажется весьма подозрительнымъ. Однако-же, мы все-таки отправимся, если только... онъ состоится.

Между тѣмъ и собраніе далеко не спокойно. Изъ провинціи приходятъ плохія вѣсти. Образъ дѣйствій депутатовъ по поводу избранія Луи-Бонапарта произвелъ самое неблагоприятное впечатлѣніе, и, само собою, разумѣется, отъ этого выиграла мнимая жертва.

Съ другой стороны ему пришлось услышать съ трибуны такія рѣчи, къ которымъ не пріучилъ его до тѣхъ поръ ни одинъ изъ такъ-называемыхъ друзей народа, каковы, напр., Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ.

По поводу новаго проекта организаціи Алжира, собраніе увидѣло на трибунѣ оратора совершенно новаго рода и глубоко изумившаго его.

Мощная голова, покрытая густыми черными волосами, мощная, античная фигура, взглядъ живой и глубокой, дышащій добротой и въ то-же время лукавствомъ,—это Пьеръ Леру; вмѣстѣ съ Прудомъ они составляютъ единственныхъ представителей социализма въ собраніи. Оба они только-что избраны парижскимъ населеніемъ. Леру уже около пятидесяти лѣтъ; подобно Прудону, онъ долгое время работалъ при типографіяхъ, то въ качествѣ простаго наборщика, то фактора или корректора. Онъ обладаетъ почти универсальнымъ образованіемъ: философія, исторія, лингвистика, политическая экономія, естественныя науки, ничто ему не чуждо и онъ въ состояніи говорить о нихъ со специалистами. Ранѣе онъ принадлежалъ къ числу послѣдователей Сень-Симона, но разошелся съ Анфантемомъ со времени борьбы его съ Базаромъ, и не только по поводу неудачно поставленнаго, по его мнѣнію, вопроса о реорганизаціи семейства, но и въ особенности потому, что замѣтилъ возможность перехода какъ Анфантена, такъ и его друзей, въ ряды буржуазіи, которой они доставятъ поддержку своими разнообразными знаніями и блестящими способностями.

Леру хотѣлъ остаться и остался пролетаріемъ. А между тѣмъ, по своему обширному уму и дарованіямъ, онъ, безъ сомнѣнія, могъ-бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ средѣ тѣхъ, кого буржуазія съ гордостью называетъ своими вождями.

Итакъ, появленіе его на трибунѣ было событіемъ.

Онъ началъ съ того, что призналъ необходимость колонизаціи для Франціи, но прибавилъ, что она должна создать *республиканскія общины*, чтобы такимъ путемъ положить начало новой цивилизаціи. Затѣмъ, обращаясь непосредственно къ собранію, онъ сказалъ: «Если вы не признаете въ принципѣ этой необходимости, и если не желаете ея осуществленія, единственно-соотвѣтствующаго нашей революціонной традиціи,—вы подвергнете нынѣ существующую цивилизацію ужасной гибели... Социализмъ долженъ показать человѣчество въ его истинномъ свѣтѣ. Ищите-же рѣшенія, если-же не можете или не умѣете, предложите народу дѣлать попытки, такъ-какъ онъ имѣетъ *на то право*. Въ противномъ случаѣ, вамъ придется запереть рой въ ульѣ и тогда то, что мы наблюдаемъ у пчелъ, повторится и въ человѣческомъ обществѣ: вы произведете ужасающую, неумолимую войну».

При этихъ словахъ, трепеть пробѣжалъ по собранію и, уди-

вительное дѣло, увѣряють, что де-Фаллу и де-Монтамберъ, т. е. оба главные вожака клерикальной партіи, такъ ревностно стремящіеся навлечь и возжечь эту войну, предсказанную Пьеромъ-Леру, имѣли дерзость подойти къ нему и пожать ему руку, поздравляя съ ораторскимъ успѣхомъ. Впрочемъ, имъ, быть можетъ, лучше чѣмъ кому-бы то ни было извѣстно, какъ много истины заключаетъ въ себѣ пророчество Пьера Леру!

* * *

22 іюня.

Правительство открыло борьбу. Несмотря на усилія одного изъ самыхъ заклятыхъ противниковъ нашихъ, доктора Трелъ, республиканца изъ неокатолической группы Бюше, который вмѣстѣ съ Мари участвовалъ въ основаніи Національныхъ мастерскихъ, съ мыслью противопоставить ихъ со временемъ рабочимъ-соціалистамъ; несмотря на доводы нашихъ делегатовъ, которые въ послѣднемъ отвѣтѣ своемъ Гудто, спрашивали, что намѣрены дѣлать со сто-десятью тысячами рабочихъ, которыхъ лишатъ даже ничтожнаго заработка, спасавшаго ихъ и семейства ихъ отъ голодной смерти—несмотря на все это, правительство декретировало немедленное закрытіе нашихъ мастерскихъ. А затѣмъ, чтобы показать, что желаютъ пособить бѣдственному положенію вещей, которое должно возникнуть изъ такой жестокой и безчеловѣчной мѣры, въ декретѣ о распущеніи мастерскихъ прибавлялось, что всѣ рабочіе въ возрастѣ отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ приглашаются немедленно записаться въ армію, или быть готовыми къ отправленію въ департаменты, которые имъ будутъ указаны, для производства земляныхъ работъ, на урокъ.

Какъ видно, ихъ желаютъ отправить обрабатывать Солоню, земли которой, улучшенная цѣною нашего труда, нужды, здоровья, а можетъ быть, и жизни, будутъ проданы затѣмъ съ огромными барышами (по крайней мѣрѣ, на это рассчитываютъ) въ пользу маклаковъ, въ рукахъ которыхъ находится это дѣло.

Всеобщее негодование было отвѣтомъ на декретъ, который клонится къ возобновленію системы вербовки и насильственной колонизаціи. Получивъ приглашеніе отъ делегатовъ, я отправился на собраніе, гдѣ мы должны были уговориться относительно отвѣта на правительственное требованіе. По дорогѣ въ Пантеонъ, мы встрѣтили одного изъ любимыхъ ораторовъ нашего делегатскаго клуба, рабочаго-каменьщика, Пюжоля.

Это человекъ лѣтъ 25-ти, хорошо сложенный, съ энергическимъ и мрачнымъ лицомъ. Характеръ его краснорѣчія не осо-

бенно мнѣ симпатиченъ, вслѣдствіе мистицизма, которымъ проникнуть. Но по причинѣ религиозныхъ тенденцій, къ сожалѣнію, еще весьма сильныхъ въ массѣ, этотъ мистицизмъ и обуславливаетъ, главнымъ образомъ, сочувствіе рабочихъ къ этому оратору. Впрочемъ, Пюжоль, какъ мнѣ кажется, весьма искренній человѣкъ и преданность его дѣлу рабочихъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Вмѣсто того, чтобы продолжать намъ путь къ Пантеону, мы, по совѣту Пюжоля, направились въ Люксамбургскій дворецъ, гдѣ засѣдаетъ исполнительная комиссія, чтобы заявить отъ имени всѣхъ нашихъ о томъ, что мы думаемъ о чудовищномъ декретѣ.

Придя во дворецъ, Пюжоль и четверо сопровождавшихъ его товарищей были впущены къ Мари, одному изъ пяти членовъ исполнительной комиссіи, которому поручено было принять ихъ. Немного времени спустя они въ пятеромъ вышли оттуда. По ихъ лицамъ, выразившимъ сдержанный гнѣвъ, мы поняли, что аудіенція, хотя и была коротка, но имѣла рѣшительный характеръ. Затѣмъ, Пюжоль сообщилъ намъ о происшедшемъ. Эта сцена, какъ я полагаю, будетъ принадлежать къ числу наиболее печальныхъ событій нашей исторіи.

— Что вамъ угодно, граждане? рѣзко спросилъ Мари у нашихъ делегатовъ.

— Гражданинъ, отвѣчалъ Пюжоль, — до послѣдней революціи...

— Говорите дѣло, грубо перебилъ его Мари. — Я не могу терять времени.

— Ваше время принадлежитъ народу, и вы обязаны его выслушивать. Повѣрьте, меня не устрашитъ вашъ угрожающій тонъ...

— Какъ! продолжалъ Мари, схвативъ за руку Пюжоля, — вы осмѣливаетесь говорить такимъ образомъ съ представителемъ исполнительной власти?

— Какое мнѣ дѣло до вашего титула, когда я делегатъ отъ народа, а вы только его *приказчикъ*.

Въ эту минуту, услышавъ шумъ, нѣсколько дежурныхъ офицеровъ вошли въ залу и выстроились въ рядъ позади нашихъ уполномоченныхъ, желая, вѣроятно, запугать ихъ.

— Ну, сказалъ Мари, — говорите, чего вы хотите?

— Гражданинъ-представитель, снова началъ Пюжоль, — до февральской революціи, рабочій людъ находился подъ давленіемъ капитала. Чтобы избавиться отъ эксплуатаціи хозяевъ, онъ построилъ баррикады и не сложилъ оружія до тѣхъ поръ, пока не провозгласилъ демократической и соціальной республики, которая должна была избавить его навсегда отъ тягостнаго рабства.

Теперь, рабочіе видятъ, что ихъ обманули самымъ недостойнымъ образомъ; иначе говоря, они готовы на всякія жертвы, готовы даже отдать жизнь, чтобы сохранить свою свободу».

— Понимаю, возразилъ Мари.—Слушайте-же. Если рабочіе не хотятъ вѣхать въ провинцію, мы принудимъ ихъ къ тому силою. Слышите, *си-лою*.

— Силою, гнѣвно протянулъ Пюжаль;—хорошо, гражданинъ, теперь мы знаемъ, что хотѣли знать.

— Что-же?

— А то, что ни вы, ни ваши товарищи по исполнительной комиссіи никогда искренно не желали улучшенія положенія рабочихъ. Прощайте, гражданинъ.

Итакъ, насильственное переселеніе гражданъ, вотъ что придумали для лишенныхъ обычнаго заработка, по милости неспособности и нежеланія что-либо сдѣлать, нашихъ правителей. Вотъ какое рѣшеніе нашли эти братья-республиканцы, которые, три мѣсяца тому назадъ, являлись избранниками, «предназначенными для устройства счастья рабочаго класса, только-что доставившаго имъ власть». Трудно было вѣрить, но товарищи Пюжоля подтвердили истинность всего имъ переданнаго *).

Выслушавъ его отчетъ, мы условились собраться въ тотъ-же день въ Пантеонъ, къ 6-ти часамъ вечера, для принятія окончательнаго рѣшенія.

Эта отсрочка, по моему мнѣнію, была ошибкой. Мнѣ кажется, что было-бы лучше, немедленно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, разсыпаться по рабочимъ кварталамъ Парижа и въ особенности по обычнымъ мѣстамъ сходовъ нашихъ рабочихъ «бригады», для передачи имъ всего, что намъ только-что было сообщено.

Мы могли-бы попытаться немедленно возбудить негодованіе противъ мерзавцевъ, которые обнаружили, наконецъ, свои зловѣщіе замыслы.

Ждать — это значило доставлять имъ возможность пригото-

*) А. Этотъ безобразный разговоръ былъ затѣмъ дѣликомъ приведенъ въ сочиненіи г-жи д'Ауу, написавшей подъ вседонимомъ Даниэля Стерна, лучшую исторію событій отъ 24 февраля до 24 июня 1848 года (*Histoire de la Révolution de 1848 par Daniel Stern, tome II, page 306 et suiv.*).

В. Здѣсь кстати указать на странный фактъ исчезновенія со сцены Пюжоля, немедленно послѣ только-что приведеннаго разговора 22 июня. Всего вѣроятно, что онъ былъ убитъ, увлеченный горячкой борьбы, а такъ-какъ у него не было въ Парижѣ родныхъ, то никто и не позаботился узнать, что съ нимъ стало. Позднѣе этимъ воспользовались „умѣренные“, увѣрившіе, что онъ былъ полицейскимъ агентомъ, чего они, однако-же, никогда не могли доказать.

виться, и если борьба неизбежна, то лучше ей начаться немедленно.

Враги наши это прекрасно понимали. Я только-что узналъ отъ одного свѣдущаго знакомаго, что вопреки нѣсколько разъ повтореннымъ обѣщаніямъ правительства, двадцать тысячъ регулярныхъ войскъ были обманнымъ образомъ приведены въ Парижъ и такое-же количество войскъ, отдѣленныхъ отъ альпійской арміи, расположено въ его окрестностяхъ, въ ожиданіи распоряженій новоназначеннаго военнаго министра, генерала Эжена Кавеньяка.

Этотъ выборъ обусловленъ былъ не столько популярностью, связанною съ именемъ его брата Годафруа Кавеньяка, принадлежавшаго къ числу наиболѣе уважаемыхъ вождей республиканской партіи, сколько его собственной репутаціей «друга порядка». Надежды, возлагаемыя на генерала, основаны на его узкозвѣрскомъ, неумолимомъ характерѣ. Онъ набилъ себѣ руку въ Алжирѣ, гдѣ и приобрѣлъ себѣ военное имя, усмиряя арабовъ, во время возстаній, вызванныхъ нашимъ алжирскимъ управленіемъ.

Изъ всѣхъ африканскихъ генераловъ Э. Кавеньякъ имѣетъ репутацію самаго неумолимаго. Его солдаты увѣряютъ даже, что онъ и его коллега Ламорисьеръ ввели въ войскахъ, подъ предлогомъ дисциплины, самыя жестокія пытки, заимствованныя у сосѣдственныхъ съ нашими владѣніями африканскихъ властителей.

Съ такимъ человѣкомъ можно ожидать беспощадной войны.

* * *

30 іюня.

Эта ужасная борьба, подготовленная консерваторами всѣхъ отѣнковъ, наконецъ, прекратилась. Теперь все это представляется мнѣ страшнымъ кошмаромъ.

Никогда не забыть мнѣ братства буржуазныхъ республиканцевъ!

23 іюня, около одиннадцати часовъ, я находился у Porte St. Denis, гдѣ строили первую баррикаду, при многократно-повторяемыхъ крикахъ: «да здравствуетъ демократическая и социальная революція! Работы или свинцу!» Тогда по всему Парижу бьютъ отбой. Менѣ чѣмъ въ какой-нибудь часъ рабочіе кварталы покрываются баррикадами, какъ щетиной. На нихъ видѣется множество борцовъ, на этотъ разъ, почти исключительно принадлежащихъ къ рабочему классу. Странное дѣло, нигдѣ не напа-

даютъ, за исключеніемъ только Porte St. Denis, гдѣ нѣсколько ротъ національныхъ гвардейцевъ, принадлежащихъ ко второму округу (это кварталъ банкировъ и крупныхъ негоціантовъ), довольно быстро производятъ нападеніе, но потерявъ значительное количество своихъ, спѣшатъ вернуться домой.

Вначалѣ казалось, что достаточно будетъ, какъ въ февралѣ, заявить о своей силѣ, чтобы низложить это правительство предателей, которое хочетъ высылать насъ цѣлыми тысячами.

Само собраніе растерялось и колеблется. Оно полагало, что имѣеть дѣло съ горстью головорѣзовъ, съ которыми не трудно будетъ справиться, а затѣмъ и мотивировать ими репрессивныя мѣры. Но вмѣсто того оно очутилось лицомъ къ лицу съ общимъ возстаніемъ, поддерживаемымъ твердою рѣшимостью отстоять силою то, чего напрасно ждали отъ его справедливости. Такая неожиданность положенія сперва испугала собраніе. Это уже не 15-е мая.

Съ другой стороны, въ рядахъ нашихъ повторяютъ, что Луи Бланъ, Ледрю Ролленъ и Коссидьеръ, устыдясь той роли, которую играли до тѣхъ поръ, стали на сторону рабочихъ и дерутся въ нашихъ рядахъ; однако, я этому мало вѣрилъ, такъ-какъ никто не могъ указать съ точностью, на какомъ именно пунктѣ борьбы они находятся.

Съ нѣсколькими товарищами мы обходимъ Парижъ и повсюду встрѣчаемъ одинаковый пылъ, одинаковую энергію. Въ предмѣстьѣ Faubourg du Temple, на углу улицы St. Maur Popincourt, возвышается цѣлое укрѣпленіе изъ мостовыхъ камней, обращенныхъ острымъ угломъ къ неприятелю, причемъ между камнями оставлены небольшіе промежутки, такъ-что пули, ударя по нимъ, будутъ еще болѣе сдвигать ихъ. За этими камнями находилось значительное количество товарищей нашихъ изъ національныхъ мастерскихъ.

Они избрали себѣ начальникомъ профессора математики, гражданина Казавана, человѣка достойнаго и искренно преданнаго дѣлу. Онъ руководилъ постройкой баррикады и, какъ мнѣ кажется, изобрѣлъ и самый способъ ея устройства *).

Въ другомъ противоположномъ рабочемъ кварталѣ, мы заходимъ къ пріятелю, который показываетъ намъ свои *приготовленія*. Такъ-какъ онъ живетъ во второмъ этажѣ и на углу улицы, гдѣ поставлена баррикада, то натащилъ къ себѣ цѣлую груду камней и всякаго рода орудій, грозящихъ проломить полъ

*) Насколько мнѣ извѣстно, Казаванъ былъ разстрѣлянъ въ 1871 г. у Божовской богадѣльни, директоромъ которой онъ былъ назначенъ коммуной.

комнаты. Онъ намѣревается швырять этимъ въ случаѣ осады. Все объѣзжаетъ горячую схватку.

Несмотря на удушающую жару и бурю, всѣ замѣчательно спокойны. Погода на этотъ разъ не дѣйствовала на нервы. Но теперь не такъ, какъ въ февралѣ: не слышно ни смѣха, ни шутокъ, которыми всегда, не исключая и трудныхъ временъ, отличается парижское населеніе.

Дѣло идетъ уже не о низложеніи династіи, а цѣлаго класса, и каждый сознаетъ, что это большая разница. Если даже мы выйдемъ побѣдителями изъ уличной борьбы, положеніе все-таки останется труднымъ; а если мы будемъ побѣждены, то насъ ждетъ не только смерть, но и самая свирѣпая ненависть, самая гнусная клевета, противъ которой оставшіеся въ живыхъ должны будутъ защищать и себя и погибшихъ.

Но если намъ не оказываютъ серьезнаго сопротивленія, мы должны предупредить его, таково мнѣніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ; прежде всего слѣдуетъ идти и овладѣть тремя главными пунктами: Hôtel de-Vill'емъ, Люксамбургскимъ дворцомъ и собраніемъ, овладѣвъ въ то-же время и министерствами.

Къ несчастію, ждуть, какъ и всегда, приказаній отъ невидимыхъ руководителей, въ томъ числѣ отъ Коссидьера, а между тѣмъ этихъ приказаній не получается ни откуда. Тѣ, кто долженъ-бы ихъ дать, воздерживаются, опасаясь компрометироваться въ случаѣ неудачи! Вѣчное надувательство великодушныхъ сердецъ! Наиболе догадливые и осторожные появляются, обыкновенно, только въ ту минуту, когда побѣда почти рѣшена и имъ остается только воспользоваться успѣхомъ и барышомъ.

День 23 и послѣдовавшая ночь прошли въ незначительныхъ стычкахъ съ отрядами національной гвардіи, защитниками порядка, посланными, главнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть наши позиціи, и которые, потерявъ значительный уронъ, отступали послѣ первыхъ выстрѣловъ, противъ нихъ направленныхъ.

Кажущееся бездѣйствіе исполнительной комиссіи зависитъ, повидимому, отъ несогласія относительно стратегическихъ мѣръ противъ инсurreкціи. Ледрю-Ролленъ, который, несмотря на то, что толкуютъ за баррикадами, никогда не думалъ становиться на нашу сторону, держится вмѣстѣ съ товарищами своими по исполнительной комиссіи того мнѣнія, что слѣдуя обычной тактикѣ, необходимо немедленно противиться возведенію баррикадъ и брать ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ строятся. Кавеньякъ, который прежде всего думаетъ о томъ, чтобы захватить власть, отнявъ ее у исполнительной комиссіи, рѣшительно порицаетъ

эту тактику и желаетъ, чтобы мятежъ разгорѣлся, такъ-какъ это дастъ ему возможность двинуть войска и вѣрнѣе раздавить парижанъ. Однимъ словомъ, для него дѣло идетъ о грандіозной охотѣ на людей. Ему нужна не только побѣда, но и бойня.

Съ утра 24 числа наши мужественные представители, испуганные *мягкостью* исполнительной комиссіи, колебаніями національной гвардіи и въ особенности отказомъ большинства батальоновъ мобилей идти противъ старыхъ февральскихъ товарищей,—стали поговаривать о томъ, чтобы удалиться изъ Парижа въ Буржъ или Орлеанъ, чтобы съ большимъ удобствомъ натравливать провинцію на парижанъ.

Въ эту-то минуту Кавеньякъ и его товарищи изъ «National'я» сбрасываютъ маску, прикрывавшую ихъ козни. Въ такой важный моментъ, говорятъ они, нельзя надѣяться на спасеніе общества иначе какъ вручивъ и сосредоточивъ всѣ роды власти въ рукахъ одного лица и отложивъ въ сторону всякія свободы, для того, чтобы придать руководящей власти надлежащую силу. Военная диктатура и осадное положеніе, таковы неотложныя мѣры, которыхъ потребовали у нашихъ струсившихъ законодателей, чтобы побѣдить защитниковъ истинной республики, социального права и справедливости! И за такія-то чудовищныя мѣры подадутъ голоса эти мнимые республиканцы, по предложенію худшаго изъ интригановъ Паскаля Дюпра, бывшаго сотрудника Ламеннэ въ «Revue Indépendante», при Луи-Филиппѣ. Эти мѣры предназначаются для тѣхъ, кого нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ величали героями эти самые люди!

Напрасно человекъ шестьдесятъ депутатовъ, въ томъ числѣ: Пьеръ Леру, Фердинандъ Гамбонъ, Викторъ Консидеранъ, Коссидьеръ, Жюль Греви, Дюпонъ де-Бриссакъ, къ чести своей, противятся этимъ безчеловѣчнымъ мѣрамъ; напрасно требуютъ они, чтобы собраніе отправило делегаціи къ инсургентамъ, узнало въ чемъ заключаются ихъ требованія и сказала - бы имъ слова примиренія и братства, — собраніе не слушаетъ ничего, кромѣ внушеній собственнаго страха и полныхъ ненависти и лжи отчетовъ Паскаля Дюпра и Жюля Бастида, — новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Военная диктатура принята собраніемъ и немедленно вручена Кавеньяку. Сверхъ того, объявляется осадное положеніе города Парижа и всего департамента Сены и Уазы. «Боятся-же они смерти!» не могъ удержаться отъ восклицанія Коссидьеръ, по поводу этого позорнаго рѣшенія.

Да, дѣйствительно, они боятся смерти. Самая скотская трусость, смѣшанная съ необузданнымъ честолюбіемъ, — вотъ истинныя причины, которыя съ 15 мая бросили респуб-

канцевъ, органомъ которыхъ служилъ «National», въ объятія монархической реакціи, что и позволить ей свалить на республику всю гнусность ихъ преступныхъ интригъ.

Какъ только было постановлено рѣшеніе, вѣсть о которомъ быстро разнеслась по Парижу, сопротивление приняло именно тотъ характеръ, который желалъ придать ему Кавеньякъ.

Единство дѣйствія необходимо должно было дать ему преимущество предъ инсurreкціей, которая, къ несчастію, продолжала ограничиваться тѣми кварталами, гдѣ родилось движеніе.

Роли немедленно перемѣнились и пассивное положеніе, котораго мы держались вначалѣ, вслѣдствіе неудачной тактики, скоро сдѣлалось для насъ роковою необходимостью. Намъ ничего не оставалось, кромѣ обороны.

Съ другой стороны, преданные новому господину газеты республики, успѣшили привести въ исполненіе планъ, обдуманнѣе и облегченнѣе тѣмъ, что всѣ оппозиціонные органы были запрещены въ силу осаднаго положенія. Имъ довольно скоро удалось повернуть противъ насъ, сперва мобилей, до тѣхъ поръ еще колебавшихся, а затѣмъ и всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ, какъ въ Парижѣ, такъ и внѣ его, принимать участія въ борьбѣ, въ которой обѣ стороны выступали во имя республики.

Итакъ, немедленно по обнародованіи декрета собранія, объявлявшаго о диктатурѣ Кавеньяка, органы порядка, выходявшіе въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, стали наполняться разсказами о различныхъ эпизодахъ возстанія, которымъ придавался самый дикій и гнусный характеръ.

«Opinion publique» сообщала, что четверемъ офицерамъ мобилей, попавшимъ въ плѣнъ къ мятежникамъ, изрубили головы въ самомъ Пантеонѣ, что было исполнено какимъ-то человѣкомъ, переодѣтымъ женщиной.

«Constitutionnel» передавалъ, что арестована женщина, самымъ циническимъ образомъ утверждавшая, что она отрубила головы тремъ мобилемъ и, наливъ въ ротъ одной изъ нихъ смолы, вставила фитиль, послѣ чего голову насадили на жердь и выставили на одной изъ баррикадъ.

«Le Courrier d'Aix» сообщалъ о страшныхъ изуродованіяхъ, произведенныхъ ужасными мегерами надъ нѣсколькими мобилемъ, которыхъ затѣмъ убили и о двадцати другихъ, которые были *заживо сожжены* въ печи горшечника.

«Le Courrier de la Gironde» извѣщалъ, что Ледрю Роленъ и Ламартинъ были убиты инсургентами и брошены въ канаву.

«La Patrie» утверждала, что пули, употребляемыя инсургентами, сдѣланы изъ желѣзныхъ слитковъ, насквозь проткнутыхъ

нѣднымъ стержнемъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ извлеченіе ихъ изъ раны...

Далѣе, та-же газета повѣствовала о поджогахъ, производимыхъ инсургентами, при помощи насосовъ, льющихихъ зажженный терпентинъ.

«Le Constitutionnel» (приведенный уже выше) рассказывалъ о маркитанткахъ, продававшихъ отравленную водку, опять таки, мобилѣмъ, но «Patrie» нашла это не довольно сильнымъ и прибавила, что корпія, употребляемая на перевязочныхъ пунктахъ, также отравлена. Почти всѣ столичныя и провинціальныя газеты передавали о билетикахъ, найденныхъ будто-бы на нѣкоторыхъ инсургентскихъ трупахъ и въ которыхъ предоставлялось изнасиловать двухъ женщинъ Сенъ-Жерменскаго предместья.

Всѣ рассказываютъ также о несчастномъ драгунскомъ унтеръ-офицерѣ, котораго инсургенты перепилили между двумя досками.

Затѣмъ, такъ-какъ всѣ эти выдумки показались недостаточными, къ нимъ прибавили сообщенія о деньгахъ, полученныхъ изъ-за-границы, чтобы разжечь мятежъ.

«Le Corsaire», газета издававшаяся сыномъ бывшаго наполеоновскаго министра полиціи Савари, утверждала, что на 589-ти взятыхъ въ плѣнъ инсургентахъ, найдено всего 159,000 франковъ (по 200 на каждомъ) англійскимъ и преимущественно *русскимъ* золотомъ!

По увѣрнію другой газеты «Nouvelles du jour», карманы инсургентовъ были набиты золотомъ и *иностранными* банковыми билетами.

Нельзя не замѣтить, что эти инсургенты были большіе чудаки, если, имѣя туго набитые карманы, не бѣжали за-границу, а самымъ глупымъ образомъ давали убивать себя на баррикадахъ!

Наконецъ, вся масса инсургентовъ, само собою разумѣется, изображалась *честными* провинціальными журналистами въ видѣ стаи сорвавшихся съ цѣпи каторжниковъ.

Послѣдствія этой системы клеветы не заставили себя долго ждать. Мобили, возбужденные рассказами о звѣрствахъ, жертвой которыхъ будто-бы были ихъ товарищи, съ истиннымъ бѣшенствомъ бросились противъ баррикадъ, на которыя ихъ двинули.

Въ провинціи - же успѣхъ превзошелъ даже ожиданія друзей порядка.

Со всѣхъ сторонъ слышались требованія національныхъ гвардейцевъ, чтобы ихъ вели на Парижъ, этотъ гнусный городъ, эту современную Гоморру, «источникъ всѣхъ бѣдствій и золъ», — какъ называлъ его «Courcier de la Gironde». Но такъ - какъ въ средѣ національной гвардіи существовали совершенно различныя

стремленія, такъ-какъ одни искренно рѣшились защищать республику, которой, какъ они полагали, грозила опасность отъ инсurreкціи, а другіе, напротивъ, желали поскорѣе покончить съ республикой, то наши правители, до крайности были испуганы этимъ добрымъ усердіемъ.

Опасаясь столкновеній, которые могли быть вызваны присутствіемъ въ Парижѣ нѣсколькихъ тысячъ національной гвардіи, воодушевляемой столь противоположными чувствами, диктаторъ принужденъ былъ телеграфировать префектамъ и въ особенности военнымъ начальникамъ въ департаментахъ, чтобы они задержали выступленіе этихъ *доблестныхъ* валонтеровъ, держа ихъ, однако-же, наготовѣ, на случай если представится въ нихъ необходимость.

Только національная гвардія парижскаго округа и сосѣднихъ департаментовъ были допущены до немедленнаго спасанія общественнаго порядка. вмѣстѣ съ парижскими національными гвардейцами, оставшимися вѣрными Кавеньяку, они имѣли честь исправлять должность полиціи на улицахъ и огульно разстрѣливать плѣнныхъ, которыхъ къ нимъ приводили.

При такомъ общемъ настроеніи, борьба не могла не быть неумолимой. Кавеньякъ и его африканскіе товарищи могли вполне насладиться набѣгами, къ которымъ такъ привыкли въ Алжирѣ. Но вмѣсто того, чтобы упражняться надъ арабскими племенами, они совершали свои подвиги на этотъ разъ въ нашемъ великомъ и дорогомъ Парижѣ.

Инсургенты, съ своей стороны, поняли съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ, служившіе солдатами въ Африкѣ, пустили въ ходъ тактику такого рода: щадя, по возможности рядового солдата они цѣлились преимущественно въ офицеровъ. Это было и ловко и вполне законно. Такимъ образомъ въ теченіи четырехъ дней этой ужасной борьбы, было убито семь генераловъ, пять—довольно опасно ранено; болѣе 300 высшихъ и около 1,200 низшихъ офицеровъ убито или опасно ранено. Число-же убитыхъ и раненыхъ рядовыхъ было сравнительно невелико.

Изъ генераловъ можно пожалѣть только объ одномъ Дамесѣ, командовавшемъ мобиліями, преданнаго социалистическимъ идеямъ и сдѣлавшаго все отъ него зависѣвшее для предотвращенія борьбы. Пуля раздробила ему ногу и онъ умеръ, выдержавъ ампутацію и повторяя, что республика должна болѣе справедливо отнестись къ требованіямъ рабочихъ.

Несмотря на отказъ собранія послать делегацію къ инсургентамъ, въ видахъ прекращенія борьбы, нѣкоторые изъ представителей сочли своимъ долгомъ отправиться. Изъ этихъ ве-

ликодушныхъ людей ииѣ называли: Фердинанда Гамбона (деп. отъ Ньеврскаго деп.), Шарля Белэ (деп. отъ Сѣвернаго деп.) и Дорнеса (деп. отъ Ландъ), который при этомъ былъ нечаянно убитъ, подобно тому какъ позднѣе былъ такимъ-же образомъ убитъ архіепископъ парижскій Дени Аффрѣ. Эти депутаты пытались не только умиротворить сражавшихся, но и найти основанія для справедливаго и почетнаго выхода изъ затрудній.

Къ несчастію, эти достойные люди были почти неизвѣстны парижскимъ рабочимъ, а сверхъ того, не имѣли никакого полномочія отъ собранія, а слѣдовательно, не могли и представить никакихъ гарантій въ переговорахъ съ возставшими. Далѣе, учредительное собраніе, на предложеніе В. Консидерана признать, что *каждый имѣетъ право жить трудясь*, отвѣчало ассигнованіемъ *трехъ милліоновъ* въ пользу нуждающихся семействъ парижскихъ предмѣстій. Оскорбленные этой унижительной милостыней, которой отвѣчали на ихъ требованія, наши товарищи отказались принять столь позорное положеніе. На предложенія сдѣлки они повсюду отвѣчали: «Мы не хотимъ покориться, но сдадимся подъ условіемъ сохраненія свободы и оружія. Сверхъ того, мы желаемъ, чтобы декретъ о распущеніи національныхъ мастерскихъ былъ взятъ назадъ; чтобы собраніе признало право на трудъ; чтобы войска были удалены отъ Парижа на разстояніи сорока лье; чтобы арестованные 15-го мая были освобождены и, наконецъ, чтобы конституція республики была сохрѣвлена непосредственно народомъ, призваннымъ въ комиціи».

Какъ и слѣдовало ожидать, эти предложенія были съ презрѣніемъ отвергнуты, какъ собраніемъ, такъ и диктаторомъ, отнынѣ увѣренными въ побѣдѣ.

Дѣйствительно, она была за ними обезпечена. Несчастливая тактика, которой съ самаго начала слѣдовали борцы по соціальной революціи, ограничивая дѣйствіе исключительно рабочими кварталами, должна была роковымъ образомъ привести къ ихъ пораженію.

Къ этой основной причинѣ слѣдуетъ прибавить и другую, заключавшуюся въ недостаточномъ, сравнительно съ регулярной арміей, вооруженіи.

Въ то время, какъ наши противники, число которыхъ, къ тому-же, постоянно росло, снабжены были боевыми снарядами, артиллеріей и пистонными ружьями, у насъ были плохія временныя ружья, отложенныя за негодностью; мы принуждены были сами фабриковать себѣ порохъ, патроны и лить пули за баррикадами. На нѣкоторыхъ пунктахъ пытались импровизировать пушки изъ газовыхъ и водяныхъ трубъ, затыкая одно изъ от-

верстѣй въ видѣ казенной части. Но скоро пришлось отказаться отъ этихъ орудій, такъ-какъ они были смертоносны только для тѣхъ, кто ихъ употреблялъ.

Поэтому, несмотря на героизмъ защитниковъ баррикадъ, въ теченіи четырехъ дней непрерывной борьбы, наши баррикады все-таки были взяты одна за другой, а всѣ находившіеся на нихъ въ минуту взятія—перебиты побѣдителями.

Наконецъ, 26-го іюня, послѣ полудня, Кавеньякъ могъ объявить собранію объ окончательной побѣдѣ и, обратившись съ прокламаціей къ арміи и національной гвардіи, поблагодарить за храбрость и преданность и посоветовать быть столь-же великими въ мирѣ, какъ и въ войнѣ. Онъ прибавилъ къ этому слѣдующую фразу, гнусно-іезуитскій характеръ которой мы и теперь уже можемъ оцѣнить по достоинству. «Я вижу въ Парижѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, да останется проклятымъ мое имя, если-бы я согласился видѣть въ немъ жертвы».

Вотъ уже четыре дня, какъ эта двусмысленная прокламація покрываетъ стѣны Парижа и во все это время ружейная пальба не прекращается, хотя теперь уже нельзя отнести ее къ увлеченію и возбужденію борьбы. Парижъ представляетъ зрѣлище еще болѣе мрачное, чѣмъ во время битвы.

Елисейскія поля, Тюльери, Люксамбургъ, Площадь Согласія, площади: Карруселя и Луврская превращены въ военный лагерь. Патрули бороздятъ улицы и цѣлые отряды полицейскихъ обыскиваютъ дома, обезоруживаютъ національныхъ гвардейцевъ, остававшихся нейтральными и арестуютъ *подозрительныхъ*, на которыхъ доносы сыплются дождемъ.

На всякомъ перекресткѣ *стрныя* парижскіе національные гвардейцы, а также и національные гвардейцы парижскаго округа, обыскиваютъ прохожихъ и въ особенности женщинъ съ крайнимъ цинизмомъ и грубостью; если кто позволяетъ себѣ роптать, того арестуютъ и ведутъ къ ближайшему пункту, гдѣ содержатся плѣнные.

Только благодаря вмѣшательству добрыхъ сосѣдей, меня не дотащили до турнонской казармы, близъ Люксамбургскаго дворца, гдѣ еще разстрѣливали. Моя провинность заключалась въ томъ, что, увидя нѣсколькихъ зѣвакъ, собравшихся вокругъ какого-то человѣка, вѣроятно шпіона, рассказывающаго имъ, что арестовали женщину, у которой въ мѣшкѣ найдено было *семь золотъ* мобилей, я указалъ этимъ людямъ, что надъ ними смѣются, сообщая подобныя небывлицы.

Тюрьмы и казематы укрѣпленій переполнены. Въ послѣднихъ заключенные не имѣютъ даже мѣста растянуться на полу.

Въ галлерей, находящейся подъ террасой Тюльерійскаго дворца, тѣснота дошла до того, что нѣсколько человѣкъ заключенныхъ задохнулись, нѣсколько другихъ сошли съ ума. Часовые изъ національныхъ гвардейцевъ, въ видѣ развлеченія, стрѣляютъ въ окна подвального этажа, гдѣ находятся арестованные! Въ довершеніе ужаса, въ то самое время какъ перевозили этихъ несчастныхъ ночью въ казематы, находящіеся въ окрестностяхъ Парижа, они повстрѣчались съ орлеанскимъ батальономъ національныхъ гвардейцевъ на площади Карруселя. Думая видѣть предъ собою непріятельскую колонну, батальонъ сталъ стрѣлять. Съ своей стороны сопровождавшій арестованныхъ конвой, предполагая условленное нападеніе, отвѣчаетъ на выстрѣлы и затѣмъ произошла ужасающая свалка, среди которой множество друзей нашихъ было перебито, не имѣвъ даже возможности защищаться.

Наконецъ, ночная тишина нерѣдко прерывается злобщей ружейной пальбой, которая съ достаточною ясностью показываетъ, въ какомъ смыслѣ истолкована прокламація генерала Кавеньяка. Наши опасенія, въ этомъ случаѣ, подтверждаются страннымъ запрещеніемъ подходить къ рѣшеткамъ люксамбургскаго и тюльерійскаго садовъ.

Если-же, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь успѣваетъ заглянуть туда, то замѣчаетъ, во многихъ мѣстахъ, свѣже-насыпанную землю!

Обѣ стороны потеряли отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ убитыми; болѣе тридцати тысячъ взято въ плѣнъ; дикая ненависть порождена между арміей, мобиліями и рабочими. Даже раненные въ госпиталяхъ преслѣдуютъ другъ друга бранью. Въ заключеніе, собраніе вотиривало декретъ о ссылкѣ *безъ суда* всѣхъ тѣхъ, кто былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ къ чему мы пришли, четыре мѣсяца спустя послѣ этого свѣтлаго февральскаго дня, когда всѣ горѣвшіе надеждой сердца братались между собою!

* * *

30-е августа.

Реакція продолжаетъ дѣло своего реванша. Теперь наступаетъ очередь вынести ея злобу и для тѣхъ, кто съ такою готовностью выдавалъ ей наиболѣе преданныхъ защитниковъ республики.

Группа «улицы Пуатье», заключающая въ себѣ Тьера, Дюфора, де-Фаллу, де-Монталамбера, Шангарнье, Бартелеми Сентъ-Илера, Дюпена, Одилона Барро, однимъ словомъ—весь цвѣтъ

монархистовъ, не смѣя еще непосредственно овладѣть властью, пользуется, однако-же, такимъ вліяніемъ, что можетъ принуждать исполнительную комиссію быть простымъ орудіемъ ея мести и направленныхъ къ умерщвленію свободы дѣяній.

Печати заткнули глотку, сперва въ силу осаднаго положенія, которое все еще продолжается, а затѣмъ при помощи возстановленія залоговъ и системы преслѣдованій, сопровождавшихся значительными денежными пенями, вслѣдствіе которыхъ только богатые газеты могли продолжать свое изданіе.

«Silence aux raucres» (т. е. «бѣдные должны молчать!») поставилъ Ламеннъ въ заголовкѣ послѣдняго нумера своего «Peuple Constituant», объявляя о прекращеніи этого отстаивавшаго права пролетаріата органа, по недостатку средствъ для удовлетворенія фискальныхъ требованій.

Буржуазныя газеты хотя и кричатъ для приличія противъ новыхъ стѣсненій, которыми сковываютъ человѣческую мысль, въ сущности не особенно этимъ огорчаются, такъ-какъ ихъ избавляютъ отъ неудобныхъ конкурентовъ. Затѣмъ, такъ-какъ для реакціи весьма важно избавиться отъ тѣхъ представителей собранія, кого они считаютъ еще слишкомъ революціонными, назначили парламентское слѣдствіе, имѣющее цѣлью изслѣдовать, какое вліяніе на событія 15-го мая и 24-го іюня имѣли руководители республиканскаго общественнаго мнѣнія.

Слѣдственная комиссія уже начала отбирать показанія всѣхъ членовъ временнаго правительства и исполнительной комиссіи.

Какой урокъ заключаютъ въ себѣ эти документы, изъ которыхъ нѣкоторые уже появились въ печати!

Всѣ, не исключая Ледрю Роллена и Луи Блана, всѣ утверждаютъ, что, принимая отъ народа власть, они имѣли въ виду лишь умѣрить нетерпѣливыя требованія пролетаріевъ, которые, какъ выразился Гарнье Пажесъ, сдѣлавъ революцію, вообразили, что она сдѣлана для нихъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, дерзость со стороны этихъ лохмотниковъ! Всѣ наши февральскіе правители заявляютъ, что заботились лишь объ охраненіи и обезпеченіи порядка, т. е. социальныхъ преимуществъ эксплуататоровъ надъ эксплуатируемыми.

Но самымъ знаменательнымъ и зловѣщимъ было показаніе сурово и честно республиканца, Франсуа Араго, бывшаго во временномъ правительствѣ военнымъ министромъ. «Неосуществимыя обѣщанія смутили умы рабочихъ предмѣстій. Проповѣдники клубовъ немало этому содѣйствовали. По моему мнѣнію, самые плохіе театры въ мірѣ полезнѣе народу, чѣмъ клубы. Мы изгнали ихъ изъ зданій, принадлежавшихъ государству, и которы-

ми они завладѣли вначалѣ, но, къ несчастію, мы *принуждены* были уважать право сходовъ, во имя котораго только-что произведена была революція... Намъ говорили порой: почему-же вы не *покажете зубы*? Мы могли-бы отвѣтить: потому-что намъ еще нечего *кусать*.

Подобное признаніе въ устахъ наиболѣе *чистаго* человѣка изъ временнаго правительства, на котораго народъ возлагалъ свое довѣріе, достаточно показываетъ намъ, насколько это довѣріе было оправдано и насколько добросовѣстны подобныя уполномоченные. Всякіе комментаріи были-бы излишни.

Несмотря на гнусность и низость этихъ показаній, слѣдственная коммиссія, тѣмъ не менѣе, потребовала преданія суду: Ледрю Роллена, Луи Блана и Коссидьера, какъ тайныхъ подстрекателей революціонныхъ попытокъ 17 марта, 16 апрѣля, 15 мая и 23 и 26 іюня. Даже Ламартинъ едва избѣжалъ преслѣдованія. Благодаря ихъ болѣе краснорѣчивой, чѣмъ искренней и достойной защитѣ, Ледрю и Ламартинъ были объявлены внѣ обвиненія. Что до Луи Блана и Коссидьера, то они объявлены арестованными и переданы виѣстѣ съ сообщниками на рѣшеніе высшаго суда, который долженъ разбирать ихъ дѣло. Къ счастью для себя, они успѣли отплыть въ Англію, гдѣ, по крайней мѣрѣ, имъ и удалось укрыться отъ враговъ.

Я долженъ сознаться, что послѣ того подлаго снисхожденія, которое они, по собственному признанію, оказывали врагамъ республики, во все время своего пребыванія во временномъ правительствѣ, ихъ злоключенія весьма мало меня трогаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чего стоитъ неудача нѣсколькихъ безхарактерныхъ честолюбцевъ, обманутыхъ въ своихъ жалкихъ комбинаціяхъ и попавшихъ въ руки враговъ, которымъ добровольно уступили мѣсто,—въ сравненіи съ смертельною горестью множества семействъ, провожающихъ своихъ близкихъ на брестскіе, шербургскіе и рошфорскіе понтоны, откуда ихъ отправятъ въ Африку, согласно съ декретомъ учредительнаго собранія и гдѣ они будутъ влечить самое горькое существованіе!

Ихъ отъѣздъ раздираетъ душу. Женщины, дѣти тѣснятся у воротъ укрѣпленій, ожидая возможности обнять на ходу, и, быть можетъ, въ послѣдній разъ, кто отца, кто мужа, сына, жениха или брата и передать какія-нибудь вещи, а порой и немного денегъ. Затѣмъ ихъ уводятъ, а толпа родныхъ и друзей разстается, причѣмъ одни плачутъ, а другіе привѣтствуютъ еще полными надежды, несмотря на пораженіе, возгласами: «да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ социальная!» Этотъ кликъ становится отнынѣ вликомъ будущаго.

Между тѣмъ побѣдители празднуютъ свою позорную побѣду и граждане Маррасть, сдѣлавшійся президентомъ учредительнаго собранія, съ жалованьемъ въ 10,000 франковъ въ мѣсяцъ, задаетъ танцевальныя вечера представителямъ въ салонахъ зданія законодательнаго корпуса.

* * *

9-е декабря 1848 года.

Завтра должны происходить выборы того, кто, подъ именемъ президента республики, будетъ «главою государства», въ теченіи четырехъ лѣтъ. Можно сильно опасаться, что группа «National'я» не замедлитъ, въ свою очередь, упасть съ правительственныхъ высотъ, на которыя такъ ловко взобралась. Звѣзда этой группы, видимо, меркнетъ.

Уже 25 ноября, стараніями стараго Дюпона де-Л'Ёра, Кавеньякъ рисковалъ быть, въ свою очередь, преданнымъ суду, по требованію Гарнье Пажеса и Бартеми Сентъ-Илера, которые оба повторяли, въ этомъ случаѣ, требованіе группы улицы Пуату.

Эти люди посѣяли ненависть, и всходы были такъ обильны, что превзошли ихъ собственныя ожиданія.

Первымъ дѣломъ, которымъ парижане хотѣли протестовать противъ Кавеньяка, называемаго ими не иначе, какъ «іюньскимъ мясникомъ», было избраніе вновь Луи-Бонапарта 17 сентября, а вмѣстѣ съ нимъ Распайля, содержавшагося въ венсенской тюрьмѣ.

«Ненависть іюньскимъ убійцамъ»: выберемъ Луи-Бонапарта.

«Да здравствуетъ социальная»: выберемъ Распайля.

Таковъ былъ двойной смыслъ этихъ выборовъ, внушенныхъ столь противоположными стремленіями. Къ несчастію, именно первый, какъ мнѣ кажется, будетъ призванъ, вмѣстѣ со многими другими, широко воспользоваться этимъ кажущимся противорѣчіемъ въ голосованіи парижскихъ рабочихъ.

Собраніе, связавъ себя своимъ рѣшеніемъ 12 іюня, во время перваго избранія Бонапарта, и не смѣя взять его назадъ, принуждено было утвердить вторичное избраніе и принцъ преспокойно занялъ свое мѣсто.

Одни только, быть можетъ, болѣе интеллигентные изъ бонапартистовъ поняли истинное значеніе этихъ выборовъ, и сознавая, что, несмотря ни на что, серьезно полагаться на Парижъ невозможно, обратили всѣ свои усилія на провинцію, на дѣясь, и не безъ основанія, что, не понимая истинныхъ намѣ-

реній парижскихъ избирателей, она отнесется къ ихъ избраннику вполнѣ серьезно и еще охотнѣе подастъ за него голоса.

Впрочемъ, какъ и всегда, наши представители не преминули оказать содѣйствіе сторонникамъ Бонапарта.

Не осмѣливаясь еще открыто возстановить монархію по причинѣ несогласія относительно имени государя будущаго трона, но желая возстановить ее, по крайней-мѣрѣ, въ принципѣ, консерваторы успѣли, вопреки оппозиціи небольшого числа искреннихъ, хотя и робкихъ республиканцевъ, ввести въ конституцію принципъ президентства, возобновляемаго каждые четыре года. Сверхъ того, по какой-то необъяснимой, а можетъ быть разсчитанной непослѣдовательности, и несмотря на вполнѣ справедливыя возраженія депутата отъ Дубскаго департамента, Жюля Гревви (одного изъ оппозиціонистовъ), они рѣшили, что президентъ будетъ избираемъ непосредственно народомъ.

Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію гражданина Гревви, конституція создаетъ очевидную аномалію высшей политической власти, подчиненной контролю законодателей, изъ которыхъ каждый назначается только одной фракціей избирательнаго корпуса, между тѣмъ какъ эта высшая власть будетъ исходить изъ общности всѣхъ избирателей. Не значить-ли это давать, въ случаѣ столкновенія между президентомъ и собраніемъ, всѣ шансы побѣды первому надъ второй, принимая въ соображеніе, что страна еще сильно проникнута монархическими понятіями?

Я полагаю, что именно въ силу этого соображенія роялисты учредительнаго собранія настаивали на своемъ проектѣ и заставили принять его своими недогадливыми товарищами-республиканцами, не разглядѣвшими сути подъ демократической окраской. Къ тому-же и Ламартинъ побудилъ ихъ къ тому звонкою и блестящею, но совершенно безсодержательною рѣчью, матеріаломъ для которой послужила верховная власть народа. Бѣдная верховная власть! Она, увы, засажена въ тюрьму и на понтоны. Пьеръ Леру и Прудонъ были въ числѣ тѣхъ тридцати только членовъ, которые противились созданію президентства и непосредственному избранію президента народомъ. вмѣстѣ съ Ж. Гревви эти тридцать депутатовъ требовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, президента назначало собраніе, которое, такимъ образомъ, сохранило-бы необходимую для болѣе дѣйствительнаго контроля власть.

Еще задолго до голосованія, Бонапартъ и его друзья начали свою избирательную компанію, такъ-какъ проектъ, въ понятіи котораго они не сомнѣвались, назначалъ президентскіе выборы на 10-е декабря.

Все было пущено въ ходъ. Къ пѣснямъ Беранже, распространившимся въ народѣ такія ложныя понятія объ имперіи и, въ особенности, объ императорѣ, прибавилось множество пошлѣйшихъ романсовъ, прославлявшихъ добродѣтели, умъ и преданность республики его племянника.

Всѣ парижскія шарманки были завербованы, чтобы аккомпанировать пѣвцовъ, ревѣвшихъ во всю глотку наполеоновскіе припѣвы на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ.

Въ теченіи цѣлыхъ недѣль приходилось мнѣ выносить, во время работы на дѣсахъ Notre Dame, гдѣ я исполнялъ обязанности чернорабочаго — каменщика, пѣніе одного изъ такихъ произведеній, каждый куплетъ котораго завершался припѣвомъ: «не покидай-же родины, останься съ нами, Наполеонъ!»—Затѣмъ, вотъ уже около мѣсяца тому назадъ шарманки исчезли изъ Парижа, о чемъ здѣсь не жалѣютъ, и отправились, вѣроятно, оглушать провинцію.

Ни одинъ городъ, ни одно селеніе, ни одна деревня не забыты! Самая несчастная деревушка удостоилась посѣщенія пѣвцовъ, завывавшихъ пѣсни въ честь Наполеона и раздававшихъ раскрашенное изображеніе Наполеона I, на Олимпѣ, окруженнаго своими маршалами, имѣя рядомъ Францію и благословляя племянника. Для городовъ предназначена была другая картинка, а именно съ урной, на которой написано было: *Президентство* и предъ которой стояла Франція, направляющая голосованіе. Наполеонъ и его племянникъ слѣдятъ за подачей голосовъ солдатъ, крестьянъ и рабочихъ, подходящихъ къ урнѣ, причемъ каждый держитъ въ рукѣ бюллетень съ именемъ Луи Наполеона Бонапарта.

Наконецъ, для болѣе серьезныхъ избирателей *художественныя* средства воздѣйствія замѣнены устной пропагандой, приспособленной къ средѣ.

Старымъ военнымъ говорятъ о возвращеніи Франціи того почетнаго мѣста, которое утрачено ею вслѣдствіе трактатовъ 1815 г. и объ осуществленіи великихъ плановъ дядюшки. Рабочимъ говорятъ объ уничтоженіи науперизма и о проектахъ социальныхъ преобразованій, изданныхъ маіоромъ Лэти, подъ именемъ Бонапарта, что доставило этому послѣднему репутацію социалиста. Крестьянъ увѣряютъ, что принцъ обладаетъ несмѣтными богатствами, которыя, въ случаѣ его избранія, позволятъ ему отмѣнить налоги на нѣсколько лѣтъ. Собственникамъ-винодѣламъ говорятъ о свободѣ торговли, что дастъ имъ возможность свободно сбывать свои произведенія, могущія отыгнѣть свободно проникать въ Англію. Напротивъ того, фабрикантамъ

общаютъ еще большее покровительство національнаго производства, противъ иностранной конкуренціи. Свободныхъ мыслителей увѣряютъ, что принцъ заклѣтой врагъ іезуитовъ; другимъ же говорятъ о религіозныхъ чувствахъ его и о намѣреніи опираться на духовенство. Наконецъ, всѣмъ общаютъ удовлетвореніе ихъ интересовъ и всякія благополучія, въ случаѣ избранія принца.

Въ видахъ борьбы противъ этой дѣятельной и грязной пропаганды, Кавеньякъ и его сторонники отправили (на счетъ плательщиковъ, разумѣется) множество тѣковъ съ брошюрками, заключавшими жизнеописаніе генерала Кавеньяка. Въ однихъ напоминали, что онъ братъ Годафруа (на подобіе того, что Бонапартъ племянникъ своего дяди). — Въ другихъ выставляли на видъ, что имъ одержана іюньская побѣда. Но въ средѣ провинціальныхъ кансерваторовъ второе качество едва ли способно заставить простить первое. Къ тому же и духовенство, чуя пораженіе этого кандидата, повернулось къ тому, чей успѣхъ ему кажется болѣе обезпеченнымъ. Оно, по всей вѣроятности, какъ одинъ человѣкъ, подаетъ голосъ за Бонапарта, увлекая за собою и значительное количество своей паствы.

Радикалы и социалисты пытались сгруппироваться вокругъ кандидатуры Ледрю Роллена, но послѣдніе поняли, что не могли, по чести, подать голоса за человѣка, находившаго 23 іюня, что пушки не довольно быстро явятся изъ Венсенна, чтобы раздавить ихъ.

Итакъ, одни рѣшили воздержаться отъ подачи голосовъ, а другіе рѣшили подать голосъ за Распайя, который, правда довольно смутно, олицетворяетъ въ ихъ глазахъ социальную революцію.

И вотъ мы имѣемъ предъ собою четыре кандидата на президентство:

Луи Бонапарта, не имѣющаго въ глазахъ избирателей другого права на избраніе кромѣ того, что онъ племянникъ своего дяди.

Кавеньяка, брата своего брата и палача рабочихъ.

Ледрю Роллена, стремившагося къ этому послѣднему титулу въ іюнь.

Распайя — извѣстнаго только въ Парижѣ, и скорѣе медицинскими теоріями, чѣмъ революціонными идеями. Во всякомъ случаѣ, его образъ дѣйствій 15-го мая не указываетъ на большую рѣшимость, способную встревожить противниковъ. Но что за дѣло до этого? Прежде всего это характеристика положенія и нашихъ возрѣвій: я подамъ голосъ за Распайя.

* * *

12-го декабря.

Жребій брошенъ, какъ сказалъ по латыни Ламартинъ, въ тотъ день, когда онъ выступалъ въ пользу назначенія президента народомъ.

Да, жребій брошенъ. Отнынѣ республика предана въ руки реакціонеровъ, волею рабочихъ и крестьянъ, желавшихъ прежде всего провалить «іюньскаго мясника!»

Изъ 7.326,000 голосовавшихъ, Бонапартъ получилъ 5.475,000 голосовъ (болѣе двухъ третей!)—Кавеньякъ получилъ 1.450,000, Ледрю Ролленъ 370,000, и Распайль 37,000, почти исключительно принадлежавшихъ парижскимъ избирателямъ.

По всей вѣроятности, принцъ-президентъ, какъ его уже называютъ, не преминетъ вызвать одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, когда нужда и разочарованіе предають націи въ руки тѣхъ, которые умѣютъ скрывать подъ маской блестящихъ обѣщаній свои узурпаторскіе замыслы. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что первый президентъ нашей мнимой республики сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы продлить срокъ своего президентства, и въ особенности, расширить предѣлы своей власти.

Да, господа: Ламартинъ, поддерживавшій непосредственное избраніе, во имя якобы демократическихъ принциповъ, и Луи Бланъ, такъ усердно настаивавшій на возвращеніи семейства Бонапартовъ, чтобы «пригрѣть ихъ лучами республиканскаго солнца», а затѣмъ оставившій безъ протеста избіеніе пролетаріевъ на баррикадахъ,—вы должны быть теперь довольны оба. По-истинѣ, можно сказать, хорошихъ вы натворили дѣлъ!

Гальфранкъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАРЯ.

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ поэмы Жана Экара *Miette et Noré*),

«Брежжетъ день; вставай, Норина,
Пѣсню выслушай мою;
Я, подъ грохотъ тамбурина,
Для тебя ее пою».

— Съ этой пѣсней — только горе:
Надоѣла такъ, что страхъ!
Отъ нея я брошусь въ море,
Потону въ его волнахъ! —

„Въ море бросишься? Такъ что-же?
Глазъ я съ милой не спущу,
За тобой я кинусь тоже,
И на берегъ притащу“.

— Нѣтъ, пловца я не боюсь;
Отъ пловца я улизну:
Я угремъ оборочуся,
Между пальцевъ проскользну.

„Ладно! Кто тебѣ мѣшаетъ
Быть угремъ, душа моя!
Но рыбакъ тебя поймаетъ...
Рыбакомъ тѣмъ буду я!»

— Такъ ручьемъ я серебристымъ
Побѣгу въ саду.— „А я

Буду ложемъ каменистымъ,
Или берегомъ рѣчья“.

— Ну, такъ розой молодою
Пышный цвѣтъ свой разверну.—
„Я-же сдѣлаюсь пчелою
И къ груди твоей прильну“.

— Ну, такъ буду я звѣздою—
„Я-же тучкой понесусь,
И глаза твои прикрою,
Къ алымъ губкамъ прикоснусь“.

— Тучка, мчись своей дорогой,
Отъ тебѣ я удалюсь,
И монахиною строгой
Въ монастырь святой запрусь.—

«Хорошо, но трудъ напрасный:
Я, вѣдь, сдѣлаюсь попомъ,
У затворицы прекрасной
Буду я духовникомъ».

— Будь; но, тая и тоскуя,
Я умру въ монастырѣ
И монахини, горя,
Будутъ плакать о сестрѣ.—

„Ты мертва, не дышишь болѣ,
И молчать принуждена;
Я—земля—и поневолѣ
Ты моею быть должна».

— Поцѣлуемся-жь съ тобою,
Спорить нѣтъ ужъ больше силъ,
Этой пѣснью заревою
Ты меня приворожилъ.

Д. Михаловскій.

ПИСАТЕЛЬ.

РОМАНЪ

Роберта Гальта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XVI.

Вопросъ: будетъ-ли этотъ эклектизмъ заключаться въ одной только формѣ произведенія, или-же исключительно въ его содержаніи,—или, наконецъ, и въ формѣ и содержаніи вмѣстѣ? Послѣ нѣсколькихъ дней размышленія, Октавъ остановился на томъ, что онъ возьметъ сюжетъ натуралистическій, но облечетъ его въ смѣшанную форму. Сюжетъ, заимствованный у школы, но форма гениальная—его собственная. Онъ сталъ измышлять сюжетъ à la Бреню и вскорѣ измыслилъ слѣдующій: Мать семейства, очень добрая и спокойная женщина,—совершенно честная, лѣтъ около 35-ти, встрѣчаетъ развратника, влюбляется въ него, и у ней дѣлается нимфоманія. Для того, чтобъ давать денегъ своему любовнику, она отравляетъ дочь свою, получившую наслѣдство отъ дяди, и обвиняетъ въ этомъ убійствѣ своего мужа, котораго судятъ, приговариваютъ къ смерти и гильотинируютъ. Вечеромъ того дня, когда совершилась казнь, она, въ лиловомъ платьѣ, преспокойно идетъ съ своимъ любовникомъ въ ресторанъ, и съ величайшимъ аппетитомъ ѣстъ утку подъ оливковымъ соусомъ. Если это еще „не человѣческій документъ“—такъ значить ихъ не существуетъ на свѣтѣ!.. А! въ настоящую минуту требуются человѣческіе документы, нуженъ модный романъ,—такъ вотъ-же вамъ! На-те!

сказалъ онъ про себя съ горечью. — Какія картины: отравленіе, нимфоманія, уголовщина, казни!.. И все это завершается самымъ буржуазнымъ, обыденнымъ манеромъ, — уткой съ оливками! Такова жизнь...

Октавъ не возвращался въ Шату, чтобъ не встрѣчаться съ ненавистнымъ Ребюкомъ. Онъ отговорился передъ Бансами спѣшной работой. Притомъ же наступала осень и надо было переселиться въ Парижъ. Маргарита возвратилась туда больная, послѣ всѣхъ тревоженій лѣтнаго сезона. Не успѣли они разобраться на городской квартирѣ, какъ получена была изъ Руана телеграмма:

„Капитанъ Лакомъ умеръ скоропостижно. Завтра похороны. Пріѣзжайте помочь мнѣ. Матильда.“

— Я поѣду съ тобою, произнесла лихорадочно Маргарита, когда мужъ, огорченный, вошелъ къ ней съ депешей въ рукѣ.

— Пожалуй... но только ты не совѣмъ здорова. Я вѣдь очень скоро вернусь.

Въ часъ отъѣзда она сдѣлала надъ собой усиліе и начинала было одѣваться, но, ослабѣвъ, должна была лечь въ постель. Онъ уѣхалъ одинъ.

Октавъ, согласно своему обѣщанію, дѣйствительно не замедлилъ вернуться, и привезъ подробности о печальномъ событіи: полковникъ продалъ несчастному капитану лошадь съ порокомъ, которая сбросивъ съ себя сѣдока, убила его на мѣстѣ. Вдова была въ отчаяніи.

— Она останется въ Руанѣ? спросила Маргарита, нѣсколько взволнованная.

— Нѣтъ.

— Она пріѣдетъ въ Парижъ?

— Нѣтъ. Она уѣзжаетъ въ Тарасконъ, и будетъ тамъ жить у своихъ родныхъ.

Онъ отвѣчалъ такъ спокойно, что на лицѣ Маргариты выразилось удовольствіе. Пожалѣвъ о добрякѣ капитанѣ, она опять позвала къ себѣ уходящаго мужа и показала ему счета, принесенные въ его отсутствіе.

— Хорошо, сказалъ онъ, — я пойду за деньгами къ Ротшильду.

Онъ каждый день въ продолженіи трехъ недѣль уходилъ со двора, но все не приносилъ денегъ. Послѣдніе 12 тысячъ франковъ, оставшіеся отъ приданого, были тоже всѣ истрочены на

дачу и на уплату прежнихъ долговъ по обзаведенію въ Парижѣ. Извинившись раза два-три въ своей разсѣянности, онъ, наконецъ, однажды вечеромъ, возвратился съ нѣсколькими банковыми билетами.

Расходы по дому были, впрочемъ, сокращены. До публикаціи о третьемъ романѣ положено было оставить кухарку и горничную, служившихъ на дачѣ, — литературные обѣды должны были возобновиться только впоследствии. Маргарита одобрила эту благоразумную экономію чловѣка, которому его вторая книга не принесла пятидесяти тысячъ франковъ, подобно первой. Она все еще вѣрила, что онъ получилъ за „Миранду“ пятьдесятъ тысячъ, — по двѣ тысячи за каждое изданіе.

Видя, что Октавъ опять принялся за работу, что его не осаждаютъ иррачныя мысли, что онъ сдѣлался даже какъ-будто добрее, Маргарита нѣсколько ожила, и хотя продолжала искать роковой флакончикъ, но уже съ меньшимъ страхомъ въ душѣ, и ублаживала себя надеждами на будущіе успѣхи своего мужа.

Но деньги вскорѣ опять всѣ вышли; и Октавъ началъ опять уходить со двора. Онъ объявилъ, наконецъ, Маргаритѣ, что онъ спекулируетъ на ихъ состояніе, подобно всѣмъ, у кого въ настоящее время находится въ рукахъ вѣрное и блестящее орудіе для добыванія денегъ.

— Но ежели это орудіе у тебя въ рукахъ, сказала она, — то дай мнѣ его на минуту, иначе мы не будемъ завтра обѣдать, какъ мнѣ объявила кухарка.

Обѣдъ на другой день явился. Октавъ принесъ двѣ тысячи франковъ, занявъ ихъ у ростовщика подъ вексель на тройную сумму. Со дня возвращенія своего изъ Брюсселя, онъ находился въ когтяхъ двухъ жидовъ или христіанъ, и дѣла его запутывались все больше и больше.

Между тѣмъ, эклектической романъ шелъ своимъ чередомъ; хотя задача, которую поставилъ себѣ Октавъ, — т. е. соединеніе смѣшанной, индивидуальной формы съ простотою натуралистическаго сюжета, представляла значительныя трудности, такъ-что онъ чувствовалъ по временамъ въ головѣ большую тяжесть.

Однажды, когда онъ вышелъ изъ дому для того, чтобъ нѣсколько освѣжиться, въ комнату Маргариты вошла женщина въ

траурѣ, и со слезами бросилась къ ней на шею. — Это была Матильда, пріѣхавшая изъ Тараскона.

— Невозможно, сказала она, опускаясь въ изнеможеніи въ кресло, — невозможно жить тамъ. Въ одиночествѣ горе чувствуется еще сильнѣе! Я чуть не сошла съума. Вообрази себѣ, что призракъ бѣднаго капитана являлся мнѣ всюду, — какъ душа изъ чистилища, — весь зеленый, — и дома, и въ церкви, и на улицѣ, и на берегахъ Роны, гдѣ онъ говорилъ мнѣ, бывало, такія нѣжныя, ласковыя слова! Докторъ и тетя моего несчастнаго Альфреда, бретонка, г-жа Дивуке, которая ужъ три мѣсяца какъ живетъ въ столицѣ, посовѣтовали мнѣ перемѣнить воздухъ и поѣхать въ Парижъ.

Она совсѣмъ приподняла вуаль для того, чтобы все это горе могли видѣть на лицѣ ея. Маргарита увидѣла только все тѣ-же геффрированные волосы, тѣ-же спокойные глаза, тѣ-же свѣжія щеки. Вдова въ своемъ черномъ одѣяніи казалась даже нѣсколько полнѣе прежняго.

Вынувъ потомъ изъ своего кармана письмо, адресованное „г-ну и г-жѣ де-Шанлозёръ“, Матильда подала его Маргаритѣ. Оно было отъ г. Кастанъ, съ грустью извѣщавшаго дочь и зятя, что здоровье г-жи Кастанъ въ послѣднее время ухудшалось, и что докторъ, находя у нея гипертрофію сердца, совѣтовалъ ей избѣгать всякихъ душевныхъ волненій. Въ заключеніе г. Кастанъ благодарилъ за изданіе новой книжечки его стихотвореній „Ласки“, которую опять напечаталъ Лемьеръ на прекрасной бумагѣ.

„Я спряталъ всѣ экземпляры въ подвалъ, прибавлялъ г. Кастанъ и даже отказался отъ гитары, для того чтобы не причинять волненій моей несравненной Сесили. Сердце мое теперь болѣе чѣмъ когда-либо сознаетъ всю цѣну этой превосходной женщины, столь дѣятельной, столь добродѣтельной и столь доброй въ сущности, которой, для полнаго совершенства, не достаётъ только сочувствія къ литературѣ!“

— Я поѣду къ мамашѣ! воскликнула огорченная Маргарита, складывая письмо; между тѣмъ какъ Матильда старалась ее успокоить: „г-жа Кастанъ, которую она только-что покинула, вовсе не такъ серьезно больна, она кажется на видъ даже совершенно здоровой“:

Она начала распространяться о всемъ тарасконскомъ обществѣ,

о своихъ родныхъ, о сосѣдяхъ, о Дюбурахъ, — Маргарита слушала ее съ разсѣяннымъ видомъ, очевидно, намѣреннымъ, и почти враждебно хранила молчаніе. — Матильда встала. — „Прощай душа моя, сказала она сухо; я поѣду домой“.

Когда Маргарита, въ свой чередъ, встала, чтобы проводить ее, продолжая молчать, она съ удивленіемъ посмотрѣла ей прямо въ глаза.

— Что съ тобой? Почему ты такъ приняла меня — когда я нуждаюсь въ утѣшеніи? — Она закрыла лицо руками, и минуту спустя, прибавила въ смущеніи: — ты вынуждаешь меня къ признанію, я сказала тебѣ только половину всей правды... да! тамъ. нѣтъ являлась душа капитана. Но знаешь-ли почему? По смерти его, чувство, которое я считала угасшимъ, проснулось во мнѣ... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Я послушалась доктора и г-жу Дювукэ... Вѣдь Поль Дюбуръ въ Парижѣ.

Она заплакала. Маргарита слушала эту исповѣдь съ удивленіемъ. Ей казалось нѣсколько подозрительна эта сильная любовь Матильды къ Полю Дюбуру, никогда прежде не проявлявшаяся ни въ чемъ кромѣ самаго обыкновеннаго кокетничанья. Вдова, повидимому, прочла сомнѣніе на лицѣ ея; и, пожавъ плечами, направилась къ двери, съ такимъ видомъ гордости и оскорбленной дружбы, что Маргарита остановила ее.

— Послушай, сказала она наивно и энергически, — поклянись мнѣ, что ты пріѣхала сюда не съ дурными мыслями, и что въ прошедшемъ году, на выставкѣ, ты не съ намѣреніемъ привела насъ къ этой статуѣ Поля Дюбура?

На этотъ разъ г-жа Лакомбъ нѣбла нѣкоторое право принять изумленный видъ, потому-что въ тотъ день, о которомъ шла рѣчь, — ей дѣйствительно помогъ случай. Она не знала, гдѣ помѣщена была статуя и не ожидала встрѣтить художника.

— О! воскликнула она, протестуя...

Послѣ этого восклицанія Маргарита воздержалась отъ дальнѣйшихъ разспросовъ и не рѣшалась освѣдомиться о томъ, какимъ образомъ могъ узнать ея мужъ, что Поль Дюбуръ находился тогда на выставкѣ. — Она опять пригласила Матильду съѣсть.

Почти въ ту-же минуту вошелъ Октавъ. Его спокойная вѣжливость съ г-жей Лакомбъ окончательно разсѣяла сомнѣнія Маргариты, и она оставила свою подругу обѣдать. Когда Маргарита

заговорила о поѣздѣ въ Тарасконъ, Октавъ вполне одобрилъ эту мысль...

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ, повидаться съ твоей матушкой, сказалъ онъ.— Дай мнѣ только нѣсколько дней сроку, чтобъ пристроить романъ свой въ какую-нибудь газету.

Дни проходили. Извѣстія о здоровьи г-жи Кастанъ получались довольно часто, то утѣшительныя, то менѣе хорошія.— Съ гипертрофіей сердца живутъ сто лѣтъ, говорилъ Октавъ, и приводилъ примѣры, представлялъ медицинскія объясненія.

Но въ сущности у Октава,—помимо того, что ему хотѣлось пріѣхать въ Тарасконъ, въ сіяніи новой славы,—не было денегъ на эту поѣздку. Ему не удавалось выманить у ростовщиковъ сразу болѣе двухъ, трехъ тысячъ франковъ: ничтожныя суммы, которыхъ хватало весьма не на долго. Онъ метался во всѣ стороны, подобно голодной собакѣ, высматривая, выслѣживая и посылая укоры враждебной судьбѣ. Что могъ принести ему его эклектичeskій романъ „Скользкій Путь“, допустивъ даже значительный успѣхъ? Два три несчастныхъ билета въ тысячу франковъ. То-же самое что давали ростовщики. А тамъ? Театръ? Театръ, разумѣется, могъ-бы дать золотыя горы, не говоря уже о популярности. Онъ уже думалъ объ этомъ! Но за это нужно приняться серьезно, и пока добьешься постановки своей пьесы, можно двадцать разъ умереть съ голоду. Журнализмъ? Это паденіе. Завѣдывать какимъ-нибудь отдѣломъ и подчиняться тремъ или четыремъ лицамъ... Онъ не вынесъ-бы этого долѣе двухъ дней. Другое дѣло быть главнымъ редакторомъ, или, пожалуй, хоть издателемъ,—это тоже почти приличное положеніе... Но для этого нужны деньги... А гдѣ они? Правда, тамъ, въ Тарасконѣ, есть 250 тысячъ, которыя ожидаютъ его... да; но черезъ двадцать лѣтъ, когда его геній, энергія,—всѣ пропадетъ! И вѣдь эти 250 тысячъ остаются въ Тарасконѣ безъ движенія... представляютъ мертвый капиталъ, тогда-какъ въ его рукахъ они превратились-бы въ милліонъ, дали-бы славу... сдѣлали бы самого суконщика королемъ Прованса! Этого отличнаго человѣка еще можно-бы убѣдить... онъ понялъ-бы... но теща!.. конечно, она больна, а больные умираютъ...

Размышляя такимъ образомъ, Октавъ бѣгалъ по редакціямъ съ своимъ „Скользкимъ Путемъ“. Онъ вручалъ лакею свою кар-

точку. „Неудбно-ли вамъ будетъ пожаловать завтра“, говорилъ тотъ, возвращаясь черезъ нѣсколько секундъ. Онъ возвращался; но прежде чѣмъ получалъ возможность съ любезнымъ видомъ обратиться къ пашѣ, котораго бы охотно задушилъ, — долженъ былъ прождать около часу.

— А! г. Шанлозѣръ... Прошу садиться... Вы говорите — романъ?.. Пришлите мнѣ его...

— А скоро-ли вы его прочтете?..

— Да такъ, въ недѣлю, я думаю...

Черезъ два мѣсяца онъ настоятельно требовалъ назадъ свою рукопись, которую ему немедленно возвращали...

Въ Монмартрскомъ кварталѣ, гдѣ журналистика процвѣтаетъ, онъ побывалъ въ четырнадцать мѣстахъ. Это былъ по-истинѣ тернистый путь.

Въ двухъ редакціяхъ, гдѣ нуждались въ оригиналѣ, романъ прочли довольно быстро; въ третьей его пробѣжали, интересуясь узнать, много-ли еще было за душой у автора „Миранды“ и „Ребюкъ въ своемъ правѣ“, и повсиду ему возвращали рукопись. Громадное самолюбіе его оскорбило и предубѣдило противъ него слишкомъ многихъ. Другихъ испугалъ натуралистическій сюжетъ. Въ редакціи „Альмавивы“ ему выслали сказать, чтобъ онъ изложилъ письменно, что ему нужно. Въ „Искрѣ“, гдѣ всѣ двери были отворены настежь, онъ вошелъ въ кабинетъ главнаго редактора и очутился лицомъ къ лицу съ Ребюкомъ, который въ тотъ самый день занялъ эту должность.

— Мнѣ кажется, я ошибся дверью, сказалъ Октавъ въ смущеніи.

— Мнѣ тоже кажется, отвѣчалъ Ребюкъ.

Спускаясь съ лѣстницы, несчастный слышалъ за собой продолжительный смѣхъ. Онъ не имѣлъ духу пойдти къ редактору „Звѣзды“ Капару, имя котораго звучало въ ушахъ его какъ погребальный звонъ его славы. Дѣйствительно, проглотить эту послѣднюю пилюлю было ужъ слишкомъ трудно. Единственнымъ его развлеченіемъ посреди всѣхъ этихъ непріятностей и униженій была бѣлокурая Матильда, многословнымъ восторгомъ своимъ нѣсколько врачевавшая его раны. Они видались невинно, у нея, на улицѣ, или, наконецъ, въ какой-нибудь церкви, — при людяхъ, или „передъ лицомъ Бога“, какъ она выражалась. Воспоминаніе о

капитанѣ, мысль о смерти его и о дружбѣ его съ писателемъ, которыя она безпрестанно выдвигала впередъ, держали Октава на почтительномъ разстояніи отъ нея. Она улыбалась спокойно, подавая ему обѣ руки, улыбалась всѣмъ его рѣчамъ, съ такой рѣшительной миной, какъ-будто понимала ихъ; была чрезвычайно любезна съ Маргаритой и такъ мило умоляла Октава быть добрымъ къ женѣ своей, и быть также добрымъ и къ ней самой.

Она нанимала квартиру во второмъ этажѣ въ улицѣ „Побѣды“ и по воскресеньямъ обѣдала у Шанлоазёровъ. Оставаясь одна съ Маргаритой, она говорила урывками о Полѣ Дюбурѣ, съ которымъ, по ея словамъ, встрѣчалась иногда у кухни покойнаго капитана, г-жи Дювукэ, дочери живописца, гдѣ собирались нѣкоторые парижскіе художники. „Онъ очень похорошѣлъ; и какъ знать, не овладѣла-ли уже какая-нибудь парижанка этой новой знаменитостью,—если только Поль не заперъ своего сердца на двойной замокъ, оставаясь вѣрнымъ своей прежней привязанности, о которой Маргаритѣ, можетъ быть, кое-что извѣстно“...

— Ты-бы перемѣнила тему, сказала ей однажды нетерпѣливо Маргарита.

— Гдѣ-же мнѣ искать утѣшенія, какъ не у тебя, отвѣчала г-жа Лакомбъ.

Съ Октавомъ она также пыталась-было заговорить о скульпторѣ; но тотъ на первыхъ-же словахъ прервалъ ее. Впечатлѣніе, которое производило это имя на мужа и на жену, казалось, очень интересовало Матильду.

Но въ эту минуту писателю, жаждавшему денегъ и славны, было не до Поля Дюбура и не до г-жи Лакомбъ. Ему приходилось платить по двумъ векселямъ,—въ тысячу и въ три тысячи франковъ. Гербовая бумага такъ и сыпалась на него!

Однажды, когда онъ удрученный своими заботами сидѣлъ у молодой вдовы, оказывавшей ему всякаго рода любезности, онъ вдругъ вскочилъ и схватилъ ее за обѣ руки... Она по своему обыкновенію отступила.

— Что такое пришло вамъ въ голову? спросила она съ живостью.

— То, что вы оболстительная кокетка! сказалъ онъ.

Она засмѣялась, отрицательно покачавъ головой.

Возвратясь къ себѣ, онъ встрѣтилъ въ дверяхъ Маргариту, за-

ливавшюся слезами. Она ждала его и подала ему слѣдующую телеграмму: „Мать при смерти. Зоветъ тебя. Прїѣзжай скорѣй. Кастанъ“.

— Ёдемъ сегодня-же, сказалъ Октавъ взволнованный, обнимая рыдавшюю жену. Бѣдная матушка! Я пойду распорядиться...

Онъ тотчасъ-же вышелъ, боясь обнаружить мысль, которая уже сквозила подъ маской горя, — мысль, что смерть г-жи Кастанъ спасала его, и что 250 тысячъ франковъ готовы къ его услугамъ. Самъ Богъ послалъ ему ихъ. Въ добротѣ суконщика нельзя было сомнѣваться.

Онъ нанялъ карету и велѣлъ везти себя въ редакцію „Звѣзды“. Теперь онъ могъ явиться туда. Онъ зналъ, что Капаръ ищетъ покупателя на газету, число подписчиковъ которой съ каждымъ днемъ убывало. Проѣзжая монмартрскимъ кварталомъ, мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ самолюбіе его было такъ страшно уязвлено, онъ съ пылающимъ взоромъ и грозя кулакомъ, воскликнулъ:

— Теперь мой чередъ, разбойники!

Онъ велѣлъ подать Капару свою карточку, и слышалъ какъ тотъ отвѣтилъ: „Меня нѣтъ дома“.

Тогда онъ самъ отворилъ дверь и вошелъ съ такимъ высокомернымъ видомъ, что Капаръ могъ только разинуть ротъ въ изумленіи.

— Сколько вы хотите за вашу „Звѣзду“? спросилъ Октавъ, садясь.

— Я ожидалъ отъ васъ рукописи, милѣйшій мой... сказалъ Капаръ, вздохнувъ свободнѣе.

— Сколько? повторилъ Октавъ.

— Вы сами покупаете?

— Сколько?

Капаръ, поломавшись нѣсколько для приличія и сказавъ сначала, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія продавать „Звѣзды“, приносящей ему такой отличный доходъ, — подъ конецъ, однакоже, объявилъ, что цѣна ей 150 тысячъ франковъ...

— Сто тысячъ, рѣшительно произнесъ Октавъ. Газета издается въ убытокъ...

— Неужели?.. воскликнулъ редакторъ, захохотавъ во все горло.

— Тридцать тысячъ наличными деньгами. На остальную сумму

векселя... уплата въ два срока... по полугодно. Подпись вѣрнѣйшая...

И онъ сообщилъ о смерти г-жи Кастанъ, о блестящемъ положеніи своего тестя, котораго, впрочемъ, Капаръ, судя по образу жизни Октава, и самъ считалъ богатымъ.

Редакторъ поторговался еще и, наконецъ, сказалъ:

— Ну хорошо, будь по вашему: сто тысячъ франковъ. Но чистыми деньгами—пятьдесятъ тысячъ. На остальное векселя за подписью г. Кастана. Сроки трехмѣсячныя.

— Согласенъ. Я возвращусь черезъ недѣлю.

Они пожали другъ другу руки.

Октавъ бросился въ наименѣ свирѣпому изъ своихъ ростовщиковъ, который, послѣ весьма недолгаго колебанія, и то больше для виду, отсчиталъ ему 500 франковъ. На него, очевидно, подействовалъ необычный тонъ его должника. Благодаря этой ссудѣ Октавъ могъ на другой день, въ 11 часовъ утра, прибыть съ женой въ Тарасконъ.

Г-жа Кастанъ только-что умерла.

ГЛАВА XVI.

Въ день, слѣдовавшій за похоронами, между тѣмъ какъ Маргарита, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, одной—проведенной въ дороге, другой—у праха матери, еще спала лихорадочнымъ сномъ, г. Кастанъ тихонько позвалъ своего зятя, который только что всталъ, и увелъ его въ свою комнату, гдѣ скончалась г-жа Кастанъ, и гдѣ овдовѣвшій суконщикъ непремѣнно хотѣлъ провести эту ночь. Здѣсь, съ глазами, опухшими отъ слезъ, и указывая рукой на одинокую теперь постель свою, онъ пытался было заговорить; но голосъ его нѣсколько минутъ отказывался служить ему. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ произнесъ:

— Вы услышите, зять мой, самую прискорбную, самую ужасную вещь! Моя бѣдная Сесиль, моя дорогая, честная жена была убита... И вотъ что нанесло ей смертельный ударъ...

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его Октаву, тотчасъ узнавшему почеркъ одного изъ своихъ ростовщиковъ Рокрона, которому принадлежали послѣдніе неуплаченные векселя. Ро-

каронъ извѣщалъ г. и г-жу Кастанъ, „что онъ будетъ имѣть честь представить имъ, черезъ посредство своего тарасконскаго корреспондента, г. Агетта, два векселя, подписанные г. де-Шанлозёромъ,—въ настоящее время лично несостоятельнымъ; и что онъ вполнѣ довѣряетъ старой и всѣми уважаемой фирмѣ Кастанъ, которая, безъ сомнѣннй, не замедлитъ удовлетворить честнаго заимодавца“.

Октавъ выронилъ изъ рукъ письмо и опустилъ голову. Суконщикъ продолжалъ:

— Я уходилъ по дѣламъ; и этотъ негодяй Агеттъ, подлый ростовщикъ, извѣстный здѣсь всѣмъ и каждому, и одно приближеніе котораго считается уже безчестьемъ, подалъ ей письмо среди бѣлаго дня, въ магазинъ, при всѣхъ служащихъ въ немъ. Онъ долженъ былъ знать, что она страдаетъ болѣзнью сердца. Этими векселями и сопровождавшимъ ихъ письмомъ онъ поразилъ ее какъ кинжаломъ. Въ двадцать четыре часа — все было кончено!

Зять опустился на стулъ, закрывъ руками лицо, со стономъ и рыданіями. Онъ не игралъ комедіи; онъ совершенно вошелъ въ это неожиданны-патетическое положеніе, и былъ искренно тронутъ имъ, точно также какъ если-бы увидѣлъ нѣчто подобное на театрѣ.

Тестъ его тоже плакалъ, склонясь къ изголовью постели...

— Г. Кастанъ! сказалъ, наконецъ, Октавъ, отводя руки отъ искаженнаго горемъ лица,—вы это знали уже третьяго дня; и однако-жъ, по прїѣздѣ моемъ обняли меня какъ сына... Только сегодня вырвалась у васъ жалоба... Великодушный человѣкъ! Благодарное сердце...

— Могъ-ли я говорить, могъ-ли я нанести подобный ударъ моей Маргаритѣ?.. Вѣдь она мое возлюбленное, мое единственное дитя!

Вѣдникъ задыхался.

— Умоляю васъ, продолжалъ Октавъ,—скажите мнѣ, что когда вы прижимали меня, третьяго дня, къ своему сердцу, оно билось не гнѣвомъ, а вѣжностью, что оно чувствовало мою скорбь, мою привязанность, мое уваженіе къ вамъ! Скажите, что у васъ есть еще второе дитя!

Г. Кастанъ опустилъ голову.

— Моей доброй женѣ такъ хотѣлось передъ смертью еще уви-

дѣться съ вами, разспросить васъ, убѣдить васъ избрать себѣ другой путь...

— Какой-же?..

Кастанъ отвернулся, не отвѣчая; онъ думалъ о томъ, что покойница выражала желаніе, чтобы зятя ея привезли изъ Парижа, съ жандармами, если это будетъ нужно; и немедленно опредѣлили на службу въ тарасконскую мерію.

— Но я не могу разспрашивать... сказалъ Октавъ. Спрашивайте вы меня, батюшка; или нѣтъ... позвольте мнѣ самому открыть вамъ всю свою душу... Выслушайте мою исповѣдь.

И онъ разсказалъ исторію не только своихъ собственныхъ страданій, но и страданій другихъ избранниковъ, обманутыхъ счастьемъ, которыхъ также какъ и его, преслѣдовала на ихъ побѣдоносномъ пути интрига и зависть, и которые взнемогали въ борьбѣ съ невзгодами жизни, дѣлались жертвой ростовщиковъ. Онъ привелъ имена Чаттертона, Эжезиппа Морд, Ламартина... цитировалъ стихи Альфреда Мюссе, гдѣ говорится о продажныхъ пасквилянтахъ оскорбляющихъ генія. Да! Нельзя безнаказанно взлетѣть къ небесамъ однимъ взмахомъ могучихъ крыльевъ! И онъ долженъ былъ также поплатиться за свою славу и поплатиться, — увы! — такъ дорого! Эта слава была куплена цѣною жизни лучшей изъ матерей! Второй романъ его „Жертвы“ подвергся ярнымъ нападкамъ; третій — гениально задуманный и далеко оставляющій за собой оба прежніе, испытываетъ еще худшую участь. Приходится носить его по редакціямъ; обивать пороги журналистовъ. Хотите-ли знать имена настоящихъ убійцъ бѣдной женщины и таланта? Это Ребюкъ, Бланшонъ, Редоле, Бриё, Гадрю, вся эта подлая шайка литературныхъ посредственностей!

Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ. Глаза его горѣли.

— Но, возразилъ г. Кастанъ, — эта посредственность будетъ вѣчно преслѣдовать васъ, и...

— Она будетъ раздавлена! Будетъ ползать у ногъ моихъ! отвѣчалъ онъ, выпрямляясь, и съ такимъ выраженіемъ силы и гордости, что суковникъ, пораженный, почувствовалъ, какъ въ его собственномъ сердцѣ воспрянуло мужество.

— Новая книга? спросилъ онъ.

— Новая идея. Я скажу вамъ потомъ.

Онъ медленно повернулся къ постелѣ и съ глазами, полными слезъ, сложивъ руки, воскликнулъ:

— Да! Я былъ виноватъ, я слишкомъ рассчитывалъ на чело-вѣческій умъ и честность, но неужели вы не простите меня — моя бѣдная матушка! мой добрый отецъ!

При этихъ словахъ, превосходно произнесенныхъ, при этихъ трогательныхъ жестахъ, г. Кастанъ не выдержалъ: онъ раскрылъ свои объятія и Октавъ упалъ въ нихъ.

Разговоръ возобновился два дня спустя, въ сумерки, на берегахъ Роны. Маргарита еще утомленная и раздраженная оставалась дома. Взявъ своего тестя подъ руку, Октавъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ изобразилъ ему страшное могущество журнализма, какъ интеллектуальное, такъ и промышленное — дѣлающее человѣка царемъ ума, миллионеромъ, министромъ, властителемъ міра. Онъ привелъ имена столь-же знакомые Тараскону, какъ и Парижу, описалъ славную жизнь тѣхъ, кто носилъ ихъ, перечислялъ всѣ источники, изъ которыхъ газеты черпали золото: талантъ главнаго редактора, фелетонъ, биржевая хроника, объявленія; „Альмавива“, по его словамъ, приносила 1.200.000 франковъ барыша ежегодно. „Знамя“, „Фронда“, „Барабанъ“ также обогатили своихъ редакторовъ. Капаръ нажилъ 14 миллионновъ, основывая и перепродавая газеты. Когда то знаменитые дивиденды перувианскихъ рудниковъ — ничто въ сравненіи съ этимъ листомъ печатной бумаги, съ этимъ громаднымъ рычагомъ, двигающимъ въ настоящее время міромъ!

Онъ перевелъ духъ и потомъ сказалъ рѣзко:

— Швырять въ воду талантъ, подобный моему, было-бы ужъ черезчуръ глупо... Богатство, званіе депутата ожидаютъ меня въ скоромъ времени въ Парижѣ, и ожидаютъ васъ, батюшка; стоятъ только вамъ захотѣть этого. Я могу, въ настоящую минуту, приобрести „Звѣзду“ за сто тысячъ фр. Пятьдесятъ — чистыми деньгами, на остальные векселя. Хотите-ли вы спасти наше прошлое, вмѣстѣ съ нашимъ будущимъ, и довѣрить мнѣ сто тысячъ франковъ?

• Г. Кастанъ посмотрѣлъ съ минуту на бѣжавшія волны Роны... и потомъ отвѣтилъ:

— Сто тысячъ франковъ! Любезный зять... вы говорите сто тысячъ франковъ...

— Случай бываетъ только разъ въ человѣческой жизни! Вѣчное горе и униженіе — адъ для васъ, для меня, для нашей дорогой Маргариты — или спасеніе; выбирайте. Вамъ остаются сутки на размышленіе. Посовѣтуйтесь съ вашимъ разумомъ, съ вашимъ сердцемъ!

Они возвратились домой. Суконщикъ не смыкалъ глазъ всю ночь. „Сто тысячъ франковъ, послѣ полутора ста тысячъ приданого! Что дѣлать? Журнализмъ, безспорно, великая вещь; но всѣ ли газеты, приобретаемыя за сто тысячъ франковъ, имѣютъ успѣхъ? Если бъ это было такъ, то зачѣмъ-же всѣ тѣ, у кого есть сто тысячъ франковъ, не предпочитаютъ журнализмъ всякому другому роду промышленности?“ И г. Кастанъ сосчиталъ, что въ одномъ Тарасконѣ существовало-бы въ такомъ случаѣ болѣе полусотни газетъ. Правда, что для этого нужны не одни деньги — нуженъ и человѣкъ подходящій, котораго, можетъ быть, трудно найти чѣмъ деньги. А его зять — былъ именно такой человѣкъ. У него есть талантъ, гений, — чтобы тамъ ни говорили — это не подлежить сомнѣнію, и, судя по его словамъ, онъ, кажется, дѣйствительно обладаетъ — несмотря на всѣ свои ошибки — практической жилкой. Притомъ-же онъ получалъ хорошій урокъ... и эта финансовое, политическое и литературное предпріятіе, которое ему теперь предлагаютъ, можетъ, пожалуй...

Но онъ тотчасъ-же отогналъ отъ себя эту мысль, вспомнивъ о покойницѣ, душа которой, можетъ быть, парила въ этой комнатѣ и читала его мысли, могущія отравить ей небесныя радости...

Октавъ, рано утромъ, вышелъ изъ дому, для того, чтобы разсѣяться отъ своихъ заботъ. Г. Кастанъ вошелъ къ своей дочери. Она только-что встала. Въ шкапу съ бѣльемъ, который еще былъ отворенъ, между полотенцами и салфетками, видѣлся какой-то темный кусокъ дерева. Это была гитара.

— Я положилъ ее туда, чтобъ болѣе никогда къ ней не прикасаться; — никогда! произнесъ г. Кастанъ, запрятывая инструментъ еще далѣе, въ глубину шкафа.

— Бѣдный папаша!

Слезы выступили на глазахъ Маргариты. Онъ нагнулся къ ней и минуту спустя сказалъ:

— Я хотѣлъ спросить тебя, дитя мое... Скажи мнѣ... не плакала-ли ты уже тамъ?..

— Развѣ глаза созданы не для того, чтобы плакать? отвѣчала она.

— Ты несчастна! вскричалъ г. Кастанъ. — Онъ не любитъ тебя?

Она взглянула на его встревоженное лицо и сказала съ улыбкой:

— Любить. Но неуспѣхъ его книги ожесточилъ его, сдѣлалъ его раздражительнымъ. Его самолюбіе страдаетъ.

— Онъ самолюбивъ?

— Ужасно! И въ голосѣ, которымъ она произнесла это слово, оказалось все ея страданіе. Но она тотчасъ-же опомнилась и поспѣшила прибавить:—повидимому, всѣ артисты отличаются этикъ свойствомъ.

Г. Кастанъ два раза обошелъ комнату, потомъ, остановившись, сказалъ:

— Твое приданое прожито, милая дочь моя!

— Какъ?..

— Ты не знала этого?.. Теперь Октавъ просить у меня... много... Твоя мать, если-бъ она была жива, отказала-бы. А какъ мамъ поступить?.. Дѣло идетъ о твоемъ наслѣдствѣ.

Она покраснѣла при мысли объ этой довѣрчивости лучшаго изъ людей, обмануть котораго было легче, чѣмъ кого-либо. Но образъ Октава тотчасъ-же предсталъ передъ ней. Она любила... Она была... и можетъ быть еще продолжаетъ быть любимой. Ея деньги пропали; но развѣ можетъ такой человѣкъ вынести униженія бѣдности?.. Въ умѣ ея пробѣжали, съ быстротой молніи, воспоминанія о балконѣ въ Брюссели, о пузырькѣ съ ядомъ...

— Дайте, дайте, папаша!

— Ты этого хочешь?

— Да.

Она бросилась къ нему на шею и потомъ прошептала: — Но вы,—вы милый папаша?

— У меня есть магазинъ... и остается еще кое-что... Наконецъ, эти сто тысячъ франковъ не должны-же неизбѣжно пропасть?

— Нѣтъ...

— У него есть талантъ.

— А у насъ—любовь.

— Тссъ... вотъ онъ.

Октавъ вошелъ съ маленькой вѣткой въ рукѣ... Они сейчасъ же догадались, что онъ былъ на кладбищѣ.

— И талантъ, и сердце, прошепталъ г. Кастанъ, растроганный.

Недѣлю спустя, писатель, посѣтивъ въ послѣдній разъ могилу тещи, выѣхалъ изъ Тараскона съ женой своей. Онъ увозилъ въ карманѣ желаемую сумму, частью въ наличныхъ деньгахъ, частью въ процентныхъ бумагахъ, не считая квитанціи, выданной Агеттомъ въ полученіи пяти тысячъ франковъ, по довѣренности Рокарона.

— Батюшка, сказалъ онъ, на прощаньи, вполголоса, г. Кастану, — я жду отъ васъ матеріала...

— Стиховъ, любезный зять... да; если только муза захочетъ посѣтить меня теперь! Но возвратится-ли она ко мнѣ той веселой и беззаботной, какой была прежде?.. Увы! едва ли.

— Я-бы попросилъ васъ, продолжалъ Октавъ, — присылать мнѣ также по временамъ немножко прозы... разные мелочи... рассказы... словомъ — все, что хотите. Я вамъ ручаюсь, что это будетъ напечатано.

— И съ моншъ иненемъ?

— Непремѣнно.

Если-бы не это маленькое утѣшеніе, то бѣднякъ, пожалуй, упалъ бы въ обморокъ, когда послѣдній звонокъ вырвалъ изъ объятій его Маргариту.

ГЛАВА XVIII.

Въ улицѣ Абукиръ, въ кабинетѣ и въ креслѣ Капара возсѣдалъ теперь, съ королевскимъ величіемъ, Октавъ. Въ заглавіи газеты стояло: „Звѣзда“. *Издатель редакторъ Октавъ де-Шамлозёръ.* Имя это, напечатанное крупнымъ шрифтомъ, ежедневно красовалось также подъ двумя или тремя статьями на первой страницѣ газеты. Человекъ чувствовалъ, что онъ совсѣмъ возродился и съ той интенсивностью жизни, которую сообщаетъ власть. Властью онъ наслаждался вполнѣ. Одного жеста, одного движенія бровей или просто молчанія было ему достаточно для того, чтобъ сокрушить непокорныя перья. Какая другая власть можетъ сравниться съ

властью редактора, неограниченно повелѣвающаго умами. Грендоръ, Шантепи, хотѣвшіе сохранить въ „Звѣздѣ“ свое независимое положеніе, были тотчасъ-же лишены жалованья. Если-же онъ находился въ хорошемъ настроеніи, то въ редакціи, въ конторѣ, въ типографіи, словомъ—по всей линіи царствовала самая шумная веселость. Прежде всего онъ находилъ невыразимое удовольствіе въ томъ, чтобы заставлятъ извѣстныя, но безобидныя имена дожидаться въ пріемной редакціи; и чтобы проходить мимо тѣхъ, которые сами принимали его не особенно нѣжно, не замѣчая ихъ... Такъ, знаменитый критикъ Редоле долженъ былъ, однажды, въ театрѣ подойти къ нему первый. Носились слухи, что тестю Октава удалось сдѣлать какую-то блистательную торговую операцію, и что вслѣдствіе этого „Звѣзда“ могла просуществовать цѣлую вѣчность.

Свой эклектическій „Скользкій путь“, который два мѣсяца тому назадъ нигдѣ не хотѣли принять, онъ теперь храбро отправилъ главному редактору газеты „Часовой“, осмѣлившемуся продержать автора въ передней,—и романъ былъ напечатанъ. Находили, что онъ выше „Жертвъ“, хотя нѣсколько длинноватъ. Но успѣхъ романа довольно слабый въ фельетонѣ,—значительно возросъ при отдѣльномъ изданіи, благодаря громкимъ рекламашъ и снисходительнымъ критическимъ отзывамъ. Редоле сочувственно отнесся къ этой „оригинальной книгѣ, съ ультра-натуралистическимъ сюжетомъ, но въ то-же время отличающейся старательно-обработанной формой“. У Октава явилась великолѣпная мысль: онъ перепечаталъ статью Редоле въ своей газетѣ на видномъ мѣстѣ, и вслѣдъ за ней всѣ другія статьи, заключавшія въ себѣ благопріятные отзывы о романѣ. Цѣлые два мѣсяца читатели „Звѣзды“ наслаждались этими выдержками изъ парижскихъ и провинціальныхъ газетъ, и когда они пріостановились-было, Миссоль потребовалъ ихъ возобновленія. Онъ выпускалъ десятое изданіе. Общую гармонию нарушали только Ребюкъ, да еще нѣсколько непокорныхъ своими злыми выходками. Ребюкъ незадолго передъ тѣмъ лишился, по происканью Октава, мѣста въ одной газетѣ, редакторъ которой, впрочемъ, не долюблявшій и самъ остроумныхъ сотрудниковъ, нуждался, въ эту минуту, въ расположеніи „Звѣзды“. Другъ Бланшона оплатилъ за это автору „Скользкаго пути“ забавными стихами, въ которыхъ воспѣлъ натуралистическую „утку подъ

оливковымъ соусомъ“; и стихи эти такъ понравились Миссолю, что онъ пригласилъ къ себѣ Ребюка обѣдать; онъ понималъ, что когда книга имѣетъ успѣхъ, то насмѣшки и ругонь не менѣе похвалы способствуютъ ея распространенію, и потому даже приобрѣлъ у Ребюка „Ретирадное мѣсто“, которое тотъ оканчивалъ...

Въ улицѣ Монсе опять начались обѣды. Мадамъ Олимпія и лавей Франсуа, узнавъ изъ газетъ, что г. де-Шанлозеръ издаетъ „Звѣзду“, немедленно явились къ нему и почтительно предложили свои услуги. Но теперь на эти обѣды являлась уже болѣе избранная публика: редакторы и издатели газетъ, извѣстные романисты и драматическіе писатели, даже два-три знаменитыхъ имени... Изъ прежнихъ собесѣдниковъ можно было встрѣтить только Дольсина, Миссоля и Бансовъ; да и то послѣдніе приглашались только благодаря успѣху ихъ кроваваго фельетона, позволившаго имъ прилично одѣться, потому что восьми тысячное наслѣдство, съ послѣдними лучами лѣтняго солнца, растаяло подобно маслу, въ Шату, въ романтическомъ саду съ капустой и розами. — Прощай баранина!.. Объ остальныхъ собесѣдникахъ прежней поры, начиная съ польскаго тенора и кончая г. Шантепи и его дочкой, не было теперь и помину.

Октавъ, красивый и пополнѣвшій, сіялъ какъ солнце, передъ которымъ онъ имѣлъ то человѣческое преимущество, что видѣлъ лучи, исходящія изъ его особы и ослѣплявшіе публику своимъ яркимъ блескомъ. Онъ подѣлился своими радостями съ г-мъ Кастаномъ, сославъ ему два банковыхъ билета въ тысячу франковъ каждый, въ счетъ ожидаемыхъ барышей, и отозвавшись съ величайшей похвалой о стихотворной прозѣ и прозаическихъ стихахъ которыми субонщикъ весьма аккуратно снабжалъ газету. „Звѣзда“ печатала ихъ но, съ такими измѣненіями, что авторъ едва узнавалъ свой подлинникъ. Ему объяснили, что эти поправки были совершенно необходимы, для приданія его произведеніямъ парижскаго оттѣнка и онъ, примирившись съ этимъ, мало по-малу привыкъ считать себя дѣйствительнымъ авторомъ того, что печаталось въ газетѣ за его подписью.

— Ну вотъ, сказалъ онъ себѣ, получивъ одновременно въ магазинъ и банковые билеты, и № „Звѣзды“, гдѣ красовалось его имя, — это вознагражденіе за прошлое и хорошее ручательство за будущее; а между тѣмъ нѣкоторые называли меня сумасшедшимъ

когда я согласился отдать часть своего состоянія. Вѣрь послѣ этого людской проникательности! Капару также упрочено въ срокъ. Я желалъ-бы, чтобъ моя бѣдная Сесиль видѣла это!

Онъ только и мечталъ о славѣ, о милліонахъ; говорилъ, что закроетъ магазинъ и поселится съ своими дѣтьми въ Парижъ. Но Октавъ, въ очень любезномъ письмѣ, просилъ его пообождать еще нѣкоторое время, прибавляя, что самъ онъ отъ всего сердца желаетъ сколь возможно скорѣйшаго осуществленія этого плана.

Что касается до Маргариты, то она по окончаніи своего траура должна была броситься въ вихрь свѣтскихъ развлеченій, не оставившихъ ей ни минуты свободной. Обѣды, балы, вечера и спектакли слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ. Она присутствовала на нихъ съ тоскою въ сердцѣ. Особенно сокрушалась она, иногда, при видѣ ухаживанія Октава за женщинами, и той легкости, съ которой онъ отвѣчали на это ухаживанье. Ее удивляло, что мужья этихъ дамъ, повидимому, не обращали никакого вниманія на ихъ кокетство съ писателемъ. „Въ Тарасконѣ, говорила она себѣ, — мужъ убилъ-бы на мѣстѣ жену, если бы она позволила себѣ хоть десятую долю того, что приходится видѣть здѣсь“. И когда Маргарита, однажды, по возвращеніи съ какого то вечера, начала со слезами упрекать Октава за его непостоянство и даже упомянула при этомъ имя Матильды, къ которой, какъ ей казалось, онъ льнулъ преимущественно, — онъ отвѣчалъ ей строго:

— Ты дурно любишь меня, очень дурно! Величайшее свойство любви — это любить все въ обожаемомъ существѣ. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось сформировать умъ твой, положительно не поддающійся перевоспитанію. — Ты могла бы понять, что эти женщины для меня тоже самое, что цвѣты, которыя я встрѣчаю въ салонахъ. Я вдыхаю въ себя ихъ запахъ и прохожу мимо. Но если-бы даже онъ любилъ меня, и если-бъ это благоуханіе любви способно было возбудить мое воображеніе, породить здѣсь — онъ ударилъ себя по лбу, — мысль, образъ, выраженіе, которые хоть на вершокъ возвысили-бы мое имя, знаешь-ли ты, какое чувство ты бы должна была питать къ этимъ женщинамъ.

Онъ выпрямился и торжественно прознесъ:

— Ты должна-бы любить ихъ во мнѣ!

Эго ее совсѣмъ озадачило. — Помолчавъ съ минуту, она отвѣтила:

— А если-бъ я была писательницей, и мнѣ также нужно-бы было вдыхать въ себя на каждомъ шагѣ благоуханіе любви?

На этотъ разъ пришла его очередь остолбенѣть передъ такой смѣлой мыслью.

— Ты меня никогда не поймешь! возразилъ онъ, наконецъ.— Оставь меня пожалуйста въ покоѣ, мнѣ нужно писать къ завтрашнему дню передовую статью.

Но кромѣ передовыхъ статей, его занимало съ нѣкотораго времени еще одно обстоятельство. Бѣловурая Матильда, начинала кокетничать въ свѣтѣ. По примѣру г жи Дювуке, кухни покойнаго капитана, принимавшей къ себѣ артистовъ,—вдова его также открыла у себя маленькій салонъ, гдѣ являлись по временамъ тѣ-же самые артисты и трое или четверо толстыхъ буржуа, между прочими, г. Рати, начальникъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ и г. Камбридонъ, богатый виноторговецъ, оба люди серьезные и холостые, съ которыми она была очень любезна, хотя и держала себя съ достоинствомъ.

Октавъ, которому не нравились эти знакомства вдовы, читалъ ей иногда наставленія, въ качествѣ друга покойнаго капитана и „изъ уваженія къ его памяти“... Она выслушивала эти упреки очень прилично, и въ знакъ благодарности жала ему обѣ руки. Однажды, когда увѣщаніе было особенно энергично, она даже поцѣловала писателя въ лобъ „въ это славное чело“, какъ она выразилась, и тотчасъ-же, по своему обыкновенію, отступила назадъ. Это былъ ея излюбленный маневръ... Октаву удавалось позволять себѣ съ ней лишь самыя незначительныя вольности. Она всегда останавливала его, говоря, что онъ не долженъ забывать Маргариты и бѣднаго капитана. Развѣ ему недостаточно было той дани уваженія, которую она воздаетъ его генію?

Къ сожалѣнію, онъ замѣтилъ, что несмотря на всю эту добродѣтель, она выказывала гораздо болѣе снисходительности къ другимъ своимъ посѣтителямъ, нежели къ нему, что очень его раздражало. Матильда, увидавъ въ этой досадѣ признаки любви, всячески старалась съ тѣхъ поръ поддерживать ее. Однажды, утромъ, войдя къ ней, онъ увидѣлъ на столѣ ея статуетку, заставившую его поблѣдѣть. Это была „Меланхолія“ Поля Дюбура.

— Неправда-ли, что это прелестно? сказала она съ самой гнѣвной злостью. Онъ прислалъ мнѣ это сегодня утромъ.

— Вы принимаете къ себѣ Поля Дюбура?

— Нѣтъ; я видѣла его у г-жи Дювуке. Какъ онъ выравнялся; какія у него хорошія манеры...

— Вы все еще его любите?.. Впрочемъ, вы сами сознались въ этомъ Маргаритѣ... сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, но... Она остановилась вздохнувъ. Я не сказала Маргаритѣ всего, и не знаю должна-ли быть откровеннѣе съ вами... Увы! Онъ, кажется, все еще занятъ ею...

— Вы съума сошли! возразилъ онъ рѣзко, увлеченный ея словами.

— О, не тревожьтесь!.. Она ужь давно забыла объ этой статуѣ, которую мы видѣли на выставкѣ, и притомъ-же она ревнуетъ васъ ко мнѣ; слѣдовательно, вы можете спать спокойно. Боже мой! Какую вы сдѣлали кислую мину. Вы искусаете въ кровь свои губы... Это удивительно! Человѣкъ не можетъ вынести мысли, что другой любитъ жену его издали... честно...

При этихъ словахъ вошла горничная и подала Матильдѣ что-то завернутое въ бумагу. Она развернула и между-тѣмъ какъ горничная уходила, вынула книгу.

— Кто вамъ прислалъ эту мерзость?

— Авторъ.

— Какъ! Вы видаете и этого господина?

— Это очень остроумный малый, который недавно разсѣшилъ насъ до слезъ, разсказывая объ натуралистическомъ обѣдѣ у г-жи Кансъ въ Шату, гдѣ были, кажется, и вы, и гдѣ пришла ему въ голову мысль написать эту вещь...

И она стала перелистывать новую книгу Ребюва. Она даже прочла небольшую выдержку, гдѣ авторъ пародировалъ одно описаніе изъ Миранды. Октавъ строго прервалъ ее.

— Я попросилъ-бы васъ, сударыня, бросить эту грязную книгу въ огонь... и въ особенности не пускать къ себѣ ни этого господина, ни того.

— Послушайте, однако-жъ! произнесла она съ нѣкоторой гордостью.

— Или я уступлю имъ свое мѣсто.

— Полноте, полноте! сказала Матильда, секунду спустя, ударивъ его дружески по рукѣ, — успокойтесь. Развѣ это благоразумно?..

— Прощайте.

— У васъ престранныя требованія. Я должна, слѣдовательно, читать только васъ, видѣться только съ вами...

— Да!

— Но это значило-бы компрометировать себя!

— Бокетва! Комедіантка! Можете принимать кого хотите. Прощайте... Губите себя, забудьте о бѣдномъ покойникѣ...

При этомъ забавномъ воззваніи къ памяти капитана, Матильда даже не улыбнулась. Они всегда говорили о немъ между собой весьма серьезнымъ тономъ, въ самыя странныя минуты. Она проводила Октава до дверей и, остановивъ его рукой, произнесла съ необыкновенной кротостью въ глазахъ и въ голосѣ:

— Вы знаете, другъ мой, что я честная женщина.

— „О конечно!“ И, бросивъ на нее гнѣвный взглядъ, онъ вышелъ. „Ладно, голубчикъ! подумала Матильда. — Попался! ручаюсь, что возвратишься“.

Но онъ, однако-жъ, не возвращался. Одни имена Ребюка и Поля Дюбура поднимали въ немъ желчь. Впрочемъ, его удерживали въ то время важныя заботы. „Звѣзда“ начинала меркнуть. Дѣла ея шли все хуже и хуже. Ни высокоумный тонъ редактора, ни его трескучій языкъ, изобиловавшій прилагательными и нарѣчіями, ни романы супруговъ Кансъ, съ убійцами, ворами, пропавшими дѣтьми и полиціей,—ничто не могло поправить ихъ. Каждый три мѣсяца Октавъ переиживалъ въ газетѣ рубрики и часть редакціи, но ему никогда не приходило въ голову переименить главнаго редактора, что, можетъ-быть, спасло-бы газету. Онъ дошелъ до того, что обѣщалъ своимъ подписчикамъ всякаго рода преміи на выборъ: столовые часы, кушетки, револьверы, консервы, ликеры, книги—разумѣется, прежде всего, свои, отъ „Языческаго элемента въ искусствѣ христіанскихъ народовъ“, до „Скользкаго пути“. Въ погонѣ за спасательнымъ фельетономъ, онъ обращался ко всѣмъ поставщикамъ уголовныхъ романовъ, но они, на бѣду его, были уже завербованы въ другія изданія. Романъ, который ему, наконецъ, удалось откопать гдѣ-то—провалялся самымъ постыднымъ образомъ.

„Звѣзда“ теряла теперь 800 франковъ въ день. Вскорѣ Октавъ началъ платить своимъ редакторамъ обѣщаніями, выдавая отъ времени до времени лишь самымъ непокорнымъ, франковъ по

двадцати. И онъ снова сталъ обращать взоръ къ Тараскону и считать, сколько еще оставалось въ карманѣ у суконщика; но не рѣшался, однако-же, прибѣгнуть къ нему вторично, удерживаемый самолюбіемъ и нѣкоторымъ стыдомъ. Ростовщики снова появились на сцену. Капаръ, къ которому онъ было обратился, отказалъ на-отрѣвъ и не хотѣлъ дать ни сантимъ, выжидая спокойно смерти „Звѣзды“, для того, чтобы воскресить ее съ помощью нѣсколькихъ су и потомъ еще разъ перепродать, можетъ-быть, тому-же Октаву де-Шанлозѣру, если ему только придетъ охота купить.

Деньгъ! Деньгъ! Деньгъ! Октавъ искалъ ихъ на мостовой, между камнями. Упасть такимъ образомъ съ высоты главнаго редакторства! Это паденіе было еще ужаснѣе, нежели паденіе романиста! Лицо его начало принимать то мрачное выраженіе, которое уже такъ пугало Маргариту въ Круасси; и ей снова пришелъ на умъ пузырекъ съ ядомъ. Она видѣла во снѣ, что онъ въ рукахъ у Октава. Къ этимъ тревогамъ присоединялась еще мысль о Матильдѣ, о мадуазель Марвезъ, обо всѣхъ этихъ похитительницахъ ея счастья, которыхъ Октавъ, вѣроятно, продолжалъ видѣть, и которыхъ, по его выраженію, „она-бы должна была любить въ немъ“.

Однажды, въ большой праздникъ, когда онъ надѣвалъ шляпу, чтобы выйти изъ дому, она спросила его, куда онъ идетъ. Газета въ тотъ день не печаталась.

— Куда я иду?

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Возьми меня съ собой; хочешь? Умоляю тебя!

Онъ, какъ бы не разслышавъ этихъ словъ, удалился, и медленно пошелъ по улицѣ Побѣды, направляясь къ квартирѣ Матильды. Матильда написала къ нему одно изъ тѣхъ покорныхъ писемъ, какія пишутъ кокетки даже послѣднему изъ своихъ обожателей, когда это бываетъ нужно. „Онъ могъ теперь приходить, ничто болѣе не оскорбитъ его взоровъ“. Онъ не особенно спѣшилъ этимъ визитомъ; но въ это утро рѣшился, наконецъ, зайти къ вдовѣ, движимый столько-же потребностью развлеченія, сколько желаніемъ видѣть себя любезно принятымъ...

Но Матильда, какъ видно, не ждала его въ этотъ день. У ней находились Поль Дюбуръ, начальникъ отдѣленія Рати и виноторговецъ Камбридонъ. Поль былъ здѣсь въ первый разъ. Матильда,

настоятельно приглашая его къ себѣ, намекнула ему, что онъ можетъ у нея встрѣтить кое-кого изъ своихъ земляковъ-провансальцевъ.

При неожиданномъ появленіи Октава она нѣсколько сконфузилась.

— Я объясню вамъ потомъ... прошептала она, тайно пожимая ему руку.

Очень холодно поклонившись присутствующимъ, онъ сѣлъ подлѣ г. Камбридона.

Г. Камбридонъ, старшій холостякъ, съ желтымъ лицомъ человѣка, страдающаго болѣзною печени, стоялъ неподвижно, улыбаясь и внимательно слѣдя за всѣми движеніями Матильды, какъ рыболовъ за поплавкомъ. Октавъ заговорилъ съ нимъ, искоса поглядывая на Поля Дюбура и Рати, разговаривавшихъ между собой, въ то время какъ г-жа Лакомбъ, желая приккрыть общее смущеніе и натынутость, очень громко смѣялась какой-то шуткѣ, которую прочла утромъ въ газетахъ. Поль и Рати улыбались.

„Они говорятъ обо мнѣ“, подумалъ Октавъ, сдерживая себя.

Статуетка Меланхолии стояла теперь на видномъ мѣстѣ, на каминѣ, отлично освѣщенная. Онъ отвернулся отъ нея.

— Надѣюсь, что торговля ваша идетъ хорошо? спросилъ онъ вдругъ Камбридона, до сихъ поръ отвѣчавшаго ему только односложными словами.

Не измѣняя своего положенія, Камбридонъ отвѣчалъ: — Благодарю васъ; вы очень любезны... Но со вчерашняго дня я имѣю ровно сорокъ тысячъ франковъ доходу, — и потому оставляю торговлю...

Всѣ обернулись въ сторону Камбридона, который произнесъ эти слова очень громко. Матильда, переставъ смѣяться, посмотрѣла на него.

Послѣдовала минута молчанія, во время котораго, въ передней, послышался легкій шумъ шаговъ. Дверь открылась и вошла Маргарита. Молчаніе наступило еще болѣе глубокое, между тѣмъ какъ г-жа Лакомбъ съ натянутой улыбкой встрѣчала гостью. Она должна была взять свою подругу, остановившуюся въ дверяхъ, за руку и довести её до кресла. Мужчины стояли; Поль Дюбуръ нѣсколько поблѣднѣлъ. Наконецъ, Октавъ заговорилъ.

— Ты пришла за мной, обратился онъ къ Маргаритѣ; и, взглянувъ на стѣнные часы, прибавилъ: — дѣйствительно, ужъ половина четвертаго.

— О! возразила Матильда—вы подарите мнѣ еще нѣсколько минут!

Поль ушелъ первый. Онъ поклонился Маргаритѣ съ едва замѣтнымъ трепетомъ, и мужу ея съ холодной вѣжливостью. Онъ дѣйствительно выравнялся, какъ выражалась Матильда; движенія его были свободнѣй и вся фигура отличалась изяществомъ; платье отлично сидѣло на немъ.

По уходѣ его, Камбридонъ воскликнулъ:

— Вотъ это талант! Я непременно закажу ему свой бюстъ, такъ-какъ теперь у меня будетъ много свободного времени; да и деньги есть лишнія...

И онъ распространился въ похвалахъ скульптору, несмотря на то, что г-жа Лавомбъ то и дѣло прерывала его; между тѣмъ какъ ея глаза съ лихорадочнымъ любопытствомъ перебѣгали отъ Маргариты къ Октаву. Ей хотѣлось угадать, что предшествовало этой встрѣчѣ супруговъ у нея въ домѣ?..

Октавъ всталъ, и Маргарита послѣдовала его примѣру. Они простились...

Онъ только въ улицѣ Клиши, прервалъ молчаніе, которое хранилъ до тѣхъ поръ.

— Вы слѣдили за мной?

— Да, я чувствовала, что ты пойдешь къ ней.

— Женщины, дѣйствительно, угадываютъ всё чувствомъ. Я совсѣмъ упустилъ это изъ виду. Надѣюсь что ваше благородное сердце проститъ мнѣ это новое преступленіе.

Минуту спустя, онъ продолжалъ глухимъ голосомъ и еще болѣе иронически.

— Это чувство, можетъ быть, предупредило васъ также, что вы встрѣтите здѣсь г. Поля Дюбура?

— О! воскликнула она съ выраженіемъ честнаго негодованія въ голосѣ...

Но въ эту минуту онъ негодовалъ столь-же искренно какъ и она. Онъ бросилъ на неѣ пыливый взглядъ, и прибавилъ:—Вы погубили меня! Бракъ погубилъ меня!

Она остановилась, пораженная этими странными словами.

— Идите... мы на улицѣ; поспѣшилъ онъ сказать ей.

Возвратясь домой, онъ хотѣлъ пройти прямо въ свой кабинетъ, но она остановила его за руку.

— Боже мой! вскричала она. И — ты жалуешься, ты обвиняешь! Но стало-быть, ты не видишь какъ я страдаю, оставленная, покинутая тобой! Возможно-ли, чтобъ твои глаза, твое сердце обманывались до такой степени, и чтобъ ты думалъ, что я погубила тебя? Или это какое-то помѣшательство!

Онъ оттолкнулъ ее, но тихонько, и совсѣмъ измѣнившійся, съ выраженіемъ горести на лицѣ, произнесъ:

— Я также мучусь, страдаю... Я чувствую себя подавленнымъ, истерзаннымъ... оставь меня на минуту; нужно покончить съ этимъ!

— Съ чѣмъ? Куда ты идешь? спросила она, объятая внезапнымъ страхомъ.

Онъ опять оттолкнулъ ее, и, войдя къ себѣ въ кабинетъ, заперся на ключъ. Маргарита простояла съ минуту передъ этой дверью, окаменѣвшая, безъ голоса. — Потомъ прошептала: ядъ! ядъ!

Кровь застыла въ жилахъ ея. Прислонясь къ стѣнѣ, чтобы не упасть, и приложивъ ухо къ дверямъ, она слушала и ей показалось, что въ кабинетѣ скрипѣло перо по бумагѣ. Онъ писалъ. Воображеніе рисовало ей страшную картину: окончивъ письмо и выразивъ свою послѣднюю волю, онъ возьметъ роковой пузырекъ... И когда выломаютъ дверь и войдутъ къ нему — его найдутъ разпростертымъ на полу, мертвымъ... Она снова стала прислушиваться... Онъ вздохнулъ. Собравъ всѣ свои силы, она тихо позвала его: — Октавъ!

Два раза произнесла она его имя, но онъ не откликнулся на зовъ ея; и она вскричала въ отчаяніи: — Помогите!

Но прислуги не было. Она ушла тотчасъ-же по уходѣ господъ. Маргарита бросилась въ столовую, обѣжала остальные комнаты, перерывая все, ища чѣмъ-бы выломать дверь. Когда она возвратилась, дверь была отперта. На порогѣ стоялъ Октавъ, серьезный. — Она кинулась къ нему.

— Гдѣ этотъ ядъ? Гдѣ онъ? Подай его, я требую!

Она нервно сжимала его въ своихъ объятіяхъ. Растроганный, онъ, въ свой чередъ, отвѣчалъ ей ласками.

— Мы любимъ другъ друга! говорилъ онъ, прижимая ее къ сердцу. — Я оскорбилъ тебя. Прости мнѣ; и съ своей стороны старайся никогда не подозрѣвать меня... Подозрѣнія — это страшное оскорбленіе любви!

На каждое слово его она отвѣчала со вздохомъ — да, да...

— Мои рѣзкія выходки, вспышки гнѣва, продолжалъ онъ, — все, чѣмъ я грѣшилъ передъ тобой — все въ эту минуту у ногъ твоихъ...

— Зачѣмъ, отвѣчала она, — не соединишь ты къ этому и своего истиннаго преступленія — этихъ мыслей о смерти, безпрестанно тебя посѣщающихъ, и которыя убиваютъ меня! Скажи мнѣ, что ты тамъ дѣлалъ?

— Я писалъ къ твоему отцу.

— О чемъ?

— Ты узнаешь это.

Она пошла къ письменному столу его; шарила подъ бумаги, въ ящичкахъ; потомъ возвратилась и стала обыскивать его карманы. Октавъ улыбался.

— Гдѣ онъ? спросила она.

— Что ты ищешь?

— Этотъ ядъ... этотъ флаконъ. Ты такъ давно обѣщалъ мнѣ отдать его. Ты, кажется, не сознаешь всего зла, которое ты причиняешь мнѣ. Это слишкомъ жестоко, — мучить меня такимъ образомъ.

— Пойми-же, сказалъ Октавъ, продолжая улыбаться, — что есть столько другихъ средствъ умереть!

— Опять и опять жестокость! Другія средства нужно искать... а это тутъ подъ рукой, и представляетъ безпрестанное искушеніе! Поклянись мнѣ, что этотъ ядъ не спрятанъ гдѣ-нибудь здѣсь и что ты не думалъ о немъ.

Онъ усадилъ ее въ кресло, передъ столомъ; вынулъ таинственно что-то лежавшее между двумя книгами въ сторонѣ, съ нѣкоторой торжественностью сталъ передъ ней на колѣни и, крѣпко прижавъ свои губы къ ея губамъ, сунулъ ей въ руку флакончикъ.

Она отвѣчала ему восклицаніемъ, исполненнымъ безконечной радости и любви.

— Это минута священная! сказала она... Слышишь-ли! Новая жизнь начинается для насъ... рай — если ты захочешь. Она жала его въ своихъ объятіяхъ. — Я обожаю тебя!

— Да! вымолвилъ онъ дражащимъ голосомъ, съ глазами, полными слезъ. — Да! теперь ты будешь вѣрить въ меня. Я отдалъ тебѣ болѣе чѣмъ жизнь свою — отдалъ возможность избавиться отъ нея, въ тотъ часъ, когда она слишкомъ будетъ тяготить меня!

— И этотъ часъ уже наступалъ?..

— Оставишь это...

— Что ты писалъ отцу моему?

— Ты узнаешь это потомъ.

— Нѣтъ! умоляю тебя, скажи теперь-же... скорѣй.

Онъ заставилъ еще нѣсколько минутъ упрасивать себя, и, наконецъ, отвѣчалъ:

— Такъ знай-же: газета все поглотила!

— Боже мой!

— Я извѣщалъ объ этомъ батюшкѣ.

— Значить все пропало!

— Все, потому-что я не могу теперь взять ни одного сантима изъ этого состоянія, которое не принадлежитъ мнѣ, и значительной частью котораго я уже и такъ воспользовался; хотя я знаю, что этотъ великодушный человекъ отдалъ-бы мнѣ его. Все пропало, если только я не найду гдѣ нибудь на сторонѣ ста тысячъ франковъ, необходимыхъ мнѣ для того, чтобы снова пуститься въ плаваніе: корабль годенъ, но какая это долгая, страшная борьба съ океаномъ человѣческой зависти, подлости, глупости и неблагодарности!

Взглядъ, искоса брошенный имъ на флаконъ, заставилъ Маргариту быстро спрятать его въ карманъ.

— Дай мнѣ перо, сказала она.

— Но, другъ мой...

— Дай!

Она схватила перо и написала: „Дорогой попаша. Пріѣзжайте. Намъ нужно поговорить съ вами.—Маргарита“.

Октавъ съ рыданіемъ прочелъ эти двѣ строчки. Онъ прижалъ голову жены къ своему сердцу, и, минуту спустя, сказалъ:

— Хочешь, мы разобьемъ этотъ пузырекъ?

— О! я сама разобью его, отвѣчала она, все еще опасаясь, чтобъ онъ не отнял его у нея...

Поцѣловавъ его еще разъ, она убѣжала въ свою комнату, и, вынувъ изъ кармана флаконъ, посмотрѣла на него. Да! это тотъ самый, изящный граненый флакончикъ, съ золотой оправой, который она видѣла въ рукахъ Октава въ Круасси и о которомъ еще ранѣе въ Тарасконѣ, говорилъ ей, весь дрожа, бѣдный капитанъ Лакомбъ. Въ немъ заключалась жидкость чистая, прозрачная какъ вода; но одной капли ея было достаточно для

того, чтобы причинить человѣку мгновенную смерть... Слава Богу! Наконецъ-то ей удалось добыть его!

Она бросила его на полъ. Онъ не разбился. Стекло было слишкомъ толсто. Она хотѣла вытащить пробку для того, чтобы вылить жидкость въ каминъ. Но флаконъ былъ слишкомъ крѣпко закупоренъ. Она еще разъ попыталась разбить его, но по-прежнему безуспѣшно. Въ эту минуту постучались въ дверь. Она быстро сунула его въ коробку съ кружевами, стоявшую въ шкапу. — Вошла горничная, доложить барынѣ, что ей пора одѣваться. Маргарита должна была ѣхать на какой-то обѣдъ.

— Я разобью его завтра, сказала она себѣ и, одѣвшись, спрятала ключъ отъ шкапа въ карманъ...

Когда она садилась съ мужемъ въ карету, онъ спросилъ:—Пу что же случилось съ флакономъ?

— Флакона нѣтъ больше, отвѣчала она съ улыбкой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОМУТЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Раннее июльское утро, свѣжее и блестящее, полное бодрящей остроты горнаго воздуха и смолистаго аромата сосноваго лѣса.— облило волной яркаго свѣта маленькое цѣлѣбное мѣстечко, пріютившееся въ зеленой котловинѣ, подъ склонами лѣсистыхъ богемскихъ горъ, изъ вѣдръ которыхъ выбиваются, тихо журча, знаменитые маріенбадскіе источники.

Окаймленный зеленой рамкой лѣса, озареннаго въ своихъ вершинахъ роскошно причудливыми цвѣтами лучей медленно поднимавшагося солнца,—чистенькій, привѣтливый Маріенбадъ какъ-то веселѣй сверкалъ на солнцѣ своими красивыми, уютными домами, роскошнымъ зданіемъ курзала съ его большимъ бѣлымъ куполомъ надъ „Крейцбрунненомъ“, своими виллами, бѣлѣющими яркими пятнами сквозь лучистую листву деревьевъ, изящными отелями и болѣе скромными, многочисленными „гофами“.

Сезонъ въ полномъ разгарѣ. Гостинницы набиты биткомъ; съѣздъ въ этомъ году огромный. На извѣстномъ „Променадѣ“—широкой, длинной аллеѣ, концы которой замыкаются настоящими храмами въ честь источниковъ Креста и Фердинанда—въ определенные часы дня вышитъ толпа людей всевозможныхъ національностей, начиная съ неизбѣжныхъ англичанъ и русскихъ и кончая какимъ-то бронзовымъ индѣйскимъ раджей, возбуждающимъ

вниманіе не столько своимъ пестрымъ костюмомъ, сколько непопѣр-ной тучностью, выдающейся даже и въ этомъ сборищѣ огромныхъ животовъ и невозможныхъ подбородковъ.

На церковной башнѣ только-что пробило половина шестого. Отельные слуги оканчиваютъ чистку платья и самой разнообразной обуви и осторожно стучать въ двери номеровъ, напоминая, что пора вставать. Магазины, лавки и лавченки понемногу открываются; въ гостиницахъ раскрываются окна и поднимаются жалюзи. Международный модный пріютъ желудочныхъ катарровъ, ожиреній и другихъ недуговъ, — этотъ сѣздъ добродушныхъ полныхъ лицъ, черезчуръ выпуклыхъ форит, худобы и истощенныхъ, желтыхъ фізіономій, мало-по-малу просыпался и спѣшилъ къ источнику. Начиналась обычная правильно размѣренная жизнь нѣмецкихъ курортовъ съ обязательнымъ моціономъ, прогулками на разныя „höhe“, носящими непремѣнно имена царственныхъ особъ, среди красивой декораціи горъ и лѣсовъ, изысканнѣйшаго комфорта дорогихъ гостиницъ, монотоннаго бездѣлія съ единственной заботой о правильномъ отправленіи желудка, среди любезнаго вниманія, даже почтенія, со стороны аборигеновъ страны, особенно если въ Курлиствѣ прописано громкое званіе и вы, какъ русскій, стыдитесь или не имѣете надобности торговаться.

И что за обязательный народъ, въ такомъ случаѣ, эти маріенбадцы и какъ они чувствительны къ иностранцамъ! Всѣ, рѣшительно всѣ: и „водяной“ вашъ докторъ, и хозяинъ отеля, и лавочникъ изъ Вѣны, такъ нѣжно совѣтывающій вамъ купить разныя бездѣлки, и эта молодая вдова австрійскаго лейтенанта, получившая за службу мужа право на табачную лавочку, прехорошенькая, кокетливо одѣтая брюнетка, равномерно одѣляющая покупателей-иностранцевъ, не переводящихся у нея въ лавкѣ, многообѣщающими взглядами и плохими сигарами, и, наконецъ, кельнеръ, прислуживающій вамъ за обѣдомъ въ ресторавѣ, красивый, румяный, молодой чехъ — Барль во время сезона и Вратиславъ въ остальное время — съ неизмѣнно почтительно ослабленнымъ глуповатымъ лицомъ хорошо дрессированнаго лакея, съ декольтированной шеей и крупной красной розой въ петлицѣ фрака, — всѣ относятся здѣсь къ иностранцамъ — и русскимъ въ особенности — съ такимъ ласковымъ

вниманіемъ, съ такой подкупающей любезностью, стараясь предупредить малѣйшее ваше желаніе истратить гульдены, что можно было-бы счесть всѣхъ этихъ маріенбадцевъ самыми милыми, добродушными и безкорыстными людьми на свѣтѣ, если-бъ сквозь ласковость улыбокъ и напускное добродушіе не просвѣчивало всесвѣтлаго раболѣвія передъ Золотымъ Тельцомъ.

ГЛАВА II.

Изъ курзала уже доносились торжественные звуки хора, которыми ровно въ шесть часовъ утра, съ послѣднимъ ударомъ колокола, неизмѣнно начинается утренняя музыка и питіе водъ у Крейцбруннена, — когда по широкой, роскошной лѣстницѣ Клинггеръ-отеля — лучшаго отеля въ Маріенбадѣ, если вѣрить Бедкеру — изъ второго этажа спускался не спѣшной, легкой походкой высокой, плотный, красивый блондинъ, свѣжій и румяный, съ едва замѣтнымъ брюшкомъ, безукоризненно одѣтый въ синюю лѣтнюю пару, съ синими-же легкими фетромъ на головѣ, въ шведскихъ перчаткахъ, съ палкой въ рукѣ и большимъ стаканомъ, перекинутомъ черезъ плечо, на черномъ лакированномъ ремешкѣ.

Внизу, въ большой швейцарской, пестрѣвшей объявленіями въ красивыхъ рамкахъ, онъ былъ встрѣченъ низкимъ поклономъ и обычнымъ почтительнымъ привѣтствіемъ швейцара, послѣдшаго распахнуть двери. — „Guten Tag, gnädiger Herr!“ — „Guten Tag!“ отвѣчалъ господинъ тѣмъ же тономъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, снялъ шляпу и изысканно любезнымъ поклономъ отвѣчалъ на привѣтствіе, обнаруживая на темени маленькую плѣшину, облѣвшую среди свѣтло-русыхъ волосъ.

Господинъ этотъ былъ нашъ соотечественникъ — Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ, извѣстный не только въ Петербургѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ, но и во всей Россіи просвѣщенный и гуманный общественный дѣятель, знаменитый учредитель „Общества русскаго угля“, которому предстоитъ великая будущность отапливать всю Россію, директоръ многихъ солидныхъ предпріятій, секретарь и душа благотворительнаго общества „Доброхотная копѣйка“, владѣлецъ извѣстной московской хлопчато-бумажной фабрики, гдѣ

впервые учреждена ссудо-сберегательная касса, заведена школа и для рабочих устроены приличные помѣщенія, видный гласный в—аго земства, бывший городской голова въ одномъ изъ бойкихъ торговыхъ городовъ, извѣстный ораторъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговли, авторъ изслѣдованія причинъ упадка русской промышленности, однимъ словомъ—тотъ самый Олюнинъ, репутація котораго какъ энергичнаго, предприимчиваго, умнаго и образованнаго практическаго дѣятеля, какъ гуманнаго и прекраснѣйшей души человѣка, готоваго всегда оказать помощь ближнему и отзываться на всякое доброе дѣло,—прочна установилась въ обществѣ и почти никогда и никѣмъ не оспаривалась...

Въ то время, какъ дѣятельность разныхъ желѣзнодорожныхъ тузовъ и другихъ нашихъ видныхъ дѣльцевъ нерѣдко подвергалась критикѣ и нареканіямъ, имя Владиміра Николаевича Олюнина являлось на страницахъ газетъ не иначе, какъ окруженное ореоломъ уваженія, предшествуемое эпитетомъ „нашъ просвѣщенный дѣятель“ для того, чтобы сообщить о новомъ добромъ дѣлѣ, устроенномъ по инициативѣ Олюнина: о выдачѣ пенсіона семьѣ погибшаго въ шахтахъ рабочаго, объ устройствѣ пенсіонной кассы для служащихъ или чего-нибудь подобнаго. И когда, однажды, послѣ печальнаго случая на шахтахъ „Общества русскаго угля“, стоившаго жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей, въ одной изъ газетъ появилась статья, легкомысленно обвинявшая въ этой катастрофѣ директора распорядителя, самого Олюнина, причѣмъ положеніе рабочихъ на шахтахъ было представлено въ мрачномъ свѣтѣ, то большинство прессы съ негодованіемъ отнеслось къ этому обличенію, возмущаясь „нашей привычкой ругать все безъ разбора“ и смѣшивать такого человѣка, какъ Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ съ разными эксплуататорами и безсердечными кулаками. Въ доказательство приводились неопровержимые факты: ссудо-сберегательная касса, больница, читальня для рабочихъ и т. п., а вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ появилось и болѣе подробное опроверженіе, подписанное двумя свѣтилами науки, профессорами химіи и физики, въ которомъ на основаніи самыхъ точныхъ, научныхъ данныхъ было вычислено количество кислорода, нагнетаемаго въ шахты, и досконально доказано, что несчастный случай произошелъ по винѣ самихъ пострадавшихъ.

Это авторитетное свидѣтельство вмѣстѣ съ официальнымъ слѣдствіемъ, котораго требовалъ, какъ было извѣстно, самъ Владиміръ

Николаевичъ, торжественно возстановили имя Олюнина въ главахъ скептиковъ, а трогательное, безхитрое письмо нѣсколькихъ рабочихъ, напечатанное вскорѣ въ газетахъ, подлинникъ котораго всякій могъ увидать въ редакціи „Русскаго Органа“, письмо, въ которомъ исчислялись благодѣянія Владимира Николаевича, — окончательно убѣдило публику, что весь этотъ шумъ, поднятый изъ за несчастнаго случая, не бросаетъ никакой тѣни на честную и плодотворную дѣятельность Олюнина. Семьямъ всѣхъ погибшихъ, какъ сообщалось въ газетахъ, было выдано, по инициативѣ того же Владимира Николаевича, помощь „широкой рукой“ и въ ближайшемъ же засѣданіи Общества торговли и промышленности Олюнинъ читалъ свой горячей доклад о крайней необходимости закона, гарантирующаго на фабрикахъ и заводахъ нашего „обездоленнаго, несчастнаго, въ потѣ лица работающаго простолудина“ отъ злоупотребленій и притѣвленій хозяевъ.

Кто былъ на этомъ засѣданіи и видѣлъ это слегка взволнованное, негодующее лицо, этотъ взглядъ, блестящій подъ вліяніемъ охватившаго чувства, кто слышалъ этотъ искренній, возмущенный голосъ, исходившій, казалось, изъ самой глубины потрясенной души, тотъ ни на минуту не могъ усомниться, что передъ нимъ дѣйствительно превосходнѣйшій человекъ, любящій и сердечный, стоящій на высотѣ своей заслуженной репутаціи.

Кто не видалъ въ Петербургѣ этой представительной, плотной, высокой фигуры Олюнина, съ умной, сдержанной и выразительной физиономіей, оваймленной русой, густой, пушистой бородой, съ сѣрыми глазами, глядѣвшими такъ ровно, съ ласковой серьезностью, изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, съ мягкими манерами, полными скромнаго достоинства человека, знающаго себѣ цѣну и привыкшаго къ власти, съ привѣтливой улыбкой, сіяющей на этомъ румянѣ, здоровомъ, славянскомъ лицѣ?

Вы могли его видѣть часто въ русской оперѣ, наслаждающагося музыкой Глинки и Даргомыжскаго и въ антрактахъ пріятельски бесѣдующаго съ какии-нибудь извѣстными литераторомъ, профессоромъ или музыкантомъ, — на литературномъ чтеніи, когда онъ весь въ черномъ скромно пробивается въ первые ряды подѣруку съ изящной, тонкой блондинкой, его женой, нѣсколько блѣдной и смущенной въ толпѣ, и заботливо усаживаетъ молодую женщину въ кресло; на одномъ изъ засѣданій дѣловыхъ обществъ и

тамъ слышать его ровный, звучный, пріятный баритонъ, когда онъ, окруженный вниманіемъ слушателей, дѣлаетъ какое-нибудь сообщеніе, наконецъ, въ пріимной у министра финансовъ во фракѣ, съ гордо приподнятой головой и толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

Но если вы никогда не видали Владиміра Николаевича, то, разумеется, знаете его по имени, по его горячей рѣчи, недавно произнесенной въ земскомъ собраніи и возбудившей толки въ печати, по сообщеніямъ, часто появляющимся въ газетахъ, объ его общественной дѣятельности: о томъ, какъ онъ, въ качествѣ депутата отъ одного изъ обществъ, являлся къ министру путей сообщенія съ ходатайствомъ объ улучшеніи судоходства по Выпи, къ министру финансовъ объ устройствѣ банка, къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о школахъ. Имя его часто появлялось и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи: тамъ, на подмосковной фабрикѣ открыта, по инициативѣ Владиміра Николаевича, дешевая столовая, отличающаяся доброкачествомъ продуктовъ; въ другой корреспонденціи, изъ Выпскаго края, извѣщали, что, благодаря заботамъ В. Н. Олюнина при шахтахъ устроена больница, — наконецъ, изъ Казани писали, что Владимір Николаевичъ внесъ въ тамбовскій университетъ капиталъ въ 1,000 руб. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о пчеловодствѣ. Такимъ образомъ, имя его очень часто мелькало, окруженное ореоломъ добраго генія, скромно трудящагося на общественную пользу.

Наконецъ, если въ текстѣ газетъ долго не встрѣчалось популярнаго имени Владиміра Николаевича, то оно неизмѣнно появлялось на страницахъ объявленій жирнымъ шрифтомъ: „В. Н. Олюнинъ и К^о. Высочайше утвержденное Общество Русскаго Угля. Агентства въ такихъ-то городахъ“. Однимъ словомъ, имя Олюнина, волей-неволей, врѣзывалось въ вашу память съ такою-же назойливостью, съ какою — извѣстный адресъ г. Веретенникова: „Rue Cadet, № 4“, и я вполне убѣжденъ, что нѣтъ въ Россіи ни одного человѣка, читающаго газеты, который-бы не звалъ Владиміра Николаевича Олюнина, если не въ качествѣ просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, то во всякомъ случаѣ, какъ „В. Н. Олюнинъ и К^о“, учредителя „Общества Русскаго Угля“, или просто „В. Олюнинъ“, по званію предсѣдателя желѣзнодорожнаго правленія, отчеты котораго, за подписью Владиміра Николаевича, ежемѣсячно печатались въ газетахъ.

ГЛАВА III.

Вдыхая полной грудью раздражающій аромат роскошнаго лучезарнаго утра, бросая по временамъ взгляды на красивую панораму далекихъ горъ Дилленберга, покрытыхъ золотисто-голубой, прозрачной дымкой и на черное пятно Подгорна, — Владимиръ Николаевичъ шелъ по парку, окружающему курзалъ, въ самомъ пріятномъ, счастливомъ настроеніи человѣка, который могъ на время забыть дѣла и заботы и пожить для себя, исключительно для себя, среди живописной природы, среди незнакомыхъ лицъ и того уютнаго комфорта заграничной жизни, благодаря которому жизнь тамъ кажется такой пріятной и такъ нравится соотечественникамъ своей розовой стороной. Мысли его были теперь далеки и отъ „Русскаго угла“, и отъ Выпской желѣзной дороги — тѣмъ болѣе, что все тамъ шло хорошо — и отъ семьи. Да, ему было хорошо. Добродушная улыбка скользила по его полнымъ, сочнымъ губамъ и глаза какъ-то весело щурились на солныцѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, отлично онъ сдѣлалъ, что вздумалъ уѣхать изъ Россіи, отдохнуть и освѣжиться послѣ своихъ трудовъ и кстати попить крейцбруннена. Признаться, онъ и не рассчитывалъ ѣхать въ этомъ году за-границу, предполагая провести лѣто съ семьей въ своемъ превосходномъ владимірскомъ имѣніи, на берегу Оки, и оттуда проѣхать по Россіи, заглянуть въ свои многочисленные агентства, посмотрѣть на мѣстѣ главныя шахты „Русскаго угла“; но, однажды, проснувшись утромъ, онъ почувствовалъ тяжесть въ желудкѣ и нащупалъ на животѣ какую-то опухоль. Онъ испугался и въ тотъ-же день поѣхалъ къ одному изъ извѣстныхъ докторовъ, большому своему пріятелю, и сталъ жаловаться на свое здоровье. Но докторъ перебилъ его веселымъ смѣхомъ.

— Вы-то? Полноте морочить людей, дорогой Владимиръ Николаевичъ!

— Я, въ самомъ дѣлѣ, боленъ!

— А, ну-ка, посмотримъ!

И съ этими словами докторъ попросилъ Олюнина раздѣться.

— Экое могучее тѣло-то какое! воскликнулъ онъ, любуясь его широкой грудью. Онъ внимательно его выслушалъ, ощупалъ и про-

говорилъ:—Ну, конечно, все благополучно, мой дорогой... Только брюшко себѣ нагуляли, маленькое ожиреніе, вотъ и все. Надо спустить жирокъ. Чувствуете тяжесть?

— Да, докторъ.

— Особенно послѣ обѣда?

— Да, послѣ обѣда.

— И отрыжки бываютъ?

— Бываютъ.

— Такъ, такъ... Попейте-ка лѣтомъ минеральной водицы, да не балуйте своего желудка, вотъ и все ваше леченіе... А если располагаете временемъ, то прокатитесь, пожалуй, за-границу. На мѣстѣ, тамъ у нѣмцевъ, лучше пить воды... Обстановка дѣйствуетъ... Кстати вамъ и отдохнуть не мѣшаетъ, а то работаете-то вы, Владиміръ Николаевичъ, безъ усталости...

— Куда-же мнѣ ѣхать?

— Да въ Мариенбадъ...

— И брюшко спадетъ? смѣясь спросилъ успокоенный Олюнинъ.

— Спадеть, спадеть, не безпокойтесь! Только потомъ снова его не нагуливайте! весело говорилъ докторъ, самъ нагулявшій себѣ значительное брюшко;—мы съ вами, Владиміръ Николаевичъ, расположены къ этому и вдобавокъ любимъ грѣшнымъ дѣломъ побаловать свою утробу, а? Такъ, значить, въ Мариенбадъ?

— Въ Мариенбадъ!

— Тамъ обратитесь къ доктору Фишу — я вамъ дамъ карточку. Кажется, этотъ вертлявый, услужливый жидокъ изъ лучшихъ мѣстныхъ водяныхъ врачей, онъ вамъ и подробный режимъ назначить. Мѣсяць этакъ или недѣль шесть попейте крейцбрунненна, посидите на пищѣ святого Антонія, запивая ее водицей — вина, батюшка, ни-ни!—а потомъ можно попутаться, въ Трувиллѣ, что-ли, и разрѣшить себѣ вино и елей, только не очень наживайтесь, не очень, а понемногу... Въ Трувиллѣ будетъ повеселѣй, чѣмъ въ Мариенбадѣ — французы!.. Засимъ, конечно, остановка въ Парижѣ и къ осени домой, обновленный, съ запасомъ свѣжихъ силъ и хорошаго расположенія духа. Нравится вамъ мой планъ леченія?

Еще-бы не нравился. Очень нравился. Перспектива ѣхать въ деревню не особенно была заманчива, а тутъ превосходный предлогъ — прокатиться.

— Эти поѣздки за-границу — преполезная вещь со всѣхъ точекъ зрѣнія, продолжалъ докторъ; — главное — освѣжается человекъ: и хандра спадеть, и всякія непріятности забудешь, какъ перева-лишь за-границу, и воздухъ другой, и люди... Я вотъ каждый годъ удираю изъ Петербурга. Иначе — не выдержалъ-бы этой ка-торги, хоть, слава Богу, не смѣю пожаловаться на здоровье... Наступаетъ весна — ужь меня и таетъ. Черезъ недѣльку и я въ путь...

— Вы куда, докторъ... Тоже на воды?..

— Нѣтъ, нѣтъ! торопливо возразилъ онъ. — Я ѣзжу за-границу не лечиться, а только освѣжаться! смѣялся докторъ. — Сперва въ Вѣну проѣду, а оттуда куда Богъ на душу положить. Ну, разумѣется, Парижа не миновать...

— А спускать жирокъ?

— Пусть себѣ нагуливается... Я вѣдь, батюшка, человекъ одинокій... о потомствѣ не забочусь... Ну, годожь, двумя раньше умиру, что ли... Эка важность! Пусть себѣ животикъ растетъ на здоровье... Ха-ха-ха! — Ну, а ваши куда? Въ Павловскъ?

— Нѣтъ, Вѣра хочетъ въ деревню.

— Вотъ это прекрасно. Вѣрѣ Александровнѣ съ мальчишками самое любезное дѣло въ деревню. Что какъ ея здоровье? Не жа-луется теперь на головныя боли?

— Не жалуется.

— Я заѣду къ ней передъ отъѣздомъ, посмотрю. Ей тоже надо полечиться.

— Развѣ у Вѣры что-нибудь серьезное?

— Ничего серьезнаго нѣтъ, а не слѣдуетъ запускать никакой болѣзни. Мы, батюшка, врачи, за другими смотримъ не такъ, какъ за собой!

— Что-жь у нея?

— Нервное разстройство, малокровіе... Эту зиму Вѣра Алек-сандровна особенно похудѣла... Организмъ у вашей жены деликат-ный, не то что нашъ съ вами! Крови у нея мало, а червы, нер-вы!.. Оттого, видите-ли, Вѣра Александровна черезчуръ впечат-лительна и малѣйшая бездѣлица ея можетъ встревожить. Натура у нея слишкомъ нѣжная и ей надо беречься! говорилъ докторъ теперь уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ раньше — серьезнымъ и даже строгимъ — бросая, по временамъ, на Олюнина, изъ-подъ очковъ, быст-

рые взгляды своих маленьких, острых, заплывших жиромъ, глазокъ. — Это она отлично придумала ѣхать въ деревню, вмѣсто Павловска, гдѣ у васъ бываетъ всегда такъ много народу. Отлично! Вѣра Александровна, кажется, не очень-то любитъ шумную жизнь?..

— Да, она домохозяйка...

— Ну слѣдовательно подальше отъ Петербурга — лучшее для нея лекарство. Спокойствіе духа, тишина, зеленая травка, немного мышьяку внутрь и, Богъ дастъ, она вернется молодцомъ; — вотъ развѣ безъ васъ немного поскучаетъ? прибавилъ докторъ, переходя снова въ шуточный тонъ.

— Что дѣлать! проговорилъ Олюнинъ, пожимая плечами; — впрочемъ, она останется не одна; у насъ въ деревнѣ будетъ гостить ея мать...

— Такъ, такъ... Мы еще серьезно поговоримъ съ вашей женой. Наднахъ, я буду у васъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ...

Возвратившись домой, Олюнинъ рассказалъ женѣ, что докторъ посылаетъ его непременно на воды; въ своемъ разсказѣ онъ нѣсколько преувеличилъ значеніе своей болѣзни; такъ, какъ-то, нечаянно это вышло. Ему очень жаль, что онъ не поѣдетъ съ ними въ деревню, но дѣлать нечего — надо подумать о здоровьѣ.

Въ большихъ, синихъ, робкихъ глазахъ молодой женщины пробѣжала тревога, которую она видимо старалась скрыть. Она выслушала со вниманіемъ мужа и, когда онъ кончилъ, робко замѣтила:

— Ты ничего раньше не говорилъ. Давно ты боленъ?

— Недавно. Впрочемъ серьезнаго ничего нѣтъ...

— Докторъ сказалъ?

— Да... Но лучше вначалѣ остановить болѣзнь, не запуская ее... Мариенбадъ и купанье, по словамъ доктора, совсѣмъ меня поправятъ!

Она ничего не отвѣтила и словно робѣла въ присутствіи мужа.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— И тебѣ, Вѣра, надо обратить вниманіе на свою болѣзнь...

По ея нѣжнымъ, блѣднымъ щекамъ, съ пробивавшимися голубыми жилками, внезапно разлился нѣжный румянецъ и она какъ-то испуганно сказала:

— Болѣзнь? Какая болѣзнь? Я, кажется, совсѣмъ здорова.

— Доктор находить, что не совсѣмъ. Онъ на-дняхъ зайдетъ къ тебѣ.

— Онъ, по обыкновенію, преувеличиваетъ, этотъ докторъ...

— Во всякомъ случаѣ, надо посоветоваться съ докторомъ и беречь себя, мой другъ! примолвилъ Олюнинъ и нагнулся, чтобъ поцѣловать жену въ лобъ.

Онъ, очевидно, не замѣтилъ изумленія, промелькнувшаго въ ея глазахъ при этой неожиданной ласкѣ, и продолжалъ:

— Надо укрѣпить нервы, ты ихъ совсѣмъ распустила, Вѣра! Надо подтянуть себя. Въ послѣднее время ты нигуда не показываешься, точно боишься людей... Могутъ подумать, что я нарочно скрываю тебя или что я тиранъ-мужъ! замѣтилъ съ улыбкой Олюнинъ. Въ самомъ дѣлѣ, у тебя видъ жертвы... Согласись, мой другъ, что это, наконецъ, смѣшно... Вотъ и докторъ говорить...

Она слушала этотъ тихій, мягкій, внушительный голосъ и едва удерживалась, чтобъ не разрыдаться. Нервная дрожь пробѣгала по ея лицу.

— Ужь не жаловалась-ли ты на меня доктору? усмѣхнулся Олюнинъ.

Она подняла на мужа изумленный, протестующій, полный упрека взглядъ.

— Я—жаловаться? Я никогда никому не жалуясь и... и не имѣю причины жаловаться! порывисто воскликнула она и на глазахъ заблестѣли слезы.

— Ну, вотъ, опять... Я пошутилъ, а ты въ слезы, точно ребенокъ... Я знаю, ты жаловаться не станешь, да и не за что. Я, кажется, не даю повода... Нѣтъ, ты положительно больна, Вѣра! продолжалъ онъ, съ какимъ-то снисходительнымъ сожалѣніемъ оглядывая эту женщину, стройную, изящную, съ тонкими красивыми чертами нервнаго блѣднаго лица и этимъ недоумѣвающимъ, дѣтски-испуганнымъ взглядомъ, который не разъ заставлялъ Владимира Николаевича смущаться.

— Да полно же, полно, Вѣрочка. Что съ тобой?

Въ его голосѣ зазвучали нѣжныя ноты; онъ присѣлъ около и тихо гладилъ ея мягкіе, свѣтлые волосы своей рукой.

Но эта ласка, казалось, еще болѣе ее взволновала. Она вся вздрогнула; слезы хлынули изъ глазъ.

Олюнинъ нахмурился и плотнѣй заперъ двери въ сосѣднюю комнату.

— Вѣра... Дѣти могутъ услышать. Что они подумаютъ?

Но она не унималась. Рыданія неудержимо вырывались изъ ея груди.

— Вѣра! проговорилъ строго Олюнинъ.—Вѣдь это, наконецъ, шумно!

И—странное дѣло!—этотъ строгій, не допускающій возраженій, голосъ тотчасъ подѣйствовалъ на нее. Она испуганно взглянула на мужа тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрятъ забитыя дѣти и, сдерживая рыданія, проговорила:

— Я перестану... Я перестану. Ты не сердись.

Этотъ взглядъ, этотъ тонъ нѣсколько смутили Олюнина.

— О, ты совсѣмъ больна, Вѣра... Но что за причина? Что съ тобой? Скажи мнѣ?

Онъ сталъ успокоивать ее тихимъ, ласкающимъ шепотомъ. Чего ей недостаетъ? Онъ ее любитъ, онъ, кажется, не стѣсняетъ ее ни въ чемъ, а она точно ему не довѣряетъ и боится его. Не скрываетъ ли она чего?

И звуки его голоса дѣйствовали на больную женщину чарующимъ образомъ. Она успокоилась, отерла слезы и тихо проговорила:

— Ты извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ больна; мнѣ надо лечиться!

Олюнинъ вышелъ, пожимая плечами, нѣсколько разстроенный, недоумѣвающимъ. Жена становилась для него загадкой и онъ не въ первый разъ вздохнулъ, что связанъ съ этой странной, больной, недалекой женщиной, которая такъ неудобно его любитъ, питаетъ къ нему непонятный страхъ и въ то-же время, какъ-будто не вполне вѣритъ ему... ему, репутація котораго стоить выше всякихъ подозрѣній.

А она, оставшись одна, долго еще сидѣла неподвижно въ креслѣ и взглядъ ея съ такой печальной улыбкой останавливался на большомъ портретѣ мужа, гдѣ онъ стоялъ такой красивый, самодовольный и сіяющій,—точно она этимъ взглядомъ хоронила свои надежды, оплакивала свою любовь.

ГЛАВА IV.

Отправивъ семью въ деревню и распорядившись насчетъ дѣлъ, а ихъ было у него не мало — Владиміръ Николаевичъ, въ серединѣ іюня 187* года, уѣзжалъ за-границу. Докторъ, пославшій его освѣжиться, положительно былъ правъ! Какъ только сослуживцы и нѣсколько знакомыхъ проводили Олюнина, пожелавъ ему поправиться, и онъ уѣхалъ въ отведенномъ ему отдѣльномъ купѣ, имъ овладѣло пріятное чувство человѣка, имѣющаго передъ собой нѣсколько мѣсяцевъ отдыха и полной свободы послѣ всѣхъ этихъ трудовъ и непріятностей дѣловой семейной жизни. И чѣмъ дальше уносилъ его поѣздъ, тѣмъ Владиміру Николаевичу чувствовалось привольнѣе...

Остановка въ Вѣнѣ, которую Олюнинъ никогда не пропускалъ мимо во время своихъ заграничныхъ экскурсій, встрѣча съ старой знакомой, остроумной, веселой, хорошенькой актрисой изъ одного маленькаго вѣнскаго театра, веселые ужины, поѣздки за городъ, сумасшедшіе вечера... Все это повторилось и въ этотъ разъ. И главное, что хорошо! Эта свобода дѣлать что вздумается безъ боязни огласки, безъ нескромныхъ вопросовъ знакомыхъ и пытливаго, испуганнаго взгляда этой нервной, ревнивой жены...

Однако, надо ѣхать лечиться, и Владиміръ Николаевичъ послѣ бурной недѣли въ Вѣнѣ, пріѣхалъ въ Маріенбадъ. Въ тотъ-же день онъ посѣтилъ доктора Фиша въ его красивой виллѣ, гдѣ въ пріемной комнатѣ уже дожидались нѣсколько націентовъ. Лакей взялъ карточку и попросилъ подождать, объяснивъ, что докторъ обѣдаетъ, и Олюнинъ хотѣлъ-было идти погулять, общаясь зайти потомъ, какъ вдругъ за нимъ выбѣжалъ лакей, испуганный, взволнованный и просилъ возвратиться...

Олюнинъ вернулся и въ прихожей увидалъ маленькаго, вертляваго доктора Фиша съ бѣгающими глазками, только-что выскочившаго изъ за стола съ салфеткой, засунутой за галстухъ.

Онъ такъ торопливо подбѣжалъ къ Олюнину, явившемуся подъ конвоемъ уже успокоившагося лакея, словно боялся какъ-бы паціентъ снова не ушелъ и тогда... лови его! Его перехватить докторъ Крюднеръ или докторъ Зонтагъ и пятнадцать, двадцать, тридцать гульденовъ очутятся въ карманѣ у конкурента.

Онъ принялся разснпаться въ извиненіяхъ, поспѣшно вытирая салфеткой усы, на которыхъ бѣлѣла вершитель. О, онъ сейчасъ же осмотритъ herr'a Olüpine, monsieur Olüpine, господина Олюнинъ, если ему некогда подождать... Онъ во всякое время дня и ночи къ услугамъ пациентовъ; онъ такъ уважаетъ и любитъ русскіихъ, онъ написалъ брошюру о маріенбадскихъ водахъ по-русски... Онъ учился нарочно русскому языку...

И въ доказательство, докторъ Фишъ сталъ-было говорить по-русски, но такимъ отчаяннымъ языкомъ, который былъ несравненно ужаснѣе языка брошюры, прочитанной еще Олюнинымъ въ Петербургѣ...

Напрасно Олюнинъ просилъ доктора Фиша продолжать свой обѣдъ; онъ подождетъ, у него время есть. Докторъ Фишъ чуть не насильно втолкнулъ Олюнина въ кабинетъ, точно завоеваннаго плѣнника, и, заперевъ двери на ключъ, объявилъ, что онъ къ его услугамъ.

Уморительный былъ этотъ маленькій, худощавый съ бѣгающими глазками докторъ, съ салфеткой за галстукомъ, присѣвшій за свой письменный столъ послѣ того, какъ Олюнинъ усѣлся въ кресло. Карточка отъ петербургскаго извѣстнаго доктора произвела надлежащее впечатлѣніе и докторъ Фишъ, прочитавъ ее, вдругъ принялъ свой „докторскій“ видъ, принялся ощупывать животъ Олюнина и покачивать головой.

— О, крѣйцбрунненъ васъ совсѣмъ поправитъ! У васъ, слава Богу, болѣзнь въ началѣ... На первый разъ стаканъ утромъ крѣйцбруннена, въ полдень стаканъ вальдквеле... пріятная вода... Эга порція возобновитъ правильность пищеваренія... А тамъ увидитъ, какъ пойдетъ... Можетъ быть придется прибавить еще стаканъ... Потомъ ванны изъ грязи и, наконецъ, укрѣпляющія изъ соленой воды, и вы будете совсѣмъ здоровы.

Онъ объяснилъ подробный режимъ — меньше хлѣба, никакого вина, сырыхъ фруктовъ и овощей и затѣмъ освѣдожился, гдѣ остановился Олюнинъ. Названіе Клингеръ-отеля заставило доктора Фиша сдѣлать самую умильную гримасу, попросить позволенія заѣхать къ Владиміру Николаевичу и навѣщать время отъ времени, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ его болѣзни.

Пять гульденовъ, данныхъ за консультацію, окончательно очаровали доктора Фиша, проводившаго Владиміра Николаевича до

самыхъ дверей и затѣмъ ужъ возвратившагося доканчивать свой обѣдъ. — „А вы болванъ! чуть-было не упустили пациента!“ проговорилъ по дорогѣ докторъ Фишъ своему лакею, однако, такъ тихо, что въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ дожидались пациенты, никто ничего не слыхалъ... — „Я сію минуту, въ вашия услуги, господа!“ сказалъ онъ, заглянувъ въ пріемную и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ, пережевывая на ходу послѣдній кусокъ жаркого, появился въ пріемной и прошелъ въ кабинетъ, куда по очереди входили пациенты и скоро уходили оттуда утѣшенные послѣ того, какъ вѣчно спѣшившій докторъ, на-скоро ощупывая животы, говорилъ своимъ быстрымъ авторитетнымъ голосомъ съ пациентами, отклоняющими посѣщенія на-дому: — „Не дѣйствуетъ?.. Прибавьте еще стаканъ утромъ... Пейте одинъ вечеромъ и будьте спокойны“...

— „Ну какъ мы поживаемъ?“ спрашиваетъ онъ, принимая тучнаго багроваго господина лѣтъ пятидесяти. — „Плохо, докторъ!“ — „Гмъ... Вы сколько стакановъ пьете?“ — „Три утромъ и два вечеромъ!“ — „И не дѣйствуетъ?“ Господинъ мрачно качаетъ головой. — „Прибавьте еще два стакана фѣрдинандбруннена и будьте спокойны“... На лицѣ у господина появляется надежда и онъ уходитъ. — „Вижу, вижу... вы очень поправились!“ встрѣчаетъ докторъ Фишъ худого молодого господина, смѣняющаго тучнаго, „воды оказываютъ на васъ дѣйствіе“... — „О, докторъ, дѣйствіе ихъ черезчуръ сильно и я чувствую себя, напротивъ, хуже“... — „Хуже?.. Удивительно. Вы, можетъ быть, не соблюдаете діеты?“ Пациентъ началъ клясться, что онъ вѣчно голоденъ. — „Гмъ... Вы сколько пьете стакановъ?“ — „Два стакана утромъ и одинъ вечеромъ!“ — „Такъ уменьшимъ порцію: одинъ стаканъ утромъ, укряпляющія ванны и будьте спокойны“...

Когда черезъ день, другой докторъ Фишъ узналъ отъ одного изъ своихъ пациентовъ русскихъ объ общественномъ положеніи и богатствѣ Олюнина, на карточкѣ котораго не стояло никакихъ титуловъ и званій, а въ Курлистѣ значилось только: „hegg for Olünine aus Petersburg“ — то онъ поспѣшилъ сдѣлать визитъ и предложить в-его себя въ услуги Олюнина... Онъ мѣстный житель и знаетъ здѣсь рѣшительно всѣхъ и все... Однимъ словомъ... Быть можетъ, hegg Olünine соскучится и захочетъ познакомиться... съ дамами, съ которыми можно совершить поѣздку въ Теплицъ...

Онъ знаетъ очень милыхъ особъ... Генераль фонъ-Отрепьевъ... этотъ веселый генераль когда былъ здѣсь... „Вы, вѣроятно, знакомы съ нимъ?“..

Олюнинъ разсмѣялся и благодарилъ доктора, но предложеніе рѣшительно отклонилъ, показавъ себя съ самой недоступной стороны въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, когда дня два спустя, на „Променадѣ“ онъ увидалъ, что докторъ Фишъ разговариваетъ съ одной очень красивой и роскошной брюнеткой съ большими блестящими глазами и ослѣпительно свѣжимъ лицомъ, — которая съ перваго-же дня обратила на себя его вниманіе своей замѣчательной красотой, — то онъ, между прочимъ, освѣдомился у доктора, съ кѣмъ это онъ любезничаетъ.

— Неправда-ли, красавица? Это ваша соотечественница. Madame Bergiaeff! изъ Петербурга.

— А! проговорилъ Олюнинъ. Соотечественница!.. и пошелъ къ другому предмету разговора.

Докторъ зналъ всё новости и, между прочимъ, рассказалъ, что сегодня пріѣдетъ генераль Конотопцевъ, извѣстный вашъ генераль Конотопцевъ и адмиралъ Леопардовъ... Ужъ для нихъ заняты номера въ Клингеръ-отелѣ. Знаетъ-ли ихъ Олюнинъ? У какого врача въ Петербургѣ они лечатся?

— Русскихъ особенно много въ этомъ году! продолжалъ болтать докторъ Фишъ... Мнѣ очень жаль, что я не успѣлъ угодить его сіятельству князю Литовскому... Сперва я имѣлъ счастье пользоваться князя, но потомъ онъ обратился къ другому врачу... Мнѣ очень жаль... Вы не знаете-ли, herr Olöpine, что за причина? Вы съ нимъ знакомы... Онъ вамъ не говорилъ?..

— Нѣтъ... не говорилъ!..

Докторъ Фишъ уже подбѣжалъ къ другому пациенту, а Олюнинъ, допивъ свой стаканъ воды, шурилъ глаза на эту красивую брюнетку въ сѣромъ, не длинномъ платьѣ, обливавшемъ стройную, роскошную фигуру, — въ маленькой темной соломенной шляпкѣ, которая прикрывала блестящіе черные волосы, спереди гладко зачесанные назадъ, а сзади — собранные въ тяжелую густую косу.

Она въ эту минуту проходила мимо Олюнина, свѣжая, улыбающаяся, лучезарная, какъ роскошный цвѣтокъ на утреннемъ солнцѣ, болтая по-русски съ какимъ-то пожилымъ, некрасивымъ господиномъ, очень скромно одѣтымъ, котораго Олюнинъ встрѣ-

чалъ всегда гдѣ-нибудь въ уединенныхъ мѣстахъ и почему-то принималъ его за какого-нибудь провинціального учителя.

„Бердяева?“ повторялъ нѣсколько разъ Олюнинъ, провожая любопытнымъ взоромъ эту хорошенькую соотечественницу и припоминая, гдѣ слышалъ онъ эту фамилію.— „Бердяева?!“

И онъ, наконецъ, вспомнилъ, что у него былъ товарищъ по университету — Бердяевъ, очень некрасивый, неглупый, самолюбивый, раздражительный и жолчный человекъ. Онъ подавалъ надежды, но потомъ пропалъ куда то въ провинцію и послѣ Олюнинъ что-то смутно слышалъ отъ одного изъ старыхъ товарищей, что этотъ Бердяевъ какъ-то странно женился на дочери генерала, которой нужно было во что-бы то ни стало выдти за-мужъ. Говорили о какой-то подлой сдѣлкѣ и прибавляли, что отъ Бердяева можно было ожидать всякой мерзости.

Вся эта исторія теперь смутно припоминалась Владиміру Николаевичу. Но очевидно она не могла имѣть никакой связи съ этой красавицей — мало-ли на свѣтѣ Бердяевыхъ — и ему стало даже смѣшно, что онъ теперь вспомнилъ объ этомъ старомъ разсказѣ. И можетъ-ли такая женщина выйти замужъ за этого безобразнаго Бердяева??

Во всякомъ случаѣ, ему очень хотѣлось съ ней познакомиться, но это оказалось не такъ-то легко. Она держала себя скромно и, повидимому, не выказывала никакого желанія заводить водяныя знакомства; по крайней мѣрѣ, на прогулкахъ и въ Курзалѣ — куда она приходила около восьми часовъ, но водъ не пила — она была всегда одна: изрѣдка съ этимъ неказистымъ господиномъ и чаще съ одной пожилой генеральшей изъ Полтавы, жила въ скромномъ отелѣ и обѣдала всегда въ одномъ и томъ-же ресторанѣ, у Лейнера, куда сталъ ходить въ тѣ-же часы и Владиміръ Николаевичъ. Всезнающій докторъ Фишъ могъ только объяснить, что Бердяева пріѣхала на воды не столько для леченія, сколько подышать этимъ чуднымъ гористымъ воздухомъ, а въ Курлиствѣ значилось, что фонъ Бердяева — вдова скромнаго гофрата изъ Петербурга...

Она его заинтересовала эта скромная и такая красивая жена надворнаго совѣтника! И онъ ежедневно ходилъ на Вальдмиле, куда ходила и она послѣ водъ пить кофе, обѣдалъ за однимъ столомъ, встрѣчался на прогулкахъ, но прошла недѣля и зна-

кошество не завязывалось, несмотря на скромныя попытки Владимира Николаевича завязать разговоръ съ генеральшей изъ Полтавы въ присутствіи интересной брюнетки. Это его раздражало, сердило, заинтриговывало и Маріенбадъ, показавшійся ему въ первые дни такимъ скучнымъ и монотоннымъ, теперь, благодаря вотъ этой красивой женщины, получилъ для него особую прелесть. Онъ еще тщательнѣй слѣдилъ за своимъ костюмомъ, чаще поглядывалъ въ зеркало на свое красивое румяное лицо, пушистую, холеную бороду и нерѣдко взбирался на Амаліенсхѳе, гдѣ на скамейкѣ, подъ липами, съ книгой въ рукахъ, поджидалъ: не покажется-ли внизу по дорогѣ эта роскошная фигура молодой красавицы...

И онъ, наконецъ, дождался.

ГЛАВА V.

Это было дней черезъ десять послѣ его пріѣзда, въ одно послѣ обѣда, когда онъ, по обыкновенію, пошелъ на-верхъ и тамъ, усѣвшись на скамью, караулилъ эту милую знакомую незнакомку... Убаюкиваемый сладкими мечтами и тихимъ шелестомъ окружающаго лѣса, онъ незамѣтно задремалъ. Паденіе на песокъ книги разбудило его.

Онъ поднялъ голову и... она тутъ сидѣла на другомъ концѣ скамейки, склонившись надъ книгой; усмѣшка — показалось ему — играла на ея губахъ. Положеніе было самое глупое, водевильное. Чортъ дернулъ его заснуть. Быть можетъ, онъ еще храпѣлъ во снѣ.

Онъ подыалъ книгу и принялся читать, искоса поглядывая на сосѣдку. Она сидѣла, по-прежнему, не отрываясь отъ книги, но вскорѣ поднялась съ мѣста, нерѣшительно поглядѣла вокругъ, и вдругъ обратилась къ нему:

— Простите, пожалуйста, что я васъ потревожу... Какая дорога ведетъ въ Гиртенруе?..'

Онъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Въ Гиртенруе?.. Вотъ сюда, направо!.. проговорилъ онъ.

Она поблагодарила его кивкомъ головы и тихо спустилась по уединенной аллеѣ. А онъ досадовалъ на себя, что такъ глупо все вышло, что онъ не предложилъ провести ее туда, упустивъ такой

случай познакомиться. На другой день, однако, за обѣдомъ, какъ-то случилось, что они сидѣли за столомъ рядомъ, и Олюнинъ заговорилъ съ ней. Она поддержала разговоръ и они проболтали весь обѣдъ. Послѣ обѣда Олюнинъ просилъ позволенія ей представиться и назвалъ свою фамилію.

— Ольга Михайловна Бердяева!.. отвѣтила она въ свою очередь. — Очень рада познакомиться.

И протянула свою маленькую, пухлую руку, съ брилліантомъ на мизинцѣ. Олюнинъ обратилъ вниманіе, что у нея на рукѣ не было обручальнаго кольца.

Они пошли вѣстѣ по парку, продолжая весело болтать. Между прочимъ, Ольга Михайловна жаловалась на скуку.

— Еще раньше были тутъ знакомые, а на дняхъ уѣхали...

— Но отъ васъ зависить...

— Знаю, знаю, прервала она, предупреждая банальную фразу. — Но я не люблю этихъ случайныхъ знакомствъ на водахъ... Васъ я исключаю, прибавила она, играя зонтикомъ. — Я васъ раньше знала по имени... Мы о васъ говорили...

— Кто?.. любопытствовалъ онъ.

— Мужъ мой! Кажется, вашъ товарищъ по университету!

— Какъ?.. Тотъ Бердяевъ? Онъ вашъ мужъ? вырвалось у него восклицаніе.

Но она, казалось, этого не замѣтила, и спокойно проговорила:

— Да. Я пять лѣтъ какъ замужемъ. — Эти случайныя знакомства, продолжала она, — несмотря на ихъ забавную сторону, обыкновенно скоро надоѣдаютъ... Да и знакомству съ вами я, кажется, обязана, благодаря вашему сладкому сну, тамъ на скамейкѣ, прибавила она съ улыбкой; — вы завладѣли моимъ мѣстомъ!

— Какъ такъ?

— Я очень люблю то уединенное мѣсто, подъ липами, тамъ такъ хорошо! Я ходила туда каждый день читать послѣ обѣда, когда еще всѣ сидятъ обыкновенно по домамъ. Но въ послѣдніе дни вы всегда бывали тамъ, и я возвращалась! прибавила она и засмѣялась тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ, открывая два ряда прекрасныхъ, маленькихъ зубовъ. При этомъ болѣе всего смѣялись ея выразительные, черные глаза, въ которыхъ быстро мѣнялись отъѣны выраженій.

— Я и не догадывался о своемъ преступленіи! промолвилъ весело Олюнинъ.

— А я, признаюсь, досадовала, что вы не отдыхаете послѣ обѣда! Впрочемъ, вчера вы такъ хорошо заснули, я не удержалась отъ искушенія посидѣть на своемъ мѣстечкѣ... Не упади ваша книга, вы вѣрно долго-бы еще проспали... Кстати, надѣ чѣмъ это вы заснули?

— Надѣ Гейне! съ комическимъ извиненіемъ проговорилъ Олюнинъ... И спасибо этому сну! Ему я обязанъ случаемъ познакомиться съ вами... Я давно искалъ этого случая.

— Да? промолвила она, поднимая на него удивленный взглядъ;— такъ вѣдь на водахъ это такъ просто! Наконецъ, у насъ есть общій знакомый — этотъ забавный докторъ Фишъ... Онъ такъ заботится о развлеченіи своихъ пациентовъ, что съ удовольствіемъ представилъ-бы васъ... Дѣйствительно, любоваться природой постоянно одному, пожалуй, и скучновато...

Они продолжали болтать о Мариенбадѣ, о докторѣ Фишѣ, о заграничной жизни. Когда, наконецъ, послѣ не долгой прогулки, они дошли до отеля, гдѣ жила Бердяева, Олюнинъ почтительно попросилъ позволенія быть у нея съ визитомъ.

— Какіе визиты на водахъ?.. А, впрочемъ, если хотите... Я до двѣнадцати дома!

Съ этими словами она протянула руку и скрылась въ дверяхъ отеля.

Съ этого дня Олюнинъ настойчиво искалъ случая встрѣчаться съ Ольгой Михайловной. На водахъ, гдѣ почти весь день проводятъ внѣ дома, это было такъ легко... Эта красивая барыня положительно заинтересовала его. Она оказалась неглупой, веселой женщиной, много читавшей, понимающей людей и съ ней скучать было нельзя, но и ухаживать за ней тоже было не такъ-то легко, какъ сперва подумалъ-было Олюнинъ, узнавъ, къ своему удивленію, что она жена Бердяева. Съ пей надо было держать себя на сторожѣ и всякая пошлая любезность или что-нибудь подобное встрѣчало съ ея стороны убійственную насмѣшку... Въ то-же время въ ней было много кокетства, но тонкаго, насмѣшливаго, холоднаго, всегда готоваго дать отпоръ, такъ-что Владиміръ Николаевичъ на каждомъ шагѣ боялся не попасть какъ-нибудь въ просакъ

и не навлечь ея неудовольствія. А онъ-ли не имѣлъ успѣха у женщинъ?..

Она никогда не говорила ни о себѣ, ни о мужѣ. И когда, однажды, Олюнинъ спросилъ, чѣмъ занимается ея мужъ, она отвѣчала: „Чѣмъ всё—служить!“ и затѣмъ ни слова. Олюнинъ только и узналъ, что она живетъ въ Петербургѣ и что до осени пробудетъ за границей. Куда поѣдетъ послѣ Мариенбада—еще не рѣшила. И всегда спокойная, веселая, точно у нея жизнь идетъ такъ хорошо и ровно, что ничто ея не заботитъ, всегда глухая къ недосказаннымъ словамъ и намекамъ, которые нашъ герой расточалъ теперь съ тѣмъ-же обиліемъ, съ какимъ зимой говорилъ рѣчи въ собраніяхъ, никогда, казалось, не замѣчавшая ни краски волненія, разливавшагося по лицу Владиміра Николаевича, когда онъ, во время прогулокъ, взбирался съ ней на гору, чуть-чуть прижимая ея пышную руку къ своей груди,—ни его красно-рѣчивыхъ взглядовъ, полныхъ блеска, ни этихъ неожиданныхъ вздоховъ, вырывающихся, какъ-бы невольно, изъ его груди.

Спокойно, какъ ни въ чемъ небывало, она въ это время спрашивала Олюнина о его дѣятельности, о „русскомъ углѣ“—она всѣмъ интересовалась—хвалила его послѣднюю рѣчь въ земскомъ собраніи, которую прочла въ газетахъ, удивлялась какъ онъ успѣваетъ дѣлать столько дѣлъ и какъ онъ ему не надѣдають...

„Что она нарочно-ли не замѣчаетъ или въ самомъ дѣлѣ?“ сердился Олюнинъ.—Какой теперь уголь, какія рѣчи, какія дѣла, когда она тутъ возлѣ него, эта свѣжая, блестящая красавица!.. И онъ разсѣянно отвѣчалъ на ея вопросы, и принималъ обиженный вадъ. „Неужели, Ольга Михайловна, въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что у него только однѣ дѣла на умѣ... Онъ человѣкъ и, быть можетъ, не такой счастливый, какъ можно думать, несмотря на свое богатство, несмотря на свои успѣхи въ жизни... Что такое богатство?.. Развѣ оно цѣль?“ И онъ пускался философствовать чуть-ли не въ защиту преимущества бѣдности, „бѣдность не бѣда, если только другія стороны—вышія стороны человѣка—удовлетворены“, старался придать разговору интимный характеръ, говорилъ о поэзіи, цитировалъ Гейне и рука его вздрагивала сильнѣй...

О, съ этимъ мнѣніемъ о добродѣтели бѣдности Ольга Михай-

ловна не соглашалась, подсмѣивалась надъ идилическимъ настроеніемъ Владиміра Николаевича, вдругъ уставала, просила остановиться и тихо освобождала руку.

— Да и вы кажется устали? прибавляла она совершенно серьезно. — Докторъ Фишъ за это не похвалитъ. Моціонъ слѣдуетъ дѣлать тихо, не спѣша, а мы такъ скоро шли... Присядемте-ка Владиміръ Николаевичъ...

— Да вы развѣ лечитесь?

— Немножко... Надо-же пить воды, разъ пріѣдешь сюда!

Они отдыхали и спускались внизъ уже не рука объ руку. Ольга Михайловна отказывалась отъ предложенной руки — она теперь отдохнула! — и говорила:

— Вотъ что значить природа... Вы, Владиміръ Николаевичъ, должно-быть, очень впечатлительны... На васъ она такъ дѣйствуетъ, что вы о добродѣтели бѣдности заговорили! Чего добраго, пріѣдете въ Петербургъ и раздадите состояніе сирымъ и убогимъ, какъ евангельскій юноша?

Въ ея тонѣ звучала злая насмѣшка. Она задѣла Олюнина за живое.

— Вы не такъ меня поняли, Ольга Михайловна... Теперь евангельскій юноша былъ-бы смѣшонъ... Можно больше добра сдѣлать, не раздавая по его примѣру состоянія а, напротивъ, увеличивая его... Вѣдь и вы-бы не поступили по примѣру этого юноши?

— И не могла-бы, если-бъ хотѣла... У меня — увы! ничего нѣтъ, засмѣялась она.

— А если-бъ было?

— Если-бъ было?... Я-бы пользовалась одна, для себя...

— И никому ничего отъ избытковъ?

— Ни копѣйки! со смѣхомъ отвѣчала Ольга Михайловна. — Васъ должно это непріятно удивить, Владиміръ Николаевичъ, но что дѣлать, удивляйтесь... Я не такая добрая, какъ вы! добавила она совершенно неожиданно, оборачиваясь къ нему.

„Что это насмѣшка или нѣтъ?“ подумалъ Олюнинъ, вспыхивая весь и взглядывая на Бердаеву. Но лицо ея было серьезно и глаза теперь совсѣмъ не смѣялись.

— Ну, положимъ, Ольга Михайловна, о моей добротѣ вы не знаете...

— Къ чему вы скромничаете? Какъ не знать? О вашихъ доб-

рыхъ дѣлахъ такъ часто пишутъ въ газетахъ... Кто-же этого не знаетъ? Или вы думали, что я не читаю газетъ?..

— Я дѣлаю, что могу! скромно прибавилъ Олюнинъ и сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о назначеніи и обязанностяхъ всякаго порядочнаго человѣка. Нельзя-же видѣть это невѣжество, эту бѣдность кругомъ, эти блѣдныя лица матерей и несчастныхъ исхудалыхъ дѣтей... Надо имѣть каменное сердце, воду вмѣсто крови...

Онъ говорилъ, по обыкновенію, краснорѣчиво, нѣсколько увлекаясь присутствіемъ этой красивой женщины. Если на нея не производятъ впечатлѣнія вздохи, то, быть можетъ, не тронетъ-ли эта скромная похвала своимъ качествамъ общественнаго дѣятеля?

И онъ продолжалъ на эту тему, взглядывая по временамъ на свою спутницу. Но она шла, опустивъ голову и, къ сожалѣнію, онъ не могъ видѣть произведеннаго имъ впечатлѣнія...

— И благо вамъ! замѣтила она, когда онъ кончилъ.— У васъ такая широкая дѣятельность, имя ваше благословляютъ; вы — счастливый человѣкъ въ этой жизни, гдѣ такъ мало счастливецъ! И вы еще смѣете жаловаться... Чего-жъ вамъ еще? Или и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ ничѣмъ не доволенъ?

Чего еще ему? И она такъ спокойно спрашиваетъ объ этомъ, эта недогадливая женщина, и такъ прямо смотритъ ему въ глаза своимъ удивленнымъ взглядомъ?

Чего ему еще?

У него готово было вырваться признаніе, что ему въ эту минуту недостаетъ именно ея, этой красивой женщины, ея горячихъ объятій и ласкъ, но Ольга Михайловна уже отвела свои глаза и прибавила:

— Слышите... ужъ и музыка началась, а мы съ вами сегодня такъ долго гуляемъ. Пойдите-ка скорѣй благодѣтельный геній!

Она тихо усмѣхнулась, прибавляя шагъ.

— Вы, кажется, въ добро не вѣрите?.. проговорилъ Олюнинъ, впадая въ меланхолическій тонъ.

— На сегодня довольно философскихъ разговоровъ Владиміръ Николаевичъ... Пожалуй, и это вредно при леченіи... Спросите-ка нашего любезнаго доктора Фиша...

Его словно облили холодной водой этими шутивыми словами; они молча шли остальную дорогу.

На другой день она отказалась отъ прогулки, на третій, ска-

зала, что болит голова. Утромъ онъ ее не встрѣтилъ, какъ всегда, въ Вальдмилле за кофе; за обѣдомъ ее не было. Послѣ обѣда онъ пошелъ къ ней, но ему сказали, что ея нѣтъ дома. Наконецъ, вечеромъ онъ ее увидалъ на „Променадѣ“. Она сидѣла съ тѣмъ скромнымъ господиномъ, съ которымъ ее видѣлъ прежде Олюнинъ. Онъ подошелъ къ ней. Она встрѣтила его, по обыкновенію, привѣтливо и любезно, какъ стараго пріятеля, сожалѣла, что онъ ее не засталъ дома—она ѣздила въ Тепль осматривать монастырь—и вдобавокъ заботливо освѣдомилась: „хорошо-ли идетъ его леченіе и помогаютъ-ли ему воды?“

„Это ледъ, а не женщина!“ говорилъ онъ и долго въ этотъ вечеръ ходилъ по своей комнатѣ, волнуемый мыслью, какими путями овладѣть этимъ сіяющимъ, роскошнымъ тѣломъ, какъ зажечь блескомъ страсти эти глубокіе, черные глаза, какъ заставить ее полбить себя... „Деньги все могутъ!“ думалъ онъ, готовый, пожалуй, при всемъ своемъ благоразуміи, бросить изрядную сумму денегъ. чтобы добиться ея любви... Но если деньги окажутся бессильны? И, наконецъ, что это за любовь, добытая только цѣною денегъ!.. Деньги могутъ только, такъ-сказать, украсить ее!..

Ему не хотѣлось спать и онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы отвѣчать на письма жены; онъ не отвѣтилъ уже на три письма. И онъ написалъ женѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что на водахъ онъ поправляется, что надо и ей поправить свои нервы—по этому поводу онъ прочелъ ей длинную и мягкую нотацию—просилъ ее беречь себя и наблюдать, чтобы дѣти дѣлали гимнастику и не забывали говорить съ миссъ Джонстонъ по-англійски..

Исполнивъ долгъ семейнаго человѣка, онъ бросился въ постель и долго еще не могъ заснуть. Ему припоминались теперь всѣ подробности разсказа о женитбѣ Бердяева, странные отзывы о ней, которые онъ слышалъ на дняхъ отъ одного русскаго, наконецъ, онъ до мелочей припоминалъ ея обращеніе съ нимъ и... и попробовалъ обсудить дѣло съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое не даромъ составило ему репутацію умнаго практическаго дѣятеля. Всѣ данныя, казалось, говорили ему, что эта женщина играетъ только комедію и представляется такимъ льдомъ, для того, чтобы заставить Олюнина дѣйствовать смѣлѣе, и что въ концѣ концовъ она не устоитъ противъ его желаній, и ему предстоитъ случай отлично „освѣжиться“ за границей, какъ совѣтовалъ дов-

торь... Всѣ эти продажныя французенки, вѣнки, всѣ эти ужинныя перепективой легкой побѣды надоѣли ему давно, ему хотѣлось чего-нибудь новенькаго, „пикантнаго“ и въ то-же время такого, что не могло-бы повредить его репутаціи, не могло-бы нарушить спокойствія семейнаго очага и сдѣлаться предметомъ огласки. А эта красивая барыня, купившая себѣ мужа, какъ-разъ такая женщина, любовь которой, казалось, не представляетъ никакихъ неудобствъ. Она умна и нѣтъ въ ней никакой сантиментальности... Напротивъ, даже чересчуръ кажется трезво смотреть на жизнь...

Съ такими сладкими надеждами заснулъ Олюнинъ, считая себя почти ужь побѣдителемъ и предвкушая заранѣе всю прелесть этихъ путешествій инкогнито, куда-нибудь въ мало посѣщаемыя мѣста. Прогулки вдвоемъ, катанія... „Освѣжайтесь, освѣжайтесь!“ шепталъ ему голосъ доктора.

ГЛАВА VI.

И сегодня, въ то утро, которымъ начался нашъ разсказъ, онъ шелъ такой веселый и довольный не потому только, что утро было роскошное, что въ двѣ недѣли онъ уменьшился въ вѣсѣ на одинъ фунтъ и что требованія на русской уголь — какъ сообщалъ ему главноуправляющій шахтами — были значительнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Все это, конечно, были пріятныя вещи, но главная причина его отличнаго расположенія духа была та, что надежды его начинаютъ сбываться и шансы на побѣду значительно поднимаются. Вчера — именно вчера — когда они сидѣли вдвоемъ на той самой скамейкѣ, подъ липами, гдѣ онъ такъ сладко тогда заснулъ, — ему показалось, что ледъ начинаетъ таять подъ тихимъ журчаніемъ его страстныхъ рѣчей, что ея взоръ свѣтится не бывалымъ доселѣ, такимъ ласковымъ, манящимъ выраженіемъ... Она теперь не смѣялась, когда онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ опять разсказывалъ ей притчу объ этомъ богатомъ несчастливцѣ съ разбитой личной жизнью — одинокомъ среди множества лицъ, его окружающихъ — объ этой потребности личнаго счастья, настоящаго полнаго счастья, не останавливающагося передъ нелѣпыми предрасудками, передъ дикими взглядами глупаго общества, которыя часто мѣшаютъ людямъ испить полную чашу страсти... Голосъ его незамѣтно все дѣлался тише и

тише, а она слушала такая тихая, ласковая, взглядывая по временамъ на него съ такимъ участіемъ...

И онъ спрашивалъ: неужели она, такая умная, такая чуткая женщина не понимаетъ этого?..

— Впрочемъ -- прибавилъ онъ — сытые не понимаютъ голодныхъ, счастливые — несчастныхъ.

— Значить вы въ самомъ дѣлѣ считаете меня счастливой? спросила она, въ свою очередь, интимнымъ тономъ, полнымъ задушевности.

— А развѣ нѣтъ?.. Вы всегда такая ровная, веселая, разсудительная, трезвая... Такие люди не могутъ быть несчастными...

— Наружность обманчива, дорогой Владиміръ Николаевич! проговорила она. — Кто-бы подумалъ, наприимѣръ, взглянувъ на васъ, что вы не удовлетворены жизнью — прибавила она съ едва замѣтной улыбкой — а вотъ, слушая васъ, видишь, что и вы совсѣмъ не тотъ счастливый человѣкъ, какимъ я васъ считала... У всякаго свое. Впрочемъ, не будемъ объ этомъ говорить... Мы оба, кажется, не похожи на несчастныхъ и если-бы кто-нибудь подслушалъ нашъ разговоръ...

Она замолчала и водила кончикомъ зонтика по песку...

— То какое-бы вывелъ заключеніе?

— Что на насъ плохо дѣйствуютъ воды! неожиданно прибавила она съ тихимъ смѣхомъ.

— И сдѣлалъ-бы ошибочный выводъ! съ раздраженіемъ сказалъ Олюнинъ, замѣчая, что снова почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ.

— Не спорю... Счастье вѣдь такая условная вещь!..

И она незамѣтно опять перевела разговоръ съ этой щекотливой темы, искусно останавливая Олюнина всякій разъ, когда онъ снова начиналъ говорить притчами... Ей, казалось, правилось лучше быть на землѣ, чѣмъ парить въ небесахъ... Мало-ли чего человѣкъ хочетъ, мало-ли о чемъ мечтаетъ?.. Разладъ мечты съ дѣйствительностью только еще болѣе раздражаетъ...

„Что это на мой счетъ, что-ли?“ подумалъ Олюнинъ. „Предостереженіе?“

Онъ попробывалъ попытать ее съ другой стороны.

— Вы, кажется, Ольга Михайловна... одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя предразсудки ставятъ выше всего.

— Да... у меня есть предразсудки... Да и какъ имъ не быть,

Владимиръ Николаевичъ. Вѣдь я тоже продуктъ глупаго общества, которое вы давеча такъ бранили! лукаво сказала она.

„Это бѣсъ, а не женщина!“ шепчетъ Олюнинъ, любуясь этимъ „бѣсомъ“ въ такомъ изящномъ воплощеніи. Его сердить и ласкаетъ въ одно и то-же время этотъ тихій смѣхъ, съ звучащей въ нихъ задирающей, кокетливой ноткой, который и манитъ и какъ-будто отталкиваетъ. Владимиръ Николаевичъ опѣшилъ и не знаетъ, что ему сказать теперь и какъ снова приняться за дѣло. Кажется, снова проиграна битва... Она опять вооружилась своей насмѣшливой неуязвимостью, раздражающей его натянутые нервы... Тяжело дыша, раскраснѣвшійся, онъ искоса поглядываетъ на Ольгу Михайловну и не знаетъ: „продувная-ли она шельма“, нарочно затягивающая петлю на его шею или и въ самомъ дѣлѣ „предразсудки“ охраняютъ ея добродѣтели! Но кто-жъ мѣшаетъ ей, въ противномъ случаѣ, при такой ослѣпительной красотѣ, не пользоваться всѣми благами жизни? А она, какъ видно, не пользуется... Скромный костюмъ, очень скромная комната въ небольшомъ отелѣ...

И онъ напускаетъ на себя мрачный видъ непонятаго человека, что вовсе не идетъ къ его полной, выхоленной фигурѣ. А она, эта мучительница, снова притихла, задумалась поднимаетъ ласковый, дружескій взглядъ и спрашиваетъ: куда думаетъ ѣхать Владимиръ Николаевичъ послѣ окончанія курса? Или вернется въ Россію? У него такъ много тамъ дѣлъ?..

— Я до осени пробуду за-границей. А вы, Ольга Михайловна?

Она? Она не знаетъ еще, какъ сложатся обстоятельства, но вѣрнѣе всего, что тоже пробудетъ до осени; она рассчитываетъ ѣхать на берегъ моря, во Францію, но только не въ дорогія мѣста, нѣтъ, а куда-нибудь въ глухую деревушку, гдѣ нѣтъ этой вѣчной толпы. Докторъ ей совѣтовалъ покупаться.

— Вообразите, и мнѣ докторъ велѣлъ купаться! весело проговорилъ Олюнинъ.

— Куда-жъ вы? Въ Діенпъ, въ Трувилль?

— О, нѣтъ... И мнѣ надоѣли эти мѣста... Я тоже хочу поискать уединеннаго мѣстечка... И если-бъ вы позволили мнѣ ѣхать за вами...

— Ахъ, Боже мой, что за смѣшная просьба!.. Да я очень

рада; по крайней мѣрѣ будетъ знакомый человѣкъ, съ которымъ иногда можно поговорить. Все веселѣй, чѣмъ одной...

— И только?.. Веселѣй...

— А что-жъ больше? Если вамъ этого мало, такъ лучше не ѣздите!

— Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду... Никогда не слѣдуетъ терять надежды. Быть можетъ вы тогда увидите, Ольга Николаевна, поймете, оцѣните...

— Ничего я не пойму и ничего не оцѣню, Владиміръ Николаевичъ! перебила она его торопливо.— Не заблуждайтесь... И что понимать?.. Что вы ухаживаете за мной?.. Ну, что жъ?.. Вѣдь мы оба не юноши и... оба несвободные люди! прибавила она серьезно.

— О, у васъ вездѣ предрасудки, всегда на готовѣ уличная мораль, воскликнулъ Олюнинъ для котораго теперь всякія предрасудки казались глупостью... Ну, хорошо: „несвободны“. А если-бы были свободны? понижая голосъ спросилъ онъ.

— Если-бы... если-бы... повторила Ольга Михайловна.

— Тогда что? Что тогда? Вы только скажите... Не все-ли вамъ равно сказать?..

— Тогда... тогда... Оставимъ этотъ вопросъ пока нерѣшеннымъ... Къ чему забавляться иллюзіями? проговорила она какъ-то загадочно, но такимъ ласковымъ шопотомъ, что Олюнинъ уже схватилъ ея руку и осматривалъ ее поцѣлуями.

Она тихо высвободила руку, промолвивъ: „Мы, кажется, еще несвободны, г. Олюнинъ!“—поднялась съ мѣста и объявила, что пора домой.

— Вы сердитесь, Ольга Михайловна?.. Простите...

— Вы скоро рѣшаете вопросы, Владиміръ Николаевичъ, а я люблю ихъ рѣшать подумавши... Вотъ и все.

Ни малѣйшаго слѣда какого-либо волненія или негодованія не было замѣтно въ ней, когда они возвращались домой. Она по-прежнему была спокойна, дружелюбно бесѣдовала съ Олюнинимъ не придавая, повидимому, никакого значенія только-что бывшему объясненію и, казалось, не замѣчая побѣдоносной улыбки, скользившей теперь по лицу Олюнина.

А онъ поглядывалъ на свою спутницу, мысленно представляя ее въ легкомъ купальномъ костюмѣ, тамъ, на берегу моря, въ

уединенномъ мѣстѣ, вдали отъ любопытныхъ взоровъ (это она очень умно придумала!), гдѣ они проведутъ мѣсяцъ вдвоемъ и гдѣ, разумѣется, всякіе предразсудки будутъ забыты этой лукавой кокеткой, игравшей съ нимъ заманчивую, какетливую игру... Къ чему это? Точно она и безъ того не можетъ свести съума даже такого серьезнаго человѣка, какъ онъ! думалъ Олюнинъ, любуясь ея молочной шеей, сверкавшей подъ черной косой ослѣпительнымъ блескомъ.

Едва уловимая, тонкая усмѣшка оживляла лицо Ольги Михайловны, когда она украдкой взглядывала на этого сорокалѣтняго „нашего просвѣщеннаго дѣятеля“, съ такимъ стараніемъ разыгрывающаго роль непонатаго страдальца и влюбленнаго юноши.

ГЛАВА VII.

Было только половина седьмого, а на „Прошенадѣ“ ужъ гуляла порядочная толпа, и передъ „храмомъ“ Крейцбруннена стоялъ хвостъ жаждавшихъ цѣлебной воды. Олюнинъ занялъ мѣсто въ хвостѣ, тихо подвигаясь впередъ и машинало оглядывая вереницу мужчинъ и женщинъ, возвращавшихся съ противоположной стороны, изъ подъ портика, окружающаго источникъ, съ наполненными стаканами, которые больные бережно держали въ рукахъ, отхлебывая маленькими глотками не особенно пріятный растворъ глауберовой соли, разбавленный вдобавокъ теплымъ крейцбрунненомъ. Затѣмъ, всѣ отправлялись гулять по аллеѣ взадъ и впередъ при звукахъ оркестра музыки; то и дѣло послѣ обычныхъ привѣтствій слышались одни и тѣ-же вопросы, задаваемые другъ другу встрѣчавшимися знакомыми мужчинами: „Ну какъ, дѣйствуетъ?“ — „Слава Богу; а на васъ?“ — „Плохо!“ ... и т. д.

И какіе только лица, фигуры и торсы не проходили мимо! Худощавыхъ было немного, но зато какое обиліе экземпляровъ человѣческой полноты и особенно животовъ, этихъ громадныхъ животовъ, обладатели которыхъ съ трудомъ передвигали свою тушу съ веселыми, дободушными, свиноподобными лицами. Изрѣдка попадалось какое-нибудь сумрачное или страдальческое лицо; въ огромномъ большинствѣ, напротивъ, тутъ былъ расадникъ цвѣ-

тущихъ лицъ, добродушныхъ улыбокъ, животныхъ взглядовъ, спокойныхъ осанистыхъ фізіономій и крупныхъ формъ. Разговоры гудѣли въ воздухъ, покрываемые иногда тѣмъ оглушительнымъ катарральнымъ кашлемъ, который производитъ непріятное, но не болѣзненное впечатлѣніе, напоминающее о близости смерти. Ничто не напоминало о смерти, какъ, напримѣръ, въ пріютахъ страдающихъ грудными болѣзнями. Все здѣсь, напротивъ, говорило о жизни, объ утробной жизни по преимуществу.

А какое разнообразіе костюмовъ? Начиная съ костюма этого пожилого, серьезнаго, тучнаго англичанина, который кажется соскочившимъ прямо съ постели въ своей шерстяной рубашкѣ, панталонахъ, не доходящихъ до икръ, шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ и кончая разными *habits de fantaisie* самыхъ причудливыхъ цвѣтовъ и фасоновъ съ неизбѣжными цвѣтами въ петлицахъ...

У колеса, навачивающаго изъ источника, стоитъ благообразный старикъ - нѣмецъ и методически, не спѣша, вертитъ его; тутъ-же рядомъ — маленькая дѣвочка, открывающая и закрывающая кранъ. „Guten Tag!“ привѣтливо говоритъ, слегка наклоня голову, старикъ, когда Владиміръ Николаевичъ подошелъ со своимъ стаканомъ. „Guten Tag!“ шепчетъ и дѣвочка. Олюнинъ отходитъ, морщась отпиваетъ полъ-стакана воды и смѣшивается съ толпой гуляющихъ, оглядывая публику и невольно оборачиваясь при звукахъ русской рѣчи, раздающейся вдругъ среди шумнаго говора на другихъ языкахъ.

Русскихъ въ этомъ году много. Базалось, одинъ только Петербургъ выбросилъ сюда изъ своихъ нѣдръ добрую половину всѣхъ получившихъ подъемные тучныхъ чиновниковъ, генераловъ и директоровъ департамента (другая половина въ Карлсбадѣ), а сколько, кромѣ того, наѣхавшихъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи. Въ Курлиствѣ также часто мелькаютъ перевранныя русскія фамиліи, какъ на „Променадѣ“ русскія лица. И, Боже ты мой, какіе они здѣсь скромные и любезные, наши административные Юнитеры! Словно на границѣ вмѣстѣ съ мундирами они оставили свой олимпійскій видъ и тутъ кажутся такими простыми, особенно стараясь быть любезными съ иностранцами, какъ-будто боясь, чтобы ихъ не сочли за недостаточно-цивилизованныхъ людей. Иной „бравный“ генералъ, преобразившись въ статскій костюмъ, лебезитъ

передъ кельнеромъ, трегеромъ, дивя ихъ своей изысканной учтивостью; о статскихъ генералахъ и говорить нечего.

Олюнинъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы позвать руку знакомымъ, спросить или отвѣтить на обычные вопросы о дѣйствіи воды, о томъ, нѣтъ-ли какихъ-либо новыхъ тревожныхъ извѣстій изъ Россіи, — и не успѣлъ еще дойти до конца аллеи, какъ увидалъ идущаго на встрѣчу своей развалистой, небрежной походкой, толстаго, рыхлаго, низенькаго господина лѣтъ подь пятьдесятъ, съ широкимъ, обрызглымъ, точно заспаннымъ, безбороднымъ лицомъ, въ скромномъ сѣромъ костюмѣ, въ широкополой шляпѣ. Это былъ одинъ изъ замѣтныхъ посѣтителей сезона, нашъ соотечественникъ, генералъ Конотопцевъ, недавно замѣтная бюрократическая звѣздочка, бывший теперь не у дѣлъ, поправлявшій въ Мариенбадѣ свое разстроенное отъ долговременныхъ трудовъ здоровье.

Олюнинъ поклонился, снявъ шляпу. Этотъ поклонъ — нѣчто среднее между замирающимъ поклономъ подчиненнаго и радушнымъ привѣтствіемъ знакомаго — былъ исполненъ нашимъ героемъ съ тѣмъ особеннымъ искусствомъ, въ которомъ онъ наторѣлъ во время своей долгой просвѣщенной дѣятельности; въ этомъ продолжительномъ наклоненіи головы не было раболѣпія, но въ то-же время чувствовалась почтительность; зато слегка приподнятая и быстро надѣтая шляпа свидѣтельствовала о знакомствѣ, такъ-что въ подобномъ искусномъ сочетаніи, поклонъ этотъ нисколько не могъ испортить репутаціи Владиміра Николаевича, какъ человѣка независимаго и неискательнаго.

— Поздно, поздно сегодня, Владиміръ Николаевичъ! проговорилъ, улыбаясь, Конотопцевъ, протягивая радушно руку послѣ дружескаго фамиллярнаго кивка. — Вы только-что явились? продолжалъ онъ, беря его подъ-руку и продолжая путь.

— Проспалъ сегодня, Викторъ Сергѣевичъ! отвѣчалъ Олюнинъ.

Олюнинъ прежде бывалъ у Констопцева въ его большомъ директорскомъ кабинетѣ, раза два-три, являясь къ нему съ докладными записками по разнымъ дѣламъ, но въ послѣдній разъ, именно годъ тому назадъ, онъ былъ у него въ качествѣ депутата отъ одного частнаго общества, съ адресомъ, поднесеннымъ Конотопцеву, за его покровительство и содѣйствіе русской торговли и промышленности, истинно „русскую“ политику и высокопросвѣщенные

взгляды. Хотя Конопцевъ и не имѣлъ непосредственнаго вліянія на промышленность, но въ качествѣ члена совѣта министра онъ, какъ тогда говорили, много содѣйствовалъ въ вопросѣ о покровительственномъ тарифѣ.

Конопцевъ очень благодарилъ за честь, облобызался съ Олюнинимъ, выслушавъ его краткое привѣтствіе, сказалъ по обычаю много комплиментовъ и общалъ всегда, насколько это отъ него зависитъ, стоять горой за нашу національную промышленность, причежь, безо всякой просьбы Олюнина, общалъ содѣйствовать распространенію русскаго угля, поговоривъ при случаѣ объ этомъ въ морскомъ министерствѣ.

Здѣсь, на водахъ, при первой-же встрѣчѣ, Конопцевъ еще радушиѣй обошелся съ Владиміромъ Николаевичемъ; онъ тотчасъ-же забросилъ свою карточку, когда Олюнинъ въ первый-же день его пріѣзда явился къ нему съ визитомъ, которому съумѣлъ придать нѣсколько демонстративный характеръ, и съ тѣхъ поръ Конопцевъ привѣтливо встрѣчалъ Олюнина, находилъ всегда сказать любезную фразу и привѣтливо бесѣдовалъ съ нимъ съ той дружеской, добродушной фамиллярностью, которая давно прибавила эпитетъ „доступнаго“ къ другимъ эпитетомъ популярнаго бюрократа.

Улыбаясь добродушной улыбкой, нисколько не будируя своимъ положеніемъ „отставнаго директора“, Викторъ Сергѣевичъ привѣтливо раскланивался на частые поклонны знакомыхъ, останавливалъ ихъ шутивными замѣчаніями и продолжалъ бесѣдовать съ Олюнинимъ, озирая проходящую публику своими маленькими глазами.

— Ну какъ ваши дѣла съ нашей общей знакомой, подвигаются, а?.. шутивно спрашивалъ Конопцевъ. — Есть шансы?..

Владиміръ Николаевичъ принялъ было самый степенный видъ, но его превосходительство подмигнувъ глазомъ и, слегка оттолкнувъ Олюнина рукой, продолжалъ:

— Она недурна... эта Бердѣева... Лакомый кусочекъ... Вчера вы, кажется, съ ней долгонько гуляли, а?..

— Я встрѣтилъ ее случайно, Викторъ Сергѣевичъ, право... И, наконецъ, увы, никакихъ шансовъ. Она вполне порядочная женщина...

— А мнѣ, кажется, ищеть авантюръ... Вы вѣрно слышали исторію ея свадьбы?.. А, впрочемъ, кто ее знаетъ! прибавилъ Ко-

потопцевъ. Во всякомъ случаѣ неглупая баба и съ ней не скучно... Третьяго дня я проболталъ съ ней цѣлыхъ полчаса...

— Вы давно ее знаете, Викторъ Сергѣевичъ?

— Еще дѣвушкой зналъ... Я былъ знакомъ съ ея отцомъ... бывалъ у нихъ въ домѣ. Тогда она была настоящей красавицей не то, что теперь... Этотъ скандалъ чуть не свелъ съ ума бѣднаго старика и повредилъ ему по службѣ... Съ тѣхъ поръ я потерялъ ее изъ виду и не сразу ее узналъ... Говорятъ, мужъ ея какой-то чиновникъ... порядочный скоть.— А эту вы не знаете? подтолкнулъ локтемъ Викторъ Сергѣевичъ, указывая легкимъ движеніемъ головы на проходившую маленькую блондинку, съ бойкими глазами и гордо посаженной головой.

— Къ сожалѣнію, не знаю, Викторъ Сергѣевичъ; кажется, новое лицо. Если хотите, можно узнать! игриво замѣтилъ Олюнинъ.

— Мы у Фиша спросимъ. Докторъ Фишъ вся и всѣхъ знаетъ!.. Забавный этотъ Фишъ, засмѣялся генераль,— и притомъ ужасно назойливая каналья! Вчера—можете себѣ представить?—явился ко мнѣ упрашивать, чтобы я оказалъ ему содѣйствіе въ полученіи Станислава. И какъ приставалъ! На кой чортъ этому жиду Станиславъ, я васъ спрашиваю? Но онъ такъ умолялъ и за Станислава обѣщалъ даровое помѣщеніе и леченіе для трехъ офицеровъ... Любятъ эти нѣмцы ордена! Ну, конечно, я ему обѣщалъ содѣйствіе... Напишу Огрызкову въ Вѣну... Пусть жидъ ходитъ со Станиславомъ... Онъ все-таки услужливый малый, этотъ Фишъ!.. И какой забавный сплетникъ! весело смѣялся генераль.

Добродушная, открытая улыбка, придававшая его превосходительству видъ добраго, простодушнаго малаго и внушавшая довѣріе, внезапно исчезла съ его лица. Оно сдѣлалось серьезнымъ, надменнымъ, какимъ бывало на официальныхъ пріемахъ или при „внушеніяхъ“ тѣмъ подчиненнымъ, которые ему не нравились; его маленькіе, хитрые глазки оживились, блеснувъ огонькомъ; толстыя губы скривились въ насмѣшливую улыбку и весь онъ какъ-то подобрался, выпрямился. вмѣсто „добраго малаго“ былъ „лукавый царедворецъ“...

Въ чемъ дѣло?

На встрѣчу, медленно выступая со стаканомъ въ рукѣ, шелъ высокій, худой, изящный старикъ, безузоризненно одѣтый въ тем-

но-боричневый сьютъ, въ мягкой небольшой шляпѣ на неподвижной сѣдловасой головѣ, приподнятой кверху. Это былъ князь Литовскій, тотъ самый князь, который дѣлалъ карьеру въ самыхъ разнообразныхъ должностяхъ и имѣтилъ современемъ въ государственные люди. Свернувъ, годъ тому назадъ, шею Конотопцеву и занявъ его мѣсто, онъ тоже пріѣхалъ въ Мариенбадъ отдохнуть отъ трудовъ и выдержать курсъ, по совѣту врача.

Хотя Викторъ Сергѣевичъ издалека еще замѣтилъ князя, — какъ не замѣтить врага, столкнувшего васъ съ мѣста, — но сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его и продолжалъ говорить съ Олюнинимъ. И когда уже князь былъ близко, онъ вдругъ повернулъ голову, лицо его снова озарилось пріятной улыбкой и оба административныя звѣздочки, одна — ярко горѣвшая, другая — померкшая, остановились другъ передъ другомъ, какъ два самыхъ близкихъ человека: оба привѣтливо улыбающіеся, дружески пожимая одинъ другому руки, обмѣниваясь привѣтствіями и освѣдомляясь о здорровьи.

— А, господинъ Олюнинъ, здравствуйте! замѣтилъ, наконецъ, князь Владиміра Николаевича и протянулъ ему лѣвую руку съ своей любезной улыбкой. — Изволите успѣшно пользоваться водами?

— Ничего, князь, воды помогаютъ! проговорилъ Олюнинъ, испытывая передъ этимъ великолѣпнымъ княземъ какую-то непонятную робость, которую нашъ просвѣщенный дѣятель напрасно старался побѣдить... Уже нѣсколько времени, какъ Конотопцевъ выпустилъ руку Олюнина, а Владиміръ Николаевичъ находился въ довольно неловкомъ положеніи, не зная, уйти ему или нѣтъ... Наконецъ, онъ незамѣтно отошелъ и смѣшался съ публикой, а князь и Конотопцевъ отправились вѣстѣ, причемъ первый дипломатически направился въ ту сторону, въ которую шелъ Конотопцевъ.

Старый князь былъ сегодня особенно любезенъ съ генераломъ несмотря на нѣкоторую сдержанность послѣдняго. Онъ старался придать разговору дружескій, интимный характеръ, исчезнувшій съ тѣхъ поръ, какъ князь занялъ мѣсто Конотопцева — до того они были очень дружны, считались въ одной „партіи“, т. е. интриговали за одно — и какъ-будто даже заискивалъ въ немъ, выказывая очевидное намѣреніе возобновить прежнія отношенія и нѣкоторые намеками оправдываясь отъ своего участія въ интригѣ, удалив-

шей Виктора Сергѣевича отъ дѣлъ. И какъ-бы въ доказательство серьезности своихъ намѣреній князь, между прочимъ, сообщалъ конфиденціальнымъ тономъ, понизивъ голосъ и значительно оттопыривъ нижнюю губу, что вчера онъ получилъ не безынтересныя извѣстія изъ Петербурга.

— Я имѣлъ намѣреніе, дорогой Викторъ Сергѣевичъ, просить васъ удостоить меня чести позволеніемъ быть у васъ, чтобы побесѣдовать по поводу этихъ извѣстій и спросить вашего добраго и просвѣщеннаго совѣта! говорилъ князь тѣмъ вычурно канцелярскимъ языкомъ, который онъ считалъ образцомъ краснорѣчія. — Благодаря этому языку и способности говорить довольно гладко князь въ канцелярскихъ сферахъ пользовался репутаціей хорошаго оратора и едва-ли считалъ Гладстона и Гамбетту достойными себѣ соперниками въ этомъ отношеніи.

— Я всегда радъ васъ видѣть у себя, князь! проговорилъ толстый генералъ.

— Благодарю васъ, Викторъ Сергѣевичъ... Мы живемъ въ такое время, когда приходится прощать невольныя прегрѣшенія, непреднамѣренныя ошибки, часто вынужденныя обстоятельствами уступки... Есть наша русская пословица: повинной головы не сѣкутъ! прибавилъ графъ тихо, наклоня голову какъ-бы въ доказательство своего раскаянія.

Хотя генералъ, давно уже снова принявшій видъ „добраго малаго“, и поспѣшилъ шуточно отвѣтить тоже пословицей: „Бто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!“ тѣмъ не менѣе онъ съ удовольствіемъ увидалъ-бы эту повинную голову „старога интригана“, если и не на плахѣ (настолько его злопамятность не простиралась), то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе опущенной, чѣмъ теперь и лишенной сіяющаго свѣта, который былъ какъ-бы отблескомъ другого болѣе яркаго свѣтила.

И какъ забыть ему, тоже искушенному въ интригахъ, до того изучившему искусство притворства по обязанности, что оно потомъ обратилось въ привычку—какъ забыть ему тотъ памятный день, когда совершенно неожиданно онъ, пользовавшійся милостивымъ расположеніемъ министра, вдругъ замѣтилъ пережѣну въ обращеніи. На него насупились, его доклады находили не полными, его соображенія не вполне убѣдительными и, наконецъ, спустя нѣсколько дней такъ заботливо спросили: „не чувствуетъ-ли

онъ себя утомленнымъ отъ трудовъ“, что оставалось только благодарить за заботливость и просить увольненія отъ должности для поправленія здоровья. Онъ очень хорошо понималъ, что причина его увольненія не беспорядки по департаменту, какъ шопотомъ передавали другъ другу чиновники, засуетившіеся, какъ мухи въ пустомъ стаканѣ, при этомъ извѣстіи. Онъ управлялъ не хуже и не лучше другихъ. Правда, онъ былъ лѣнивъ, совсѣмъ не занимался дѣлами и часто по долгу не заглядывалъ въ свое „хозяйство“ — какъ онъ называлъ департаментъ — но зато быстро схватывалъ суть дѣлъ, отлично докладывалъ даже и по такимъ вопросамъ, о которыхъ не имѣлъ понятія, умѣлъ показать товаръ лицомъ, искусно пользоваться отношеніями и связями и обращаться съ подчиненными и просителями съ простодушіемъ добраго малого и той дружеской фамиліарностью, какъ-будто третирующей бюрократическія приличія, которая доставила ему репутацію доступнаго человѣка. Генераль понялъ, кто былъ душой этой интриги, когда, откланиваясь министру, онъ встрѣтился на порогѣ кабинета съ княземъ и увидалъ этотъ соболѣзнующій и какъ-бы изумленный взглядъ стараго интригана, съ особенной любезностью пожимающаго ему руку, когда услыхалъ этотъ вкрадчивый шопотъ, полный участливаго недоумѣнія, подъ которымъ чуткое ухо разслышало скрытую радость торжествующаго бюрократа, подставившаго ножку... Генераль улыбнулся, показавъ взглядомъ на кабинетъ, какъ-будто говоря, что его ждетъ министр и они разошлись, не сказавъ ни слова... Скоро Викторъ Сергѣевичъ уѣхалъ за-границу, и ужъ тамъ прочелъ въ газетахъ, что князь назначенъ на его мѣсто.

Теперь, послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ генераломъ безвыѣздно за границей, они опять встрѣтились. Первая встрѣча была натапнута, несмотря на то, что оба были искусные комедіанты. Подъ маской свѣтской вѣжливости, съ обѣихъ сторонъ просвѣчивала недружелюбная холодность двухъ честолюбивыхъ интригановъ. Князь зналъ, что генераль пишетъ записку, въ которой косвенно бранитъ его мѣропріятія; генераль не могъ безъ зависти встрѣчать сіяющаго великолѣпія „этого канцелярскаго болтуна“...

Генераль чутко прислушивался теперь къ словамъ князя, не вполне понимая еще, что значать эти авансы, этотъ тонъ раска-

янной лисицы, эти конфиденціальныя сообщенія о полученныхъ извѣстіяхъ, но догадываюсь, что его фонды поднимаются.

А князь, между тѣмъ, продолжалъ:

— Сергій Петровичъ пишетъ мнѣ, что Ртищевъ непрочонъ...

— Неужели? равнодушно спросилъ генераль, очень заинтересованный, однако, этимъ извѣстіемъ.

— Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, объ этомъ не говорилъ... Напротивъ, Ртищевъ былъ въ полномъ блескѣ своей реформистской дѣятельности въ нашемъ министерствѣ! замѣтилъ князь иронически;—но, видно, начинаютъ догадываться, что этотъ путь едва-ли отвѣчаетъ тому положенію, въ которомъ находятся наши дѣла; при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, Ртищевъ слишкомъ поспѣшно, можно даже сказать, слишкомъ неблагоприятно возбуждаетъ надежды и питаетъ иллюзіи и безъ того взволновавшаго общества. Результаты на лицо... Вы изволите, Викторъ Сергѣевичъ, читать послѣднее время наши газеты?

— Нѣтъ, князь. По счастью я ихъ совсѣмъ не вижу...

— О, вы въ такомъ случаѣ лишены удовольствія видѣть наши успѣхи на этомъ поприщѣ! тихо говорилъ князь, улыбаясь многозначительной улыбкой.—Мы уже не довольствуемся обличеніемъ дѣятельности правительственныхъ лицъ, мы не ограничиваемся требованіями всеобщей ломки—точно мы недостаточно еще ломали!—мы уже требуемъ, извольте замѣтить, дорогой Викторъ Сергѣевичъ, мы уже требуемъ органическихъ реформъ, органическихъ! презрительно усмѣхнулся старикъ...

Генераль неопредѣленно покачалъ головой, не высказывая мнѣнія. Онъ зналъ, что князь любилъ брюзжать на печать и когда садился на этого конька, то остановить его было трудно; но его не столько интересовали мнѣнія старика о печати, сколько желаніе узнать, съ какою именно цѣлью князь пускается въ эти ламентаціи...

Они оба уже допили свои стаканы и, дойдя до конца аллеи, незамѣтно повернули съ нея и вышли на дорогу, ведущую въ лѣсъ. Тамъ было тихо и пустынно... Звуки музыки слабо доносились туда.

— И замѣтите, господинъ Ртищевъ совѣтуетъ нашему министру все это въ такое время, когда страсти разгорячены,

когда, напротивъ, казалось-бы, свѣтлый государственный умъ долженъ-бы прозрѣть необходимость успокоенія и твердаго, неуклоннаго шествія по пути практическихъ улучшеній. Что вы на это скажете, дорогой Викторъ Сергѣевичъ?

Въ этихъ интимныхъ сообщеніяхъ, въ этихъ жалобахъ чуткое ухо Виктора Сергѣевича уловило не одно только брѣзжаніе „старога ретрограда“, какъ-ль считалъ генералъ князь. Знакомый хорошо съ обычаями этого канцелярскаго міра, генералъ уже прѣзрѣвалъ неясныя черты какой-то готовящейся интриги, читалъ на этомъ желтомъ, иронически улыбающемся лицѣ отголоски всѣхъ недовольныхъ, честолюбивыхъ канцелярскихъ претензій, всѣхъ обойденныхъ лучами солнца, всей этой кляки интригановъ, востепенувшихся при первомъ извѣстїи о косомъ взглядѣ, о недостаточно милостивой улыбкѣ, брошенной министромъ на Ртищева... И Конотопцевъ въ глубинѣ души радовался, ожилъ, выпрямился, понимая, что и ему въ этой комедїи будетъ предложена замѣтная роль...

— И вотъ всѣ наши утѣряющіе голоса оказываются не соответствующими духу времени!—опять говорилъ князь.—Нашъ министръ вѣрнѣе господину Ртищеву. Наша опытность и благонамѣренная осторожность считаются излишней боязливостью... Намъ нужны, изволите-ли видѣть, вести публичныя бесѣды съ обывателями, излагать имъ свои программы, свои намѣренія и послѣ читать въ любомъ листкѣ одобреніе или порицаніе со стороны какихъ-то господъ литераторовъ, серьезно вообразившихъ будто они, эти недоумки, могутъ быть судьями людей, посвятившихъ себя многотрудной дѣятельности...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А что дѣлается теперь въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? О, несчастная наша Россія съ этими нескончаемыми опытами, съ этими либеральными начинаніями... У насъ еще все въ хаотическомъ беспорядкѣ... Благодаря слишкомъ поспѣшной ложкѣ и возбужденныхъ надеждъ ничего не установилось, нравственности нѣтъ, общество деморализовано, народъ невѣжествененъ и теряетъ съ каждымъ днемъ тѣ прежнія качества, которыми мы по справедливости гордились, молодежь извращена и въ это-то время господинъ Ртищевъ въ своемъ департаментѣ пускается въ дешевую популярность!! Мнѣ кажется, что долгъ каждаго порядочнаго

человѣка открыть глаза на бездну, передъ которой мы находимся!..

„Ужь не открываль-ли ты глаза но неудачно?“ подумалъ Конотопцевъ.

Въ тотъ-же вечеръ князь былъ у Конотопцева и тамъ въ роскошномъ номерѣ, была въ подробностяхъ обсужена и рѣшена неотложная необходимостъ остановить Ртищева. Интрига была сплетена искусно; генералъ выказалъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе способностей, чѣмъ князь и притомъ самъ оставался въ сторонѣ, предоставляя всю честь князю.

О, если-бы видѣлъ старикъ, какъ лукаво усмѣхнулся Конотопцевъ, провожая князя, опъ вѣрно не принесъ-бы ему повинной головы.

А генералъ тотчасъ сѣлъ писать письма въ Петербургъ и весело смѣялся, предвкушая уже заранѣе наслажденіе видѣть старика-князя проглоченнымъ въ свою очередь, послѣ того, какъ Ртищевъ будетъ поваленъ соединенными усилиями этихъ „старыхъ интригановъ“...

Обончивъ письма, онъ вышелъ изъ отеля и направился къ „Променаду“. Конотопцевъ чувствовалъ себя теперь необыкновенно хорошо. Казалось, бесѣда съ княземъ сразу поправила его здоровье, лучше чѣмъ три недѣли маріенбадскихъ водъ.

На большой аллеѣ тѣснота. Тамъ теперь уже не пьютъ, а исключительно гуляютъ; дамы щеголаютъ своими нарядами и большой толпой почтительныхъ поклонниковъ; сѣрые и полосатые утренніе пиджаки мужчинъ замѣнились черными куртками съ розами и фіалками въ петлицахъ; подъ звуки оркестра въ воздухѣ жужжить тихая свѣтская болтовня на разныхъ языкахъ; въ срединѣ аллеи сдвигаются стулья и кресла, группируются кружки знакомыхъ, гдѣ тихо смѣются, разговариваютъ, знакомятся; и теперь, на этомъ оживленномъ международномъ раутѣ, замѣтнѣе, чѣмъ утромъ, дѣлается неуловимая грань, отдѣляющая всѣхъ этихъ представителей высшаго общества—обитателей отелей перваго класса, министровъ, генераловъ и дипломатовъ всѣхъ государствъ, пріѣхавшихъ отдохнуть и возстановить пищевареніе,—отъ остальныхъ смертныхъ, въ большинствѣ не безъ зависти смотрящихъ на эту „соль“ общества.

Напрасно среди этой толпы Олюнинъ искалъ глазами Ольгу Михайловну. Ее не было на гуляньѣ.

Недовольный, онъ раньше отправился въ ресторанъ Лейверта пить свой вечерній чай и съѣсть пару яицъ (aber ganz weiche) я, войдя туда, просіялъ: Ольга Михайловна была тутъ. Но она была не одна... Съ ней сидѣлъ какой-то прилизанный господинъ, съ блѣднымъ, некрасивымъ хмурнымъ лицомъ.

Онъ подошелъ къ ней раскланяться.

— А вы развѣ не узнали мужа? проговорила она, приглашая его садиться...

(Продолженіе будетъ).

Е. СТАНЦКОВИЧЪ.

ЖЕЛАНІЕ.

(Изъ С. Прудона.)

Не умирай великое Желанье,
Котораго полеть
Восторга пылъ и жизни трепетанье
Всему даетъ.

Иль ты нашло все то, чего искало,
Къ чему рвалась мечта,
И открывать отнынѣ перестало
И сердце, и уста?

Покрой чело Прекраснаго лобзаньемъ,
Съ восторгомъ молодымъ,
Въ глубь Истины проникни, съ замираньемъ,
Свѣтильникомъ своимъ.

Еще любви и грѣзъ! чтобъ мигъ твой каждый
Могло ты утолять
Свой жгучій пылъ и новой, вѣчной жаждой
Томилося опять!

Д. Михайловскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИДЕАЛИЗАТОРЫ РАСКОЛА.

(Окончаніе).

Г. Юзовъ ссылается на стрѣлецкій бунтъ 1681 г. и увѣряетъ, будто здѣсь въ первый разъ старовѣры сдѣлали попытку слиться съ гражданскими «мятежниками». Притомъ онъ говоритъ объ этомъ такъ, какъ-будто инициатива слитія принадлежала самимъ старовѣрамъ. Попъ Никита Константиновъ выставленъ зачинщикомъ движенія. Но тотъ-же источникъ, которымъ Г. Юзовъ пользовался («Исторія о стрѣльцахъ» Саввы Романова въ «Трехъ Челобитныхъ»), говоритъ, что это совершенная ложь, или, по-крайней-мѣрѣ, фактъ столь неизвѣстный, что не мѣшало-бы показать, откуда онъ заимствованъ. У Саввы Романова дѣло это представляется въ такомъ видѣ: недовольные современными порядками, стрѣльцы произвели одинъ изъ тѣхъ «бунтовъ», которые я характеризовалъ выше и которыхъ такъ было много въ XVII в. Стрѣльцамъ, конечно, не могло не быть извѣстнымъ, что есть какая-то правая «старая вѣра», за которую губятъ народъ массами, что начальство само съ недавняго времени держится какой-то другой грѣховной «новой вѣры». Ободренные успѣхомъ своего возстанія, они рѣшили постоять и за «старую вѣру». Какъ возникла у нихъ эта рѣшимость, подбивали-ли на нее стрѣльцовъ раскольники, или нѣтъ, Савва Романовъ (а это самый достовѣрный свидѣтель-очевидецъ и участникъ событія) не говоритъ ни слова. Очень можетъ быть даже, что стрѣльцы просто искали новаго предлога для возстанія, новыхъ подкрѣпленій, новаго случая уничтожить еще двухъ-трехъ своихъ недруговъ-притѣснителей. Но бѣда заключалась въ

томъ, что стрѣльцы рѣшительно не знали разницы между «старой» и «новой» вѣрой. Потребовался повтому знающій человекъ для написанія соответствующей дѣлу челобитной. Одинъ *чернослободецъ* отрекомендовалъ стрѣльцамъ старовѣровъ-*посадскихъ* Никиту Борисова, Ивана Курбатова и Савву Романова. А эти нашли монаха Сергія, тоже старовѣра, «искусна въ ученіи и твердаго адаманта», который и написалъ требуемую челобитную. Во всемъ рассказѣ эти посадскіе люди или капитоны (по «Увѣту Дух.») представляются людьми чрезвычайно мирными, совершенно далекими отъ мысли сливаться съ мятежниками. Никита Константиновъ выбранъ былъ и привлеченъ уже послѣ написанія челобитной для подачи ея на соборѣ, какъ человекъ рѣчистый и знающій. Въ день собора, назначеннаго по настоянію стрѣльцовъ, патріархъ выслалъ читать предъ народомъ первую челобитную Никиты, въ которой онъ отказывался предъ соборомъ 1667 г. отъ своихъ заблужденій. Стрѣльцы хотѣли разорвать попа на части, но ихъ удержалъ отъ этого Сергій, авторъ челобитной. Челобитчики, кромѣ того, ужасно боялись идти на соборъ въ грановитую палату. Носился слухъ, что у патріарха противъ нихъ «худой умыселъ». Неужели ихъ это соображеніе могло-бы остановить, если-бы они рѣшились идти на проломъ? Дѣйствительно, оказалось, по словамъ Саввы, что у патріарха въ сѣняхъ, предъ «грановитой палатой», собрана засада изъ 300 поповъ, которые, какъ дикіе волки, бросились на челобитчиковъ, когда они взбирались на Красное крыльцо. Стрѣльцы избили ихъ и расчистили дорогу (Дѣт. русск. литерат., изд. *Тихонравова*, Исторія Саввы въ V т., стр. 135—136). Когда затѣмъ стрѣльцы, убѣжденные Софьею, позорно оставили старовѣровъ беззащитными, послѣдніе не обнаружили никакой попытки къ защитѣ себя путемъ дѣятельнаго сопротивленія, возстанія. Гдѣ-же нашелъ г. Юзовъ старовѣрскую инициативу въ этомъ бунтѣ? Да если-бы она и была, то никакъ нельзя допустить (нѣтъ данныхъ), чтобы она была вызвана желаніемъ основать вмѣстѣ съ стрѣльцами «раскольническую демократію». Движеніе было такъ-же мало сознательно, какъ и всѣ другія движенія того времени. Ясно было выражено только одно требованіе—свободы совѣсти. «Не давайте насъ жечь и мучить», просили старовѣры,—вотъ и все. Наконецъ, вотъ отзывъ о стрѣлецкомъ бунтѣ одного изъ самыхъ видныхъ (по словамъ Щапова, цитированнымъ и г. Юзовымъ) «партизановъ противогосударственности», С. Денисова, отзывъ, написанный при Петрѣ, когда, по словамъ г. Юзова, старовѣры окончательно организовали гражданское сопротивленіе и притомъ въ Выговской пустыни, откуда

«задавался тонъ всей жизни и дѣятельности старовѣровъ» (Юзовъ, стр. 33). Денисовъ, говоря о стрѣльцкомъ бунтѣ, строго осуждаетъ стрѣльцовъ за то, что они «обратились на злые, кровоизліятельные обычаи» и начали «дерзновенно... безчиннымъ скопомъ» обходить дворы боярскіе, грабить и «злодѣйственныя убійства преужасно совершать» («Виноградъ Россійскій», ркп. л. 96). Едва-ли это показываетъ сочувствіе къ «безчиннымъ скопамъ», съ которыми старовѣры будто-бы «съ нечеловѣческими усиліями» стремились слиться, выясняя и формулируя протестъ «мятежниковъ» посредствомъ богословія.

Еще курьезнѣе о разбираемомъ нами періодѣ раскола повѣствуетъ г. Пругавинъ. Онъ еще меньше церемонится съ историческими фактами. «Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII в.,—пишетъ нашъ авторъ съ голоса Шапова,—были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Съ Дона буйные казаки-раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать (?) соловецкихъ монаховъ противъ правительства. «Воры-сотники съ товарищами, читаемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ,—про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и помыслить страшно» («Русск. Мысль», № 1, стр. 307). По г. Пругавину выходитъ, что я могу сказать съ полнымъ правомъ: бунты 1649 г. въ Москвѣ и послѣдующихъ годовъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Сольвычегодскѣ, Устюгѣ и пр. были не только бунтами людей, недовольныхъ данными государственными порядками, но вмѣстѣ и бунтомъ православныхъ, такъ-какъ, конечно, по религіи эти бунтари были люди крещеные, православные. Но вѣдь это очевидная безсмыслица. Религія бунтарей въ указанныхъ движеніяхъ, очевидно, не играла никакой роли и фраза, очевидно, не имѣетъ смысла. Г. Пругавинъ, однако-же, говоритъ устами Шапова то-же самое: бунты казаковъ были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Полагаетъ-ли онъ, что расколъ былъ какою-то особобунтарскою религіей? Почему это онъ думаетъ, что ужъ если члловѣкъ раскольникъ, стало-быть, бунтарь, если бунтарь—выходитъ раскольникъ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего-бы г. Пругавину не доказать по-подробнѣе, что бунтъ, напр., Стеньки Разина былъ организованъ раскольниками, путемъ пропаганды ими своихъ религіозныхъ и церковныхъ принциповъ, которые и служили, таѣмъ-сказать, «подстрекающими» мотивами бунта и его конечными цѣлями? Не мѣшало-бы припомнить г. Пругавину, что Разинъ, между прочимъ, шелъ выручать патріарха Никона и объяснить этотъ фактъ. Если-же гг. Пругавинъ и Шаповъ думали сказать только, что среди бунтарей были и люди, молившіеся двуперстнымъ кре-

стомъ, то что-же изъ этого слѣдуетъ? Противогосударственность дуперстiя? Но вѣдъ также легко и также основательно изъ факта, напр., что въ числѣ польскихъ повстанцевъ 1863 г. были люди православные, можно вывести и бунтарскiй духъ православiя! Не напоминають-ли вамъ, читатель, подобныя разсужденiя философи «Новаго Времени» или «Московск. Вѣд.», у которыхъ, разъ въ политическомъ процессѣ попался человекъ съ польской, или еврейской фамилiей,—вотъ и полный резонъ ставить причиной «крамолы» поляковъ или евреевъ?!

Или затѣмъ дальше эти красивые слова: «съ Дона буйные казаки-раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать соловецкихъ монаховъ противъ правительства». Фраза, конечно, пышная! Но какой историческiй фактъ окутанъ ею? «Соловецкое сидѣнiе». Откуда взялъ Щаповъ, что поморскiе раскольники призывали донскихъ единомышленниковъ возмущать соловецкихъ монаховъ? Неизвѣстно. Соловецкiй бунтъ начался раньше движенiя Стеньки Разина. Нѣсколько бунтарей дѣйствительно убѣжало съ Дона, послѣ неудачи тамъ, искать убѣжища на Сѣверѣ въ Соловкахъ за ихъ крѣпкими стѣнами. «Сидѣнiе» въ это время давнымъ-давно продолжалось, даже близилось къ концу. Конечно, «воры-сотники» хорошихъ словъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ, можетъ быть, и не говорили. Но опять-таки, что отсюда слѣдуетъ? Что это былъ противогосударственный бунтъ, протестъ противъ московской централизаціи? Очень сомнительно! И г. Пругавинъ убѣдился-бы въ этомъ, если-бы ближе познакомился съ матеріалами о соловецкомъ бунтѣ, если-бы онъ выслушалъ показанiя не однихъ только приказныхъ составителей обвинительнаго акта и къ приказнымъ отнесся съ нѣкоторымъ недоувѣрiемъ, если-бы онъ не забылъ, что, кромѣ «воровъ-сотниковъ», въ монастырѣ были еще и монахи, оставившіе цѣлую литературу челобитныхъ и отписокъ. Мы должны сказать г. Пругавину, что кромѣ указанной имъ 533 стр. IV т. Акт. Историч., матеріалы о соловецкомъ бунтѣ есть еще въ V т. Дополненiй къ А. Ист., въ IV т. Ак. Арх. Эксп. и въ III т. (посвященномъ цѣликомъ соловецкому бунту) «Матеріаловъ», изд. Субботинымъ. Есть затѣмъ Денисова «Исторiя объ отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», составленная на основанiи показанiй свидѣтелей-очевидцевъ. Словомъ—матеріаловъ немало. А въ этомъ случаѣ, говорятъ, обязательна болѣе чѣмъ когда-либо, такъ-называемая, историческая критика. И тотъ фактъ, что г. Пругавинъ, не обративъ вниманiя на всѣ другiя показанiя свидѣтелей, далъ предпочтенiе одной «воеводской отпискѣ», заставляетъ предполагать, что или г. Пругавинъ

не знаетъ, что за штука историческая критика, или онъ указаніе на IV т. Ак. Ист. (стр. 533) просто списалъ съ 477 стр. книги Шапова вмѣстѣ съ приведенной имъ цитатой. Пусть г. Пругавинъ выберетъ для себя менѣе обидное предположеніе. Но впредь пусть онъ приметъ добрый совѣтъ—не трагтовать о томъ, что ему неизвѣстно. И вотъ такъ-то чуть не каждый историческій фактъ, приводимый нашими переписчиками, или искажается, или берется безъ критической повѣрки. Все, что имъ не нравится, тѣмъ самымъ и ихъ благосклоннаго вниманія неудобно ставается, если только перевернуть невозможно. И все—иллюзія! Ради ея оказывается, что религиозныя истины интересовали сектанта не сами-по-себѣ, а лишь какъ логика или методика, съ помощью которой «протестъ противъ соціального строя былъ формулированъ». Ради этой иллюзіи оказывается, что «для протестанта имѣла мало значенія форма (т. е. религиозная оболочка), въ которой выльются его чувства и идеи, главной его заботой было систематизировать свои идеи въ извѣстное ученіе» (Юзовъ, стр. 19).

По мнѣнію г. Юзова, особенно такое соціально-оппозиціонное направленіе развилось со времени реформъ Петра. «Главными организаторами сопротивленія всѣмъ реформамъ Петра явились старовѣры» (стр. 25). Первымъ дѣломъ это сопротивленіе выразилось въ томъ, что они обозвали царя Антихристомъ. И вотъ ученіе-то объ Антихристѣ и есть, по мнѣнію г. Юзова, эта окончательная формулировка, эта система соціально-протестантскихъ идей, во имя которой начали раскольники «организацию сопротивленія» реформамъ Петра. Назвать царя Антихристомъ,—съ точки зрѣнія «оскорбленія Величества», особенно въ XVIII в.,—преступленіе, несомнѣнно, страшное и «противоударственное». Но вѣдь не съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ дѣло г. Юзовъ? И потомъ, точно-ли при Петрѣ явилось ученіе объ Антихристѣ и точно-ли оно имѣло смыслъ революціонный, бунтарскій, а не «мистико-апокалипсическій», по выраженію г. Шапова? Г. Юзовъ долженъ былъ разсмотрѣть зарожденіе этого ученія и этимъ путемъ *доказать*, что оно имѣло именно смыслъ революціонный. Онъ этого, однако, не сдѣлалъ, но едва-ли кто повѣритъ ему на-слово. Въ исторіи раскола ученіе объ Антихристѣ играетъ громадную роль. Около него группируются цѣлыя догматическія системы различныхъ сектъ. Оставить безъ выясненія происхожденіе этого ученія, смыслъ его—значить выбросить изъ раскола «душу живу».

Въ этой статьѣ я не могу подробно заняться ученіемъ объ Антихристѣ, однако, попытаюсь въ общихъ чертахъ представить

его начало и развитие и определить его истинную сущность. Известно, что съ самаго почти появленія на Руси христіанства, грандіозный образ Антихриста — это цѣльное, художественное выраженіе идеи зла, царящей въ мірѣ, сдѣлался у нашихъ предковъ очень популярнымъ. Съ XI в. мы встрѣчаемся со словомъ Ипполита папы римскаго объ Антихриствѣ, уже переведеннымъ на церковно-славянскій языкъ и составлявшимъ любимое чтеніе нашихъ грамотѣевъ. Чѣмъ дальше отъ XI в. идемъ мы среди памятниковъ древней письменности, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ списковъ этого слова, лицевыхъ (съ миниатюрами) апокалипсисовъ, комментарий на апокалипсисы отцовъ церкви. И это предпочтеніе апокалипсису предъ другими книгами св. писанія, за исключеніемъ только евангелія, совершенно понятно. Въ исторіи религій—божество прежде всего злое начало. Только съ теченіемъ времени, съ пріобрѣтеніемъ человекомъ большихъ средствъ борьбы съ природой, съ лучшимъ приспособленіемъ къ средѣ, пантеонъ боговъ пополняется добрыми геніями. Добро и злое начало съ этого времени вступаютъ въ борьбу между собою за исключительное обладаніе міромъ. И человекъ создаетъ утѣшительную иллюзію побѣды, въ концѣ-концовъ, добра надъ зломъ. Антихриствѣ въ сознаніи русскаго полуязычника XI—XIV в. явился какъ превосходное образное обобщеніе тѣхъ злыхъ туземныхъ чудищъ, между прочимъ, того «Змѣя-Горынчища», которые создала его фантазія. Какъ такое обобщеніе, образъ Антихриста былъ совершенно понятенъ древне-русскому христіанину; въ немъ этотъ образъ воспроизводилъ въ усиленной степени пугающіе призраки старыхъ чудищъ, слившихся въ одинъ могучій призракъ. И въ этомъ призракѣ древнерусскій христіанинъ олицетворилъ всѣ таинственно-ужасныя явленія природы, всѣ безотрадныя, непонятныя въ своихъ истинныхъ причинахъ, явленія общественной жизни. Съ этой поры все зло пошло отъ Антихриста.

Съ представленіемъ объ Антихриствѣ тѣсно связано и ученіе о концѣ этого міра зла, о побѣдѣ надъ зломъ высшаго добраго начала, словомъ—о второмъ пришествіи Христа. И эта мысль была скоро усвоена нашими предками. Были времена, когда ожиданіе второго пришествія, подъ вліяніемъ страшной жизненной тяги и какихъ-нибудь особенно незаурядныхъ космическихъ и социальныхъ явленій, становилось чрезвычайно популярнымъ и распространялось особенно широко. Такъ къ концу XV в. ожиданіе кончины міра въ Россіи было почти всеобщимъ. Даже такія лица, какъ Іосифъ Волоцкій, человекъ все-таки для своего времени довольно просвѣщенный, раздѣляли это ожиданіе. «Ино

о томъ молва была, говорить новгородскій епископъ Геннадій, въ людехъ не только простыхъ, но и преимущихъ». Второго пришествія ждали въ 1492 г. Только до этого года составлялись пасхалии, а за нимъ въ особомъ кружкѣ писали: «горе, горе достигшимъ до конца вѣковъ»... «Здѣ страхъ, здѣ скорбь; аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, и сіе лѣто наконецъ явися, въ немъ-же чаемъ и всемірное Твое пришествіе». Роковой годъ, однако, благополучно наставагъ и кончался; несбывшіяся ожиданія производили сутолоку въ воззрѣніяхъ простодушныхъ людей; принимались за повѣрку толкованій на апокалипсисъ, придумывались новыя объясненія, сроки... И чѣмъ глубже съ развитіемъ мысли проникало христіанство въ сознаніе людей русскихъ, тѣмъ сильнѣе распространялись и указанныя мною представленія, тѣмъ живѣе воспроизводился воображеніемъ образъ Антихриста. Расколъ окончателно популяризировалъ его въ массахъ и водворилъ здѣсь на жительство на неопредѣленный срокъ, который и теперь еще далекъ отъ конца.

Послѣ «флорентинской уніи» ученіе объ Антихристѣ сдѣлалось средствомъ борьбы православія съ латинствомъ. Полемическія сочиненія православныхъ противъ латинства, разсматривавшихъ латинство въ пылу полемическаго задора какъ ученіе Антихриста, введенныя на Русь, принимались здѣсь за чистую монету. Русскій грамотный человѣкъ, познакомившись съ такими литературными издѣліями, безхитростно убѣждался, что дѣйствительно Западъ во власти Антихриста. Паденіе Константинополя, послѣдовавшее вскорѣ послѣ флорентинской уніи, онъ сейчасъ-же опредѣлялъ, какъ Божью кару за отпаденіе грековъ (уніатовъ) въ латинство подъ власть Антихриста. Но если Антихристъ пришолъ, то, стало-быть, скоро будетъ и второе пришествіе. И вотъ отсюда, указанное выше, ожиданіе на Руси этого событія въ 1492 г. Роковой годъ прошелъ, но ждать второго пришествія не переставали; царство Антихриста на Западъ не подлежало сомнѣнію. «Вѣси христолюбче и боголюбче, писали въ XVI в.,—яко вся христіанская царства придоша въ конецъ и снидошася во-едино царство нашего государя; по пророческимъ книгамъ то есть російское царство. Два убо Рима падоша и третій стоитъ, а четвертому не быть». Хитрый грекъ льстилъ тщеславному дикарю, а дикарь простодушно вѣрилъ и разрисовывалъ все это яркими красками своего живого воображенія. Если Антихристъ такъ близко, то, конечно, онъ не замедлитъ явиться и въ третій Римъ и здѣсь отвратить всѣхъ отъ Христа и порушить благочестіе. Этого надо ежечасно опасаться. Но вѣдь Антихристъ коваренъ; что если онъ незамѣтно по-

рушить вѣру? Такъ закрадывалось ревнивое подозрѣніе по отношенію къ всякимъ церковнымъ переменамъ...

Теперь представьте себѣ, какое дѣйствіе должно было произвести въ этомъ отношеніи нашествіе поляковъ. Сначала—самозванцы въ роли народнаго царя, избавителя отъ жестокаго, разнужданнаго боярства. Массы идутъ за нимъ. Но вокругъ него скоро сгущается атмосфера подозрительности и недовѣрія, образованію которой не мало способствовали московскіе грамотники, книжники и духовенство. Вокругъ царя—поляки; онъ живетъ, какъ полякъ. А вѣдь уже извѣстно, что за народъ—поляки. Это латиняне, слуги папы-Антихриста. Разносится слухъ, что новый царь собирается порушить вѣру. Нѣкій Ѳеодоръ Калашникъ, казненный за непризнаніе самозванца царемъ, иди на смерть, кричитъ, что русскіе приняли антихристову слугу. Слово сказано. И неудивительно, если вскорѣ послѣ этого народъ пальцемъ не шелохнулъ въ защиту царя, которому онъ-же самъ помогъ добраться до престола. А главное и до самозванца жилось въ экономическомъ отношеніи чрезвычайно гадко. Нашествіе поляковъ только увеличило зло, уже нараставшее и безъ того чрезвычайно быстро. Какое впечатлѣніе должно было производить все это на народную душу? А эта душа и безъ того сплошь была запутана суевѣріями. Дѣла шли до такой степени вкривъ и вкось, что умъ человѣка XVI—XVII в. отказывался понимать ихъ... Да и гдѣ-же было понять сложную московскую машину, которая скрипѣла, визжала и стучала на ходу такъ, что могла разстроить даже очень крѣпкіе, желѣзные нервы?.. Одно только ясно, опредѣленно чувствовалось, что невыносимо тяжело жить на свѣтѣ, что ходить по свѣту страшное, таинственное «лихо-злосчастье» и что отъ этого страшнаго лиха не спасаютъ даже стѣны монастырей. Для развитія мистической идеи было широкое поле. Страшили не одни общественныя отношенія. Въ природѣ тоже творилось что-то невиданное, ужасное. Страшныя кометы, разгуливавшія по небу, моры, валившіе людей сотнями тысячъ въ самые короткіе промежутки времени, непрерывные голода,—все это могло только приводить въ ужасъ, переполнять грудь зловѣщими ожиданіями чего-то необъятно-страшнаго, непредвидимаго, неотвратимаго. Послѣ изгнанія поляковъ лучше не стало; напротивъ, съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Свободная община умирала. Крѣпостныя отношенія затягивались въ мертвую петлю. Случай перехода боярскихъ дѣтей въ кабальные холопы, показывавшіе прежде, что холопу лучше жилось за хозяиномъ, чѣмъ боярину за княземъ,—эти случаи исчезаютъ. Бояринъ упрочился, какъ

опредѣленная экономическая величина; «руки» оказались крѣпкими этой величинѣ... Такъ подготовлялась удобная почва для мистико-апокалипсическихъ посявовъ. Не даромъ въ XVII в. сложилась эта безотрадная повѣсть о «горѣ-злосчастьи». Скоро образъ этого «горя» потонулъ въ образѣ Антихриста.

Итакъ, на Западѣ явился и царствуетъ Антихристъ. «Какъ тать въ нощи» онъ можетъ явиться и на Русь, въ этотъ третій Римъ. Какъ тогда отъ него уберечься? Книжникъ отвѣчаетъ на это: «вотъ признаки Антихриста: онъ восхищается на себя власть царскую, святительскую и даже Божію, подчиняетъ себя царей и царства и требуетъ себя отъ всѣхъ божескаго поклоненія, измѣняетъ календарь (по неправильно истолкованному пророчеству Давида объ Антихристѣ, какъ имѣющемъ измѣнить времена и лѣта), поставяетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, замѣняя въ евхаристіи хлѣбъ опрѣсноками и пр. (Толк. на XV сл. Кирила Іерус.). Словомъ—это папа. Вотъ когда у насъ будетъ происходить что-нибудь въ этомъ родѣ, не ошибайся въ смыслѣ событій». Такъ поучаетъ книжникъ. А что и къ намъ Антихристъ придетъ—это несомнѣнно. «Извѣстно вѣдаю, говорить сочинитель слова объ Антихристѣ въ «Книгѣ о вѣрѣ правой», наиболѣе любимой до сихъ поръ старовѣрами,—извѣстно вѣдаю, яко время послѣднее, антихристово царство распространяется и скоро самъ явится... Кто вѣсть, яко въ сихъ лѣтѣхъ 1666 явственнѣхъ предотечевъ его, или того самого не укажетъ». А царство антихристово распространяется съ тѣхъ поръ «какъ по прошествіи 1000 лѣтъ отъ Р. Х. сатана, связанный искупительною жертвою Богочеловѣка, получилъ свободу» (Апок. гл. 20, ст. 2—3) и «отъ того времени повѣтріемъ тяжкимъ пораженъ бысть Западъ»... «По истеченіи-же лѣтъ числа 666 не потребно и намъ отъ сихъ винъ опасеніе имѣти, да не нѣкоебы что зло пострадати... и нѣсть-ли быти готовымъ подобаеть, аще кто достигнетъ тѣхъ временъ, на брань съ самимъ діаволомъ». Обращаю вниманіе читателя въ этихъ выдержкахъ особенно на то обстоятельство, что въ короткомъ перечнѣ признаковъ Антихриста, тѣхъ «богоборныхъ» дѣлъ, какія онъ совершитъ, есть уже почти все то, что впоследствии было приписано Петру и что, какъ *новое* и самобытное для времени Петра, рекомендуетъ г. Юзовъ. А между тѣмъ эти «признаки» взяты изъ «слова» XVI в.

Около 1666 г., когда отношенія между церковью и старовѣрами уже вполне выяснились, когда настало для старовѣровъ «страшное, гонительное время»,—идея объ Антихристѣ, царствующемъ на Руси, уже окончательно укоренилась въ народъ.

номъ сознаніи. Подъ вліяніемъ событій она только точнѣе формулировалась: въ живой русской дѣйствительности открывались русскій человѣкъ такіе признаки, которые въ сопоставленіи съ вышеприведеннымъ толкованіемъ наглядно доказывали, что царство тьмы настало.—«Проклятъ день въ онъ-же родился, пишетъ протопопъ Аввакумъ,—понеже Антихристъ приде ко вратамъ двора и народилось выблядковъ его полна поднебесная. И въ нашей русской землѣ обрѣтется чортъ большой, ему-же мѣра высоты и глубины—адъ преглубокій: помышляю, яко во адѣ стоя и до облакъ достанеть» (Мат. V, 261 и др.). Особенно страстно распространялъ ученіе объ Антихриствѣ своими писаніями, мистически-настроенный и озлобленный страшно тяжелымъ наказаніемъ, одинъ изъ друзей Аввакума, товарищъ его по заключенію въ Пустозерскѣ, дьяконъ Ѳеодоръ. Онъ первый приложилъ вышеприведенные нами признаки Антихриста къ современнымъ ему лицамъ и объяснилъ этими признаками тогдашнее положеніе вещей. «Невидимый змій, проклятый діаволъ и сатана входятъ въ новоизбранная своя сосуды, въ двоицу окаянныхъ человѣкъ—царя и патріарха и бываетъ нечистая троица, юже видѣ Богословъ Іоаннъ въ трехъ нечистыхъ духахъ—змія, звѣря и живаго пророка. Исполить святой и прочіи исповѣдницы Христовы истолковаша змія во діавола, звѣря во Антихриста, сирѣчь царя лукаваго и мучителя, живаго пророка—духовнаго чина начальнаго, рекомаго патріарха. И тако бываетъ троица пребеззаконная пречистѣй и присвятѣй Троицѣ противница со исходящими изъ нея подобными себѣ духи нечистыми» и пр. (раск. ркп. сб. Публ. Библ. in d. № 401). Все предсказанное Богословомъ сбылось нынѣ,—говоритъ онъ въ другомъ посланіи,—въ мѣстахъ святыхъ царствуетъ мерзость запустѣнія... «Антихристово царство темное и все ихъ дѣйство и вѣра въ прелести содержима суть и укрѣпляема не любовью св. Духа и не *совѣтомъ*, но гордостью сатаниною и мученіемъ различными... Инаго уже отступленія нигдѣ не будетъ. Вездѣ бо бысть послѣдняя Русь». И поэтому онъ указываетъ даже тотъ путь спасенія, который по г. Юзову рекомендованъ былъ будто-бы старовѣрами только при Петрѣ. «Христосъ велѣлъ въ послѣдніе дни, назадъ не оглядываясь, бѣгати, поминая жену Лотову» (ркп. сб. II. Библ. in d. № 476). Эти писанія падали на воспримчивую почву, возбуждали жаркіе споры, массами вербовали расколу приверженцевъ. А между тѣмъ настала ужасная эпоха Петра, начавшаяся казнями, крещенная кровью стрѣлцовой. Въ душномъ зловѣщемъ туманѣ этой эпохи ясно вырисовался только одинъ страшный образъ Антихриста. Петръ переноситъ начало

года съ сентября на январь,—значить «измѣняетъ времена и лѣта» по пророчеству Даниила—Антихристь. Петръ уничтожаетъ патріаршество,—значить «восхищаетъ на себя власть святительскую»—Антихристь. Придворные льстецы издають книжку, въ которой о Петръ говорятъ: «онъ Богъ твой, о Россія!» Читаетъ старовѣръ эту книжку и вотъ съ именемъ Петра связывается новый признакъ Антихриста—ему воздаются божескія почести. Съ двора на душу Петръ переложилъ подать,—старовѣръ находитъ новое доказательство царства Антихриста. «Что есть душа? Душа бо есть невидимаго существа Божія образъ, дебельствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема *должна есть приносити Создателю своему дань душевную*, вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную; сынъ-же погибельный уби сію трисвятую добродѣтель и насади невѣріе, безнадежіе, нелюбовь». («Сказ. объ Антихристѣ, еже есть Петръ I-й», Чт. въ О. И. и Др. в. 1863 г. № 1, стр. 62). Принялъ Петръ титулъ императора,—новое доказательство пришествія Антихриста. Императоръ—слово римское, а Римъ давно подъ властью Антихриста. «Императоръ изъ Рима изыде, да къ намъ въ Россію прииде» (ibid., стр. 57). Итакъ, что царствуетъ Антихристь,—несомнѣнно. Что-же дѣлать? «Не веселиться и смѣяться надо, а подобаетъ все усердно держаться отеческаго показанія и пророческаго писанія, да не осудимся съ древними іудеи, но всегда подобаетъ намъ жизнь препровождати во вретичѣ и плачи, и во уединительномъ безмолвіи и пустынномъ пребываніи»... «О таковомъ лютомъ и неутѣшномъ времени Святіи писали и путь тѣсный намъ къ царствію небесному показывали»... Надо бороться съ дьяволомъ. Но какъ? «Діаволь существо есть невидимо, а чловѣкъ въ существѣ его аще-бы увидѣлъ, живъ не можетъ быти» (ibid., стр. 66—67). Остается одно неповиновеніе Антихристу, бѣгство отъ него и въ случаѣ нужды—мученической вѣнецъ—самоожженіе, завѣщанное еще Аввагумомъ.

Къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться этимъ короткимъ очеркомъ, чтобъ не затягивать безмѣрно статью и то уже достаточно длинную. Но, надѣюсь, и этого очерка достаточно будетъ пока для того, чтобы видѣть, какой истинный смыслъ имѣетъ эта раскольничья доктрина. Она создавалась вѣками, подъ вліяніемъ все накоплявшагося общественнаго зла. Экономическія и политическія условія XVII и XVIII в. были почвою, на которой она развилась окончательно. Ея содержаніе суевѣрно-религіозное, «мистико-апокалипсическое». Это не знамя для гражданской борьбы, а философія отчаянія; это признаніе побѣды надъ массами централистическо-деспотическаго государства. Цѣли док-

трины—спасеніе души, исканіе «тѣснаго пути въ царство небесное», исканіе мученическаго вѣнца», но никакъ не устройство лучшаго общественнаго строя, не облегченіе жизненной тяги въ здѣшнемъ мірѣ, не «воздвиганіе» (какъ увѣряетъ простодушно г. Юзовъ) какого-то «оплота противъ государства», не созданіе «самобытной цивилизаціи, характеризующейся отрицаніемъ государственныхъ началъ». Намъ говорятъ, «расколъ организовалъ сопротивление» (легко сказать!) реформамъ Петра, расколъ «съ нечеловѣческими усиліями стремился слиться съ гражданскими протестантами», что онъ даже будто-бы сталъ во главѣ нашихъ бунтовъ, что въ видѣ ученія объ Антихристѣ расколъ «формулировалъ свои общественные запросы, свои исконно-народные идеалы. Читателю достаточно сопоставить эти фразы съ приведенными мною выдержками изъ «сказанія объ Антихристѣ», которое и послужило г. Юзову матеріаломъ для составленія фразъ, чтобы видѣть всю ихъ ребяческую вздорность. Расколъ организовалъ сопротивление. Какимъ образомъ? Указывая бѣгство отъ Антихриста, наивничаетъ Юзовъ. Да позвольте, вѣдь отъ московскихъ безобразій, «отъ опричнаго правезу, отъ казаковъ и татаръ, отъ государевыхъ даней» бѣжали люди русскіе съ XV в. Вѣдь при громадности территоріи, при множествѣ безлюдныхъ и недоступныхъ мѣстъ такое спасеніе отъ «насилія и зла» было самымъ естественнымъ, самымъ первымъ, какое только приходило въ голову. Всюду во всѣ времена колоніи образовывались путемъ бѣгства или путемъ эмиграціи недовольныхъ, наичаще побѣжденныхъ и безправныхъ людей отъ притѣснителей, отъ невыносимаго экономическаго неравенства въ метрополіи. При чемъ-же тутъ расколъ? А единственно только при томъ, что онъ окрасилъ это бѣгство, далъ ему религиозную подкладку, облекъ то зло, отъ котораго человѣкъ бѣжалъ, въ исключашій борьбу образъ Антихриста, сообщилъ бѣгству религиозную цѣль «спасенія души» «въ тѣснотѣ и нуждѣ», а не устройство болѣе счастливой жизненной обстановки. И что это дѣйствительно такъ, доказывается неоднократными ожиданіями второго пришествія и соображеніями отсюда вытекавшими, что не слѣдуетъ въ такое страшное «огнеопальное» время заботиться о земномъ, «жениться и посягать», устраивать удобно и прочно жилища и пр. и пр. Такъ ожидали кончины міра, напр., въ 1669 г. Съ осени 1668 г. въ Поволжьѣ, гдѣ старовѣры прежде всего начали осѣдать, убѣгая отъ преслѣдованій, многіе забросали поля, не пахали, не сѣяли, а въ 1669 г. забросили и дома. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились въ назначенный день въ заранѣе приготовленные долбленные гробы и, лежа въ нихъ,

пѣли заунывнымъ напѣвомъ въ ожиданіи «трубнаго гласа» о томъ, что къ Богу

Ведутъ двѣ дороги.
Широки и долги;
Одна-то дорога
Во царство небесно,
Другая дорога—
Во тьму кромѣшну.

Голодная скотина, брошенная на произволь судьбы, бродила безъ пастуховъ. Ясачная Мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе болѣе скептическіе люди, забирали безприворный скотъ и расхищали до-чиста покинутыя деревни (*Мельниковъ*, Историч. очерки поповщ. стр. 30—31). Затѣмъ стали ждать кончины міра въ 1702 г. Но ожиданіе и на этотъ разъ было обмануто (ср. Полное историч. изв. и пр. А. Іоаннова, изд. 55 г., ч. II, 11—12 стр.). И замѣтите г. Юзовъ, въ 1702 г. пришествія Спасителя ждали на Выгѣ гдѣ былъ по-вашему центръ всего бунтарскаго движенія! Ждали кончины міра и еще нѣсколько разъ въ XVIII в. и даже въ XIX. Кажется, въ послѣдній разъ ждали кончины міра послѣ разрушенія монастырей на Иргизѣ въ 1842 г. Все Поволжье было охвачено этимъ ожиданіемъ и сопровождалось оно такими-же послѣдствіями. Бросали хозяйство, семьи и принимали «иноческій чинъ» (Правосл. Собесѣд. 1858 г. № 2, стр. 259). И послѣ этого насъ хотятъ увѣрить въ томъ, что религиозная форма, въ которой выражался (будто-бы) гражданскій протестъ, для раскольниковъ не имѣла значенія!..

Расколъ стремился къ преобразованію своего протеста въ протестъ гражданскій, завѣряетъ Юзовъ. А между тѣмъ бунтари XVII, XVIII в. сами бѣглецы или потомки бѣглецовъ, очевидно, выросли хоть до того сознанія, что социальное «горе-зло-счастье» захватываетъ всюду, куда ни бѣги, что цѣпкая, длиннорукая Москва вездѣ достанетъ, и измѣнили свой изстаринный способъ протеста—бѣгство въ открытые бунты на мѣстахъ (хотя и безъ всякой опредѣленной идеи, хотя-бы и затѣмъ только, чтобъ удовлетвориться видомъ крови своихъ лиходѣевъ-личностей). И въ это самое время расколъ «организуеъ сопротивленіе» въ видѣ бѣгства! Для него еще неясно то, что ясно уже для другихъ бунтарей, что отъ Москвы далеко не убѣжишь, — вездѣ достанетъ. Пусть-бы г. Юзовъ хоть примирилъ это противорѣчіе. Да его примирить-то нельзя, потому-что расколъ занимало, какъ мы уже видѣли, вовсе не то, что ему хотеть навязать г. Юзовъ. Возставши за

униженную личность, за право личности «смыть свое суждение и жить», расколъ на томъ и покончилъ. Подготовка къ лучшей загробной жизни, нравственное самоусовершенствованіе личности—вотъ до чего дошелъ расколъ и ни до чего больше не могъ, конечно, добраться. Пусть г. Юзовъ укажетъ опредѣленные общественные идеалы въ расколѣ, особенно въ эпоху Петра? Ихъ не было, какъ и у остальной массы недовольныхъ порядками Петровской эпохи, потому-что вѣдь если говорить серьезно, развѣ можно называть идеалами неопредѣленное стремленіе къ старинѣ? (Я не говорю, впрочемъ, о церковномъ устройствѣ: его идеальныя черты ясно были формулированы Нероновымъ). И къ какой именно старинѣ? Къ удѣльно-вѣчевой? Къ московской? Г. Юзовъ увѣряетъ, что удѣльно-вѣчевая сторона была «страсть какъ хороша». И пусть онъ въ эту прелесть вѣруетъ, намъ нечего разувѣрять его: «блаженъ, кто вѣруетъ» и пр. Но пусть онъ докажетъ, что именно возвращенія удѣльно-вѣчевой системы хотѣлъ расколъ. Одни положенія въ родѣ того, что расколъ возсталъ противъ того-то и того-то, — ничего не доказываютъ. Г. Юзовъ, напр., увѣряетъ, что расколъ возсталъ противъ самодержавія. Почему? Потому-ли, что старовѣры, или покрайности вожди ихъ, самые видные «партизаны противогосударственности» сознавали всѣ невыгоды этой системы, или только потому, что видѣли въ этомъ «единовластительствѣ» признакъ Антихриста, по описанію имѣющаго на себѣ одномъ совмѣстить власти царскую, святительскую и Божію? Если, по сознанію невыгодности системы,—откуда это сознаніе видно? Если по второй причинѣ, то это не «возстаніе» противъ самодержавія. По г. Юзову расколъ возсталъ также противъ самого устройства и состоянія государственнаго управленія (стр. 27). Чѣмъ-же это доказывается? Да ни больше, ни меньше какъ ссылкой на доносъ Плитирима о раскольникахъ: «а всѣ они, гдѣ ни обрѣтаются, благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются». И только! Нечего сказать, убѣдительно... для самого г. Юзова. Ссылаться на доносъ Плитирима, ренегата изъ раскольниковъ, доносами и интригами стяжавшаго себѣ епископскій санъ, «обращавшаго» раскольниковъ съ обязательнымъ содѣйствіемъ воинскихъ командъ, ведшаго съ увѣщаваемыми политику самаго подлаго двоедушія и притворства,—давать цѣну историческаго факта измышленіямъ таковаго... епископа,—что это такое? Полное-ли невѣжество въ предметъ, о которомъ авторъ пишетъ, или желаніе во что-бы то ни стало доказать свое положеніе? Понимаешь, когда Щаповъ, докторантъ духовной академіи, назадъ тому 20 лѣтъ ссылается на авторитеты патріарха

Якима, Питирима, Игнатія; для него, въ его положеніи, довѣріе къ этимъ авторитетамъ было, пожалуй, даже обязательно. А кому угождаетъ г. Юзовъ? Чего ради онъ искажаетъ и уродуетъ факты? Зачѣмъ прибѣгаетъ онъ къ «иносказательнымъ» и «превратнымъ» (въ полномъ смыслѣ) толкованіямъ? Хоть-бы это-то объяснилъ, человекъ!

Я-бы никогда не кончилъ, если-бы также подробно сталъ разбирать всю книжку г. Юзова, да она этого и не заслуживаетъ. Тутъ что ни строчка, то новое по меньшей мѣрѣ недоразумѣніе, а то или ложь, или искаженіе фактовъ. Я только потому такъ подробно остановился на этой главѣ «ислѣдованія», что въ ней, во 1-хъ, кроются причины всѣхъ дальнѣйшихъ заблужденій г. Юзова и его непосредственнаго переписчика Пругавина въ сужденіяхъ о «современномъ» расколѣ, во 2-хъ, потому, что эта глава и газетами, и журналами («В. Европы», «Отеч. Зап.») признана наиболѣе заслуживающею вниманія. На всемъ остальномъ мы остановимся лишь мимоходомъ, чтобы отмѣтить только наиболѣе грубые промахи и курьезы.

Выше я указалъ, что наслѣдство, завѣщанное старовѣрамъ ихъ первыми расколуочителями, было такъ велико, что сразу въ немъ невозможно было разобраться. При разборкѣ его замѣчено было немало противорѣчій, потребовавшихъ примиренія. А между тѣмъ сама жизнь создала новые вопросы и прибавила къ первымъ. Во 1-хъ, оказалось, что благодать улетѣла на небо по случаю пришествія Антихриста и потому не стало возможности совершать таинства; «правильно» рукоположенныхъ поповъ не стало и некому ихъ «правильно» поставить, а безъ попа и таинства почти не стало. Какъ тутъ быть? Нельзя-ли обойтись безъ таинства? А во 2-хъ, Антихристъ пришелъ, и кончины вѣка ждали, ждали и все ее нѣтъ. Что за притча? Какъ надо понимать Антихриста: чувственно или духовно онъ явился? Какъ надо понимать срокъ, назначенный для царства его въ апокалипсисѣ—прямо или иносказательно? и пр. и пр. Нужно представить себѣ старовѣра суевѣрнаго, подавленнаго жизненной тягой и, наконецъ-то, нашедшаго возможность утишить свое неопредѣленно-тревожное состояніе духа, ищущаго разгадки зла, чтобы понять всю важность, все обаяніе для него этихъ вопросовъ. Въ рѣшеніе ихъ онъ душу свою вложилъ, исключительно на нихъ всю жизнь свою тратилъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ онъ прочитывалъ груды книгъ, писалъ обширные трактаты. И все это г. Юзовъ читалъ въ разныхъ книжкахъ, которыми пользовался, но тѣмъ не менѣе все-таки утверждаетъ, что собственно религіозные вопросы для старовѣра въ эпоху Петра

сами по себѣ не имѣли значенія. Но вѣдь потому-то расколъ и «не представлялъ изъ себя ничего цѣльнаго», потому-то въ своемъ развитіи онъ снова и раздробился на секты. Секты образовались по разнообразнымъ причинамъ: несогласіе изъ-за догмата, желаніе одной общины стать центромъ и законодательницею для другихъ—вотъ причины главные. И понятно, что въ силу этихъ причинъ новая секта, выдѣлившаяся изъ другой, вовсе не относилась къ послѣдней дружески, старшая секта вовсе не покровительствовала младшей, какъ увѣряетъ за Шаповымъ г. Юзовъ неизвѣстно на какихъ основаніяхъ. На дѣлѣ всегда выходило такъ, что новая секта неизмѣнно начинала съ проклятій той, отъ которой отдѣлялась. Члены новой секты прежде всего обязывались не сообщаться ни въ пищѣ, ни въ питьѣ съ «невѣрными». Старшая секта также громила младшую и съ своей стороны по отношенію къ ней тоже предписывала своимъ членамъ. Кто изъ одной секты переходилъ въ другую, того въ первой отлучали какъ еретика, въ другой какъ еретика принимали съ особыми обрядами по церковнымъ установленіямъ. Доказательства нетерпимости сектъ во взаимныхъ отношеніяхъ особенно въ началѣ своего возникновенія г. Юзовъ могъ-бы найти опять-таки въ каждой книжкѣ, которыми онъ пользовался, даже въ «Сказаніи», которое онъ облюбовываетъ на нѣсколькихъ страницахъ. Въ этомъ «Сказаніи» авторъ, между прочимъ, отдѣливаетъ и «разнаго вѣроломства (или «разныхъ вѣръ») сектарей», которые подчинились Антихристу (т. е. записались въ двойной окладъ) и потому стали съ Антихристомъ «яко уди (члены) въ единомъ тѣлѣ и съ единою главою». Секта странниковъ начала свое существованіе съ того, что отлучала отъ общенія съ церковью (съ собою) филиппово согласіе, обозвала всѣхъ «другихъ вѣръ сектарей» еретиками (см. «Малый образъ ересей»). Также выдѣлились изъ общаго поморскаго согласія—еодосѣвцы и филипповцы. Этими фактами г. Юзовъ, однако, пренебрегаетъ; онъ считаетъ, напротивъ, нужнымъ идти дальше и утверждать, что «расколъ представлялъ собою федерацію политико-религіозныхъ согласій» и что «согласія находятъ между собою въ непрерывномъ общеніи». Все это, конечно, слѣдуетъ логически изъ той общей идеи, что расколъ со времени Петра представляетъ собою организованный политико-соціальный протестъ во имя старорусскихъ федеративно-общинныхъ идеаловъ, но нисколько не подтверждается фактами, по крайней мѣрѣ приводимыми Шаповымъ и съ его голоса г. Юзовымъ. И въ данномъ случаѣ «примѣръ», приводимый г. Юзовымъ, нисколько и ничего не объясняетъ и не доказываетъ. Мало

того, тотъ-же примѣръ констатируетъ факты ссоръ и убійствъ, происходившихъ между «различныхъ вѣръ сектарами», напр., въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, на каковой конецъ устроена была «общая старообрядческая контора» для разбора дракъ и ссоръ (Юзовъ, стр. 118). Что-же, эта-то «контора» и служитъ выраженіемъ федеративнаго старовѣрскаго принципа? Ссоры и драки и есть доказательство непрерывнаго общенія между согласіями? Что-же касается до другихъ фактовъ, то они доказываютъ только, что отдѣльныя, въ разныхъ мѣстахъ живущія, группы даннаго одного согласія находятся дѣйствительно между собою въ непрерывномъ общеніи. Это справедливо. Хотя и здѣсь это общеніе не доказываетъ непременно полной солидарности группъ. Между ними нерѣдко идетъ борьба за преобладаніе, идетъ соперничество, доводящее иногда, какъ мы уже сказали выше, до разрыва, до основанія новой секты, или до полнаго ослабленія и вымиранія (см. ст. *Вескинскаго*, «Ист. покр. старообр. молебни въ Москвѣ», Пр. Обзор. 1863 г. № 6, стр. 155—156, рознь между поморцами и еедосѣвцами, стр. 137—138, № 7, стр. 226—230).

Ложная мысль, будто религія сама по себѣ не имѣла никакой цѣны для сектантовъ, ведетъ г. Юзова и къ другимъ важнымъ ошибкамъ, отчасти вытекающимъ изъ этой мысли. Такъ, по Аристову, г. Юзовъ поучаетъ, что въ Выговской пустыни, которую онъ рекомендуетъ какъ образецъ внутренняго устройства старовѣрскихъ общинъ, — «самостоятельность стремленій и убѣжденій человѣка считалась неприкосновенною, каждый думалъ и училъ по своему крайнему разумѣнію. Религіозная терпимость была такова, что въ общину поступали даже иностранцы «люторской вѣры». Такъ, помощникъ главнаго расколочителя Капитона, Вавила, по словамъ Денисова: бысть родомъ иноземець, вѣры люторскія, глаголати и писати учився довольно времени въ славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ риторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій и славянскій» (стр. 114). Все это прекрасно, только Вавила сроду не былъ на Выгѣ, а жилъ еще до начала раскола въ Вязниковской пустыни (влад. губ.), гдѣ Капитонъ былъ настоятелемъ. Совершенно понятно, что въ православномъ монастырѣ Вавила жилъ *послѣ перехода въ православіе*, которое онъ принялъ еще при Мих. Ѳеодоровичѣ, а не съ своей «люторской вѣрой». Когда началось старовѣрское движеніе, Капитонъ и Вавила примкнули къ нему и еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, до начала Выговскаго общенія, были сожжены въ своей пустыни (см. *Денисова*, Виногр. Рос. рѣѣ. 1.

л. 103—106). Но относя всецѣло эту одну изъ многочисленнѣйшихъ ошибокъ г. Юзова на совѣсть Щапова, неполно передаващаго фактъ, все-таки нельзя не изумляться легкомыслію, съ которымъ г. Юзовъ выписываетъ однѣ строчки изъ своихъ авторитетовъ и пренебрегаетъ другими строчкамп. Почему онъ не обратилъ вниманія на тотъ первый попадающійся на глаза фактъ въ исторіи и въ догматикѣ *каждой* секты, что при приѣмѣ въ члены секты вновь поступающій подвергался и подвергается «искусу» 6-ти-недѣльному, 4-хъ-недѣльному и пр., потомъ объявлялъ еретическимъ ученіе православной церкви, *или той секты*, откуда переходилъ и затѣмъ надъ нимъ совершался «чинъ принятія», читались молитвы, онъ помазывался миромъ или перекрещивался? Развѣ г. Юзовъ не знаетъ, что странники перекрещиваютъ всѣхъ переходящихъ къ нимъ, даже сектантовъ наболье къ нимъ близкихъ по ученію, напр., едосѣвцевъ, филипповцевъ, спасовыхъ? Почему-же онъ не обращаетъ вниманія на эти факты? Неужели отречься отъ исповѣданія одной секты и принять другое значитъ сохранить неприкосновенность своихъ стремленій и убѣжденій? Неужели требовать отреченія отъ однихъ убѣжденій и принятія другихъ (непремѣнное условіе приѣма въ секту) значитъ считать неприкосновенною самостоятельность стремленій и убѣжденій? Но когда человекъ принимается создавать иллюзію, — ему все нипочемъ!

Г. Юзовъ увѣряетъ, что «порядки Выговской пустыни по преимуществу выражаютъ тенденціи тогдашнихъ расколуучителей»; нѣсколькими строками ниже онъ увѣдомляетъ, что «основатели ея Денисовы прилагали всѣ старанія придать ей характеръ монастыря» (стр. 111). Стало-быть, выговскіе порядки были монастырскіе? О, нѣтъ, увѣряетъ г. Юзовъ, это былъ «союзъ, чисто-житейскій», «такъ-какъ поступленіе въ монастырь происходило не изъ свободнаго сознанія потребности уединенія для богомыслія, не изъ дѣйствительной склонности къ монашеской жизни, а происходило или вслѣдствіе желанія укрыться отъ преслѣдованій (за что? не «за вѣру»-ли?), или изъ слѣпаго энтузіазма (?)» (стр. 112). Слѣдовательно, порядки общины не выражаютъ тенденцій ея основателей, «тогдашнихъ расколуучителей?» Такъ путается въ противорѣчійхъ своихъ авторитетовъ и своихъ иллюзіяхъ г. Юзовъ, когда ему хочется (но не можетъ) доказать, что старовѣры являются «представителями усиленной общинности»... сполна воплощенной въ аскетическомъ монастырскомъ уставѣ Соловецкой обители, взятомъ цѣликомъ или монастыремъ Востока. «Старовѣры «устраивались по образцу древнихъ новгородскихъ погостовъ», сболтнудъ Аристовъ, оче-

видно, рѣшительно не знавшій, что за штука такая «новгородскій древній погостъ». Г. Юзовъ сейчасъ-же беретъ эту болтовню и—въ книжку. Понадергавъ такъ всякой всячины, ничего не провѣривъ, не согласивъ, вывелъ изъ этой всячины, что «общественные идеалы старовѣровъ разнообразы» (стр. 118) и книжку—въ публику!

Выше я замѣтилъ, что, характеризуя раскольничьи ученія, г. Юзовъ дергаетъ и склеиваетъ въ одно отрывки изъ ученій разныхъ сектъ и такимъ образомъ знакомитъ насъ съ «успѣхами рационализма въ старовѣрьи». Я показалъ наглядно на первой главѣ книжки г. Юзова, къ чему приводитъ это дерганье, какая масса лжи и противорѣчій уживается благодаря такому приему на каждой страницѣ его «ислѣдованія». Приведу одинъ-два образчика для примѣра изъ III главы, гласящей объ «успѣхахъ рационализма». «Безпоповецъ Ѡ. И. Быковъ... отвергаетъ обѣтованія о вѣчности церкви съ таинствами» и пр... Другой безпоповецъ «усиливался доказать, что обѣтованія Божія не вѣрны, и что Давиду обѣщана Богъ, что его престолъ будетъ во вѣкъ вѣка, а между тѣмъ еврейскаго священства и царства давно нѣтъ» (стр. 58). «Есть и такіе безпоповцы, говоритъ иг. Павелъ, которые утверждаютъ, что самое священство и таинство евхаристіи и миропомазанія суть нововведенія; будто въ древнюю пору ихъ совсѣмъ не было, и все это введено отъ Никона, а было такъ именно какъ теперь есть у нихъ; то есть были наставники, которыхъ они и зовутъ попами» (стр. 67). «Въ началѣ нашего столѣтія безпоповецъ Никифоръ Петровъ училъ: «всѣ одинаково равны; пастырей не должно быть: всѣ получили одинакую хиротонію и пр...» «Въ 1841 г. Семенъ Куткинъ проповѣдовалъ, что каждый раскольникъ можетъ самъ исправлять церковныя требы» и пр. (стр. 69). «Въ 40 годахъ безпоповецъ Ефимъ Блохинъ дошелъ до совершеннаго отрицанія обязательности св. иконъ, св. писанія и пр. «Маркіонъ Герасимовъ училъ, что чернильному книжному Евангелію не должно вѣрить» (стр. 75) и пр. въ томъ-же духѣ и выводъ: «вся масса безпоповцевъ превращается мало-по-малу въ чистыхъ деистовъ» (стр. 91). Господи, помилуй и сохрани! И какой оригинальный приемъ изслѣдованія! Попробуемъ, однако, продолжать его въ сторону фактовъ, благо-разумно опущенныхъ г. Юзовымъ. Напр., въ статьѣ игумена Павла, цитированной Юзовымъ, есть рядомъ съ его выпиской другое мѣсто, которое онъ опускаетъ. Тѣ-же безпоповцы, которые утверждаютъ, что самое священство—новшество и пр., отсутствіе таинства евхаристіи толкуютъ такъ: «одни говорили, что причастіе текло изъ горы и когда Никонъ измѣнилъ вѣру пере-

стало истекать; другіе толковали, что Христосъ оставилъ чашу съ причастіемъ, которая никогда неоскудѣвала, и изъ нея черпали и повсюду разносили его, а со времени Никона, за премѣненіе вѣры, чаша изсякла и причастія взять теперь не откуда». (Опис. пут. къ литов. старооб. въ 69—70 г. Душен. Чт. 70 г. № 6, стр. 118). «Наставники и чтецы, когда при чтеніи книгъ за службой дойдутъ до такого мѣста, гдѣ писано о священствѣ и причащеніи св. таинъ, то обыкновенно пропускаютъ это мѣсто, чтобы не соблазнять народъ въ никоніанство» (ibid, стр. 119). Когда иг. Павелъ сталъ въ бесѣдѣ съ этими безпоповцами приводить доказательства изъ «книги о вѣрѣ», слушатели на упреки и увѣщанія своихъ наставниковъ отвѣчали: «что-же, онъ намъ отъ нашихъ книгъ говоритъ; почему намъ не слушать его?» (ibid № 7, стр. 156—157). На Дону «почти всѣ безпоповцы стали сознавать необходимость священства, а нѣкоторые изъ нихъ переходятъ даже въ поповщину» (Душ. чт. 73 г. № 8, стр. 375). Тамъ-же безпоповцы въ собесѣдованіи съ иг. Павломъ «никакихъ доказательствъ не слушали, на все говорили одинъ отвѣтъ: «666» (антихристово число), какъ-будто вмѣсто молитвы» (ibid. № 11, стр. 265—266). Раскольники с. Бежбатманъ (каз. губ. свѣяжскаго у.) учатъ, что «мытарства находятся на высокой горѣ, чрезъ которую надо передѣзть, чтобы достигъ царства небеснаго; гора очень скользкая, и чтобъ на ней не поскользнуться и не упасть въ адъ, всѣ ногти, какіе старовѣры срѣзаютъ при жизни, они кладутъ въ пазуху и хранятъ въ увѣренности, что они снова приростутъ къ рукамъ и ногамъ сберегшихъ, а съ помощью такихъ ногтей уже легко будетъ удержаться на горѣ. А кто читаетъ каноны по покойникамъ, того отъ мытарствъ избавитъ протопопъ Аввакумъ». (Рук. для сельскихъ паст. 1864 г. № 26, ст. 339). Въ с. Мордовъ, симб. губ., сенгиліевскаго у. раскольники считаютъ себя обязанными брать у старшаго въ домѣ, или у того, кто случится, благословеніе предъ началомъ всякой работы. Если-же въ домѣ только одинъ человѣкъ, онъ испрашиваетъ благословеніе даже у животныхъ, у столба, у стѣны и пр., у солнца, если оно возшло:—«солишишо Христово, благослови меня седни день куделю прясть» (Рук. для с. паст. 1865 г. № 4, стр. 138—139). «Одинъ раскольникъ» объяснилъ миссіонеру такимъ образомъ текстъ 79 го псалма: «И вепръ отъ дуга и инокъ дивій поялъ и есть».—«Чего ради сказано: «и инокъ дивій?» Того ради, что псаломъ сей пророчесвенный. Патріархъ Никонъ былъ монахъ, того ради рече пророкъ «инокъ дивій». Чего ради сказано: «поялъ и есть?» Того ради, что патріархъ Никонъ вѣру разори, книги премени, обряды

древлецерковный пояде. «Луга» вовсе не *дуброва* (какъ сказано въ исправленной псалтыри) и не «луга», а это есть городъ. Въ этомъ городѣ и родился «инокъ дивій», сирѣчь Никонъ патріархъ (что къ тому-же неправда). (Рук. для сельс. паст. 1867 г. № 26, стр. 256—258). Я могъ - бы для удовольствія г. Юзова умножить эти выписки до размѣра не одного печатнаго листа и изъ нихъ съ серьезнѣйшимъ видомъ вывести, что масса старовѣровъ чуть не фетишисты,—благо онъ уже хочетъ обратить ихъ въ «действовъ-раціоналистовъ»,—и я былъ - бы также правъ, даже правѣе г. Юзова, потому-что я могъ-бы затопить весь «раціонализмъ» старовѣрья, надерганный Юзовымъ, въ морѣ суевѣрій; растущихъ бокъ о бокъ съ этимъ «раціонализмомъ», въ томъ - же старовѣрьи. Но въ томъ - то и дѣло, что, когда явленіе изслѣдуется, а не раскрашивается какъ суздальская лубочная картинка,—такой приемъ не годится. Читатель видитъ изъ приведенныхъ мною выдержекъ, что вѣрованія раскола, особенно его массы, надо изучать обязательно въ связи со всѣми народными вѣрованіями и суевѣрїями и непременно въ связи съ вѣрованіями того мѣста, гдѣ осѣла изучаемая секта. Только тогда можетъ быть получена точная и полная оцѣнка старовѣрскихъ ученій, только тогда полностью выяснится степень «раціонализма» (очень, очень низкая), до которой расколъ доросъ. Но что всего важнѣе,—только тогда мы поймемъ какую роль играетъ развитіе сознанія *всего народа* въ образованіи новыхъ сектантскихъ вѣроученій. При изученіи всего цикла народныхъ вѣрованій, то и дѣло трансформирующихся, мы навѣрное встрѣтимся съ такими, которыя уже несомнѣнно принадлежать къ высшему типу, чѣмъ всѣ возможные сектантскія доктрины. Но такое изученіе народныхъ вѣрованій, народнаго міросозерцанія только-что начинается и притомъ покуда только въ беллетристичѣ и полу-беллетристической публицистикѣ. (Обращаю вниманіе читателя на образчики народнаго міросозерцанія въ ст. «Красный Кустъ» г. Златовратскаго, «Отеч. Зап.» 1881 г. № 1; великолѣпные, вполне жизненные типы сектанта и самодѣльнаго «нигилиста» даны, къ сожалѣнію, мимоходомъ, г. Короленко въ рассказѣ «Обитатели подслѣдств. отдѣленія», «Слово» 1881 г. № 2. Ср. также пастуха Петруху въ «Очеркахъ деревен. настр.» «Отеч. Зап.» 1881 г. № 3).

Надѣюсь, теперь читатель познакомился достаточно съ пріемами «изслѣдованія» г. Юзова и къ его розовымъ иллюзіямъ отнесется съ достоодолжнымъ скептицизмомъ. Теперь еще на одну минутку остановимся на г. Пругавинѣ. Сей учебникъ и наперсникъ г. Юзова съ истинно-московской широтой обобщаетъ

основную точку зрѣнія своего учителя и дастъ ей нѣсколько объясненій, — вотъ это-то обобщеніе мы въ заключеніе и рассмотримъ.

«Расколъ, вѣщаетъ г. Пругавинъ, — это цѣлый религіозно-бытовой культъ (богослуженіе? религія?), выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Въ немъ самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшиваются идеи и стремленія чисто-религіозныя съ вопросами и стремленіями чисто-бытового, социальнаго склада и характера, такъ-что весьма часто бываетъ невозможно опредѣлить: гдѣ кончаются первые и гдѣ начинаются вторые. При этомъ въ однихъ сектахъ беретъ перевѣсъ элементъ религіозный, въ другихъ социальнo (общественно?) общественный (?); тѣмъ не менѣе присутствіе каждаго изъ обоихъ элементовъ неизбѣжно (?) въ ученіи, любой секты. Такъ было прежде, такъ и теперь, и только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектантство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій» (стр. 304). Если-бы не загадочное «религіозно-бытовое богослуженіе» (культъ) и если-бы не «общественно (социально) общественный элементъ», я понялъ-бы это словоизверженіе такъ: главная цѣль однихъ сектъ въ нашемъ расколѣ есть служеніе Богу «ради души спасенія»; главная цѣль другихъ — социальная реформа по выработаннымъ историческою жизнью сектантства социальнымъ идеаламъ. При этомъ стремленіе къ социальной реформѣ есть и у первыхъ, но не оно является господствующимъ; стремленіе служить Богу «ради души спасенія» есть и у сектъ, выражаясь по Шапову, съ «общинно-устроительнымъ» характеромъ, но оно не сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе сектанта. Въ ожиданіи объясненія г. Пругавинымъ понятій «социально-общественнаго элемента» и «религіозно-бытового богослуженія» (культа) ограничимся нашимъ упрощеніемъ и посмотримъ, «такъ-ли это?». Сначала чѣмъ это доказывается? Собственно говоря, ничѣмъ; очевидно, въ истинности и непреложности этихъ положеній г. Пругавинъ не сомнѣвается. Всѣ-же дальнѣйшія его разглагольствія имѣютъ собственно въ виду показать «свѣтлыя стороны раскола». За исключеніемъ фактовъ, нами разобранныхъ, и фактовъ и соображеній, выписанныхъ à la lettre изъ статей (книжки тожь) г. Юзова, для доказательства приведеннаго тезиса могутъ служить развѣ соображенія насчетъ того, что «разныя темныя стороны нашей жизни сознаются сектантами весьма ясно и опредѣленно». Такъ и должно быть, социальный реформаторъ силенъ прежде всего

критикою. Итакъ, посмотримъ самый сильный образецъ сектантской критики (это тотъ самый «стихъ», который г. Пругавинъ вывезъ изъ Арх. Губ.): «грѣхъ скончался (т. е. нынѣ ничто не считается въ грѣхъ), правда, какъ свѣчка, сгорѣла, искренность спряталась, правосудіа въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, истина погребена въ развалинахъ неправды, вѣра въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ въ морѣ, честность вышла въ отставку, вѣрность на вѣсахъ у аптекарей, кротость въ дракѣ и на свѣзжей, законъ у сенаторовъ на пуговицахъ, терпѣніе хочеть лопнуть». (Это уже извѣстное дѣло, что послѣдняя добродѣтель всегда переживаетъ всѣ другія добродѣтели. И въ данномъ случаѣ она еще цѣла,—слава Богу!). Или вотъ другой образчикъ:

Не могу пребыть безъ рыданія!
 До конца гнѣтъ благочестіе;
 Прощѣтаеть нынѣ все нечестіе:
 Духовный законъ съ кореня съчѣнь,
 Чинъ священническъ серебромъ весь плѣненъ,
 Законъ градской въ конецъ истребленъ.
 Вмѣсто законовъ водворилось беззаконье,
 Лихоницы вси грады содержать,
 Немилосердье въ градахъ первые,
 На мѣстахъ злые приставники!..

(„Русск. Мысль“, № 1, стр. 316, 317 и 318).

Но вѣдь это еще не критика. Мало констатировать фактъ, надо распознать и опредѣлить его причины; тогда только могутъ образоваться реформаціонныя стремленія, когда сознаны не только зло, но и его причины (хотя-бы ложныя и наивныя, но такия, исправить которыя зависѣло-бы отъ воли людей). Реформаціонное движеніе или стремленіе потому и реформаціонное, что оно хочеть устраненія сознанныхъ причинъ зла. Какъ-же объясняются «въ религиозно-бытовомъ культѣ» нашихъ сектантовъ причины зла? Одни говорятъ (и ихъ большинство): зло отъ Антихриста. Понятно, что это рѣшеніе сразу исключаетъ возможность какихъ-бы то ни было «соціально-общественныхъ» стремленій. Антихристъ царствуетъ, стало-быть, спасай свою душу и жди обѣщанной Богомъ побѣды Христа надъ Велдаромъ, добра надъ зломъ. Возьмемъ теперь типъ сектъ общинноустроительныхъ, реформаціонныхъ, напр., штунду, это ужъ самый любезный сердцу г. Пругавина примѣръ. Штундисты учатъ: Богъ создалъ и далъ человѣку все необходимое для жизни и указалъ людямъ жить по-братски, любить другъ друга, помогать, защищать и пр. Но люди не захотѣли быть братьями. Почему? Штундизмъ

не объясняетъ. Но если люди «не захотѣли», то дѣло ясно, стало-быть, зло въ нихъ самихъ, это—злая воля. И вотъ злая-то воля привела людей къ крайней степени развращенія. Богъ разгнѣвался за это на людей и наказалъ ихъ рабствомъ. Они всячески стараются владычествовать другъ надъ другомъ, стѣснять, угнетать, обирать и заставлять другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось-бы. Такимъ образомъ, зло—это Божье наказаніе, и существуетъ потому, что люди не захотѣли быть братьями. Что-же дѣлать? Какъ устранить зло? Очевидно—пока Богъ не умилостивится, сдѣлать ничего нельзя. Остается не грѣшить и просить Бога о снятіи съ людей наказанія, о нравственномъ перерожденіи ихъ. Отсюда опять-таки—проповѣдь личнаго самоусовершенствованія, проповѣдь спасенія своей души отъ грѣха. Общественный порядокъ не годенъ, штундистъ это знаетъ, но онъ не устранимъ, пока не исправится человекъ, личность. Исправится онъ, исправится и жизненные порядки. Желалъ-бы и знать теперь, какъ отсюда вытекають, навязываемые штундизму, общественные идеалы? Гдѣ въ штундизмѣ скрываются социальна-реформаціонныя стремленія?

Идеаль всего нашего раскола и сектантства и есть именно нравственное самоусовершенствованіе ради спасенія души, ради достиженія царства небеснаго. Этотъ идеаль и осуществляется по возможности. Пока сильно религіозное одушевленіе въ сектѣ, нравственность сектантовъ дѣйствительно поднимается страшно высоко надъ общимъ уровнемъ. Въ силу такого подъема нравственности, сразу-же улучшается и общественный бытъ ихъ. Всѣ они выигрываютъ, дѣлая, по Евангелію, другъ другу добро. Тогда мы изумляемся и говоримъ: «вотъ здѣсь» самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшаны религіозныя стремленія съ стремленіями «социально-общественными»,—вотъ высокіе общественные идеалы; очевидно, эти люди «социально-общественные» реформаторы». И, разумѣется, «попадаемъ пальцемъ въ небо». А тѣмъ временемъ религіозный пылъ новой секты ослабѣваетъ, окружающій социальный строй, въ особенности господствующій за спиной секты экономическія условія продолжаютъ на нее воздѣйствовать. Начинаются сдѣлки съ совѣстью. «Нельзя нанимать рабочихъ», говорили сектанты сначала»,—«это грѣхъ». Потомъ начинаютъ говорить: «нельзя нанимать членовъ своей секты», чужихъ, стало-быть, становится нанимать *можно*. А затѣмъ, глядишь, и кулаки показались, да изъ среды самыхъ-то что ни есть реформаторовъ, или наставниковъ секты! (см. у Пругавина, Программа etc., стр. 9). Вотъ вамъ и «социально-общественные» идеалы и стремленія! И остается въ результатъ богатая

община эгоистовъ по отношенію къ виѣ ея живущимъ сотнямъ мелкихъ общинъ не сектантовъ, которыхъ эта сектантская община эксплуатируетъ по принципу.

Не одну тысячу лѣтъ слышимъ мы горячую проповѣдь личнаго самоусовершенствованія и для спасенія души, и для устройства лучшаго соціального порядка. Не одну тысячу лѣтъ также жизнь твердитъ намъ, что никогда этимъ путемъ еще не удавалось осуществить болѣе справедливый общественный строй. Г. Пругавинъ и г. Юзовъ думаютъ, повидимому, иначе, но это дѣло ихъ личнаго вкуса; своихъ воззрѣній для другихъ они не доказали. Пусть они увѣряютъ, что есть секты религиозно-общественныя и общественно-религиозныя, что есть «общественно-соціальные» идеалы въ этихъ сектахъ. Но разъ въ основѣ міровоззрѣнія лежитъ религія, мы позволяемъ себѣ насчетъ «общественныхъ идеаловъ» этого міровоззрѣнія имѣть свое особое мнѣніе.

Но неужели-же религиозныя доктрины, столь искренно принятыя, такъ сильно повліявшія на жизнь общины по крайнемѣрѣ на время, потомъ совсѣмъ проходятъ безслѣдно, «какъ легкій пылъ похмѣлья?» спросить читатель. Нѣтъ, какъ и всякое другое общественное явленіе, онѣ, эти доктрины, не остаются безъ вліянія на жизнь и развитіе общества. Онѣ развиваютъ и дисциплинируютъ мысль, которая надъ ними работаетъ,—это въ первыхъ. Во-вторыхъ, жизнь религиозныхъ общинъ интересуетъ окружающія массы; контрастъ сектантскихъ общинъ съ общинами несектантскими столь рѣзокъ, такъ бросается въ глаза, что не можетъ не обострять въ послѣднихъ недовольства своей невеселой долей, не можетъ не толкать ихъ на раздумье на тему «какъ-же быть, чтобъ бѣды избыть?» Въ самихъ сектахъ возбужденная мысль бродитъ. Когда спадаетъ религиозный пылъ, когда община сектантовъ замыкается въ созерцаніи своихъ добродѣтелей, начинаетъ нравственно осѣдять, опускаться, когда виѣшнее лицемѣрное соблюденіе сектантскихъ приличій скрывается нагнетеніемъ на личность,—эта личность тотчасъ возстаетъ противъ нагнетенія, противъ фальши и двудушія, какія начинаются въ общинѣ. Начинается протестъ меньшинства, споры, только-что успокоившаяся въ безмятежномъ переживаніи выработанныхъ категорій, мысль опять начинаетъ работать, выдѣляется новая секта... Она снова пробѣжитъ свой кругъ, какъ бѣлка въ колесѣ, повторивъ исторію своихъ старшихъ сестеръ, но она сдѣлаетъ свое дѣло, убѣдивъ, наконецъ, людей, что въ дѣлѣ реформы общественныхъ отношеній мало одной идеи личнаго самоусовершенствованія. Наконецъ, нельзя не замѣтить,

что когда даже проходит религиозный энтузиазмъ, на правахъ остается нѣкоторый осадокъ этого энтузиазма; нравы дѣлаются нѣсколько «человѣчнѣе», по крайней-мѣрѣ, по отношенію къ *сеоимъ*.

Само собою понятно, что раскрашивать сектантство, приходитъ отъ него въ особенный восторгъ, «видѣть въ немъ великій залогъ развитія русскаго народа, залогъ того свѣтлаго, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ будущаго, которое несомнѣнно ждетъ насъ впереди» (Пругавинъ), — рѣшительно нѣтъ никакихъ резоновъ. Г. Пругавинъ не хочетъ видѣть, какой длинный путь лежитъ между міровоззрѣніемъ, последнее слово котораго есть нравственное усовершенствованіе личности, какъ способъ реформировать общество, и между наукой, настаивающей прямо на томъ, что общественныя отношенія больше вліяютъ на нравственную формировку личности, чѣмъ нравственная личность на улучшеніе общественныхъ формъ. Г. Пругавину кажется даже, что расколъ прошелъ этотъ путь, и не удивительно, почему это ему кажется: онъ вѣдь «дальнозоркій». Если-бы мы стали дожидаться, пока расколъ пройдетъ эту длинную дорогу даже съ нашимъ пособіемъ, то у насъ-бы за это время, какъ говорится, «зубы позеленѣли». Къ счастью, социальное развитіе идетъ не по одному этому пути; народная мысль работаетъ не въ одномъ этомъ направленіи. Сбрасывая мало-по-малу гнетъ суевѣрій, она прямо начинаетъ искать реальныхъ причинъ зла и по этой дорогѣ, конечно, скорѣе придетъ къ цѣли. Вотъ на этомъ-то пути наблюдать движеніе народной мысли дѣйствительно чрезвычайно важно. Это работа стоящая. Но она и потруднѣе сочиненія иллюзій и выраженія восторговъ по поводу двухъ-трехъ непонятыхъ, неосмысленныхъ фактовъ...

И. Харламовъ.

ЕВРЕИ И КУЛАКЪ.

(ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ).

I.

Многосложную задачу возлагаетъ на русскаго публициста правильный диагнозъ народнаго движенія, потрясшаго недавно югъ Россіи. Не мало писалось и говорилось о минувшихъ событіяхъ еврейскаго погрома, но, къ сожалѣнію, слишкомъ живое впечатлѣніе отдѣльныхъ фактовъ, грустные и тяжелые эпизоды, естественно дробившіе наше вниманіе, и, всего болѣе, неизбѣжные національные предрасудки и страсти заслоняли въ значительной мѣрѣ и отъ прессы и отъ общества важное значеніе пережитыхъ Россіей моментовъ. Уже во второй разъ, черезъ короткій промежутокъ времени, разыгрывается на югѣ Россіи бурная русско-еврейская драма, принимающая съ каждымъ разомъ все болѣе опредѣленный и социальный характеръ остраго экономическаго конфликта, въ которомъ почти незамѣтно политической окраски и очень мало племенной и религіозной вражды, возбуждавшей съ такою силой православное населеніе противъ евреевъ встарину, въ лихія времена Хмѣльницкаго и гайдамачины. Самый образъ дѣйствія народа, озлобленнаго и изстрадавшагося не вполне отвѣчаетъ обычнымъ представленіямъ о его дикости и его свирѣпыхъ и кровожадныхъ инстинктахъ. Какъ со стороны внутренней, такъ и съ внѣшней не мало является въ этомъ народномъ движеніи новыхъ и характерныхъ чертъ, достойныхъ глубокаго вниманія. Но всего важнѣе для насъ самъ собою возникающій вопросъ: есть-ли надежда на то, что это движеніе бесслѣдно замерло съ послѣднимъ взмахомъ розогъ и послѣднимъ крикомъ высѣченнаго, и можемъ-ли мы, послѣ полицейскаго фянала этой трагедіи, поблагодарить свое догадливое начальство и

спокойно ждать будущаго, не беспокоя себя никакими тревожными и мрачными перспективами?

Во все время послѣдняго погрома неустанно шли самые оживленные толки о еврейской эксплуатаціи. Люди всѣхъ партій выражали къ ней отвращеніе и справедливо видѣли въ ней страшное зло, подтачивающее благосостояніе многихъ милліоновъ народа. Но самую громкой шумихой было патріотическое слово въ защиту «сихъ» и въ посрамленію «онимъ». Консерваторы-народники превзошли самихъ себя въ изліяніи своего негодованія и, казалось, чувствовали сильнѣе самого народа гнѣтъ еврейской эксплуатаціи.

Собственно, кромѣ хорошаго, ничего нельзя было-бы сказать объ этихъ чувствахъ, если-бы въ ихъ шумномъ и крикливомъ изъявленіи не слышалось столько грубыхъ и фальшивыхъ нотъ національнаго самообольщенія. Спрашивается, чего не видали мы въ этой еврейской эксплуатаціи и что въ ней оскорбляетъ нашу собственную чистоту и непорочность? Во-первыхъ, если намъ въ диковинку самая эксплуатація, то уже-ли можно было проглядѣть у себя подъ бокомъ родное кулачество, столь мощное и вліятельное въ экономической жизни нашего народа. Если, во-вторыхъ, еврейская эксплуатація болѣе ужасна, то откуда такое убѣжденіе безъ сопоставленія ея съ русскимъ кулачествомъ? Наконецъ, если еврейская эксплуатація уже тѣмъ виновата, что вызвала въ народѣ волненія, то это трижды обязываетъ сравнить ее съ кулачествомъ, ибо если какъ-нибудь обнаружилась-бы ея большая опасность и зловредность, то отсюда вытекало-бы весьма простое заключеніе. Народъ, не вынесшій слабѣйшаго гнета еврейской эксплуатаціи въ юго-западномъ краѣ, не можетъ остаться пассивнымъ страдальцемъ и въ центрѣ Россіи, и въ этомъ случаѣ истинный патріотизмъ обязывалъ-бы обратить удвоенное вниманіе на такую страшно-серьезную возможность.

Словомъ, обсужденіемъ одной еврейской эксплуатаціи не можетъ и не должна оканчиваться роль публициста, относящагося критически къ явленіямъ народной жизни. Еврейская эксплуатація невольно заставляетъ насъ оглянуться на самихъ себя, не ожидая горькихъ опытовъ неумолимой дѣйствительности. Факты, достаточно извѣстные всѣмъ, даютъ право думать, что участь юго-западнаго края, уже во второй разъ избираемаго ареной народныхъ волненій, не такъ гадательно какъ кажется, угрожаетъ тѣмъ мѣстностямъ Россіи, гдѣ пріютилось русское кулачество. Быть можетъ, нѣкоторыя второстепенныя обстоятельства, въ родѣ присущаго юго-западному краю историческаго предрасположенія къ набѣгамъ на евреевъ, съ своей стороны содѣйствовали

возникновенію нынѣшнихъ волненій. Но коль скоро, какъ это всѣми признано, ихъ внутреннее содержаніе и смыслъ заключался по преимуществу въ имущественной коллизіи двухъ противоположныхъ *экономическихъ сторонъ*, а не націи и не сословіи, то весьма естественны опасенія и за тѣ мѣстности, гдѣ именно имущественныя отношенія такъ глубоко потрясены кулачествомъ. Нужно совершенно не знать природы и силы этого кулачества, чтобы, въ виду его, заниматься такимъ бесплоднымъ и, мы скажемъ даже, вреднымъ дѣломъ, какъ травля злосчастнаго «жида». Подозрѣваютъ-ли всѣ эти гг. Аксаковы, Гиляровы и Катковы, какую веселость возбуждаютъ они этой травлей въ «обстоятельномъ» московскомъ кулакѣ и съ какимъ искреннимъ смѣхомъ этотъ кулакъ, читая ихъ грозные филиппики противъ евреевъ, долженъ приговаривать: «такъ ихъ, каналий... хор-р-рошенько ихъ!» Русский человѣкъ обладаетъ большою долей природнаго здраваго смысла, онъ никогда не проглядитъ сущности, подъ какою-бы сложною оболочкой она ему ни представилась. Между тѣмъ, какъ мы, сбиваемые съ толку сатанинской изворотливостью и юркостью еврея, ужасаемся его злодѣйствамъ и готовы причислить его къ злѣйшимъ эксплуататорамъ въ мірѣ, кулакъ, столкнувшійся два-три раза съ евреемъ, сразу даетъ ему настоящую цѣну и рѣшаетъ, что въ сравненіи съ нимъ жидъ «мальчишка и щенокъ». Известно, что въ чертѣ осѣдлости евреевъ, великорусскіе промышленники не только не считаютъ евреевъ опасными конкуррентами, но даже признаютъ ихъ полезными для себя, всегда обращая ихъ въ своихъ подручныхъ, другими словами, первѣйшіе эксплуататоры въ мірѣ, — жида, обращаютъ русскимъ кулакомъ изъ эксплуататоровъ въ эксплуатируемыхъ. Въ 1868 году во всѣхъ газетахъ сообщалось, что 18 первостатейныхъ русскихъ купцовъ обратились къ высшему правительству съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ держать приказчиковъ и повѣренныхъ изъ евреевъ и вообще о разрѣшеніи пребыванія ихъ въ Россіи. Въ известномъ «Исслѣдованіи о торговлѣ на украинскіхъ ярмаркахъ» г. Аксакова мы находимъ не мало указаній на то, какъ искусно русскіе промышленники забираютъ въ свои руки всѣ дѣла при помощи евреевъ, какъ эти промышленники «берутъ постоянно перевѣсъ надъ евреями въ торговлѣ», какъ въ своей нѣжности къ тѣмъ-же евреямъ они даютъ имъ ласковое названіе «жидковъ». Это относится къ Малороссіи, гдѣ евреи вполне обжились и имѣли полную возможность взять исключительно на себя «попеченіе о мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ». Если отсюда мы перенесемся въ настоящее отечество русскаго кулака, въ промышленную полосу Россіи, гдѣ уже

носится и свистить его плантаторскій бичъ надъ головами населенія, то убѣдимся, что не даромъ онъ смотритъ свысока на тощаго и забитаго жида-эксплуататора и сознаетъ все свое превосходство надъ нимъ. Тогда-то, какъ намъ кажется, въ глазахъ истинныхъ патриотовъ еврейская эксплуатація должна утратить все свое значеніе, ибо не время разглядывать сучокъ въ чужомъ глазу, когда въ своемъ застряло бревно. Разъ уже народъ обнаружилъ въ такихъ недвусмысленныхъ формахъ свою раздражительность подъ гнетомъ сравнительно немощной еврейской эксплуатаціи, неизбежно является опасеніе болѣе сильнаго взрыва народнаго озлобленія, соотвѣтственно болѣе сильному давленію русскаго кулачества.

Этими соображеніями, какъ мы полагаемъ, достаточно опредѣляется *необходимость* и смыслъ параллели, которую мы намѣрены провести между еврейской эксплуатаціей и русскимъ кулачествомъ. Прежде всего займемся первой и потомъ перейдемъ ко второму.

Такъ-какъ *народность* нынѣшнихъ волненій имѣетъ тѣсную связь со многими высказываемыми въ этой статьѣ предположеніями и заключеніями, а между тѣмъ являлись разныя догадки насчетъ участія въ этихъ волненіяхъ сторонней, чуждой народу, силы, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Всего болѣе поражаело въ этомъ движеніи отсутствіе всякаго насилія надъ личностью евреевъ; уничтожалось только ихъ имущество, но уничтожалось безкорыстно, съ какой-то непостижимой выдержкой и строгой вѣрностью избранной цѣли. Примѣсь насилія была-бы большимъ несчастіемъ для страны, потому-что замаскировала-бы истинный смыслъ этого народнаго движенія и лица-бы насъ тѣхъ полезныхъ уроковъ, которые мы можемъ извлечь изъ него въ интересахъ будущаго.

Была попытка объяснить дисциплинированный характеръ нынѣшняго народнаго движенія, руководящимъ вліяніемъ социальнореволюціонной партіи. Факты, добытые судебнымъ слѣдствіемъ, не дали, какъ извѣстно, прочной опоры такому предположенію, и есть много серьезныхъ основаній признать его неправдоподобнымъ. Безкровный характеръ нынѣшнихъ волненій прежде всего останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Если мы должны видѣть въ этомъ безкровіи персть нынѣ дѣйствующей партіи социальныхъ революціонеровъ, если это согласно съ ея духомъ и ея обычнымъ образомъ дѣйствій, то она, конечно, не подвергалась-бы столь безпощаднымъ преслѣдованіямъ. Но допустимъ, что эта партія, дѣйствительно, склонна къ произведенію безкров-

ныхъ народныхъ волненій,—все-таки эта склонность не могла бы имѣть никакого значенія безъ таковой-же склонности въ самомъ народѣ. Будь у народа малѣйшая собственная жажда насилія, она прорвалась-бы неизбежно, разъ онъ такъ близко стоялъ къ этому насилію. Хорошо извѣстно, что отлично выдрессированная армія не можетъ быть удержана отъ грабежа даже угрозой смерти и самымъ строгимъ надзоромъ безчисленнаго множества властей. Но могла-ли-бы въ данномъ случаѣ ничтожная горсть людей подавить внутренніе порывы нестройныхъ народныхъ массъ силою нѣсколькихъ словъ? Этому плохо вѣрится.

Мы полагаемъ далѣе, что подозрѣніе социальна-революціонной партіи въ произведеніи беспорядковъ на югѣ Россіи опровергается еще и тѣмъ, что они являются во многихъ отношеніяхъ повтореніемъ извѣстнаго одесскаго погрома, бывшаго 8 лѣтъ тому назадъ, когда не было ни слуху, ни духу ни о какихъ социалистахъ и революціонерахъ. И тогда одесскія событія не остались изолированными, они нашли себѣ откликъ, какъ передавали газеты, въ Елисаветградѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, въ въ Землѣ Войска Донскаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полтавской губерніи. Читая тогдашнія извѣстія объ одесскомъ погромѣ, иногда невольно станешь въ тупикъ предъ поразительнымъ сходствомъ его съ нынѣшними южно-русскими волненіями. Оказывается, напр., что и тогда, какъ и нынѣ, между крестьянами ходили упорные слухи о существованіи Высочайшихъ указовъ, предписывающихъ яко-бы уничтожать еврейское имущество. Г. Оршанскій, описывая событія того времени въ книгѣ, изданной имъ въ 1872 году, рассказываетъ, между прочимъ, о слѣдующемъ фактѣ. «Спустя недѣлю послѣ Пасхи, въ селеніи Еремѣевкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, толпа крестьянъ пришла къ становому приставу съ требованіемъ, чтобы онъ обнародовалъ указъ о разграбленіи евреевъ, каковой указъ имъ полученъ и держится втайнѣ изъ дружбы къ посессору-еврею въ этомъ селеніи. Приставъ, видя, что толпа значительно наэлектризована, и не располагая никакими средствами къ противодѣйствію возможнымъ съ ея стороны насиліямъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ сказалъ крестьянамъ, что указъ дѣйствительно есть и будетъ имъ прочитанъ дня черезъ два въ церкви при богослуженіи и посоветовалъ имъ воздержаться отъ всякихъ насилій противъ евреевъ до обнародованія указа. Затѣмъ, онъ послалъ въ ближайшее мѣсто за отрядомъ войска и по прибытіи его *разубѣдилъ* крестьянъ относительно мнимаго указа. Въ той-же мѣстности между крестьянами распространился оригинальный слухъ, будто желѣзная дорога везетъ даромъ всѣхъ желающихъ

ѣхать въ Одессу для истребленія жидовъ. Вслѣдствіе этого толпы народа нѣкоторое время являлись къ «машинѣ» съ предложеніемъ своихъ услугъ для новаго крестоваго похода». (Евреи въ Россіи», очерки и изслѣдованія И. Г. Оршанскаго, Спб., 1872 г., стр. 231). Духъ, какъ видите, совершенно тотъ-же. И тогда не творилось никакихъ насилій надъ евреями, движеніе направлено было исключительно противъ ихъ имущества. Весьма замѣчательно, что и финалъ одесскаго погрома былъ тотъ-же, что и нынѣшняго: сперва поголовное сѣченіе въ пользу администраціи, а потомъ судъ, какъ независимая дань закону. Писались точь въ точь такія-же статьи объ еврейской эксплуатаціи, какія мы читали и нынѣ; только дѣйствительнѣе изъ «патріотовъ своего отечества» и народниковъ аксаковской школы не отводили души травлей злополучнаго еврея, храня лукавое молчаніе о тѣхъ православныхъ жидкахъ, которые давно уже сосутъ сердце Россіи.

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній считать нынѣшнія волненія на югѣ Россіи продуктомъ постороннихъ махинацій и дѣломъ кучки злоумышленниковъ, а не самаго народа. Конечно, при общей склонности нашей представлять себѣ всякій протестъ народа, выражающійся дѣломъ, всякую широкую разрушительную дѣятельность его не иначе, какъ въ обстановкѣ крови и побоища, событія одесскія и еще болѣе нынѣшнія волненія на югѣ должны казаться поразительными и малопонятными. Мы, однако, можемъ теперь убѣдиться во-очію, что народъ далеко не такъ жестокъ и кровожаденъ, какъ мы привыкли думать. Стремясь выразить въ наибольшей чистотѣ двигающую имъ идею, онъ ни на шагъ не уклоняется отъ нея, если не встрѣчаетъ стороннихъ помѣхъ, сбить его на путь насилія можетъ только встрѣченный имъ отпоръ со стороны другой силы, и въ данномъ случаѣ справедливость обязываетъ признать вполне благоразумнымъ и дѣлесообразнымъ рѣшеніе власти не прибѣгать къ вооруженной силѣ. Конечно, печально, что народъ не выразилъ съ еще большей ясностью и недвусмысленностью своихъ нуждъ и потребностей, не заговорилъ прямымъ человѣческимъ языкомъ, и если-бъ была такая возможность, безъ сомнѣнія, не было-бы даже и тѣхъ безкровныхъ волненій, которыя въ данномъ случаѣ были для народа условной формой рѣчи.

II.

Если мы внимательно остановимся на событіяхъ, разыгравшихся на югѣ Россіи, то въ нихъ мы, такъ-сказать, прочтемъ сжатый, но совершенно полный, живой и правдивый трактатъ

о еврейскомъ вопросѣ, какъ онъ только можетъ быть понятъ самымъ дальновиднымъ и добросовѣстнымъ публицистомъ.

Прежде всего, направивъ свою разрушительную дѣятельность исключительно и всецѣло противъ еврейскаго имущества, народъ какъ-бы пальцемъ указываетъ на ближайшую причину всѣхъ своихъ невзгодъ. Не еврей, какъ таковой, ненавистенъ массѣ, но эксплуататоръ; не религія и не племенные свойства его дѣлаютъ присутствіе въ странѣ невыносимымъ, но тѣ имущественныя, экономическія отношенія, въ которыхъ онъ стоитъ къ населенію. Отмѣтивъ этотъ первый пунктъ въ еврейскомъ вопросѣ—эксплуатацію, народъ, конечно, не заблуждался, онъ выразилъ то, что онъ чувствуетъ, отъ чего онъ страдаетъ многое множество лѣтъ, и пусть адвокаты еврейства не тратятъ даромъ своихъ усилій, отрицая еврейскую эксплуатацію. Не только отрицать, но и смягчать ее нельзя. Отрицать—совсѣмъ нелѣпо. Я чувствую нестерпимую боль и выражаю ее стономъ и крикомъ, а какой-то человекъ со стороны, въ родѣ г. Оршанскаго или публициста «Разсвѣта», начинаетъ доказывать мнѣ, что я никакой боли не чувствую, не долженъ и не могу чувствовать, по какимъ-то неизвѣстнымъ ему соображеніямъ и «даннымъ». Еще въ періодъ одесскаго погрома г. Оршанскій старался этими «данными», точно ватой, заткнуть уши своимъ читателямъ и тѣмъ доказать имъ, что народъ не кричитъ и не вопитъ отъ еврейской эксплуатаціи. Черезъ 8 лѣтъ изъ груди народа вырвался, однако, новый и еще болѣе мощный крикъ, который, конечно, проникнетъ чрезъ всякую вату, чрезъ всякія «данныя» въ уши всѣхъ, кто не глухъ отъ природы. Увы! еврейская эксплуатація не миражъ и не измышленіе «враговъ еврейства». Еще съ крѣпостнаго права еврей овладѣлъ въ юго-западномъ краѣ тѣмисторонами его промышленно-хозяйственной жизни, которыя приводятъ его въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ населеніемъ и его матеріальными интересами. Все, чтобы ни сдѣлалъ крестьянинъ, всѣ продукты его труда, всѣ его нужды, всякаго рода предпріятія, планы и надежды предъявляются, какъ послѣдней инстанціи, еврею. Еврей—ходячій рынокъ сбыта, всегда открытая ссудная касса, онъ-же—хозяинъ-предприниматель, дающій работу крестьянскимъ рукамъ и въ то-же время купецъ и обладатель всякихъ товаровъ, которые отъ него можно получать какимъ угодно путемъ: въ обмѣнъ, на деньги, въ кредитъ. Весьма часто одинъ и тотъ-же еврей совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти разнообразныя функціи, и крестьянинъ, который попался ему въ руки, напр., какъ продавецъ хлѣба, непременно попадается ему же на зубъ въ качествѣ покупщика того или другого продукта,

должникъ всегда обращается евреемъ въ выгоднаго работника или въ обязательнаго продавца извѣстнаго товара и т. д. Что сорвется у еврея въ одномъ случаѣ—а это часто бываетъ, то наверстывается въ другомъ, что бываетъ еще чаще. За каждый свой гешефтъ онъ довольствуется умѣреннымъ барышомъ и всѣ его гешефты по размѣрамъ крайне мелки; онъ сосетъ не широкимъ, вмѣстительнымъ насосомъ, какъ обстоятельный русскій кулакъ, но маленькимъ, комаринымъ хоботкомъ. Такъ-какъ въ каждый свой сеансъ еврей беретъ мало, то крестьянинъ, имѣющій съ нимъ дѣло, всегда остается доволенъ имъ въ отдѣльномъ случаѣ; но, слагая сумму этихъ отдѣльныхъ случаевъ, крестьянинъ не можетъ не ощутить въ итогѣ очень чувствительнаго ущерба. Въ каждомъ частномъ случаѣ еврей удовлетворяетъ крестьянина тѣмъ болѣе, что нерѣдко вовсе не беретъ барыша и даже продаетъ вещь дешевле, чѣмъ она ему стоитъ, въ расчетѣ выручить поскорѣе затраченные деньги и обратить ихъ на представившійся новый выгодный гешефтъ. Вотъ почему крестьянинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ такого торга, часто говоритъ съ видимымъ удовольствіемъ: «дешевле, чѣмъ у жида не купишь, и не думай!» но когда онъ вспомнитъ, какъ тотъ-же еврей, продавшій ему за безцѣнокъ какой-нибудь хомутъ или ведро дегтю, скупили у него самого въ трудную минуту нѣсколько четвертей хлѣба чуть не даромъ, а передъ тѣмъ наняли его работать въ уплату занятой суммы по такой цѣнѣ, что надъ нимъ трунили его односельчане, тогда удовольствіе крестьянина постепенно исчезаетъ, угрюмо почесываетъ онъ затылокъ и, сердито сплевывая въ сторону, заключаетъ свои размышленія обычнымъ изреченіемъ: «одно слово—жидъ».

Ошибочно было-бы видѣть въ такой эксплуатаціи злостную преднамѣренность со стороны евреевъ и полагать, что здѣсь есть непремѣнный расчетъ завлечь въ одномъ случаѣ, чтобы легче обобратъ въ 20-ти другихъ случаяхъ. Вообще злостность чужда характеру еврея, всегда мягкому, уступчивому и скорѣе доброжелательному, чѣмъ проининому разсчитанной ненавистью или злобой. Еврей—слѣпая коммерческая машина, устроенная по извѣстной системѣ вполне независящими отъ его воли обстоятельствами. Машина эта до-чиста обираетъ крестьянина, но это совершается само собою, а не по злокозненности. Еврейская масса не обладаетъ большими капиталами, ихъ хватаетъ у каждаго еврея на самый грошевый оборотъ и оттого оборотъ этотъ долженъ быть быстръ и стремителенъ, чтобы получился самый скромный барышъ, едва достаточный для прокормленія. Независимо отъ ничтожности капиталовъ, необходимо еще взять

въ расчетъ скученность еврейской массы, запертой съ давнихъ поръ въ городахъ и мѣстечкахъ юго-западнаго края такъ-называемой чертой осѣдлости. Городское населеніе этого края биткомъ набито евреями, и каждый изъ нихъ промышляетъ тѣмъ-же, чѣмъ и другой. Поэтому конкуренція между ними, вопреки ходячимъ мнѣніямъ о ихъ сплоченности и кагалномъ устройствѣ, громадна. Каждый еврей знаетъ, что если онъ упуститъ случай сорвать барышъ, то имъ немедленно воспользуется любой изъ хищной, полуголодной толпы, его соотечественниковъ. Оттого-то еврей, занятый какимъ-нибудь дѣломъ, тотчасъ старается развязаться съ нимъ, даже въ ущербъ себѣ, разъ его острое обоняніе почуяло возможность болѣе выгоднаго оборота.

Многіе, писавшіе о еврейскомъ бытѣ, знакомые съ нимъ поверхностно или понаслышкѣ, утверждали, будто еврейская эксплуатація непобѣдима на томъ основаніи, что она прибрала къ своимъ рукамъ громадныя капиталы и не выпускаетъ ихъ изъ своей среды, образуя дружную ассоціацію, во всемъ враждебную христіанскому населенію. Въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего похожаго на правду: ни капиталовъ, ни ассоціаціи рѣшительно нѣтъ и въ поминѣ у евреевъ. Большинство крупныхъ капиталистовъ юго-западнаго края не евреи, а христіане. Крупныя фабриканты, первостатейные купцы и подрядчики составляютъ ничтожный процентъ между евреями. Такъ въ виденской губерніи численность евреевъ доходитъ до 108,437 на 191,468 душъ городскихъ сословій (по даннымъ Статист. Врем., II, вып. I, 1871), а между тѣмъ евреямъ принадлежитъ всего около $\frac{1}{4}$ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ витебской губерніи, гдѣ евреи составляютъ больше половины городского населенія, они также владѣютъ $\frac{1}{4}$ всѣхъ фабрикъ. Въ могилевской губерніи евреевъ считается 148,718 ч. на 157,756 чел. городского населенія, а еврейскія фабрики составляютъ $\frac{1}{6}$ всего числа ихъ. Въ кievской губерніи въ городахъ евреевъ въ 4 раза больше, чѣмъ лицъ другихъ вѣроисповѣданій, а между тѣмъ еврейскихъ фабрикъ въ 5 разъ меньше. Въ подольской губерніи евреевъ въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, а фабрикъ еврейскихъ въ 2 раза меньше. Въ волынской губерніи евреевъ почти въ три раза больше, а еврейскихъ фабрикъ столько-же, сколько у христіанъ. Самые значительныя въ этомъ краѣ владѣльцы суконныхъ фабрикъ и свекло-сахарныхъ заводовъ, всѣ тузы промышленнаго и финансоваго міра, вышли за весьма немногими исключеніями, изъ среды христіанъ. Евреи же занимаются лишь мелкой торговлей, всякаго рода посреднической дѣятельностью, скупкой и перекупкой крестьянскихъ продуктовъ по мелочамъ и ремеслами. Оптовой хлѣбной тор-

говлей, наиболее прибыльной, также занимаются не евреи, они только комиссионеры иностранных, преимущественно немецких купцов, которые издавна распоряжаются хлебной торговлей западнаго и юго-западнаго края (см. Янсонъ, «Пинскъ и его районъ»).

Несправедливо и другое мнѣніе, будто евреи дѣйствуютъ въ торговлѣ и промышленности за одно, по какому то тайному сговору и соглашенію. Съ виду, дѣйствительно, вся еврейская масса—какъ одинъ человекъ, но это объясняется только тѣмъ, что всѣ евреи поставлены въ совершенно одинаковыя условія. Они всѣ—полунищіе, безправны политически, замкнуты въ одномъ мѣстѣ и принуждены вести дѣла съ однимъ и тѣмъ-же населеніемъ. Между ними развито также стремленіе помогать другъ-другу въ нуждѣ; благотворительность между ними чрезвычайно распространена, но отъ нея до торговой и коммерческой солидарности очень далеко.

«Еврей, справедливо замѣчаетъ г. Оршанскій, — всегда съ готовностью сдѣлаетъ многое для своего брата, напр., въ видѣ благотворительности, но онъ очень неохотно вступаетъ съ нимъ въ коммерческія сдѣлки. Коммерческій геній евреевъ въ высшей степени индивидуальный. Это видно, напр., изъ еврейской поговорки, что «свататься хорошо съ евреемъ, а дѣла вести съ неевреемъ», а еще болѣе изъ того, что еврейская жизнь не выработала ничего похожаго на русскую артель или немецкій цехъ. Еврей жертвуетъ (?) своей личной свободой только ради общественныхъ и народныхъ интересовъ, но никогда ради частнаго товарищества или компаніи, къ которой онъ питаетъ полное недоверіе, помня слова талмуда, что «горшокъ товарищескій не горячъ и не холоденъ» (въ родѣ русской поговорки: «у семи нянекъ дитя безъ глаза») («Евреи въ Россіи», 95).

Признавая все это совершенно справедливымъ, мы, однако, не думаемъ умалять значеніе еврейской эксплуатаціи, но лишь желаемъ отмѣтить ея характеристическія черты. Обладая ничтожными капиталами и дѣйствуя всегда въ одиночку, евреи не обогащаютъ себя, но, конечно, отъ этого народу, который они эксплуатируютъ, ничуть не легче. Можно, однако, спросить: что для народа менѣе убыточно, мощная или слабосильная эксплуатація, несмѣтная стая тощихъ хищниковъ или не столь громадная по числу толпа отборныхъ кулаковъ, и, наконецъ, непрерывно длящаяся, хотя и менѣе чувствительные уколы или же рѣдкіе, но глубокіе акты высасыванія? Къ этому вопросу всего удобнѣе вернуться нѣсколько позже, но мы тутъ-же спѣшимъ замѣтить, что этими чертами характеризуется лишь въ самыхъ

общихъ чертахъ различіе между еврейской и русской эксплуатаціей. Полное же понятіе о русской эксплуатаціи и ея размѣрахъ мы получимъ лишь тогда, когда соединимъ вмѣстѣ мелкое барышничество, много похожее на еврейское, съ тѣмъ крупнымъ кулачествомъ, которое мы находимъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

III.

Между тѣмъ, какъ въ разгаръ событій, взволновавшихъ Югъ Россіи, юдофобы нашей печати сердито щелкали зубами, говоря о евреяхъ, и даже не знали хорошенько, «бить-ли ихъ или не бить» (на эту тему писались газетныя статьи), народъ нашъ, несмотря на свою темноту, справедливое озлобленіе и массу вынесенныхъ имъ бѣдствій, несмотря на полную возможность учинить надъ евреями кровавую расправу, оставилъ совершенно въ покоѣ ихъ личность. Какимъ громаднымъ запасомъ миролюбія должна была обладать эта сѣрая масса, чтобы, добравшись до дѣйствительной силы, выбрать все-таки наименьшее, что она могла-бы сдѣлать съ этими несчастными, жалкими и забытыми, но, однако, совершенно невыносимыми «жидками», доставшимися такъ солоно народу. Въ этомъ смягченномъ до послѣдней возможности выраженіи народнаго гнѣва и неудовольствія сказалось вѣрное отношеніе къ еврейскому вопросу. Мы видимъ здѣсь весьма замѣчательное, можетъ быть, и не совсѣмъ случайное совпаденіе внутреннихъ побужденій народа, отклонявшихъ его отъ насилій надъ личностью, съ истиннымъ положеніемъ дѣла; ибо справедливая и всесторонняя оцѣнка еврейскаго быта, по нашему мнѣнію, снимаетъ съ еврея значительную долю личной отвѣтственности за его эксплуатацію и даже болѣе, еврей представляютъ поучительный примѣръ того, какимъ образомъ цѣлая нація, обладающая хорошими задатками къ социальному общенію и мирной, товарищеской жизни, можетъ быть, однако, превращена продолжительнымъ дѣйствіемъ неудачной политики въ жалкое и вредное скопище хищниковъ.

Если, какъ мы замѣтили, народъ, не дозволивъ себѣ никакихъ жестокостей во время еврейскаго погрома, не совсѣмъ случайно набрелъ на вѣрное пониманіе положенія еврея, то это не значитъ, чтобы онъ сознательно анализировалъ и взвѣшивалъ это положеніе. Дѣло въ томъ, что еврей въ самой своей эксплуатаціи крайне жалокъ и приниженъ. Отчаянное хищничество не въ состояніи прикрыть его убожества и нищеты, бросающейся рѣзко въ глаза во всей массѣ евреевъ, и это-то обстоятельство

не могло ускользнуть отъ населенія, находящагося съ евреями въ постоянныхъ сношеніяхъ. Правильное понятіе о евреяхъ получится тогда, если соединить вмѣстѣ представленія о неутомимой, пронырливой эксплуатаціи и чрезвычайной нищетѣ, невольно останавливающей на себѣ вниманіе, и можно думать, что и у народа, хорошо знакомаго съ евреями, было отчасти такое представленіе, и оно-то, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ смягчало проявленіе народнаго озлобленія. Съ другой стороны обыкновенный еврей-эксплуататоръ никогда не становится къ народу въ позу надменнаго и суроваго властителя, какъ всякій русскій кулакъ, и тогда какъ послѣдній никогда не идетъ самъ на встрѣчу нуждающемуся люду въ томъ расчетѣ, чтобы крѣпче придавить его, когда онъ будетъ валиться у его ногъ, еврей, по большей части, самъ завязываетъ сношенія и неутомимъ въ предложеніи всевозможныхъ сдѣлокъ, какъ-бы ни были иногда проблематичны ожидаемые отъ нихъ барыши. Эта доступность еврея, его развязность или общительность, какъ угодно, гораздо болѣе по душѣ народу, и нѣтъ сомнѣнія, что уже по этой одной причинѣ, крестьянинъ питаетъ къ еврею меньше злобы, чѣмъ къ русскому кулаку.

Подробное изслѣдованіе причинъ еврейской эксплуатаціи не можетъ имѣть мѣста въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ, и мы ограничимся лишь самыми существенными моментами въ ея зарожденіи. Коренная причина какъ еврейской, такъ и всякой эксплуатаціи, можетъ быть всего лучше выражена русской поговоркой: «не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ». Крестьянская бѣдность—вотъ наиболѣе благоприятная почва для процвѣтанія эксплуатаціи. Непрерывная нужда въ деньгахъ, то для безотлагательной уплаты податей, то для покупки рабочаго скота, безъ котораго придется оставить невоздѣланной землю, то просто для покупки хлѣба, такъ-какъ своего весьма часто не хватаетъ, все это ставитъ крестьянъ въ самую тѣсную зависимость отъ еврея, а послѣднему даетъ легкую возможность удовлетворить своей, *мемень* крайней нуждѣ въ деньгахъ. Когда крестьянинъ ставится въ такое положеніе, что за невзносъ нѣсколькихъ рублей онъ можетъ лишиться всего своего имуществва, то и лихвенное ростовщичество еврея, спасающее отъ полнаго раззоренія, покажется относительнымъ милосердіемъ.

Помимо крестьянской бѣдности, существуютъ еще другія причины еврейской эксплуатаціи. Между тѣмъ, какъ въ русскомъ кулачествѣ рѣзко выступаетъ стимулъ алчности, за еврея говорить его постоянная нищета. Кулакъ богатѣетъ, еврей-же-эксплуататоръ остается въ одномъ и томъ-же полуголодномъ состоя-

ни. Мы не думаемъ, чтобы кто-либо призналъ безразличнымъ, практикуется-ли стяжаніе на сытый желудокъ, изъ-за страсти къ наживѣ, или ради утоленія голода. А что любой еврей-эксплуаторъ прозябаетъ въ нищетѣ,—это неоспоримый фактъ. Кто бывалъ въ городахъ Литвы и Бѣлоруссіи, тотъ знаетъ хорошо, что значить еврейская бѣдность. Особенно ужасно положеніе бездомовыхъ «неосѣдлыхъ» мѣщанъ и мелкихъ ремесленниковъ. При видѣ ихъ крошечныхъ, грязныхъ, полуразвалившихся лагучъ, съ трудомъ вѣрится, чтобы въ нихъ могли жить люди. Въ одной такой конурѣ, недостаточной даже для помѣщенія одного человѣка, ютится въ отгороженныхъ досками клѣткахъ по нѣскольку еврейскихъ семействъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ 4—8 членовъ. Отсюда—традиціонная грязь и нечистоплотность евреевъ; само собою разумѣется, что въ такомъ жилищѣ мѣста хватаетъ только для грязи и никакими человѣческими усиліями нельзя поддерживать чистоту. Любая крестьянская семья живетъ просторнѣе, чище, съ большимъ комфортомъ. Пища евреевъ чрезвычайно скудна, а по своимъ качествамъ иногда едва-ли можетъ быть названа пищей. Фунтъ хлѣба въ день, селедка и нѣсколько луковицъ—вотъ и вся пища иной еврейской семьи изъ 6—8 человѣкъ. До освобожденія крестьянъ и передъ польскимъ возстаніемъ, когда, какъ извѣстно, евреямъ жилось гораздо лучше, г. Афанасьевъ описывалъ ихъ быть такимъ образомъ: «Евреи живутъ весьма тѣсно: нерѣдко по нѣскольку семействъ въ одной небольшой комнатѣ... Содержаніе еврея не велико. Утромъ онъ ѣстъ рѣдку, лукъ, чеснокъ или селедку съ хлѣбомъ; зажиточные пьютъ чай, въ обѣдъ супъ съ кореньями, рыбой или говядиной, вечеромъ то-же. Есть бѣдные мастеровые, которыхъ семьи посятся до вечера, пока придетъ хозяинъ и принесетъ часть заработной платы» (Опис. Ков. губ., стр. 583). Достаточно хорошо извѣстно, что этихъ «зжиточныхъ»—меньшинство; масса-же принадлежитъ скорѣе къ «постящимся». О гродненскихъ евреяхъ г. Бобровскій пишетъ: «Самая значительная часть евреевъ принадлежитъ къ бѣднымъ. Постоянно нуждаясь, бѣдные евреи вѣчно хлопочуть о насущномъ кускѣ хлѣба. Отягощенные многочисленными семействами, они живутъ въ тѣснотѣ, превосходящей воображеніе. Нерѣдко домъ въ три-четыре комнаты вмѣщаетъ до 12 семействъ... Жизнь евреевъ этого класса проходитъ въ горестяхъ, лишеніяхъ и вѣчной суетливости... Столъ бѣднаго еврея болѣе чѣмъ скуденъ; цѣлыя семейства иногда довольствуются фунтомъ хлѣба, селедкой и нѣсколькими луковичами... За 15 коп. жидъ-факторъ будетъ бѣгать цѣлый день» (Опис. Гродн. губ., т. I, стр. 858).

Не для оправданія еврейской эксплуатаціи констатируемъ мы фактъ чрезвычайной нищеты городскихъ евреевъ западнаго края; она можетъ считаться не болѣе какъ смягчающимъ обстоятельствомъ и, главнымъ образомъ, характернымъ аксессуаромъ еврейской эксплуатаціи. Тотъ-же смыслъ имѣетъ другой, еще болѣе замѣчательный фактъ истиннаго трудолюбія еврейской массы. Этотъ презрѣнный хищникъ, питающійся народными соками, не только самъ нищъ и убогъ, онъ еще и труженикъ въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ городскіе мелкіе ремесленники—еврей, и всѣ еврей—эксплуататоры. Почти всякій еврей—факторъ, ростовщикъ, скупщикъ, и въ то-же время—портной, сапожникъ, маляръ или что-либо въ этомъ родѣ. Для вѣрнаго сужденія о евреевъ необходимо связывать эти два явленія: эксплуатацію и трудъ. Такая экономическая комбинація довольно оригинальна, она можетъ съ перваго взгляда показаться странной, но это сама дѣйствительность. Собственный, личный трудъ кореннымъ образомъ отличаетъ еврея-эксплуататора отъ русскаго кулака. Настоящій кулакъ никогда не занимается самъ никакими работами; если онъ сохранилъ связь съ деревней, онъ владѣетъ большимъ количествомъ прикупленной или арендуемой земли, обрабатываемой наемными руками, чаще-же всего онъ сдаетъ свой надѣлъ въ аренду односельцамъ, а самъ «пускаетъ» себя по другой части. Еврей-же въ рѣдкихъ лишь случаяхъ избираетъ барышничество единственной своей спеціальною.

Такое странное сочетаніе двухъ антагонистическихъ элементовъ—труда и эксплуатаціи—мы не беремся объяснить *всецѣло* въ пользу еврея. Если-бы мы истолковали такое сочетаніе въ томъ смыслѣ, что невыгодныя условія труда неволью заставляютъ еврея дополнять свои скудные заработки эксплуатаціей, то намъ съ такимъ-же правомъ могло-бы быть противопоставлено противоположное объясненіе, именно то, что при всей наклонности еврея къ эксплуатаціи, онъ не можетъ ею удовлетвориться вслѣдствіе сильной конкуренціи въ этой сферѣ со стороны массы евреевъ, и потому-то, хотя-нехотя, долженъ обратиться къ труду.

Наконецъ, для сужденія о еврейской эксплуатаціи необходимо взять въ расчетъ чрезвычайно ненормальное положеніе евреевъ предъ русскимъ закономъ, ихъ политическое безправіе, непомерное обремененіе ихъ налогами и въ особенности насильственное скученіе ихъ на одномъ мѣстѣ. Достаточно взвѣсить страшныя податныя тягости, лежащія на евреяхъ, чтобы понять, что еврейская эксплуатація была неизбѣжнымъ возвратомъ или передачей ударовъ, сыпавшихся на ихъ спины. Мы не думаемъ,

чтобы нашимъ читателямъ извѣстно было, что, подобно крестьянскому населенію, еврейская масса издавна жила и отчасти до сихъ поръ живетъ подъ гнетомъ крѣпостныхъ отношеній, выражающихся многочисленными и весьма чувствительными платежами. Какъ крестьяне въ селахъ и деревняхъ, такъ евреи въ городахъ и мѣстечкахъ Западнаго и Привислянскаго края находились въ крѣпостной зависимости отъ частныхъ владѣльцевъ, въ пользу которыхъ и уплачивали подати всевозможныхъ наименованій. Въ одномъ юго-западномъ краѣ до сихъ поръ насчитывается 347 такихъ крѣпостныхъ или владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Въ иныхъ городахъ, напр., въ Бердичевѣ, установлено было до 28 статей денежнаго сбора. Помимо общихъ государственныхъ и земскихъ налоговъ, еврей уплачиваетъ еще спеціальныя налоги, каковы коробочный, свѣчной и общественный, а затѣмъ ко всей этой тяжести присоединяются безчисленныя повинности въ пользу владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ: «сборъ съ питейной продажи, чиншъ съ домовъ, лавовъ и складовъ, акцизъ съ убоя скота, сборъ съ каждой лошади подъ товаромъ, вступающей въ черту города, съ заводовъ, мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній, съ каждой штуки скота, приводимаго на продажу» («Евреи въ Россіи», стр. 47). До 1868 г. въ крѣпостныхъ городахъ и мѣстечкахъ Привислянскаго края на еврейхъ лежали сборы: торговый, ярмарочный, мостильный, рогатковый, копытковый, каменный, дышловый, въѣздный, полѣнный, разные платежи въ пользу владѣльцевъ при возведеніи построекъ, молотѣбъ хлѣба, устройствѣ фабричныхъ заведеній, затѣмъ мелкіе подарки или *данины* (куръ, гусей и т. д.) и, наконецъ, *лаудемии* или сборы при переходѣ городской земли изъ однихъ рукъ въ другія (ib). Кажется, легко понять, что никакой «честный» трудъ не въ состояніи вынести всей этой податной тяжести. Мало того, что еще нужно позаботиться и о существованіи семьи, но помимо упомянутыхъ платежей, еврей несъ еще другую, не установленную никакимъ закономъ, но самую страшную негласную подать въ пользу представителей мѣстной администраціи. Эта негласная, но ни для кого не составляющая секрета, подать преслѣдовала еврея на каждомъ шагу тѣмъ безпощаднѣе, чѣмъ беззащитнѣе онъ былъ предъ закономъ. Само собою разумѣется, что еврей не могъ выйти «чистымъ» изъ такого положенія. Одного труда было слишкомъ мало, и на подмогу необходимо долженъ былъ явиться промыселъ обмановъ и эксплуатаціи. Знаменитая и столь не свойственная духу нашего государственнаго управленія «черта еврейской осѣдлости», равносильная поголовной административной ссылкой евреевъ, съ своей

стороны, направила евреевъ на путь эксплуатаціи, такъ-какъ, размножавшееся населеніе скопилось на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ мѣстные источники заработка оставались все тѣ-же.

Такова еврейская эксплуатація съ ея причинами и условіями, при которыхъ она развивалась. Тяжело и больно давила она народъ и его отношеніе къ ней слишкомъ понятно. Тѣмъ не менѣе, совѣсть рѣшительно не позволяетъ бросить камнемъ въ еврея. И еврей—народъ, давно вызывающій къ справедливости и защитѣ своихъ человѣческихъ правъ. Въ столкновеніи русскаго населенія съ евреями мы видѣли печальное, роковое недоразумѣніе между двумя равно несчастными и страдающими народными массами, но не сознательное угнетеніе слабѣйшаго сильнѣйшимъ. Недоразумѣніе подобнаго рода можетъ быть иллюстрировано примѣромъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно, подѣ влияніемъ толчковъ, получаемыхъ сзади отъ какой-то невидимой третьей силы, постоянно набѣгаетъ на первое, сталкивается съ нимъ и сшибаетъ его съ ногъ. Это приводитъ народъ въ раздраженіе, потому-что онъ испытываетъ дѣйствительную боль; удары сыпятся на него непрерывно, другъ за другомъ, и онъ въ бѣшенствѣ кидается на видимаго виновника своихъ страданій, непосредственно соприкасающагося съ нимъ, но на самомъ дѣлѣ нимало не отвѣтственнаго за нихъ.

IV.

Теперь обратимся къ русскому кулачеству, и преимущественно къ тѣмъ формамъ его, которыми мы находимъ въ великорусскихъ губерніяхъ средней промышленной полосы Россіи.

Кулакъ—терминъ весьма неопредѣленный, не имѣющій точныхъ, научно-экономическихъ границъ. Такъ-какъ здѣсь мы не пишемъ спеціальнаго трактата по экономической патологіи,—для которой, впрочемъ, нѣтъ еще и достаточныхъ данныхъ,—то мы и будемъ держаться, по возможности, общеупотребительнаго значенія этого термина, называя кулаками эксплуататоровъ крестьянскаго труда, хищниковъ деревни, которые обираютъ нуждающееся населеніе или въ качествѣ скупщиковъ разныхъ крестьянскихъ продуктовъ и издѣлій, или въ качествѣ арендаторовъ, снимающихъ землю за низкую цѣну для раздачи ее по частямъ, или, наконецъ, въ качествѣ заимодавцевъ, ссужающихъ населеніе подѣ залоги деньгами, съѣстными продуктами, а нерѣдко и сырымъ матеріаломъ для обработки за проценты, далеко переходящіе за предѣлы обыкновенныхъ процентовъ, установленныхъ закономъ.

Какъ легко опредѣлить численность и сферу дѣятельности эксплуататоровъ-евреевъ, такъ это трудно относительно кулаковъ. Вся еврейская масса, живущая въ городахъ, за немногими исключеніями, промышленяеть эксплуатаціей; кулаки-же разсѣяны какъ по городамъ, такъ и по селамъ, и сосчитать ихъ весьма мудрено. Можно смѣло сказать, что всѣ сельскіе трактиры, кабаки и частью лавочки принадлежать кулакамъ явнымъ, профессиональнымъ, занимающимся ростовщичествомъ. Они выдаютъ въ ссуду или деньги или хлѣбъ мѣстному населенію за страшные проценты, которые ничуть не уступаютъ такъ-называемымъ жидовскимъ; и, пожалуй, во многихъ случаяхъ превосходятъ ихъ. Это—кулаки средней руки, ближе стоящіе къ категоріи крупныхъ, чѣмъ мелкихъ эксплуататоровъ. Къ нимъ-же можно причислить и тѣхъ сельскихъ кулаковъ, которые, не владея никакими промышленными заведеніями, занимаются, наравнѣ съ своими односельцами, хлѣбопашествомъ и достигли сравнительной зажиточности, позволяющей имъ пускать въ оборотъ свои запасы хлѣба или небольшіе капиталы, преимущественно въ періодъ уплаты податей. Замѣтно отличаются они отъ остального населенія; дома ихъ благоубраны, просторны, крыты тесомъ, иногда даже желѣзомъ, самоваръ непремѣнно имѣется, за столомъ часто является говядина и пшеничный хлѣбъ. Ходятъ въ сапогахъ и въ суконныхъ поддевахъ. Къ этой-же категоріи слѣдуетъ отнести городскихъ кулаковъ (изъ мѣщанъ), скупающихъ крестьянское имущество, назначаемое въ продажу за частные долги и недоимки, а равно и тѣхъ кулаковъ-скупщиковъ, которыми наполнены промышленныя селенія нижегородской, владимірской, костромской, ярославской, московской и тверской губерній. Послѣдніе земледѣльемъ почти не занимаются, нѣкоторые изъ нихъ приписаны къ селамъ, другіе-же живутъ въ городахъ и во всѣхъ ближайшихъ центрахъ сбыта кустарныхъ произведеній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что всякое бѣдствующее селеніе, жители котораго склонны къ недоимкамъ, часто терпятъ неурожаи и не могутъ кормиться своимъ хлѣбомъ круглый годъ, непремѣнно имѣетъ своего паука, одного или даже нѣсколькихъ. Если-бы изслѣдователи крестьянскаго быта обращали вниманіе на кулачество и отмѣчали степень его развитія въ описываемыхъ ими селлахъ, то мы имѣли-бы въ рукахъ весьма важныя и драгоцѣнныя данныя для заключеній о его значеніи, причинахъ, его настоящемъ и вѣроятномъ будущемъ. Довольно подробныя описанія отдѣльныхъ селъ имѣются по тверской губерніи, но авторъ ихъ, г. Покровский, очевидно, не обращалъ

особеннаго вниманія на кулачество, и если указывалъ на него, то вскользь и мимоходомъ. У него мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такого рода краткія замѣчанія относительно цѣлаго ряда сель одного и того-же уѣзда (зубцовскаго)... Деревня Алексино... При такомъ отхожемъ промыслѣ (тасканіи кулей съ хлѣбомъ) уплата податей производится довольно исправно. Но нѣкоторые, наиболѣе бѣдные крестьяне занимаютъ нерѣдко деньги на уплату податей. Занимаютъ преимущественно подъ закладъ. За залогъ коровы даютъ въ долгъ 10 рублей. Проценты уплачиваются деньгами по 20 или 30% въ годъ (сверхъ молока въ пользу заимодавца?), а иногда и работою. Занимаютъ преимущественно у крестьянъ... «Село Бубново... Такъ-какъ деньги отъ продажи земледѣльческихъ произведеній и отъ заработковъ на сторонѣ получаются осенью, то мартовскій оброкъ приходится уплачивать не иначе, какъ посредствомъ кредита. Кредитъ вообще не дешевъ. Вообще займы производятся за время отъ марта до октября или ноября по 15—20% (за годъ или 8 мѣсяцевъ). За ссуду двухъ четвертей ржи, а часто только одной, заемщикъ обязывается, вмѣсто процентовъ, работать день. Берутъ работника обыкновенно въ самое горячее время. Уплата производится и такимъ образомъ: за заемъ 10-ти рублей съ весны до начала зимы дается въ видѣ процента количество земли для посѣва одной мѣры льнянаго сѣмени, что составляетъ около 3 р. (45%?). Займы доводятъ часто до того, что бѣдный постоянно работаетъ на богатаго»... «Село Красный Холмъ... Крестьянъ Краснаго-Холма нельзя назвать бѣдными; ...четверть населенія Краснаго-Холма платятъ въ мартѣ подати въ долгъ. Проценты по займамъ по большей части уплачиваются хлѣбомъ. Иногда проценты отдаются и работою. Заемъ денегъ производится у крестьянъ; за лѣто платятъ 15% и болѣе (т. е. 60%?)»... «Село Ульяновское... Что благосостояніе крестьянъ не особенно велико, можно убѣдиться изъ того, что $\frac{2}{3}$, а иногда и больше, мартовскаго оброка уплачивается крестьянами въ долгъ. Заемъ производится обыкновенно на 8 мѣсяцевъ: съ марта по ноябрь за 10—12% (15—18%?). Проценты сравнительно не велики и притомъ работою никогда не уплачиваются» («Сборн. матер. для стат. тверск. губ.», вып. III). Или вотъ, напримѣръ, дер. Дѣдково, звенигородскаго уѣзда, московской губерніи... Въ Дѣдковѣ еще сѣять, но скоро перестанутъ сѣять. Въ прошломъ году всѣ сѣяли, занявъ у одного сосѣдняго трактирщика всѣмъ обществомъ 16 четвертей овса, съ обязательствомъ отдать 24, т. е., по выраженію крестьянъ, на 2 четверти овса 1 четверть «припенту». По объясненію самого заимодавца, за возвратомъ ему

долга съ припентомъ, у крестьянъ отъ овса осталась только солома. Въ нынѣшнемъ году рѣшился занять овесъ на такихъ условіяхъ и посвятить его только одинъ» («Сборн. статистич. свѣд. по московск. губ.», т. II, стр. LI). Такимъ образомъ, заемъ этотъ заключенъ за 50% на 4 мѣсяца или, по обыкновенному расчету, за 150%. Многія селенія, за которыми оффиціально не числится недоимокъ, находятся, однако, въ худшемъ положеніи, чѣмъ селенія недоимочныя; такія селенія, благоденствующія съ виду или по оффиціальнымъ даннымъ, на самомъ дѣлѣ заключаютъ постоянные займы и не выходятъ изъ долговъ. Сами старшины и старосты, напуганные кутузками, исправниками и становыми, вносятъ для уплаты податей свои деньги или занимаютъ на сторонѣ, и въ обоихъ случаяхъ вся деревня уплачиваетъ проценты. «Такимъ образомъ, за такими обществами недоимки не числится, между тѣмъ на дѣлѣ она оказывается довольно значительной и даже больше, чѣмъ недоимкой: коль скоро старшина или староста вносить свои деньги или занимаетъ, то общество на эти деньги, которыя за нимъ состоятъ, стало бытъ, въ недоимкѣ,—платить еще проценты,—обыкновенно по 5% въ мѣсяць (60%), хотя и не въ теченіи цѣлаго года. Въ результатѣ получается та-же недоимка—плюсъ проценты. Такое явленіе довольно развито; крестьянамъ деньги займы на подати даютъ всѣ, начиная отъ павловскаго еврея, спеціально этимъ занимающагося или отъ крестьянина-же-кулака и кончая лицами, занимающими общественныя должности» («Сборн. статистическ. свѣд. по московск. губ.», т. II, стр. LV).

Перечисленные нами виды кулаковъ средней руки составляютъ, по нашему мнѣнію, самый многочисленный и типичный классъ. Ниже и выше ихъ стоятъ еще два класса мелкихъ и крупныхъ кулаковъ, изъ которыхъ только крупные могутъ считаться выразительными и характерными представителями русскаго кулачества; кулаки-же мелкіе, безденежные, близко подходящіе къ типу еврейскихъ эксплуататоровъ, наименѣе выдаются какъ своею численностью, такъ и своими нравственными особенностями.

Средняя категорія кулаковъ есть продуктъ преимущественно русской почвы; между еврейскими эксплуататорами этотъ видъ едва замѣтенъ и далеко уступаетъ какъ своею численностью, такъ и своимъ значеніемъ громадному большинству эксплуататоровъ мелкихъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, относя къ средней категоріи различные виды кулаковъ, мы поступали не совсѣмъ произвольно; такъ, кулаки сельскіе, постоянно занимающіеся земледѣльствомъ, влючены нами въ среднюю категорію

на томъ основаніи, что, хотя они владѣютъ, по большей части, небольшими капиталами, но все-таки имущественное положеніе ихъ весьма прочно и они неизмѣнно живутъ въ такомъ довольствѣ, которое и не снилось никогда еврею-эксплуататору.

Въ слѣдующей главѣ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно кулака средней руки.

V.

Опредѣленіе численности кулаковъ въ предѣлахъ промышленнаго района Россіи (6 вышеперечисленныхъ губерній) невозможно, какъ уже замѣчено ранѣе; для этого прямыхъ данныхъ нѣтъ, а косвенное исчисленіе носило-бы слишкомъ насильственный характеръ. Нѣтъ сомнѣній, что на равномъ пространствѣ и на одно и то-же количество населенія кулаковъ гораздо менѣе (вѣроятно, въ 5—15 разъ), чѣмъ евреевъ-эксплуататоровъ, и въ этомъ-то заключается причина несравненно большей силы и зловредности первыхъ. Но на одно и то-же количество русскихъ кулаковъ и евреевъ-эксплуататоровъ *среднемоцныхъ* хищниковъ придется гораздо болѣе въ средѣ первыхъ, чѣмъ вторыхъ. Конечно, нельзя представить вполнѣ безпорныхъ основаній въ пользу такого заключенія; никто никогда не дѣлалъ расчисленій подобнаго рода, но въ этомъ можно убѣдиться нѣкоторыми окольными путями. Такъ еще въ счастливыя для евреевъ времена половина ихъ взрослого населенія въ минской губерніи не имѣла никакихъ опредѣленныхъ занятій (*неосѣдые евреи*), перебиваясь изо дня-въ-день и терпя всевозможныя лишения. (См. «Еврей въ Россіи», стр. 21, Оршанскаго, а также цитированное этимъ авторомъ «Опис. минск. губ.» Зеленскаго). Если къ этимъ неосѣдымъ горемыкамъ присоединить еще ремесленниковъ, которые составляютъ, по словамъ г. Зеленскаго, 40—50% еврейскаго населенія минской губерніи, причѣмъ изъ 10 ремесленниковъ «семейства восьми погружены въ самую ужасную нищету», то, очевидно, что къ эксплуататорамъ средней руки некого и причислить, особенно за выдѣленіемъ нѣкотораго процента на долю крупныхъ барышниковъ. Съ подобнымъ явленіемъ мы встрѣтимся въ центрѣ Россіи лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Кулакъ-пролетарій, не имѣющій ни кола, ни двора, у насъ пока явленіе рѣдкое, можетъ-быть, только еще нарождающееся. Большинство-же нашихъ кулаковъ принадлежитъ къ категоріи зажиточныхъ, къ хищникамъ средней руки по размѣрамъ ихъ оборотнаго капитала; дру-

гими словами, наше кулачество доходнѣе еврейской эксплуатаціи.

Нѣтъ сомнѣній, что эта большая доходность кулачества зависить не отъ большей бѣдности эксплуатируемаго великорусскаго населенія, а просто отъ сравнительной малочисленности нашихъ кулаковъ. Крестьяне западныхъ и юго-западныхъ губерній, по всей вѣроятности, значительно бѣднѣе населенія великорусскихъ губерній центральной полосы, гдѣ, хотя земледѣліе идетъ плохо, но зато существуютъ многочисленныя подсобныя промыслы, которыхъ тамъ очень мало. Гораздо правдоподобнѣе отнести сравнительно высшую доходность нашего кулачества къ той простой причинѣ, что оно еще не успѣло у насъ раздробиться. По крайней мѣрѣ для евреевъ эта причина имѣетъ несомнѣнное значеніе: чѣмъ гуще еврейское населеніе, тѣмъ меньше заработка каждаго еврея. Въ ковенской и подольской губерніяхъ евреевъ въ 20 разъ болѣе, чѣмъ въ херсонской и таврической, а между тѣмъ общій доходъ ихъ въ первомъ случаѣ лишь въ $1\frac{1}{2}$ раза больше дохода во второмъ. Въ Подольской губерніи приходится на одного еврея доходу 2,55 к., въ ковенской—1,37 к., въ таврической—5,56 к., въ херсонской—28,15 к. Далѣе, въ западныхъ губерніяхъ на 66 жителей считается 6 евреевъ, а въ южныхъ и юго-западныхъ—на 66 жителей 1 еврей, между тѣмъ въ первомъ случаѣ доходъ на каждаго еврея составляетъ 1,96 к., а во второмъ—16,85 к.

Если то-же самое справедливо и въ Великороссіи, если наши кулаки благоденствуютъ потому, что ихъ сравнительно меньше, то, спрашивается, можно-ли по этой причинѣ считать наше положеніе болѣе благоприятнымъ? Южно-еврейскій погромъ служить весьма краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ длиннымъ разсужденіямъ на этотъ счетъ: жизнь дала намъ такой урокъ, послѣ котораго съ нашей стороны было-бы неблагодарнымъ сохранять спокойствіе и кивать на Петра въ сознаниіи собственной невинности. Мы знаемъ, что народъ излилъ свой гнѣвъ, главнымъ образомъ, на евреевъ южнаго и юго-западнаго края, тогда-какъ въ западныхъ губерніяхъ было все спокойно, хотя въ нихъ евреевъ въ 6 разъ больше. Оказывается, слѣдовательно, что населенію труднѣе выносить крупное, хотя и менѣе распространенное хищничество, чѣмъ наоборотъ. Отъ густой стаи мелкихъ эксплуататоровъ придется чаще отмахиваться,—это правда; они надоѣдаютъ и раздражаютъ, какъ мошка, которая лѣзетъ и въ ротъ, и въ уши, и въ глаза, но къ ней можно, хотя и съ трудомъ, немного попривыкнуть и во всякомъ случаѣ

она вызываетъ къ себѣ болѣе добродушное отношеніе, чѣмъ какая-нибудь ядовито-кусающая муха, отъ которой вы уклоняетесь со страхомъ и вмѣстѣ съ злобнымъ желаніемъ ея истребленія. Въ западныхъ губерніяхъ нельзя не подмѣтить въ отношеніяхъ народа къ еврею нѣкоторой черты добродушія, разумѣется, среди порядочной доли неудовольствія; народъ смотритъ на еврея, какъ на истиннаго *pauvre diable*, который «ведетъ, бестія, свою линію», да и не такъ ужъ много причинитъ вреда, чтобы страшиться его и питать къ нему глубокую, хотя и скрываемую наружно злобу. Г. Зеленскій, наблюдавшій бытъ западныхъ евреевъ, съ нѣкоторой поверхностью, уловилъ указываемую нами черту, хотя и исказилъ ее слегка. Такъ о минскихъ евреяхъ онъ пишетъ: «евреи обладаютъ особеннымъ искусствомъ рѣшать дѣла съ крестьянами. Попробуйте купить у крестьянина на базарѣ его продукты, не сойдетесь въ цѣнѣ; но подошлите еврея и онъ ему уступитъ за низшую цѣну... Относительно помѣщика крестьянинъ необыкновенно упрямъ, но онъ до смѣшного податливъ и довѣрчивъ, имѣя дѣло съ евреемъ, особенно если еврей имѣетъ за пазухой водку. Поэтому евреи часто являются посредниками между помѣщиками и крестьянами. Я не разъ слышалъ, что крестьяне иногда ни за какія деньги не хотятъ наниматься на работы у помѣщиковъ, пока не явится какой-нибудь Цицеронъ въ лапсардакѣ и не убѣдитъ ихъ къ этому силой своего краснорѣчія. Если крестьянинъ не будетъ косить у своего землевладѣльца за 35 к. въ день, то у сосѣдняго арендатора-еврея непременно станетъ за 30 к.». Слова эти характеризовали-бы дѣйствительность, если-бы въ нихъ не было легкаго ударенія на водкѣ. Водка водкой; она часто оказываетъ магическое дѣйствіе на крестьянина, да не всегда-же, притомъ и русскій кулакъ не рѣже, а можетъ быть и чаще обращается къ этому средству повліять на крестьянина, но не такъ все-таки относится послѣдній къ кулаку. Водка — частный случай, а въ изображенныхъ г. Зеленскимъ отношеніяхъ выражается цѣлое міровоззрѣніе народа, его пониманіе еврея и взглядъ на него, какъ онъ сложился изъ долговременнаго опыта и совмѣстной жизни въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Здѣсь водка служитъ подробностью, совсѣмъ не характерной. При всякомъ наймѣ на работу крестьянинъ требуетъ задатка, и часть его обыкновенно пропивается немедленно, слѣдовательно, и нанявшись у помѣщика, онъ не остался-бы безъ водки, да и безъ этого онъ знаетъ, что въ немъ чувствуютъ такую нужду, что за водкой дѣло никогда не станетъ, стоитъ только зайннуться о ней. Однако, онъ не идетъ къ помѣщику; бѣлорусскій крестьянинъ о помѣщикѣ

прямо говорить: «гадь», и другимъ именемъ его не называетъ, что не мѣшаетъ, однако, ему подобострастно подходить «къ ручкѣ» этого гада, отчасти по старой памяти, а больше по страху ко всякому скуртуку, въ которомъ онъ видитъ опасную силу, всегда имѣющую возможность ему напакостить. Но на нейтральной почвѣ промышленныхъ, дѣловыхъ отношеній онъ не упуститъ случая дать волю своей затаенной злобѣ и чѣмъ-нибудь да навредить «гаду», хотя-бы съ ущербомъ для себя. Вотъ почему онъ не идетъ къ помѣщику ни за водку и даже «ни за какія деньги», къ жиду-же идетъ, потому-что онъ ему больше по душѣ. Отчасти также, какъ къ помѣщику, относится великорусскій крестьянинъ и къ своему кулаку, которому онъ оказываетъ видимые знаки почтенія, хотя въ душѣ питаетъ къ нему ненависть. Жидъ сѣрдитъ и возбуждаетъ досаду, кулакъ нагоняетъ страхъ, народъ какъ-то сторонится отъ него съ зловѣщимъ безмолвіемъ и подавленной злобой, и мы никогда не встрѣтимъ въ отношеніяхъ къ нему крестьянъ того легкаго отъѣива дружескаго любія, какое проявляетъ народъ къ жиду въ западныхъ губерніяхъ. «Семьи богатыхъ вліятельныхъ кулаковъ (деревенскихъ) не любимы, говоритъ г. Покровский; общественное народное мнѣніе возбуждено противъ нихъ, бѣдняки относятся къ нимъ съ ненавистью, которая прикрывается наружными знаками уваженія. Не плюй въ колодець, говоритъ пословица. Сообразуясь съ этой пословицей, бѣднякъ и не огорчаетъ богача, будучи увѣренъ, что не сегодня-завтра ему понадобится заплатить, можетъ быть, не сильную для него лихву за благодѣяніе богатаго кулака» («Сборн. матер. для стат. тверск. губ.», Вып. III, стр. 111). Такое отношеніе народа естественно вытекаетъ изъ тяжкаго испытываемаго имъ матеріальнаго гнета, равно какъ и изъ нравственныхъ особенностей кулака. Самое важное послѣдствіе того факта, что у насъ въ центрѣ Россіи преобладаетъ типъ кулака средней руки, состоитъ именно въ томъ, что у насъ гораздо чаще, чѣмъ на русско-еврейскихъ окраинахъ, должны повторяться случаи окончательнаго разоренія. Нашъ кулакъ, даже средней руки, можетъ потрясать основы благосостоянія, тогда-какъ обыкновенному еврею-эксплуататору и во снѣ не снится такая крупная и многозначительная роль. Обладая сравнительно большими капиталами, нашъ кулакъ глубже подкапывается ими подъ крестьянское имущество. Онъ, напр., въ состояніи ссудить цѣлому сельскому обществу 2—7 тысячъ для уплаты податей и, благодаря этому, становится полновластнымъ хозяиномъ общества, склоняя его ко всевозможнымъ уступкамъ въ свою пользу. Извѣстно, что въ настоящее время сельскіе ку-

лаки скупаютъ въ огромномъ количествѣ крестьянскіе надѣлы при посредствѣ совершенно незаконныхъ сдѣлокъ или-же бываетъ и такъ, что сельскій сходъ, буквально трепещущій кулака, просто отбираетъ у крестьянъ за какую-нибудь несправность душевые надѣлы и отдаетъ ихъ кулаку за то, что «онъ ссужаетъ общество деньгами». Такимъ образомъ кулакъ въ этихъ случаяхъ систематически раззоряетъ; послѣдствіемъ его операций является прямое и быстрое обезземеленіе, до котораго все не простираются послѣдствія обыкновенной еврейской эксплуатаціи, ограничивающейся, въ большинствѣ случаевъ, лишь мелкимъ обирательствомъ.

Съ другой стороны кулакъ обладаетъ многими нравственными свойствами, которыя дѣлаютъ его болѣе антипатичнымъ и ненавистнымъ народу. Жизнь развила у еврея нѣкоторую безкорыстную страсть къ искусству промышленныхъ сдѣлокъ; нервный, живой, нерѣдко прищпориваемый голодомъ, онъ выдвигается, очертя голову, на всякое дѣло съ самыми невѣрными, фантастическими барышами, и въ общей массѣ его предпріятій найдется добрая доля такихъ, которыя не дали ему ничего и даже принесли убытокъ, слѣдовательно, не были сопряжены съ обираніемъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ были даже не безвыгодны крестьянину. Другое дѣло великорусскій кулакъ. Зная хорошо, что жертва не уйдетъ отъ него, онъ медленно, съ показной неохотой уступаетъ ея унижительнымъ, неотступнымъ мольбамъ, чтобы показать этой жертвѣ, что ея посуды барышей далеко не соблазнительны и если-бы они были и щедрѣе того, что предлагается, то все-таки въ нихъ еще не много было-бы соблазнительнаго для него, кулака. Словомъ,—жертва одурачивается съ единственнымъ расчетомъ почище обобрать ее, отхватать отъ нея заразъ страшными зубами бульдога такой кусокъ мяса, что уже потомъ во всю жизнь не закроется на ея тѣлѣ причиненная ей глубокая, болящая рана. Сказать то-же самое про еврея было-бы неправдой; не таковы у него зубы, не такова пасть. На той народной нивѣ, которую потопчетъ еврей, еще будетъ пробиваться кой-какая растительность, но послѣ кулака ничего не вырастетъ, все умретъ съ корнемъ, безвозвратно. Но важная особенность кулачества состоитъ въ томъ, что послѣ своего злодѣйства кулакъ остается какъ-бы въ тѣни, тогда-какъ жидъ съ своей *протѣлкой* назойливо мелькаетъ въ раздраженномъ воспоминаніи потерпѣвшаго. Однако, въ глубинѣ народнаго сознанія всегда отыскивается какъ-то сама собою справедливая мѣра тому и другому.

Мы думаемъ, что въ нравственномъ отношеніи коренное раз-

личіе между евреемъ и кулакомъ состоитъ въ томъ, что первый не вноситъ въ народную среду той глубокой деморализаціи, которую оставляетъ за собой кулачество. Отъ начала до конца еврей остается на почвѣ чисто-промышленныхъ отношеній; онъ можетъ какъ угодно надуть и обобрать крестьянина, но дальше его кармана онъ не заглядываетъ. Кулаку-же одной матеріальной шкуры мало, ему нужна еще нравственная:—совѣсть народа порабощаетъ онъ, пытаясь овладѣть ею такъ-же, какъ и народной сумой. Корова—коровой; припентъ—припентомъ, но, говорить кулакъ: «коли я тебѣ достался кровопивецъ, коли я, да еще недоброхотъ вашему брату, такъ что-жъ, свѣтъ не клиномъ сошелся, поищи гдѣ въ иныхъ - прочихъ мѣстахъ». Этой тирадой огорашиваетъ кулакъ просителя, имѣвшаго несчастье обмолвиться на счетъ его; обыкновенно она имѣетъ больше стратегическое значеніе, это моментъ нѣкотораго отступленія назадъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе сильный и вѣрный прыжокъ, хотя нерѣдко въ этихъ изліяніяхъ кулака выражается серьезный запросъ на уваженіе и почетъ. Со стороны просителя начинается рядъ унизительнѣйшихъ покаяній и самобичеваній за неосторожно сорвавшійся эпитетъ, рядъ отвратительнѣйшихъ пресмыкательствъ съ единственной цѣлью «потрафить» и умягчить эту «лютую тигру», которая и съ своей стороны не довольствуется одними «припентами», но жаждетъ побаловаться и другимъ лакомствомъ нематеріальнаго свойства. Лакомство, впрочемъ, состоитъ въ выслушиваніи всевозможныхъ причитаній и возгласовъ просителя, въ родѣ «разрази меня на этомъ мѣстѣ», «лопни мои глаза», «да сдѣлайте Божескую милость» и проч. Этотъ горячій моментъ разрѣшается обыкновенно въ пользу просителя, если только у него осталось еще что-нибудь за душой, въ родѣ лошади, коровы, теленка и проч. «Мнѣ вашего не надо», говоритъ въ заключеніе кулакъ смягченнымъ тономъ, «а съ вашимъ братомъ тоже натерпишься». Дѣло рѣшается тѣмъ, что, вмѣсто обычныхъ 50, назначается 400% съ дополненіями въ видѣ даровыхъ рабочихъ дней, или обязательства продать по такой-то цѣнѣ нужные кулаку продукты, а то и просто какого-нибудь дарового приношенія. Бытописатели нашей деревни, изображавшіе кулака, хорошо выяснили это возмутительное посягательство его на совѣсть народа, не имѣющее себѣ даже отдаленной аналогіи во взаимныхъ отношеніяхъ между евреемъ и крестьянствомъ. Имѣя какое-нибудь дѣло съ жидомъ, крестьянинъ ни чуть не поступаетъ своей нравственной свободой и независимостью сужденія; безъ трепета и униженія подходитъ онъ къ нему, часто онъ этого-же самаго жидка отъ

души выругаетъ и назоветъ должнымъ имевемъ его мошенническую продѣлку. Не народъ деморализуется здѣсь, а самъ жидъ, котрый, сознавая свою забитость и загнанность, подавляетъ въ себѣ всякую чувствительность къ сторонней критикѣ.

VI.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду по преимуществу кулаковъ средней руки. Въ настоящее время они самые многочисленные, опасные враги крестьянства, тогда-какъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, преобладаетъ типъ мелкихъ эксплуататоровъ, живущихъ въ большинствѣ случаевъ въ городахъ, въ нищенской обстановкѣ и не имѣющихъ, въ противоположность нашимъ сельскимъ кулакамъ, вліянія на самоуправленіе и другіе политическіе интересы деревни. Въ различныхъ мѣстностяхъ промышленной Россіи начинается, однако, выработываться и типъ мелкаго кулака, аналогичнаго эксплуататору - еврею,—кулака городского, безденежнаго и обирающаго, главнымъ образомъ, все-таки уже сельское населеніе при посредствѣ кулаковъ крупныхъ. По экономической натурѣ своей мелкій кулакъ во многомъ напоминаетъ еврея. Подобно послѣднему, онъ по преимуществу горожанинъ, ведетъ дѣла мелкія и не самостоятельно, онъ также нищъ, прибѣгаетъ къ тѣмъ-же плутнямъ и обманамъ, часто ведетъ бродячую жизнь и всегда ищетъ самъ добычи, не ожидая, какъ кулакъ предъидущей категоріи, пока она подвернется подъ руку. По всей вѣроятности, въ будущемъ мелкій кулакъ размножится также, какъ размножился еврей - эксплуататоръ. Пока еще наше городское населеніе чрезвычайно рѣдко, но и теперь оно въ своемъ громадномъ большинствѣ влечитъ бѣдственное существованіе. Можно пробить нѣсколько лѣтъ въ какомъ-нибудь глухомъ уѣздномъ городишкѣ, внимательно всматриваться въ его экономическій бытъ, ознакомиться съ нимъ во всѣхъ подробностяхъ, и все-таки не имѣть яснаго понятія, чѣмъ и какъ живетъ здѣсь масса населенія. Если исключить чиновниковъ и торговцевъ, то изъ остающихся затѣмъ мѣщанъ весьма немногіе занимаются кой-какими ремеслами, нѣкоторые—преимущественно изъ только-что приписанныхъ къ городу крестьянъ—по старой памяти обрабатываютъ землю, если она имѣется вблизи, а остальные—громадное большинство—не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, и сами они не могутъ отдать себѣ яснаго отчета, какъ удастся имъ сводить концы съ концами. Жалкій домишка, при немъ крошечный огорождъ, корова

не всегда лошадь—вотъ и всѣ достатки нашего убогаго мѣщанства въ большей части русскихъ городовъ. Фабрики и заводы далеко не вездѣ, отхожіе промыслы ближніе также рѣдки и исключительны, а дальніе не многимъ по душѣ и крайне затруднительны, не говоря о гадательности ихъ выгодъ; въ самомъ-же городѣ работъ слишкомъ мало вслѣдствіе очень рѣдкаго населенія. Впрочемъ, если это населеніе и размножится насчетъ тѣхъ-же невѣдомо какъ и чѣмъ живущихъ мѣщанъ, то отъ этого послѣдуетъ не улучшеніе, а ухудшеніе ихъ матеріальнаго положенія. И въ настоящее время они прибѣгаютъ къ невѣроятнымъ ухищреніямъ для того, чтобы прожить съ семьей хотя-бы впроголодь, и эти трудные поиски за кускомъ хлѣба уже выработали въ нынѣшнемъ городскомъ мѣщанствѣ не мало весьма непривлекательныхъ нравственныхъ чертъ. Съ размноженіемъ-же населенія наше мѣщанство, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ большой шагъ къ жидовству или даже отождествится съ нимъ въ главнѣйшихъ своихъ экономическихъ и нравственныхъ чертахъ.

Весьма курьезнымъ примѣромъ сходства мелкаго кулака съ жидомъ - эксплуататоромъ могутъ служить бѣжецкіе базарные кулаки, превосходно описанные г. Покровскимъ. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ эту типическую и мѣткую характеристику, по которой можно судить и о всѣхъ остальныхъ кулакахъ мелкаго пошиба. «Замѣчательно, говоритъ г. Покровскій, — что трое купцовъ, въ распоряженіи которыхъ находится весь почти лень Бѣжецкаго рынка, сами лично не покупаютъ лень, а дѣлаютъ это черезъ особыхъ мелкихъ скупщиковъ-барышниковъ. Если такими скупщиками являются кулаки изъ деревень, то они развѣзжаютъ по уѣзду и какими ни на есть способами скупаютъ по мелочамъ лень у крестьянъ и помѣщиковъ. Затѣмъ партіями пудовъ въ 50—100 привозятъ къ одному изъ вышеупомянутыхъ купцовъ. Если-же такими посредниками являются кулаки изъ бѣжецкихъ мѣщанъ (а такихъ очень много), то они во время базарныхъ дней, чѣмъ-свѣтъ выползаютъ на рынокъ и чуть не вырываютъ лень у крестьянъ: *туда пускается въ ходъ и обѣщиваніе, и обсчитываніе и всякое мелкое надувательство...* 12 января еще было очень темно, я вышелъ на рынокъ посмотреть на торговлю. Противъ мучного ряда на площади толкуются люди, лошади съ санями; слышатся восклицанія и къ Богу, и къ чорту, и къ святой Владычицѣ-Богородицѣ, а чаще всего—крѣпкое руссійское слово. Временами мелькнетъ среди толпы свѣтъ фонаря и освѣтитъ какую-нибудь засыпанную сѣномъ фигуру скупщика или крестьянина съ растопыренными руками, на которыхъ онъ держитъ лень. Тамъ и сямъ на рынкѣ можно

замѣтить деревянные треножки, а подъ ними импровизированные вѣсы, на которыхъ скупщики вѣшаютъ принимаемый отъ крестьянъ ленъ. Я подошелъ къ первой попавшейся на глаза группѣ... Бери пяточекъ-то!» (за фунтъ льна), говорилъ здоровенный торгошъ, разсматривавшій съ фонаремъ въ рукахъ ленъ на возу крестьянина.— «За такой ленъ—а-тъ?.. Чать-бы и грѣшно, Иванъ Петровичъ, вамъ эту цѣну давать... Одно слово я меньше 8 коп. не возьму, потому—себѣ дороже пятака стоитъ», отвѣчалъ крестьянинъ, котораго въ потьмахъ можно было принять за связку тулуповъ. Послѣдовали увѣщанія съ той и съ другой стороны. Разговоръ становился крупнѣе, слышались жалкія слова.— «Эй, тулупъ! Бери восемь - то!» пронеслось изъ другого конца площади. Скупщикъ сдѣлался помягче, и чтобы не упустить крестьянина, сталъ прибавлять по копѣечкѣ.— «Да вѣдь нельзя за восемь-то: ей-Богу дешево, убытокъ», говоритъ крестьянинъ. Но ленъ уже на вѣсахъ, и будто невидимыя руки повытаскали изъ саней все до единой ниточки, все прикинуто на вѣсы.— «Эва, пса - то что» ворчитъ скупщикъ, перебирая ленъ на вѣсахъ и замѣтивъ рыжій ленъ... Ну, народъ! А еще говорить: дешево!» Мужикъ чешетъ затылокъ и нерѣшительно пробуетъ сказать, что «вѣшай—не вѣшай, а ленъ не можно отдать за такую цѣну».— «Ну, бери съ вѣсовъ-то! кричитъ скупщикъ.—Клади опять въ сани, коли рожь-то не стыдно... А вотъ задаромъ проматываешься до поль-день... Никто тебѣ цѣны такой не дастъ, и я-бы не далъ, кабы не погорячился... Бери, коли хочешь другому за пятакъ продать!—«Ну, вѣшай! порѣшилъ крестьянинъ. — *Часто безъ гроша въ карманъ* торгошъ бродитъ съ раннего утра по рынку и торгуетъ ленъ у крестьянъ. Вотъ случилось сходненько порядить партійку льна, скупщикъ вѣшаетъ ленъ, высчитываетъ, сколько придется выдать мужикамъ за него и тащить тѣхъ мужиковъ со льномъ къ которому-нибудь изъ троихъ льноторговцевъ-коммисіонеровъ. Купецъ выдаетъ деньги; мужики съ грѣхомъ пополамъ рассчитаны, смѣкаютъ завернуть погрѣться въ питейный; а торгошъ о чемъ-то все бесѣдуетъ съ купцомъ *на непонятномъ для крестьянъ русскомъ языкѣ*. Въ ихъ бесѣдѣ слышатся слова: *карбонецъ, тара* и множество другихъ непонятныхъ словъ. Оказывается, что подъ словомъ тара разумѣется то вознагражденіе, которое купецъ долженъ выдать барышнику за «хлопоты», и это вознагражденіе считается на карбонцы, тефры, ломшники и т. д. Вотъ нѣсколько словъ изъ словаря бѣжецкой коммерціи: золотой—золбошный, рубль — карбонецъ или тефръ, — полтинникъ—ломшникъ, двугривенный—двумарочный, пятиалтынный—пятибекрютный, пятачекъ—пискарекъ, копѣйка—иконя, пудъ—

батманъ, 1 фунтъ—фертвегеу, хлѣбъ—акрель, сѣно—троя, лошадь—ловакъ, корова—трубеха, вино—торнуха, парень—пощехонъ, молодая дѣвушка—карышь, пожилая женщина—ламоха, товарищъ—масовскій, обмани, обвѣсъ—обтырь; попъ, дьяконъ, пономарь—кодеръ и т. д. Масовскій, зехай: кодеръ зедить—товарищъ ротъ не разѣвай: попъ (или дьячекъ) наблюдаетъ (стр. 8—9 Сборн. мат. Вып. II)». Итакъ, на нашихъ глазахъ формируется какая-то новая разновидность русской національности, новое племя тѣхъ православныхъ жидовъ, въ которыхъ самому ослѣпленному патриоту трудно открыть какія-либо нравственныя преимущества предъ настоящими жидами - евреями. Чѣмъ не жидъ, спрашивается, такой базарный кулакъ? Это такой-же немощный паразитъ, такой-же безденежный плутъ, и даже говорящій на особомъ языкѣ, который для русскаго уха ближе подходитъ къ жидовскому, чѣмъ къ русскому языку.

VII.

Если мы обратимся къ вопросу о вѣроятномъ будущемъ кулачества и его послѣдующихъ успѣхахъ, то, повидимому, мы не найдемъ въ этомъ отношеніи ничего успокоительнаго. Вопросъ этотъ, впрочемъ, неразрывно связанъ съ разсмотрѣніемъ причинъ кулачества, требующемъ обстоятельныхъ и обширныхъ изслѣдованій, которымъ, конечно, не можетъ быть отведено въ этомъ очеркѣ должнаго мѣста. Мы принуждены ограничиться на этотъ счетъ лишь самыми краткими указаніями, которыми и заключимъ нашъ очеркъ.

Прежде всего само кулачество, сколько-нибудь укоренившееся, заключаетъ въ себѣ причину дальнѣйшаго своего роста и развитія. Если въ кулачествѣ видѣть особую форму кредита, то, понятно, что оно не только не выведетъ изъ временнаго затрудненія лицъ, обращающихся къ его помощи, но непремѣнно ухудшитъ ихъ положеніе, ибо нѣтъ такой отрасли крестьянскаго труда, производительность котораго была-бы настолько высока, чтобы на оборотный капиталъ выручались - бы барыши въ 30, 50, 120, 150%, т. е. барыши, необходимые для уплаты процентовъ по займамъ у кулаковъ. При самыхъ благоприятныхъ условіяхъ производительность крестьянскаго труда должна быть опредѣлена въ 5—10% на оборотный капиталъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ она гораздо ниже. Поэтому-то послѣ займа у кулака всякое лицо, прибѣгающее къ нему, становится несравненно бѣднѣе, чѣмъ до займа, и потребность въ новомъ займѣ дѣлается еще болѣе настоятельной и неотложной.

Помимо самого кулачества, развитію его содѣйствуютъ всѣ причины, отъ которыхъ зависитъ обѣдненіе крестьянскаго населенія. Весьма интересно было - бы прослѣдить на фактахъ, по какому пути развиваются въ настоящее время имущественныя отношенія въ средѣ крестьянства, сохраняется-ли въ сельскихъ обществахъ и до какой степени экономическое равновѣсіе, происходитъ-ли уравниеніе частныхъ благосостояній или-же совершается, напротивъ, тотъ обычный для нашего времени экономическій процессъ, который характеризуется упадкомъ благосостоянія большинства и возвышеніемъ этого благосостоянія въ средѣ меньшинства. Къ сожалѣнію, для такого рода изслѣдованій нѣтъ еще достаточныхъ фактическихъ данныхъ, но все-же онѣ имѣются для нѣкоторыхъ мѣстностей, по которымъ приблизительно можно судить и о другихъ. Хорошимъ мѣриломъ благосостоянія отдѣльныхъ членовъ сельскихъ обществъ могутъ служить жилища, а равно и количество рабочаго и рогатаго скота, и если - бы были опредѣлены измѣненія въ имуществѣ этого рода за извѣстное число лѣтъ, то мы имѣли-бы довольно правильное понятіе о самыхъ важныхъ и существенныхъ моментахъ экономической исторіи даннаго общества за опредѣленный періодъ времени. Пока такія данныя собраны лишь для московской губерніи трудами нашихъ талантливѣйшихъ изслѣдователей крестьянскаго быта, гг. Орлова и Каблукова.—Остановимся прежде всего на крестьянскихъ жилищахъ и посмотримъ, какого рода перемѣны совершаются въ этомъ отношеніи въ крестьянскихъ обществахъ. Еще въ 1869 году во всѣхъ сельскихъ обществахъ подольскаго уѣзда, на ряду съ семьями, имѣвшими по одной и по двѣ избы, были семьи бездомныя, которыя составляли, однако, не болѣе 3,2% всего числа домохозяевъ. Но прошло только 8 лѣтъ, и число бездомныхъ семей возрасло почти въ 4 раза, такъ-что въ 1877 году онѣ составляли 12%. На каждую тысячу домохозяевъ въ 1869 году было имѣющихъ избы 968, не имѣющихъ 32, а въ 1877 году первыхъ стало 888, а вторыхъ 112. Это значитъ, что изъ 968 семей, имѣвшихъ избы въ 1869 году, 80 семей въ теченіи 8 лѣтъ вовсе лишились жилищъ, такъ-что среднимъ счетомъ ежегодно 10 семей гибнутъ, умираютъ экономически, ибо лишеніе жилищъ не есть обѣдненіе, но это высшая степень экспроприаціи, равносильная экономической смерти. Такимъ образомъ приблизительно на 100 семей ежегодно 1 семья экспроприруется вполнѣ; такое процентное отношеніе можно назвать показателемъ или коэффициентомъ экономической смертности. Нѣтъ сомнѣнія, что кулачество въ своихъ многообразныхъ явленіяхъ стоитъ въ самой интимной связи съ этимъ коэффициентомъ, но

полное и подробное выясненіе его должно составить задачу будущиѣхъ изслѣдованій. Экономическая смерть есть моментъ заключительный, которому предшествуетъ рядъ послѣдовательныхъ симптомовъ предсмертной агоніи, и эти - то симптомы составляютъ, повидимому, центральный пунктъ въ явленіи кулачества. До окончательнаго раззоренія крестьянинъ утрачиваетъ постепенно свое имущество, онъ лишается мелкаго скота, потомъ лошади или коровы, и уже затѣмъ гибнетъ, по большей части, окончательно и безповоротно. Но въ это время идетъ самая напряженная дѣятельность кулака; онъ или вновь рождается или же крѣпнеть и растетъ на счетъ раззоряющагося люда. Въ томъ же подольскомъ уѣздѣ на 1,000 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 году по одной лошади, было 476, болѣе одной—178, вовсе не имѣющихъ лошади—346, а въ 1877 году число первыхъ уменьшилось до 394, число вторыхъ возрасло до 190, а безлошадныхъ стало 417. Изъ этого мы можемъ заключить, что изъ 476 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 году по одной лошади, 12 домохозяевъ въ теченіи 8 лѣтъ завели по 2 и болѣе лошадей, а 70 человекъ вовсе лишились лошадей и перешли въ разрядъ безлошадныхъ. Такимъ образомъ въ сельскихъ обществахъ подольскаго уѣзда 12 человекъ богатѣютъ въ то время, какъ 70 раззоряются. Это отношеніе 12:70, хотя и не всецѣло, а съ извѣстными ограниченіями, также должно служить къ разясненію кулачества и его важнѣйшихъ проявленій. Если предположить, что изъ 12 домохозяевъ только часть разбогатѣла на счетъ 70 раззорившихся, то въ такомъ случаѣ обогащеніе, очевидно, шло интенсивнѣе, чѣмъ можно судить по отношенію 12:70, т. е. къ каждому разбогатѣвшему перешло имущество не 6, а большаго числа раззорившихся. Но что касается имущества послѣднихъ, то оно, по всей вѣроятности, переходитъ къ богатѣющимъ, ибо даже въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ лишается лошади вслѣдствіе падежа, онъ часто прибѣгаетъ къ помощи кулаковъ для пріобрѣтенія новой лошади и тѣмъ содѣйствуетъ ихъ обогащенію. Дальнѣйшее разсмотрѣніе вышеприведенныхъ числовыхъ отношеній завело-бы насъ въ область слишкомъ гадательныхъ вѣроятностей, но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что почва для кулачества у насъ имѣется достаточно солидная и что въ настоящее время оно обставлено условіями вполне благопріятными для его процвѣтанія.

Все сказанное нами указываетъ только на то, что у насъ существуетъ полная возможность для эксплуатаціи, но еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, что заставляетъ браться за эту возможность. Понятно, что подобный вопросъ не разрѣшимъ съ точ-

ностью и допускаетъ лишь самыя общія соображенія. Небезпечность личнаго труда и его слабая производительность, присутствующій человѣческой природѣ эгоизмъ и проникающій всѣ экономическія отношенія духъ борьбы и состязанія—вотъ важнѣйшіе импульсы, толкающіе къ эксплуатаціи. Кажется, достаточно и этихъ импульсовъ, чтобы не присоединять къ нимъ, какъ это дѣлаютъ многія, еще особый стимулъ крайне туманнаго свойства—національность. Однако, если-бы вопросъ объ эксплуатаціи былъ перенесенъ на эту скользкую почву, то едва-ли могли бы получиться результаты, особенно лестные для нашего національнаго самолюбія. О евреяхъ всякій безапелляціонно рѣшаетъ, что эксплуатація ихъ національный порокъ, но что сказать на этотъ счетъ о великороссахъ? Взвѣсивая этотъ вопросъ съ возможной осмотрительностью, съ полнымъ желаніемъ избѣгнуть той несправедливости, которою такъ часто грѣшатъ относительно евреевъ, мы должны сказать все-таки, что непредубѣжденному взору національность еврейской эксплуатаціи не покажется рѣзче выраженной, чѣмъ національность русскаго кулачества, *если только тутъ можетъ вообще идти рѣчь о національности*. Независимо отъ того, что еврей испытывалъ и еще до сихъ поръ испытываетъ дѣйствіе причинъ, толкающихъ его съ неотразимою силой на путь эксплуатаціи, мы должны еще принять во вниманіе то обстоятельство, что мы не имѣемъ возможности наблюдать евреевъ въ большой массѣ; они раздроблены и разсѣяны по многимъ государствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздроблены и тѣ, всегда и во всякой націи малочисленные, лучшіе элементы еврейства, которые могли-бы сколько-нибудь ослаблять неблагоприятное впечатлѣніе, оставляемое большинствомъ. У насъ эти элементы собраны во-едино, на ряду съ торгашами и кулаками мы чаще встрѣчаемъ у себя, чѣмъ у евреевъ, иные типы, иныхъ людей. А затѣмъ полезно принять въ расчетъ еще другое обстоятельство. Евреи не образуютъ никакого промышленнаго союза, хотя взаимное сочувствіе у нихъ сильно развито и они съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ выручаютъ другъ-друга изъ бѣды; евреи не ведутъ никакихъ дѣлъ сообща, однако, еврей никогда не наложитъ руку на единовѣрца. А мы?.. Охраняется-ли нашъ народъ отъ кулака *христіанскимъ* единовѣріемъ? Спасаетъ-ли Россію отъ кулачества общинный и мірской бытъ великороссовъ? Дѣйствительность избавляетъ насъ отъ отвѣта на эти вопросы. Но когда порокъ пробивается наружу чрезъ такія сильныя преграды, каковы религія (для народа) и общинное единеніе, то съ обычной точки зрѣнія легко придти къ предположенію, что этотъ порокъ глу-

боко коренится въ народномъ духѣ, присущъ ему и, пожалуй, націоналенъ. Можетъ быть, этому противорѣчилъ-бы самый фактъ существованія въ русскомъ народѣ общиннаго быта, но трудно опредѣлить, насколько общинный бытъ вытекъ изъ экономической необходимости прежняго времени (извѣстно, что община въ древнія эпохи была достояніемъ всѣхъ націй) и насколько онъ является результатомъ національной склонности. Мы не имѣемъ также возможности судить о силѣ и крѣпости русскаго общиннаго быта. При крѣпостномъ правѣ община была скована и находилась больше въ потенціальномъ, чѣмъ въ дѣятельномъ состояніи, послѣ-же крѣпостнаго права, когда явилась возможность свободнаго проявленія народныхъ стремленій, община, какъ извѣстно, стала распадаться во многихъ мѣстахъ и, кромѣ того, возникло кулачество. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе, что русскій народъ лишь очень недавно сравнительно съ евреями—всего 20 лѣтъ—получилъ возможность обнаружить свои наклонности и свободно проявить свои экономическія и социальныя стремленія, то положительно есть надъ чѣмъ призадуматься, при видѣ громаднхъ успѣховъ нашего кулачества.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній не довольствоваться перечисленными нами условіями и причинами и искать еще виѣ ихъ объясненія еврейской эксплуатаціи или русскому кулачеству. Вообще попытки открыть въ цѣлой націи какую-то особую наклонность къ эксплуатаціи, особое умѣнье или прирожденную злостность, совершенно безплодны; ухищренія самаго тонкаго анализа въ этомъ отношеніи ни къ чему не приводятъ, и если удастся какую-либо одну націю разрисовать столь мрачными красками, что въ первый моментъ она можетъ показаться не имѣющей себѣ соперницъ въ дѣлѣ эксплуатаціи и носящей задатки къ ней въ самой природѣ своей, въ глубинѣ своего національнаго духа, то стоитъ только перейти къ другой націи, чтобы найти и для нея такія яркія свидѣтельства ея способности къ эксплуатаціи, что предъ ними остается только развести руками. Многимъ націямъ эксплуатація приходится какъ по мѣркѣ и могла-бы считаться родственной ихъ духу. И еврей-эксплуататоръ, и русскій кулакъ, и армянинъ, и грекъ какъ-бы родились для своего ремесла и другъ друга стѣбать; даже *умѣнье* въ этомъ случаѣ у всѣхъ одинаково, такъ-какъ здѣсь требуется лишь низшая степень ума, свойственная всѣмъ націямъ, не исключая даже первобытныхъ дикарей, которые, какъ извѣстно, при первыхъ своихъ сношеніяхъ съ цивилизованными народами нерѣдко доходятъ въ искусствѣ плутовства до высокой степени

виртуозности. Самые-же приемы эксплуатаціи опредѣляются многочисленными экономическими условиями среды, гдѣ существуетъ эта эксплуатація. Но, повторяемъ, всякія соображенія и споры о томъ, какая нація, взятая въ своемъ цѣломъ, обладаетъ особой, такъ-сказать, специфической или врожденной наклонностью къ эксплуатаціи, бесплодны и скорѣе смѣшны, чѣмъ поучительны. Если спросить объ этомъ самихъ эксплуататоровъ различныхъ національностей, то окажется, что каждый изъ нихъ во мнѣніи другого—*первый* мошенникъ въ мірѣ. Еврей говоритъ, что «самый тонкій жидъ не проведетъ самаго обыкновеннаго армянина», одесскій грекъ добродѣтельно ужасается плутовству еврея *), тотъ самый грекъ, который выдумалъ пословицу, будто «онъ долженъ знать 7 языковъ и имѣть 77 натуръ», съ своей стороны, конечно, и русскій ругнетъ всѣхъ, хотя, разумѣется, никому не уступить. Въ грубо-пристрастныхъ отзывахъ подобнаго рода скрывается та истина, что, дѣйствительно, каждый изъ этихъ эксплуататоровъ можетъ быть совершенствомъ, *первымъ* въ своемъ родѣ; національность въ этомъ отношеніи никому не становится поперекъ дороги.

*) Какъ это имѣло мѣсто во время перваго еврейскаго погрома въ Одессѣ.

В. Ленокій.

ЗАМѢТКИ ЗЕМЦА.

О ЗЕМСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ И ЗЕМСКИХЪ ПРИЕМАХЪ.

IV.

Степень рациональности дѣйствій земства по народному образованію и по врачебной части.—Обезпеченіе народа отъ раззоренія.

Мы показали, что земствамъ нужно было-бы выяснить съ государственной и исторической точки зрѣнія относительное значеніе потребностей народа, которымъ они удовлетворяютъ; мы показали, что выясненіе это возможно, но оно не было сдѣлано только по недостатку чего-то у господъ гласныхъ и что вслѣдствіе этого произошло легкомысленное предпочтеніе медицинской части народному образованію. Съ общей государственной и исторической точки зрѣнія можно выяснять потребности только въ самыхъ общихъ, главныхъ ихъ очертаніяхъ. Земства, разумѣется, должны были установить эти очертанія, но дѣло возложено было на нихъ, а не на кого-либо другого не по этому, а потому, что, кромѣ того, нужно было привести въ извѣстность размѣръ потребности съ мѣстной точки зрѣнія и установить начало справедливости въ его удовлетвореніи. Что-же сдѣлано было въ этомъ отношеніи земствами, какія приемы ими выработаны? Отвѣтъ,—ничего, приемовъ не выработано никакихъ. Земствамъ явно даже и въ голову не приходило, что нужно приводить въ извѣстность потребности. Они разсуждаютъ такъ: имъ предоставлено право, слѣдовательно, они дѣлаютъ какъ имъ вздумается, съ нихъ и спросу нѣтъ. Коровѣ на выгонѣ предоставлено право идти на-лѣво и на-право, она и идетъ, куда ей вздумается, до тѣхъ поръ, пока пастухъ внутомъ не положитъ предѣла ея шествію; неужели и земства также назначаютъ по бюджетамъ суммы, какія имъ

вздумается, пока сенатъ не положитъ предѣла ихъ шествию на томъ или другомъ пунктѣ? Я глубоко возмущенъ, когда мнѣ приходится въ голову это сравненіе, я безпощадно браню за него себя; какая дерзкая мысль сравнивать такихъ эдегантныхъ и деликатныхъ господъ, какъ наши земцы съ такимъ нечистоплотнымъ животнымъ. Когда меня укуситъ эта злая муха, я напрягаю всѣ усилія своего ума, чтобы доказать, что бюджетныя назначенія земствъ на народное образованіе и медицину вытекаютъ изъ вполне выясненныхъ понятій о потребности, а не изъ слѣпого произвола какой-нибудь безсмысленной коровы, не нуждающейся ни въ какихъ данныхъ для того, чтобы сдѣлать по полю столько-то шаговъ, а не больше и не меньше. Но злополучная судьба моя такова, что всѣ мои попытки найти такую подкладку оказались до сихъ поръ не успѣшными. Можно выяснитъ до послѣднихъ предѣловъ очевидности, что земства даже окончательно не обращаютъ никакого вниманія на то ¹⁾, какую степень потребности проявляетъ народъ по отношенію къ образованію. Въ воронежскомъ уѣздѣ, напр., общества даютъ на народное образованіе только 450 р., а въ новохоперскомъ 6,130 р., между тѣмъ земство даетъ въ первомъ 6,828 р., а въ послѣднемъ только 2,965 р. Въ острогожскомъ общества даютъ 5,733 р., въ нижнедѣвицкомъ 7,578 р., въ павловскомъ 6,362 р., а земства въ первомъ 14,800 р., во второмъ 7,348 р., а въ третьемъ даже только 4,491 р. ²⁾ Точно также мало сообразуются они съ

¹⁾ Наиболѣ бросающееся въ глаза доказательство этому представляютъ намъ бессарабскія земства. Въ 1879 г. въ губерніи было 247 школъ и 12,747 учащихся; на ихъ содержаніе давалось въ уѣздахъ: хотинскомъ сельскими обществами 22,223 р., земствомъ 5,840 р.; аккерманскомъ сельскими обществами 28,192 р. земствомъ 1,360 р.; кишиневскомъ сел. об. 21,995 р., зем. 1,500 р.; оргѣвскомъ сел. об. 14,859 р., зем. 1,415 р.; сорокскомъ сел. об. 9,850 р., зем. 940 р.; бендерскомъ сел. об. 19,641 р., зем. 150 р.; яскомъ сел. об. 12,241 р., зем. ничего. Всего сельскія общества даютъ 128,301 р., земства 11,205 р. «Русская Рѣчь», февраль 1881 года, земское дѣло, стр. 26.

²⁾ Журналы воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 5 по 21 декабря 1879 г. Воронежъ, 1880. См. Вѣдомость о школахъ. Сопоставляя цифры, можно легко убѣдиться, что ни жертвы обществъ и ни возрастаніе этихъ жертвъ не имѣютъ никакого вліянія на размѣръ земскихъ ассигнованій:

Уѣзды.	Назначеніе	
	отъ обществъ	отъ земства.
1. Нижнедѣвицкій	7,578 р.	7,348 р.
2. Павловскій	6,362 "	4,491 "
3. Новохоперскій	6,130 "	2,965 "
4. Острогожскій	5,733 "	14,800 "
5. Валуйскій	2,254 "	7,238 "
6. Бирюченскій	1,045 "	7,180 "

другимъ родомъ проявленія народной потребности—съ школами грамотности. Въ кашинскомъ уѣздѣ, напр., 82 школы грамотности; а въ старицкомъ только 30, между тѣмъ въ кашинскомъ уѣздѣ только 19 земскихъ школъ, а въ старицкомъ 24. Земства такъ мало знакомы съ потребностями народа, что въ своихъ дѣйствіяхъ часто идутъ имъ прямо наперерѣзъ. Народъ стремится размножать школы, а земство сосредоточивать ихъ въ немногихъ пунктахъ. Въ орловской губерніи, напр., въ 1876 г. въ уѣздахъ малоархангельскомъ и ливенскомъ общества давали 21,580 р., а земство 10,201 р., зато тамъ было 138 школъ, а въ уѣздахъ сѣвскомъ и кромскомъ общества давали 3,117 р., а земства 19,040 р., зато тамъ было всего 41 школа ¹⁾.

Бюджетъ образованія точно также мало сообразуется и съ количествомъ населенія въ уѣздѣ. Земцамъ никогда не приходило въ голову, что если всѣ платятъ, то и удовлетвореніе потребности должно распространяться на всѣхъ; у нихъ вѣчно выходитъ, что масса бѣднѣйшихъ платитъ для удовлетворенія потребностей немногихъ, пользующихся сравнительнымъ благосостояніемъ. Въ раненбургскомъ уѣздѣ, напр., жителей 68,300, общества даютъ на образованіе 3,831 р., а земство 7,255 р., въ пронскомъ у. 51,800 жителей, общества даютъ 810 р., а земство 12,956 р. Недостаточностью средствъ это никакъ нельзя объяснить: въ скопинскомъ уѣздѣ, напр., 71,300 жителей, а земство даетъ на народную школу только 6,080 р. и въ то-же время жертвуетъ 5,000 р. на среднія заведенія ²⁾.

Уѣзды.	Назначеніе:	
	отъ обществъ.	отъ земства.
7. Воронежскій	450 р.	6,828 р.
8. Землянскій	ничего	8,910 "
9. Задонскій	—	4,420 "
	Съ 1877 по 1879 г. прибавлено:	
Уѣзды.	обществами.	земствами.
1. Острогожскій	2,274 р.	1,050 р.
2. Новохоперск	1,337 "	90 "
3. Павловскій	1,188 "	432 "
4. Нижнедѣвницкій	178 "	убавлено 52 "
5. Валуйскій	95 "	прибавлено 1,498 "
6. Бирюченскимъ	ничего	635 "
7. Воронежскій	—	ничего
8. Землянскій	—	1,390 "
9. Задонскій	—	120 "

¹⁾ Отчетъ орловской губернской управы за 1876 годъ. Орель, 1876, стр. 12.

²⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва. Декабрь, 1879 г. Рязань, 1880, стр. 344. Вотъ сопоставленія, доказывающія неза-

Вообще можно вполне доказать, что земства въ своихъ ассигнованіяхъ на народное образованіе также мало сообразуются съ своими средствами, какъ и съ потребностями населенія и съ его количествомъ. Роменское земство, напр., истрачивая 79,072 р. и на необязательныя потребности 42,879 р., даетъ на образованіе 22,195 р., а пирятинское, истрачивая 78,132 р. и на необязательныя потребности 45,977 р., даетъ на образованіе только 11,250 р. Кобелякское при необязательномъ бюджетѣ въ 31,393 р. даетъ 4,900 р., а Кременчугское при необязательномъ бюджетѣ въ 30,266 р. даетъ 15,710 р. ¹⁾ Тоже самое можно доказать по

вѣсимость земскихъ назначеній и отъ размѣровъ населенія, и отъ жертвъ крестьянскихъ обществъ:

Уѣзды.	Населеніе.	Жертвы земства:	
		на народную школу.	на среднее образованіе.
1. Скопинскій . . .	71,300	6,080 р.	5,000 р.
2. Ровенбургскій . . .	68,300	7,255 „	—
3. Касимовскій . . .	68,000	8,000 „	5,530 „
4. Спасскій . . .	66,400	10,515 „	1,000 „
5. Саложковскій . . .	66,000	6,300 „	2,900 „
6. Егорьевскій . . .	63,000	6,612 „	11,375 „
7. Михайловскій . . .	62,300	3,000 „	—
8. Пронскій . . .	51,800	12,956 „	—
9. Данковскій . . .	49,500	10,120 „	—

Уѣзды.	Жертвы обществъ.	Жертвы земства:	
		на народн. школу.	на среднее образованіе.
1. Спасскій . . .	6,542 р.	10,515 р.	1,000 р.
2. Данковскій . . .	5,754 „	10,120 „	—
3. Егорьевскій . . .	3,900 „	6,612 „	11,375 „
4. Ровенбургскій . . .	3,831 „	7,255 „	—
5. Касимовскій . . .	3,338 „	8,000 „	5,530 „
6. Саложковскій . . .	2,938 „	6,300 „	2,900 „
7. Михайловскій . . .	918 „	3,000 „	—
8. Пронскій . . .	810 „	12,956 „	—
9. Скопинскій . . .	641 „	6,080 „	5,000 „

¹⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XVI очереднаго созыва 1880 года. Полтава, 1880, стр. 150. Независимость расхода образованія отъ средствъ земства можно доказать такими-же сопоставленіями:

Уѣзды.	Весь расх.	Необяз. расх.	Образован.
1. Полтавскій . . .	85,481 р.	44,101 р.	17,175 р.
2. Роменскій . . .	79,072 „	42,879 „	22,195 „
3. Пирятинскій . . .	78,132 „	45,977 „	11,250 „
4. Прилукскій . . .	76,220 „	42,483 „	18,748 „
5. Золотоношенскій . . .	75,892 „	45,555 „	19,996 „
6. Кременчугскій . . .	75,666 „	30,266 „	15,685 „
7. Зѣньковскій . . .	72,724 „	41,615 „	12,768 „

любой губерніи ¹⁾. Скажите, почему гираспольское земство имѣетъ 12 школъ для 16,741 чел. и оставляетъ 40,528 чел. вовсе безъ школъ, а одесское имѣетъ 22 школы для 24,681 чел. и оставляетъ безъ школы только 21,171 чел., херсонское имѣетъ 30 школъ для 64,559 чел. и оставляетъ безъ школъ 70,892 чел., а александровское имѣетъ 17 школъ для 53,005 чел. и оставляетъ безъ школъ 127,628 чел. ²⁾ Это точно также невозможно объяснить, какъ то, почему вышневолоцкому земству вздумалось 5 волостей наградить 11 школами, 16-ть волостей 16-тью, а тремъ не дать на школы ни копѣйки ³⁾. Есть человѣческія дѣла, которыя дѣлаются такъ: одинъ предложилъ—всѣ согласились, одна ворона каркнула—и всѣ закаркали. Разумѣется, я никогда не осмѣлюсь сказать этого о такихъ просвѣщенныхъ собраніяхъ, какъ собранія земствъ.

Къ учащимъ относятся съ той-же самой инстинктивною, какъ и къ учащимся и къ населенію. Относительно учащихся предположеніе должно быть за однородность вознагражденія. При бѣдности бюджета необходимо какъ можно болѣе учителей съ

Уѣзды.	Весь расх. Необяз. расх. Образован.		
8. Константиногр. . .	69,507 р.	31,253 р.	5,755 р.
9. Миргородскій . . .	68,868 "	36,056 "	15,039 "
10. Годячское . . .	67,859 "	37,398 "	16,565 "
11. Хорольское. . .	65,025 "	38,346 "	10,709 "
12. Переяславскій. . .	63,611 "	24,001 "	8,260 "
13. Лохвицкое . . .	63,536 "	32,196 "	7,200 "
14. Кобелянскій . . .	62,911 "	31,393 "	4,900 "
15. Лубенское . . .	48,351 "	25,385 "	5,150 "

¹⁾ Журналы новгородскаго земскаго собранія очередной сессіи 1878 года. Новгородъ, 1879, Стр. 30.

Уѣзды.	Весь расх. Необяз. расх. Образован.		
1. Новгородскій . . .	111,388 р.	44,528 р.	9,500 р.
2. Череповицкій . . .	104,361 "	62,999 "	25,615 "
3. Старорусскій . . .	102,638 "	32,108 "	7,160 "
4. Боровичевскій. . .	96,582 "	45,630 "	6,917 "
5. Устюжскій . . .	84,560 "	46,579 "	12,755 "
6. Тихвинскій . . .	79,366 "	22,937 "	5,525 "
7. Крестецкій . . .	69,601 "	28,624 "	9,637 "
8. Кировскій . . .	66,282 "	26,505 "	6,874 "
9. Бѣлогерскій . . .	64,447 "	29,877 "	8,436 "
10. Валдайскій . . .	56,480 "	24,020 "	6,153 "
11. Демьянскій. . .	49,494 "	18,149 "	5,999 "

²⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 109.

³⁾ Протоколъ засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 г. Тверь, 1879, стр. 142.

единственнымъ требованіемъ, чтобы они распространяли образованіе, а не невѣжество подъ предлогомъ грамотности; большее вознагражденіе можно было-бы оправдать дороговизной жизни въ большихъ городахъ и т. п., но здѣсь это не примѣнимо. Въ большомъ городѣ бѣдному человѣку дѣйствительно труднѣе жить, но зато-же онъ можетъ дешевле добывать книги для продолженія своего образованія, а въ деревнѣ онъ долженъ все это покупать. Однако-же мы не только не видимъ однородности въ вознагражденіи, а видимъ громадную разницу, колеблющуюся между 60 р. и 400 р. Чѣмъ обусловливается эта разница? Количественномъ учениковъ?—нѣтъ. Основаніе это разумно только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, но вовсе не видно, чтобы имъ руководствовались. Въ александровскомъ уѣздѣ низшую плату 70 р. получалъ учитель, имѣвшій 55 учениковъ, а высшую 240 р., имѣвшій только 48 ¹⁾. Въ покровскомъ уѣздѣ учитель, имѣвшій 19 учениковъ, получалъ 220 р., имѣвшій 20—60 р., а имѣвшій 51—110 р., изъ имѣвшихъ 60 учениковъ одинъ получалъ 400 р., одинъ 160 р., одинъ 240 ²⁾. Статистическимъ путемъ можно выяснитъ и то, что размѣръ содержанія учащихся не имѣетъ ничего общаго съ ихъ достоинствами въ качествѣ педагоговъ и съ успѣхомъ ихъ преподаванія. Въ новгородской губерніи изъ числа учителей съ высшимъ вознагражденіемъ 300 р. и болѣе 3 оказались неудовлетворительными въ то время, какъ даже изъ числа тѣхъ, которые получаютъ менѣе 200 р., 6 оказались удовлетворительными, а 3 даже хорошими. Изъ тѣхъ-же учащихся высшаго оклада 8 оказались только удовлетворительными, а между тѣмъ изъ получающихъ менѣе 300 р. 12 оказались хорошими и 13 отличными. Изъ числа неудовлетворительныхъ учителей, получающихъ менѣе 200 р., было только 2, а получающихъ болѣе было 11 ³⁾.

¹⁾ Протоколъ александровскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екатеринбургъ, 1880, стр. 219. Изъ имѣвшихъ отъ 50 до 60 учениковъ 3 получали 210 р., одинъ 200 р., двое 180 р., двое 120 р., одинъ 70 р., изъ имѣвшихъ отъ 40 до 50 одинъ 240 р., одинъ 100 р., изъ имѣвшихъ менѣе 40 двое 210 р.

²⁾ Владимірскій земскій сборникъ 1880, № 4, апрѣль. Владиміръ, 1880, стр. 140. Изъ имѣвшихъ 60 учениковъ и болѣе одинъ получалъ 420 р., двое 400 р., одинъ 240 р., одинъ 160 р., изъ имѣвшихъ отъ 50 до 60 учениковъ одинъ получалъ 325 р., одинъ 275 р., одинъ 225 р., одинъ 220 р., одинъ 190 р., одинъ 110 р., изъ имѣвшихъ отъ 40 до 50—двое 360 р., одинъ 240 р., одинъ 220 р., одинъ 200 р., одинъ 180 р., одинъ 120 р., менѣе 40 учениковъ—одинъ 300 р., одинъ 270 р., одинъ 220 р., одинъ 216 р., двое 200 р., одинъ 156 р., одинъ 140 р., одинъ 60 р. Другія, но не болѣе рациональныя данныя въ № 5, май, стр. 116.

³⁾ Журналы новгородскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1878 г. Новгородъ, 1879, стр. 52. 49 учителей получаютъ отъ 174 до 200 р.,

Можно прибрать сколько угодно данныхъ, чтобы доказать, что размѣры содержанія учителей вытекаютъ изъ глубокомысленныхъ соображеній, покрытыхъ такою-же мистической тьмой, какъ и тѣ, которыми руководствуется пѣтухъ, когда онъ кричитъ и предвѣщаетъ погоду ¹⁾. Такъ земствами ведутся дѣла по народному образованію; на врачебную часть, какъ мы видѣли выше, обращается болѣе вниманіе, но вниманіе это отнюдь не отличается болшею раціональностью. Стоить только капнуть земскія дѣла, чтобы натолкнуться на инстинктивность — и чѣмъ болѣе вы будете копать, тѣмъ болѣе вы будете убѣждаться, что вездѣ и всюду царитъ одна инстинктивность. Начать съ того, что земства тратятъ главную массу своихъ денегъ на города и преимущественно на губернской городъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ губернскія богоугодныя заведенія, между тѣмъ какъ городъ имѣетъ свой собственный бюджетъ, несравненно болѣе богатый, чѣмъ деревня, и самъ могъ-бы лечить своихъ больныхъ и призрѣвать своихъ престарѣлыхъ. Содержаніе симбирской губернской больницы стоило въ 1875 г. 30,344 р., въ ней было проведено больными 106,420 дней, въ томъ числѣ крестьянами только 11,392 дня ²⁾. Полтавскимъ губернскимъ земствомъ тратится такимъ образомъ 116,141 р., а по губернской и всѣмъ уѣзднымъ смѣтамъ вмѣстѣ назначено на врачебную часть 204,837 р. ³⁾, Въ орловской губерніи по всѣмъ уѣздамъ вмѣстѣ, по которымъ данъ отчетъ въ ежегодникѣ за 1877 г., назначено на врачебную часть 94,879 р., а губернскимъ земствомъ на за-

имѣютъ 1,195 учениковъ безразлично съ достоинствомъ и съ содержаніемъ приходится отъ 14 до 69 учениковъ на учителя, 48 учителей имѣютъ отъ 220 до 800 р. и у нихъ 1,062 ученика, опять также безразлично на учителя приходится отъ 10 до 80 учениковъ. Изъ остальныхъ 1 получаетъ 400 р., двое съ 107 учениками 330 р., одинъ съ 40 учениками 350 р.

¹⁾ Никто въ мѣрѣ не скажетъ, почему въ муромскомъ уѣздѣ 18 учителей получаютъ отъ 200 до 240 р., семь отъ 180 до 200 р., 11 отъ 100 до 180 р., остальные менѣе ста. Владимірскій земскій сборникъ 1880, № 3, мартъ. Владиміръ на Клязьмѣ, 1880, стр. 112. Въ александровскомъ уѣздѣ 4 учителя получали 800 р., у нихъ учениковъ отъ 14 до 59, четыре по 400 р., у нихъ учениковъ отъ 14 до 59, одинъ 350 р., одинъ 300 р., 24 ученика, 12 получали отъ 200 до 300 р., у нихъ учениковъ отъ 19 до 49, одинъ 120 р. съ 25 учениками. Тамъ-же № 6-й, июнь, стр. 90. Потрудитесь объяснить разумно, почему въ тверской губерніи годичное обученіе ученика колеблется между 8 р. 48 к. въ новоторжскомъ уѣздѣ и 1 р. 62 к. въ кашинскомъ. Протоколъ засѣданій тверского губернскаго земскаго собранія за 1878 г. Тверь, 1879, стр. 142.

²⁾ Постановленія симбирскаго земскаго собранія сессіи 1875 г. Симбирскъ, 1876, стр. 164.

³⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва 1879 г. Полтава, 1879, стр. 181, 263, 29.

веденія губернскаго города назначено въ 1876 г. 127,280 р. ¹⁾. Медицинская помощь распределяется повсемѣстно точно такъ-же бессознательно, какъ и народное образованіе и точно такъ-же въ концѣ выходитъ, что многіе бѣдные платятъ для удовлетворенія потребностей не многихъ пользующихся сравнительнымъ благосостояніемъ.

Это прекрасно выясняется разсмотрѣніемъ медицинской части въ херсонской губерніи. Сборникъ херсонскаго земства разъясняетъ намъ, что ни населеніе, ни пространство земли, ни размѣръ уѣзднаго бюджета не имѣютъ никакого вліянія на ассигнованіе и, несмотря на всю эту случайность, въ концѣ выходитъ одно, что люди получаютъ тѣмъ менѣе врачебной помощи, чѣмъ болѣе они платятъ. Губернская субсидія опредѣлена уѣздомъ въ половинномъ размѣрѣ ихъ ассигнованій, а между тѣмъ выходитъ, что уѣзды получаютъ тѣмъ менѣе, чѣмъ незначительнѣе ихъ бюджетъ сравнительно съ ихъ расходомъ на врачебную часть. Ананьевскій уѣздъ тратитъ 19% своего бюджета и получаетъ только 28% субсидіи, александровскій—17% и получаетъ 52%, одесскій, самый богатый, тратитъ только 10% и получаетъ субсидіи 63%. Въ губерніи 33 врачебныхъ участка, самыя богатые имѣютъ 10—15 тысячъ населенія на участокъ, бѣднѣйшіе до 100 тысячъ безъ малѣйшей соразмѣрности съ ихъ платежами. Въ самыхъ богатыхъ центрахъ на большія земскія больницы тратятся сравнительно громадныя деньги и тамъ участки меньше; гдѣ нѣтъ больницъ участки наибольшіе; 12 участковъ имѣютъ радіусъ отъ 25 до 50 верстъ, 8 отъ 50 до 70 верстъ, 5 отъ 70 до 80 верстъ и 4 имѣютъ 90, 115 и даже 128 верстъ. Участки наибольшаго пространства совпадаютъ и съ наибольшимъ населеніемъ. Самыми полезными для населенія оказываются 64 участковыхъ фельдшера, которые стѣяютъ сравнительно ничтожную сумму; менѣе полезны врачи, не имѣющіе больницъ, они стоятъ значительно болѣе, получаютъ по 700 р.; самыя бесполезныя врачи при больницахъ стоятъ громадныхъ суммъ; независимо отъ содержанія въ 1,200 рубл. и т. д., при врачахъ 58 фельдшеровъ. Въ александровскомъ уѣздѣ, наприм., больныхъ было у врачей 10,375, а у фельдшеровъ 14,777, въ елисаветградскомъ у врачей 7,842, у фельдшеровъ 10,000 ²⁾.

¹⁾ Земскій ежегодникъ за 1877 г. Спб., 1879. Смѣты земскихъ расходовъ на 1877, стр. 14. Отчетъ орловской губернской земской управы за 1876 г. Орель, 1876, стр. 40. Смѣта доходовъ и расходовъ орловскаго губернскаго земства на 1877 г. и отчеты управы объ оборотѣ суммъ за 1876 г. Орель, 1876, стр. 32.

²⁾ Сборникъ херсонскаго земства 1879, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 35, 36, 37.

Херсонская губернія въ этомъ отношеніи типъ, а не исключеніе; то-же самое можно доказать повсемѣстно. Въ муромской земской больницѣ 1-го участка было 445 больныхъ и 864 приходящихъ, они стоили 7,786 р. кромѣ жалованья врачу и фельдшерамъ, а у двухъ фельдшеровъ было 7,049 человекъ больныхъ и они почти ничего не стоили, кромѣ ничтожнаго жалованья фельдшерамъ ¹⁾.

Мы видѣли выше, что для врачебной части города Вологды губернское земство тратитъ около 40,000 р. и уѣздное еще сверхъ того тратитъ на больницу и при ней на врача и фельдшера 10,348 р., въ этой больницѣ было больныхъ съ приходящими 7,886, въ томъ числѣ большое число, 2,910 горожанъ, рецептовъ имъ выдано 8,996. Шестъ фельдшерскихъ пунктовъ обнимали населеніе въ 98,199 человекъ, фельдшера приняли на нихъ 24,102 больныхъ, выдали 30,080 рецептовъ, и все это стоило: фельдшера—1,200 р., лекарства—4,358 р., всего 5,558 руб. ²⁾. Когда докторамъ приводишь такіе факты, тогда они обыкновенно начинаютъ утверждать, что на фельдшерскихъ пунктахъ излечиваются только самые ничтожные болѣзни; оказывается, однако-же, что это вовсе не такъ; въ псковскомъ уѣздѣ, напр., въ 1879 году брюшного тифа у врача было 20 случаевъ, а у фельдшеровъ 16. Въ двухъ участкахъ фельдшера лечили 12,884 человека, отъ болѣзней въ родѣ слѣдующихъ: острое воспаленіе головного мозга, воспаленіе легкихъ, болѣзни родильнаго періода, кровавый поносъ, коклюшъ и проч. на ряду съ золотухой и т. п. ³⁾.

¹⁾ Владимірскій земскій сборникъ 1880 г., № 3, мартъ. Владимір-на-Клязьмѣ, 1880, стр. 22.

²⁾ Отчетъ и доклады земской управы съ постановленіями земскаго собранія вологодскаго уѣзда 1879 года. Вологда, 1879, стр. 105, 122.

Вотъ еще примѣры: въ глазовскомъ уѣздѣ при двухъ больницахъ 5 врачей съ жалованьемъ въ 7,800 р., 9 фельдшеровъ стоили 2,550 р., сами больницы стоили 10,850 р., въ городской больницѣ было 468 горожанъ и всего 351 крестьянинъ. Всѣхъ съ приходящими было 18,794 дня, на 13 фельдшерскихъ пунктахъ было больныхъ 14,151 и фельдшера стоили всего 4,100 р. Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія XIII очередной сессіи съ 15 по 27 октября 1879 г. и доклады уѣздной земской управы. Вятка, 1880, стр. 282, 306, 321. Въ ростовскомъ уѣздѣ въ больницѣ больные пробыли всего 19,357 дней, а больница стоитъ 19,728 р., между тѣмъ фельдшера 8 фельдшерскихъ пунктовъ стоятъ всего 2,400 рублей и выдали 9,510 рецептовъ. Вѣстникъ ярославскаго земства, 1879, ноябрь, декабрь. Ярославль, стр. 44, 8, 16

³⁾ Вѣстникъ псковскаго губернскаго земства, изд. губ. земства, редакторъ предсѣдатель псковской губернской земской управы, 1880 г., №№ 12 и 13. Не угодно-ли еще примѣровъ распредѣленія занятій между больницами и фельдшерами: въ ковровскомъ уѣздѣ больница стоитъ 9,832 р., фельдшерскіе пункты—

И тутъ вполнѣ ясно, что все это порожденіе инстинктивно-сти, а не эгоизма. Тѣ части населенія, которыя выигрываютъ, не имѣютъ ни охоты, ни возможности навязывать свой эгоистическій интересъ тѣмъ, которые проигрываютъ. Съ этой точки зрѣнія явленіе и объяснить невозможно, но оно прекрасно объясняется, если съ одной стороны взять апатію и безразличіе населенія, а съ другой—настойчивость и энергію докторовъ¹⁾. Стоитъ вникнуть въ дѣло, чтобы увидѣть, что все тутъ дѣлается не въ интересѣ населенія, а въ интересѣ докторовъ, которые кромѣ нравственнаго, никакого вліянія не имѣютъ. Доктору хочется жить въ городѣ, не шляться по холоду и слякоти въ уѣздѣ, и доктора достигаютъ этого, достигаютъ того, что въ этой области человѣкъ тѣмъ менѣе полезенъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ знанія и искусства,—фельдшеръ полезнѣе неопытнаго доктора, неопытный полезнѣе опытнаго. У насъ жалуются, что чиновники мало работаютъ; но они работаютъ очень много, сравнительно съ докторами. Заурядный чиновникъ работаетъ отъ пяти до восьми часовъ въ день, а высоко-вознагражденный главный докторъ больницы въ 25 минутъ объѣздитъ палаты, надѣлаетъ распоряженій на-угадъ и спѣшитъ получать по 3 рубля за визитъ въ частной практикѣ. Все-таки остается желать расширенія земской дѣятельности и въ этой области. При существованіи покойныхъ приказовъ общественнаго призванія, ворочавшихъ громадными капиталами, бюрократія доказала вполнѣ свою неспособность распоряжаться санитарной частью. Въ больницахъ случалось, что было занято кроватей по пяти²⁾ не болѣе,

2,620 р., въ больницъ амбулаторныхъ и другихъ больныхъ 2,519, на пунктахъ—4,481. Владимірскій земскій сборникъ, 1879, № 5, май. Владимір-на-Клязьмѣ, 1880, стр. 8. Въ 4-хъ уѣздахъ петербургской губерніи 10 врачей стоили 9,672 р. и приняли 9,925 больныхъ, а 42 фельдшера стоили 12,159 р. и приняли 33,729 больныхъ. Отчетъ с.-петербургской губернской земской управы с.-петербургской губерніи земскому собранію за 1879 г. С.-Петербургъ, 1879, стр. 142. Въ рыбинской больницѣ было съ приходящими 3,401 больной, издержки—40,465 р., а на фельдшерскихъ пунктахъ—5,979 р., издержки всего 2,564 р. Вѣстникъ ярославскаго земства, 1880, №№ 95, 96, май, июнь. Ярославль, стр. 36.

¹⁾ Для иллюстраціи приведу слѣдующее данное: въ глазовской больницѣ было больныхъ изъ 3 волостей 1,513, изъ 6 волостей всего 331. Я все-таки полагаю, что выборъ пункта для глазовской больницы зависѣлъ отъ другихъ причинъ, а не отъ перевѣса вліянія крестьянъ привилегированныхъ трехъ волостей надъ вліяніемъ шести обездоленныхъ. Журналъ глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія X очередной сессіи (30 сентября—9 октября 1876 г.) и Доклады уѣздной земской управы. Вятка, стр. 292.

²⁾ Ср., напр., состояніе больницы череповецкаго уѣзда до и послѣ введенія земства, *Павла Грязнова*: Опытъ сравнительнаго изученія гигиеническихъ усло-

онѣ не приносили населенію почти никакой пользы и были на такомъ-же счету у начальства и въ Петербургѣ, вакансіи докторовъ оставались не заняты массамаи. Вотъ примѣръ для характеристики. Въ костромской губерніи земству былъ переданъ капиталъ общественнаго призрѣнія въ 480,178 руб.; капиталъ этотъ не выполнялъ ровно никакой полезной функціи, такъ-что земство сначала въ сущности не знало, что съ нимъ дѣлать. Это было далеко не исключеніе, такъ-что администрація догадалась и стала обирать эти капиталы себѣ; въ 1848 году она взяла у костромского земства 458,750 р. ¹⁾. Какъ сильно укоренилось убѣжденіе въ полной бесполезности заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія, видно изъ слѣдующаго примѣра: лѣтъ тридцать тому назадъ, въ городѣ Симбирскѣ, кажется, губернаторъ испросилъ нѣсколько сотъ рублей на ремонтъ больницы, и на эти деньги, съ благословенія Петербурга, обратилъ больницу въ дачу для своего семейства, а оставшихся больныхъ перевелъ въ пустыя прачешныя. Теперь, по крайней-мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, что предсѣдатель управы не передѣлаетъ на земскія деньги больницу въ дачу для своего семейства... или, чего добраго, это и теперь возможно, какъ думаетъ читатель.

Отъ народнаго образованія мы переходимъ къ другой, возложенной на земства задачѣ, къ обезпеченію народнаго хозяйства отъ раззоренія. Правильная дѣятельность земствъ въ этой области ограничивается такъ-называемымъ народнымъ продовольствіемъ и страхованіемъ, Это опять-таки не то, что врачебная часть, это точно также, какъ народное образованіе, задача первостепенной важности, но зато-же вы видите тутъ еще менѣе пониманія, чѣмъ по отношенію къ народному образованію. По отношенію къ народному образованію вы замѣчаете нѣкоторое инстинктивное предъугадываніе значенія этого предмета ²⁾,

вій крестьянскаго быта и медико-топографія череповецкаго уѣзда. С.-Петербургъ, 1880.

1) Обзоръ движенія капиталовъ губернскаго земства 1865—1880 г. Кострома, 1880, стр. 27.

2) Предъугадываніе это выражается часто повторяющимся фактомъ, что бюджеты народнаго образованія въ уѣздныхъ земствахъ возрастали быстрѣе, чѣмъ расходы по другимъ предметамъ и весь расходъ вообще. Земства, которыя назначили на народное образованіе слишкомъ ничтожныя суммы, быстро увеличивали ихъ, такъ-что бюджеты образованія по той-же губерніи начинали сравниваться. Въ череповецкомъ земствѣ расходъ вообще съ 1866 по 1879 г. увеличился съ 33,638 р. на 107,589 р., но по народному образованію съ 1,431 р. на 27,360 руб. Отчетъ череповецкой земской управы за 1879 г. Череповецъ (смѣты). Въ рязанской губерніи всѣ уѣздныя смѣты образованія съ 1875 по 1880 г. увеличились всего съ 51,792 р. на 89,136 р., а самыя бѣдныя назначенія увеличива-

по отношенію-же къ обезпеченію народнаго хозяйства—одно полное, безотрадное невѣжество. Всякій социальный порядокъ, точно также, какъ и всякая финансовая система имѣетъ весьма существенные недостатки, которые не могутъ быть отвращены никакими общими мѣрами, никакою мудростью законодательства; всегда одни будутъ платить, другіе—получать больше, чѣмъ имъ слѣдовало и наоборотъ. Вотъ почему необходимы сверхъ общихъ еще и детальныя мѣры, которыя исправляли-бы зло, происходящее отъ недостатковъ общаго социального порядка, хотя въ самыхъ тяжкихъ его проявленіяхъ, спасали-бы погибающихъ отъ бѣдности и мѣшали-бы имъ доходить до разоренія и послѣднихъ крайностей. Такія мѣры тѣмъ болѣе необходимы, что существуетъ такое явленіе, какъ установленіе однообразныхъ рыночныхъ цѣнъ, которыя могутъ быть понижены конкуренціей голодныхъ до того, что вся масса рабочаго класса будетъ получать недостаточное вознагражденіе, сдѣлается бѣднѣе, будетъ меньше покупать, а этимъ сократитъ размѣры производства и произведетъ обѣдненіе въ имущемъ классѣ и во всемъ государствѣ. Если-бы дѣло не пошло такъ далеко, если-бы даже не произошло обѣдненія, то все-таки не произойдетъ и возможнаго развитія благосостоянія и цивилизаціи, что будетъ для всѣхъ классовъ общества одинаково сквернымъ послѣдствіемъ. Поэтому и средства для исправленія такого зла, т. е. помощь бѣднѣйшимъ должна быть отъ общества и преимущественно на счетъ тѣхъ, кому существующій порядокъ оказался исключительно полезнымъ, т. е. наиболѣе богатыхъ среди имущаго класса. Это до такой степени вѣрно, что тамъ, гдѣ высшіе классы обладаютъ государственнымъ взглядомъ на вещи, ихъ коноводамъ, дѣйствовавшимъ прямо въ интересахъ эгоистической политики, случалось, подобно Питу, громко провозглашать принципъ, что богатые обязаны обезпечить погибающихъ отъ нужды, даже если-бы имъ пришлось пожертвовать для этого всѣмъ своимъ достоинствомъ; случалось, что ихъ упрекали за чрезмѣрную готовность къ подобнымъ жертвамъ, потому-де, что она имъ доставляетъ слишкомъ большую популярность и удерживаетъ этимъ въ силѣ устарѣлыя учрежденія. Вообще можно сказать, что первый признакъ политическаго развитія имущаго класса, дѣлающаго его

лись въ нѣсколько разъ; рязанскаго уѣзда—вчетверо и достигла 8,000 р., егорьевскаго, сапожковскаго (первая 6,600 р., вторая 6,300 р.), ряжскаго (4,000 р.), михайловскаго (3,000 р.) втрое, касимовскаго (8,000 р.), раненбургскаго (7,000 рублей) только вдвое. Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва. Рязань, 1880, стр. 334.

способнымъ участвовать въ самоуправленіи, заключается въ пониманіи, что подобныя жертвы для него полезны, а не убыточны; точно также, какъ признакъ человѣка, способнаго вести промышленныя дѣла, заключается въ пониманіи, что успѣхъ промышленнаго предпріятія обусловливается вѣрнымъ расчетомъ, а не скряжничествомъ, пенкоснимательствомъ и притѣсненіемъ.

Въ земствахъ вы не только не видите ширины пониманія дѣла и государственной точки зрѣнія, но встрѣчаете такое безотрадное отсутствіе сознательнаго отношенія, что даже трудно повѣрить. Дѣло продовольствія и страхованія поставлено такъ, что разоренные несчастными случайностями, изъ числа крестьянъ, обезпечиваются крестьянами-же. Всѣ попытки обезпеченія бѣдствующихъ изъ общаго земскаго сбора оказались окончательно неуспѣшными. По случаю одной изъ подобныхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ рязанскихъ земствахъ, егорьевское земство отвѣтило, что привлечь всѣ сословія къ продовольственной повинности, значитъ наложить подать на имущіе классы въ пользу неимущихъ, заставить сословія состоятельныя благотворить бѣдному населенію; зарайское, — что оно не имѣетъ права удовлетворять однихъ, налагая тяжелое бремя на другихъ ¹⁾. Вотъ какого рода пониманіе обнаружили земства по отношенію къ тому изъ вопросовъ, который не представляетъ и тѣни затрудненія. Если поставленъ вопросъ не о томъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ помогать неимущимъ, а о томъ, кто обязанъ помогать, то опять-таки нельзя спросить такъ: имущіе или неимущіе; разумѣтся, имущіе, по той простой причинѣ, что для того, чтобы дать, надо сначала имѣть. Если затѣмъ дается такой выборъ: кто долженъ обезпечивать неимущихъ—мало имущіе, т. е. крестьяне, или много имущіе, т. е. капиталисты и землевладѣльцы, то выборъ можетъ пасть только на капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Имущіе крестьяне могутъ быть разумно привлечены къ обезпеченію бѣднѣйшихъ только въ томъ случаѣ, если вопроса о выборѣ вовсе не было поставлено, а было прямо рѣшено: всѣ, по мѣрѣ силъ. Крайняя слабость сужденія егорьевскихъ и зарайскихъ земцевъ проявилась въ томъ, что они вообразили, будто можно поставить вопросъ о выборѣ и отвѣтить на него: малоимущіе. Между тѣмъ на дѣлѣ всѣ земства поступаютъ такъ-же, какъ зарайское и егорьевское, разница лишь въ томъ, что остальныя инстинктивно чувствуютъ уость и медкость своего сужденія и

¹⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва въ декабрѣ 1879 г. Рязань, 1880, стр. 160.

благоразумно воздерживаются отъ провозглашенія его во все-услышаніе.

Послѣ этого невозможно и ожидать, чтобы земства были въ силахъ понять, въ чемъ заключается суть возложенной на нихъ задачи и почему она возложена на органы самоуправленія, а не на бюрократію. Суть эта неизмѣримо сложнѣе того, до крайней степени простого вопроса, который земства пережевываютъ пятнадцать лѣтъ и все-таки никакъ не могутъ правильно рѣшить такимъ способомъ вопроса о томъ, кто долженъ платить ради обезпеченія неимущихъ. Обезпечить неимущихъ, спасти государство отъ всѣхъ бѣдствій, сопряженныхъ съ ихъ существованіемъ, нельзя общими мѣрами, по той простой причинѣ, что неимущіе происходятъ именно отъ того, что общая мѣра, законъ невысказанъ безъ доли несправедливости, безъ жертвъ установленія единообразной мѣры, единообразнаго рѣшенія среди разнообразныхъ условій, требующихъ столь-же большого разнообразія въ рѣшеніяхъ для установленія безусловной справедливости. Между тѣмъ, іерархическая бюрократія можетъ управлять только посредствомъ общихъ мѣръ, посредствомъ правилъ, исходящихъ изъ центровъ, и только выполняемыхъ массою подчиненныхъ; всякая попытка дѣйствовать иначе превратитъ мелкаго чиновника въ пашу, въ деспота, отдастъ ему населеніе въ крѣпостную зависимость. При исключительномъ господствѣ бюрократіи, задача исправленія зла, происходящаго отъ общихъ правилъ, невыполнима, это бѣдствіе такъ и должно оставаться неизлечимымъ бѣдствіемъ. Ея разрѣшеніе для бюрократіи до того невысказанно, что она за него никогда не берется, развѣ только для виду учредить какіе-нибудь приказы общественнаго призрѣнія, которые такъ и остаются для одного только виду. Между тѣмъ, правители не могли не чувствовать безпредѣльной опасности игнорировать бѣдствіе и пришлось учредить крестьянское самоуправленіе. Учредить-то его они рѣшились, а дать ему самостоятельность они опять не могли рѣшиться, они подчинили его бюрократіи, и вышло, что крестьянское самоуправленіе не могло выполнять своего назначенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно было подчинено бюрократіи, между прочимъ, въ случаѣ обезпеченія крестьянскаго хозяйства отъ нужды посредствомъ продовольственныхъ магазиновъ. Завѣдывающіе магазинами были подчинены чиновникамъ и администрація понимала очень хорошо, что первымъ послѣдствіемъ такого подчиненія можетъ быть то, что чиновники расхитятъ магазины вмѣсто помощи нуждающимся, а потому нужно было сдѣлать что-нибудь, что предупредило-бы такое неизбежное послѣдствіе. И вотъ было постановлено, что хлѣбъ изъ ма-

газиновъ можетъ быть даваемъ только въ ссуду, чтобы для чиновника не было соблазна взять его себѣ подъ предлогомъ раздачи бѣднымъ. Но чрезъ это опять-таки цѣль окончательно не достигалась. Ссудой можно помочь имущему, но не нуждающемуся. Если крестьянинъ живетъ отъ пяти десятинъ и хочетъ засѣять семь для увеличенія своего благосостоянія, ему можно помочь ссудой; онъ прожилъ годъ, по-прежнему, на свои пять десятинъ и на слѣдующій засѣваетъ семь уже своимъ хлѣбомъ. Но дать ссуду земледѣльцу, который зарабатываетъ только необходимое, чтобы прожить, и котораго постигло несчастіе, это значитъ или увѣковѣчить его бѣдствіе или разорить его. Чтобы исправить, а не увѣковѣчить зло, нужно дать такому человѣку безвозмездно. Зло дѣйствительно не исправлялось, а увѣковѣчивалось и разрасталось. И вотъ, чтобы положить ему предѣлъ, создано было самостоятельное самоуправленіе земства. Что-же, положило оно предѣлъ злу? Мы сейчасъ увидимъ, что оно замѣнило собою бюрократію, чтобы попытаться, если это только будетъ возможно, создать въ этой области нѣчто худшее, чѣмъ бюрократія.

V.

Голодъ и земское сердоболіе.

Въ дѣлѣ обезпеченія народной массы отъ крайностей нищеты и разоренія главная трудность заключается въ приведеніи въ извѣстность истинно-нуждающихся и степени ихъ нужды. Чтобы избѣгнуть необходимости выясненія нужды, употребляется давно осужденный исторіей приемъ—ссудъ нуждающимся. Долги бѣдствующихъ губятъ населеніе Турціи, долги бѣдствующихъ мѣшали вездѣ въ историческія времена массамъ достигать первой степени благосостоянія; исторія Греціи и Рима показываетъ намъ, что для того, чтобы одолѣть это препятствіе, чтобы сдѣлать первый шагъ къ благосостоянію, массы должны были насильственно освобождать себя отъ долговъ. Обиліемъ кредита государства, земства, общины, имущіе классы запутываютъ свои дѣла до безвыходности и начинаютъ ихъ поправлять только тогда, когда поймутъ, что этимъ орудіемъ слѣдуетъ пользоваться съ величайшей осмотрительностью; для неимущихъ-же кредитъ и гибель равнозначущи. Задача земства—создать переходъ отъ прежней системы ссудъ къ безвозмездной помощи и создать для бѣдствующихъ обстановку, при которой они могли-бы обходиться безъ кредита; но первая, неизбѣжная для этого подкладка, это

знаніе размѣровъ нужды. Всякій опасается брать въ долгъ, только легкомысленный этого не опасается; современная система ссудъ есть система развитія бездоннаго легкомыслія, но зато же примѣръ погибающихъ отъ этого легкомыслія уменьшаетъ число охотниковъ и создаетъ систему устрашенія, дѣйствующую съ большой энергіей. Вотъ какимъ образомъ предсѣдатель херсонской управы изображаетъ терроръ, порожденный видомъ погибающихъ отъ ссудъ бѣдняковъ. Всѣ сельскія общества демидовской волости, несмотря на полный неурожай, отказываются отъ пособій,—не желая залезать въ долги; въ южной части тираспольскаго уѣзда озимые пропали, яровые истреблены жукомъ, въ вол. Каторжиной, въ довершеніе, изъ 4,500 десятинъ 1,500 выбито градомъ, и все-таки, убѣжденные горькимъ опытомъ, крестьяне отказываются отъ пособій. Засуха и жужь истребили хлѣбъ въ шести волостяхъ ананьевскаго уѣзда, но они отъ пособій тоже отказываются. Во всей губерніи пострадали отъ неурожая 45 волостей съ населеніемъ въ 105,974 человека, большинство отказывается отъ пособій ¹⁾. Но если вмѣсто ссуды будетъ раздаваться пособіе безвозмездное, то, разумѣется, всѣ жадно будутъ стремиться получить его; система, въ которой безвозмездное пособіе будетъ играть наиболѣе выдающуюся роль, т. е. единственная разумная система, сдѣлается возможной только тогда, когда будутъ выработаны достаточно удовлетворительные приемы для выясненія размѣровъ нужды и отдѣленія нуждающихся отъ ненуждающихся.

Посмотримъ, каковы въ этомъ отношеніи дѣйствія земства. На первомъ планѣ стоятъ свѣденія объ урожаяхъ, требуемыхъ губернскими земствами отъ уѣздныхъ. Уѣздныя земства вмѣсто свѣденій доставляютъ часто явную чепуху, такой вздоръ, котораго легкомысленная ложь очевидна сама собою, потому что существованіе того, что они доносятъ, явно невозможно. Въ смоленской губерніи за 1879 г. вяземское земство опредѣлило урожай самъ 2, ельнинское самъ 2½. Губернская управа, разсмотрѣвъ эти свѣденія нашла, что существованіе неурожая въ точномъ смыслѣ слова признать нельзя, урожай ржи самъ 2 и 3 почти нормальный ²⁾. По псковскому уѣзду урожай 2¼ для ржи, пудъ ржаной муки отъ 1 р. до 1 р. 10 к., въ опочецкомъ уѣздѣ урожай ржи самъ 2¾, картофеля 2¼ и т. д. Земство на-

¹⁾ Сборникъ 1880 г. херсонскаго земства, июль, августъ, сентябрь. Херсонъ, 1880, стр. 3.

²⁾ Журналы XV очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія, за сѣданіе съ 8 по 21 января 1880 г. стр. 320. Журналы чрезвычайнаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія 5 марта 1880 г. Смоленскъ, 1880, стр. 12.

ходить, что нѣтъ необходимости принимать какія-либо мѣры ¹⁾. Рядомъ съ этими въ январѣ 1880 г. оказалось въ смоленской губерніи, что самыя низкія цѣны на рожь были именно въ ельнинскомъ уѣздѣ—8 р. четверть, въ вяземскомъ—9 р. 50 к., только въ двухъ уѣздахъ она была дешевле, а въ бѣльскомъ, напр., 11 р. 25 к. Въ орловской губерніи въ 1875 г. въ нечерноземныхъ уѣздахъ урожай опредѣлялся даже для озимыхъ отъ 1 до 3, а для яровыхъ отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ и затѣмъ въ слѣдующемъ 1876 г. для озимыхъ отъ 2 до 3, а для яровыхъ отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ ²⁾. Подобныхъ данныхъ легко набрать сколько угодно, или можно набить себѣ оскомину въ земскихъ изданіяхъ ³⁾.

Опредѣлить достоинство этихъ показаній можно слѣдующимъ образомъ. Чтобы среднее крестьянское семейство могло прожить и вести самостоятельное хозяйство въ теченіи года, ему теперь вездѣ безъ исключенія необходимо израсходовать не менѣе 200 руб. Отбрасывая всѣ сомнительныя данныя, вѣрность этой цифры доказывается существующими цѣнами на сельскій трудъ. На хозяйскомъ содержаніи, не имѣющей на своихъ рукахъ дѣтей, мужчина въ большинствѣ случаевъ нанимается въ годъ за 50 руб., женщина за 25 руб., обремененные семействомъ берутъ такія цѣны только въ исключительныхъ условіяхъ и тогда дѣти приносятся въ жертву. Содержаніе мужчины и женщины съ отопленіемъ въ теченіи года стоитъ 70 руб. ⁴⁾, всего выйдетъ 145 руб. Обремененный семействомъ, работникъ беретъ 70 руб., женщина 30 руб.—выйдетъ 170 руб. При этомъ дѣти ихъ живутъ у родственниковъ, которые и пользуются за это надѣломъ

¹⁾ Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія въ XV очередной сѣздъ 7—19 декабря 1879 г. Псковъ, 1880, стр. 27, 30.

²⁾ Докладъ орловской губернской земской управы объ упадкѣ благосостоянія крестьянъ орловской губерніи. Орель, 1876, стр. 18.

³⁾ Вотъ примѣры: по рязанской губерніи въ 1879 г. урожай ржи: зарайскій уѣздъ самъ $2\frac{1}{4}$, цѣна четверти 6 р. 30 к., рязанскій $2\frac{3}{4}$, цѣна 7 р. 10 к., касимовскій $2\frac{1}{3}$ цѣна 7 р. 40 к. Журналъ рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва декабря 1879 г. Рязань, 1880, стр. 147. Уѣзды зарайскій и касимовскій не требовали пособія, а требовали сапожковскій 10.000 р., гдѣ хлѣбъ былъ 5 р. 70 к. и скопинскій, гдѣ урожай былъ 4. Въ 1879 г. въ херсонскомъ уѣздѣ рожь дала самъ 2, пшеница и овесъ столько-же, въ александровскомъ рожь $2\frac{1}{2}$, а четверть ржи стояла по 5 р. 25 к. Сборникъ 1879 херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 21. По екатеринославской губерніи показывались даже такіе урожай въ 1875 г. самъ $1\frac{1}{2}$, въ 1876 г. самъ 2.

⁴⁾ Владимірскіе фабриканты опредѣляютъ цѣнность харчей женщины въ 4 р. и 4 р. 50 к. въ мѣсяць, жалованье 24 р. и 30 р. въ годъ. Владимірскій земскій сборникъ 1880 г., ноябрь—декабрь № 11—12, Владиміръ, 1881, стр. 72.

и хозяйствомъ работника. Присчитайте къ 170 руб. содержаніе лошади, платежи за землю, напр., на $2\frac{1}{4}$ души и у васъ будетъ выходить около двухсотъ рублей. Теперь сосчитайте доходъ семьи при условіи урожая самъ $2\frac{1}{2}$. Она заработаетъ на сторонѣ рублей пятьдесятъ и ей нужно получить отъ надѣла рублей 150. Большую половину этого дохода даетъ озимое поле, слѣдовательно, отъ озимаго поля семья должна имѣть рублей восемьдесятъ, а при урожай самъ 2 и $2\frac{1}{2}$ получить рублей 15 и менѣе 25, содержаніе только на 100 дней изъ 365, условіе, очевидно, невозможное для цѣлаго уѣзда или губерніи. Чтобы получить 80 руб. съ $1\frac{1}{2}$ или $1\frac{3}{4}$ десятинъ при цѣнѣ 9 р. 50 к. за четверть, урожай долженъ быть около самъ 6, при цѣнѣ 8 р. около самъ 7, а при цѣнахъ въ пять и шесть рублей онъ долженъ быть самъ 16 и самъ 13. И дѣйствительно, на переборъ официальныхъ даннымъ не трудно убѣдиться личнымъ изслѣдованіемъ, что въ сѣверной половинѣ Россіи крестьянское семейство можетъ существовать только при урожаяхъ ржи отъ самъ 6 до самъ 8, которые и господствуютъ на крестьянскихъ поляхъ. Въ южной-же половинѣ, тамъ, гдѣ цѣны нисходятъ до 5-ти и 6-ти рублей, ржаное поле, за невозможностью получать отъ него достаточные урожаи, отступаетъ на второй планъ и первостепенную роль начинаетъ играть пшеница и т. д. ¹⁾ Урожай самъ 2 и $2\frac{1}{2}$ въ плохіе года несомнѣнно существуетъ; онъ господствуетъ на поляхъ, гдѣ хозяйничаютъ женщины, а мужчины уходятъ на заработки, на поляхъ вдовъ, больныхъ и неудачныхъ

¹⁾ Какія осмысленныя данныя создаются при помощи земскихъ приемовъ выяснять урожай, видно хотя-бы изъ слѣдующаго примѣра: по фатежскому уѣзду курской губерніи урожай 1875 года показывается такъ: въ фатежскомъ уѣздѣ ревизскихъ душъ 44,434, населенія 94,929, пахотной земли 156,278 десятинъ, посѣяно озимаго: 47,440 четвертей, собрано 144,274 четверти, остается на прокормленія населенія 96,834 четверти, недостаетъ для продовольствія 140,390 четвертей. Если-бы показаніе урожая было вѣрно, то это было-бы дѣйствительно такъ, въ фатежскомъ уѣздѣ сѣются не пшеница, а овесъ и сѣвооборотъ сѣверный, но совѣстно-ли это съ цѣною ржи по 4 р. четверть, какое безмѣрное легкомысліе сказать такую вещь и остаться спокойнымъ и бездѣятельнымъ или условно просить въ ссуду не 560,000 р., а всего 70,000 р. Роздано крестьянамъ на 12,037 душъ 13,586 р., т. е. по рублю съ небольшимъ на человѣка и настоятельно потребовано недомки +, признававшейся управою безнадѣжною, 14,249 р. Удостовереніе о нуждѣ взято отъ старшинъ, а когда спрошены общества, а отвѣтили только три волости и двѣ изъ нихъ на отрывѣ отказались отъ пособія, а между тѣмъ по вѣдомости значилось, что за вычетомъ сѣмянъ у нихъ осталось отъ урожая озимаго только 10,688 чет. и недостаетъ для продовольствія 28,048 четверти, т. е. болѣе, чѣмъ у другихъ. Журналы фатежскаго XI очереднаго и чрезвычайнаго уѣзднаго земскаго собранія. Курскъ, 1876, стр. 15, 296, и Вѣдомость посѣва и урожая.

крестьянъ, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ семейства погибаютъ. Подобный неурожай принимаетъ обширные размѣры на поляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, потому-что хозяйство тутъ по большей части такое-же, какъ у крестьянъ, уходящихъ на заработки, хозяинъ въ отсутствіи, интересуется службой или чѣмъ-нибудь другимъ, земля у него или на второмъ планѣ или въ полномъ пренебреженіи. Если-бы когда-нибудь могъ случиться въ цѣломъ уездѣ урожай самъ $2\frac{1}{2}$ или даже самъ $1\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{2}$, какъ показываютъ земства въ своемъ безпредѣльномъ легкомысліи, то это было-бы такое бѣдствіе, о возможности существованія котораго мы теперь знаемъ только по лѣтописямъ или по описаніямъ ирландскихъ и индѣйскихъ голодовокъ. Люди вымирали-бы цѣлыми дворами и даже деревнями, трупы массами оставались-бы безъ погребенія, собаки затаскивали-бы въ города человѣческіе черепа, полуобглоданные руки и ноги. Забавно видѣть земцевъ до такой степени близорукими, что они способны представлять подобныя данныя и съ серьезнымъ лицомъ говорить объ нихъ; но близорукость превращается въ возмутительное бездушіе, когда, ляннувъ такую вещь, они начинаютъ утверждать, что неурожая не существуетъ и народъ не требуетъ никакой помощи ¹⁾.

Въ яренскомъ уездѣ вологодской губерніи, въ княжнопогостской волости оказались селенія, до того выдававшіяся размѣрами своего бѣдствія, что губернаторъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе и рекомендовалъ ихъ попеченію земства. По изслѣдованію оказалось, что крестьяне посѣяли 250 четвертей озимаго, 669 четвертей яроваго, сняли 786 четвертей озимаго и 1,608 четвертей яроваго ²⁾. Итакъ, урожай озимаго былъ самъ $3\frac{1}{5}$, урожай яроваго 24. На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ хлѣбъ такъ дорогъ, гдѣ голоданіе населенія имѣетъ постоянно размѣры, далеко превышающіе страданія смоленскихъ, псковскихъ, екатеринославскихъ и т. д. крестьянъ, въ одномъ изъ наиболѣе бѣдныхъ уѣздовъ этого сѣвера чрезвычайное выходящееся бѣдствіе

¹⁾ Впрочемъ, и земцы приходятъ къ такимъ-же выводамъ, къ какимъ мы пришли выше, когда ближе вникаютъ въ дѣло. Такъ изслѣдованіе на мѣстѣ указало на татарскую волость касимовскаго уѣзда, какъ на типъ волости, гдѣ сельское населеніе обезпечено, и урожай тамъ оказался отъ самъ пять до самъ девять и болѣе, т. е. именно такой, какъ я утверждаю, при этомъ удобреніе вовсе не изобильное, черезъ девять и десять лѣтъ. Доклады членовъ рязанской губернской земской управы о ревизіи уѣздовъ: рязанскаго, касимовскаго, михайловскаго и раненбургскаго 1876 г. Москва, 1876, стр. 168.

²⁾ Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очередной сессіи четвертаго трехлѣтія. Вологда, 1880 г.

произошло при урожаѣ ржи самъ $3\frac{1}{5}$, а земства вѣрятъ, что урожай самъ 2 можетъ составлять нормальное явленіе. Ничего не будетъ удивительнаго, если они послѣ этого повѣрятъ, что такіа-то селенія прожили однимъ воздухомъ и благоденствовали. Вотъ какіе легкомысленные люди берутъ у насъ на себя опеку надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и обезпеченіемъ народнаго благосостоянія. Съ чисто-дѣтской самоувѣренностію они создаютъ и публикуютъ массама статистическія цифры въ родѣ слѣдующихъ: по екатеринославской губерніи въ 1879 году ¹⁾

	Посѣяно четвертей			Собрано			Урожай самъ		
	озимаго.	яроваго.	картоф.	озимаго.	яроваго.	картоф.	оз.	яр.	карт.
Екатеринос. .	25,666	63,544	12,778	91,174	429,927	44,725	$3\frac{1}{2}$	$6\frac{2}{3}$	$3\frac{1}{2}$
Новомоск. .	53,015	93,096	20,440	149,460	356,547	93,145	$2\frac{2}{3}$	$3\frac{2}{3}$	$4\frac{1}{2}$
Бахмутск. .	13,896	76,644	10,911	35,964	193,266	40,326	$2\frac{2}{3}$	$2\frac{1}{2}$	$3\frac{2}{3}$
Ростовск. .	18,926	83,948	5,419	38,812	415,943	31,222	2	5	$5\frac{2}{3}$
Мариупольск.	16,653	107,792	15,428	42,797	475,671	56,559	$2\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{3}$	$3\frac{2}{3}$
Всего по губ. ¹⁾	227,035	805,008	117,495	749,470	3,197,091	448,346	3,	4,	$3\frac{1}{4}$

Цифры показаны съ такой крайней точностію до послѣдней четверти, будто написавшіе ихъ ходили по всей губерніи съ клейменными мѣрами въ рукахъ, сами все перемѣрили и привели въ извѣстность; что въ бахмутскомъ уѣздѣ урожай озимаго былъ $2\frac{4}{3}$, а яроваго $2\frac{1}{3}$ и что въ 1879 г. въ бахмутскомъ уѣздѣ нужда въ хлѣбной ссудѣ была отнюдь не болѣе 2,078 чет. озимаго и 4,961 яроваго; а въ павлоградскомъ, гдѣ озимое родилось самъ $3\frac{3}{4}$, а яровое самъ 4, она составляла 7,840 чет. озимаго и 10,185 чет. яроваго. Или, напр., по псковской губерніи, великолудцовму уѣзду ²⁾ было

	Посѣяно четвертей		Снято четвертей		ржи, овса.	
	ржи.	овса.	ржи.	овса.	урожай самъ	
У землевладѣл. . .	4,031	8,896	$15,119\frac{1}{2}$,	30,168	$3\frac{7}{5}$	$3\frac{3}{9}$
У крестьянъ . . .	22,828	33,689	55,569,	138,798	$2\frac{4}{3}$	$4\frac{1}{2}$
На город. зем. . .	348	597	1,413,	3,613	$4\frac{0}{6}$	$6\frac{0}{5}$

Земцы съ своей клейменной мѣрой повѣряли до такой точности, что даже полчетверти не упустили изъ виду и оказалось доподлинно, что на крестьянскихъ земляхъ урожай ржи былъ самъ $2\frac{4}{3}$ и что именно поэтому въ великолудцовмъ уѣздѣ запаснаго хлѣба было въ недоимкѣ озимаго 82 чет., яроваго 1,947 чет. ³⁾,

¹⁾ Отчетъ екатеринославской губернской земской управы за 1879 г. Екатеринославъ. 1880, стр. 12, 7, 17.

²⁾ Слѣдствіе денежныхъ земскихъ повинностей псковской губерніи на 1880 годъ.

³⁾ Изъ другого изданія у меня извлечено иное данное: въ долгу озимаго 73,354 чет., яроваго 5,971 чет., т. е. 19,325 чет. и все-таки это въ рѣзкомъ кон-

а на лицо на 29,485 душъ 25,021 чет., между тѣмъ, какъ, напр., въ островскомъ уѣздѣ было въ долгу 58,368 чет., а на лицо 41,608 душъ 5,019 чет., въ порховскомъ-же въ долгу 85,141 чет. Именно поэтому на городскихъ земляхъ, гдѣ вранье не могло достигнуть своихъ геркулесовыхъ столбовъ, урожай оказался самъ 4 и самъ 6. Это называется статистикой для отвода глазъ простакамъ. Разумный человѣкъ прежде всего ищетъ, чтобы статистикъ выяснилъ ему путь, которымъ добытъ фактъ; искусство дѣлать читателю яснымъ мѣру достовѣрности факта и есть главное, къ чему долженъ стремиться статистикъ; простаки-же прежде всего требуютъ точную цифру, и если видятъ $\frac{1}{3}$ чет. или $\frac{1}{4}$ копѣйки, то ему кажется, что и данное имѣетъ непоколебимую достовѣрность. Приглядываясь ближе къ дѣлу, вы скоро убѣждаетесь, что тѣ простаки, для которыхъ печатаются эти данныя, вовсе не земцы; земцы обнаруживаютъ очень ясно пониманіе, что все это чепуха, не заслуживающая никакого вниманія. Кто-же простаки, которымъ преподносятся эти прелести,—общество или пресса?

Несомнѣнно, что вопросъ о вспомошествованіи рѣшается не этими данными, а вовсе безъ всякихъ; онъ рѣшается торгомъ. Уѣздныя земства торгуются съ губернскимъ, губернское съ администраціей. Все тутъ дѣло случая и безпробудной инстинктивности; рѣшаетъ тотъ, кто обнаруживаетъ наибольшую долю энергіи и настойчивости, которыя вытекаютъ изъ крайняго легкомыслія, крайняго отсутствія помышленія о томъ, что будетъ далѣе, что выйдетъ въ окончательномъ результатѣ. Возьмемъ примѣры: орловское губернское земство въ 1876 г. рѣшило открыть уѣзднымъ управамъ кредитъ въ 230,000 р. ¹⁾ Изъ нихъ оно назначило двумъ земствамъ по 25,000 руб., семи по 20,000 р., двумъ по 15,000 р., одному 10,000 р. Почему оно назначило продовольственную ссуду именно въ 230,000 р. и почему оно распредѣлило ее именно такъ, а не иначе, на это можно дать только одинъ отвѣтъ,—ему пришла въ голову такая фантазія. Что это

страсть съ долгами и островскимъ порховскимъ, относительно которыхъ и здѣсь фигурируютъ данныя 58,368 чет. и 85,141 чет. Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія въ XV очеред-ной сѣздѣ 7—19 декабря 1879 г. Псковъ, 1880, стр. 29, 33, 37.

¹⁾ Отчетъ орловской губернской земской управы за 1876 г. Орель. 1879, стр. 3, 68. Только рѣдо среди самихъ земствъ возвышается голосъ противъ голословности и произвола раздавать. Такъ коммиссія александровскаго земства жаловалась, что одна управа раздала населенію 141,784 р., а другая 59,370 р. безъ всякаго объясненія причины такой разницы. Протоколы александровскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екатеринбургъ, 1880, стр. 335.

была одна произвольная фантазія, видно, напр., изъ того, что ливенскому земству назначено было 20,000 р., а оно взяло всего 500 р., да и изъ тѣхъ могло издержать только 335 р. За тѣмъ поскромничало только кромское земство; оно изъ назначенныхъ ему 20,000 р. взяло только 16,000 р., остальные взяли все; роздано было 206,500 р. Насколько земства поступили основательно видно изъ того, какъ раздавались полученные пособия. Одни явно не знали, что съ ними дѣлать и роздали только ничтожную часть полученнаго, такъ, напр., елецкое земство изъ 20,000 р. роздало только 1,729 р., малоархангельское изъ 25,000 р.—7,796 р., даже скромное кромское земство не могло роздать своихъ 16,000 р., а роздало только 9,577 р. Другія явно поставили себя цѣлью издержать все до копейки. Дмитровское изъ 20,000 р. издержало 19,999 р., а сѣвское изъ 25,000 р. 24,998 р. Трубчевское, вѣроятно, по какой-нибудь интригѣ получивши меньше всѣхъ, передержало ¹⁾.

Точно такую-же безобразную картину представляетъ отношеніе истраченныхъ суммъ къ числу получившихъ помощь. Орловскій уѣздъ истратилъ 19,419 р. и помогъ 4,580 человѣкамъ, мценскій, получившій менѣе, истратилъ 14,315 р. и помогъ 31,892 р. человѣкамъ; пришлось нищенская подачка по 44 к. на человѣка въ ссуду за проценты. Всего получили ссуду 230,300 человѣкъ въ размѣрѣ 157,745 р., т. е. по 68 копѣекъ въ ссуду за проценты. Не значить-ли это, что ссуды разбрасывались зря небрежными и самодурствующими руками. За симъ читателю стоитъ припомнить данныя орловскаго земства объ урожаѣ 1875 и 1876 годовъ, который нисходилъ будто-бы до самъ $\frac{1}{2}$ и фигуры жалкихъ болтуновъ, приставленныхъ къ серьезнѣйшему дѣлу, освѣтятся передъ его глазами во всей своей отвратительной уродливости. Вѣдь можетъ быть, и даже несомнѣнно, что существовали тяжко нуждающіеся, погибали, умирали отъ нужды, но вѣтренникамъ, разметавшимъ по вѣтру полтора ста тысячъ денегъ, было не до того, чтобы приводить ихъ въ извѣстность. Не рѣдки и такіе случаи: калужское земство въ 1878 г. назначило на продовольствіе 32,778 р. Точность восхитительная, нужда высчитана до послѣдняго рубля, и что-же? Оказалось возмож-

¹⁾ Вотъ какъ дѣлаются эти дѣла въ другихъ губерніяхъ. Херсонская уѣздная земская управа, въ сессію сентября 1880 г. послѣ разныхъ неопредѣленныхъ разглагольствованій просить собраніе представить о продовольственной ссудѣ въ 10,000 р., Собраніе уже безъ всякихъ разглагольствованій постановляетъ: просить 75,000 р. 1880 г. Постановленія херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи 1880 г. и приложенія къ нимъ. Херсонъ, 1880, стр. 67.

нымъ пустить въ ходъ всего 13,138 р., осталось 19,634 р., говорятъ достаточно - де для слѣдующаго года ¹⁾, вотъ она и точность. Вятское земство выслѣдило годъ за годомъ безобразное легкомысліе, съ которымъ дѣлались требованія ссудъ и назначеніе кредитовъ, которые потомъ не знали куда дѣвать. Оказалось, что земства руководились даже не приговорами сельскихъ обществъ, какъ приведенное въ ссылкѣ херсонское, а прямо своей игривой фантазіей. Нѣкоторые контракты поразительны: въ 1877 г. назначено кредитовъ 178,000 р., а израсходовано всего 29,604 р., въ 1876 г. 143,000 р., а израсходовано 14,743 р., въ 1872 г. 45,000 р., а израсходовано 4,984 р. ²⁾. Кромѣ того, оказывалось, что въ списки вносились цѣлыя общества поименно, не обращая никакого вниманія на то, кто изъ нихъ былъ богатъ и кто бѣденъ ³⁾. Это напоминаетъ барченка, которому папаша ни съ того, ни съ сего далъ 5 р. для помощи голодающимъ дѣтямъ деревни. Получивъ деньги, барченокъ растерялся и не знаетъ, что съ ними дѣлать; потомъ бѣжитъ въ лавку, покупаетъ за 60 коп. лошадку, которая стоитъ 10 коп., даритъ первому встрѣчному мальчишкѣ, а остальныхъ приноситъ обратно мамашѣ, потому-что рѣшительно не въ состояніи придумать для нихъ употребленія.

Дальнѣйшую иллюстрацію этого сравненія намъ доставить слѣдующій рядъ фактовъ. Сначала данныя вятскихъ земствъ относительно 1879 года. Для продовольственной ссуды назначено 56,000 р., все, что просили уѣзды, а между тѣмъ кромѣ всего прочаго одинъ убытокъ отъ градобитія показывается по губерніи въ 302,362 р. Распредѣлено это пособіе слѣдующимъ образомъ. Всего болѣе—15,000 р. получилъ уѣздъ уржумскій, потому-что всего болѣе просилъ, хотя признается ненуждающимся и его урожай ржи самъ $6\frac{1}{2}$ и овса самъ $6\frac{3}{4}$ называется весьма удовлетворительнымъ; цѣны въ немъ самыя низкія въ губерніи.

¹⁾ Приложенія къ журналамъ XIV очереднаго калужскаго губернскаго земскаго собранія съ 16 января по 26 января 1879 г. Калуга, 1879, стр. 21.

²⁾ Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія XIII очередной сессіи и доклады вятской губернской земской управы, т. II, 22—27 января 1880 г. Вятка, 1880. Вотъ данныя: въ 1870 г. открылся кредитъ въ 63,000 р., выдано 26,511 р., 1871 г. кредитъ 15,000 р. выдано 1,260 р., 1872 г. кредитъ 45,000 р., выдано 4,984 р., 1873 г. кредитъ 42,000 р., выдано 23,980 р., 1874 г. кредитъ 56,000 р., выдано 27,459 р., 1875 г. кредитъ 188,000 р., выдано 149,743 р., 1876 г. кредитъ 143,000 р., выдано 14,743 р., 1877 г. кредитъ 178,000 р., выдано 29,604 р., стр. 21.

³⁾ Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія X очередной сессіи (30 сентября по 9 октября 1876 г.). Доклады уѣздной земской управы. Вятка. 1877, стр. 126.

Все менѣе получилъ орловскій — 3,000 р., хотя у него урожай самый низкій въ губерніи, на овесъ всего самъ $2\frac{3}{4}$ и цѣны на рожь самыя высокія въ губерніи. Правда, въ уржумскомъ уѣздѣ выбило 2,600 десятинъ градомъ на 22,440 р., но въ слободскомъ выбило 6,671 десятину на 52,937 р. и онъ получилъ все-таки только 8,000 р. ¹⁾

Такъ дѣйствуютъ земства, когда они поступаютъ сравнительно разумно, хладнокровно и степенно; но интересно слѣдить за колѣнцами, которыя они выкидываютъ, когда начинаютъ впадать въ состояніе невмѣняемости. Я не буду распространяться о забавныхъ примѣрахъ торга въ родѣ слѣдующаго: весьегонская управа просила у губернской 30,000 р., а губернская дала 5,000 р. ²⁾ Обращусь къ знаменитой своимъ желѣзнодорожнымъ труболетствомъ саратовской губерніи. Царицинское земство разсуждало такъ: въ уѣздѣ 20,869 душъ, ихъ нужно прокормить 8 мѣсяцевъ; по 14 пудовъ на душу, выйдетъ 292,166 пудовъ, озимыхъ засѣивается 16,500 десятинъ, для нихъ надо? ну, примѣрно 66,000 пудовъ, въ магазинахъ хлѣба 100,111 пудовъ, не достаетъ 192,034 пудовъ, нужна ссуда въ 134,437 р. изъ 6% въ годъ. Чтобы читатель могъ вкусить всю прелесть разсчета, по которому на бѣдняковъ предлагается взвалить ежегодный платежъ 6% на капиталъ въ 134,437 р., ему необходимо вспомнить, что души, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь ревизскія или какъ сказалъ-бы Чичиковъ, не существующія, мысленныя, а десятины также умомъ изобрѣтенныя. Губернская управа дала 7,144 р., уѣздная раздала всего 1,826 р. Крестьяне утверждали, что желаютъ обойтись безъ пособія. Такъ-какъ 20,000 душъ, получившіе вмѣсто сто-тысячныхъ журавлей столь малую синицу, къ веснѣ еще не успѣли перемереть поголовно, то земство опять стало просить 134,437 р. но такъ-какъ озимыя поля были уже засѣяны, то вмѣсто 16,500 десят. озимыхъ стали фигурировать 26,781 десят., требовавшіе 133,905 пудовъ пшеницы и т. д. Камышинскій уѣздъ оказался еще болѣе удачнымъ, у него урожай возвратилъ только сѣмена, а для прокормленія не оставилъ ничего. Озимое дало 71,000 чет., а на посѣвъ надо 69,000 чет., яровое—168,000 чет., а на посѣвъ надо 148,000 чет.; прокормить приходится 228,362

¹⁾ Журналы вятскаго губернскаго собранія XIII очередной сессіи и доклады вятской губернской земской управы 8—21 января 1880 г., т. I. Вятка, 1880, стр. 227, 229.

²⁾ Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 г. Тверь. 1879, стр. 238.

человѣка. Земство предполагаетъ, что нуждаются три четверти (при такомъ урожаѣ странно, что только три четверти) и требуетъ 191,000 р. Какъ-же это?—для 171,000 человѣкъ, т. е. съ небольшимъ по рублю на человѣка; послѣ этого не подлежитъ сомнѣнiю, что камышинское земство способно пятью хлѣбами прокормить 5,000 человѣкъ. Саратовское, опираясь на столь-же основательныя данныя, потребовало 97,000 р., но болѣе робкiя—петровское и кузнецкое просили только по 20,000 р. Всѣ требованiя вмѣстѣ составили 563,829 р. ¹⁾ Оказалось, что они не даромъ пустили въ ходъ свои хитроумные расчеты; въ другомъ мѣстѣ я читаю: 25 января 1880 г. саратовскому губернскому земству разрѣшена продовольственная ссуда въ 454,000 р. ²⁾, а затѣмъ уже изъ газетъ узнаю, что въ саратовской губернiи по продовольственной части большiя злоупотребленiя, крестьянамъ раздавался подмоченный, испорченный хлѣбъ и т. п. Еще болѣе восхитительна исторiя екатеринославскаго чрезвычайнаго губернскаго собранiя въ сентябрѣ 1880 года. Начинается съ того, что губернаторъ уговариваетъ гласныхъ быть внимательными въ виду крайнихъ бѣдствiй, постигшихъ народъ и основывать свои заключенiя на самыхъ точныхъ данныхъ. Степень этого вниманiя тотчасъ проявилась тѣмъ, что собралось всего 23 гласныхъ ³⁾; это не то, что выборы, тутъ не предстоитъ ни выпивки, ни угощенiя. Послѣ проявленiя крайняго невниманiя, далѣе котораго почти и идти нельзя, заявляются требованiя, поражающiя и крупностью и точностью своихъ цифръ; александровскiй уѣздъ требуетъ 441,396 р., бахмутскiй 635,690 р., мариупольскiй 865,749 р.; ему доподлинно извѣстно, что нужда составляетъ именно 49 р. а не 50 р., и если онъ не представилъ данныхъ, способныхъ удовлетворить солидный умъ не только на восемь-сотъ тысячъ, но даже на восемь-сотъ рублей, то это потому, что онъ считаетъ себя великимъ авторитетомъ, а губернскихъ гласныхъ... пусть договоритъ самъ читатель. Такъ составилаь, какъ говорится въ постановленiяхъ, на осно-

¹⁾ Проектъ сѣтнхъ назначенiй расхода и прихода суммъ саратовскаго земства на 1880 г. Саратовъ. 1879, стр. 232, 234. Изъ другого изданiя у меня выписано: требованiе уѣздныхъ земствъ 684,246 р. губернскимъ земствомъ постановлено: ходатайствовать о выдачѣ 453,246 р. Журналъ XIV очереднаго саратовскаго губернскаго земскаго собранiя отъ 5 по 20 декабря 1879 г. Саратовъ. 1880, стр. 27, 31.

²⁾ Земскiй сборникъ черниговской губ. 1880 г. №№ 1, 2, 3 и 4, январь, февраль, мартъ и апрѣль. Черниговъ, 1880, стр. 13.

³⁾ Губернскихъ гласныхъ въ екатеринославской губ. 59, если соберется меньше 20, то собранiе признается несостоявшимся.

ваніяхъ точныхъ данныхъ, точнѣйшая цифра требованій 2,221,455 руб., которая опять-таки на основаніи точныхъ данныхъ какимъ-то чудомъ или волшебствомъ превратилась въ 1,886,140 р. и послѣ ряда превращеній выскочило требованіе отъ правительства ссуды въ 500,000 р. ¹⁾, совершенно такимъ-же не понятнымъ образомъ, какъ въ рукахъ фокусника шелковый платокъ превращается въ птицу; и если зритель предполагаетъ, что эта птица съ самаго начала была спрятана гдѣ-нибудь у фокусника, то читатель точно также долженъ предположить, что цифра ссуды 500,000 р. секретно помѣщена была въ головы гласныхъ ранѣ какихъ-бы то ни было данныхъ, а все прочее продѣлывалось ради театральнаго эффекта. Это обыкновенный размѣръ требованій, который, въ свою очередь, низводится администраціей къ болѣе скромнымъ размѣрамъ на основаніи безупречнѣйшихъ данныхъ, напр., въ 1876 г. псковскимъ земствомъ нужда опредѣлена была въ 510,000 р., а правительство дало 327,000 р. ²⁾.

Всѣ эти данныя, безъ исключенія, взяты изъ земскихъ изданій, земства ими сами характеризуютъ свое отношеніе къ народной нуждѣ; если-бы они на основаніи такихъ несомнѣнно невѣрныхъ и лживыхъ фактовъ рѣшали вопросъ о какой-нибудь самодурной административной затѣи, въ родѣ какихъ-нибудь ярлычковъ или значковъ, прибываемыхъ къ крестьянскимъ избамъ, то и это было-бы не похвально; но они относятся такъ къ голоду, къ нуждѣ, къ раззоренію, къ самымъ тяжкимъ изъ народныхъ бѣдствій. Возможность такого отношенія съ ихъ стороны показываетъ, что легкомысліе образованнаго общества, отсутствіе въ немъ привычки думать серьезно о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ первостепенной важности, не только достигли опасныхъ размѣровъ, но что въ немъ господствуетъ еще болѣе опасная и широко распространенная деморализація. Земства не додумались даже до того, что сколько-нибудь точное опредѣленіе количества собраннаго съ полей хлѣба, и вычисленіе нужды этимъ путемъ при настоящихъ его средствахъ совершенно невозможны; они вѣчно толкуются на этомъ нигуда не годномъ приѣмѣ, между тѣмъ какъ имъ уже давно-бы слѣдовало прибѣгнуть къ другимъ приѣмамъ, которые способны дать несравненно болѣе солидные результаты. На Западѣ, тамъ, гдѣ къ бѣд-

¹⁾ Постановленія екатеринославскаго чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, засѣданій 19—20 сентября 1880 г. Екатеринославъ, 1880.

²⁾ Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія въ XV очередной сѣздъ 7—19 декабря 1879 г. Псковъ. 1880, стр. 44.

ности относятся съ большимъ сравнительно вниманіемъ, давно уже приведено въ извѣстность, что въ средѣ рабочаго класса существуютъ нѣкоторыя категоріи, на которыхъ народныя бѣдствія отражаются прежде всего и тяжелѣе всего. Земствамъ не трудно было-бы установить такія категоріи, которыя легко приводятъ въ извѣстность статистическимъ путемъ съ большою сравнительно точностью. Сюда прежде всего принадлежатъ одинокія женщины и вдовцы, имѣющіе малолѣтнихъ дѣтей и содержащіе ихъ исключительно своимъ трудомъ, семейства, погорѣвшія или лишившіяся отъ падежа скота въ теченіи послѣднихъ лѣтъ ¹⁾, семейства недавно давшіе солдата, семейства, гдѣ на взрослога мужчину-работника приходится болѣе трехъ малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, больныхъ или калекъ, семейства, имѣющія одну избу, и которыя должны были по ветхости сломать старую и выстроить новую въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Всѣмъ этимъ семействамъ легко составить именныя списки, они должны получать не ссуду, а безвозмездную помощь; это тѣ семейства, у которыхъ въ неурожай хлѣбъ родится самъ-два, ссуда для нихъ гибель. Затѣмъ слѣдуютъ семейства, не имѣющія лошади, обремененныя платежами, крайне малоземельныя, семейства пропивающихъ домъ пьяницъ, гдѣ вспомошествованіе получаетъ мать, а не отецъ, и другія, которымъ слѣдуетъ смѣшанная помощь и т. д. Имѣя въ рукахъ эти данныя, земству слѣдуетъ приводить въ извѣстность не размѣръ собраннаго хлѣба, а относительную степень неурожая. Для администраціи опредѣленіе неурожая невысказано; администраторъ, живущій въ Петербургѣ, можетъ о самарскомъ урожаѣ получить только официальную истину; но для земства возможно подойти близко къ правдѣ, разумѣтся, только въ томъ случаѣ, если оно отнесется къ дѣлу внимательно и добросовѣстно. Для этого ему нужно спросить людей, дѣлающихъ постоянно точныя наблюденія надъ результатами своего собственнаго хозяйства. Такіе люди составляютъ у насъ рѣдкое исключеніе, увидѣть или даже губернія насчитываетъ ихъ десятками и даже единицами. Исслѣдованія тверскаго земства указываютъ на одного такого хозяина въ тверскомъ уѣздѣ; у него 75 десятинъ пашни дали валоваго дохода 5,330 р., чистаго 2,640 р., разумѣтся, при значительно большемъ размѣрѣ другой земли. Рядомъ массама нигуда не годныя хозяйства крупныхъ землевладѣльцевъ въ родѣ

¹⁾ Оказывается, что земства считаютъ незаконнымъ выдачу не только безвозмездно помощи, но даже продовольственныхъ ссудъ пострадавшимъ отъ пожара, на этомъ основаніи вятское губернское земство отказало глазовскому уѣздному. Журналы глазовск. уѣзднаго земск. собранія X очередной сессіи (30 сентября—9 октября 1876 г.). Доклады уѣзднаго управы. Вятка, 1877, стр. 12.

слѣдующихъ: въ осташковскомъ уѣздѣ 1,411 десятина съ точной цифрой чистаго дохода 290 руб., 413,397 десятина съ доходомъ въ 765,118 рублей ¹⁾. При такихъ условіяхъ шансы земства получить вѣрное понятіе объ относительномъ размѣрѣ неурожая, разумѣется, очень не велики, тѣмъ болѣе, что сами гласные изъ землевладѣльцевъ по большей части весьма плохіе хозяева, но все-таки это единственный путь, на которомъ возможна удача.

Послѣ всего сказаннаго выше, читателю не трудно будетъ додуматься, что удовлетворительное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса возможно только при живой мѣстной прессѣ, которая будетъ возбуждать общество и вынуждать этимъ земство относиться къ дѣлу внимательно и добросовѣстно; при настоящихъ же условіяхъ контроль земства надъ сельскими обществами даетъ самые плохіе результаты и порождаетъ массу плевелъ въ формѣ самодурства, замашекъ и мѣръ самого подозрительнаго свойства. Мы видѣли, что ссуды даются за проценты, хорошо если за 3%, какъ сдѣлало псковское земство ²⁾, а обыкновенно за 6%, смоленское губернское имѣло однажды смѣлость постановить: выдать жителямъ порѣчьскаго уѣзда 9,000 р. на продовольствіе за 24% ³⁾. На всякія административныя затѣи деньги занимаются за 4% и 5%, земства даютъ богатымъ банкамъ на текущій счетъ за 3%, а голодающіе бѣдняки должны платить шесть. Мало этого, земства дѣлають въ новѣйшее время изъ этого еще предметъ наживы для разныхъ безсовѣстныхъ спекуляторовъ; вмѣсто того, чтобы давать бѣднякамъ деньги, они навязываютъ имъ хлѣбъ, поставляемый подрядчиками; весь имѣющійся въ губерніи у оптовыхъ торговцевъ негодный и забракованный хлѣбъ всучается, такимъ образомъ, бѣднякамъ за ростовщическіе сравнительно съ его истинной цѣною проценты, и земская лавочка дѣлается орудіемъ несравненно тягчайшаго притѣсненія, чѣмъ прославленные лавки фабрикъ.

1) Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 годъ. Тверь, 1879, стр. 59, урожай у тверскаго земледѣльца таковъ: ржи самъ 7, овса самъ 4.

2) Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія въ XV очередной сѣздъ 7—19 декабря 1879 г., Псковъ, 1880.

3) Журналы XV очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія засѣданія съ 18 по 21 января 1880, стр. 55, постановленіе засѣданія 18 января.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. А. Новосельскій. Соціальные вопросы въ Россіи. Спб., 1881 г.

Есть одна очень распространенная категория людей;— такіе люди не мало читають, не мало слышатъ умныхъ рѣчей, не мало попытокъ дѣлають по пути собственнаго своего мышленія,—и все напрасно: особеннаго толку отъ подобныхъ господъ никогда не добиться. Чѣмъ болѣе они читають, тѣмъ болѣе запутываются въ хаосъ новыхъ данныхъ. Рядомъ съ умной мыслью, усвоенной ими хотя и съ грѣхомъ пополамъ, они бережливо хранятъ въ своей идейной кассѣ какую-нибудь замѣчательную негѣпость. Одно мнѣніе мирно уживается у мыслителей такого сорта съ другимъ мнѣніемъ, прямо ему противоположнымъ. Они поминутно самоужасаются въ самомъ процессѣ мышленія. Не ищите въ нихъ чего-нибудь, похожего на цѣльное міровоззрѣніе. Ихъ міровоззрѣніе можно сравнить съ плюшкинской кучей, съ разноцвѣтнымъ мѣщанскимъ одѣяломъ, сшитымъ изъ отдѣльныхъ доскутковъ, или съ горшкомъ итальянской олла-потриди: чего хочешь, того просишь.

Къ разряду подобныхъ личностей принадлежитъ, не во гнѣвъ ему будь сказано, и г. Новосельскій... Но позвольте, снисходительный читатель, отрекомендовать вамъ г. Новосельскаго. Нашъ авторъ, какъ можно заключить изъ введенія къ его «труду», во-первыхъ, состоитъ въ санѣ одесскаго городского головы и «въ качествѣ сословнаго предсѣдателя былъ высочайше призываемъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, въ особое присутствіе сената судить государственныхъ преступниковъ» (стр. 1). Во-вторыхъ, принадлежитъ къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ и, «въ качествѣ» такового, доподлинно узналъ «народъ русскій и условия

его жизни послѣ дарованія ему свободы» (стр. 2). Въ-третьихъ — очень внимательный изслѣдователь современной жизни: въ Одессѣ «наблюдалъ учащуюся молодежь и рабочій народъ» (стр. 3). Въ-четвертыхъ — мыслитель, обладающій порядочной-таки ерудиціей: читалъ Штейна, слышалъ про Лассала, знакомъ съ Вреденомъ и даже въ Герберта Спенсера смотрѣлъ, не говоря уже о томъ, что чрезвычайно быстро познакомился съ практической постановкой «соціальныхъ вопросовъ»: «въ ожиданіи засѣданія, въ которомъ условлено было обсудить просьбы осужденныхъ (т. е. въ нѣсколько дней, — добавимъ мы для ясности) занялся прочтеніемъ *всѣхъ дѣлъ* по предшествовавшимъ политическимъ преступленіямъ, а также *множества* книгъ и брошюръ, относившихся къ предмету, насъ занимавшему» (ibid.).

На основаніи всѣхъ сихъ пунктовъ г. Новосельскій вполне заслуживаетъ нашего вниманія: ужь если такой мыслитель, понуждаемый событіями послѣднихъ лѣтъ, взялся за перо для разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, такъ, навѣрное, рѣшить онъ ихъ изумительно хорошо...

Но, впрочемъ, шутки въ сторону: если говорить серьезно; то придется сказать, что такой курьезной книжицы, какую сочинилъ Киѳа Мокіевичъ Новосельскій, мы давно не читывали. Всѣхъ перловъ у него не оберешься. Беремъ на удачу. Стараясь объяснить явленіе «нигилизма», авторъ находитъ его съ одной стороны въ томъ, что у русской молодежи существуетъ «увлекательное стремленіе къ низверженію всѣхъ авторитетовъ и во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли и дѣятельности» (стр. 34), а съ другой, что эта самая молодежь черезчуръ слушается «авторитета Бокля» (стр. 32) и иныхъ современныхъ авторитетовъ. Очевидно, подъ авторитетами, имѣющими право на то, чтобы ихъ слушали и познавали, авторъ разумѣетъ мыслителей киѳо-мокіевской школы; иначе не понятно, въ чемъ провинилась предъ авторомъ молодежь, признавая заслуги за Боклемъ въ исторической наукѣ, ибо въ такомъ признаніи нѣтъ, очевидно, и слѣда «увлекательнаго стремленія къ низверженію всѣхъ авторитетовъ».

Затѣмъ, борясь противъ «соціальной революціи», которая, очевидно, есть ужаснѣйшая вещь, ибо г. Новосельскій иначе и не поднялъ-бы своего разящаго пера противъ нея, нашъ авторъ утверждаетъ въ то-же время, что «соціальная революція имѣетъ своимъ девизомъ защиту на экономической почвѣ слабѣйшихъ противу гнета сильныхъ» (стр. 112). И курьезнѣе-то всего въ данномъ случаѣ то, что авторъ является горячимъ поборникомъ и пылкимъ рыцаремъ этого именно девиза.

Онъ громить западно-европейскія государства, гдѣ царствуютъ гибельныя «Теоріи исторической экономіи о свободѣ конкуренціи», и «денежная аристократія господствуетъ надъ труженниками во всѣхъ областяхъ общественной жизни» (стр. 56). Онъ съ похвалою противопоставляетъ этимъ государствамъ Россію, гдѣ «государственная власть вынуждена принимать мѣры противу все рѣзче и рѣзче обнаруживающагося экономическаго ихъ (поданныхъ) неравенства» (стр. 119). Такимъ образомъ, согласно г. Новосельскому, выходитъ, что и г. Новосельскій и сама русская «государственная власть» болѣе социальна-революціонны, чѣмъ сама социальная революція. Последняя имѣетъ своимъ девизомъ, по словамъ г. Новосельскаго, защиту экономически-слабаго отъ экономически-сильнаго. Первая же не удовлетворяется одними девизами, а принимаетъ мѣры, — и притомъ мѣры не просто лишь въ защиту слабаго отъ сильнаго, а противъ экономическаго неравенства». Если это такъ, то чего же г. Новосельскій борется противъ «соціальной революціи»? Или чего хвалить русскую «государственную власть?»

Не менѣе интересны разсужденія г. Новосельскаго относительно средствъ, какими можно разрѣшить «соціальные вопросы». Тутъ рядомъ съ вещами, вполне справедливыми, дѣются сужденія, діаметрально противоположныя первымъ. Такъ, напр., съ одной стороны авторъ, считая необходимымъ избѣгнуть язвы пролетаріата, совѣтуетъ увеличить крѣстьянскій земельный надѣлъ, сохранивъ общинное землевладѣніе, и даже завести промышленныя ассоціаціи à la Лассаль съ помощью отъ государства и организаціей взаимнаго ассоціаціоннаго кредита. Но съ другой стороны авторъ сейчасъ же забываетъ о призракѣ пролетаріата и заботится лишь о благосостояніи крупныхъ землевладѣльцевъ, по преимуществу же дворянъ. Авторъ испускаетъ вопль истерзанной землевладѣльческой души (у г. Новосельскаго есть «симфонія въ разныхъ губерніяхъ»), — зри «Введеніе»), на которой лежатъ въ Россіи полмилліарда долгу земельнымъ банкамъ, и слезно умоляетъ объ «уменьшеніи на половину процентовъ, платимыхъ землевладѣльцами теперь по залогоу земель ихъ» (стр. 151).

Смѣемъ увѣрить г. Новосельскаго, что процвѣтаніе крупнаго землевладѣнія прямо противоположно процвѣтанію народа, и что всякія мѣры, принимаемыя къ благу сего землевладѣнія, сводятся къ образованію пролетаріата. Крупное владѣніе только тамъ можетъ процвѣтать, гдѣ есть въ изобиліи вольнонаемныя рабочія руки, безземельный пролетарій. Гдѣ, наоборотъ, будутъ приниматься мѣры противъ пролетаріата, мѣры съ цѣлью за-

щитить экономически-слабыхъ отъ сильныхъ, тамъ крупному владѣнію, основанному на вольнонаемномъ трудѣ, грозитъ неизбежное банкротство, хотя-бы проценты по залoгу земель и были понижены, даже совсѣмъ уничтожены. Съ какой стати пойду я къ вамъ работать, когда у меня въ довольномъ количествѣ есть своя земля?

Пополнивши свою книжицу сборомъ различныхъ идейныхъ доскутовъ, пришивая къ умнымъ мыслямъ рядъ нелѣпостей, соединяя несоединимое, — авторъ, конечно, имѣлъ полное право сказать о себѣ, что онъ писалъ эту книжицу сообразно мыслямъ всевозможныхъ писателей: чего, молъ, хочешь, того и просишь. «Мысли наши совпадаютъ, — съ гордостью заявляетъ г. Новосельскій на стр. 149, — и съ убѣжденіями одного изъ даровитѣйшихъ адвокатовъ народа, Лассала, и съ исторіею англійской конституціи и *даже* (sic!) съ новѣйшими теоретическими воззрѣніями одного изъ представителей государственной науки, Штейна, о значеніи наследственной монархической власти».

Жаль только, что «соціальные вопросы» не могутъ рѣшаться сразу во всевозможныхъ направленіяхъ. Прямая линія много проще, наприм., соціального вопроса, а не можетъ въ одно и то-же время идти по разнымъ направленіямъ. Авторъ, впрочемъ, и самъ, должно-быть, видѣлъ, что своей книгой ничуть не разрѣшилъ соціальныхъ вопросовъ. Не даромъ онъ рекомендуетъ для рѣшенія ихъ «учрежденіе особаго для соціальныхъ вопросовъ министерскаго портфеля» (стр. 152).

Дай Богъ, чтобы только не г. Новосельскому пришлось держать этотъ портфель!

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й. В. И. Семеvскаго. Томъ I. Спб., 1881 г.

Въ послѣднія два десятилѣтія совершился общій переломъ въ характеръ и методъ историческихъ наукъ. Изъ роли досужей разсказчицы, повѣствующей о сильныхъ міра сего и о подвигахъ придворной камарильи, изъ роли разсказчицы, повертывающей калейдоскопъ пестрыхъ и лишенныхъ взаимной связи событій и приговаривающей, что вотъ это случилось въ такомъ-то году, а вотъ это въ такомъ,—исторія постепенно переходитъ въ настоящую науку, которая, подобно другимъ наукамъ, имѣетъ своею цѣлью обобщать изслѣдуемыя явленія, открывать обычное явленіе ихъ, т. е. открывать законы явленій. Параллельно съ этимъ взглядъ мыслящихъ историковъ современной эпохи

останавливается на изученіи коренныхъ началъ исторической жизни, а не поверхностныхъ, пестро-мелькающихъ внѣшнихъ событий. Жизнь народа, этого гигантскаго цѣлаго, обуславливающего ходъ событий сообразно своему экономическому положенію, общественному строю, степени развитія,—вотъ что составляетъ въ настоящее время предметъ, достойный изученія историка-философа.

И все свѣжее, живучее, что только есть въ лагерѣ историковъ, работаетъ въ этомъ направленіи. Намъ пріятно поэтому познакомить читателя съ хорошимъ историческимъ трудомъ г. Семевскаго, какъ посвященнымъ изслѣдованію жизни русскаго народа въ извѣстную эпоху и опирающимся на изученіе внутреннихъ факторовъ, а не поверхностныхъ историческихъ событий; читатель, прочтя обстоятельное сочиненіе г. Семевскаго, увидитъ, какая разница существуетъ между приемами рутинныхъ дѣписателей и приемами людей, смотрящихъ на исторію, какъ на настоящую науку.

Предоставляя любознательности самого читателя подробно ознакомиться съ богатымъ содержаніемъ книги, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей рецензіи, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ труда г. Семевскаго, и то не затѣмъ, чтобы передать, хотя-бы вкратцѣ, результаты изслѣдованія г. Семевскаго, а лишь съ той цѣлью, чтобы дать читателю понятіе о жизненномъ характерѣ этого труда.

Въ первомъ томѣ, лежащемъ предъ нами, авторъ рисуетъ намъ картину быта крѣпостныхъ Великороссіи и такъ-называемыхъ посессионныхъ крестьянъ въ эпоху Екатерины II, въ ту эпоху, когда, по словамъ покойнаго Бѣляева, «произволъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми былъ въ полномъ своемъ развитіи». (Крестьяне на Руси, изданіе 1879 г., стр. 299). Особенно удачно авторъ излагаетъ экономическую сторону жизни крестьянъ упомянутыхъ категорій въ екатерининскую эпоху. Данные, сообщаемыя въ этомъ смыслѣ г. Семевскимъ, настолько подробны, что позволяютъ даже сдѣлать сравненіе между столѣтнимъ прошлымъ и современнымъ настоящимъ русскаго мужика. Нечего говорить, что такое сравненіе придаетъ не только историческій, но и чисто-практическій интересъ книгѣ г. Семевскаго; и послѣдняго значенія своего труда не упускаетъ изъ виду и самъ авторъ. Во введеніи онъ, напр., говорить, что «только при внимательномъ изслѣдованіи прошлой экономической жизни народа можно рѣшить, дѣйствительно-ли мы двигаемся впередъ, или напротивъ, несмотря на нѣкоторыя

измѣненія къ лучшему, не происходитъ ли серьезнаго ухудшенія въ экономическомъ положеніи народа». (Стр. XXV—VI).

Въ самомъ-же текстѣ авторомъ приведены данныя, позволяющія сдѣлать это сравненіе прошлаго и настоящаго экономическаго положенія народа. Особенно интересно является это сравненіе, если вспомнишь, что предокъ настоящаго освобожденнаго крестьянина былъ подневольный человекъ, тогда-какъ нынѣшній крестьянинъ — человекъ свободный. Вотъ, напр., что можно извлечь по интересующему насъ вопросу изъ труда г. Семейскаго. Въ царствованіе Екатерины крѣпостные составляли 45⁰/₀ всего населенія Великороссіи и Сибири. Изъ всего числа крѣпостныхъ на оброкъ было 44⁰/₀, на барщину ходили—56⁰/₀. Въ экономическомъ отношеніи первые, разумѣется, пользовались большимъ довольствомъ: меньше давила на нихъ тяжелая помѣщичья рука, владѣлецъ которой жилъ на доровой трудъ крестьянъ.

Вотъ, однако, данныя, касающіяся этихъ двухъ категорій крестьянъ. Въ оброчныхъ вотчинахъ, т. е. тамъ, гдѣ вся земля находилась, стало-быть, въ пользованіи крестьянъ, въ прошломъ вѣкѣ на душу среднимъ числомъ приходилось около 13½ десятинъ и въ томъ числѣ по 4 десятины лишь одной пашни. Въ барщинахъ-же—по 10,6 десятинъ, изъ этого числа всей запашки по 4,5 десятинъ, а въ пользованіи крестьянъ изъ 4,5 десятинъ пахатной цѣлыхъ три десятины (см. стр. 32). Всея-же земли вообще въ пользованіи барщенихъ крестьянъ было среднимъ числомъ по 8 десятинъ на душу, такъ-какъ сверхъ пахатной крестьянамъ отводилось на душу въ нечерноземной полосѣ сѣнокосу, выгона и лѣсу по 5½ дес., а въ черноземной—по 3½ дес. (стр. 35). На основаніи этихъ данныхъ авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «если для сравненія съ настоящимъ временемъ принять средней душевой надѣлъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ 11 десятинъ (приблизительное среднее,—замѣтимъ мы читателю отъ себя,—изъ 13½ и 8 десят.), а въ настоящее время 3½ дес., то мы придемъ къ выводу, что бывшіе крѣпостные крестьяне (не говоря уже о получившихъ даровой надѣлъ) имѣютъ въ настоящее время въ три раза меньше земли, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ» (стр. 43).

Подобный выводъ, конечно, вполне уполномочиваетъ автора сказать: «изъ этого видно, насколько справедливы заявленія тѣхъ современныхъ публицистовъ, которые утверждаютъ, что крестьяне пользуются достаточнымъ количествомъ земли и что нѣтъ никакой надобности въ увеличеніи ихъ надѣловъ» (стр. 44).

Если упомянутый далеко не розовый выводъ гг. отечествен-

ные оптимисты изъ лагеря г. Каткова и ему подобныхъ захотятъ опровергнуть или, по крайней мѣрѣ, ослабить, пользуясь заржавѣлымъ мечемъ фабрики мистера Мальтуса, т. е. вваливая вину настоящаго положенія крестьянства на то, что оно, молъ, неумѣренно размножается, то мы съ своей стороны изъ примѣчаній г. Семевского (см. стр. 489) находимъ, что это заключеніе ровно ничего не опровергаетъ. Вѣдь передъ самой крестьянской реформой на душу приходилось (въ 1860 г.) въ нечерноземной полосѣ около 11 десятинъ, въ черноземной — по 6 десятинъ земли. А послѣ крестьянской реформы по всей Россіи среднимъ числомъ всего наберется лишь до 3¹/₂ десятинъ на душу, въ 7-же черноземныхъ губерніяхъ центральной Россіи и того менѣе: новѣйшія свѣденія центральнаго статистическаго комитета даютъ еще меньшую цифру, до 2,2 десятины на наличную душу мужскаго пола («Статистика поземельной собственности», Спб., 1880 г., стр. XXIX).

Приемомъ сравненія прошлаго и настоящаго г. Семевскій пользуется и тогда, когда изображаетъ экономическую жизнь посессіонныхъ крестьянъ, т. е. крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ и не могшихъ быть отрываемыми отъ этихъ заведеній. Выводъ, получающійся изъ сопоставленія данныхъ, касающихся прикрѣпленнаго мастерового прошлаго вѣка и свободного современнаго рабочаго на фабрикѣ или заводѣ, тоже охлаждаетъ оптимическіе порывы российскихъ Панглоссовъ.

Резюмируя эти данныя, г. Семевскій въ заключеніи своего труда говоритъ (упомяная, впрочемъ, болѣе о прикрѣпленныхъ рабочихъ начала этого вѣка): «Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, гораздо болѣе благопріятныя для мастерового начала XIX вѣка, мы приходимъ къ выводу, что экономическое положеніе современнаго рабочаго нисколько не лучше того, въ какомъ находился мастеровой, прикрѣпленный къ фабрикѣ, въ началѣ XIX вѣка, что выгоды свободы, которою пользуется первый, оказываются при давленіи непосильнаго бремени податей и другихъ неблагопріятныхъ условій, чисто-фиктивными. Если-же мы сравнимъ его заработки съ вознагражденіемъ, которое въ то время получали вольнонаемные рабочіе, трудъ которыхъ сплошь и рядомъ оплачивался лучше обязательнаго, или возьмемъ цѣны за хлѣбъ въ самые послѣдніе годы, то выводъ будетъ еще неутѣшительнѣе» (стр. 484).

Мы слышимъ здѣсь исходящими изъ устъ патентованнаго ученаго (настоящій томъ есть отдѣльная перепечатка «изъ VIII тома записокъ историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета» и представляетъ собой переработку отдѣль-

ныхъ статей г. Семевского, помѣщавшихся имъ въ повременныхъ изданіяхъ, — «Отеч. Записк.», «Вѣстн. Евр.», «Русской Старинѣ») не официальные убаюкиванія ученой няньки, качающей читателя въ оптимистической люлькѣ, а полныя любви къ истинѣ слова историка, не желающаго обманывать другихъ благодушными иллюзіями. Намъ нужно знать истину, какъ-бы горька она ни была. И честь тѣмъ, кто выводитъ насъ изъ состоянія благодушнаго опьяненія. Пусть только попытками такихъ людей руководить любовь къ истинѣ, которая, конечно, не позволить имъ вычеркивать *mala fide* дѣйствительныя историческія приобрѣтенія прогресса. Такія приобрѣтенія есть. Читатель, прочтя книгу г. Семевского, изъ ней-же узнаетъ, насколько свобода личности (хотя-бы и очень относительная) нынѣшняго русскаго мужика выше безправнаго его житья-бытья во времена крѣпостничества, когда отвратительный произволъ баръ ломалъ ростки человѣческой души и когда этотъ произволъ находилъ свою естественную реакцію въ убійствахъ крѣпостными помѣщикамъ, въ мелкихъ и крупныхъ волненіяхъ и въ другихъ ужасахъ. Не нужно только забывать, что безъ экономическаго благосостоянія сама свобода превращается въ фикцію и даетъ почву для легальнаго, болѣе мягкаго по формѣ, но не по сущности, закрѣпощенія народа. Если для государства невыгодно закрѣпощеніе трудящихся классовъ дворянствомъ, то для него въ меньшей степени, если еще не въ большей, невыгодно закрѣпощеніе этихъ классовъ буржуазіей, а между тѣмъ, современные Колупаевы и Антошки-хриstopродавцы являются предвѣстниками исполненія пророческихъ словъ Болотова, жившаго въ эпоху Екатерины, — словъ, цитируемыхъ г. Семевскимъ: «Роскоши и непомѣрное мотовство большей части нашихъ дворянъ скоро произведутъ то, что большая часть нашихъ селъ и городовъ принадлежать будутъ фабрикантамъ и купцамъ, и не мы, а они господами и владѣльцами будутъ» (стр. 7—8), — и не только господами бывшей помѣщичьей земли, — прибавимъ мы отъ себя, — но и господами бывшихъ помѣщичьихъ да и всѣхъ вообще крестьянъ, всего трудящагося люда. У римлянъ въ случаяхъ общегосударственной опасности была употребляема извѣстная формула: *videat senatus, ne quid detrimenti Romae respublica caperet* (пусть позаботится сенатъ, чтобы тутъ не вышло никакого ущерба для государства). Полагаемъ, что желанія истинныхъ, а не шовинистскихъ русскихъ патриотовъ (какъ опомнѣло, замѣтимъ въ скобкахъ, это слово, благодаря гг. Катковымъ) могутъ быть выражены тою-же римской формулой, примѣненной

по отношенію ко вреду, приносимому Россіи новоиспеченной буржуазіей. Пусть смотрятъ...

Заканчиваемъ нашу рецензію надеждою, что г. Семевскій не остановится на одномъ первомъ томѣ своего историческаго труда, а продолжитъ его далѣе и дастъ намъ общую картину положенія всего русскаго народа при Екатеринѣ II, т. е. въ ту эпоху, когда изъ-за ви́шняго блеска просматривали народныя страданія. Разумѣется, послѣднее объясняется историческими условіями,—но вѣдь мы никого и не обвиняемъ, равно какъ и не оправдываемъ, а констатируемъ лишь общеизвѣстный фактъ: господствующее въ данную эпоху сословіе просматриваетъ изъ-за своихъ интересовъ положеніе остальныхъ сословій, пока не пробьетъ часъ историческаго возмездія.

Бережь и трудъ. Краткое руководство политической экономіи (по М. Блоку), Н. А. Тизенгаузена, Спб., 1881 г.

Книжка г. Тизенгаузена предназначается для юношества, преимущественно бѣдныхъ сословій. Это видно изъ того, какъ авторъ подбираетъ примѣры для выясненія своей мысли. Но такъ-какъ родители, даже и самые бѣдные, желаютъ, однако, видѣть своихъ дѣтей людьми честными, то они хорошо сдѣлаютъ, если примутъ мѣры, чтобы книжка г. Тизенгаузена не попадала въ руки неопытныхъ юношей, не способныхъ еще критически отнестись къ софизмамъ автора.

Я обращаю вниманіе на эту воспитательную сторону дѣла потому, что съ чисто-научной стороны книжка г. Тизенгаузена ниже всякой критики и значенія имѣть не можетъ. Авторъ сторонникъ всѣми уже брошенной буржуазной политической экономіи, переставшей быть нынѣ даже «классической», такъ-какъ едва-ли хоть одинъ сколько-нибудь свѣдущій профессоръ признаетъ ее безъ огромныхъ поправокъ. Со стороны научной книжка г. Тизенгаузена представляетъ странный анахронизмъ, особенно въ наше время, когда даже ультра-практическій князь Бисмаркъ, даже самъ англійскій парламентъ начинаютъ принимать государственныя мѣры для организаціи народнаго труда. Впрочемъ, нашъ авторъ и имѣетъ въ виду не столько науку, какъ застраховку юношества отъ всякихъ «лже-ученій». Онъ полагаетъ, что «юноша, ознакомившійся съ этимъ трудомъ, приобретаетъ надежное средство для борьбы противъ ученія нигилистовъ и социалистовъ, принесшаго такую массу зла не только безумнымъ послѣдователямъ этого лже-ученія, но и всему обществу, всему народу и

„Дѣло“, № 9, 1881 г. II.

всему даже человѣчеству». Нѣтъ, однако, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эта благонамѣренная цѣль нисколько не достигается усиліями автора. Какія-же «надежныя средства» можетъ дать доктрина, уже совершенно разрушенная и критикой и опытомъ, отброшенная въ наукѣ, отброшенная и всѣми сколько-нибудь выдающимися общественными дѣятелями? Въ этомъ смыслѣ г. Тизенгаузенъ опоздалъ со своей книжкой по малой мѣрѣ дѣтъ на тридцать.

Но если воспитанникъ г. Тизенгаузена несомнѣнно будетъ разбитъ во всякомъ спорѣ съ человѣкомъ, хотя и зараженномъ лже-ученіями, но имѣющимъ какое-нибудь понятіе о дѣйствительной политической экономіи, если, говорю я, эта цѣль книжки не достигается, то несомнѣнно, что она все-таки извѣстнымъ образомъ воспитываетъ юношу, приучаетъ его думать въ извѣстномъ направленіи. И вотъ здѣсь-то она оказывается въ высшей степени вредною, прямо сказать, безнравственною.

«Береги честь съ молодю, говаривалъ когда-то нашъ Гоголь,— послѣ не поднимешь», и это совершенно справедливо. Много ошибокъ дѣлаетъ молодежь, благодаря своимъ чистымъ и честнымъ увлеченіямъ, но если бы не было этихъ увлеченій, земной шаръ давно-бы обратился въ Содомъ и Гоморру. Тяжелая борьба за существованіе, мелочныя дразги житейскія—и безъ того портятъ всякаго человѣка, развиваютъ въ немъ своекорыстіе, заглушаютъ честные порывы. Что-же выйдетъ изъ юноши, если мы его еще съ 15 лѣтъ начнемъ начинать кулацкими побужденіями? Въдѣ къ 30 годамъ изъ него разовьется настоящій разбойникъ, котораго не обуздаешь ни жандармами, ни судебными слѣдователями. Книжка-же г. Тизенгаузена вырабатываетъ именно такихъ людей. Это въ полномъ смыслѣ руководство для воспитанія кулаковъ и барышниковъ. Нѣтъ той гадости, той эксплуатаціи, для которыхъ г. Тизенгаузенъ не силится-бы отыскать теоретическаго оправданія. И въ довершеніе всего онъ усвоиваетъ еще лицемерную манеру припутывать къ кулацкимъ разсужденіямъ чистое имя Христа. Это непростительно. Хоть-бы г. Тизенгаузенъ подумалъ, что для большей части *ею* юношей евангельскіе идеалы чистой нравственности составляютъ иногда единственное утѣшеніе въ житейскомъ болотѣ, эти идеалы способны хоть иногда поддержать колеблющееся нравственное чувство. Не профанируйте-же по крайней мѣрѣ святыни, не поминайте еще имени Христа, совершая трепеще передъ золотымъ тельцомъ.

Разбирать всю книжку я, повторяю, не стану. Взгляды автора на *собственность*, на *источники*, на *прибыль*, на *обмѣнъ*, на *разныя формы труда* и т. д.—все это старыя-престарыя теоріи

французскихъ и англійскихъ лавочниковъ. Здѣсь, разумѣется, фигурируетъ знаменитое «вознагражденіе за воздержаніе» капиталиста; источникъ капитала, разумѣется, не трудъ, а яко бы бережливость; здѣсь г. Тизенгаузенъ пространно разсматриваетъ тяжелую, полную труда и самоотверженія жизнь банкира, доказываетъ несостоятельность артелей и т. д. Мы все это оставимъ въ покоѣ. Я приведу только нѣсколько образчиковъ того, какіе нравственные уроки получаютъ дѣти у наставника, который въ книжкѣ ведетъ большую часть разсужденій.

На стр., напр. 33, наставникъ объясняетъ дѣтямъ, что монета служить мѣриломъ цѣнности вещей. По этому поводу одинъ изъ мальчиковъ соображаетъ, что онъ только-что отдалъ кубарь за двадцать гнѣздъ бабокъ, а между тѣмъ кубарь стоитъ 5 коп., и 5-же коп. только стоятъ 20 бабокъ. Значитъ онъ ни за что взялъ лишнихъ 20 бабокъ. Совѣсть говоритъ мальчику, что онъ долженъ возратить назадъ 20 бабокъ, но «наставникъ его успокоилъ: обмѣнъ, состоявшійся добровольно, считается законченными, и его нельзя вновь начинать». Авторъ прибавляетъ при этомъ, что не мѣшаетъ, конечно, быть въ ладахъ не только съ закономъ, но и со справедливостью. Но какія у него понятія о справедливости, о честности—просто замѣчательно! Послушайте напр., хоть такой діалогъ:

Наставникъ разсуждаетъ, что нельзя продавать вещи безъ барыша. Тотъ, кто производитъ полезную вещь, имѣетъ право на вознагражденіе. Однако - же, какъ велико должно быть это вознагражденіе?

Федоровъ (купецъ). Каждый желаетъ получить какъ можно больше.

Наставникъ. Это честно сказано (ужъ дѣйствительно честно!)

Федоровъ. «Это понятно и безъ словъ. Я какъ продавецъ долженъ самъ позаботиться о своей выгодѣ, а покупатель хлопочетъ о своей... Проси много, а бери, что даютъ».

Итакъ, справедливое вознагражденіе есть то, которое тебѣ удалось сцанать. Для большей ясности этой мысли г. Тизенгаузенъ, или его наставникъ, приводитъ еще разговоръ покупателя съ продавцемъ, причемъ уясняются условія спроса и предложенія, т. е., по теоріи г. Тизенгаузена, условія справедливаго, честнаго обмѣна. Воспроизвожу эти характерные діалоги почти цѣликомъ, съ небольшими сокращеніями:

Покупатель. Что стоитъ эта вещь? *Продавецъ*. Три рубля.

Покупатель. По моему она не стоитъ трехъ рублей. *Продавецъ*. Дороже стоитъ, вы товаръ-то посмотрите; такую вещницу сдѣлать, надо надъ ней два дня просидѣть, а матеріалъ одинъ чего

стоитъ, разочтите, и т. д. *Покупатель.* Я-то тутъ причемъ, что она вамъ дорого стоитъ... Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ издержекъ. *Продавецъ.* Но согласитесь, кто-же станетъ даромъ трудиться. *Покупатель.* Если вы трудитесь безъ пользы, тѣмъ хуже для васъ. До меня это не касается. Я плачу не за ваши хлопоты и заботы, даже не за вашъ трудъ, а за ту выгоду, которую доставляетъ мнѣ эта вещь... *Продавецъ.* Что-жъ дѣлать, видно приходится уступить, какая-же ваша цѣна и т. д.

А вотъ еще лучше:

Продавецъ. Полушубокъ стоитъ 25 р. *Покупатель.* Какъ, вы хотите за такой полушубокъ 25 р., ему красная цѣна 20 руб. *Продавецъ.* 25 р. не дорого, морозы стоятъ большіе, а полушубковъ здѣсь, кромѣ меня, ни у кого больше нѣтъ... *Покупатель.* Нечего дѣлать, приходится поневолѣ заплатить».

Я не знаю, гдѣ обучался г. Тизенгаузенъ политической экономіи: въ Апраксиномъ, въ Александровскомъ рынкѣ или на Московской Хитровкѣ. Болѣе приличные торговцы едва-ли рѣшатся высказываться такъ «честно». Во всякомъ случаѣ одинъ изъ слушателей, возмущенный теоріей наставника, восклицаетъ: «это не хорошо такъ притѣснять покупателя», но лицемѣрный ханжа корчить добродѣтельную мину и замѣчаетъ: «крайность всегда достойна порицанія... Во всѣхъ случаяхъ нужно пользоваться умѣренно». Замѣчательно, что г. Тизенгаузенъ, какъ-будто чувствуя, какія вещи онъ проповѣдуетъ, часто позволяетъ слушателямъ возмущаться теоріями наставника, но, разумѣется, въ концѣ-концовъ даетъ ему все-таки побѣду. Такъ, напримѣръ, заходитъ у нихъ еще рѣчь о *барышникахъ-скупщикахъ* хлѣба. Горячій юноша замѣчаетъ, что «эти люди настоящіе мірофды; они составляютъ себѣ состояніе насчетъ общественнаго бѣдствія». Наставникъ, однако, считаетъ долгомъ взять подъ свое покровительство даже и барышниковъ. «Какъ трудъ, такъ и торговля, возражаетъ онъ, держатся выгодой. Тотъ, кто преслѣдуетъ свою собственную выгоду до жестокости, конечно, заслуживаетъ порицанія. Но тѣмъ не менѣе даже и скупщики оказываютъ иногда услугу обществу». Скупщики, пользуясь дешевыми цѣнами урожайнаго года, скупаютъ массу хлѣба съ тѣмъ, чтобы перепродать его съ выгодой, когда дождутся неурожая. И вотъ наступаетъ неурожай. Цѣны на хлѣбъ поднимаются, въ хлѣбѣ замѣчается недостатокъ. Между прочимъ, замѣчаетъ премудрый наставникъ, это возвышеніе цѣнъ чрезвычайно благотельно. Если-бы цѣны не росли, то населеніе потребляло-бы хлѣбъ въ такомъ-же количествѣ, какъ обыкновенно, и скоро съѣло бы весь хлѣбъ, такъ-что уже его вовсе негдѣ было-бы достать. Но цѣны

ростутъ, и всякій начинаетъ экономничать, ограничиваетъ свое потребленіе, благодаря чему хлѣба и хватаетъ на все время. Въ такіе моменты общественнаго бѣдствія скупщики и оказываютъ услугу обществу: хлѣбъ, собранный въ ихъ амбарахъ, появляется въ продажѣ въ такое время, когда его негдѣ достать. «Ихъ услуга дѣйствительно важна; правда, скупщики предлагаютъ свой хлѣбъ въ продажѣ только тогда уже, когда цѣны значительно повысились. Но кто-же пазъ насъ не признаетъ за лучшее заплатить за хлѣбъ нѣсколько дороже, чѣмъ вовсе его не получить?» Безъ сомнѣнія. И сверхъ того, прибавляетъ наставникъ, вѣдь скупщики берегли хлѣбъ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, пока дождались неурожая: нужно-же имъ взять прибыль за всѣ эти годы. Разумѣется, барышъ не долженъ быть уже совсѣмъ грабительскій, но вѣдь до грабежа и невыгодно доходить, потому-что тогда можно остаться вовсе ни съ чѣмъ, какъ было, напр., въ этомъ году: скупщики нагнали цѣну такъ высоко, что никто не могъ уже покупать, и дождались со своимъ хлѣбомъ того времени, когда на помощь голодающимъ явилось правительство и земство. Скупщики понесли большіе убытки, и нѣкоторые даже вовсе раззорились...

Итакъ, все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ. Добродѣтель награждается, порокъ наказуется; для различія-же добродѣтели отъ порока существуетъ правило: воровать воруи, да не попадайся, а иначе будешь преступникъ.

Вотъ собственно мораль, которую г. Тизенгаузенъ рассчитываетъ вооружить своихъ воспитанниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пропитавшійся ею человекъ дѣйствительно застрахованъ отъ всякихъ лже-ученій, но легче-ли отъ этого народу и обществу? И развѣ можетъ быть болѣе живое пазъ лже-ученій чѣмъ то, которое для своего существованія требуетъ поголовнаго обращенія народа въ жуликовъ и кулаковъ?

Избранныя бесѣды пастора Берсье. Перевелъ А. Забѣлинъ. С.-Петербургъ, 1881 г.

Г. Тизенгаузену, распинающему чистое имя Христа, мы-бы посоветовали прочесть бесѣды пастора Берсье и поучиться у него любви къ ближнему. Въ Берсье вы видите европейца, выросшаго среди европейскаго образованнаго общества, видите проповѣдника той прогрессивной религіи, словомъ которой были наутствованы первые пуритане, отправлявшіеся въ Америку. Это человекъ живой жизни, живущій среди разнообразныхъ ея волненій и желающій уравновѣсить и примирить крайности ихъ

чистыми нравственными принципами, провозглашенными Христомъ. Это не аскетъ, не проповѣдникъ жертваго догматизма, закаменѣвшій на ученіи отцовъ церкви. Онъ связываетъ слова Христа съ тѣмъ, что происходитъ вокругъ, чѣмъ живетъ современное общество, и Иисусъ Христосъ для него та великая истина, въ которой всѣ крайности должны найти примиреніе. Возможно-ли это, или невозможно, мы разрѣшать не станемъ; мы хотимъ указать только на то, что Берсье старается успокоить взволнованное разнообразной борьбой французское общество на той религіи любви, которая должна убить эгоизмъ. Богатому фабриканту онъ говоритъ: «Твои рабочіе считаются тысячами, всѣ ихъ руки, вся ихъ воля, вся ихъ энергія принадлежать тебѣ съ утра до вечера и тебѣ повинуются. Ты съумѣлъ дисциплинировать эти производительныя силы и своею ловкостью заставилъ ихъ доставлять тебѣ все, на что они способны. Но эти тысячи страдаютъ въ твоихъ мастерскихъ, лица ихъ блѣдны и чахлы, мужчины и женщины работаютъ у тебя вмѣстѣ и нравственная атмосфера твоихъ мастерскихъ заражена всевозможными пороками. У ученика нѣтъ отдыха даже въ воскресенье, тогда-какъ даже по закону онъ имѣетъ на это право. И вотъ онъ, согнутый надъ машинами, оступѣлый отъ ранней работы и безъ отдыха, болѣе и болѣе лишаящийся религіозной и нравственной жизни, чахнетъ пораженный порчею крови и рахитизмомъ тѣлеснымъ и духовнымъ. Но почему-же этотъ богатый фабрикантъ холодно проходитъ мимо всѣхъ этихъ страданій. Развѣ вы не видите, что его поглощаетъ его вниманіе, что бороздитъ у него на лбу морщины, что наполняетъ его сердце и мысли? Цѣль его жизни—нажива. Колоссальныя богатства другихъ смущаютъ его и онъ думаетъ только о томъ, какъ-бы обогнать своихъ соперниковъ!» «Братья,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Берсье,—если вы христіане, то въ вашихъ глазахъ должно быть священно желаніе всякаго вашего ближняго жить, спасая свою душу. Но я говорю передъ Богомъ, который меня слышитъ, что есть такого рода условія, при которыхъ это невозможно, по крайней мѣрѣ, безъ помощи чуда. Есть такая степень нищеты, при которой, къ несчастію, теряется всякое чувство собственнаго достоинства: на нашихъ фабрикахъ бываетъ смѣшеніе половъ, убивающее и оскверняющее душу; въ подавляющей работѣ дѣтей, принужденныхъ быть колесами машинъ, находится рѣшительное препятствіе къ ихъ нравственному развитію; въ воскресныхъ работахъ — смерть всякому благочестію и всякой религіи». Лично проповѣдникъ не обвиняетъ во всемъ этомъ теперешнихъ собственниковъ, потому-что и теперешніе порядки и теперешніе

люди продуктъ времени, обстоятельствъ и ошибокъ предшествовавшихъ поколѣній. «Но было-бы также несправедливо и нечестно не только принимать ихъ какъ неизбежное зло, но чтобы Христосъ освятилъ и упрочилъ при такихъ условіяхъ права владѣльцевъ. Христосъ этого не сдѣлаетъ»... «Ахъ, братья,—говорить въ той-же бесѣдѣ проповѣдникъ,— есть нѣчто докучливѣе нашихъ слабыхъ рѣчей. Это окружающія насъ бѣдствія, которыхъ мы никогда не имѣемъ права забывать. Къ какимъ звукамъ былъ-бы способенъ нашъ голосъ, если-бы только наше страданіе возвысилось на одну ступень съ униженіями и страданіями, для которыхъ одинъ этотъ городъ (Парижъ) служить такимъ обширнымъ и постояннымъ зрѣлищемъ». Вотъ какъ, г. Тизенгаузенъ, смотрятъ на человѣческое униженіе люди чистые, для которыхъ имя Христа, проповѣдывавшаго спасеніе всѣмъ угнетеннымъ и страдающимъ, не служитъ лицемерной маской, которой они хотятъ прикрыть свои кулацкія разсужденія.

Мы-бы рекомендовали книгу пастора Берсье еще и другимъ лицамъ, въ особенности, во всѣхъ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ проповѣдникъ говоритъ объ отношеніяхъ церкви къ государству и о свободѣ совѣсти. Берсье ревниво охраняетъ церковь отъ всякаго покушенія на нее государства, старающагося видѣряться въ человѣческую совѣсть. Область государства, говоритъ онъ, это текущая жизнь и интересы чисто-временные. Государство должно обезпечить каждому гражданину пользованіе его правами и вольностями, оно можетъ, кромѣ того, имѣть въ виду обезпеченіе для всѣхъ наибольшей суммы благосостоянія. Его высшій идеалъ—справедливость. Съ этой стороны оно встрѣчается и съ нравственностью. Но государство встрѣчается съ нравственаостью только въ ея общественныхъ примѣненіяхъ, оно умѣетъ и можетъ образовать гражданина, но у него нѣтъ и не должно быть поползновенія обладать всѣмъ человѣкомъ. Встрѣчаясь съ религіозными ученіями, оно не можетъ и не должно судить ихъ иначе, какъ по ихъ плодамъ. Оно не должно доискиваться въ нравственности ни ея происхожденія, ни цѣли. «Если я повинуюсь моему долгу, говоритъ Берсье, если я вѣрю въ высшую святость моего поведенія—это не касается до государства».

Подобные взгляды мало похожи на тѣ, которые мы привыкли встрѣчать не только въ нашей повседневной практикѣ или въ рѣчахъ нашихъ проповѣдниковъ, но даже и въ печати извѣстнаго направленія. Поэтому мы думаемъ, что переводчикъ и издатель бесѣдъ Берсье дѣлаетъ своей книгой весьма полезный вкладъ въ нашу духовно-свѣтскую литературу.

ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА).

I.

Недавно одинъ газетный фельетонистъ острилъ, будто-бы у насъ нынче урожай на хлѣбъ и на газеты обратно пропорціональны, такъ-что хлѣбъ въ лавочкахъ подешевѣтъ, а завертывать его будетъ не во что. Этотъ газетный неурожай снова проявилъ себя прекращеніемъ еще и «Новой Газеты».

Очевидно, «Русь» была права, и живая либеральная пресса готова испустить послѣднее дыханіе, подъ напоромъ возрождающагося «истинно-русскаго» духа. «Голосъ», «Русскій Курьеръ» умолкли, «Новая Газета» также; «Порядокъ», «Московскій Телеграфъ» не имѣютъ розничной продажи, т. е. большей половины читателей. Здравы и невредимы въ лагерь заблудшихъ остаются еще одни «Русскія Вѣдомости», да и то едва-ли надолго, если принять во вниманіе вѣщія сны Щедрина. Національное возрожденіе торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, и его побѣду нѣсколько задерживаетъ только отсталость самого общества, до сихъ поръ не способнаго оторваться отъ преданій Петровской реформы, а потому мало склоннаго раскупать патриотическія изданія. Но препятствіе это, очевидно, можетъ имѣть только временное значеніе, ибо для сотенъ тысячъ грамотнаго люда газеты сдѣлались уже насущной потребностью, а за неимѣніемъ хлѣба вѣдь вѣдятъ и лебеду. Такимъ образомъ, окончательное торжество національнаго духа, или, по крайней мѣрѣ, сбытъ его произведеній можно считать вполне обеспеченнымъ.

Въ виду такого положенія вещей, будетъ вполне уместнымъ, кажется, сказать нѣсколько словъ по поводу «Голоса» и «Новой Газеты», этихъ послѣднихъ могиканъ вымирающаго либерализ-

ма. Мы исполнимъ такимъ образомъ нравственную обязанность—воздать послѣднюю память покойному, хотя-бы и заблуждавшемуся. Сверхъ того, исторія этихъ двухъ газетъ составляетъ крупнѣйшій эпизодъ въ журнальной жизни за послѣднее время, превратившійся совершенно неожиданно даже въ маленькое событие. По всѣмъ правамъ, стало-быть, его необходимо отмѣтить.

Что такое «Голосъ»—это извѣстно, можно сказать, всей вселенной. Съ давнихъ поръ, со временъ почти незапамятныхъ для нашей быстротекущей эпохи, «Голосъ» взялъ въ свои руки славное знамя умѣреннаго либерализма, постепеннаго прогресса и разумной реформы. Держалъ онъ это знамя, какъ и подобаетъ честному либералу: оно смѣло развертывалось по благопріятному вѣтерку, склонялось долу при встрѣчѣ съ каждымъ препятствіемъ, превращалось при надобности въ праздничную декорацию и т. д. Много бурь и непогодъ пережилъ такимъ образомъ «Голосъ», и въ концѣ-концовъ все-таки сохранилъ свое знамя, правда, покрытое безчисленными пятнами, но украшенное тѣми-же цвѣтами, не уподобившись ни черному флагу «Московск. Вѣдом.», ни пестрымъ доскутьямъ истинно-русскихъ флюгеровъ. Я не хочу оскорблять «Голоса» неискренностью, и откровенно признаю, что совершенно не люблю такихъ газетъ, не могу примириться съ политической эквилибристикой, и не одобряю тактики, которая двадцать разъ сознательно поступается правдой для того, чтобы хоть въ двадцать первый разъ имѣть возможность произнести правдивое слово. Трудно оправдать даже поступокъ Галилея, а вѣдь нужно сознаться, что «Голосъ» становился на колѣни и отрекался отъ ереси гораздо чаще и охотнѣе, произнося искупляющее е *pur si tuove* много тише и боязливѣе. Словомъ—«Голосъ», во всякомъ случаѣ, герой не моего романа. Но справедливость требуетъ замѣтить, что вся эта эквилибристика имѣла нѣкоторую идейную подкладку, что претерпѣвать заушенія и каждую субботу произносить «*pardonnez*»—«Голосъ» соглашался только потому, что не хотѣлъ однимъ прыжкомъ, однимъ крупнымъ ренегатствомъ, избавить себя отъ ежедневныхъ мелкихъ униженій. Никто, напр., не мѣшалъ «Голосу», подобно «Новому Времени», «Спб. Вѣд.» и т. д. объявить себя «независимымъ» органомъ. Для этого не требуется ни особенной догадливости, ни особенныхъ способностей. «Голосъ», не хуже другихъ, могъ понять, что въ качествѣ «независимаго» онъ освободился-бы отъ необходимости сообразоваться съ разными принципами, интересами и даже логикой, а стало быть, легко могъ избѣгать уже всякихъ непріят-

ныхъ столкновений съ сильными міра. Объявить, что, молъ, моя муза — Россія: что можетъ быть проще и удобнѣе? И затѣмъ крутись-себѣ по вѣтру, не только въ безопасности отъ всякихъ бурь, но еще имѣя право съ апломбомъ задирать носъ и важно говорить: «Я не ношу влечекъ, я не рабъ теорій!» Все это болѣе чѣмъ легко.

«Голосъ этого не захотѣлъ и предпочелъ терпѣть заушенія и безчисленные частныя отрѣченія отъ своей вѣры, лишь-бы только не отступить отъ ней окончательно. Какой путь лучше—право, я даже не берусь разбирать: до такой степени они оба мнѣ не нравятся. Но что касается русскаго общества, то несомнѣнно, что значительный слой его отпускалъ «Голосу» всѣ прегрѣшенія, во имя его общей заслуги, какъ знамениосца либерализма. Въ пользу этого говоритъ и чрезвычайная распространенность газеты. Читатель, очевидно, цѣнилъ усилія «Голоса» отстаивать дѣло русской реформы или удержаться хоть-бы на границѣ реакціи. Читатели привыкли искать въ «Голосѣ» свѣденій о внутреннемъ положеніи Россіи, и нужно сознаться, что своими сообщеніями «Голосъ» чаще, чѣмъ какая другая газета открывалъ обществу глаза на многое, требующее измѣненій и улучшеній. Читатели привыкли къ «Голосу». Чрезвычайная опытность редакціи и ея всегдашняя готовность, даже съ увлеченіемъ, воскликнуть *rapportez* — казалось, обеспечивали «Голосу» продолжительное существованіе. Казалось, кто-же останется въ ежедневной прессѣ, если не будетъ даже и «Голоса»?»

Тѣмъ не менѣе, громъ грянулъ, редакція видимо не успѣла во-время перекреститься и «Голосъ» смолкъ...

Въ жизни россійскаго человѣка играетъ огромную роль такъ-называемая «планида». Разумѣется, такія качества, какъ опытность, предусмотрительность, практичность имѣютъ и у насъ большое значеніе, но общій голосъ именно практическихъ людей утверждаетъ, что отъ планиды подь-часъ не могутъ предохранить никакія качества. Въ чемъ собственно состоитъ наша планида, это до сихъ поръ не выяснено, но существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Хорошо извѣстны даже нѣкоторыя характеристичныя свойства ея вліянія. Главное изъ нихъ—это отсутствіе постоянности и видимой законмѣрности. Совершая какой-либо поступокъ, оказавшійся, положимъ, неудачнымъ, вы можете смѣло повторить его, если только полагаете, что неудача обусловлена вліяніемъ планиды, ибо весьма вѣроятно, что въ слѣдующій разъ, и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, планида именно васъ и превознесетъ. Словомъ—въ сферѣ ея притяженія господствуютъ совершенно особые законы, еще не

постигнутые умомъ, въ родѣ того, какъ въ сферѣ четвертаго измѣренія. Русскій человекъ знаетъ это, а потому при всемъ страхѣ передъ планидой, никогда не усумнится рисковать, имѣя съ ней дѣло, ибо здѣсь риску собственно также нѣтъ, какъ не можетъ быть правильнаго расчета.

Появленіе «Новой Газеты» я не могу себѣ объяснить иначе, какъ предположеніемъ редакціи, что крушеніе «Голоса» произошло подъ вліяніемъ планиды. Не умѣя понять естественныхъ причинъ факта, редакція, конечно, могла поддаться русской привычкѣ свалить дѣло на планиду. Поэтому, мнѣ кажется, со стороны судьбы вышла по отношенію къ «Новой Газетѣ» большая несправедливость. Газета съ самаго дня рожденія была заподозрѣна въ систематической оппозиціи. Даже самый фактъ ея рожденія получилъ окраску такого рода. А между тѣмъ, я увѣренъ, здѣсь была не оппозиція, а просто вѣра въ планиду. Я знаю, мнѣ могутъ сказать, что предостереженіе, данное «Новой Газетѣ», служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія планиды, и присутствія, напротивъ, законномѣрности во всей этой исторіи. Не отрицаю основательности такого соображенія, но замѣчу со своей стороны, что даже предостереженіе не можетъ снять съ дѣла его мистическаго характера. Какъ, напр., объясните вы то громадное, роковое даже значеніе, которое здѣсь принялъ вопросъ о томъ, есть-ли «Новая Газета» продолженіе «Голоса»? Русская пресса существуетъ не первый годъ, и естественные законы, ею управляющіе, въ этомъ отношеніи успѣли много разъ выясниться. Мы имѣемъ множество прецедентовъ такого рода, когда на мѣсто запрещеннаго изданія появлялось новое, формально заявляющее себя его продолженіемъ. Укажу, напр., на нашъ собственный журналъ, который, по заявленію редакціи г. Благосвѣтлова, долженъ былъ замѣнить только-что воспрещенное «Русское Слово». Укажу еще на замѣну «Москвы» — «Москвичемъ» (г. Аксакова), сопровождавшуюся еще болѣе рѣзкимъ заявленіемъ солидарности. Въ болѣе позднія времена такой-же случай былъ у «Сѣверн. Вѣстн.». И никогда законъ не считалъ, или не объявлялъ подобныхъ замѣнъ недозволительными, тѣмъ болѣе, что вѣдь ни одно новое изданіе не можетъ появиться безъ надлежащаго разрѣшенія и утвержденія своей программы. Стало-быть, никакое предусмотрѣніе, никакой расчетъ не могъ указать «Новой Газетѣ» опасности и преступности ея предпріятія.

Итакъ, нѣчто мистическое здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и оно-то погубило «Новую Газету». Замѣтивши, безъ сомнѣнія, неожиданно для себя, преступность своего положенія и незаконность своего рожденія, почтенная редакція, что-называется,

сдрейфовала, и попыталась-было выгородить себя. Въ № 6 уже появились объясненія, какъ старой редакціи «Голоса», такъ и новой редакціи «Новой Газеты», по поводу того, что вторая отнюдь не есть продолженіе перваго, что внѣшнее сходство обуславливается лишь типографскими условіями, качествомъ шрифта и т. п. Напрасныя усилія! Ни хитрому, ни праздному судьбы «своей» не минуть. На слѣдующій-же день появилось распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющее «Новой Газетѣ» первое предостереженіе. Привожу это распоряженіе цѣликомъ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

7-го августа 1881 года.

Принимая во вниманіе:

что сужденія редакціи «Новой Газеты» о правахъ и обязанностяхъ печати, выраженные въ передовой статьѣ № 3 и въ фельетонѣ № 5, подъ заглавіемъ: «Свобода печати»—находятся въ явномъ противорѣчьи съ дѣйствующими у насъ постановленіями о печати и потому не могутъ быть терпимы;

что въ № 1 редакторъ уже напередъ заявлялъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и вызывающимъ тономъ о полной солидарности «Новой Газеты» съ газетою «Голосъ», приостановленной за предосудительное направленіе, и

что «Новая Газета» приняла внѣшній видъ приостановленной газеты, не оправдываемый вполнѣ матеріальными условіями и явно рассчитанный самымъ распределеніемъ отдѣловъ на усиленіе въ обществѣ увѣренности, что она въ дѣйствительности ни что иное, какъ продолженіе «Голоса»—

Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложен. къ ст. 4 (прим.) уст. ценз., св. зак., т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить этой газетѣ первое предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, статскаго совѣтника Василія Модестова, и воспретить, на основаніи прим. 1 къ ст. 79 того-же приложенія, розничную продажу нумеровъ «Новой Газеты».

Для того, чтобы уразумѣть главную причину предостереженія, читатели должны-бы ознакомиться съ упоминаемымъ здѣсь фельетономъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу сдѣлать изъ него кое-какихъ выдержекъ. Но достаточно будетъ сказать, что именно по поводу его «Новое Время» возражало «Новой Газетѣ», упрекая ее въ недостаточно-широкомъ пониманіи свободы печати (въ отстаиванье права преслѣдованія за диффамзію).

«Мы смотримъ, говорить «Новое Время», на это дѣло нѣсколько иначе. Мы того мнѣнія, что независимое мнѣніе найдеть лучшую охрану въ независимомъ, нестѣсненномъ словѣ. Мы думаемъ, что лучшимъ другомъ честности является широкая гласность. Истина не боится свѣта, не боится обсужденія. Право преслѣдованія за диффамацию слѣдовало-бы оставить только на долю лицъ, у которыхъ, какъ-говорится, рыльце въ пушку, руки не чисты, мощна набита награбленнымъ всякими формально-законными неправдами, которымъ выгодно даже этимъ безсовѣстнымъ путемъ добиться молчанія про ихъ продѣлки, словомъ—процессъ за диффамацию выгоденъ всѣмъ тѣмъ, къ кому идетъ клячка бонапартистовъ»...

Такъ рассуждаетъ «Новое Время». Я знаю, что въ вопросѣ о диффамациі оно, конечно, не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ судьей, такъ-какъ диффамациа до сихъ поръ оказывалась единственнымъ подводнымъ камнемъ на благословенномъ фарватерѣ почтенной газеты. Но какъ-бы то ни было—читатели видятъ, что воззрѣнія «Новаго Времени» относительно свободы печати идутъ гораздо дальше, чѣмъ у «Новой Газеты», и высказываются все-таки безъ стѣсненій. Очевидно, стало-быть, что центръ тяжести обвиненія не можетъ находиться въ указанномъ «сельтонѣ». Онъ лежитъ, очевидно, въ предположеніи, что «Новая Газета» есть продолженіе «Голоса», и притомъ продолженіе злостное, тенденціозное, имѣвшее главною цѣлью выказать систематическую оппозицію.

«Новая Газета» была обижена. И дѣйствительно, во-первыхъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что редакція вовсе не думала оппозиціонничать, издавая «Новую Газету», а сдѣлала это въ чистотѣ сердца, въ увѣренности, что «Голосъ» просто натолкнулся на планиду; если-же, во-вторыхъ, за «Новой Газетой» и былъ даже маленькій грѣшокъ, то не она-ли такъ чистосердечно ваялась, не она-ли ваялась всѣми приѣтами, отрицая свое единство съ «Голосомъ»? И все-таки—ничто не помогло. Какъ-же тутъ не обидѣться. Притомъ—воспрещеніе розничной продажи—наказаніе, само-по-себѣ способное довести молодую, еще не укрѣпившуюся газету, до банкротства. Наконецъ, мотивировка г. министра ясно показывала, что за первымъ наказаніемъ несомнѣнно послѣдуетъ второе и т. д. И вотъ на слѣдующій день вышелъ 8-й и послѣдній № «Новой Газеты». Редакція въ почтительныхъ, полныхъ покорности выраженіяхъ заявила, однако, свою рѣшимость прекратить газету.

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ мы принуждены сегодня заявить нашимъ читателямъ, что «Новая Газета» выходитъ въ свѣтъ бо-

лѣе не будетъ. Мы готовы были служить дорогому отечеству всѣми силами нашей души, но не находимъ возможности продолжать свое изданіе при данныхъ условіяхъ и прекращаемъ его на 8-мъ номерѣ. Программа наша была публикѣ извѣстна: мы ни за что такъ горячо не стояли, какъ за интересы просвѣщенія, какъ за дѣло обновленія Россіи, гражданскаго, общественнаго и нравственнаго. Стремленія наши были чисты передъ Богомъ, Государемъ и родиной. Русское общество, казалось, оцѣнило ихъ и поддержало насъ своимъ вниманіемъ. Мы приносимъ ему за это искреннюю благодарность и надѣемся, что оно пойметъ необходимость нашего рѣшенія».

Я замѣчу, со своей стороны, что общество несомнѣнно поняло и оцѣнило это рѣшеніе. Въ виду категорическаго заявленія г. министра, «Новой Газетѣ» оставалось или измѣнить направленіе или закрыться. Она предпочла послѣдній путь. Рѣшеніе вполнѣ добросовѣстное, еще разъ подтверждающее, что и у «Голоса», при всей его эквилибристикѣ, была идейная подкладка, было убѣжденіе. Увы, не о многихъ органахъ нашей прессы можно сказать это.

Я не имѣю надобности перебирать газетные отзывы для того, чтобы опредѣлить отношеніе общественнаго мнѣнія ко всей этой исторіи. Никакія разсужденія, никакіе возгласы не могутъ быть столь краснорѣчивы, какъ простое объявленіе, появившееся въ газетахъ на другой день по воспрещеніи «Новой Газеты». Привожу цѣликомъ это въ своемъ родѣ знаменіе времени.

Табачная фабрика А. Н. Шапошникова, въ С.-Петербургѣ, самъ имѣетъ честь довести до свѣденія публики, что съ 7 августа выпущены новыя папиросы.

«ГОЛОСЪ»,

приготовленныя изъ отборнаго турецкаго табаку,

Цѣна 10 шт. 6 коп.

„ 25 „ 15 „

„ 100 „ 60 „

Покорнѣе просятъ гг. любителей хорошаго табаку обратить особенное вниманіе на высокое достоинство этихъ папиросъ.

Получать можно: въ собственномъ магазинѣ, Караванная ул., д. № 22, и во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.

Не правда-ли, характеристично? А, говорятъ, вѣдь спекуляція никогда не ошибается. Не даромъ-же биржа служитъ такимъ вѣрнымъ политическимъ барометромъ. Но какъ-бы то ни было, мы, даже приобрѣтя либеральныя папиросы, все-таки лишились либеральнаго органа, самаго типичнаго представителя нашего либерализма, такого покладистаго, такого смирнаго, и все-таки отовсюду претерпѣвающаго.

II.

Исторія «Голоса» и «Новой Газеты» сама по себѣ не представляетъ особенной важности, но какъ *признакъ* извѣстнаго положенія печати имѣетъ огромный смыслъ. Не бѣда, если замолчить «Голосъ», но если *даже* «Голосъ» умолкаетъ, то это очень плохо. А хуже всего то, что такое положеніе вещей, когда умолкаетъ даже и «Голосъ», тянется уже слишкомъ долго, и уже успѣло принести свои несчастные плоды: полную умственную анархію въ обществѣ, отсутствіе всякаго единства въ общественныхъ идеалахъ, отсутствіе великихъ учителей, т. е. другими словами, отсутствіе умственного авторитета.

Предо мною сейчасъ лежитъ брошюра нѣкогого г. Тиличеева: «Націонализмъ и гуманизмъ Достоевскаго». Брошюрка сама по себѣ вздорная, но интересная именно потому, что вздорная. Авторъ, очевидно, человѣкъ честный, искренній, стремящійся къ истинѣ. Но именно въ этомъ весь ужасъ нашего положенія. За Россію страшно становится, когда выкинешь во всю глубину сумбура, вырабатываемаго этими честными головами. А вѣдь г. Тиличевъ не одинъ. Имъ имя—легіонъ. Недавно еще въ такомъ-же духѣ появлялись брошюры гг. Нелидова, Кашкарева; въ такомъ-же духѣ печатаются въ «Нов. Врем.», въ «Петерб. Вѣд.» и т. д. разныя «письма изъ народа», разныя «оригинальныя мысли»... Я о редакціяхъ ничего не говорю, они ведутъ свою коммерцію, и Господь съ ними. Но корреспонденты, авторы писемъ и замѣтокъ: вѣдь это само общество, самъ народъ. А еще страшнѣе, что брошюры и письма показываютъ намъ только крошечный уголокъ хаотической работы общественной мысли. Ея главная арена—частный разговоръ, домашняя, кружковая пропаганда ускользаютъ отъ всякаго измѣренія и опредѣленія; брошюры гг. Тиличевыхъ только поднимаютъ уголокъ занавѣси и позволяютъ догадываться о томъ несообразномъ хаосѣ, который царствуетъ на сценѣ.

Этотъ хаосъ—есть всецѣло созданіе тѣхъ условій, въ которыя поставлена наша мысль, слово и печать.

Еще и до сихъ поръ каждый человѣкъ, начинающій думать, по традиціонному уваженію къ литературѣ, по воспоминаніямъ о славныхъ учителяхъ прошлаго, обращается прежде всего къ журналамъ и книгамъ. Здѣсь онъ прежде всего думаетъ найти отвѣтъ на свои запросы. Разуменьется, онъ неизбѣжно испытываетъ горькое разочарованіе. Старые учителя давно смолкли, «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече». Ихъ вѣщее слово перестало удовлетво-

рять запросы настоящего времени. Новых-же учителей—не является, да и откуда имъ взяться? Г. Тиличевъ горько упрекает литературу. «Главные руководители общественнаго мнѣнія—наши толстые журналы «Вѣстн. Европы» и «Отеч. Зап.» не стоятъ на высотѣ своего призванія и не удовлетворяютъ стремленіямъ образованнаго общества», говоритъ онъ. Съ особенной яростью обрушивается г. Тиличевъ на г. Михайловскаго *). «Дайте намъ, говоритъ онъ,—искреннее душевное слово, дайте намъ новую, оригинальную мысль, и мы скажемъ вамъ спасибо, а насмѣшками, да хихиканьемъ вы никого не удивите» и т. д.

Это разочарованіе, эти нападки, конечно, неизбежны, хотя, при всей законности разочарованія, нападки на литературу, и даже противъ ея отдѣльныхъ дѣятелей, совершенно несправедливы. «Новая, оригинальная мысль»—легко сказать! Ну вообразимъ, что у г. Михайловскаго такая мысль имѣется: что онъ съ ней будетъ дѣлать и какую онъ имѣетъ возможность передать ее г-дамъ Тиличевымъ? Во-вторыхъ, рѣчь идетъ, очевидно, не просто о какой-бы то ни было оригинальной мысли (ибо г. Михайловскій неоднократно доказывалъ свою способность къ самостоятельному, оригинальному мышленію); требуется не какая-нибудь мысль, а *ученіе*, всесторонне охватывающее жизнь, дающее исходъ и нравственнымъ и гражданскимъ стремленіямъ современнаго русскаго человѣка. Но такое ученіе есть всегда плодъ коллективной работы общественной мысли; конечно, великій учитель формулируетъ эту работу, но матеріалъ для формулировки даетъ исключительно общественная мысль. Великое общественное ученіе именно этимъ и отличается отъ утопіи, которая, наоборотъ, есть личное созданіе изолированнаго, хотя-бы и гениальнаго ума. Итакъ, я говорю, прежде чѣмъ обвинять г. Михайловскаго или всякаго другого публициста (изъ честныхъ людей, конечно), слѣдовало-бы подумать о томъ, что вѣдь условія, въ которыя поставлена наша общественная мысль, исключаютъ возможность всякой коллективной работы. Мы, конечно, можемъ думать, но исключительно втихомолку и въ одиночку...

Г. Тиличевъ, написавшій о Достоевскомъ, еще счастливецъ сравнительно съ другими, ничего не пишущими Тиличевыми. Онъ имѣетъ складъ ума по преимуществу философскій, и затѣмъ удовлетворяется очень немногимъ. Поэтому онъ могъ все-таки найти себѣ теорію въ своемъ самодѣльномъ славянофильствѣ и про-

*) Эти нападки вообще носятъ у г. Тиличева грубый, ругательный характеръ. Отмѣчая, впрочемъ, это мимоходомъ.

рока въ Ф. М. Достоевскомъ. Но каково положеніе другихъ Тиличевыхъ, болѣе требовательныхъ и, главное, отличающихся преобладаніемъ гражданскаго элемента. На ихъ запросы литература неспособна дать уже и сама малѣйшаго отвѣта. А вѣдь люди послѣдней категоріи составляютъ большинство. Русская радикальная мысль, въ лицѣ своихъ великихъ учителей, Бѣлинскаго, Добролюбова и пр. намѣтила всѣ элементы общаго, философскаго міросозерцанія, которое и раздѣляется большинствомъ русскихъ мыслящихъ людей. Теперь для нихъ требуется именно подробная разработка ученія, съ указаніемъ соціальныхъ и гражданскихъ выводовъ его. Безпристрастное потомство скажетъ, насколько могъ въ настоящее время выполнить такую работу хотя-бы самый гениальный и самый честнѣйшій публицистъ!

Итакъ, говорю я, искатель истины, разочарованный и недовольный, остается одинъ-одиношенекъ. Онъ самъ принужденъ обтесывать каждый камень своего міросозерцанія. Сырой литературный матеріалъ наполовину перевернутыхъ фактовъ, личный опытъ, да двое-трое знакомыхъ—вотъ вся помощь, какую получилъ отъ общества искатель истины. И въ такомъ положеніи находимся мы всѣ, начиная отъ «публициста» и кончая любымъ студентомъ или крестьяниномъ. Нѣтъ почти вопроса, самаго мелкаго, при рѣшеніи котораго умственная работа одного человѣка помогала-бы работѣ другого. Страшная изолированность, одиночество—вотъ среда, въ которой развивается наша общественная мысль.

Г. Тиличевъ самъ характеризуетъ положеніе дѣлъ, явившееся въ результатѣ такихъ условій, хотя и не понимаетъ, что здѣсь вся сила именно въ условіяхъ. «Со смертью Писарева, говоритъ онъ,—исчезли послѣднія могилки пробудившейся-было русской мысли. Явились бездарности и компиляторы, попуган и обезьяны... Душно стало и тяжело было дышать въ этой смрадной атмосферѣ самолюбиваго эгоизма и тщеславной бездарности. Великіе «философы» и фельетонисты, все смѣшалось въ одну кучу... Опустѣла русская публицистика. Она стала опускаться все ниже и ниже и по мѣрѣ того и требованія публики все понижались и, наконецъ, дошли мы до невѣроятнаго minimum'a... Наконецъ, мы дошли до того, что стали довольствоваться гг. Скабичевскими, Михайловскими, Златовратскими». Но г. Тиличевъ не договариваетъ до конца, и не понимаетъ, что мы пошли еще гораздо, гораздо дальше. Мы дошли уже до гг. Тиличевыхъ, Зарубинныхъ, Нелидовыхъ, Кашгаревыхъ и безчисленныхъ буквъ и псевдонимовъ «Руси», «Новаго Времени», «С.-Петер. Вѣд.» и прочихъ патріотическихъ и непатріотическихъ изданій.

Да, дѣйствительно, пора опомниться! Это г. Тиличевъ вѣрно говорить.

Но какъ опомниться? Въ чемъ это будетъ выражаться? Спасеніе въ славянофильствѣ, отвѣчаетъ г. Тиличевъ, и его отвѣтъ понятенъ. Бывшій искатель уже утонулъ лбомъ въ стѣну, уже ничего, кромѣ стѣны своей, не видитъ. Такихъ стѣнъ, разумѣется, много; у каждаго своя. Но я именно и хочу теперь свести читателей съ точкою зрѣнія какой-бы то ни было «своей стѣны», чтобы взглянуть à vol d'oiseau на общій видъ загроможденнаго поля російской мысли.

Оставимъ на минуту свои стѣны. Для того, чтобы показать всю обманчивость ихъ прочности, я уважу на того-же г. Тиличева. Вотъ онъ говоритъ: «славянофильство», и, между прочимъ, на своихъ несчастныхъ 10 страничкахъ даетъ по крайней мѣрѣ 20 самыхъ умопомрачительныхъ отзывовъ о славянофильствѣ. Извольте, напр., понять хоть слѣдующее: «Истинныхъ славянофиловъ было очень мало, и къ числу ихъ можно причислить развѣ покойкаго Ф. М. Достоевскаго, нашихъ специалистовъ-историковъ, профессора В. С. Соловьева, и сотрудниковъ (!!!) «Русской Мысли» и «Земства». Далѣе: «славянофильство» не есть ученіе отдѣльнаго кружка или партіи: оно можетъ быть и консервативнымъ и либеральнымъ и радикальнымъ. Есть только два признака, по которымъ можно узнать всякое славянофильство: оно всегда *національно* *) и *религіозно*. Но тогда почему-же не славянофилъ г. Катковъ? А тѣмъ паче, почему не славянофилъ г. Аксаковъ? Наконецъ, если есть только два указанные признака славянофиловъ, то кто-же смѣетъ говорить еще о какихъ-то *истинныхъ* славянофилахъ. На какомъ основаніи Достоевскій есть *истинный* славянофилъ, а г. Катковъ или кн. Мещерскій—вовсе даже не славянофилы?

Читатели могутъ замѣтить, что эта безсвязица принадлежитъ

*) За отсутствіемъ новыхъ пророковъ, иной разъ бесполезно вспомнить стариковъ. Еще Бѣлинскій указывалъ смѣшныя стороны національнаго напыживанья, старанья быть національнымъ. Национальный духъ, національныя особенности, говорилъ онъ,—необходимы для публициста и общественнаго дѣятеля. Но они отражаются въ немъ *сами*, въ силу того, что онъ русскій, живетъ въ Россіи, дѣйствуетъ между русскими. Стараніе, поддѣлка тутъ смѣшны и бесполезны. Если-же хочешь проникнуться національнымъ духомъ, то будь честенъ, служи народу, не поступаясь своей правдой ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ: тогда духъ народа будетъ самъ входить въ тебя черезъ всѣ поры. Будь только съ народомъ, и духъ народный не покинетъ тебя.

Такимъ человѣкомъ былъ и самъ Бѣлинскій, этотъ типичный русскій чело-вѣкъ, также мало думавшій о націонализмѣ своемъ, какъ не думали объ этомъ Аввакумы, Ермаки и Хмельницкіе.

лично г. Тиличеву. Совершенно вѣрно. Но я замѣчу съ своей стороны, что безсвязица не у одного г. Тиличева, а почти повсюду, куда ни взглянешь. Въ этомъ вся сила и все горе. Я именно указываю, что не только г. Тиличевъ, а даже дѣйствительно сильные люди не могутъ не создать чепухи, если они изолированы отъ всего остального міра. Это во-первыхъ. А затѣмъ я еще возвращусь на минуту къ г. Тиличеву.

Славянофилъ, если онъ человѣкъ не особенно узкій, желая опредѣлить какіе-нибудь прочные и точные исходные пункты своего ученія, дѣйствительно врядъ-ли отыщеть что-нибудь другое, кромѣ *національности* и *религии*. Но націонализмъ и религія, поставленныя въ основу ученія, могутъ привести къ самымъ разнообразнымъ выводамъ. Героиня кн. Мещерскаго говоритъ «хочу быть русскою», но и народникъ, не славянофилъ, а радикаль-народникъ, говоритъ «хочу быть русскимъ». Кто-же изъ нихъ на самомъ-то дѣлѣ русскій? Общая формула этого не рѣшается. Даже нѣкоторые поправки, въ родѣ замѣны религіи *православіемъ*, какъ дѣлаютъ иногда, ничего не помогаетъ, ибо именно въ народѣ признаютъ себя православными десятки сектъ, не имѣющихъ ничего общаго съ православіемъ Греко-Россійской церкви.

Я веду свое разсужденіе къ тому, что даже въ Тиличевскомъ рѣшеніи вопроса, онъ на самомъ дѣлѣ не рѣшается. Если славянофильство, давъ направленіе, выражающее собою «органическое развитіе» русскаго народа, можетъ быть въ политикѣ либеральнымъ, радикальнымъ, консервативнымъ, въ религіи—ортодоксальнымъ, вообще христіанскимъ, деистическимъ и, наконецъ, раціоналистическимъ (ибо все это несомнѣнно есть въ народѣ)—то что-же сказалъ г. Тиличевъ, указавши на славянофильство? Ровно ничего. Для того, чтобы общіе принципы націонализма и религіи воплотились въ какое-нибудь опредѣленное, жизненное ученіе, нужно эти общіе принципы сперва разработать, т. е. нужна опять коллективная работа общественной мысли и формулировка великаго пророка. Мы-же ни того, ни другого не имѣемъ, а потому разработка націонализма для насъ настолько-же недоступна, какъ разработка космополитизма.

Безъ сомнѣнія, въ русскомъ обществѣ найдется немало людей, которые скажутъ: «и не важно». Въ лагерѣ слѣпыхъ консерваторовъ послышатся даже голоса: «такъ и нужно». Дѣйствительно, мы часто повторяемъ прописную истину, что слово есть лучший даръ Божій, но въ дѣйствительности третируемъ мысль и слово, какъ чуму, какъ заразу. Такое отношеніе особенно замѣчается въ средѣ людей, претендующихъ на практич-

ность. Но, къ несчастью, эта узкая практичность слишкомъ близорука, и не замѣчаетъ, что вредить именно тѣмъ интересамъ, во имя которыхъ она душитъ мысль и слово.

Всѣ эти интересы относятся къ рубрикамъ тишины, порядка и спокойствія. Но, соблюдая до поры до времени жертвую тишину и безжизненное спокойствіе, мы готовимъ на будущія времена страшные беспорядки.

Затрудняя работу общественной мысли, отнимая главные орудія этой работы, т. е. свободное слово у литературы, мы на первыхъ порахъ водворяемъ дѣйствительно тишину. Но люди тѣмъ не менѣе живутъ и думаютъ. Не имѣя возможности обмѣниваться результатами своего опыта и своихъ размышленій, они только становятся односторонни; развитіе мысли принимаетъ уродливый характеръ. Народная жизнь во всей совокупности, со всей сложностью своихъ частныхъ условій, не можетъ рисоваться отчетливо ни для кого. Каждый живетъ крошечнымъ опытомъ своей семьи, своего ремесла, своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ. По указаніямъ этого муравейника у каждаго складываются его убѣжденія, основанія для критики и идеаловъ. *Общаго* опыта не существуетъ. Частная, кустарная, такъ сказать, мысль не въ состояніи обобщиться въ крупныя партіонныя міросоверзанія.

Можетъ быть, и это хорошо? Можетъ быть, и этакъ спокойнѣй жить? Напрасная надежда. При возможности правильнаго обмѣна опыта, мысли, убѣжденія—въ народѣ дѣйствительно формируются сильныя, единомыслящія группы, партіи, съ которыми нельзя не считаться. Но зато народъ вообще, и въ частности каждая партія пріобрѣтаетъ ясныя, провѣренныя, осуществимыя практическіе идеалы; эти идеалы при самомъ своемъ формированіи сравнивались и потому болѣе или менѣе приспособлялись одинъ къ другому. Между отдѣльными мнѣніями происходитъ соглашеніе, или хоть намѣчается возможность соглашенія, а потому для правительствъ легко опредѣлять дѣйствительно необходимыя мѣры и осуществлять ихъ. Государственная дѣятельность получаетъ возможность правильнаго разчета и *несомнѣнную*, т. е. вѣрную опору въ огромныхъ, сплоченныхъ нравственно массахъ. Наши гасители и охранители, напр., г. Катковъ, указываютъ иногда (какъ было недавно въ «Моск. Вѣд.»), что правительства европейскія, въ лицѣ ловкихъ министровъ совершенно самовластно распоряжаются въ странѣ, опираясь на разныя фракціи парламента. Это ставится яко-бы доказательствомъ въ пользу того, что парламентскій режимъ *ничего не достигаетъ*. Но на самомъ дѣлѣ такое указаніе доказываетъ только, какой сумбуръ

царствуетъ въ понятіяхъ нашихъ охранителей. Что-же они воображаютъ, будто парламентскій режимъ имѣетъ цѣлью анархію, беспорядокъ, безсиліе власти? Между прочимъ, такъ полагаетъ и г. Тиличевъ *), но ему, положимъ, простительно. Г.-же Катковъ болѣе четверти вѣка, по обязанности, слѣдитъ за литературой и общественной жизнью, а потому долженъ-бы знать, что парламентскій режимъ возникъ именно какъ средство создать сильную власть, основанную на довѣріи общества. Слѣдовательно, если Гамбетта, или Бисмаркъ или еще кто, опираясь на партіи, дѣйствительно имѣютъ, какъ увѣряютъ «Моск. Вѣд.», власть, превышающую власть султановъ, то это доводъ не противъ парламентаризма, а въ пользу его.

Итакъ, я говорю, свободное развитіе общественной мысли даетъ прочное основаніе государственному порядку, хотя, разумѣется, создаетъ общество развитое, сознательное, сильное единствомъ. Условія, затрудняющія развитіе общественной мысли, приводятъ къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Соглашенія здѣсь не можетъ быть, потому-что соглашеніе требуетъ обсуждения, обмѣна мыслей. Крупныхъ партій здѣсь поэтому не возникаетъ, но зато народъ дробится на тысячи мелкихъ группокъ, изъ которыхъ каждая несетъ свои иллюзіи, свое неудовольствіе, свои требованія и, не зная требованій другихъ группъ, не желаетъ ничѣмъ поступиться. Ни логика, ни нравственное чувство не подсказываетъ необходимости уступокъ, когда неизвѣстны требованія и нужды другихъ людей. Одностороннія стремленія тысячи кружковъ, въ невѣденіи посягающихъ на права другъ друга, разумѣется, не могутъ быть удовлетворены просто физически, а неудовлетвореніе все-таки порождаетъ раздраженіе и недовѣріе. Такимъ образомъ подрывается первое условіе порядка—довѣріе къ власти. А между тѣмъ, въ виду безпоркойныхъ элементовъ, власть, не имѣя передъ собою крупныхъ, сильныхъ партій, не имѣетъ, однако, и подъ собою опоры, ибо народъ разобщенъ и ни для чего опоры дать не можетъ. Остаются чисто-механическія средства воздѣйствія, но ужъ нынче едва-ли кто-нибудь питаетъ къ нимъ особое довѣріе.

Для того, чтобы понять всю непригодность для гражданской жизни принципа *divide et impera*, рекомендуемаго консерваторами, продолжимъ мысленно обрисованное положеніе дѣль до его логическихъ послѣдствій. Что выйдетъ?

*) См., напр., 50 стр. «...Наши же-либералы и же-радикалы, подъ личиною прогрессивнаго ученія, проповѣдуютъ намъ самые анти-государственные, т. е. анархическіе принципы» и т. д. и т. д.

Тысячи группъ недовольныхъ, то есть неудовлетворенныхъ, какъ ни безсильны они каждая въ отдѣльности, въ совокупности представляютъ грозную разрушительную силу. Создать что-нибудь для нихъ трудно, даже невозможно, пока они не столкнутся, не поступятся взаимно противоположными интересами. Но это соглашеніе возможно лишь тогда, когда явится свободное обсужденіе. До тѣхъ поръ—это сила исключительно разрушительная. Лучшей, болѣе цѣлесообразной для разрушенія силы—нельзя себя даже представить. Эти люди—не идутъ ни на какіе компромиссы, потому-что даже не подозреваютъ необходимости компромисса. Это въ своемъ родѣ фанатики, не вслѣдствіе силы чувства, не вслѣдствіе безпредѣльной вѣры, а просто отъ узости горизонта, по непониманію чего-бы то ни было, кромѣ своей маленькой идейки. Безъ сомнѣнія—это фанатизмъ самого худшаго сорта. Фанатизмъ вѣры есть великая сила, способная все разрушить, но способная все и возсоздать изъ развалинъ. Безъ фанатизма вѣры даже нѣтъ настоящаго, гениальнаго созиданія. Фанатизмъ узости, напротивъ, не имѣетъ никакого созидательнаго значенія, но зато въ дѣлѣ разрушенія нѣтъ лучшей силы, болѣе беспощадной, болѣе самоувѣренной, болѣе неутомимой.

Допустимъ теперь, что народъ, благодаря отсутствію всѣхъ обобщающихъ условій, весь дифференцировался, раздробился. Это случай почти невозможный, но лишь по невозможности вполне осуществить принципъ *divide et impera*. Общая-же тенденція принципа именно такова. Что-же выйdetъ? Что дѣлать правительству? Удовлеть разношерстныя требованія—невозможно. Подавлять ихъ—но и подавлять можно лишь до поры до времени, потому-что само правительство черпаетъ свои силы изъ народа, и анархическое состояніе умовъ передается повтому самимъ агентамъ власти. Наконецъ, подавленіе возможно лишь тогда, когда дѣло идетъ о явленіяхъ все-таки частныхъ. Репрессалія, обращенная противъ *всѣхъ*, теряетъ всякое значеніе, ибо по необходимости становится слабой, а стало-быть, никого не устрашая, всѣхъ раздражаетъ. Проявленія неудовольствія повтому только растутъ и умножаются. Они дѣлаются все болѣе смѣлыми, потому-что все чаще остаются безнаказанными и необузданными. Начинаются случаи самоуправства, а сила правительства таетъ, потому-что повторяю, она черпается изъ того-же разнузданнаго народа и общества...

Когда дѣло доведено до такого положенія—остается только воскликнуть *miserere!* Выхода тутъ нѣтъ, мѣръ никакихъ не можетъ быть. Только внутренняя, молекулярная работа общественнаго организма, получившаго возможность свободно функ-

ціонировать—хотя путемъ временной анархіи, можетъ переварить и привести къ какому-нибудь единству всю накопившуюся путаницу понятій интересовъ, и только тогда становится возможнымъ возстановленіе порядка. Дорогою цѣной достается народу это обновленіе, и едва-ли можно поручиться, что оны всегда въ состояніи выдержать такой кризисъ.

Французская революція въ концѣ прошлаго столѣтія представляетъ именно такого рода картину.

Я далека отъ мысли отыскивать, подобно «Русскому Вѣстнику», полную аналогію между положеніемъ Россіи и Франціи. Наше положеніе до сихъ поръ представляетъ много драгоцѣнныхъ преимуществъ, но тѣмъ непростительнѣе было-бы ими не воспользоваться. Я далека и отъ мысли, проповѣдуемой «Русью», будто одна свобода слова сама по себѣ можетъ поставить насъ на путь правильнаго развитія. Мнѣ уже приходилось даже указывать на тѣсное соотношеніе, въ какомъ находится свобода слова къ общественной самодѣятельности. Понятно, что не однимъ положеніемъ прессы обуславливается возможность развитія для общественной мысли. Я обратилъ особенное вниманіе на условія печати только потому, что они становятся ужъ чрезчуръ неблагопріятными, и потому, что положеніе прессы служитъ у насъ лучшимъ указателемъ положенія мысли. Оно отражается, какъ солнце въ малой каплѣ воды, и въ «Голосѣ», и въ отсутствіи учителей, и въ созданіяхъ гг. Тиличевыхъ. Оно не можетъ возбуждать ничего, кромѣ самыхъ серьезныхъ опасеній, и мы должны измѣнить это положеніе, если не хотимъ услышать страшнаго голоса исторіи, безжалостно отвѣщающаго на всякія запоздалыя мѣропріятія: *trop tard, trop tard!*

УДАЧНАЯ ПРОПАГАНДА.

На дняхъ (въ июлѣ 1881 г.) явилась въ свѣтъ брошюра подъ заглавіемъ: «5-й докладъ въ комиссію императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства по вопросу о хуторахъ и современныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства». Брошюра эта посвящена вопросу о превращеніи общественныхъ земель въ подворное владѣніе и ей придается такая важность, что она распространяется безвозмездно. Свѣденія со всѣхъ концовъ русской земли, собранныя администраціею и земствомъ, изложены въ ней въ самомъ сжатомъ видѣ на тридцати-двухъ страницахъ, такъ, чтобы всякій легко могъ бы ихъ прочесть и усвоить ихъ премудрость, т. е. квинтэссенцію вопроса. Тутъ доказывается русскому народу, что движеніе къ подворному наследственному владѣнію все болѣе развивается, что его слѣдуетъ распространить на всю Россію съ цѣлью улучшенія земли продолжительнымъ пользованіемъ, что въ общинномъ владѣніи можно оставить плохія земли, а всѣ плодоносныя непременно, даже насильственно, путемъ законодательнаго предписанія, превратить въ подворные участки.

Если-бы цѣль заключалась въ улучшеніи земли продолжительнымъ владѣніемъ, то, разумѣется, слѣдовало-бы совѣтывать подворное пользованіе прежде всего для плохихъ земель, гдѣ улучшеніе требуетъ наибольшаго приложенія капитала и труда. Слѣдовательно, ясно, что совѣтъ направленъ вовсе не къ улучшенію земли, а къ тому, чтобы сдѣлать плодородную почву продажной и перевести ее въ руки другихъ землевладѣльцевъ, плохую-же оставить въ рукахъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они платили за нее болѣе, чѣмъ она даетъ чистаго дохода. Брошюра, конечно, предполагаетъ, что русскій народъ глупъ и этого не разберетъ, наматываютъ-же себѣ на усъ тѣ, кому это нужно, т. е.

одни крупные землевладельцы. Впрочемъ, и крупные землевладельцы далеко не предполагаются достаточно проникательными, чтобы понимать тонкіе намеки, а потому, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, имъ прямо тычется въ глаза, что въ общинномъ владѣніи должны оставаться преимущественно тѣ плохія земли, на которыхъ платежи крестьянъ превышаютъ поземельный доходъ,—оно должно быть вконецъ дискредитировано.

Но не въ этомъ заключается для насъ интересъ брошюры; къ такой эквилибристикѣ крѣпостниковъ и людей, жаждущихъ чужой земли, мы давно уже привыкли; она курьезна и забавна тѣмъ, что факты, въ ней приведенные, самымъ рѣзкимъ образомъ опровергаютъ ея заключенія. Несмотря на все изобиліе курьезовъ, подобныхъ примѣровъ наивности, доходящей до геркулесовыхъ столбовъ, отыщется въ нашей литературѣ не много.

Въ образецъ стариннаго подворнаго владѣнія и его прелестей приведенъ золотоношенскій уѣздъ полтавской губерніи. Свѣденія какъ нельзя болѣе достоверны, потому что доставлены столь компетентнымъ лицомъ, какъ непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія. Общій результатъ подворнаго владѣнія въ этой мѣстности слѣдующій. Въ степной полосѣ приходится крестьянскаго владѣнія отъ 3-хъ до 1½ десятинъ на душу, въ бережной, прилегающей къ рѣкѣ Днѣпру, по ½ десятины. Къ тому-же этими громадными и цвѣтущими участками владѣтъ меньшинство, большинство-же вовсе не имѣетъ земли и, по выраженію брошюры, живетъ на однихъ грунтахъ. Хлѣбъ свой крестьяне зарабатываютъ у зажиточныхъ казаковъ и помѣщиковъ; крупные землевладельцы получаютъ чрезъ такой порядокъ вещей возможность пользоваться самымъ дешевымъ трудомъ, т. е. трудомъ женщинъ и дѣтей, которыми и довольствуются; взрослые-же мужчины, какъ пролетаріи, такъ и домохозяева отправляются на заработки въ другія губерніи. Не правда-ли, производство достигло максимума экономичности! Представьте себѣ подворное владѣніе распространеннымъ по всей Россіи, помѣщики довольствуются дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей, а все взрослое мужское населеніе уходитъ на заработки въ сосѣднія государства,—тогда и умирать не надо, царство небесное будетъ у насъ на земли. Миѣ даже не вѣрится, чтобы экономичность производства и благоденствіе населенія были такъ безпредѣльны въ золотоношенскомъ уѣздѣ; неужели-же все мужское населеніе до послѣдняго человѣка уходитъ въ сосѣднія губерніи, не украсила-ли брошюра?—Далѣе этотъ порядокъ привелъ къ тому, что малороссіянинъ полюбилъ свой небольшой уголокъ земли и твердо держится на немъ, но съ большою

грустью долженъ продавать его. Несмотря на свою грусть, онъ все-таки не жалѣетъ, если земля переходитъ къ его собрату; къ несчастью, даже это бываетъ рѣдко, въ большинствѣ случаевъ земля переходитъ къ евреямъ и притомъ не покупается, а захватывается за ничтожные долги чрезъ приростъ чудовищныхъ процентовъ; на землю крестьянина налетаетъ не одинъ жидъ, а цѣлый кагалъ его родичей со школой и меламедомъ во главѣ. Чрезъ это все хозяйство крестьянъ поглощается кабаками и пронырствомъ жидовъ, всякое улучшение въ немъ дѣлается невозможнымъ. Итакъ, вотъ благодатный результатъ подворнаго владѣнія землею въ золотоношенскомъ уѣздѣ: *«всякое улучшение въ хозяйствѣ крестьянъ дѣлается невозможнымъ»*.

Торопитесь какъ можно скорѣе распространить это владѣніе по всей Россіи. Брошюра доказываетъ, что это вовсе не исключительное явленіе золотоношенскаго уѣзда; напротивъ, оно такъ всеобще въ коренныхъ земляхъ подворнаго владѣнія, что за немѣнѣемъ у крестьянъ защитниковъ за нихъ пришлось вступить дворянству. Черниговское дворянство въ маѣ нынѣшняго года *единогласно* постановило ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы воспретить евреямъ пріобрѣтать въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній недвижимую собственность. Прелестно, но вѣдь міръ не сошелся клиномъ на евреяхъ, кулаки выходятъ и изъ крестьянъ, изъ мѣщанъ, купцовъ, чиновниковъ, однимъ словомъ—изъ лицъ всѣхъ сословій; съ распространеніемъ подворнаго владѣнія придется ходатайствовать о воспрещеніи пріобрѣтать недвижимую собственность всѣмъ сословіямъ, кромѣ помѣщиковъ, можетъ быть даже, кромѣ членовъ московскаго общества сельскаго хозяйства. И что же будетъ тогда? Тогда водворится идеальный порядокъ, указанный въ брошюрѣ опять-таки самымъ компетентнымъ лицомъ, предсѣдателемъ крестьянскаго присутствія въ евпаторійскомъ уездѣ. Онъ указываетъ на мѣстность съ населеніемъ въ 7,720 душъ, изъ нихъ 1,538 душъ имѣютъ 12,947 десятинъ земли, 180 человекъ—4,995 десятинъ, а остальные 6,002 души не имѣютъ ничего, а живутъ на земляхъ помѣщиковъ. Къ несчастью, ничего не сказано о благодатномъ процвѣтаніи этихъ крупныхъ владѣній, съ населеніемъ пролетаріевъ, поглощающимъ богѣе трехъ четвертей всего крестьянства.

Впрочемъ, въ послѣднее время у насъ появилось такое множество проповѣдниковъ и распространителей консерватизма, что сдѣлалось слишкомъ легко пополнять подобные недостатки изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., нынѣшнимъ лѣтомъ ярославское земство опубликовало даже поименный списокъ усадебъ

крупныхъ землевладѣльцевъ губерніи съ указаніемъ размѣровъ хозяйства, сѣвооборотовъ, употребляемыхъ машинъ и т. д. *), да прославятся ихъ имена въ нашемъ отечествѣ. Тутъ вы встрѣчаете и четырехъ- и шести- и семи-польныя хозяйства, и сѣялки, и вѣялки, и всякія чудеса, вы знакомитесь съ слѣдующими, достойными подражанія, примѣрами: усадьба Пушкино, хозяйство четырнадцати-польное, паровая и другія машины и проч., изъ 5,000 десятинъ обработано 229, коровъ 164; усадьба Ивановская—10,073 десятины, обработано 30, коровъ 61. Всѣхъ усадебъ свыше 3,000, десятинъ 15, въ нихъ земли 128,275¼ десятинъ, въ томъ числѣ обработанной 3,436 десятинъ, при нихъ скота: рогатаго—1,384, мелкаго—684. Оно и понятно: вести убыточное хозяйство и для крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ возможно только въ ограниченномъ размѣрѣ; но если-бы такой режимъ получилъ всеобщее примѣненіе, то не только взрослымъ мужчинамъ изъ крестьянъ, но и всѣмъ намъ пришлось-бы, за недостаткомъ пищи, разсѣяться по сосѣднимъ государствамъ и въ Россіи остались-бы одни калѣки и немощныя женщины и дѣти. Если къ нимъ присовокупить признаваемые брошюрою зловредныя кулацкія хозяйства, то положеніе улучшится значительно; сводъ свѣденій объ отдѣльныхъ хозяйствахъ показываетъ въ нихъ всего 359,301 десятину, въ томъ числѣ обработанныхъ 27,136 десятинъ, и при усадьбахъ скота: рогатаго—9,976, мелкаго—4,689. Но и послѣ кулацкаго усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ, четыремъ пятымъ населенія средней европейской Россіи придется убраться за-границу, потому-что если обработана только одна десятина изъ тринадцати и приходится только одна штука рогатаго скота на 36 десятинъ, то населеніе должно быть въ пять разъ рѣже.

Наиболѣе выдающійся примѣръ раздѣленія общинной земли на подворные участки даетъ брошюрѣ тульская губернія. Тамъ 162 общества перешли къ подворному владѣнію. Брошюра во-зится съ нимъ, своимъ тульскимъ примѣромъ, какъ блока съ цыпленкомъ, разсматриваетъ его со всѣхъ возможныхъ сторонъ и преподаетъ публикѣ слѣдующія, дѣйствительно убѣдительныя данныя. Изъ помянутыхъ 162 обществъ перешли къ подворному владѣнію: въ 1863 г.—3, въ 1864 г.—20, въ 1865 г.—50, въ 1866 г.—20, въ 1867 г.—24, въ 1868 г.—10, въ 1869 г.—15, въ 1870 г.—7, въ 1871 г.—6, въ 1872 г.—1, въ 1873 г.—0, въ 1874 г.—1, въ 1875 г.—5, и затѣмъ конецъ. Цифры эти

*) Свѣденія объ отдѣльныхъ хозяйствахъ по ярославской губерніи. Ярославль, 1881.

дѣйствительно убѣдительно, но они доказываютъ не то, что стремленіе къ подворному владѣнію у крестьянъ развивается, а наоборотъ, что стремленіе это падаетъ и прекращается даже и тамъ, гдѣ оно обнаружилось всего сильнѣе. Но не въ этомъ дѣло, а дѣло въ томъ разъясненіи явленія, которое даетъ сама брошюра. Она показываетъ, что если въ тульской губерніи переходъ къ подворному владѣнію получилъ такіе большіе размѣры, то это зависѣло исключительно отъ того, что въ началѣ освобожденія мировые посредники имѣли въ рукахъ своихъ громадныя средства для принужденія крестьянъ къ тому или другому образу дѣйствія, смотря по своему желанію *), и что въ тульской губерніи они употребили свою власть или, какъ нѣжно выражается брошюра, *свое вліяніе*, для принужденія крестьянъ къ переходу къ подворному владѣнію. Поэтому и переходъ къ подворному владѣнію имѣлъ наибольшіе размѣры тамъ, гдѣ насиліе мировыхъ посредниковъ проявилось съ наибольшей энергіей; въ ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ посредники проявили самую безцеремонную развязность, къ подворному владѣнію перешло 69 обществъ, а въ четырехъ уѣздахъ, гдѣ они относились индифферентно—ни одного. Въ семидесятыхъ годахъ, когда мировые посредники не могли уже болѣе за послушаніе сажать въ острогъ безъ суда и слѣдствія и пороть до полусмерти крестьянъ массами, не разбирая праваго и виноватаго, и переходы къ подворному владѣнію почти прекратились. Далѣе брошюра высказываетъ, что переходъ къ подворному владѣнію могъ быть вынуждаемъ мировыми посредниками только съ помощью и при усердномъ давленіи на крестьянъ кулаковъ или, какъ деликатно выражается брошюра,—зажиточныхъ домохозяевъ. Поэтому тамъ, гдѣ земля плоха, и въ особенности гдѣ платежи превышаютъ поземельную ренту, т. е. тамъ, гдѣ захватъ земли не представляется заманчивымъ для кулацкой жадности, мировые посредники никакимъ давленіемъ не могли принуждать крестьянъ переходить къ подворному владѣнію.

Этимъ блистательно опровергается заявленіе брошюры, будто круговая порука вынуждаетъ добропорядочныхъ крестьянъ стремиться къ подворному владѣнію. Круговая порука остается мертвой буквой, а потому она никакихъ стремленій въ крестьянахъ не вызываетъ. Добропорядочные крестьяне встрѣчаются, разу-

*) За малѣйшее послушаніе мировымъ посредникамъ, крестьяне тогда по одному мановенію руки посредника сажались въ острогъ и поролось до полусмерти сотнями безъ суда, слѣдствія и какого-бы то ни было разбирательства, правъ или виновать. См. для примѣра дѣло чериской слободы, шацкого уѣзда, „Историческій Вѣстникъ“, іюнь, 1881.

мѣется, одинаково въ селеніяхъ, расположенныхъ и на хорошей и на дурной землѣ, слѣдовательно, если-бы раздѣленіе на подворные участки было желательно по какимъ-нибудь финансовымъ или экономическимъ недостаткамъ общиннаго владѣнія для добродорядочныхъ крестьянъ, а не для кулаковъ; то для мировыхъ посредниковъ было-бы легче склонять къ переходу общества съ плохими землями, чѣмъ съ хорошими, ибо на плохихъ земляхъ эти недостатки отзывались-бы гораздо существеннѣе.

Восхищеніе, съ которымъ кулаки, тульскіе мировые посредники, а за ними и сочинители брошюры стремятся къ раздѣленію дающихъ высокую ренту плодородныхъ земель на подворные участки вполнѣ выясняются слѣдующими приведенными въ брошюру результатами продажи подобныхъ участковъ: 1-й случай, участокъ 6 десятинъ, за долгъ въ 21 р. 30 к.; 2-й—21 десятина за долгъ въ 50 р. 40 к.; 3-й—3 десятины за долгъ въ 7 р. 20 к.; 4-й—12 десятинъ за долгъ въ 28 р. 80 к.; 5-й—6 десятинъ за долгъ въ 10 р. 80 к.; всѣ они куплены съ надбавкой по 20 к. на участокъ. Ну, не благодать-ли это для всякаго сердца кулака и крупнаго землевладѣльца. Въ мѣстности, гдѣ за плохую землю приходится платить отъ 11 до 15 руб. ежегодной аренды съ десятины, можно, съ помощью подворнаго владѣнія, схватить у крестьянина десятину въ собственность за 1 руб. 80 к. и въ максимумъ за 3 р. 55 к. При этомъ можно обезземелить крестьянское семейство и на-вѣки пустить по-миру за долгъ, не превышающій какихъ-нибудь семи и десяти рублей.

Обращаясь къ ходу дѣла превращенія общинныхъ земель въ подворные участки, брошюра замѣчаетъ, что вообще перехода этого желаютъ исключительно одни кулаки или, какъ она выражается, зажиточные домохозяева, которые даже вмѣстѣ съ запутавшимися въ ихъ сѣтяхъ повсемѣстно составляютъ меньшинство, и потому результатъ не можетъ быть достигнутъ безъ внѣшняго давленія на крестьянъ и принудительныхъ мѣръ. Въ виду умильтельнаго зрѣлища пусканія по-миру крестьянскихъ семействъ за долгъ въ семь рублей, я полагаю, что русское общество должно пламенно возжелать подобныхъ принудительныхъ мѣръ.

Затѣмъ данныя, приведенныя въ брошюру, показываютъ, что ради ослабленія послѣдствій превращенія общиннаго владѣнія въ подворное, крестьяне рѣшительно отказывались отъ исполненія основнаго требованія такого превращенія, то-есть, отъ раздѣленія земли на отдѣльные отрубные подворные участки; въ тульской губерніи даже нѣтъ ни одного домохозяина, который-бы получилъ подобный участокъ. Затѣмъ они продолжали пере-

дѣлать земли по душамъ и распоряжаться на ней сходомъ, какъ распоряжаются и на общинныхъ земляхъ. Въ такое короткое время, какое прошло со времени установленія подворныхъ участковъ, крестьяне не могли-бы даже и замѣтить, что перешли отъ общиннаго владѣнія къ прямо-противоположному принципу, въ особенности тамъ, гдѣ передѣлы продолжались,—если-бы не случаи продажи участковъ, которые ихъ сильно возбуждали и озлобляли, какъ нѣчто вовсе не входившее въ ихъ планы.

Затѣмъ, брошюра говоритъ о выкупѣ отдѣльными членами общины безъ ея согласія своихъ участковъ на основаніи статьи 165 пол. и съ восторгомъ повторяетъ, что этотъ законъ есть краеугольный камень для разрушенія общины. Оно и справедливо, черезъ него всякій кулакъ можетъ принудить всякаго запутавшагося въ долгахъ крестьянина продать ему въ вѣчность свой поземельный надѣлъ. Однако-же, кулаки пользовались этимъ только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и изъ брошюры видно, что причина заключается въ ожесточенной оппозиціи обществъ противъ такихъ покушеній. Крестьяне рѣшительно противились выдѣленію отрубныхъ участковъ и послѣ номинальнаго выдѣла продолжали распоряжаться ими, какъ прочими землями и даже вводили по-прежнему въ передѣлъ; однимъ словомъ—крестьяне дѣлали положеніе кулака настолько неприятнымъ и не заманчивымъ, насколько могли сдѣлать.

Кромѣ веселыхъ мыслей, вызываемыхъ фактами брошюры, рѣзко опровергающими ея заключенія, они порождаютъ мысли весьма серьезныя и даже мрачныя. Я неоднократно говорилъ въ печати о необходимости изъять изъ области гражданскаго права и подчинить исключительно одному публичному праву земли общинныя, государственныя, однимъ словомъ—всѣ, кромѣ принадлежащихъ частнымъ лицамъ, по отношенію къ которымъ частное право собственности должно быть уничтожено только посредствомъ купли ихъ для общинъ государствомъ. Однако-же, сколько мнѣ извѣстно, никто не проявилъ въ печати или иначе сознанія необходимости такого образа дѣйствія и опасностей, вытекающихъ изъ безвыходныхъ противорѣчій въ современномъ законодательствѣ. Люди, сочувствующіе высказанному мною въ печати плану приобрѣтенія земель для общинъ въ обширныхъ размѣрахъ, возражаютъ, когда я говорю противъ процентнаго кредита для покупки земель, слѣдовательно, имъ вовсе не присуще пониманіе опасностей отъ противорѣчій въ законѣ. Люди, сочувствующіе безповоротному праву общинъ и государства на надѣльную и государственную землю, относятся брюзгливо къ моему началу; пониманіе въ чемъ опасность современнаго за-

кона имъ такъ мало присуще, что имъ кажется даже, что я упустилъ изъ виду основные законы и факты въ этомъ дѣлѣ.

Въ средѣ крестьянства происходитъ въ настоящее время сильное и повсемѣстное броженіе идей, администрація приписываетъ его пропагандѣ социалистовъ, обязываетъ губернаторовъ и духовенство разубѣждать крестьянъ. Могу увѣрить администрацію, что она ошибается въ причинѣ броженія и что, вникнувъ хорошенько въ дѣло, она сама можетъ это понять. Прежде всего социалистовъ-революціонеровъ слишкомъ мало, чтобы произвести такое всеобщее явленіе. Идеи образованнаго класса прививаются къ крестьянамъ съ величайшимъ трудомъ; для того, чтобы крестьянинъ увѣровалъ въ такую идею, нужно ему повторять ее долго и упорно, между тѣмъ только самая ничтожная доля крестьянъ имѣла случай встрѣчаться и говорить съ социалистами, которые живутъ почти исключительно въ большихъ городахъ и въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ однимъ своимъ обществомъ. Предполагать, что мимолетныя сношенія ничтожной горсти людей могли породить такое повсемѣстное и глубокое явленіе, просто странность. Прочное вліяніе социалисты имѣютъ только на молодыхъ крестьянъ и притомъ число этихъ крестьянъ значительно менѣе числа образованныхъ социалистовъ. Молодые крестьяне вообще имѣютъ ничтожное вліяніе на образованіе крестьянскаго общественнаго мнѣнія, а юноша-крестьянинъ, воспитанный социалистами, скоро составляетъ себѣ новое міровоззрѣніе, которое отдѣляетъ его отъ прочихъ крестьянъ и становится особнякомъ, такъ-что его вліяніе на крестьянъ чрезъ это уменьшается, а не увеличивается. Главнымъ источникомъ броженія идей служатъ не эти элементы, а крестьянскіе ворота, тѣ, которые всего глубже погружаются въ водоворотъ интересовъ крестьянскихъ обществъ и тамъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются съ рѣзкими и глубокими противорѣчіями между жизнью, обычаями и законодательствомъ о крестьянахъ. Крестьянство дѣйствительно питается ихъ идеями, и если у нихъ въ головѣ броженіе, то это броженіе распространяется на все крестьянство. Поэтому вы встрѣчаете сильное броженіе и въ такихъ глухихъ углахъ, гдѣ никогда ни о социалистахъ, ни о социализмѣ не слыхивали.

Не трудно показать, какъ эти противорѣчія и броженіе идей порождаются нашимъ крестьянскимъ законодательствомъ чрезъ неестественное внесеніе идей частнаго права собственности въ такую сферу, въ которой стройность и порядокъ могутъ существовать только при исключительномъ господствѣ публичнаго права. Начнемъ хотя съ закона о раздѣленіи общественныхъ земель на подвор-

ные участки, которымъ мы только-что занимались. Всѣ наши либеральные журналы и газеты, въ особенности въ то время, когда они были противъ общиннаго владѣнія и за поземельную собственность, провозглашали, что законъ этотъ изданъ съ цѣлью, чтобы вопросъ о томъ, что лучше и полезнѣе: общинное владѣніе и ли собственность оставить въ рукахъ самихъ крестьянъ. Они находили, что безповоротное рѣшеніе такого спорнаго вопроса государствомъ составитъ деспотическую и насильственную мѣру. Я-бы отъ всей души согласился съ такимъ мнѣніемъ, если - бы возможно было въ этомъ дѣлѣ какое-бы то ни было другое рѣшеніе, кромѣ безповоротнаго. Законодательство попыталось удержаться отъ безповоротнаго рѣшенія, и что-же вышло? Наша администрація признаетъ опасными ученія социализма и коминизма, а между тѣмъ въ наше поземельное законодательство вкралось нѣчто стоящее несомнѣнно ниже, чѣмъ социализмъ и коминизмъ — это анархическое начало, открытая дверь для хищническихъ принциповъ. Если мы не хотимъ дожить до бѣды, то первымъ и настоятельнѣйшимъ дѣломъ нашего времени должно быть водвореніе порядка и стройности въ этой области. Не угодно ли полюбоваться.

Говорятъ, законъ о переходѣ къ подворному владѣнію созданъ съ цѣлью оставить разрѣшеніе вопроса объ общинномъ владѣніи или собственности въ рукахъ самихъ владѣльцевъ и убѣждены, что отъ крестьянъ зависитъ переходить отъ общиннаго владѣнія къ подворному и обратно. Разсматриваемая нами брошюра принадлежитъ консерваторамъ и специалистамъ, однако-же, и они убѣждены въ этомъ. Они говорятъ съ гордостью; «случаевъ обратнаго перехода цѣлымъ селеніемъ отъ подворнаго къ общинному владѣнію въ тульской губерніи не было». — И дѣйствительно, какое-же это было-бы предоставленіе самимъ крестьянамъ разрѣшенія вопроса объ общинномъ владѣніи и собственности, если какіе-нибудь мировые посредники, избранные исключительно изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ и дѣйствующие въ ихъ интересахъ, могутъ принудить общества перейти къ подворному порядку, а затѣмъ общества, избавившіеся отъ ихъ давленія, не могутъ сдѣлать обратнаго перехода. Если-же это право существуетъ, то что изъ этого выходитъ? — Выходитъ право двухъ третей общества отобрать у остальной трети ихъ поземельную собственность и обратить въ свое общинное владѣніе. Представьте себѣ, что община сдѣлалась всесословной, тогда она большинствомъ двухъ третей голосовъ будетъ имѣть право отобрать у всѣхъ принадлежащихъ къ ней крупныхъ землевладѣльцевъ землю и обратить въ общинное владѣніе. Такой выводъ

мечется вамъ въ глаза; вамъ кажется совершенно невѣроятнымъ и невозможнымъ, чтобы община могла имѣть право отбирать поземельную собственность большинствомъ двухъ третей голосовъ безъ вознагражденія, и все-таки это право за ней признается вслѣдствіе безнадежнаго у насъ смѣшенія по отношенію къ сельскимъ обществамъ какъ въ законѣ, такъ и въ юридической практикѣ понятій о публичномъ и частномъ правѣ, о правѣ собственности, правѣ владѣнія и правѣ пользованія; смѣшенія неизбѣжномъ при тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ установлено наше крестьянское законодательство въ шестидесятыхъ годахъ.

Возникъ вопросъ: имѣютъ-ли двѣ трети схода право отрѣзать у третьей трети сколько имъ вздумается земли и присвоить себѣ. Я доказывалъ подлежащимъ властямъ, что не имѣютъ, что право сельскаго схода есть право публичное, что это только право установлять порядокъ, равный для всѣхъ и не болѣе,—передъ публичнымъ правомъ всѣ равны, всѣ равны передъ закономъ. Нелѣпо понимать такимъ образомъ права схода, чтобы двѣ трети въ сельскихъ обществахъ Россіи могли отобрать у третьей трети ея землю и присвоить себѣ: надѣльная земля прямо называется въ законѣ собственностью тѣхъ, кто ея надѣленъ. Проповѣдывать право отбирать поземельную собственность значитъ проповѣдывать анархическіе и хищническіе принципы. Между тѣмъ юридическая практика рѣшила 'противъ меня, и случаи такихъ при своей встрѣчаются постоянно. Еще на дняхъ мнѣ рассказывали слѣдующій случай. Сельское общество состоитъ изъ двухъ деревень, одна окружена вполтора раза большимъ по душамъ количествомъ земли и притомъ лучшею землею, въ ней двадцать, а въ другой пять домохозяевъ; приговоромъ большинства двухъ третей она отобрала всю эту землю себѣ и приговоръ признанъ законнымъ. Итакъ, право члена общины на общинную землю есть право собственности, однако-же, это право не спасаетъ его отъ отобранія у него этой собственности, какое-же частное право можетъ спасти его. Въ брошюрѣ рассказывается, какой приемъ употребляется общинами, чтобы пускать частныя земли своихъ членовъ въ передѣлъ. Они лишаютъ собственника возможности точно отграничить свою землю. Но разъ земля пущена въ передѣлъ, лишь только собственникъ начинаетъ получать по жеребью тотъ или другой участокъ, онъ чрезъ это самое дѣлается общимъ собственникомъ передѣляемой земли со всѣми остальными членами общины. Если-бы общинныя земли признавались предметомъ публичнаго, а не частнаго права, то частный собственникъ рѣзко-бы выдѣлялся; несмотря на передѣлъ, его право остается совершенно отдѣльнымъ частнымъ правомъ, а теперь

его право есть право общей, подлежащей, по усмотрѣнію общины, передѣлу собственности точно также, какъ и право всякаго другого члена и, послѣдовательно разсуждая, юридическая практика должна признавать за общиной право отнять у него эту землю и присвоить другимъ.

Какъ скоро однажды за обществомъ признано право отбирать собственность, какъ скоро публичныя права схода, какъ органа самоуправления, сбиты въ одну кучу съ частными правами собственника земли, не мыслимо очертить предѣлы этого права.

Въ законѣ говорится о трехъ будто отдѣльныхъ юридическихъ понятіяхъ: подворное пользованіе, подворное наследственное *пользованіе* и постоянный наследственный участокъ и притомъ такъ, что понятіе: участокъ, находящійся въ подворномъ наследственномъ *пользованіи*, остается безъ всякаго примѣненія, потому что членъ общины съ самого начала признается собственникомъ, и всякое уничтоженіе передѣловъ превращаетъ его въ полного собственника, а отнюдь не въ обладателя однимъ правомъ пользованія. Между тѣмъ только относительно подворнаго наследственнаго пользованія можно съ грѣхомъ покаянъ вывести заключеніе, что община не имѣетъ права отбирать его по приговору двухъ третей, и выводъ этотъ будетъ стоять на несравненно болѣе слабомъ основаніи, чѣмъ мой выводъ о томъ, что право схода есть публичное, а не частное право. Выше-же мы видѣли, что мой выводъ отвергнуть юридическою практикою.

Смѣшеніе понятій выступаетъ еще ярче, если мы отъ общихъ началъ будемъ переходить къ частнымъ, напр., къ землямъ общинъ государственныхъ крестьянъ. На основ. ст. 1 и 5 указа 24 ноября 1866 г. государственные крестьяне признаны со дня изданія этого указа собственниками всѣхъ находившихся въ ихъ пользованіи земель и угодій. При самой малой доли осторожности законодатель не употребилъ-бы такого скользкаго выраженія, какъ: «сохраняютъ всѣ состоящія въ ихъ пользованіи земли и угодья»; мало-ли какими землями пользовались государственные крестьяне. Оно не прошло даромъ и породило между государственными крестьянами общераспространенное убѣжденіе, что у нихъ совершенно противозаконно отрѣзаютъ лѣса и земли. Законодатель долженъ былъ-бы заранѣе предвидѣть, что для крестьянъ невозможно ни прочесть, ни понять всего закона и что они усвоятъ себѣ только то, что покажется имъ наиболѣе яснымъ и убѣдительнымъ. Такою ясностью обладала для нихъ статья 5, провозглашавшая ихъ собственниками; при введеніи владѣнныхъ записей всѣ ихъ чтецы сосредоточивали ихъ вниманіе на этой статьѣ и при безвыходной туманности остальнаго,

они пришли къ убѣжденію, что на нихъ палагается оброкъ на двадцать лѣтъ и что черезъ двадцать лѣтъ они будутъ свободными собственниками.

Подобное пониманіе казалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что гос. крестьяне привыкли смотрѣть на себя, какъ на классъ привилегированный сравнительно съ крѣпостными и имъ казалось совершенно естественнымъ, что сравнительно съ сорока-девятилѣтнимъ срокомъ выкупа крѣпостныхъ имъ назначенъ болѣе короткій двадцатилѣтній. Увѣреніе, что этотъ двадцатилѣтній срокъ есть вовсе не срокъ выкупа, казалось имъ просто стремленіемъ ввести ихъ въ заблужденіе, заставить ихъ взять на себя лишній платежъ, за который чиновники получаютъ награды, какъ за очень выгодную для казны сдѣлку. Вслѣдствіе этого они повсемѣстно упорно отказывались отъ подобнаго выкупа, какъ хо-рошо извѣстно самой администраціи.

Обвинять ихъ въ такомъ ложномъ пониманіи глубоко несправедливо; въ законѣ о надѣленіи землею государственныхъ крестьянъ такая масса запутанныхъ понятій, въ которой не разобратся и самому опытному юристу, а не только крестьянину. Земля надѣловъ объявлена частной собственностью крестьянъ и въ то-же время признается частной собственностью государства, которое, кромѣ публичнаго права обложенія ея податями, обладаетъ еще самымъ существеннымъ правомъ частнаго собственника—произвольно возвышаемой аренды. Такимъ образомъ надъ той-же землей является два права собственности, самая рѣзкая юридическая несообразность. Еще можно было-бы согласить право собственности крестьянъ на надѣлъ съ правомъ казны на неизмѣнный оброкъ, отъ котораго собственникъ можетъ освободиться только черезъ выкупъ; но назначеніе срока, послѣ котораго собственникъ можетъ быть подвергнутъ произвольному возвышенію аренды, это такая чудовищная странность, что истиннѣ наши безграмотные крестьяне, истолковавъ этотъ срокъ въ смыслъ выкупа, проявили болѣе здраваго смысла, чѣмъ невѣжества. Ирландскіе лорды имѣютъ неотчуждаемое право собственности, а черезъ него произвольное право возвышенія аренды съ земель, находящихся въ рукахъ ирландскихъ фермеровъ; представьте себѣ, что англійское законодательство вздумало-бы объявить этихъ фермеровъ фермерами-собственниками земли,—какая вышла-бы изъ этого нескончаемая и не умиротворимая смута.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи законодатель тотчасъ почувствовалъ несообразность называть право крестьянъ собственностію и сталъ его называть то правомъ владѣнія, то правомъ поль-

зованія; но чрезъ это сдѣлалось окончательно неразрѣшимымъ, находятся-ли надѣлы въ собственности, во владѣніи или въ пользованіи крестьянъ. Послѣ такого неяснаго отношенія къ тому, что называется въ законѣ поземельной собственностью крестьянъ мудрено-ли, что крестьянамъ стало казаться естественнымъ, что и ко всякимъ другимъ землямъ отнесутся такъ-же, и они подвергнутся передѣлу безъ всякаго вознагражденія собственниковъ. Будемъ надѣяться, что правительство не ограничится такими безсильными паліативами, какъ проповѣдь духовенства и губернаторовъ, а издастъ короткій, рѣзкій и ясный для народной массы законодательный актъ, въ которомъ всѣ общинныя и государственныя земли будутъ признаны подлежащими безповоротному и исключительному господству публичнаго права и будутъ подчинены вліянію администраціи и крестьянскаго самоуправления, а частныя земли окончательно отъ нихъ отдѣлены, одні названы собственностью и подчинены суду даже, пожалуй, со взысканіемъ сборовъ съ нихъ чрезъ судебныхъ приставовъ. Стоитъ немного подумать, чтобы понять, что до тѣхъ поръ, пока общинныя и государственныя земли, которыя передаются изъ рукъ въ руки по распоряженію учреждений, будутъ признаваться собственностью, до тѣхъ поръ нѣтъ возможности искоренить въ народѣ мысль, что поземельная собственность можетъ передаваться общинами изъ рукъ въ руки безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ и собственниковъ. Передъ публичнымъ правомъ всѣ равны и чрезъ это насущная потребность уравненія какъ крестьянскихъ земель, такъ и сборовъ съ нихъ будетъ поставлена въ естественныя для нея условія, а теперь это дѣло на ложномъ пути, гдѣ чѣмъ дальше идти, тѣмъ больше путаницы.

Рядомъ съ этимъ должна быть учреждена на обширную ногу система приобрѣтенія государствомъ частныхъ земель для общинъ, разумѣется, исключительно путемъ добровольной купли-продажи; вѣдь и судъ не дозволитъ отнять собственности иначе, какъ путемъ добровольной продажи. Эта система необходима съ одной стороны для того, чтобы крестьяне легко примирились съ уравненіемъ земель и платежей, а затѣмъ для возбужденія и поддержанія въ нихъ чувства солидарности съ государствомъ. Ихъ земли, источникъ ихъ жизни и благосостоянія, это ихъ общее дѣло съ государствомъ, тутъ они подаютъ другъ другу руку помощи, работаютъ вѣстѣ съ общимъ энтузіазмомъ и, разумѣется, отъ такого союза дѣло должно процвѣтать и ихъ землевладѣніе расширяться. Пусть правительство поставитъ дѣло такъ и это будетъ уже не паліативъ, а великая государственная мѣ-

ра. Она необходима и по экономическимъ причинамъ, для извлечения земель крупныхъ землевладѣльцевъ изъ ихъ жалкаго положенія. Московское общество сельскаго хозяйства признало образцовымъ хозяйство на земляхъ графа Бобринскаго. Никто не усомнится въ томъ, что если таково мнѣніе этого общества, то таково-же и мнѣніе крупныхъ землевладѣльцевъ вообще. И что-же? Въ этомъ мнѣніи за исключеніемъ лѣсу—6,750 десятинъ земли *); земли раздѣлены на три категоріи: лучшую, среднюю и худшую. Лучшей и средней 2,976 десятинъ, они въ распоряженіи владѣльца; худшей 3,774 десятины, они сдаются въ наемъ крестьянамъ. Обработка этихъ послѣднихъ земель давала владѣльцу одинъ неизмѣнный убытокъ, а крестьяне платятъ за нее отъ 7 до 13 р. 50 к. за десятину. Самъ владѣлецъ сознается, что откармливаніе скота даетъ выгоду всякому крестьянину, а ему убытокъ. Даже лучшія его земля, вѣроятно, не давали-бы ему выгоды при собственной обработкѣ, если-бы онъ не получалъ этой выгоды чрезъ сахарный заводъ, работающій подъ покровительствомъ запретительнаго тарифа; эта собственная обработка и существуетъ только ради обезпеченія завода. Итакъ, совокупное дѣйствіе запретительнаго тарифа, привилегированнаго податнаго положенія и всѣхъ усовершенствованій агрономической науки не въ силахъ поставить хозяйство крупнаго землевладѣльца на равную ногу выгодности съ хозяйствомъ простаго крестьянина. И затѣмъ какіе арендные контракты: за каждый просроченный рубль 12% въ годъ штрафу и весь урожай поступаетъ въ пользу владѣльца. Развѣ это не тотъ-же еврейскій контрактъ?

*) Труды императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, выпускъ IV, Москва, 1880.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ жизни деревни.

I.

Лѣтъ пятьдесятъ говоримъ мы о народѣ и до сихъ поръ еще достигли только того, что слово «народъ» стало пользоваться у насъ правомъ литературнаго гражданства и о немъ позволяется говорить безъ боязни прослыть вольнодумцемъ и опаснымъ человѣкомъ. Когда Григоровичъ заговорилъ о пейзажахъ, онъ представлялся всѣмъ едва-ли не самымъ либеральнымъ и передовымъ писателемъ, Тургеневъ за «Записки охотника» чуть-ли не подвергся неприятностямъ. Непосредственное изученіе народной жизни на мѣстѣ считается и теперь еще подозрительнымъ и можетъ подвергнуть изслѣдователя разнымъ непредвидѣностямъ. Тѣмъ не менѣе слово «народъ» теперь у всѣхъ на устахъ и не быть народникомъ, значитъ быть очень отсталымъ человѣкомъ. Однимъ словомъ — народность стала даже модой и настолько опошляется иногда прикосновеніемъ къ ней грязныхъ рукъ, что чистаго подѣ-часъ не отличишь отъ нечистаго.

Во всей этой пятидесятилѣтней исторіи любопытно то, что мы подступали къ народу не прямо, а всегда съ извѣстными тенденціями, иногда очень неблагоприятными. Что такое всѣ отношенія къ народу Достоевскаго, всѣ измышленія г. Аксакова, особенно послѣдняго, который готовъ-бы живого, настоящаго мужика свернуть въ бараній рогъ, закрѣпить его навѣи на нищенскомъ надѣлѣ и отдать его въ руки кулака и міроѣда. Даже «Новое Время», вообще дружившее Аксакову и относившееся къ нему снисходительно, рѣзко возразило достопочтенному Ивану Сергѣевичу, напечатавшему въ «Руси» проектъ

крестьянина Вдовина о повышеніи платы за паспорта до 30 р. въ годъ, ради удержанія мужика у сохи. На замѣчаніе «Новаго Времени», что такое предложеніе не можетъ считаться голосомъ изъ народа, г. Аксаковъ отвѣчалъ, что «крестьянинъ Вдовинъ рекомендовалъ эту мѣру въ простотѣ душевной», а раньше этого тотъ-же г. Аксаковъ говорилъ, что его корреспондентъ-крестьянинъ разсуждаетъ «просто, трезво, безъ всякой фальшиво-либеральной сентиментальности». Но ни «Новому Времени», ни «Руси», конечно, неизвѣстенъ финалъ глупыхъ измышленій Вдовина «по душевной простотѣ» и, вѣроятно, по той-же душевной простотѣ напечатанныхъ въ «Руси» г. Аксаковымъ. Случился-ли переполохъ во многихъ мѣстахъ и гдѣ именно, я этого не знаю, но знаю вотъ что. Одинъ изъ крестьянъ той деревни, гдѣ мнѣ пришлось нынче провести часть лѣта, разсказывалъ, что въ Петербургѣ въ баняхъ, въ пивныхъ и по трактирамъ только и говорятъ о томъ, что съ крестьянъ будутъ сняты всѣ платежи и останется плата за крестьянскіе паспорта по тридцати рублей въ годъ. Сенсационное извѣстіе это, конечно, обойдетъ не одну деревню и произведетъ въ народѣ переполохъ только благодаря тому, что «народникъ» Аксаковъ печатаетъ у себя вздоръ и «простоту», которая взбредетъ на умъ всякимъ Вдовинымъ.

На душѣ Аксакова и Достоевскаго и всѣхъ quasi-народниковъ того-же пошиба лежитъ много грѣховъ. Мистики и кабалисты, они и всѣ тѣ, кто имъ слѣдовалъ, никогда не умѣли относиться ни къ жизни, ни къ мужику, ни къ явленіямъ народной жизни, какъ они есть и какъ-бы слѣдовало къ нимъ относиться. Они не изучали ихъ со стороны того, что поддается мѣрѣ, вѣсу и анализу, а навязывали народу свои собственные предвзятые мысли, идеалы и пожеланія, они обнюхивали народъ вмѣсто того, чтобы его изучать и гадали его судьбу вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней настоящую реальную, а не выдуманную жизнь.

Даже народники новаго направленія, народники въ лучшемъ, самомъ благородномъ и доброжелательномъ смыслѣ, тѣ, которые любили народъ въ дѣйствительности, а не на словахъ, даже и эти не были свободны отъ нѣкоторой доли мистицизма, идеализма и сентиментализма. Каждый изъ нихъ бралъ народъ не такимъ, какъ онъ есть, а какимъ было желательно его объяснить и изучить автору. Каждый отправлялся въ деревню на изученіе народа съ извѣстной предвзятостью, надуманной имъ у себя въ кабинетѣ; мужикъ воображался заранѣе и затѣмъ въ готовую намѣченную рамку укладывали дѣйствительнаго мужика какъ на какое-то прокрустово ложе и обрубалось то, что выходило изъ мѣрки. Это растагиваніе мужика нерѣдко приносило

въ дѣйствительности больше вреда, чѣмъ пользы, потому-что сообщало изслѣдованію особенный колоритъ, возбуждавшій тревоги и заподозриванія. Напримѣръ, приписываніе расколу революціонныхъ тенденцій и тайныхъ желаній противодействовать и даже разрушить существующія политическія формы Россіи привело къ тому, что на раскольниковъ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, смотрѣли какъ на антигосударственную, протестующую силу, и не только отдѣльнымъ лицамъ, но даже цѣлымъ сектамъ пришлось удалиться за Кавказъ или въ Сибирь, или законодательнымъ путемъ, какъ, напримѣръ, молоканамъ ограниченъ районъ мѣстопробыванія и промышленныхъ и торговыхъ сдѣлокъ. Все это случилось потому, что оффиціальныя и неоффиціальныя послѣдователи раскола и народныя изслѣдователи, искренно преданные интересамъ народа, или невѣрно понимали его душу, въ которую хотѣли заглянуть, или-же сочиняли ему душу по собственному образцу.

Такъ-ли, не такъ-ли, но въ пятьдесятъ лѣтъ изслѣдованія и изученія народа мы, слава Богу, дожили, наконецъ, до слѣдующаго результата. «Мужикъ» и «народъ» пользуются уже въ печати правомъ гражданства и интересы народа стали тѣмъ общимъ флагомъ или знаменемъ, подъ которымъ каждый грамотный человѣкъ, а тѣмъ паче интеллигентъ считаетъ долгомъ стоять. Теперь о пользахъ народа и объ его интересѣ говорятъ съ одинаковой увѣренностью и крѣпостникъ, и народникъ, и Разуваевъ, и Антошка-хриstopродавецъ, и «Русь», и «Московскія Вѣдомости», и «Новое Время», и «Минута», однимъ словомъ—всѣ, во всемъ, всегда и повсюду; у всѣхъ на устахъ народъ и всѣ стали его благодѣтелями.

Но тутъ случилась новая бѣда. Направивъ всѣ наши мысли въ сторону мужика и народа, мы очутились въ новомъ умственномъ затрудненіи, въ которомъ до сихъ поръ и пребываемъ. Для всѣхъ было совершенно ясно, что народъ есть обособленное понятіе, что его нужно освободить отъ постороннихъ примѣсей и установить, такъ-сказать, въ чистомъ видѣ. Чтобы удовлетворить этому логическому требованію, конечно, слѣдовало ясно и точно опредѣлить, что-же такое народъ. Всякій-ли мужикъ есть народъ? То-ли народъ, что живетъ въ деревнѣ, или то народъ, что можетъ жить и живетъ въ городѣ? Кулакъ и миродѣ—народъ-ли? А Разуваевъ, а Колупаевъ, а Антошка-хриstopродавецъ? Вопросъ являлся очень запутаннымъ, потому-что каждый представлялъ себѣ народъ по своему и, являясь для опредѣленія, что такое народъ, приносилъ съ собою подъ-мышкой готовое прокустово ложе. Только въ одномъ всѣ были со-

гласны, что интеллигенція во всякомъ случаѣ не народъ. Но, въ такомъ случаѣ, кто-же онъ? Вамъ, мнѣ, третьему, десятому изъ интеллигенціи говорятъ, что мы не народъ, и выдѣляютъ насъ изъ интересовъ 95 миллионнаго населенія. Да и почему насъ слѣдуетъ выдѣлить? Потому-что вы воспитались въ гимназїи, кончили курсъ въ университетѣ. Я знаю крестьянскихъ дѣтей, которые учатся въ гимназїи и каждое лѣто ѣздить къ родителямъ въ деревню на каникулы. Нынѣшнее лѣто я видѣлъ въ деревнѣ гимназиста классической гимназїи, отецъ котораго просто деревенскій кузнецъ. Этотъ гимназистъ постоянно работалъ съ отцомъ въ кузницѣ. Нынѣшнее-же лѣто я видѣлъ барышню-крестьянку, которая учится на фельдшерскихъ курсахъ и тоже каждое лѣто прїѣзжаетъ въ деревню къ своей матери.

Подобныхъ людей является все больше и больше, а чѣмъ больше является гимназистовъ изъ деревень, тѣмъ больше расплывается и граница между интеллигентомъ и мужикомъ. Наконецъ, она и совсѣмъ расплывается.

Европа, которая всѣ свои общественныя дѣла разрѣшаетъ съ общественно-экономической и съ политической точки зрѣнія, не знаетъ подобнаго дѣленія. Въ Европѣ употребляются выраженія «образованные классы», «правящіе классы», но все это имѣетъ другой смыслъ, чѣмъ наше дѣленіе Россїи на интеллигенцію и неинтеллигенцію. Европа тоже признаетъ умственное различіе между людьми, но этимъ различіемъ опредѣляется точка зрѣнія этихъ самыхъ людей на общественные и политическіе вопросы. Въ Европѣ есть социалисты, экономисты, анархисты, монархисты, республиканцы, революціонеры и каждое изъ этихъ названій имѣетъ точный смыслъ. Если такого-то зовутъ социалистомъ, то вамъ совершенно ясно, какъ онъ смотритъ на вещи и на отношенія между людьми и какъ въ каждомъ данномъ случаѣ онъ будетъ поступать. Бананартистъ, клерикалъ, все это такія-же точныя понятія, но наше слово интеллигентъ не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ простого звука. Это скорѣе намекъ, чѣмъ понятіе, и для васъ ясно лишь то, что это человѣкъ грамотный и объ чемъ-то онъ думаетъ. Но объ чемъ и какъ онъ думаетъ вамъ слово интеллигентъ не говорить.

И когда-же мы выставили это дѣленіе людей лозунгомъ чего-то! И лозунгомъ чего оно служить? Все, чѣмъ мы хромаемъ, происходитъ именно оттого, что Россію можно дѣлить на интеллигенцію и на неинтеллигенцію; только поэтому наше образованное общество обнаруживаетъ такое слабое пониманіе своихъ общественныхъ, историческихъ и политическихъ задачъ. Отъ этого-же одни ревниво отстаиваютъ свое право говорить и раз-

суждать обо всемъ и разрѣшать судьбы Россіи—это интеллигенція, а другіе живутъ по разнымъ медвѣжьимъ угламъ и молчатъ—это народъ. До освобожденія крестьянъ жители деревень не пользовались почти никакими юридическими и экономическими правами и порядокъ этотъ покончился манифестомъ 19-го февраля. Теперь-же вмѣсто экономического и юридического безправія, выступило безправіе умственное, а прежнее дѣленіе на мужиковъ и господъ смѣнилось дѣленіемъ на интеллигенцію и неинтеллигенцію, дѣленіемъ подразумевающимъ, что одни разсуждать и понимать могутъ, а другіе разсуждать и понимать не могутъ. «Земское Положеніе» въ теперешнемъ его состояніи есть, конечно, только переходный государственный актъ, но и установившаяся практика земства сдѣлала слишкомъ немногое для того, чтобы уничтожить разницу въ умственной неправомерности. И въ то-же время у насъ есть чисто-мужицкія земства, какъ вятское, самарское, въ которыхъ неинтеллигентны разсуждаютъ и понимаютъ вещи нисколько не хуже интеллигентовъ.

Чему-же тутъ удивляться, что деревня сидитъ въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Насколько деревнѣ близки всѣ вопросы, касающіеся интересовъ деревни, можно видѣть изъ весенняго еврейскаго погрома, изъ всякихъ слуховъ и толковъ ложныхъ и неложныхъ, которые разносятся по деревнямъ. Народу близки вопросы его желудка, онъ ихъ и понимаетъ, онъ и можетъ судить о нихъ; но ему судить о нихъ не приходится, потому-что судятъ о нихъ только интеллигенты. Понятно почему народъ, несмотря на то, что освобожденіе свершилось двадцать лѣтъ назадъ, все еще придерживается своего стараго дѣленія Россіи на господъ и не господъ. То, что мы зовемъ «интеллигенціей», для мужиковъ до сихъ поръ еще «бары». Но такъ-какъ у деревни есть свои вопросы, о которыхъ ей приходится разсуждать, не чужда она также политики внутренней и внѣшней, то и она начала создавать свою интеллигенцію и умственную аристократію въ видѣ разбогатѣвшихъ мужиковъ, писарей, отставныхъ солдатовъ, разныхъ приказчиковъ, городскихъ извозчиковъ и всякаго другого деревенскаго люда, который посѣщаетъ столицы, почитываетъ и газеты, и слушаетъ всякіе толки о внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ въ портерныхъ, въ баняхъ, въ кабакахъ. И выходятъ изъ этого, что Россія вмѣсто того, чтобы думать одну думу, думаетъ двѣ думы: интеллигенція свою, а народъ свою.

Любопытно, что газетныя извѣстія обыкновенно перетолковываются народомъ и распространяются по деревнямъ всегда въ видѣ искаженныхъ слуховъ. Вдовинъ, наприимѣръ, съ которымъ

Аксаковъ заигрываетъ, какъ съ «мужичкомъ» и «меньшимъ братомъ», вздумалъ нѣсколько заняться подхалимствомъ и въ простотѣ душевной, какъ оправдываетъ его редакторъ «Руси», тиснулъ свой проектъ новаго обложенія народа,—а по деревнямъ пошли тревожные слухи. И такъ во всемъ. Но думай народъ вмѣстѣ съ нами, ничего подобнаго не могло-бы никогда случиться.

Какое-же тутъ можетъ быть развитіе общественнаго сознанія и вообще правильная, нормальная, поступательная жизнь, если пять милліоновъ такъ-называемой интеллигенціи опираются на 95 милліоновъ людей, живущихъ слухами.

II.

Деревня, въ которой я провелъ часть лѣта, лежитъ не на большой дорогѣ; да если-бъ она и лежала на большой дорогѣ, то отъ этого не явилось-бы для нея никакихъ благопріятныхъ ни общественныхъ, ни умственныхъ послѣдствій. Деревня, какъ деревня. Люди въ ней живутъ, рождаются, множатся, умираютъ,—вотъ и все. Землей крестьяне не обдѣлены, хотя и нѣтъ излишковъ, но благосостояніе населенія упадаетъ, народъ сталъ бѣднѣе, чѣмъ былъ двадцать лѣтъ назадъ, хотя и явились отдѣльные, болѣе обезпеченные крестьяне. Отчего это произошло, никто мнѣ объяснить не могъ, да и какъ было объяснить. Населеніе чувствуетъ, что прежде было одно, а теперь стало другое. Теперь стали заростать и пашни. Поля, которыя давали самъ-восемь, даютъ самъ-три, и крестьянину никакъ не справиться со своими дѣлами. Все стало дороже, трудъ сталъ дешевле, а какъ и почему, этого крестьянинъ понять не можетъ. Такъ и живетъ населеніе деревни изо-дня въ день, живетъ инстинктивно насущными интересами дня и интересами того, что лежитъ только подлѣ. Забрели лошади на чужой лугъ и ихъ загналъ сосѣдъ помѣщикъ, требующій 26 рублей за потраву—вотъ и событіе, о которомъ всѣ говорятъ. Свалилась чужая корова въ очить и убилась до смерти—опять событіе, и возбуждается вопросъ о томъ, кто долженъ убрать эту корову. Явится урядникъ и объявить, что въ деревнѣ будетъ поставлено 16 солдатъ и 16 лошадей, изрѣдка пріѣдетъ фельдшаль, еще рѣже становой, пріѣздъ котораго производитъ всегда переполохъ—вотъ и весь матеріалъ для внѣшней жизни и для общественнаго сужденія. Въ деревнѣ всего двадцать-два двора и, кажется, около шестидесяти члoвѣкъ населенія.

Въ первой избѣ съ края живетъ вдова Авдотья Яшковская,

отъ родоначальника Янова, умершаго въ прошломъ году девятидесяти лѣтъ. Семья ея состоитъ изъ ея, да изъ четырехъ сыновей. Старшему сыну 21 годъ, младшему 12. Всѣ они выросли заморышами, такъ-что старшему на видъ не больше 15, а младшему 7 или 6 лѣтъ. Авдотья имѣетъ двѣ коровы, одну лошадь и держитъ земли на двѣ души. Жизнь ея была очень тяжелая. Она осталась вдовой, когда младшему сыну было шесть недѣль, а старшему девять лѣтъ. Надо было поддержать домъ, да вывести и выкормить дѣтей. До сихъ поръ Авдотья переколачивается изодня въ день, ходитъ на поденщину, стираетъ у бывшей помѣщицы бѣлье, а подчасъ занимается даже спекуляціями. Такъ, къ деревенскимъ праздникамъ она дѣлаетъ заемъ рублей въ двадцать, накупить пряниковъ, орѣховъ, подсолнечныхъ сѣмянъ и продажей ихъ выручитъ иногда рублей пять барыша. Сыновья ея учатся грамотѣ, прежде у деревенскаго учителя, который былъ нанятъ у нихъ въ деревнѣ съ платой по тридцати копѣекъ въ мѣсяцъ съ ученика, а нынче посылаетъ въ сельскую школу. Авдотья очень почтенная и уважаемая женщина и миръ ради ея порядочности и труднаго положенія, позволялъ ей даже торговать водкой. Несмотря на свою очень трудную жизнь, Авдотья всегда весела, обходительна и ласкова. Недавно, т. е. можетъ быть, года два назадъ у ней околѣла лошадь, а затѣмъ еще семь лошадей, одна за другою. Авдотья сказали, что нужно хлѣвъ окурить, обмыть; все это она и дѣлала, но лошади не держались. Только послѣдняя семнадцатилѣтняя старая лошадь оказалась вѣрнѣе заразы и благополучно пашетъ до сихъ поръ Авдотьину пашню. Теперь у Авдотьи новое горе. Изба ея очень стара и уже начинаетъ коситься, но это обстоятельство не особенно смущаетъ Авдотью, потому-что старшій сынъ уже подростъ. Вся мечта Авдотьи теперь въ томъ, чтобы, наконецъ, отдохнуть отъ своей страшно-тревожной жизни и успокоиться подъ старость. Это, конечно, и будетъ.

Алена Моисеева—баба другого типа. Она сварлива, зла, ехидна, большая сплетница и ругательница и нѣтъ бабы въ деревнѣ, съ которой-бы она не поругалась и не подралась. Въ то-же время она любитъ шляться по монастырямъ и занимается мелочнымъ торгашествомъ. Кулачество въ ней дружно уживается съ ханжествомъ и вообще Алена обнаруживаетъ больше мужскія склонности. Можетъ быть они явились въ ней вслѣдствіе неудачнаго супружества. Мужъ ея былъ красивый молодой парень, любилъ ее до безумія и о бракѣ Алены говорили какъ о завидной партіи. Но, несмотря на то, что мужъ любилъ до безумія Алену, онъ сталъ отлынивать отъ дому, пить; наконецъ,

на плитной ломкѣ, гдѣ онъ неудачно поджогъ порохъ, ему оторвало руку и выбило осколкомъ глазъ. Теперь Матвѣй Алексѣевъ нищенствуетъ въ Александро-Невской Лаврѣ и живетъ обезпеченно. Кромѣ случайныхъ подачекъ, онъ имѣетъ постоянное жалованье. Отъ одной сердобольной купчихи онъ получаетъ два рубля въ мѣсяцъ, и отъ такого-же сердобольнаго купца тоже два рубля и, кромѣ того, отъ нихъ-же по воскресеньямъ по двадцати копѣекъ. Матвѣй Алексѣевъ, какъ говорятъ, постоянно пьянъ, жиренъ до безобразія, судьбой онъ недоволенъ, сучаетъ по женѣ, а она его ненавидитъ.

Свекоръ Алены, отставной Николаевскій солдатъ кавказской арміи, тоже пьяница и, хотя живетъ вмѣстѣ съ Аленой, но ходитъ по міру, правда только по своей деревнѣ. Онъ былъ когда-то хорошимъ каменотесомъ, но теперь старъ. Лѣтъ ему семьдесятъ. Съ свекромъ Алена ведетъ постоянный процессъ о домѣ, въ которомъ они живутъ. Свекоръ говоритъ, что домъ его, а Алена говоритъ, что домъ ея. Дѣло вышло такое запутанное, что не могли разсудить его ни міръ, ни волость, и бросили судить. Свекоръ основываетъ свои права на первоначальномъ владѣніи домомъ, Алена-же говоритъ, что она всю жизнь работала съ мужемъ и поддерживала не только домъ, да и самого свекра; нельзя-же ей на старости лѣтъ остаться безъ угла тѣмъ болѣе, что, если домъ отдать свекру, то онъ его пропьетъ. Говорить такъ у Алены есть основаніе, ибо когда свекру былъ присужденъ амбаръ, онъ его сейчасъ-же продалъ и въ тотъ-же день деньги пропилъ.

Алена, какъ смѣтливая баба, болѣе склонная къ торговлѣ, земли не держитъ, но тѣмъ не менѣе живетъ хорошо, пьетъ по утрамъ кофе, послѣ обѣда чай и пользуется славой бабы скромнаго поведенія.

Авонасій Артемьевъ. Семью составляютъ отецъ, мать, два сына взрослыхъ, одинъ подростокъ, четвертый сынъ глупаватый и дочь лѣтъ тринадцати. Вся семья рабочая, очень трудолюбивая, земли держитъ на четыре души, имѣетъ двѣ коровы, одну лошадь, но живетъ почти впроголодь, нѣтъ въ запасѣ ни копѣйки и все, что добываетъ, то и проживаетъ. А между тѣмъ заработка у семьи, повидимому, порядочные. Одинъ сынъ на плитной ломкѣ получаетъ 120 р., другой 110 р., а отецъ каменотесъ. Думаютъ, что семья не можетъ поправиться потому, что заморилась прежде, а другіе говорятъ, что баба не домовница.

Образчикомъ значенія съ семьѣ бабы-домахи можетъ служить семья Царевыхъ. Царевыми прозвали ихъ по слѣдующему случаю. Отецъ нынѣшняго домохозяина былъ приказчикомъ у сво-

его помѣщика и завѣдывалъ продажей лѣса. Завѣдываніе, должно-быть, было выгодно, потому-что онъ выстроилъ себѣ домъ съ разными вычурами, съ балкончиками, и съ бельведеромъ. За эти-то хоромы его прозвали Царемъ, но потомъ оказались въ управляемомъ имъ лѣсу кражи и большія самовольныя порубки и помѣщикъ отставилъ Царя отъ должности, а избу велѣлъ снести до основанія. Деньги же, какъ говорятъ, у Царя остались. Все это было лѣтъ пятьдесятъ назадъ. Сынъ его, дѣдъ нынѣшнихъ молодыхъ, Алексѣй женился на отличной домовитой бабѣ; дѣтей у нихъ было пятеро и все мальчики. Любопытно, что и до сихъ поръ въ семьѣ Царевыхъ рождаются только мальчики. Жена Алексѣя оказалась бабой безъ деревенскихъ предрасудковъ и приспособила мальчиковъ къ домашнему обиходу. Они мыли полы, вязали, пряли, ткали, однимъ словомъ—пока были маленькими, исполняли всѣ женскія работы. Царевы составляютъ огромную семью и жили отлично и дружно, пока не попала въ семью сварливая баба. Богатыми Царевыхъ назвать нельзя, но они живутъ въ достаткѣ и парни ихъ—первые франты въ деревнѣ. Думаютъ однако, что домъ Царевыхъ держится, пока живъ дѣдъ, когда-же онъ умретъ, то сварливая баба всѣхъ разгонитъ и семья раздѣлится. Вообще въ деревнѣ существуетъ мнѣніе, что между мужиками всегда были-бы лады если-бы не мутили и не ссорили бабы.

Два Ивана Зинины живутъ въ одномъ домѣ на двѣ избы. Попъ былъ сердитъ на ихъ отца и называлъ всѣхъ сыновей Иванами, а сыновей было трое. Чтобы различать братьевъ, одного изъ нихъ прозвали Липатомъ, а другого Малькой. Липатомъ мальчика прозвали потому, что у него были слипшіяся ноздри. Сначала звали его Липатомъ, потомъ Клипатомъ или Клипой и это прозвище такъ и осталось. Семью Клипа въ деревнѣ недолюбливаютъ, говорятъ, что и мужъ и жена, гдѣ можно всегда скрадуть. Дѣтей у нихъ нѣтъ, земли держатъ на одну душу, корова одна, а лошадь околѣла весной. Клипа живетъ работникомъ у деревенскаго старосты, а жена работаетъ дома и занимается копать огороды. У Ивана Мальки двое дѣтей, земли держитъ на двѣ души, имѣетъ корову и лошадь. Жена у него хорошая женщина и, благодаря ей, домъ держится и семья живетъ хорошо. Зинины вообще мужички средніе и изображаютъ собою деревенскую посредственность.

Харитонъ Ивановъ—идіотъ, женатъ на идіоткѣ и имѣетъ двухъ сыновей идіотовъ. Одинъ сынъ еще кое-что смыслить и живетъ въ пастухахъ, отецъ на плитныхъ ломкахъ зарабатываетъ кое-какъ рублей шестьдесятъ въ годъ и въ этомъ весь его зара-

ботокъ. Зимой дѣти ходятъ по міру, а Харитонъ занимается рубить лѣсъ по одному рублю за сажень. Земли не имѣтъ, а держитъ только одну корову. Пока была жива мать Харитона, женщина очень толковая, семья жила хорошо, но она умерла лѣтъ пятнадцать назадъ и послѣ ея смерти началось оскудѣніе семьи. Оскудѣніе же явилось потому, что жена Харитона проѣла наслѣдство. Получила она, правда, его не особенно много, всего 150 р. и сейчасъ же начала лакомиться. Покупала миндаль, изюмъ, пряники, пила кофе и какъ сказываютъ, проѣла все очень быстро. Баба, говорятъ, лѣнива до того, что сама лежитъ на печи, а мужа посылаетъ доить корову.

Объ Иванѣ Моисеевѣ существуютъ противоположныя мнѣнія. Это вдовецъ, живущій съ сыномъ, дочь же онъ выгналъ изъ дому, когда ей было лѣтъ двѣнадцать. Объ немъ рассказываютъ, что онъ убилъ двухъ женъ, заколовивъ ихъ до чахотки. Первая жена его была кроткая и тихая баба и когда она умерла, онъ плакалъ навзрыдъ. Разсердившись на сына, онъ топталъ его ногами до того, что, какъ говорятъ крестьяне, у мальчика выѣзди кишки. Теперь его домашнее хозяйство ведетъ сынъ. Земли держитъ Иванъ Моисеевъ на двѣ души и живетъ въ деревнѣ только лѣто. На зиму домъ заколачивается, отецъ отправляется въ извозъ въ Петербургъ, а сынъ въ трактирные полове. Старикъ слыветъ высоко-честнымъ человѣкомъ, вина въ ротъ не беретъ, суровъ какъ старообрядецъ, непогрѣшимъ, твердо держится своихъ принциповъ, скупъ для другихъ, но себѣ не любитъ ни въ чемъ отказывать, любитъ хорошо поѣсть и, когда другіе проѣдаютъ въ трактирѣ 10—15 копѣекъ, онъ поѣстъ копѣекъ 50—60. Спросивъ себѣ жареную рыбку или что-нибудь лакомое, онъ оправдывается тѣмъ, что другіе пьютъ, а онъ нѣтъ. Иванъ Моисеевъ самый типичный изъ всѣхъ крестьянъ, это Китъ Китычъ деревни, немножко начетчикъ и философъ. Когда онъ забивалъ свою вторую жену и когда помѣщица сказала ему, что бить жену нельзя, Иванъ Моисеевъ возразилъ ей такъ: «Какъ нельзя? Надъ помѣщиками — царь, надъ нами — помѣщикъ, а мы не смѣй и жену побить!» Обрядовый и жесткій, Иванъ Моисеевъ не пользуется особеннымъ расположеніемъ крестьянъ и любитъ его только Алена.

Дмитрій Ефимовъ Пантелеевъ, староста деревни. Дѣти рождаются ежегодно, но помираютъ. У жены его, какъ выражаются крестьяне, было «семь брюхъ», а живыхъ дѣтей только четверо. Дмитрій остался послѣ отца лѣтъ шестнадцати съ матерью и сестрой. Отецъ его, бывший тоже старостой, держалъ его очень строго, училъ грамотѣ и даже не позволялъ играть съ мальчиш-

ками, чтобъ ребенокъ не баловался. Дмитрій женился когда ему не было еще восемнадцати лѣтъ, но жена попалась ведомаха. Неумѣлая и рохля, она скупа, не умѣетъ одѣться, носить все старое и только напускаетъ на себя важность, что старостиха. По смерти матери Дмитрію осталось 400 руб., 75 р. ушли на похороны, а остальные—на свадьбу сестры. Сестра вышла замужъ за аристократа округи, родственника двухъ воротилъ-вупцовъ, вышедшихъ изъ крестьянъ, которые съ мужиками не знаются. Лѣтъ восемь тому назадъ, Дмитрій погорѣлъ, и одинъ изъ мѣстныхъ подрядчиковъ, ломающихъ плиту, помогъ ему. Но еще раньше пожара Дмитрій начиналъ ломать плиту, сначала работалъ, какъ простой работникъ, потомъ сталъ ломать на мѣстныхъ подрядчиковъ, затѣмъ одинъ изъ мѣстныхъ подрядчиковъ помогъ ему, давъ впередъ деньги за ломку, и Дмитрій, получивъ прибыли тысячу рублей, расплатился съ долгами. Какъ самый представительный изъ крестьянъ, Дмитрій былъ выбранъ въ старосты. Раньше староста получалъ жалованья только 15 р., потомъ 40 руб., но Дмитрій потребовалъ 60 руб., а теперь получаетъ 80 р., да къ этому еще покосъ и особое мѣсто подъ огородъ. Годъ тому назадъ, Дмитрій поступилъ приказчикомъ къ одному изъ мѣстныхъ подрядчиковъ и получаетъ за это жалованья 300 р. въ годъ; кромѣ того, онъ ломаетъ еще на другихъ. Землю держитъ, но самъ не работаетъ ни въ полѣ, ни на плитной ломкѣ, а нанимаетъ работниковъ. Имѣетъ трехъ коровъ, а лошадей, смотря по нуждѣ: зимой три, лѣтомъ семь. Дмитрій знаетъ цѣну деньгъ, зашибаетъ копѣйку и идетъ въ гору. Онъ самолюбивъ и даже гордъ. Рассказывая мнѣ о своемъ прошломъ, Дмитрій съ какой-то горечью замѣтилъ: «Послѣ пожара я остался ни съ чѣмъ, пріютилъ меня братъ, я ходилъ на цыпочкахъ, чтобы не шумѣть и никого не беспокоить, самъ я себя все добылъ, и никто мнѣ изъ деревни не помогъ». Вѣроятно, поэтому въ Дмитріѣ чувствуется нѣкоторое озлобленіе къ крестьянамъ, и только къ брату Андрею, пріютившему его, онъ питаетъ нѣжное чувство. Считаая себя обязаннымъ во всемъ только себѣ, Дмитрій считаетъ себя выше другихъ и какъ-бы нѣсколько брезгаетъ остальными мужиками и не явшается съ ними. Дочь свою онъ учитъ грамотѣ, но не особенно налегаетъ на это, потому-что «грамота дѣвченкамъ ни къ чему». Подъ вліяніемъ ли матери, или просто потому, что дочь Дмитрія и сама замѣчаетъ, что семья ихъ по положенію выше другихъ, въ нее уже закрадывается какой-то аристократизмъ. Сейчасъ рядомъ съ деревней стоитъ усадьба землевладѣлицы. Приходятъ къ ней разъ ея двѣ внучки и просятъ въ деревню.—«Зачѣмъ?»

— «Танька и Сашка уйдутъ, если придетъ Смолька!» Сашка—дочь старосты, а Смолька—дѣвочка изъ бѣднаго дома. Глупенькія дѣти, конечно, замѣчаютъ разницу между собою и другими дѣвченками деревни, потому-что Танька и Сашка носятъ красныя гребенки и платья съ басками. Замѣчаютъ, конечно, что и отецъ ихъ живетъ не такъ, какъ другіе. Дмитрій одѣвается какъ подрядчикъ—чисто, ходитъ въ пиджакъ, въ лакированныхъ сапогахъ и уже усвоилъ обиходъ подрядчиковъ. Утромъ ему подають кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, если-же нѣтъ бѣлаго хлѣба, то черный съ масломъ. Телѣжка у него на рессорахъ, лошадь—бѣгунъ и вообще Дмитрій отличается уже отъ остальныхъ крестьянъ, особенно крестьянъ чистаго земледѣльческаго типа, какъ, наприимѣръ, братъ его, Андрей.

Андрей—честный, хорошій и домовитый мужикъ, исправный и работающій, но скромный и невыдающійся. Эта разница опредѣляется чисто родомъ занятій и способомъ приобрѣтенія денегъ. Андрей, какъ землевладелецъ и мускульный работникъ, который самъ создаетъ все для себя, служить самъ и непосредственнымъ источникомъ того, что онъ имѣетъ. Его производство домашнее, хозяйственное, и баба-домаха играетъ очень важную роль въ его жизни, тогда-какъ Дмитрію домаха менѣе нужна. Къ деревенскому празднику Андрей изготовитъ угощеніе домашними средствами, настоитъ водку чаемъ, и очень доволенъ своимъ изобрѣтеніемъ, потому-что водка выходитъ и забориста, и озадачиваетъ своимъ вкусомъ. Въмѣсто сладкаго вина, онъ настоитъ водку черносливомъ и получится вкусная, хозяйственная наливка. Вообще Андрей старается брать домашними экономическими средствами, изобрѣтательностью, и держится поговори, что заря денежку родитъ. Отъ этого онъ встаетъ рано, приходитъ домой поздно; если можетъ зашибить лишній рубль, работая въ праздникъ или ночью, онъ работаетъ и въ праздникъ, и ночью. Дмитрій-же, напротивъ, человекъ оборота, онъ наживаетъ деньгу не въ домѣ, а внѣ дома и вся его изобрѣтательность направлена на внѣ домашнія отношенія. Нравственно свое достоинство и достоинство дома онъ видитъ уже въ томъ, что выставяетъ его коммерческую оборотливость, а не скопидомство. Отъ этого Дмитрій не станетъ настаивать водку чаемъ, ибо у Андрея она служитъ признакомъ домовитости, а Дмитрій уронила-бы въ глазахъ его гостей. Дмитрій не настоитъ и водку черносливомъ, а купитъ настоящую наливку. Зато вы у Андрея выпьете съ удовольствіемъ густое домашнее и, конечно, крѣпкое пиво, а у Дмитрія хотя пиво тоже домашнее, но, во-первыхъ, не такое хозяйственное, а, во-вторыхъ, пиво явится

у него частью какъ уступка крестьянскому обычаю, а частью по расчету, потому-что напаявать всѣхъ наливкой дорого. Однимъ словомъ Дмитрій—человѣкъ расчета денежнаго, а Андрей—человѣкъ расчета хозяйственнаго, домашняго. По этимъ же двумъ причинамъ и общественное значеніе Дмитрія и Андрея разное. Андрей есть самая ходячая земледѣльческая нужда; онъ, такъ-сказать, земледѣльческій фактъ, его роль терпящая, пассивная, тогда-какъ Дмитрій, по положенію старосты и по болѣе широкому кругу дѣятельности, является уже извѣстнымъ представительствомъ. Андрей — по личнымъ интересамъ и по земледѣльческой связи съ деревней есть по преимуществу «земля», тогда-какъ Дмитрій есть извѣстная связь этой земли съ другими, вторыми и болѣе отдаленными ея интересами. Однимъ словомъ самый родъ ихъ занятій, колесо, въ которомъ они очутились, опредѣлили ихъ характеръ и роль; но пуповиной тому и другому служить все та-же земля, она связываетъ ихъ съ родною деревней и кладетъ на нихъ печать общей солидарности. Для Дмитрія, какъ и для Андрея, деревня—его отечество; Дмитрій любитъ свою родную землю и, несмотря на то, что одной рукой онъ ведетъ денежное хозяйство, другой онъ все-таки пашетъ и коситъ и сохраняетъ съ своей деревней душевную связь. Дмитрій—зажиточный мужикъ, онъ знаетъ счетъ деньги, онъ, можетъ быть, считаетъ себя выше другихъ, потому-что выкарабкался изъ нужды собственными силами, но онъ не кулакъ, не горлодеръ, не мірѣдъ и не каштанъ.

Гораздо ближе къ типу кулака, по своимъ душевнымъ свойствамъ, стоятъ Савелій. Это очень богатый, даже самый богатый крестьянинъ, у котораго, какъ рассказываютъ, есть больше 10 тысячъ денегъ. Деньги эти—все это, конечно, только рассказываютъ—Савелій будто-бы нашелъ въ саняхъ, забытыхъ какимъ-то баринномъ (Савелій ѣздитъ въ извозѣ въ Петербургъ). Такъ-ли это, или не такъ, но у Савелія есть всегда деньги и пошлите къ нему для размѣна сторублевую бумажку, онъ вамъ ее размѣняетъ на что хотите. Савелій не прочь давать деньги въ долгъ и крестьянамъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы долгъ этотъ ему отработывался. Тотъ-же Савелій не подорожитъ ничѣмъ и продастъ все, что хотите, разумѣется, за хорошія деньги. Но въ то-же время у Савелія есть какая-то уклончивость и стыдливость; поэтому онъ не позволитъ себѣ ничего, что могло-бы нарушить нравственное положеніе, которое онъ создалъ себѣ въ деревнѣ. Правда, про Савелія рассказываютъ (необходимо прибавить, что Савелію семьдесятъ лѣтъ), что онъ иногда заводитъ пружины, а дѣйствовать заставить другихъ и самъ останется въ

сторонѣ. Одинъ изъ такихъ случаевъ я расскажу со словъ самаго Савелія. Нынѣшнимъ лѣтомъ попался крестьянамъ пастухъ лѣнивый и глупый. Онъ не умѣетъ выбирать мѣсть и скотина нерѣдко приходитъ домой голодная, почти безъ молока. Пастухъ не столько думаетъ о стадѣ, сколько о своихъ удобствахъ, и потому иногда загонитъ скотину въ поле, или на сѣнокосъ. Хотя вся деревня и была недовольна пастухомъ, но никто не рѣшился ему сказать ни слова, потому-что пастуха вообще боятся. «Я не вѣрю, говорилъ мнѣ Савелій,—что пастухъ знаетъ колдовство, но коровъ онъ можетъ портить». Понятно, что съ пастухомъ обходятся осторожно, хорошо его кормятъ и поятъ и оказываютъ ему всякіе авансы. Но авансы авансами, а коровы все-таки приходили домой безъ молока. И вотъ Савелій, у котораго больше всѣхъ коровъ въ деревнѣ, взялъ на себя починъ. «Отозвалъ я пастуха, рассказывалъ мнѣ Савелій, и говорю ему: ты вотъ гоняешь стадо туда и туда, а я слышалъ уже, что староста этимъ недоволенъ и говорилъ».—«Ну, и что-же?»—«Да вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не гоняетъ». Эту черту деликатности, смѣшавшую съ нѣкоторой робостью и взаимнымъ береженіемъ, я замѣтилъ во всѣхъ крестьянахъ. Они, конечно, иногда ругаются, но и въ самой ругани есть предѣлъ, за который не переступается.

Изъ остальныхъ двадцати-трехъ домохозяевъ каждый представляетъ свои психическія особенности, но изъ выдающихся представителей я перечислилъ всѣхъ. Стоитъ еще сказать о Василиѣ, по прозванію Шаромыга. Его прозвали такъ еще мальчикомъ, и прозвище это такъ привилось, что теперь вся семья зовется Шаромыгиными. Шаромыга великій ругатель и крикунъ, котораго не скоро вставишь въ оглобли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда остальные крестьяне пассивно и безропотно подчиняются какой-нибудь новой мѣрѣ или распоряженію, Шаромыга непременно протестуетъ. Нынче, когда было объявлено, что въ деревню прибудетъ часть своднаго учебнаго эскадрона для практическихъ занятій и первые три дня крестьяне должны содержать солдатъ на свой счетъ, Шаромыга сейчасъ же запротестовалъ.—«Намъ и самимъ жрать нечего!» кричалъ онъ по деревни. Принимаются-ли его протесты крестьянами, имѣетъ-ли онъ на нихъ вліяніе, но во всякомъ случаѣ Шаромыга изображаетъ собою тотъ непокойный, непокладливый элементъ, который не легко мирится съ фактами жизни и по отношенію къ нимъ изображаетъ собою отрицательное начало. Шаромыга, такъ сказать, дѣйствующая критическая мысль и онъ лучше другихъ знаетъ цѣну крестьянскаго достоинства.

Въ цѣломъ чистаго типа въ деревнѣ нѣтъ. Всѣ крестьяне— и земледѣльцы, и промышленники. Всѣ они лѣтомъ пашутъ, зимою девять человѣкъ изъ нихъ отправляются въ извозъ въ Петербургъ, остальные занимаются возкой и рубкой лѣса, возкой и теской плиты и всякой поденщиной, какая подвернется подъ руку.

Есть, однако, одинъ мѣстный промыселъ, безъ котораго всей округѣ пришлось-бы очень плохо. Промыселъ этотъ — плитная ломка. Почти всю петербургскую губернію, часть новгородской, олонецкой и псковской, занимает известковый пласть, который и разрабатывается. Мѣстность, о которой я говорю, работает плиту для Петербурга и промышленнымъ центромъ ея служит село Путилово, по имени котораго и вся плита зовется въ Петербургѣ путиловской. Къ Путилову тяготеетъ нѣсколько селеній, которыя искони занимаются плитными ломками. Населеніе округи, которое кормится этимъ дѣломъ, составляетъ болѣе 1,500 рабочихъ, да кромѣ того, приходятъ еще корелы изъ весьегонскаго и бѣжецкаго уѣздовъ тверской губерніи, ихъ нужно положить около 500 человѣкъ. Центромъ всего производства служитъ Путиловъ, въ которомъ на развитіе промысла имѣло вліяніе малоземеліе. Въ настоящее время тамъ на душу приходится около полудесятины. Съ этой землей, конечно, дѣлать нечего и потому сложился слѣдующій порядокъ. Крестьяне сдаютъ свои пайки, копѣекъ по 30 каждый, а другіе снимаютъ эти пайки. Иной снимаетъ пайковъ по 15, и живетъ земледѣлемъ, тѣ-же, которые сдали свои пайки, идутъ въ плитную ломку. Несмотря на то, что плитой кормится болѣе 1,500 мѣстныхъ крестьянъ и что плитная ломка существуетъ около полутора вѣка лѣтъ, хозяевъ-ломщиковъ не болѣе двухъ десятковъ, а остальные — простые рабочіе, у которыхъ все, что они заработаютъ, пройдетъ между пальцами. Хорошій рабочій сталъ нынче дешевле: отъ 110—115 р. за шесть мѣсяцевъ съ перваго мая по первое ноября, а прежде такой-же рабочій и за такое-же время получалъ отъ 125—130 р. Самый дешевый ломщикъ получаетъ рублей шестьдесятъ на хозяйскихъ харчахъ, а проѣстъ онъ рублей пятьдесятъ. Чѣмъ хлѣбъ дешевле, тѣмъ рабочій дороже, а чѣмъ хлѣбъ дороже, тѣмъ рабочій дешевле. Нынче содержаніе рабочихъ дороже, поэтому имъ цѣна дается дешевле, а цѣну эту устанавливаетъ Петербургъ, въ которомъ цѣну на плиту стараются гнать вниз; но такъ-какъ промежуточные посредники желаютъ удержать свои барыши, то уступку по-неводѣ дѣлаетъ рабочій, который въ дурные годы больше нуждается въ постороннемъ заработкѣ, чѣмъ въ хорошіе. Это

вопросъ той пресловутой конкуренціи между рабочими, въ силу которой рабочій, имѣющій трехъ дѣтей, идетъ въ большую кабалу, чѣмъ рабочій, имѣющій двухъ дѣтей.

Работы на плитныхъ ломкахъ начинаются съ мая мѣсяца. Рабочіе выходятъ на работу въ 3 часа и кончаютъ въ 9 часовъ. На завтракъ съ отдыхомъ дается имъ 2 часа, на обѣдъ съ отдыхомъ 2 часа, кромѣ того, дается еще три отдыха по полчасу; такой отдыхъ называется «залогомъ». Всего значитъ отдыху $5\frac{1}{2}$ часовъ, а работы $12\frac{1}{2}$ часовъ. Работа страшно тяжелая. Сначала снимается верхній земляной пластъ и негодная плита (фризъ). Очистка занимаетъ три мѣсяца, съ мая до августа. Толщина очистнаго пласта отъ 3—4 сажень и самое малое двѣ сажени. Работа производится громадными ломачами, о которыхъ ломы, которые мы привыкли видѣть, не даютъ никакого понятія. Ломъ плитнаго ломщика это настоящая желѣзная оглобля. Молоты, которыми расшибается слой плиты, тоже не похожи на кузнечные, а вѣсятъ два пуда и больше. Даже невѣроятно, какъ можно стучать подобнымъ молотомъ цѣлый день. И дѣйствительно, напряженіе силы при ломкѣ и вывозкѣ плиты требуется неизмѣримое. Приходится ворочать цѣлыя каменные глыбы тяжестью въ нѣсколько пудовъ. Какая-нибудь девятичетвертовая ступень для парадныхъ лѣстницъ въ Петербургѣ вѣситъ... да сколько она вѣситъ, того никто не знаетъ изъ рабочихъ. Рабочій знаетъ, что навалить ступень на сани еще ничего, а вотъ поставить ее на попу, такъ это трудно. Понятно, что между мѣстными ломщиками, особенно между лучшими рабочими, нѣтъ ни одного ненадорвавагоса. Легче всего надрываются, конечно, молодые и горячіе, молодечествующіе силой. Въ сорокъ, въ пятьдесятъ лѣтъ они жалѣютъ объ этомъ, да поздно, ужъ ничего не подѣлаешь. И хоть-бы эта каторжная, надрывающая работа обезпечивала. Годится рабочій, его берутъ; не годится—не берутъ. Чѣмъ рабочій становится старше, т. е. малосильнѣе, тѣмъ онъ цѣнится меньше и искусный ломщикъ, получавшій нѣкогда высшую плату, по мѣрѣ утраты силъ получаетъ все меньше и меньше, пока ему, наконецъ, совѣтъ не откажутъ отъ работы.

Хозяева кормятъ рабочихъ хорошо, потому-что если кормить рабочаго худо, то онъ будетъ и работать худо. Варятъ на обѣдъ три-четверти п поль-фунта мяса, а нѣкоторые хозяева даже фунтъ на человѣка. Обыкновенно даются щи и каша. Въ постные дни, т. е. по средамъ и пятницамъ, и въ посты—пища постная, а масло и въ скоромные дни къ кашѣ—постное. Всѣ хозяева, за исключеніемъ одного, имѣютъ свои лавки и ра-

бочимъ для ихъ надобностей деньги не выдаются, а отпускается готовый товаръ по цѣнѣ много высшей, чѣмъ въ другихъ лавкахъ. Это общая система, противъ которой никакой протестъ и никакое недовольство рабочихъ не помогаютъ.

Но хозяева съ своей стороны говорятъ, что ихъ дѣло рискованное, что ихъ нажимаетъ Петербургъ, а кромѣ того, и дѣло ихъ закрытое. Снимаетъ хозяинъ сажень двѣсти квадратныхъ подъ плитную ломку. Какая попадется плита — неизвѣстно; можетъ случиться такая очисть, что убъжишь отъ нея. Большею частью выручаютъ два верхнихъ слоя: бутокъ, бывающій толщиной до пяти вершковъ, и слѣдующій за нимъ слой, называемый братвеникъ, изъ котораго ломается сортовой товаръ: ступени, площадки, аршины; иногда и третій слой — переплетъ — даетъ бутъ и парѣдка ступени. Ломщикъ, располагающій двадцатью рабочими, истратитъ на содержаніе ихъ, на инструменты и на кузнеца тысячи четыре. Затѣмъ ему, конечно, нуженъ барышъ. Барышъ-же, по словамъ ломщиковъ, у нихъ проблематическій. Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться; но слѣдуетъ согласиться и съ тѣмъ, что изъ рабочихъ, какъ-бы они ни были искусны и сильны, не вышло еще ни одного богача, а два десятка хозяевъ, держащіе промышленность въ своихъ рукахъ, живутъ въ каменныхъ палатахъ и ѣдятъ на серебрѣ. Вообще, это производство темное, и расчеты его темные. Вотъ одинъ примѣръ. Ломщикъ, работающій на хозяина, продаетъ ему бутокъ за 11 руб. сажень, перевезти эту сажень на каналъ стоитъ 6 руб., кладка на каналъ — 1 руб., провозъ въ Петербургъ съ грузкой и выгрузкой — 15 руб., итого 33 руб., а въ Петербургѣ бутокъ съ плитныхъ дворовъ продается за 36 руб. Казалось-бы, чистое раззореніе, а между тѣмъ, вмѣсто раззоренія, получается обогащеніе, благодаря слѣдующему негласному обстоятельству, по которому изъ двухъ сажень, принятыхъ на мѣстѣ на ладожскомъ каналѣ, въ Петербургѣ дѣлается три сажени. При кладкѣ плиты установился тотъ-же обычай, какъ и при кладкѣ дровъ, т. е. сажень прибавляется и въ вышину и въ ширину, что на языкѣ промышленниковъ называется опушкой и погономъ. Въ сущности это мошенничество, но коммерческіе люди разсуждаютъ иначе или, лучше сказать, они вовсе никакъ не разсуждаютъ и дѣйствуютъ совершенно безсознательно. Промышленникъ думаетъ, что ему слѣдуетъ получить на свой капиталъ хорошій процентъ. Всѣ его думы направлены на то, чтобы приростала денга. Поэтому, когда хлѣбъ дороже, онъ платитъ рабочему меньше. Чтобъ рабочій обходился-бы ему еще выгоднѣе, хозяинъ заводитъ лавку. Изъ этой

лави рабочимъ отпускаются рукавицы, сапоги, хлѣбъ на прокормленіе семьи рабочаго, соль, даже, пожалуй, чай и сахаръ, но по цѣнамъ возвышеннымъ; а плату деньгами хозяинъ старается позадерживать. Хозяину кажется, что онъ своей лавочкой даже благодѣтельствуетъ рабочему, потому-что отпускаетъ ему въ долгъ, да вромѣ того, и рабочій не забирается деньгами и не истратитъ ихъ на вздоры. Конечно, противъ такихъ «вздоромъ», какъ вино, приняты очень энергическія мѣры и за каждый прогульный день вычитается у рабочаго два рубля. Вычетъ дѣлается неупустительно, поэтому самый неосновательный и легкомысленный рабочій безъ труда соображаетъ, что напиваться и терять рабочіе дни невыгодно. Чтобы капиталъ приносилъ еще большій процентъ, хозяева принимаютъ отъ рабочихъ плату по одной мѣрѣ, а продаютъ ее по другой. Для первой сажени у нихъ есть особые кладчики, такъ-называемые стойщики, которые укладываютъ плату такъ плотно, что въ промежутки не пролѣзаетъ и комаръ, къ этому припускается еще погонъ и опушка, и затѣмъ изъ двухъ такихъ компактныхъ сажень сдѣлать три, конечно, уже не представляется особомъ затрудненій. И все это дѣлается вполнѣ инстинктивно, безъ злого умысла, безъ тѣни преднамѣреннаго покушенія на чужой трудъ и на чужія деньги. Каждый такой инстинктивно дѣйствующій человекъ посѣщаетъ усердно храмъ Божій, благодушно наслаждается земными благами у себя дома, считаетъ себя добрымъ христіаниномъ, хорошимъ чадолюбивымъ отцемъ семейства и добрымъ гражданиномъ, котораго за всѣ его добродѣтели ждетъ въ будущемъ царство небесное.

Когда я ѣхалъ въ деревню, то, подъ влияніемъ статей о капитализмѣ, думалъ провѣрить на мѣстѣ, дѣйствительно-ли русская народная жизнь въ ея основаніяхъ заключаетъ въ себѣ всѣ начала для развитія капиталистическаго строя, или-же все это неприсуще русской природѣ и составляетъ прирожденную, національную особенность западныхъ народовъ. Конечно, въ высшей степени желательно и даже заманчиво считать русскую природу выше всѣхъ остальныхъ природъ и не скрою, что мнѣ было очень желательно, наблюдая деревенскій рабочій вопросъ, увидѣть въ немъ то-же, что находили изслѣдователи, не-допускающіе въ Россіи возможности капиталистическаго строя. Но факты, въ средѣ которыхъ я очутился, оказались мало утѣшительными. Деревня во всемъ ея обиходѣ поражаетъ прежде всего стихійностью и инстинктивностью. Люди факта, — не только крестьяне-земледѣльцы и простые чернорабочіе-ломщики, но даже и ихъ хозяева отличаются полнѣйшей инстинктивностью во-всѣхъ своихъ поступкахъ. Порядокъ, который сложился во-

кругъ и царить во всемъ, установился такимъ прочнымъ обычаемъ, точно все такъ водилось уже при сотвореніи міра. Крестьянинъ встаетъ чуть-свѣтъ и идетъ на свою пашню. Затѣмъ наступить пора, когда онъ точно также идетъ на свой сѣнокосъ, потомъ наступить пора, когда жнуть и убираютъ хлѣбъ, потомъ начинаются осеннія и весеннія работы, потомъ одни отправляются въ извозъ въ Петербургъ, другіе нанимаются возить плиту или дѣсу, а весною опять всѣ собираются въ деревнѣ и опять начинаютъ вертѣть тоже колесо. Такъ идетъ дѣло изъ года въ годъ. Даже наиболѣе умственно выдѣляющіеся крестьяне, и въ тѣхъ не замѣчается критической мысли. Всѣ, напримѣръ, знаютъ, что поля подъ усадьбой, которыя давали прежде въ озимыхъ поляхъ самъ-восемь, даютъ теперь только самъ-четыре и самъ-пять. Нивы, бывшія въ дѣсу и дававшіе прежде хорошіе урожан, теперь заростають и крестьяне начинаютъ снимать землю на сторонѣ. Но ни Андрей, ни Савелій, люди вообще толковые и наблюдательные, особенно Савелій, не могли мнѣ объяснить, отчего это происходитъ. Послушать ихъ, такъ все это сдѣлалось само-собою. А между тѣмъ склонность къ улучшеніямъ у крестьянъ несомнѣнна. Андрею въ прошломъ году были подарены сѣмена англійскаго овса, а нынче рожь. Ваза и онъ не только съ готовностью, но даже съ особой любовью посѣялъ ихъ, холилъ свой овесъ, наблюдалъ за его ростомъ и наблюденіе привело его къ заключенію, что англійскій овесъ нельзя такъ часто сѣять, какъ русскій, что извѣстно и агрономамъ, но о чемъ Андрей предупрежденъ не былъ. И тѣмъ не менѣе люди эти, наблюдательные въ томъ районѣ дѣйствій, гдѣ причины и слѣдствія зависятъ прямо отъ нихъ, не обнаруживаютъ наблюдательности и критической мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда причины дѣйствій лежатъ для нихъ внѣ возможности наблюденія. Тотъ-же Андрей, занимающійся зимой возкой плиты, говорилъ съ враждебнымъ чувствомъ о хозяевахъ-плитнякахъ, о томъ, что они заставляютъ брать товаръ изъ лавогъ и, очевидно, что естественное чувство возмущалось въ немъ несправедливостью отношеній, при которыхъ онъ, работникъ, ворячающій девяти-четвертовыми ступени и надсадившій себя надъ этой работой, ничего не имѣетъ и живетъ изо-дня въ день, а хоть-бы тотъ-же Дмитрій или какой-нибудь путиловскій хозяинъ, только изрѣдка посѣщающій ломки съ папиросами въ зубахъ, живутъ въ тысячныхъ домахъ и наживаютъ деньги.

И плитные ломщики-хозяева живутъ точно также. Весной придутъ къ хозяину рабочіе наниматься и хозяинъ заключаетъ съ ними условіе по установившемуся обычаю. Однимъ, напри-

мѣръ, корелянкамъ, выдаетъ онъ по тому-же установившемуся обычаю, задатку рублей двадцать, а своимъ, т. е. мѣстнымъ рабочимъ, рублей пятьдесятъ. Напишетъ условіе по тому-же установившемуся обычаю и затѣмъ продѣлываетъ все въ извѣстномъ порядкѣ, какъ всѣ остальные хозяева или ломщики-подрядчики, а эти — какъ онъ. Дмитрій, знакомившій меня съ дѣломъ, рассказывалъ о всѣхъ подробностяхъ отношеній между хозяевами и рабочими, крупными воротилами и ихъ мелкими поставщиками, какъ о какомъ-то мировомъ порядкѣ, точно рѣчь шла о томъ, что утромъ солнце восходитъ, а вечеромъ заходитъ. Правда, Дмитрій, желая похвалить хозяина, на котораго онъ поставляетъ, замѣтилъ, что это единственный между мѣстными хозяевами, который не держитъ лавки, но затѣмъ у него не шевельнулась мысль, что вѣдь при извѣстныхъ обстоятельствахъ и остальные хозяева могли - бы тоже не пачкаться лавочнымъ барышничествомъ. Во всемъ мѣстномъ обычаѣ и отношеніяхъ какъ въ плитномъ промыслѣ, такъ и въ земледѣльческомъ вы видите, что человекъ вертится въ какомъ-то колесѣ, а почему онъ попалъ въ то колесо, а не въ другое, почему онъ очутился наверху, а не внизу, почему онъ въ своемъ колесѣ бьется и карабкается, что можно въ этомъ колесѣ измѣнить, никто этого не знаетъ. Сегодня Дмитрій случайно упадетъ на хорошую ломку, у него пять тысячъ барыша, завтра попадетъ на скверную, у него пять тысячъ убытку; у Андрея сегодня три лошади и урожай и онъ подаетъ своимъ гостямъ водку, настоенную на чаѣ, и черносливную наливку, а завтра придетъ сибирская язва и неурожай, Андрей очутится съ сумою и опять карабкается вверху, такъ-что не только плитная работа, но даже и само земледѣліе выходитъ въ родѣ «неопредѣленныхъ занятій». Въ этомъ колесѣ внутри его все установилось на коммерческомъ началѣ. Вы видите тутъ только счетъ и расчетъ. Напримѣръ, въ череповскомъ уѣздѣ новгородской губерніи, крестьянинъ низачто не пойдетъ въ поденщину и не наймется въ рабочіе къ дурному владѣльцу. Тамъ между нанимателями и нанимаемыми сохранились нравственныя отношенія. Здѣсь ихъ уже нѣтъ. Вліяніе-ли это Петербурга или это потому, что сюда идетъ пришлый народъ, но здѣсь на человека смотрятъ просто какъ на рабочую силу и мѣстные подрядчики и купцы дѣйствуютъ чисто по расчету наживы и выгоды и никакого нравственнаго момента въ отношеніяхъ нанимателей и нанимаемыхъ замѣчается. Можетъ быть, это зависитъ и оттого, что въ череповскомъ уѣздѣ пришлыхъ рабочихъ нѣтъ, а здѣсь на 1,500 мѣстныхъ работниковъ является 500 кореляковъ. Даже женщины,

ужь начто болѣе сердечныя, и тѣ даже руководствуются расчетомъ. Напримѣръ, сосѣдняя землевладѣлица позоветь къ себѣ въ огородъ бабъ въ самую горячую пору и онѣ отрываются отъ своей работы и идутъ на барскій огородъ по обыкновенной поденной платѣ, потому что весной, когда у бабъ мало своей работы, онѣ найдутъ дѣло только у той-же помѣщицы. Вообще весь строй мѣстной жизни въ настоящемъ его видѣ производитъ впечатлѣніе колеса, въ которомъ одинаково, но только въ разныхъ ящикахъ, вертятся и подрядчики, и рабочіе, и земледѣлцы, и ломщики, какъ-бы охваченные сложившейся системой и установившимся экономическимъ бытомъ, въ которомъ капитализмъ опредѣляетъ всѣ взаимныя отношенія и никто не властенъ противъ этой системы, точно ее создала и ею управляетъ внѣшняя сила и противъ этой силы ничего не подѣлаешь и невозможно ей не подчиниться.

А между тѣмъ жизнь идетъ впередъ, она подтачиваетъ внѣшній обиходъ, не проникая сознаниемъ только въ область труда и экономическихъ отношеній и получается какая-то двойственность. Съ одной стороны расшатывается внѣшній установившійся обычай, съ другой-же закрѣпляется капиталистическая практика и зависимость рабочаго отъ хозяина, нанимаемаго отъ нанимателя. Дмитрій мнѣ рассказывалъ, что теперь жить стало гораздо труднѣе, чѣмъ лѣтъ двадцать назадъ.—Отчего?—«Да оттого,—говоритъ онъ:—«что прежде мы платили 30 р. съ тягла, а теперь платимъ 50».—«Да что-же для тебя значать эти 20 р., говорю я ему, когда ты проживаешь въ годъ тысячу»... Было очевидно, что Дмитрій не думалъ хорошенько объ этомъ вопросѣ, а говорилъ больше съ чужого голоса, потому что всѣ жалуются на большіе платежи и въ печати, и не въ печати они считаются главною причиною, что народу жить трудно. Англичане, французы и даже ирландцы платятъ неизмѣримо больше, чѣмъ наши крестьяне; положимъ, что ни одинъ изъ этихъ народовъ не платитъ особенно нѣжнаго чувства къ налогамъ, но они очень хорошо понимаютъ, что не налоги истощаютъ страну, а ненормальныя экономическія отношенія и дурныя условія труда; мы же этого не понимаемъ. Согласившись, что лишніе 20 р. въ годъ при общемъ расходѣ въ тысячу рублей не могутъ еще раззорить, Дмитрій сталъ обвинять бабъ, что онѣ пьютъ кофе по два и по три раза въ день, что безъ кофе не можетъ прожить даже самая бѣдная баба, что нынче всѣ стали ходить въ сапогахъ, а прежде сапоги надѣвали только въ праздники къ обѣднѣ, да и тѣ надѣвали передъ самой церковью, пиджаковъ и пальто не носили, бабы не модничали въ бурнусахъ и т. д... Подобныя-же жалобы

на новый обычай слышалъ я и отъ Андрея, а между тѣмъ и Андрею, и Дмитрію не больше 35—37 лѣтъ. Ясно, что консерватизмъ обоихъ этихъ представителей земледѣльческаго и промышленнаго труда имѣетъ совершенно тотъ-же характеръ, какъ и у интеллигентныхъ консерваторовъ. Они видятъ форму, а не сущность жизни. Перваго августа деревня празднуетъ свой годовой праздникъ и въ справедливости жалобъ Андрея и Дмитрія легко было убѣдиться. Дѣйствительно, старый обычай дрогнулъ. Женщины и дѣвушки не носятъ уже ни сарафановъ, ни шугаевъ, ни монистъ, ни кокошниковъ. Теперь вошло въ моду платье и городская одежда. Кончились и хороводы, а ихъ смѣнила «кадриль», но не французская, а какая-то очень сложная и запутанная, такъ-что ничего и не разберешь. Однимъ словомъ—къ крайнему огорченію славянофиловъ нашъ земледѣлецъ въ заграничномъ пальто, въ заграничномъ пиджакѣ, въ жилетѣ, въ шапкѣ или въ шляпѣ сталъ болѣе похожъ на нѣмецкаго колониста. Избы у самыхъ бѣдныхъ крестьянъ оклеены обоями, завелись комоды, шкафы, нѣчто вродѣ буфетовъ, стулья смѣняются скамейки, однимъ словомъ — прежней избы уже нѣтъ, а вышла изба на нѣмецкій образецъ.

Эта внѣшняя перемѣна закралась въ народную жизнь тоже совсѣмъ незамѣтно и принята инстинктивно. Она создала новыя потребности, новыя привычки, въ которыхъ молодое поколѣніе крестьянъ явилось дѣйствующей и вліятельной силой и ей подчинились не только средневозрастные, какъ Андрей и Дмитрій, но и семидесятилѣтніе старики, какъ Савелій. Но и другая область отношеній, гдѣ-бы, повидимому, должны вліять представители деревни, совершенно миновала ихъ сознаніе и вотъ въ чемъ именно заключается наше внутреннее безсиліе и внутреннее неустройство. Дѣленіе на интеллигенцію и не-интеллигенцію не засыпаетъ пропасти, а, напротивъ, ее увеличиваетъ. Оно поддерживаетъ въ народѣ прежнюю неприязнь къ такъ-называемому образованному слою, или къ «барамъ», отъ которыхъ народъ зависитъ во всемъ. Интеллигентомъ выходитъ нынче даже урядникъ. Земство, которое могло-бы сдѣлать что-нибудь для уничтоженія этой пропасти, влачитъ такое-же инстинктивное существованіе и не сдѣлало ничего для пробужденія народнаго сознанія. Земство, вмѣсто того, чтобы слить «землю» съ общими земскими интересами, скорѣе разъединяло народъ отъ интеллигенціи и не уничтожало раздѣляющей линіи. Да и есть-ли эта линія. Въ сущности интеллигенція, это тѣ, которые хотятъ управлять народной жизнью, а народъ, это то, въ жизнь чего всякій видѣруется и всякій надъ нимъ умничаетъ и вся-

хочетъ его передѣлать по-своему. А между-тѣмъ, тотъ-же самый Андрей, который отлично понимаетъ, почему англійскій овесъ выросъ у него не совсѣмъ ладно, также отлично-бы разобралъ, почему, ворочая девятичетвертовыя ступени, онъ наживетъ себѣ только каменную болѣзнь, а его подрядчикъ каменный домъ. Если-бы тотъ-же Андрей хоть-бы разъ взошелъ въ земство, какъ земецъ, призванный думать и говорить о своихъ нуждахъ и интересахъ, онъ разсудилъ-бы ихъ нисколько не хуже, чѣмъ любой земецъ шлиссельбургскаго округа. Границу между интеллигенціей, какъ разсуждающими за другихъ и не-интеллигенціей, какъ людьми, не имѣющими права разсуждать о своихъ дѣлахъ, можно уничтожить только однимъ этимъ призваніемъ. Тогда не только деревня перестанетъ жить инстинктивной жизнью, но перестанетъ жить ею и земство.

Н. Ш.

ПЛАНЪ ГАМБЕТТЫ И ВЫБОРЫ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬ- НЫЙ КОРПУСЪ.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА).

I.

«*Quanto grosso, tanto fino!*» То есть: толстый человекъ, но тонкая штука, — такъ опредѣляли обыкновенно русскаго дипломата, князя Потемкина, умъ котораго равнялся его замѣчательной дородности. Можно-ли сказать то-же самое о Гамбеттѣ? Его толщина вѣдъ всякаго сомнѣнія. Также-ли несомнѣнны его умъ и ловкость? Если мы полюбопытствуемъ насчетъ его собственнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи, то онъ отвѣтитъ, что какъ далеко-бы ни заглянуть въ исторію, тамъ не встрѣтитъ ему соперника. Въ дѣлѣ управленія народами, онъ заткнетъ за поясъ своего соотечественника итальянца Макіавели, а въ военномъ искусствѣ ожидаетъ лишь благопріятнаго случая, чтобы затмить Цезаря, Бонапарта и Мольте, вмѣстѣ взятыхъ.

Если это убѣжденіе не раздѣляется еще всѣми, то это происходитъ не по недостатку внушеній.

Къ кому-бы онъ ни обращался, къ суконщикамъ, къ коммивояжерамъ или къ «друзьямъ своимъ» виннымъ торговцамъ, онъ не упускаетъ случая побесѣдовать объ этомъ съ публикой и судя по тону, съ какимъ онъ говоритъ намъ о «своихъ видахъ», «своемъ планѣ», «своей политикѣ» и «своей республикѣ», судя по тому, какъ онъ указываетъ на близкое возмездіе, надо обладать большею дозою скептицизма, чтобы не поддаться на эти увѣренія и не увѣрять тому, что онъ дѣйствительно имѣетъ виды, планы, политику и свою собственную республику, а также и владѣетъ секретомъ новой тактики, могущей возвратить

Франціи съ ея утраченными провинціями блескъ и военное величіе, которые на минуту померили.

Дѣло въ томъ, что все это такъ часто повторялось, что многіе дѣйствительно всему этому повѣрили. На Итальянскомъ бульварѣ, на берегахъ Темзы и въ другихъ мѣстахъ, вы встрѣтите людей, которые самымъ серьезнымъ образомъ будутъ говорить вамъ о планѣ Гамбетты, совершенно такъ-же, какъ говорили-бы нѣкогда о планѣ Трошю.

Въ чемъ-же онъ заключается? Гамбетта, совершенно такъ-же, какъ и генераль, остерегается разъяснить его. Никто не счѣлалъ-бы сказать, гдѣ именно хранится этотъ драгоценный документъ. Что касается меня лично, то я раздѣляю, въ этомъ случаѣ, невѣжество публики. Я долженъ даже прибавить, что наше любопытство можетъ остаться навсегда неудовлетвореннымъ, а планъ Гамбетты, подобно плану генерала Трошю, быть обреченнымъ никогда не увидѣть свѣта Божія. Это, вѣроятно, все то-же дѣйствіе злополучія, постигающаго вотъ уже нѣсколько лѣтъ нашихъ государственныхъ людей и не допускающее осуществленія ихъ гениальныхъ замысловъ.

Наполеонъ III погибъ въ ту минуту, какъ намѣревался явить чудо свободныхъ учреждений, сочетающихся съ императорскимъ режимомъ; г. Тьеръ палъ въ то время, какъ собирался показать намъ противоположное, а именно: приспособленіе республиканскаго образа правленія къ монархическимъ учреждениямъ. Трошю истребилъ-бы всѣхъ прусскихъ солдатъ до послѣдняго, если-бы несчастныя обстоятельства не принудили его капитулировать; что-же касается плана г. Гамбетты, то бельвийскіе туманы разбили птенца въ его скорлупѣ.

Попытаемся-же, по крайней мѣрѣ, въ интересахъ исторіи, собрать осколки и съ ихъ помощью, быть-можетъ, удастся намъ возстановить цѣлое.

Познать основу, скелетъ этого плана,—не трудно: это списочное избирательство, *scrutin de liste*.

Всѣ помнятъ агитацію, поднятую этимъ вопросомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Еще никогда не видѣли болѣе горячей, парламентской борьбы. Всѣ другіе вопросы внезапно стушевались предъ антагонизмомъ окружнаго и списочнаго избирательства. На бульварахъ, въ кружкахъ и корридорахъ палаты всѣ разговоры вертѣлись на шансахъ того или другого способа избирательства.

Но чтобы получить точное понятіе о пламенной борьбѣ и полемической ярости, необходимо было слѣдить за ними по оф-

«иціальному органу Гамбетты, «République française», которая исключительно предалась преслѣдованію своей добычи.

Извѣстія изъ Петербурга, отголоски нигилистическихъ бомбъ, проекты священнаго союза, замышляемые ирландскимъ канцлеромъ, — ничто не могло отвлечь этотъ органъ отъ его цѣли. Среди всеобщаго волненія въ Европѣ, только она одна не видѣла и не слышала ничего. Казалось, всѣ прочіе интересы исчезли изъ міра. Даже Греція была забыта. Огдавшись вполне своей избирательной борьбѣ, гамбеттистская газета появлялась ежедневно, набитая до-верху самыми вѣскими аргументами въ пользу своего тезиса.

Чтобы установить превосходство своего кліента, то есть списочнаго избирательства, она ссылалась на 1791 г. на славныхъ предковъ, на ресторрацію; послѣ республики она призвала правовѣденіе, географію, наконецъ, всю природу вообще.

Списокъ! Списокъ! Ничего, кромѣ списка.

Въ этомъ весь вопросъ, единственный вопросъ о бытіи и небытіи.

О чемъ-же шло въ дѣйствительности дѣло? О какомъ-нибудь важномъ вопросѣ доктрины? О задачѣ высшей національной политики? О сущности нашихъ учреждений? О какомъ-либо изъ основныхъ вопросовъ соціальной экономіи? Нисколько.

Въ этомъ вопросѣ о списочномъ избирательствѣ, такъ пламенно поднятомъ и отстаиваемомъ Гамбеттой, не имѣлось въ виду ни принципа, ни доктрины, ни какого-либо политическаго или экономическаго интереса. Въ основаніи этой агитаціи лежало честолюбіе одного человѣка и эгоистическій расчетъ его.

Требовалъ-ли кто-нибудь этой реформы, до того дня, когда появилось на сцену пресловутое предложеніе Барду? Большинство палаты не питало къ ней ни малѣйшаго страха. Даже сенатъ, который она, якобы, должна ослабить, относился къ ней спокойно. Ни департаментскіе совѣтчи, ни самые министры, ни одинъ изъ тридцати-шести тысячъ муниципальных совѣтовъ—никто не тревожился. Этой реформы не требовала ни одна петиція; на нее не указывали никакія требованія времени. Она вышла во всеоружіи изъ мозга одного человѣка. И это до такой степени вѣрно, вопросъ былъ до того личный, страстная агитація, имъ поднятая, до такой степени проистекала изъ прихоти этой изолированной личности, что на другой-же день послѣ голосованія сената всякое возбужденіе и борьба улеглись также быстро и внезапно какъ загорѣлись. Не естъ-ли это вѣрнѣйшее доказательство искусственнаго, индивидуальнаго и корыстнаго характера реформы, къ которой стремился Гамбетта?

Какой-же именно личный интерес имѣлъ въ этомъ дѣлѣ президентъ палаты?

Мы уже указали на то, чего онъ добивался.

Прежде всего ему нужно возобновленіе императорскихъ плебисцитовъ для своего имени и при помощи многочисленности кандидатуръ. Доставляя ему отъ сорока до пятидесяти избраній, то есть безпримѣрное въ исторіи торжество, эта многочисленность кандидатуръ должна была придать ему непреодолимую силу для довершенія его замысловъ, осуществленія его плановъ величія, военной славы и диктатуры.

Одинъ очевидецъ передаетъ слѣдующія подробности о достопамятномъ вечерѣ, когда Тьеръ получилъ въ Бордо телеграммы, извѣщавшія о двадцати-шести избраніяхъ, которыхъ онъ удостоился отъ своихъ согражданъ. Дѣйствіе происходило въ небольшомъ, отнынѣ знаменитомъ номерѣ нижняго этажа, въ Hôtel de France. На небольшомъ письменномъ столѣ розоваго дерева складывались депеши по мѣрѣ ихъ полученія. Тьеръ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ лихорадочной поспѣшностью. Госпожа Тьеръ казалась еще болѣе взволнованной. При каждомъ новомъ появленіи синей бумажки, Тьеръ громко прочитывалъ ее и затѣмъ откладывалъ на столъ, говоря женѣ съ добродушною радостью: «Это пятнадцатый Элиза... это восемнадцатый... Это двадцать-второй... И такъ далѣе до конца вечера, когда, наконецъ, подвели итогъ и близкіе поспѣшили поздравить государственнаго дѣятеля, сдѣлавшагося отнынѣ провиденціальнымъ человѣкомъ.

Этотъ-то историческій вечеръ въ Бордо давно уже тревожитъ мечты Гамбетты. Онъ далъ себѣ слово повторить его въ свою пользу, но съ большей полнотой и рѣшительностью.

Онъ воображалъ себя получающимъ изъ пятидесяти департаментовъ отъ 4-хъ до 5-ти миллионovъ избраній, и такимъ образомъ вознесеннымъ къ самой цезарской изъ диктатуръ. Это было-бы другое избирательное 2-ое декабря, но совершенное безъ преступленія, безъ несмыселаемаго клейма пролитой крови и порванной конституціи.

II.

Но кромѣ многочисленности кандидатуръ, Гамбетта имѣлъ въ виду и другой результатъ. Онъ желалъ измѣнить большую часть состава нынѣшней палаты, который отличается посредственностью, грубостью, справедливо дискредитированъ и порой не-

покоренъ, хотя въ концѣ-концовъ всегда подчиняется. Эта палата можетъ сыграть съ нимъ и плохую шутку, если только ей будетъ гарантирована безнаказанность, что она и доказала, давая ему два раза сряду лишь относительное большинство нѣсколькихъ голосовъ, когда онъ баллотировался въ президенты, будучи ограждена тайной подачей голосовъ. Онъ желалъ замѣнить это собраніе болѣе юнымъ, даровитымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе гибкимъ въ рукахъ учителя.

Длинный рядъ молодыхъ и новоявленныхъ кандидатовъ долженъ былъ внезапно появиться въ спискахъ, составленныхъ въ Palais Bourbon. Для этой цѣли Гамбетта велѣлъ изготовить для себя замѣтки, въ которыя были-бы занесены всѣ молодые люди, заслуживающіе его вниманіе вслѣдствіе написанной книги, адвокатской защиты, брошюры, лекціи или даже газетной статьи. Онъ приглашалъ ихъ къ себѣ, разсматривалъ и если смотрѣе оказывался благопріятнымъ, предлагалъ приурочить ихъ къ своей судьбѣ, покровительствуя ихъ кандидатурамъ въ такихъ сферахъ, гдѣ они могли-бы имѣть успѣхъ. Подобно искусителю на горѣ, онъ говорилъ имъ: «будьте моими и я доставлю вамъ всѣ эти мѣста, отличія, олады, синекуры».

Опираясь на составленную такимъ способомъ палату, которая была-бы предана ему душой и тѣломъ, онъ льстилъ себя надеждой легкаго осуществленія и всѣхъ другихъ измѣненій, имъ замысливаемыхъ. Первымъ дѣломъ учителя долженъ быть пересмотръ конституціи, при содѣйствіи своей новой палаты, такъ-какъ для него неудобно было-бы принять президентство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было устроено въ 1873 году.

Гамбетта погнушался-бы принять просто-на-просто скромное и прозаичное мѣсто г. Гриви. Этотъ буржуазный и узкій постъ кажется ему неподходящимъ для его объемистой фигуры. По примѣру имперіи онъ хотѣлъ-бы вести дѣло en grand, а нынѣшняя конституція, по его мнѣнію, не предоставляетъ главѣ государства довольно обширнаго личнаго вліянія.

Онъ мечталъ о болѣе величественной, продолжительной и безусловной власти.

Далекій отъ мысли упразднить сенатъ, какъ того требовали радикалы, онъ намѣревался сохранить его, преобразовавъ въ свою пользу. Искусство заключалось не въ томъ, чтобы уничтожить, а въ томъ, чтобы поработить. Благодаря невѣроятной авантюри, позволяющей при республикѣ совмѣщеніе званія сенатора со всякой другой должностью, верхняя палата можетъ быть превращена въ собраніе чиновниковъ, голоса которыхъ заранее оплачены.

И теперь уже эта система практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ. Достаточно будетъ только расширить ее. Тѣ, которые, по остатку стыда, отказались-бы принять плату своего раболѣпства, приняли-бы ее для своихъ сыновей, племянниковъ и т. д. Въ концѣ-концовъ, если взаимнѣ прерогативъ, даруемыхъ сенату конституціей, Гамбеттѣ пришла-бы мысль предложить распространеніе несмѣняемости на всѣхъ сенаторовъ съ ежегоднымъ окладомъ въ 30,000 франковъ, то не много нашлось-бы такихъ несговорчивыхъ отцовъ отечества среди лѣвой, которые отказались-бы отъ такого положенія. Впрочемъ, можно было предположить, что ближайшее возобновленіе состава сената въ началѣ 1882 г. уменьшить настоящую цифру оппозиціи въ верхней палатѣ, такъ, что не будетъ никакого препятствія къ созванію конгресса, съ указанной цѣлью, и къ пересмотру этимъ конгрессомъ основнаго договора.

Какія-же дальнѣйшія измѣненія въ конституціи намѣревался продиктовать побѣдитель по достиженіи этихъ результатовъ? При помощи шестилѣтняго законодательнаго срока, съ возобновленіемъ одной трети, по прошествіи каждаго двухъ лѣтъ, онъ воскресить Кромвелевскій парламентъ-охвостье, продолживъ собственную диктатуру.

Но главнымъ и рѣшающимъ пунктомъ было—пожизненное консульство, безсрочный протекторатъ. Таково твердое намѣреніе, и въ этомъ полагаетъ свое обдуманное честолюбіе Гамбетта.

Да и могло-ли быть иначе? Гамбеттѣ въ настоящую минуту едва минуло сорокъ-три года и если-бы онъ просто-на-просто заступилъ мѣсто Греви, то достигъ-бы окончанія срока своего септенната пятидесяти или пятидесяти-двухъ лѣтъ, иначе говоря, онъ потерялъ-бы власть и обреченъ-бы былъ на бездѣйствіе въ тѣ самые годы, когда именно политическій дѣятель, въ полнотѣ силъ и зрѣлости, всего болѣе способенъ къ осуществленію давно задуманныхъ плановъ. А какая пытка для честолюбца, пребывать въ бездѣйствіи и безвѣдѣности, потому-что тогда онъ уже былъ-бы ничѣмъ. Человѣкъ, спускающійся съ трона, не можетъ уже быть министромъ, тѣмъ менѣе сенаторомъ, депутатомъ, префектомъ, сборщикомъ податей, полевымъ сто-рожемъ.

Послѣ трона можно развѣ сажать салатъ по примѣру Діоклетіана, или поступить въ монастырь по образцу Карла V-го.

Что касается монастыря, то бывшій *habitué café Procope*, по-видимому, не чувствуетъ большой склонности къ монастырской

жизни, а относительно сагата, онъ, насколько извѣстно, не имъ питается за своимъ столомъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на пошлость и раболѣпіе, его окружающіе, несмотря на өміямъ, которымъ ему кадятъ ежедневно и который могъ-бы одурить и болѣе сильнаго человека, несмотря на парламентъ-охвосте и наемный сенатъ, несмотря на сорокъ или пятьдесятъ избравій на его имя, г. Гамбетта прекрасно сознаетъ трудности своего предпріятія, при нормальномъ и мирномъ пересмотрѣ конституціи.

Эту пальму можетъ обезпечить только побѣда, а потому, для Гамбетты, какъ и для Наполеона III, достиженіе верховной власти возможно только подъ условіемъ войны, какъ необходимаго основанія для всѣхъ его расчетовъ и соображеній.

Куда-же направлены его воинственныя виды, на какія територіальныя пророщенія мѣтятъ его поползновенія?

Несмотря на интересъ, связанный съ подобнымъ вопросомъ, самая важность его предписываетъ величайшую сдержанность, по причинѣ подозрѣній, которыя онъ могъ-бы возбудить. Мы можемъ только сказать, что тунисское дѣло было лишь незначительнымъ эпизодомъ, сравнительно съ имѣвшимися проектами; что планы кампаніи были изучены и готовы, что они должны были потребовать трехъ армій, что начальники этихъ армій были уже намѣчены, а именно: генералъ Соссье, генералъ Билло и, наконецъ, генералъ Галифе, надъ которыми, однако-же, существовало-бы высшее, центральное начальство, которое, само собою разумѣется, было-бы ввѣрено бывшему турецкому и бордосскому генералиссимусу.

Слѣдовательно, не простымъ бахвальствомъ объясняются шовинистскія выходки, которыми Гамбетта украшаетъ свои рѣчи; было-бы ошибкой видѣть только фантазіи журналиста въ статьяхъ, гдѣ гамбеттовскіе приспѣшники предаются, безъ удержа, своему воинственному настроенію, и слова, приписанныя Гамбеттѣ, во время одного изъ министерскихъ кризисовъ, во всякомъ случаѣ, весьма правдоподобны: «Слишкомъ рано», отвѣчалъ онъ тѣмъ, кто уговаривалъ его составить министерство.—Г-ну Греви хорошо извѣстно, что министерство Гамбетты равносильно войнѣ».

Значить-ли это, что будущій императоръ немедленно приступилъ-бы къ войнѣ?

Конечно, нѣтъ. Онъ слишкомъ генуэзецъ, чтобы не имѣть коварной осторожности и не пощадить на нѣкоторое время мирнаго настроенія страны. Онъ не сталъ-бы даже низлагать г. Греви на другой день послѣ своего плебисцита и довольствовался-бы тѣмъ, что довелъ-бы его до положенія, въ кото-

ромъ находился въ свое время Макъ-Магонъ послѣ неудачи 16 мая. При содѣйствіи своей палаты и послѣ частнаго возобновленія сената, онъ рѣшился-бы, наконецъ, взять въ свои руки официальное управленіе дѣлами, чтобы самому подготовить послѣднюю ступень своего возвышенія. Тогда, окруживши себя новымъ министерствомъ, элементы котораго были-бы тщательно сбережены до тѣхъ поръ для этой высшей цѣли, онъ занялъ-бы высшій постъ президента совѣта министровъ безъ портфеля, вмѣшиваясь лишь изрѣдка и такъ, чтобы избѣгать прямой ответственности и личныхъ неудачъ. Въ такомъ-то сильномъ и властномъ положеніи онъ приступилъ бы къ осады Елисейскаго дворца, терпѣливо ожидая, окруженный своими камергерами, близкаго часа осады.

Таковъ былъ въ зачаточномъ, такъ-сказать, состояніи планъ, возникшій въ честолюбивомъ воображеніи этого новаго политическаго искателя приключеній. Осуществленію этихъ химерическихъ плановъ приглашали Францію принести въ жертву ея спокойствіе, благосостояніе, а быть можетъ, и независимость. Оставалось узнать, что отвѣтитъ на это страна.

III.

Какъ мы уже сказали, первымъ пунктомъ, которымъ надлежало овладѣть, было списочное избирательство, а чтобы добиться такого результата, приходилось перешагнуть чрезъ трупы: палаты, сената и президента республики. Самые жизненные интересы тѣхъ и другихъ были замѣшаны въ этомъ вопросѣ. Требовалось три трупа! Этимъ обуславливалось побѣда Гамбетты, для котораго это обстоятельство, безъ сомнѣнія, было лишь пустою подробностью. Но вопросъ въ томъ, подставятъ-ли шею жертвы, или вѣрнѣе, согласятся-ли онъ собственноручно заклать себя, по знаку, данному господиномъ. Это послѣднее также входило въ составъ и представляло одну изъ оригинальныхъ сторонъ комбинаціи. Вмѣсто того, чтобы принести ихъ въ жертву своимъ замысламъ, вмѣсто того, чтобы выбросить ихъ за окно, какъ въ брюмерѣ, наступить на горло, во время сна, какъ въ декабрѣ, онъ попросилъ-бы ихъ взять на себя самихъ этотъ трудъ во избѣжаніе для него затрудненій и гнусности дѣла. «Она сопротивлялась, и я убилъ ее», говорилъ прежній способъ. «Ты сопротивляешься, такъ убей себя», говоритъ новая метода, изобрѣтенная Гамбеттой. Окажется-ли удачнымъ нововведеніе? Прежде всего г. Греви былъ приглашенъ своимъ соперникомъ распороть себѣ животъ. На пресловутомъ

свиданіи, въ которомъ г. Гамбетта пустилъ въ ходъ всё чары своего краснорѣчія, Гриви выказалъ сильнѣйшее отвращеніе; онъ упорно оттолкнулъ смертоносное орудіе, которое подносилось ему съ такою граціей, а чтобы огласить дѣло, онъ ведѣлъ заявить чрезъ оффиціозные органы свои, что если конституціонныя обязанности его роли предписываютъ ему нѣкоторую сдержанность и не дозволяютъ непосредственнаго вмѣшательства, при помощи рѣчи или посланія, то весьма ошибутся тѣ, кто полагаетъ, что онъ «дозволить своему кабинету воздержаться въ вопросѣ, затрогивающемъ его личное достоинство и его политическую честность».

Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день узнали, что сопротивление его, наконецъ, рушилось и много шумѣли, по поводу бала у президента республики, на которомъ г. Гамбетта былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ и съ особеннымъ вниманіемъ.

Послѣ Гриви шелъ чередъ палаты. Извѣстно, какое презрѣніе не переставалъ питать къ ней Гамбетта. Какъ-то разъ онъ замѣтилъ, что это «не болѣе какъ государственный совѣтъ, да и того для нея много!» Онъ не переставалъ громко заявлять о ея посредственности, невѣжествѣ въ политическомъ отношеніи и полной бездарности.

Онъ издѣвался надъ ея чувствомъ собственнаго достоинства, заставляя отвергать рѣшеніе, принятое ею за день предъ тѣмъ, и по вопросамъ первостепенной важности. Особенно типическій фактъ можно было указать во время обсужденія закона о печати. Палата отмѣнила всякія наказанія, по обвиненію въ оскорбленіи особы президента республики. При этомъ она исключительно занята была мыслью сыграть штуку Гриви и сдѣлать удовольствіе Гамбеттѣ. Но онъ, заботясь объ огражденіи своего будущаго величества, на другой-же день заставилъ палату измѣнить рѣшеніе и ввести въ законъ статью, по которой оскорбленіе президента республики подлежало одинаковому наказанію съ оскорбленіемъ особы иностранныхъ государей.

Самые враждебные элементы давно склонили голову. Между прочими можно указать на г. Вильсона, который въ 1871 г., когда правительство прославляло національную оборону, воскликнулъ: «министръ снимаетъ отвѣтственность съ бордосскаго правительства и я настаиваю предъ собраніемъ, что образъ дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ въ Бордо долженъ быть заклеименъ, какъ онъ того заслуживаетъ». Далѣе будущій пріятель Palais Bourbon заключилъ свою рѣчь слѣдующими неумолимыми словами: «Я требую назначенія слѣдствія... Оно повлечетъ за собою позоръ».

Другіе, не менѣ покорные слуги его, желали нѣкогда «схватить бѣшенаго турскаго и бордосскаго безумца».

Чего нельзя добиться отъ такого скопища глупости и пошлости? Впрочемъ, какъ-бы низко не стояло живое существо, инстинктъ сомосохраненія всегда можетъ побудить его къ мятежу. Дѣйствительно, при первомъ заявленіи о проектѣ, раздался всеобщій протестъ. Зала законодательнаго корпуса огласилась криками павлиновъ, которыхъ рѣжутъ, а такъ-какъ, несмотря ни на что, ужасное предложеніе было внесено, то возмущенное большинство грубо отвергло принятіе къ свѣденію.

Однако Юпитеръ нахмурилъ брови и немедленно все пришло въ порядокъ. Вчерашнее рѣшеніе было отмѣнено, — этотъ способъ, какъ мы видѣли, вошелъ въ обычай палаты, — и самыя непокорные согласились, скрѣпя сердце, на обсужденіе проекта закона, причемъ клялись, что отмстятъ за себя, самымъ блистательнымъ образомъ, во время голосованія.

Никогда еще Гамбетта не выказывалъ такого подавляющаго презрѣнія къ представителямъ страны, какъ на этотъ разъ. Обращаясь къ бонапартисту, который колебался относительно послѣдняго рѣшенія: «Эта палата, отвѣчалъ онъ,—въ рѣшительную минуту голосованія будетъ не только у моихъ ногъ, но у сапоговъ моихъ».

Бѣдное собраніе, надо признаться, не могло похвалиться удачей. Его послѣдняя надежда возлагалась на министерство, на твердость Елисейскаго дворца, на объясненія, обѣщанныя г. Ферри. Увы! И этой послѣдней надеждѣ суждено было только что рушиться. По примѣру президента республики, министерство улетучилось и правительство было поражено внезапной нѣмотой. Да какъ-же было ему и заговорить, когда г. Гамбетта заткнулъ ему глотку! Какіе странные парламентскіе нравы, замѣтятъ ихъ, быть можетъ. Мыслимое-ли дѣло, напримѣръ, въ Англіи, чтобы спикеръ палаты общинъ одинъ давалъ оцѣнку столь важнаго закона и запрещалъ-бы Гладстону вмѣшиваться въ это дѣло. Ройе Колларъ сказалъ: «Избирательный законъ—это сама конституція». И онъ былъ правъ, потому что этого рода законъ можетъ все измѣнить въ государствѣ, включая и форму правленія. Какъ-же можетъ не интересоваться имъ правительство?

Но нынѣшніе министры иначе понимаютъ вещи, и признавъ, что собственная честь заставляетъ ихъ принять участіе въ преніяхъ, исчезаютъ куда-то при малѣйшемъ движеніи бровей президента палаты.

Стоить-ли напоминать чѣмъ кончилась драма. Сопrotивленіе,

уже ослабленное интимными завтраками, разными *coulis d'ècrevisses* и другими аргументами повара Тромнетта, окончательно разсвѣлось при видѣ такого отступленія министерства. Когда-же господинъ заговорилъ, чтобы возвѣстить, что роковой часъ насталь, бѣдныя твари, не говоря ни слова, подали голоса за смертельное избирательство. Достаточно было одного засѣданія, одной рѣчи, одного жеста, чтобы все покончить. Тамъ было болѣе трехъ сотъ человѣкъ оппозиціи; ни одинъ не открылъ рта, чтобы отвѣчать господину, ни одинъ не подалъ признака жизни. Едва успѣло первое голосованіе констатировать побѣду Гамбетты, какъ тотчасъ-же депутаты бросились на сторону успѣха. Съ цифры восемь большинство въ нѣсколько секундъ поднялось до 44, затѣмъ до 76. Даже правовѣрные послѣдователи Магомета никогда съ бѣльшею поспѣшностью не устремлялись къ смерти.

IV.

Съ той минуты дѣло было выиграно, побѣда обезпечена и диктатура основана. Правда, оставался еще сенатъ, но развѣ стоило заботиться о такихъ пустякахъ? Подъ дуновеніемъ этого успѣха разразилась какъ-бы эпидемія поклоненія, которая изъ сѣеры палаты и официальной среды разлилась повсюду и даже до крайнахъ предѣловъ Франціи. Никогда еще, казалось, пресмыканіе предъ человѣкомъ не проявлялось съ такимъ полнымъ забвеніемъ всякой стыдливости. На банкетъ суконщиковъ сравнивали звонкаго и словообильнаго адвоката съ Мирабо. Кто-то называлъ его «однимъ изъ величайшихъ ораторовъ новаго времени»; его называли государственнымъ человѣкомъ, по преимуществу, избранникомъ Провидѣнія. Онъ господинъ Франціи и будетъ ея спасителемъ. Не сморгнувъ глазомъ принималъ этотъ ошамъ боготворимый. Старые республиканцы, наперерывъ, спѣшили пожать руку Галлифе, чтобы ему поврачиться, а министры, по такому-же побужденію, ухаживали за Кокленомъ. Это напоминало франта, лицемѣрно-ласкающаго собачку въ салонѣ, чтобы заслужить расположеніе хозяйки дома.

Къ этому времени относится повѣдка въ Кагоръ. Какая суматоха, какое волненіе поднялось въ этомъ, обыкновенно мирномъ и тихомъ городѣ, которому суждено было сдѣлаться колыбелью великаго человѣка и гдѣ еще до сихъ поръ можно прочесть на рыночной площади: «Генуэзскій базаръ, Гамбетта младшій, гаврскій, нантскій и бордосскій сахаръ, по 1 ф. за килó».

Друзья великаго человѣка явились туда за цѣлыя двѣ недѣ-

ли, чтобы возвѣстить о предстоявшемъ прїѣздѣ и организовать энтузіазмъ. И какъ они старались, какъ соперничали въ своемъ усердіи! Зато и все преобразовывалось во мгновение ока. Лихорадка объяла городокъ. Восторгъ, возрастая ежедневно, дошелъ до бѣшенства. Площади превращались въ клубы, столбы въ трибуны, съ которыхъ непрерывными потоками лилось днѣирамбическое краснорѣчіе. На всѣхъ улицахъ видѣлись маляры, плотники, декораторы, которые перекрашивали, передѣлывали, убирали общественныя зданія, кафе-рестораны и т. д. и оппозиционисты, которые разглагольствовали, также приготавливаясь къ торжеству. Безчисленное количество флаговъ, гирляндъ изъ зелени, хоругвей и цвѣтовъ должны были украсить городъ. Разгоряченное воображеніе изобрѣтало удивительныя вещи. Какой-то каретникъ, по имени Нардо,—да останется его имя въ исторіи!—придумалъ поднять при помощи громаднаго блока вѣнокъ изъ зелени посреди одной изъ улицъ, по которой долженъ былъ проѣзжать Гамбетта и спустить этотъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ и розъ на голову именитаго гостя.

Всѣ витрины были заставлены изображеніемъ августѣйшаго почитателя во всѣхъ видахъ и всякаго рода: здѣсь можно было видѣть бюсты изъ гипса, изъ терракотты, изъ поддѣльной бронзы; фотографіи, фотохроміи, фотолитографіи, медали и рядомъ со всѣмъ этимъ шляпы à la Gambetta, носовыя платки, съ жизнеописаніемъ Гамбетты и, наконецъ, туфли à la Gambetta, надъ которыми благородно разцвѣталъ чернорозовый Гамбетта, въ прекрасномъ галстухѣ.

Кагорскіе изобрѣтатели, если вѣрить одному корреспонденту, пошли даже далѣе. Этотъ корреспондентъ, остановившись въ отелѣ и замѣтивъ отсутствіе принадлежности, которая съ гораздо большимъ правомъ могла-бы назваться «полезнымъ учрежденіемъ», потребовалъ оную, но, получивъ въ отвѣтъ, что всѣ заняты, отправился въ посудную лавку, гдѣ и спросилъ необходимую принадлежность. Ему подають великолѣпный экземпляръ. Онъ подходитъ, разсматриваетъ и отступаетъ въ изумленіи. Надъ нѣмъ нарисованъ былъ глазъ.

Какое трогательное и много-объщающее вниманіе! У насъ былъ уже культъ святаго сердца, божественнаго млека, всемогущихъ сосцевъ, такъ почему-бы не учредить и культъ Гамбеттовскаго глаза? Сегодня кагорцы посвящаютъ ему фарфоровыя вазы, а завтра воздвигнутъ ему храмъ, въ pendant къ buttes de Montmartre. Чего не сдѣлають для своего Леона его земляки! Нашлись нетерпѣливые, которые уже открыли съ тѣхъ поръ подписку на сооруженіе ему памятника при жизни. Какой-то живописецъ изо-

бразиль его на фрескѣ и уже начинаютъ замѣчаться пяти-франковыя монеты съ изображеніемъ полубога. Будемъ надѣяться, что этимъ дѣло неограничится.

Между тѣмъ президентскій поѣздъ медленно подвигался къ Кагору, останавливаясь на каждой станціи, чтобы принимать восторженные привѣствія населенія и выслушивать рѣчи мѣстныхъ властей. Мы позволимъ себѣ опустить эти путевые эпизоды, мы не будемъ даже заниматься подробностями восторженной встрѣчи и безпримѣрными празднествами, ознаменовавшими прїездъ въ Кагоръ. Газеты сообщали обо всемъ этомъ въ достаточной степени и повтореніе было-бы излишнимъ.

Замѣтимъ, что вѣрнымъ показателемъ настроенія умовъ можетъ служить экзальтированность репортеровъ, которымъ пришлось присутствовать на знаменитыхъ празднествахъ. Волненіе, въ которомъ они находились, заставило ихъ потерять всякое чувство мѣры. Все принимало въ ихъ глазахъ сверхестественныя размѣры и самыя обыкновенныя происшествія излагались какими-то торжественно-высокимъ слогомъ. Нетолько каждое, самое незначительное слово великаго человѣка повторялось съ набожною поспѣшностью, но еще немного, и эта горячка дошла бы до того, что Гамбеттъ нельзя было-бъ чихнуть, безъ того, чтобы о томъ не возвѣстила Европѣ восторженная телеграмма.

Вотъ нѣсколько подробностей объ одномъ изъ этихъ дней, въ томъ видѣ, какъ онѣ были воспроизведены какой-то газетой, по свѣжимъ слѣдамъ.

«Сегодня утромъ, повѣствуетъ умиленный корреспондентъ,— Гамбетта всталъ въ 7 часовъ. Я хорошо спалъ, сказалъ онъ. Затѣмъ онъ надѣлъ панталоны со штрипками, они были фланелевыя; далѣе—жилетъ, нашелъ его немного короткимъ: «Неужели я еще потолстѣлъ?» замѣтилъ онъ, съ неудовимымъ движеніемъ, выражавшимъ досаду, которая немедленно разсѣялась при видѣ чашки шоколада, сопровождаемой хлѣбомъ и масломъ. Когда онъ кончилъ свой завтракъ, было восемь часовъ. Гамбетта велѣлъ отворить свою дверь и принялъ кагорскія власти, поспѣшившія къ его *petit lever*. Здѣсь были осанистые представители судебного вѣдомства, воинственнаго вида генералы, префекты въ расшитыхъ золотомъ, на подобіе церковныхъ привратниковъ,—мундирахъ. Каждого изъ нихъ подарилъ Гамбетта улыбкой, а нѣкоторыхъ и милостивымъ словомъ. Мѣстный мэръ привелъ своего девятилѣтняго сына. Увидя на столѣ буттербродъ, этотъ молодой человѣкъ бросился на него и въ ту минуту, какъ отецъ намѣревался сдержатъ этотъ порывъ, Гамбетта сказалъ: «Не мѣшайте юнымъ кагорцамъ приходить ко мнѣ».

Послѣ приѣма Гамбетта надѣлъ черные панталоны, жилетъ, фракъ и бѣлый галстухъ. Онъ вышелъ; толпа уже ожидала его и громко привѣтствовала. «Я человекъ, отвѣчалъ онъ собравшемуся народу, — а вы привѣтствуете меня какъ бога. Это уже слишкомъ». Молодая дѣвушка поднесла ему цвѣты. «Слишкомъ много цвѣтовъ!» сказалъ Гамбетта. — Благодарю за вашихъ сестеръ», прибавилъ онъ, поцѣловавъ въ лобъ прелестную молодую дѣвицу, дочь колбасника въ улицѣ des Tives. Г. Гамбетта двинулся въ путь. Онъ шелъ медленно. «Я пью это чудное солнце, какъ молоко», замѣтилъ онъ г. Жоржу Этвенну. Цѣлью прогулки былъ осмотръ работъ по новой желѣзнодорожной линіи, которую проводятъ въ Монтобанъ. «Сколько метровъ въ рельсѣ?» спросилъ онъ инженера. — Обыкновенно — два, отвѣчалъ тотъ. — «Слѣдовательно, замѣтилъ Гамбетта, — слѣдовательно, нужно пятьсотъ двойныхъ рельсовъ, чтобы составить километръ?».. Инженеръ наклонилъ голову, изумленный техническими свѣдѣніями президента палаты. Поднявъ голову, г. Гамбетта замѣтилъ, что солнце приблизилось къ своему зениту. «Господа, сказалъ онъ своей свитѣ, — солнце на половинѣ своего пути. Теперь полдень». Всѣ стали смотреть на часы. Дѣйствительно, было двѣнадцать часовъ. «Я голоденъ, прибавилъ Гамбетта, — не пойти-ли намъ завтракать?» Отправились завтракать. Опускаю меню. Послѣ кофе и пуссъ-кафе, безъ котораго не обходится Гамбетта, по примѣру Ришелье, знаменитый гость закурилъ гаванскую сигару, растянувшись на диванѣ. Скоро онъ захрапѣлъ. Къ счастью, тутъ случился профессоръ пѣнія, который схватилъ на лету и переложилъ этотъ храпъ на музыку. Въ четыре часа Гамбетта проснулся. Передняя была уже полна посѣтителей и всякаго рода депутацій. Движеніемъ руки онъ велѣлъ ихъ впустить. Впрочемъ, онъ остался лежать на диванѣ и охотно извиняясь: «Извините, сказалъ онъ одной университетской депутаціи, — ваше солнце палитъ и я чувствую себя уставшимъ. Что-бы вы не говорили, я все-же человекъ и *nil humani à me alienum esse puto*». Громъ рукоплесканій послышался въ отвѣтъ на эту кстати приведенную цитату. Между пятью и семью часами Гамбетта произнесъ двѣнадцать рѣчей, которыя были переданы телеграфомъ, въ сокращеніи, во всѣ концы міра. Въ семь часовъ онъ обѣдалъ и послѣ обѣда смотрѣлъ фейерверкъ, приготовленный Руджери. Портретъ Гамбетты былъ вставленъ въ огненный медальонъ, окруженный огненными пальмами, надъ которыми красовалась надпись: «да здравствуетъ Гамбетта!»

Таковы важныя извѣстія, наполнявшія столбцы газетъ въ теченіи цѣлой недѣли. Въ послѣдній день данъ былъ банкетъ на

850 приборовъ въ Тиволье. Впрочемъ, не безъ труда заняты были всѣ эти мѣста, потому-что съ персоны полагалось по 20-ти франковъ, а кагорець, хотя и не скупится на восторги, но на деньгу тугъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, сколько надо продать то-вара, чтобы выручить двадцать франковъ! Несмотря ни на что, усердіе друзей справилось и съ этимъ затрудненіемъ. Всѣ мѣста были все-таки заняты, а кругомъ собралась еще толпа въ ого-роженномъ пространствѣ, куда пускали за 25 сантимовъ. За эту скромную плату, конечно, ничего не ѣли, но зато могли любо-ваться какъ ѣсть Гамбетта.

Чтобы защитить его и его именитую свиту отъ палящихъ лучей солнца, была раскинута палатка, остальные гости пелись на солнцѣ. Къ счастью, небо заволокло тучами и дождь наполнилъ стаканы народа, можетъ быть ему перепало нѣсколько чер-вячковъ, но эти подробности не заслужили вниманія, которое поглощено было исключительно движеніемъ челюстей Гамбетты. У него и на этотъ разъ былъ прекрасный аппетитъ; онъ, какъ и всегда, ѣлъ много, къ несказанному удовольствію своихъ ам-фиціоновъ.

Между тѣмъ, оркестръ, помѣщенный на эстрадѣ, исполнялъ разнообразныя музыкальныя пьесы. Г. Гамбетта соблаговолилъ обратить вниманіе на одного солиста на корнетъ-à-piston'ѣ. За десертомъ, въ числѣ прочихъ тостовъ, одинъ профессоръ исто-ріи поднялся со своего мѣста и, поднявъ стаканъ, воскликнулъ: «Я предлагаю выпить за здоровье именитаго гостя этого слав-наго вина, которое пилъ Цесарь, во время осады Алевія». Мож-но представить, какое оглушительное впечатлѣніе произвели эти прекрасныя слова.

Г. Гамбетта отвѣчалъ на каждый тостъ и заключилъ этотъ достопамятный вечеръ длиною рѣчью. Последнее слово этой рѣчи относилось къ главѣ государства, «человѣку, всѣми почи-таемому, который завѣдуетъ нашими судьбами, котораго каждый долженъ уважать, любить и чтить».

Отвѣтомъ былъ громъ рукоплесканій, потому-что всѣ во-образили, что ораторъ говоритъ о себѣ самомъ. Не мало удиви-лись, когда онъ произнесъ имя г. Гриви. Не менѣе изумленъ былъ и президентъ республики, когда телеграфъ сообщилъ ему, что онъ «завѣдуетъ нашими судьбами».

Чѣмъ-же мнѣ завѣдывать, могъ-бы сказать Гриви, послѣ то-го какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней видѣлъ какъ его собствен-ные агенты, правительственныя должностныя лица, съ неудер-жимою непристойностью, бросились къ ногамъ узурпатора.

Префекты восьми или десяти департаментовъ, высшіе пред-

ставители мѣстнаго судебнаго вѣдомства и около дюжины генераловъ успѣли явиться для привѣтствованія истиннаго главы государства.

Онъ величественно принималъ муниципальные совѣты, университетскихъ профессоровъ, наставниковъ, земледѣльческія общества, рабочія корпораціи и всевозможныя депутаціи. И въ ту минуту какъ къ нему обращались съ рѣчами, прославляя его геній и называя новымъ Цезаремъ, въ ту минуту какъ его осыпали цвѣтами, цѣловали руки и подносили подъ его благословеніе дѣтей, колокола привѣтствовали его могущество и отзывались ему привѣтствія.

Въ то-же время онъ раздавалъ отличія своему народу. Кресты и академическія пальмы сыпались изъ его рукъ, какъ изъ рукъ государей, которые любятъ надѣлять этими щедротами, во время путешествій, а на другой день «Journal Officiel» печаталъ эти декреты, подъ которыми перо обитателя Елисейскаго дворца, скрѣпляя ихъ, росписывалось въ собственномъ вассальномъ положеніи. И послѣ всего этого, Гамбетта имѣетъ безстыдство утверждать, что не онъ, а Греви продолжаетъ быть главою государства. Нѣтъ, по-истинѣ это уже слишкомъ, и такъ нельзя смѣяться надъ людьми.

Спѣшу замѣтить, однако-же, что впечатлѣніе, произведенное во Франціи этой Кагорской фарандой, было совсѣмъ не то, котораго ожидали нѣкоторые. Всѣ, у кого сохранилась хотя капля здраваго смысла и нѣкоторая стыдливость, были глубоко смущены. Въ однихъ возбудило это негодованіе, въ другихъ изумленіе, въ концѣ-концовъ у всѣхъ явилось отвращеніе.

Преданныя Гамбеттѣ, но безъ фанатизма, газеты начали тревожиться. «Чѣмъ болѣе мы уважаемъ, восхищаемся, и если позволено будетъ сказать, любимъ г. Гамбетту, тѣмъ болѣе огорчаютъ насъ эти странныя телеграммы. Все это представляется намъ недостойнымъ его величія, патриотизма и ума и намъ кажется, что снисходительные льстецы его даютъ въ настоящую минуту широкій поводъ для реакціонныхъ глумленій». Въ такомъ духѣ высказался органъ Эдмона Абу «XIX Siècle».

«Что касается торжественнаго приѣма, встрѣченнаго повсюду президентомъ палаты», читаемъ мы далѣе въ той-же газетѣ, «то этотъ энтузіазмъ вполне понятенъ; мы боимся только, что онъ перешелъ за предѣлы, подобающія странѣ, одушевленной истинно-демократическимъ и республиканскимъ духомъ». Справедливость этихъ замѣчаній не замедлила подтвердиться.

VI.

Для успѣха проектовъ, Гамбеттъ, какъ мы уже видѣли, недоставало только третьяго согласія, а именно согласія сената. Какъ ни ничтожно мѣсто, занимаемое этимъ собраніемъ, какъ ни мало дорожать, обыкновенно, его мнѣніемъ, приходилось, тѣмъ не менѣе, принимать его, на этотъ разъ, въ соображеніе. Безъ него и его согласія на избирательную реформу ничто не могло-бы удаться, и Гамбетта, побѣдивши сопротивление Елисейскаго дворца и палаты, могъ-бы подвергнуться крушенію у самой пристани. Это было довольно неправдоподобно, но не невозможно.

При первомъ взглядѣ, казалось, что сенатъ не былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ о двухъ способахъ избирательства имѣетъ къ нему непосредственное отношеніе. Въ настоящее время и въ равновѣсіи нашей республиканской системы, сенаторы считаютъ себя равными депутатамъ, съ точки зрѣнія выборнаго происхожденія и значенія полномочій. Если, говорятъ сенаторы, депутатовъ назначаетъ всеобщая подача голосовъ, то ихъ выбираетъ все-же лишь ограниченный округъ.

Между тѣмъ какъ сенаторъ, хотя и избирается двухкласснымъ способомъ, но зато эти выборы производятся делегатами отъ всего департамента. Такимъ образомъ сенаторы вознаграждаютъ широтою недостатокъ глубины. Принятіе списочнаго избирательства должно было уничтожить это соотношеніе и поставило-бы сенаторовъ, дѣйствительно, въ положеніе болѣе низкое, сравнительно съ депутатами, которыхъ выбирали-бы и всеобщей подачей голосовъ и цѣлымъ департаментомъ.

Это соображеніе задѣло за живое сенатъ, который не безъ тревоги спросилъ себя, какое-же вниманіе будетъ обращать на него будущая палата, когда и нынѣшняя выказывала такую сильную склонность не принимать въ соображеніе его рѣшеній.

Въ виду такой опасности, пожелаешь-ли сенатъ философически наложить на себя руки, чего требовали отъ него въ интересѣ личной политики Гамбетты, или-же найдетъ въ себѣ для самозащиты энергію, которой не хватило его соперницѣ палатѣ? Повторяю, это было въ высшей степени невѣроятно, а между тѣмъ именно это и случилось.

Дѣло въ томъ, что кагорское путешествіе произошло именно въ этотъ промежутокъ времени и самые близорукіе не могли сомнѣваться въ его значеніи. Анти-конституціонныя замашки

этой поѣздки, неловкость, съ которою неумѣренные льстецы отнесли къ ней и изображали ее,—все это возмутило даже невозмутимыхъ сенаторовъ.

Если это дѣлается до введенія списочнаго избирательства, то что-же будетъ послѣ него? Слѣдствіемъ такихъ размышленій была сдержанность, выказанная сенатомъ по возвращеніи Гамбетты, сдержанность, «вполнѣ неожиданная», какъ меланхолически констатировала «*République Française*». Посовѣтовались съ Гриви и наши, что президентъ вернулся къ мысли о сопротивленіи. Эта не созданная для борьбы, малодѣятельная натура, въ свою очередь, воспламенилась отъ кагорскихъ дуновеній. Говорятъ, что онъ отвѣтилъ людямъ, желавшимъ узнать его мнѣніе, слѣдующими, несвойственными ему словами: «Г. Гамбетта вышелъ изъ своего сана, онъ долженъ вернуться на свое мѣсто».

Ободренный такимъ настроеніемъ президента республики, чувствуя за собой, сверхъ того, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, поддержку общественнаго мнѣнія, раздраженнаго и проникнувшася недоувѣріемъ, сенатъ созналъ свою силу. И въ нѣсколько дней, въ рядахъ высшаго собранія, сьорганизовалось настоящее возмущеніе противъ гамбеттовскаго законопроекта.

Необходимо замѣтить, что это движеніе было подготовлено не сенатской правой, которую, напротивъ, оно застало врасплохъ, а республиканцами, которымъ принадлежалъ починъ. Нѣкоторые изъ представителей правой были даже горячими сторонниками списочнаго избирательства и лѣвая могла рассчитывать лишь на свои собственные силы. Затрудненіе заключалось въ томъ, чтобы получить голоса тридцати четырехъ должностныхъ лицъ, засѣдающихъ въ сенатѣ. Для приданія имъ храбрости, рассчитывали на закрытую баллотировку.

Гамбетта никакъ не могъ повѣрить такой, по его выраженію, неблагодарности со стороны этого учрежденія. Во времена его основанія, онъ принялъ подъ свое покровительство это тщедушное и жалкое собраніе, не переставая затѣмъ ограждать его отъ политическихъ буръ и непогодъ.

9 іюня, день, назначенный для преній, остается памятнымъ въ парламентскихъ лѣтописяхъ. Не потому, однако-же, чтобы борьба была блестяща; она была, напротивъ, ничтожна. Ни одинъ изъ знаменитыхъ борцовъ не принималъ въ ней участія. Защита окружнаго избирательства была поручена самому плохому изъ ораторовъ лѣвой, а именно г. Ваддингтону. Ни одного интереснаго эпизода, ни одного апплодисмента или протеста. Каждый боялся выказать свои чувства. Это поистинѣ походило на заговоръ.

Вся агитація сосредоточилась въ корридорахъ. Толпа депутатовъ, журналистовъ, чиновниковъ, сошедшихся со всѣхъ сторонъ, расхаживала взадъ и впередъ, громко спорила и держала пари. Братъ президента республики, генераль Грени бился объ закладъ, что побѣдитъ окружное избирательство. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что потребовали закрытой баллотировки, въ рядахъ сторонниковъ *scrutin de liste'a*, видимо, встревожились. Безпокойство росло, по мѣрѣ того, какъ узнавали результаты голосованія. Огорченные физиономіи проигрывающихъ представляли дѣйствительное забавное зрѣлище. До послѣдней минуты они старались превозмочь свое уныніе и хотѣли показать, что еще не потеряли надежды на успѣхъ. Наконецъ, окончательный результатъ былъ провозглашенъ. Списочное избирательство было отвергнуто большинствомъ 148 голосовъ противъ 114. Тогда въ залъ и внѣ ея всѣ какъ-будто потерялись. Побѣдители, казалось, остолебѣли отъ побѣды, а побѣжденные были озадачены и взбѣшены. Адъютанты Гамбетты быстро и гнѣвно пробѣжали по корридорамъ, не отвѣчая даже на вопросы, съ которыми обращались къ нимъ друзья. Видя какъ они прошли, невольно спрашивали себя: «что же будетъ теперь?» По этому поводу раздавались невѣроятныя пророчества. Самые спокойные говорили: «дѣло становится серьезнымъ».

Вечеромъ того дня не мало людей отправилось бродить вокругъ *Palais Bourbon*; нѣкоторые съ надеждой туда проникнуть, другіе—уловить хоть какой-нибудь внѣшній признакъ того, что происходило внутри. Странное дѣло! Дворецъ горѣлъ огнями. Только-что принесенные цвѣты украшали лѣстницу. Замѣчалось большое движеніе внутри и всѣ эти люди не имѣли слишкомъ смущеннаго вида. Чѣтъ-же объяснить это? Примирился-ли уже съ пораженіемъ президентъ палаты и не придумалъ-ли онъ какой новой комбинаціи, могущей обезпечить ему блистательный реваншъ? Извѣстно было, что онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ тремя преданными ему министрами: Констаномъ, Казо и Фарромъ. Въ половинѣ одиннадцатаго онъ заперся съ ними въ своемъ кабинетѣ, причемъ былъ отданъ строжайшій приказъ никого не впускать. Что-же должно было выйти изъ этого тайнаго совѣщанія?

VII.

Было высказано множество предположеній. Говорили о низложеніи Ферри и вмѣненіи въ обязанность новому министерству, взять въ свои руки и на свой страхъ, избирательный законъ, исшедшій изъ парламентской инициативы и отвергнутый 9 июня

сенатомъ. Безуміе этой мысли было очевидно и ее скоро оставили. Чтобы возобновить враждебныя дѣйствія, съ выгодой для себя, необходимо было измѣнить тактику и начать правильную осаду непріятельскаго собранія. Отсюда и вытекла рѣчь, произнесенная въ Турѣ и въ которой, противорѣча своимъ кагорскимъ увѣреніямъ, онъ объявилъ, что пересмотръ конституціи долженъ служить платформой для будущихъ выборовъ. Нечего и говорить, что подъ пересмотромъ президентъ палаты подразумѣвалъ преобразованіе сената, могущее обезпечить большинство, преданное его излюбленному списочному избирательству. Какимъ же образомъ совершится это преобразованіе?

Поясняя мысль учителя, «*République Française*» взяла на себя сообщить намъ объ этомъ.

Надежало подвергнуть новой инвеститурѣ палаты несмѣнныхъ сенаторовъ, иначе говоря, выбросить за предѣлы верхней палаты тѣхъ изъ членовъ ея, которые найдены будутъ сомнительными.

Сверхъ того, въ видахъ ускоренія желаемого рѣшенія, думали заставить г. Гриви издать декретъ о распущеніи парламента и немедленномъ созваніи избирателей. Составленное г. Барду (авторомъ предложенія о списочномъ избирательствѣ) въ этомъ смыслѣ предложеніе потерпѣло самую жалкую неудачу и затѣмъ, какъ свидѣтельствуемъ о томъ циркуляръ генерала Фарра, рѣшили ждать законнаго срока, то-есть конца сентября. Тѣмъ временемъ получается конфиденціальная депеша генерала Соссье. Главнокомандующій алжирскими войсками увѣдомлялъ правительство, что до конца августа, невозможно рассчитывать ни на какія серьезныя военныя операціи въ Африкѣ. Но судя по отчетамъ, полученнымъ съ юга и изъ внутреннихъ пунктовъ колоній, а также изъ Туниса и Марокко, можно быть увѣреннымъ, что ужасающая инсurreкція разразится въ сентябрѣ.

По полученіи этихъ извѣстій, министры поняли, что если выборы произведены были-бы въ сентябрѣ, подъ такимъ впечатлѣніемъ, то успѣхъ оппортунизма былъ-бы серьезно скомпрометтированъ, а радикальная оппозиція получила-бы новое и могучее оружіе. Поэтому рѣшено было открыть избирательную кампанію, не теряя ни минуты, скрывая, однако-же, отъ страны истинную причину такого образа дѣйствій. Напрасно г. Клемансо въ замѣчательной рѣчи указалъ, что это поспѣшное созваніе избирателей есть своего рода политическое мошенничество. Попытались эксплуатировать всеобщую подачу голосовъ, не оставляя ему ни времени, ни средствъ организовать серьезную кампанію.

Палата выслушала оратора съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, такъ-какъ, повидимому, раздѣляла его мнѣніе. Когда онъ сошелъ съ трибуны, его окружали, одобряли и поздравляли. Полагали, что Ферри будетъ отвѣчать, но онъ не поднялся со своей скамьи. Вотируютъ. Онъ получаетъ 13 голосовъ большинства, изъ которыхъ 14 принадлежать представителямъ правительства. Этого ему довольно: онъ вѣдь не разборчивъ. И вотъ почему мы будемъ имѣть палату, которая заранѣе заслужила имя *chambre bâilée* (запертой палаты), которая за нею и останется.

Въ довершеніе этого маневра, достойнаго самыхъ глухихъ временъ имперіи, недоставало только воскрешенія официальной кандидатуры.

Вотъ, что мы прочли въ номерѣ «*République Française*» отъ 3-го августа: «Центральный комитетъ для избирательной пропаганды, въ виду предстоящихъ выборовъ въ законодательный корпусъ, учрежденъ, подъ руководствомъ г. Гамбетты, въ улицѣ Сюреннъ, 25».

Правда, что въ то-же время генералъ Фарръ обратился съ циркуляромъ къ жандармамъ, внушая имъ, что они должны строго воздерживаться отъ вмѣшательства въ борьбу. Горе тому, который осмѣлится вмѣшаться и положить свою саблю на чашку избирательныхъ вѣсовъ. Въ томъ-же духѣ составленный циркуляръ изданъ сенскимъ префектомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и его товарищами по кабинету ко всѣмъ агентамъ соотвѣтствующихъ управленій. Какимъ-же образомъ, то, что признано преступленіемъ для жандарма или полевого сторожа, можетъ считаться правомъ для г. Гамбетты, для того, кто привлекаетъ генераламъ, посланникамъ, министрамъ, для того, кто его адъютантъ Сиголлеръ назвалъ господиномъ Франціи?

Вопросъ этотъ щекотливъ. Къ счастью, газета «*Temps*» пришла къ намъ на помощь. По ея словамъ, этотъ центральный комитетъ совсѣмъ не комитетъ, или, если хотите, это и комитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и не комитетъ. Неправда - ли, ясно и вразумительно? «Дѣло идетъ», такъ поясняетъ официозная газета, «единственно о сосредоточеніи и распредѣленіи средствъ пропаганды, т. е. брошюръ, газетъ и т. д., какъ на то указываетъ и названіе комитета. Извѣстное число добрыхъ гражданъ всегда оказывало, во время предъидущихъ выборовъ, нѣкоторое полезное содѣйствіе, и весьма многіе изъ республиканскихъ кандидатовъ и комитетовъ въ провинціи требовали этого содѣйствія. Этому-то общеплезному дѣлу посвятить себя это бюро корреспонденцій, которое только, по названію, будетъ комитетомъ».

Вотъ и все. Комитетъ - не - комитетъ будетъ сосредоточивать

и распредѣлять средства пропаганды; онъ будетъ сыпать газетами и брошюрами, онъ будетъ посылать денежную помощь провинціальнымъ комитетамъ и кандидатамъ. Все это будетъ производиться подъ руководствомъ г. Гамбетты. Но онъ будетъ сосредоточивать, не централизируя, сыпать и не распространять; наконецъ, руководить, не руководя. Вѣдь комитетъ, только по имени, комитетъ.

Только недоброжелательство могло написать слѣдующія строки, встрѣченные нами въ другой газетѣ: «Крайне трудно будетъ увѣрить публику, что величайшій ораторъ республиканской партіи переодѣнется въ простого раздавателя печатныхъ листовъ». Но да не вздумаютъ осмѣлиться другіе комитеты образоваться по тому-же образцу. «République française» предупреждаетъ ихъ, что это было - бы напраснымъ трудомъ, потому что кандидаты такихъ комитетовъ не будутъ засѣдать въ будущей палатѣ. Такъ, напримѣръ, въ Сомскомъ департаментѣ представился нѣкій Бриэ, который не былъ у кассы въ улицѣ Сюренинъ. Гамбеттовскій Мониторъ предупреждаетъ избирателей слѣдующимъ образомъ: «Извѣстно, что признаніе недействительности выборовъ г. Бриэ, можетъ считаться неизбѣжнымъ». Этотъ несчастный еще не подвергался голосованію, неизвѣстно даже при какихъ условіяхъ оно могло-бы происходить. Но все равно; если-бы онъ получилъ большинство тысячи противъ одного, все таки его выборы могутъ считаться уже отнынѣ недействительными.

Но вотъ маленькое затрудненіе. Если кандидаты другихъ комитетовъ изгнаны заранѣе, если, въ то-же время, гамбеттовскій комитетъ не представитъ кандидатовъ, за кого-же подавать тогда голоса? За одного г. Гамбетту? Это уже не многочисленность кандидатуры, — это была - бы, уже такъ-сказать, универсальность.

Гамбетта, являющійся преемникомъ г. Ганья: это было-бы только смѣшно и опасно. Но нѣтъ, Гамбетта не полагается на окружное избирательство и честолюбіе его не домогается роли знаменитаго адвоката, убѣжавшаго изъ тарантонскаго сумашедшаго дома.

Поэтому, онъ выставитъ кандидатовъ, не выставляя и вотъ въ какому остроумному способу онъ прибѣгаетъ.

Желая узнать, какого рода печатныя произведенія будетъ раздавать Гамбетта, я отправился на улицу Сюренинъ, и въ самыхъ дверяхъ дома кто-то сунулъ мнѣ въ руку бумагу, которая оказалась номеромъ новой газеты «Le Candidat». Я развернулъ: никакихъ политическихъ мнѣній и полемики, никакой программы. Ничего, кромѣ картинокъ, т. е. портретовъ кандидатовъ, а для того,

чтобы не оставить сомнѣнія относительно высокаго происхожденія листка, къ нему приложенъ былъ другой, побольше, и съ раскрашеннымъ портретомъ Гамбетты, на которомъ значились наиболѣе знаменательныя числа годовъ его жизни. Недоставало только программы 1869 г. Подъ портретомъ видѣлось слѣдующая надпись: «Вы тщательно вставьте его въ рамку, вы повѣсите его у себя на видномъ мѣстѣ и позднѣе, чрезъ долгіе годы, онъ явится снова съ воспоминаніемъ, оставленнымъ имъ о Франціи, счастливой его стараніями и вашимъ содѣйствіемъ».

Лучшимъ средствомъ помочь ему насъ осчастливить, безъ сомнѣнія, можетъ быть подавіе голосовъ за его друзей, то есть за тѣхъ, черты которыхъ изображены на листкѣ. Прежде всего, разумѣется, за тѣхъ изъ 363, которые не переставали заслуживать милость своего господина, то есть вотировали за списочное избирательство. Что касается другихъ, то прочь съ ихъ кандидатурами. Напрасно стали-бы они указывать на услуги свои, оказанныя до этого срока: ихъ признали негодными и кончено.

Мнѣ пришлось выслушать рассказъ одного изъ такихъ несчастныхъ. Г. Гатано (такъ зовутъ этого депутата) считался до тѣхъ поръ однимъ изъ столповъ гамбеттистской политики. Его спеціальностью была война съ клерикалами. Каждый разъ какъ дѣло шло о травлѣ іезуитовъ или имъ подобной монастырской дичины, Гатано всегда первый являлся на поле сраженія. Дрессированный, какъ лучшая гончая, онъ умѣлъ, когда было нужно сдержатъ свою алчную пасть и принести нетронутаго звѣря къ ногамъ хозяина.

Подошло дѣло списочнаго избирательства. Это выходило изъ его спеціальности. Его не дрессировали на этотъ ладъ и несчастный имѣлъ легкомысліе подать голосъ противъ и погибъ. Едва успѣлъ открыться избирательный періодъ, какъ онъ съ удивленіемъ увидѣлъ предъ собой другого аппортюнистскаго кандидата. Онъ спѣшитъ въ Парижъ и прямо направляется въ улицу Сюреннъ. Домъ ему хорошо извѣстенъ, такъ-какъ это домъ самой г-жи Арно де -Л'Аррьежъ, гдѣ онъ принять за-просто.

«Гдѣ комитетъ?» спрашиваетъ онъ у перваго попавшагося ему слуги.—Въ первомъ этажѣ. Депутатъ отправляется туда и даетъ свою карточку. Его встрѣчаетъ незнакомое лице, сидящее у кассы. «Я депутатъ Гатино, одинъ изъ 363 хъ, я засѣдалъ въ «Республиканскомъ союзѣ» и даже предсѣдательствовалъ до Спюллера. Я пріѣхалъ изъ своего департамента, чтобы вступить въ сношенія съ комитетомъ и желалъ-бы узнать, какъ слѣдуетъ это сдѣлать». — Желаете внести деньги? спросилъ человекъ,

сидѣвшій у кассы. «Разумѣется. Но... не могу-ли я видѣть г. Гамбетту?»—Вы найдете его въ Бурбонскомъ дворцѣ.

Депутатъ бѣжитъ Palais Bourbon, даетъ свою карточку и водворяется въ приемной. Минуту спустя, на порогъ появляется президентъ палаты и, не дѣлая ни шагу впередъ, приглашаетъ другого посѣтителя. Депутатъ терпѣливо ждетъ. Черезъ полчаса приходятъ сказать ему, чтобы онъ шелъ въ улицу Сюреннъ, «г. Гамбетта приметъ васъ тамъ». Хорошо, ѣдемъ въ улицу Сюреннъ. «Здѣсь г. Гамбетта?» — Нѣтъ, ступайте въ Palais Bourbon.—«Но онъ велѣлъ сказать мнѣ, что будетъ ждать меня въ улицѣ Сюреннъ».—Очень можетъ быть, но его здѣсь нѣтъ.—Депутатъ не настаивалъ болѣе и вернулся въ своей департаментъ. На другой день онъ прочелъ въ «République française» похвальное слово своему конкуренту и ругань своей собственной особы.

Этотъ конкурентъ, незначительный молодой человекъ, чиновникъ и салонный фронтъ, не имѣетъ за собою иныхъ заслугъ, кромѣ того, что онъ сынъ г. Детанеля. Я забылъ сказать, что онъ былъ подпрефектомъ въ своемъ департаментѣ и былъ отставленъ отъ должности за-то, что обратился въ фактотума людей 18 мая. Съ тѣхъ поръ юный монархистъ обратился къ гамбеттизму и вотъ такимъ-то образомъ онъ заслужилъ честь сдѣлаться преемникомъ почтеннаго Гатино, грозы поповъ, безукоризненнаго депутата, но, къ несчастію, сторонника окружнаго избирательства. Въ довершеніе, юный Кокодесъ сдѣлался снова подпрефектомъ.

Какъ? спроситъ читатель, а законъ, запрещающій должностнымъ лицамъ ставить свои кандидатуры?

А между тѣмъ это такъ. Подпрефектъ выступаетъ кандидатомъ. Для этого достаточно, чтобы наканунѣ онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Примѣровъ тому не мало. Если взглянуть на списокъ кандидатуръ и обратить вниманіе на тѣ, которые называютъ себя просто-республиканскими, то есть оппортунистскими, то замѣтимъ здѣсь префекта, тамъ секретаря или подпрефекта, далѣе—начальника отдѣленія въ министерствѣ и т. д.—Вотъ, напримѣръ, г. Гране, начальникъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ господинъ, отъ котораго зависятъ всѣ чиновники и административные агенты, подготавливалъ свою кандидатуру въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Арль, гдѣ и намѣревался выступить кандидатомъ. Просители бросались къ нему толпой. Однихъ онъ осыпалъ милостями, другихъ обѣщаніями. Издается декретъ 29 іюля, созывающій избирателей на 21 августа. Въ этотъ-же день чи-

новникъ превращается въ кандидата. «Но вѣдь вы начальникъ отдѣленія?» — Нисколько, я ничего не значу теперь въ министерствѣ. — «Но ваше, оставшееся свободнымъ, мѣсто ожидаетъ васъ?» Что-же такое? Я подалъ въ отставку. — «Но вѣдь вы временно-исправляющій должность?» — Совершенно вѣрно, но я подалъ въ отставку. Этимъ все сказано. Въ былыя времена, во времена имперіи, нѣкій Туан-де-ла-Тюрмеліэръ, камергеръ Наполеона III просто на просто говорилъ своимъ избирателямъ: «Высокое положеніе, дарованное мнѣ его величествомъ, императоромъ, дозволяетъ мнѣ получить приблизительно все, чего пожелаю; повтому рассчитываю на васъ въ будущее воскресеніе». Это, по крайней мѣрѣ, коротко и ясно. Въ наше-же время не печатаютъ того, что печаталъ г. камергеръ Туан. Да и къ чему печатать. Достаточно сказать, это проще, а результатъ выходитъ одинъ и тотъ-же.

VIII.

Какія силы могли противопоставить остальныя партіи, громаднымъ средствамъ, которыми располагалъ «великій избиратель», утвердившій свою главную квартиру, въ улицѣ Сюреннъ? Можно-ли было успѣшно бороться противъ могучей организаціи, подготовленной заранѣе, повинующейся одному лозунгу, опирающейся на авторитетъ самаго популярнаго имени во Франціи, имѣющей въ своемъ распоряженіи, вопреки всякимъ циркулярамъ, многочисленныя нити администраціи, могущій, т. е. въ одно мгновеніе, передавать свои инструкціи въ самое отдаленное захолустье, однимъ словомъ—владѣющей всѣми средствами, которыя даются властью и популярностью?

Избирателямъ давали только три недѣли. Но еще ранѣе начала борьбы необходима подготовительная работа. Комитетамъ нужно организовать, собраться, сдѣлать выборъ. Необходимо совѣщаніе съ кандидатами, которыхъ имѣютъ въ виду; необходимо соглашеніе между партіями. Переговоры, совѣщанія, собранія,—все это требуетъ времени.

Прошла уже недѣля, а Парижъ, гдѣ политическая жизнь всегда отличается бѣльшею дѣятельностью, гдѣ избирательная работа, сравнительно, менѣе затруднена,—Парижъ не былъ готовъ. На стѣнахъ не видѣлось афишъ; газеты молчали о программахъ и кандидатахъ. Тѣмъ сильнѣе это должно было замѣчаться въ департаментахъ. Нѣтъ возможности образовать въ одинъ день комитетъ на протяженіи цѣлаго сельскаго округа.

Чтобы только объѣхать нѣкоторые изъ этихъ округовъ, потребовалось-бы дней двадцать и болѣе. Да и то въ такой срокъ можно было-бы развѣ заглянуть въ каждую общину. Потому-то и произошло слѣдующее: здѣсь избиратели бѣгутъ искать кандидата, но имъ нѣкогда совѣщаться съ сосѣдней общиной, ни даже прискать подходящаго человѣка. Тамъ мы видимъ кандидата, застигнутого врасплохъ внезапнымъ назначеніемъ выборовъ и, по недостатку времени, не имѣющаго возможности совѣщаться съ избирателями и проникнуться ихъ намѣреніями и видами. Нечего и говорить, до какой степени эта неурядица благоприятна для всякаго рода продѣловъ и давленій, до какой степени она даетъ перевѣсъ мѣстнымъ интересамъ, въ самомъ узкомъ ихъ значеніи и какъ ослабляетъ она предъ лицомъ голосованія, политическія соображенія, обезпечивающія честность и дѣйствительность выборовъ. Всеобщая подача голосовъ только тогда бываетъ истинной, когда имѣются необходимыя гарантіи къ тому, чтобы изъ общности мнѣнія населенія, могло выдѣлиться общее теченіе, которое и послужило-бы руководителемъ будущаго правительства. Въ этихъ гарантіяхъ она остается фикціей или обоюдоострымъ оружіемъ, изъ котораго можетъ выйти добро или зло, но чаще послѣднее.

Отсюда вытекаетъ подвижность и прихотливость, въ которой упрекаютъ всеобщую подачу голосовъ. Отсюда также та поддержка, которую оно нерѣдко оказывало деспотической власти. За неимѣніемъ необходимыхъ для правильнаго управленія, гарантій ей приходится принимать, безъ контроля, изъ рукъ администраціи предлагаемаго этою послѣдней кандидата. Результатомъ такого положенія вещей является извращеніе и паденіе всеобщей подачи голосовъ, разбивающейся о самый ужасный изъ подводныхъ камней—равнодушіе.

Такъ было во время имперіи. Теперь, къ счастью, положеніе значительно измѣнилось. Всеобщая подача голосовъ поднялась и создала свое достоинство. Взгляните на нашу провинцію. Кто не видѣлъ ея со временъ имперіи, тому представится неожиданное зрѣлище. Даже крестьянство сбросило съ себя ярмо равнодушія и административнаго давленія. Прежде крестьянинъ присутствовалъ при выборахъ молча и какъ-бы ничего не видя. Если являлся кандидатъ оппозиціи или его агентъ, ему запирали дверь предъ самымъ носомъ, а деревенскіе мальчишки, которые, подобно парижскимъ, отражаютъ общественное мнѣніе, швыряли въ него издали камнями. Теперь-же крестьянинъ встрѣчаетъ его со стаканомъ въ рукѣ, онъ прислушивается и даже спорить, а деревенскій мальчишка бѣжитъ впереди «этихъ

господъ» и собираетъ новости. Въ воскресенье, на сборищѣ, которое имѣетъ свое обычное мѣстопребываніе на церковной площади, говорятъ громко и свободно. Образуются оживленные и говорливыя группы. Вавѣшиваютъ достоинства кандидатовъ, критикуютъ ихъ идеи, политиканствуютъ, какъ въ какомъ-нибудь парижскомъ клубѣ, быть можетъ, менѣе искусно, но часто, съ большимъ здравомысліемъ и искренностью. Каждый, кому довелось это видѣть, уноситъ съ собою убѣжденіе, что если этотъ народъ еще не можетъ назвать себя свободнымъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ на пути къ свободѣ.

Впрочемъ, крестьянинъ остается консерваторомъ по инстинкту. Онъ любитъ существующее. Онъ не скоро разстанется съ прежнимъ депутатомъ и два раза отмѣритъ, прежде чѣмъ отрѣжетъ. Онъ близокъ къ мысли, что одинъ другого стоитъ. Но онъ прекрасно сѣмѣетъ сказать уполномоченному своему, что тотъ долженъ дѣлать, и, подъ страхомъ утраты свое мѣсто, онъ принужденъ будетъ сообразоваться съ его программой. Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нынѣшнихъ выборовъ заключается въ ясно радикальномъ характерѣ требованій, изложенныхъ оппортунистскими кандидатами. Самые умѣренныя изъ нихъ принимали мнѣнія, которыя въ прошлую сессію считались преимуществомъ крайней лѣвой. Не говоря уже о пересмотрѣ конституціи, приказъ о которомъ, исходить изъ Бурбонскаго дворца, кто въ настоящую минуту рѣшился-бы высказаться противъ отдѣленія церкви отъ государства, котораго ни за что не хочетъ Гамбетта? А сколько находящихся недостаточными существующіе законы о свободѣ печати и собраній, требующихъ преобразования налоговъ въ демократическомъ смыслѣ?

Какой авторитаристъ не признаетъ необходимости расширенія муниципальных вольностей и вотированія права ассоціацій? Какой, даже самый закоренѣлый шовинистъ не преклонится предъ необходимостью сокращенія срока военной службы? Даже Леонъ Рено, этотъ типъ представителя лѣваго центра, принужденъ сдѣлаться радикальнѣе, а что еще болѣе характеристично, — бывший префектъ полиціи Андріэ заявляетъ, что Гамбетта слишкомъ умѣренъ. Это движеніе умовъ до такой степени общее, что и печать, съ «*République française*» во главѣ, должна была съ нимъ сообразоваться. «*Justice*» остроумно смѣется по этому поводу устами молодого редактора своего Камилля Пеллетана: «Мы, не безъ опасенія, должны константировать», замѣчаетъ онъ, «что стимулируемые выборами, противники наши грозятъ превзойти насъ въ дѣлѣ радикализма. Мы рискуемъ показаться столь-

же блѣдными и мягкими, какъ какіе-нибудь Дѣвы и Лисбонны. Да, какъ ни трудно признаніе, мы сознаемся, безъ ложнаго стыда, что заранѣе отказываемся бороться по части радикализма съ нѣкоторыми радикалами, столь-же новыми, какъ и ненасытными». Всѣ поняли намекъ на «République française». Перечисливъ провозглашаемыя ею реформы, «Justice» продолжаетъ: «Прекрасно. До сихъ поръ мы можемъ только хвалить. Но что станется чрезъ недѣлю съ оппортунизмомъ, если онъ будетъ продолжать такимъ образомъ? Къ концу избирательнаго періода въ его символъ вѣры войдетъ коллективная собственность какъ земли, такъ и подпочвы и «кандидатуры». (Предложенныя Луизой Мишель).

«Изми́ривъ наши собственныя силы, мы видимъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ слѣдовать за бѣшеной скачкой г. Сигольера и его друзей по направленію къ самому крайнему радикализму. Полтора года тому назадъ мы основали нашу газету, чтобы поддерживать въ ней радикальную политику и въ теченіи полтора года насъ отдѣлывали на всѣ корки. Говорили, что только черная ненависть и сильнѣйшее желаніе услужить манархистамъ могли внушить наши нападки. Насъ обвиняли въ бѣшеной страсти къ разрушенію или въ жестокой зависти къ людямъ, находившимся у власти. Когда мы требовали амнистіи или отдѣленія церкви отъ государства, насъ величали мечтателями, а то и прямо безумцами. Насъ формально отлучали отъ церкви и мы привыкли къ положенію еретиковъ. Особенно старались поставить насъ въ это положеніе друзья г. Гамбетты и его газета. Сегодня утромъ развертываю «République française» и не вѣрю глазамъ: передовая статья съ начала и до конца представляетъ резюме всего того, что было высказано въ «Justice».

IX.

Только одинъ пунктъ территоріи долженъ былъ остаться исключеніемъ, не допуская залить себя волнами радикальнаго потока. Этимъ пунктомъ, кто могъ-бы повѣрить, была родина башмачника Тренкэ, Авентинская гора французской демократіи, однимъ словомъ—Белльвилль, этимъ все сказано.

Какое странное зрѣлище. Въ то время какъ самая скромная и отсталая изъ французскихъ общинъ, выказываетъ желаніе идти впередъ, Парижъ и болѣе того Белльвилль стоитъ на мѣстѣ и даже стремится назадъ. Это невѣроятно, а между тѣмъ

сомнѣніе невозможно, если судить по манифесту избирательнаго комитета, поддерживающаго кандидатуру Гамбетты въ обоихъ отдѣлахъ 20-го округа.

Прежде всего слѣдуетъ напомнить, что Гамбетта оставался представителемъ этого округа съ 1869 года. Вотъ уже въ пятый разъ является онъ предъ своими избирателями для подтвержденія своего политическаго полномочія. Онъ явился въ Белльвилль, предпочитая его всѣмъ остальнымъ избирательнымъ коллегіямъ, потому-что, выражаясь его собственными словами, «Белльвилль былъ его политическою колыбелью и долженъ остаться колыбелью его авторитета въ средѣ демократіи». Политическое полномочіе, о которомъ говоритъ Гамбетта, извѣстно, хотя его и не перепечатаваютъ въ собраніи его рѣчей. Это полномочіе и до сихъ поръ осталось программой радикальной партіи, а принципы ея, во всѣ времена, считались главными основами республиканской формы правленія. Отречься отъ этого полномочія значило, со стороны Гамбетты, порвать связь, которая существовала между нимъ и демократіей. И Гамбетта такъ это хорошо понималъ, что еще въ 1875 г. говорилъ своимъ избирателямъ: «Меня упрекаютъ за то, что я не отрѣзалъ себя хвоста. Это странное выраженіе довольно хорошо поясняетъ эволюцію, которую хотѣлось-бы заставить меня совершить моимъ противникамъ и которая заключается въ томъ, чтобы повернуть спину къ тѣмъ, кто открылъ намъ доступъ въ политическую жизнь. Такъ нѣтъ-же, я не отрѣзалъ себя хвоста и не намѣренъ этого дѣлать. Если нужно доказательство, то вотъ оно: «Я здѣсь, любезные сограждане, среди васъ и такимъ, какимъ вы меня всегда знали». Та-же рѣчь начиналась словами: Хотите знать причину моего присутствія среди васъ сегодня вечеромъ? Граждане, я пришелъ спросить у тѣхъ, кто былъ моими первыми довѣрителями: «продолжаетъ-ли существовать договоръ?» И белльвилльскіе избиратели отвѣчали единодушными: да! да! сопровождаемыми громкими и долгими рукоплесканіями.

Что-же видимъ мы сегодня въ манифестѣ гамбеттовскаго комитета? Съ первыхъ словъ—договоръ нарушенъ, а программа 1869 г. отвергнута.

Въ 1881 г. какъ и въ 1876 и 1869 г., говорится въ этомъ манифестѣ, мы республиканцы и патріоты, но, но... договора не существуетъ болѣе.

И это говорить не комитетъ только, но и самъ Гамбетта, потому-что къ манифесту приложено его собственное письмо, слѣдующаго содержанія:

«Любезные друзья, я только-что прочелъ вашъ превосход-

ный манифестъ; вполне одобряю и принимаю все въ немъ высказанное».

Какая-же причина повела къ этому разрыву? Чѣмъ объяснить отреченіе? Безъ сомнѣнія, если договоръ нарушенъ, то потому, что сдѣлался недостаточнымъ, что реформы, которыхъ требовали во времена имперіи, были только минимумомъ; которыми не можетъ удовлетвориться республика. Совсѣмъ нѣтъ. То, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ называлось «необходимыми вольностями», сдѣлалось въ наше время химерой и вредной утопией.

Свобода слова и пера—химера, личная свобода—также; избираемость судей, свобода общины, сокращеніе срока военной службы, все это—химеры.

А знаете-ли, чѣмъ будетъ замѣненъ только-что расторгнутый договоръ. Онъ будетъ замѣненъ полномочіемъ, позволяющимъ дѣйствовать по усмотрѣнію, «*mandat en blanc*». Не думайте, что я преувеличиваю. Это слово стоитъ въ манифестѣ.

«Настоящее полномочіе, какъ мы уже сказали выше, такъ мало опредѣлено, что это, собственно говоря, предоставленіе дѣйствовать по усмотрѣнію («*Mandat en blanc*»).

«Оно дано какъ яркое доказательство довѣрія избирателя къ кандидату и равно дѣлаетъ честь обоимъ. Кандидату, потому-что умѣлъ внушать къ себѣ такія чувства, избирателямъ, потому-что они сумѣли оцѣнить патріотизмъ, политическій смыслъ и высоту взглядовъ человѣка, которому они даютъ подобное полномочіе». Авторъ сознается, что это можетъ показаться страннымъ, что оно дѣйствительно было-бы странно въ громадномъ большинствѣ случаевъ, но Гамбетта не такой человѣкъ, какъ всѣ; къ тому-же мы видѣли, что онъ признаетъ все высказанное въ манифестѣ. «Г. Гамбетта до такой степени воплощаетъ идеи 20-го избирательнаго округа, что онъ является какъ бы естественнымъ его олицетвореніемъ». Иначе говоря, это провиденціальныи депутатъ.

Таково ученіе. Оно ясно. Полномочія сдѣланы для обыкновенныхъ людей. Для Гамбетты оно на оборотъ: белльвилльскіе избиратели обязаны его избирать, а не онъ обязанъ ихъ слушать.

Что касается Гамбетты, то это не человѣкъ, а само воплощеніе демократіи. Его мысль становится мыслью народа. *Vox populi vox Dei*. Богомъ здѣсь является Гамбетта. Утвердитъ-ли белльвилльская демократія эту странную и совершенно новую въ республикѣ доктрину? Г. Гамбетта въ этомъ не сомнѣвался; онъ рассчитывалъ на ея торжество, при помощи престижа сво-

его имени и мощи своего слова. Кто осмѣлился-бы пошвряться съ нимъ силой? Какое имя могло быть серьезно поставлено рядомъ съ его именемъ?

Съ высоты своего величія, онъ раздавилъ-бы презрѣніемъ пигмеевъ, которые отважились-бы на такое безумное предпріятіе.

Но какъ ни безумно было предпріятіе, нашлись люди, которые на него рѣшились. Пигмеи: г. Сигизмундъ Лакруа, простой муниципальный совѣтникъ и Тони Ревильонъ, простой романистъ, осмѣлились поднять перчатку, которую Геркулесъ новаго времени бросалъ демократіи, и возстановить предъ лицомъ его отверженное имъ знамя, т. е. то, которое имѣло девизомъ программу 1869 г.

Г. Гамбетта не снизошелъ до отвѣта и не соблаговолилъ даже ихъ слушать. На первый разъ онъ собралъ нѣкоторое количество своихъ вѣрныхъ въ Elysée Mėnilmontant, въ небольшой залѣ, которая можетъ вмѣстить отъ тысячи до тысячи двухсотъ человѣкъ. Былъ организованъ цѣлый батальонъ комиссаровъ, подъ предводительствомъ мѣстнаго парижмакера, человѣка вѣрнаго и фанатизмъ котораго былъ испытанъ. Невозможно было войти, не имѣя билета, такъ-какъ Гамбетта желалъ сплошныхъ рукоплесканій.

Тѣмъ не менѣе, планъ удался только на половину. Аплодисменты не измѣнили, но пигмеи, оставшіеся за дверью, нарушали ихъ гармонию своими свистами и ворчаніемъ, которые, несмотря на плотно-запертыя двери, долетали въ залу. Окончивъ рѣчь свою, ораторъ, продолжая презирать своихъ противниковъ, скрылся чрезъ боковую дверь, избѣжавъ, такимъ образомъ, концерта свистковъ, ожидавшихъ его у выхода.

Однако, такъ-какъ планъ удался лишь на половину, президентъ палаты рѣшился созвать другое собраніе, уже при иныхъ условіяхъ. На этотъ разъ, вмѣсто небольшого круга слушателей, онъ пожелалъ громаднаго, чудовищнаго собранія, такого, какового не видѣлъ ни одинъ кандидатъ. Какой превосходный отвѣтъ тѣмъ, кто упрекалъ его за то, что онъ избѣгаетъ дневнаго свѣта и большихъ сборищъ! Какой несравненный успѣхъ, слышать привѣтствія толпы, въ восемь или десять тысячъ человѣкъ, въ самомъ сердцѣ Бельвилля. Но были приняты мѣры, чтобы на это бельвилльское собраніе попало какъ можно менѣе бельвилльцевъ. Для нихъ довольно и того, что прочитаютъ на другой день его рѣчь и рассказъ объ его торжествѣ. Для этого рѣшено было впускать не иначе, какъ съ пригластельными письмами и обратиться ко всему гамбеттистскому ополченію.

Мнѣ лично извѣстно не мало лицъ изъ центральныхъ кварталовъ, находившихся въ то время за городомъ или на морскихъ купаньяхъ, которые поспѣшили пріѣхать въ Парижъ, чтобы присутствовать на этомъ собраніи, приглашеніе на которое было имъ послано.

Сверхъ того, чтобы избавиться на этотъ разъ отъ свистковъ за дверями, рѣшили загородить улицу такъ, чтобы около зданія собранія никого не могло быть, кромѣ приглашенныхъ. Собраніе назначено было на 16-е августа, въ 8½ часовъ вечера. Помѣщеніе было выбрано въ одной изъ отдаленныхъ улицъ (rue St.-Blaise), у самыхъ уврѣплений. Я явился туда въ 7 часовъ. Экипажи должны были останавливаться въ самомъ началѣ улицы. Немного далѣе, полицейскіе сержанты не пускали толпу и указывали ей небольшую, сосѣдную улицу. Пройдя еще два-три переулка, набитыхъ полиціей и белльвилльскими комиссарами, осматривавшими билеты, мы достигаемъ обширнаго двора, истинной клоаки грязи, въ глубинѣ которой видѣется обширный плотничій сарай. Здѣсь-то должно происходить торжество Гамбетты.

Странное зрѣлище представляло это помѣщеніе. Представьте широкую залу въ тридцать или тридцать пять метровъ длины, не глубокую и открытую съ одной стороны на грязный дворъ. Съ другой—въ глубинѣ, была устроена встрада, со всѣми принадлежностями общественаго собранія: бюро, столикъ для оратора и т. д. На заднемъ планѣ—скамейки для журналистовъ. Давка была ужасная. Курятъ, кричатъ, толкаютъ другъ друга. Зданіе покрываетъ потолокъ, сомнительной прочности. Балки, лѣстницы, бревна, перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ. Около дюжины электрическихъ шаровъ прикрѣплено къ потолку. Около 8 часовъ ихъ зажигаютъ и они блистательно освѣщаютъ это любопытное помѣщеніе. Дождь льетъ, какъ изъ ведра, но толпа все прибываетъ, наполняя дворъ. Нѣсколько шутниковъ, замѣтивъ лѣстницы и балки, занялись влѣзаніемъ на нихъ. Этотъ примѣръ нашелъ многочисленныхъ подражателей. Скоро цѣлыя кисти людей повисли надъ нашими головами, уцѣпившись за перекладыны сомнительной прочности. Половина девятаго. Изъ глубины залы появляется мальчикъ со стуломъ, который ставятъ передъ столикомъ для оратора. Кто-то кричитъ: «вотъ тронъ!» Сидѣхъ и аплодисменты. Позади появляются организаторы собранія.

Въ залѣ замѣчается сильное волненіе. Это входитъ Гамбетта. Онъ улыбается и кажется почти помолодѣвшимъ. Г. Метивье, предсѣдатель комитета, поднимается съ своего мѣста что-

бы предложить выбрать бюро. Кричатъ два имени: «Метивье!» «Рети!» (Рети—кандидатъ рабочей партіи). Метивье хочетъ занять президентское мѣсто. Крики: Рети! Рети! возобновляются съ новой силой. Въ теченіи десяти минутъ не слышно ничего другого. Г. Рети толкаютъ въ бюро. Люди, стоящіе на эстрадѣ, грубо отталкиваютъ его. Тогда поднимается Гамбетта, онъ желаетъ говорить, но голосъ его покрываютъ все тѣ-же крики: «Рети! Рети!» Гамбетта не садится, онъ требуетъ молчанія и, не получивъ его, скрещиваетъ на груди руки и въ этой, любимой имъ драматической позѣ, ждетъ. Раздаются крики: «Бюро! Назначьте бюро! Рети! Рети!» Послышались свистки. Гамбетта сильно поблѣднѣлъ. Кровь бросается ему въ голову и онъ схватываетъ трость г. Метивье, великолѣпную трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и нѣсколько разъ ударяетъ ею по столу. Чѣмъ сильнѣе онъ стучитъ, тѣмъ громче кричатъ. Невозможно было разслышать ни одного слова, имъ произнесеннаго. По увѣренію «République française», онъ сказалъ: «А! Такъ это зовете вы свободой, вы позорите самихъ себя и я призываю васъ къ самоуваженію». Затѣмъ, немного спустя и среди неутихавшаго шума: «Я васъ считаю и вижу, что васъ десять тысячъ въ рукахъ какой-нибудь горсти бѣсноватыхъ!» Свистокъ раздался въ отвѣтъ на эти слова. А Гамбетта стучитъ и стучитъ. Свистки не умолкаютъ. Въ видѣ разнообразія поютъ на голосъ «Lampions»—Gambetta, rarega ras! Gambetta rarega ras» (Гамбетта не будетъ выбранъ). Гамбетта отвѣчаетъ: «Молчите горланы! Молчите бѣсноватые! Молчать, люди безъ стыда и совѣсти!» На эстрадѣ раздались рукоплесканія, которыя еще болѣе разожгли гнѣвъ толпы. «Какъ, продолжаетъ Гамбетта,—я пришелъ сюда, чтобы объяснить съ вами, какъ съ людьми свободными... (Голосъ изъ толпы: «намъ нужно общественное собраніе!») а вы не въ состояніи отстоять противъ нѣсколькихъ негодяевъ первую изъ всѣхъ свободъ, свободу трибуны!» Протесты со всѣхъ сторонъ. «Вы говорите нѣтъ; вамъ заплатили за это! Но горсти негодяевъ не удастся обезчестить весь двадцатый округъ... Я васъ знаю, я сбрасываю съ васъ маску и сужу васъ, и знайте, что никогда меньшинство, состоящее изъ горлановъ, не помѣшаетъ мнѣ высказать свою мысль». Новые залпы свистковъ и крики. Ему бросаютъ имя Галлие. Онъ продолжаетъ: «Вы не хотите дать мнѣ говорить; ну, что-же, я достаточно говорилъ въ свою жизнь, я довольно часто излагалъ свои теории и принципы, чтобы дорожить возможностью остаться на этой опозоренной трибунѣ. Впрочемъ, слушайте, я хочу сказать вамъ, что вы такое, и уйду: вы пьяные рабы и голо-

сованіе 21-го августа и голоса всѣхъ честныхъ гражданъ вознаграждать меня за эту гнусность». Все это было произнесено хриплымъ, задыхающимся, истощеннымъ голосомъ, въ перемежку со свистами и криками. Однако, онъ не кончилъ. Взявъ трость и начавъ снова стучать ею: «Шайка горлановъ, продолжалъ онъ,—помните, что я съумѣю отыскать васъ въ самой глубинѣ вашихъ гнусныхъ логовищъ!» Это было произнесено съ налившимися кровью глазами, съ развѣвающимися волосами и поднятой рукой.

Послѣ того онъ скрылся за драпировкой, въ глубинѣ залы, среди дѣлой бури свистовъ, рева, криковъ: Галлифе! Галлифе! Между тѣмъ, вѣстрада опустѣла. Мало-по-малу тишина восстанавливается. Скоро освѣщеніе гаснетъ и глубокой мракъ охватываетъ собраніе. Толпа спокойно расходится, безъ малѣйшаго наслія или несчастнаго случая.

Таковъ былъ результатъ предосторожностей, принятыхъ Гамбеттой. Какимъ образомъ, и вслѣдствіе какой измѣны эти «негодяи, горланы и пьяные рабы» проникли въ залу, мнѣ неизвѣстно. Сколько ихъ было въ точности? Это мы не замедлимъ узнать, если Гамбетта дастъ имъ, по крайней-мѣрѣ, время подать голоса, прежде чѣмъ отправится ихъ преслѣдовать, въ «гнусныя логовища».

Х.

Поспѣшимъ къ 21-му августа, дню выборовъ. Баллотировка закрывается въ шесть часовъ. Съ восьми часовъ бульвары наполняются; кафе биткомъ набиты публикой; особенно замѣтно скопленіе народа у редакцій газетъ и около мѣрій. Женщины и дѣти такъ же выказываютъ немалый интересъ къ выборамъ. Въ девять часовъ уже извѣстны нѣкоторые частные результаты. Мало-по-малу положеніе дѣлъ начинаетъ вырисовываться. Узнаютъ о блестящей побѣдѣ Клеменсо въ обоихъ монмартрскихъ округахъ, объ успѣхѣ его молодого и даровитаго сотрудника Камилля Пеллетана въ 10-мъ округѣ, профессора Луссона—въ 5-мъ. Во всѣхъ вновь учрежденныхъ округахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ радикаловъ. При перебаллотировкахъ они выходятъ побѣдителями, за исключеніемъ 9-го округа, гдѣ побѣда остается за г. Ранкомъ. Но, странное дѣло, ничего неизвѣстно о Бельвиллѣ. Извѣстны результаты выборовъ въ Сень-Дени, въ Со; телеграммы уже начали получаться изъ департаментовъ. Бельвилль безмолвствуетъ. Что-же происходитъ въ этомъ вер-

тепѣ? Всего проще отправиться посмотреть, что я и дѣлаю. Спрашиваю одного белльвицца: «Кажется, отвѣчалъ онъ,—что они никакъ не могутъ согласиться въ сложеніи». Наконецъ, попадаетъ мнѣ объявленіе и я читаю: «Г. Гамбетта выбранъ въ 1-мъ округѣ большинствомъ 186-ти голосовъ». Объявленіе подписано помощникомъ мэра. Изъ другой афиши узнаю, что во 2-мъ округѣ большинство, имъ полученное, равняется одному голосу. Это, очевидно, шутка. Не можетъ быть, чтобы тотъ, кого двѣнадцать лѣтъ назадъ единогласно избирало двадцать двѣ тысячи голосовъ, кто въ 1877 году послѣ опустошеній, произведенныхъ митральезами Галлифе, получалъ все-таки 12,000 голосовъ большинства, не можетъ быть, чтобы онъ внезапно упалъ до двухсотъ голосовъ? Можно-ли довѣрять этимъ цифрамъ? Неужели горсть пьяныхъ рабовъ собранія улицы St. Blaise въ Шароннѣ, считается теперь уже тысячами? А вотъ и новыя свѣденія: «Перебаллотировка въ Шароннѣ», подписано секретаремъ мэри. Часъ отъ часу не легче. Наконецъ, появляется мэръ, который разрываетъ предшествовавшую афишу и подтверждаетъ результаты, сообщенные о 1-мъ округѣ. Во второмъ у Гамбетты оказался не одинъ, а восемь голосовъ большинства. Это все-таки легче.

Возвращаюсь въ Парижъ. Цифры префектуры не совпадаютъ съ цифрами мэри. Кому вѣрить? И что-же это за баллотировка, которая перекатывается какъ шарикъ фокусника изъ стакана въ стаканъ? Въ ожиданіи конца этихъ фокусовъ, бросимъ взглядъ на общіе результаты выборовъ. Они такого рода, что могутъ утѣшить «République Française»,—если только она заслуживаетъ свое имя,—по поводу «маленькаго белльвицкаго усѣха», какъ она сама выразилась.

Изъ 89-ти департаментовъ, насчитываютъ 52, въ которыхъ не прошло ни одного реакціоннаго кандидата. Изъ остальныхъ 37-ми, гдѣ побѣда республиканцевъ не была общая, въ 19-ти монархисты и клерикалы сохранили только одно мѣсто. Въ остальныхъ республикѣ досталось болѣе половины мѣстъ, за исключеніемъ пяти департаментовъ. Эти послѣднія твердыни реакціи департаменты: Сѣверный, Мэна и Луары, Нижней Луары, Морбиганскій и Вандейскій. Крупные центры этой классической страны шуановъ, уже и теперь завоеваны республикой. Деревня еще сопротивляется. Безъ сомнѣнія, нѣсколько лѣтъ обязательнаго обученія обратитъ и ее. Наконецъ, прибавимъ, что въ Парижѣ реакція потернеть, вѣроятно, послѣдній остававшійся за нею пунктъ—8-й избирательный округъ, гдѣ вторая баллотиров-

на будетъ, по всей вѣроятности, имѣть результатомъ торжество республиканскаго кандидата, г. Пасси.

Въ общей сложности, реакція потеряла 50 мѣстъ и выиграла 7. Итого—43 лишнихъ мѣста на активъ республиканцевъ. Эти послѣдніе насчитываютъ уже теперь 398 депутатовъ на 548. Всѣ произведенныя перебаллотировки, числомъ 53 оказались благопріятными республикѣ.

Всего болѣе потерпѣли бонапартисты, которые потеряли двѣ трети мѣстъ, отнятыхъ вообще у правой, 33 изъ 50. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ, особенно преданныхъ партіи имперіи, на примѣръ, въ Дордонскомъ, республиканцы отняли у нихъ 4 мѣста изъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи 5-ти. Въ департаментѣ Верхней Гаронны 3 выбывающихъ депутата-бонапартиста замѣнены 3-мя республиканцами. Въ Кальвадосскомъ департаментѣ, не имѣвшемъ ни одного республиканскаго депутата, будетъ ихъ отнынѣ 4. Эти мѣста и наполовину отняты у монархистовъ и наполовину у имперіалистовъ. Займемся теперь распредѣленіемъ по различнымъ республиканскимъ фракціямъ. Мы уже указали на результаты въ новыхъ округахъ столицы, гдѣ не прошелъ на одинъ изъ кандидатовъ улицы Сюреннъ. Всѣ эти: Воты, Колены, Гатта, испытали самыя жалкіе фіаско, побитые анти-оппортунистскими кандидатами. Даже Ранкъ получилъ менѣе голосовъ, чѣмъ прочіе республиканскіе кандидаты, вмѣстѣ взятые. Въ другихъ округахъ, какъ ни правильны были голосованія выбывающихъ депутатовъ, одного титула пріятеля Гамбетты достаточно было, чтобы отнять значительную цифру голосовъ. Не менѣе знаменательны и результаты, полученные въ провинціи. Гамбетта попробовалъ, отлучить отъ церкви извѣстное количество республиканцевъ, но потерпѣлъ вездѣ неудачу. Радикальный депутатъ Лэзанъ, социалистъ Таланье одержали блистательныя побѣды, а враждебность комитета улицы Сюремъ помогла успѣху даже Бонне Дювердье. Г. Гатино отмстилъ за свою неудачу, разбивъ на-голову юнаго Детанеля. Безсильная относительно своихъ противниковъ, партія Бурбонскаго дворца оказалась такою-же безсильною и въ провинціи. Замѣчательно, что главный редакторъ «République française», Изамберъ, кандидатуру котораго Гамбетта самолично отправился поддерживать, потерпѣлъ жалчайшую неудачу. То-же было и съ Картеромъ, для котораго Гамбетта написалъ письмо, рекомендовавшее его избирателямъ Арденнскаго департамента. Еще важнѣе пораженіе одного изъ представителей правительства и близкаго человѣка Бурбонскаго дворца—г. Жирера. Г. Бардү также не послужили на пользу то, что онъ предпринялъ кампанію списочнаго избирательства. Онъ потерпѣлъ крушеніе

также какъ г. Рено, представитель гамбеттовскаго вліянія въ лѣвомъ центрѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что маневръ поспѣшнаго назначенія выборовъ помѣшалъ движенію пріобрѣсть то значеніе, которое оно могло бы имѣть; въ особенности *рабочей партіи* не удалось принять серьезнаго участія въ борьбѣ. Полученная этой партіей цифра 18,000 голосовъ, что-бы ни говорили, не соотвѣтствуетъ важности ея значенія. Но общественное мнѣніе слѣдуетъ искать въ особенности въ программахъ избирателей, въ такъ-называемыхъ *Cahiers des électeurs*. Какъ я уже указывалъ выше, повсюду была принята вновь программа 1869 г. и выставлена оппортунистскимъ кандидатомъ въ ту самую минуту, какъ глава ихъ публично отрекался отъ нея. Съ своей стороны и радикалы приглашены были опредѣлить точнѣе свои стремленія въ дѣлѣ соціальной экономіи. Клемансо и его сторонники приняли титулъ социалистическихъ кандидатовъ, а прибавленія, сдѣланныя къ ихъ первоначальному полномочію, вызвали со стороны одного изъ лучшихъ коллективистскихъ писателей, г. Гѣда, странный упрекъ въ томъ, что они ограбили программу рабочей партіи.

Я забылъ, что оставилъ результаты выборовъ въ Бельвильѣ еще не вполне опредѣлившимися, не зная самъ, что о нихъ думать. И я не одинъ былъ въ такомъ положеніи. На другой день я поспѣшилъ освѣдомиться въ «*Journal Officiel*»; сообщены были всѣ результаты, кромѣ результата выборовъ въ 20-мъ округѣ. Въ слѣдующихъ нумерахъ то-же молчаніе. Между тѣмъ стали ходить странные слухи. Разборка и счетъ бюллетеней, повидимому, были произведены самымъ произвольнымъ образомъ. Во 2-мъ округѣ, когда было замѣчено, что число бюллетеней, получающихся г. Тони Ревильономъ, слишкомъ быстро растетъ, бюро, въ которомъ предсѣдательствовалъ мэръ округа, вдругъ сдѣлался не въ мѣру подозрительнымъ. Каждый бюллетень, не носившій имени Гамбетты, казался ему уже заслуживающимъ недоумѣнія. Какой-нибудь пустякъ заставлялъ отбрасывать, по недѣйствительности. Такъ прочтено было имя Котена?—Недѣйствительный. Флѣта? Недѣйствительный! Е. Лакруа. Недѣйствительный! — Почему-же? Потому, что эти господа не кандидаты того округа. Между тѣмъ должны признаваться недѣйствительными только бюллетени, написанные не на бѣлой бумагѣ, или заключающіе какой-нибудь знакъ, или-же постороннія замѣчанія. Вопреки этому въ 1-мъ округѣ прошли бюллетени съ именемъ Гамбетты и съ прибавленіемъ ругательствъ, относившихся къ анти-оппортунистскому кандидату.

А такъ-какъ всякій признанный недѣйствительнымъ бюллетень

тень долженъ быть перечеркнутъ и приложенъ къ протоколу, то не трудно было-бы повѣрочной комиссіи повѣрить это дѣло. А пока множество протестовъ было предъявлено въ этомъ смыслѣ избирателями, присутствовавшими при разборѣ бюллетеней.

Въ слѣдующій вторникъ комиссія собралась въ залѣ Des Pas Perdus парижскаго муниципальнаго совѣта и объявила о результатахъ своей повѣрки.

Гамбетта положительно не былъ избранъ во 2-мъ округѣ, а въ другомъ былъ избранъ большинствомъ 113 голосовъ.

Но и это еще не окончательно, такъ-какъ эти 113 голосовъ, признаваемые комиссіей, но оспариваемые избирателями, должны быть предметомъ парламентскаго слѣдствія. Итакъ, въ одномъ пунктѣ результатъ былъ отрицательный, а въ другомъ изображался вопросительнымъ знакомъ.

Таковы все болѣе и болѣе сокращающіеся размѣры маленькаго успѣха Гамбетты въ томъ округѣ, который былъ его «политическою колыбелью и долженъ остаться колыбелью его авторитета среди демократіи».

Можно сказать по-истинѣ, что Кагорскому триумфатору слѣдуетъ поспѣшить, если онъ желаетъ осуществить свои мечты о величій и диктатурѣ. Кто знаетъ, если онъ станетъ медлить, то, пожалуй, негодится и въ простые министры.

Ж...

ИРЛАНДСКІЯ ДЪЛА.

IV.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ ЛИГИ.

Вотъ въ какомъ положеніи застаеъ Ирландію послѣднее аграрное движеніе: земля Ирландіи, составляющая 20 милліоновъ акровъ, на половину находится подъ пастбищами для скота, принадлежащаго самимъ землевладѣльцамъ и небольшому числу болѣе крупныхъ фермеровъ, болѣею частью англичанъ и шотландцевъ. Остальные 10 м. акровъ заняты на половину лѣсомъ, на половину сдаются въ аренду, Мелкихъ фермъ (меньше 15 акровъ или 5 десятинъ) по статистическимъ таблицамъ насчитывается еще 280 тысячъ, хотя съ каждымъ сезономъ число ихъ уменьшается и земля ихъ превращается въ пастбища.

Эти 280 т. семействъ (около 1.100,000 душъ), вмѣстѣ съ 400 безземельныхъ рабочихъ-поденщиковъ, можно назвать сельскимъ пролетаріатомъ Ирландіи. На своихъ участкахъ они разводятъ почти исключительно картофель, идущій на прокормленіе семьи. Ренту же платятъ съ посторонняго заработка, на который уходятъ въ Англію неженатые мужчины и дѣвушки, а также съ продажи выкармливаемыхъ свиней. Самые мелкіе участки такъ незначительны, что обрабатываются не плугомъ, а заступомъ. Едва одно семейство изъ четырехъ имѣетъ лошадь или корову или 2—3 овцы, съ которыми братски живутъ подъ одной кровлей. Участки менѣе пятнадцати акровъ сдаются безъ всякихъ контрактовъ и рента за нихъ можетъ быть во всякое время повышана, что обыкновенно и случается въ урожайные годы. Такъ съ 70 по 76-й годъ, вслѣдствіе хорошихъ урожаевъ, она почти всюду повысилась на 25—50 %, и предъ началомъ послѣднихъ

волнений колебалась между 1 и 4 фунтами за акръ, что составить отъ 30 до 120 рублей за десятину (акръ = $\frac{1}{3}$ десятины).

Около 210 тысячъ фермеровъ снимаютъ участки отъ 15 до 50 акровъ и составляютъ второй, болѣе зажиточный классъ сельскаго населенія. Кромѣ картофеля, они сѣютъ въ небольшомъ количествѣ и зерновые хлѣба; обрабатываютъ землю лошадьми и имѣютъ обыкновенно нѣсколько головъ рогатаго скота. Питаются они картофелемъ и молокомъ, ренту-же уплачиваютъ съ продажи зернового хлѣба и приплода отъ скотины.

Остальные сто слишкомъ тысячъ фермеровъ составляютъ уже сельскую буржуазію и обрабатываютъ землю исключительно наемнымъ трудомъ. У нихъ только небольшая часть земли занята картофелемъ.—Самые крупные участки, въ 500 акровъ и болѣе, арендуютъ, по большой части, англичане и шотландцы, которыхъ ирландцы ненавидятъ не меньше чѣмъ самихъ лендлордовъ.—Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такихъ большихъ фермъ до сихъ поръ насчитывается всего нѣсколько тысячъ.

При такомъ положеніи вещей, когда половина фермеровъ, даже въ урожайные годы, не въ состояніи уплачивать ренту сполна, а изъ остальныхъ двухъ четвертей—одна едва сводитъ концы съ концами,—при такомъ положеніи два неурожайныхъ года, каковы были 77 и 78, неминуемо должны были произвести большую пертурбацію въ поземельныхъ отношеніяхъ Ирландіи и надолго вывести ихъ изъ обычной колеи. Какъ-бы ни была хороша слѣдующая жатва, она не дала-бы возможности уплатить недоимку, накопившуюся за два неурожайныхъ года. Этотъ долгъ навсегда долженъ былъ остаться на фермерахъ и лендлорды могли во всякое время воспользоваться имъ для изгнаній.—Уже зимой 78—79 годовъ, можно было предвидѣть, что ирландскій аграрный вопросъ неминуемо выступитъ на сцену въ томъ или другомъ видѣ. Всеобщее возбужденное состояніе, оживленіе фермерскихъ клубовъ по деревнямъ, стремленіе ихъ сплотиться, слухи о скоромъ появленіи на сцену риббопменовъ и феніевъ—все указывало на начинающееся движеніе, которому недоставало только вождей, способныхъ объединить и направить его къ общей цѣли.

Первымъ изъ такихъ инициаторовъ явился бывшій феній Михаилъ Девиттъ. Сынъ бѣднаго фермера изъ графства Мейо, онъ еще ребенкомъ видѣлъ и запомнилъ на-вѣки, какъ по требованію лендлорда полисмены снесли крышу съ дома его отца и выгнали его, со всей семьей, на дорогу. Потомъ онъ поступилъ работникомъ на фабрику и принужденъ былъ оставить ее, когда ему машиной оторвало руку. Послѣ подавленія феніан-

скаго возстанія, онъ занялся реорганизаціей разсѣянныхъ фе-
ніанскихъ кружковъ и въ 70-мъ году былъ арестованъ какъ фе-
ній и приговоренъ къ 15 годамъ каторги. «Семь лѣтъ я про-
былъ въ каторжной тюрьмѣ, при условіяхъ до такой степени
ужасныхъ, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что, пра-
во, въ аду не можетъ быть хуже». Его не крѣпкое отъ природы
здоровье окончательно разстроилось въ тюрьмѣ. Въ 76-мъ году
онъ былъ освобожденъ, получивъ «условную амнистію», по ко-
торой правительство оставляло за собой право, при новомъ уча-
стіи его въ какомъ-либо заговорѣ, безъ суда отправить его до-
канчивать срокъ каторги. По освобожденіи, Девиттъ отправился
въ Америку, гдѣ вступилъ въ сношеніе съ тамошними фе-
ніями и старался пополнить свое образованіе чтеніемъ книгъ по
соціальнымъ вопросамъ. Въ началѣ 79 года, предвидя возмож-
ность волненія въ Ирландіи, онъ вернулся на родину и въ маѣ
того-же года собралъ первый большой митингъ въ одномъ при-
морскомъ мѣстечкѣ своего родного Мейо. Народу собралось до
10 тысячъ. Въ своей рѣчи Девиттъ доказывалъ, что лорды не
имѣютъ права на ренту, потому-что ихъ предки силою захва-
тили ирландскую землю, и если-бы даже они приобрѣли ее за-
коннымъ и справедливымъ путемъ, то фермера уже стократно
выкупили ее, уплачивая за нее громадную ренту. «Рента, гово-
рилъ онъ,—по самому существу своему вещь несправедливая.
Земля сотворена такою-же свободною, какъ воздухъ и вода, и
тотъ, кто приложилъ къ ней трудъ, имѣетъ право на всѣ тѣ
плоды, которые она принесетъ благодаря этому труду».

Рѣчь Девитта возбудила величайшій энтузіазмъ. Въ приня-
тыхъ резолюціяхъ предлагалось фермерамъ стоять крѣпко другъ
за друга и требовать отъ лендлордовъ пониженія ренты до та-
кихъ размѣровъ, при которыхъ она не была-бы обременительна
для фермеровъ.

Въ этомъ митингѣ принималъ участіе и членъ парламента
Чарльзъ Парнелъ, сдѣлавшійся впоследствии знаменитымъ, какъ
признанный глава всего движенія. Парнелъ и Девиттъ являются
представителями двухъ различныхъ теченій, долго боровшихся
за преобладающее вліяніе на общественную жизнь Ирландіи.
Теперь они въ первый разъ подали другъ другу руку, чтобы
вмѣстѣ работать для одной общей цѣли. Крестьянинъ по про-
исхожденію и феній по своему прошлому, Девиттъ внушалъ до-
вѣріе и возбуждалъ горячую симпатію въ ирландскомъ крестьян-
ствѣ. Къ нему охотно приставали и феіи, за дѣло которыхъ
онъ такъ много пострадалъ.

Парнелъ, богатый землевладѣлецъ и протестантъ, началъ

свою политическую карьеру, выступивъ въ 74-мъ году кандидатомъ Home-ruler'овъ. Выбранный, онъ вскорѣ занялъ первое мѣсто въ рядахъ партіи, благодаря своей энергіи и краснорѣчію. Рѣшившись принять участіе въ начинающемся аграрномъ движеніи, онъ привлекъ къ нему и передовую часть ирландской буржуазіи, справедливо доказывая ей, что борясь противъ ленд-лордовъ, она ничего не теряетъ, а въ случаѣ побѣды все выигрываетъ, становясь во главѣ свободной Ирландіи.

Митингъ въ Мейо обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Десятитысячная толпа, присутствіе члена парламента, осужденный феній во главѣ, крайнія рѣшенія и бурные возгласы, все это вмѣстѣ показалось правительству настолько серьезнымъ, что въ Мейо были тотчасъ-же усилены войска и полиція, и повсюду были расклеены объявленія, что въ случаѣ беспорядковъ издержки на содержаніе войскъ падутъ на жителей. Но это никого не испугало, а скорѣй усилило движеніе. Въ слѣдующее-же воскресенье въ разныхъ мѣстахъ графства собралось уже нѣсколько митинговъ. Черезъ мѣсяцъ они начали переходить въ сосѣдніе графства. Не одинъ заразителный примѣръ увлекалъ ирландцевъ: въ срединѣ лѣта стало очевиднымъ, что жатва этого года дастъ вдвое меньше, чѣмъ прошлогодняя. Такого неурожая не было съ 47-го года, а между - тѣмъ два предъидущихъ года истощили кредитъ фермеровъ и на этотъ разъ имъ грозилъ уже настоящій голодъ. Понятно ихъ желаніе сплотиться въ виду общаго бѣдствія. На бурныхъ митингахъ слышались отчаянные вопли о необходимости принятія самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Девиттъ, Биггаръ, Бренакъ и другіе ораторы переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто и всюду говорятъ рѣчи. Подъ ихъ вліяніемъ митинги ставятъ однообразныя резолюціи, запрещающія брать фермы, съ которыхъ изгнаны ихъ прежніе владѣльцы и уплачивать ренту, безъ согласія всѣхъ остальныхъ фермеровъ, живущихъ на земляхъ того-же лорда. Чтобы придать этимъ резолюціямъ большую силу, была необходима серьезная организація. Въ виду этого, 16 августа въ Кастельбаръ со всѣхъ концовъ графства Мейо собрались представители фермерскихъ клубовъ, союзовъ, ассоціацій, а также всѣхъ деревень и мѣстечекъ, гдѣ за послѣднее время собирались митинги. Девиттъ прочелъ предъ собраніемъ свою «декларацію принциповъ». Доказавши, что только благодаря феодализму Ирландія, которая могла бы съ легкостью прокормить 20 миллионовъ жителей, едва прокармливаетъ пятиллионное населеніе, убывающее къ тому-же съ каждымъ годомъ,—онъ предложилъ собравшимся представителямъ основать союзъ, съ цѣлью до-

биться завѣтнаго желанія ирландскаго народа—уничтоженія лендлордизма—въ ближайшемъ-же будущемъ предотвращенія бѣдствій, готовыхъ разразиться надъ Ирландіей, вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ. Это предложеніе было принято и основанъ союзъ подъ названіемъ «Земельной лиги графства Мейо». Принять также и предложенный Девиттомъ уставъ:

1) Лига должна добиваться всѣми справедливыми и нравственными средствами отмены существующихъ земельныхъ отношеній въ Ирландіи и замѣны ихъ системой землевладѣнія, согласной съ интересами и нравственнымъ чувствомъ народа.

2) Въ видахъ защиты фермеровъ, лига должна знать о каждой совершаемой въ странѣ несправедливости и бороться съ ними путемъ печати и, въ случаяхъ особенно важныхъ—митинговъ, гдѣ выражалось-бы порицаніе, какъ жестокимъ лендлордамъ, такъ и фермерамъ, рѣшившимся, нарушая солидарность, взять ферму, съ которой несправедливо изгнанъ ея прежній арендаторъ.

3) Лига должна защищать не только своихъ членовъ, но и тѣхъ фермеровъ, которые, ничѣмъ не нарушивъ правилъ товарищеской солидарности, не успѣли еще сдѣлаться ея членами.

4) Лига должна наблюдать за дѣйствіями всѣхъ общественныхъ учрежденій Ирландіи—жюри, комитетовъ для вспоможенія бѣднымъ и т. п., а также представителей Ирландіи въ Парламентъ и высказывать свое неодобреніе каждый разъ, когда ихъ поведеніе противорѣчитъ интересамъ народа.

5) Лига должна заботиться о распространеніи своихъ принциповъ и увеличеніи числа своихъ членовъ посредствомъ частныхъ митинговъ, демонстрацій, печати и т. п.

6) Членомъ лиги можетъ быть каждый желающій трудиться для достиженія вышеуказанныхъ цѣлей и согласный подчиняться всѣмъ распоряженіямъ лиги. На издержки лиги каждый изъ членовъ вноситъ по 5 шиллинговъ въ годъ.

Въ первыя-же недѣли послѣ основанія лиги, всѣ организованнаго общества въ Мейо заявили о своемъ присоединеніи къ ней. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сосѣднихъ графствахъ, и вскорѣ по всему западу и югу острова, начали собираться громадныя митинги, носящіе тотъ-же характеръ и постановляющія резолюціи, совершенно подобныя резолюціямъ, приведеннымъ выше.

Къ серединѣ октября 79 года не было сколько-нибудь значительнаго мѣстечка, гдѣ не основалось-бы своего фермерскаго клуба или союза, аналогичнаго по цѣлямъ съ лигою. Число большихъ митинговъ, не говори уже о мелкихъ, насчитывалось десятками.

Когда число присоединеній къ лигѣ Мейо сдѣлалось настолько велико, что невозможно было сомнѣваться въ томъ, что оно служить выразительницею идей и стремленій всего ирландскаго народа, основатели ея рѣшились преобразовать ее изъ организаціи мѣстной въ національную. Съ этою цѣлью 23 октября 79 года въ Дублинѣ былъ собранъ съѣздъ представителей всѣхъ образовавшихся къ этому времени мѣстныхъ союзовъ. На этомъ-то съѣздѣ рѣшено было основать центральный союзъ, подъ названіемъ «Національной ирландской земельной лиги». Цѣли ея и уставъ были почти тѣ-же, что и у лиги Мейо; президентомъ былъ избранъ Парнелъ, секретарями Девиттъ и Бренанъ; касирами—О'Сюлливанъ и Патрикъ Эганъ.

V.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ЛИГА ВО ВРЕМЯ ТОРІЙСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

Первой и ближайшей заботой земельной лиги была помощь голодающимъ,—дѣло, которое обезпечило-бы ей сочувствіе народа и всѣхъ гуманныхъ людей въ Англіи и Европѣ. Она принялась за него съ замѣчательной энергіей и съумѣла заинтересовать въ немъ высшую аристократію Англіи, относившуюся всегда недовѣрчиво къ жалобамъ на «ирландскія бѣдствія». Герцогиня Мельборо стала во главѣ этого филантропическаго движенія и доставила лигѣ весьма значительныя суммы, которыя та распредѣляла между нуждающимися съ такой справедливостью и знаніемъ дѣла, какія невозможны для чиновниковъ благотворительныхъ учрежденій.

Но не благотворительность, разумѣется, могла создать лигѣ политическое вліяніе и будущность. Необходимо было доказать свою способность вести съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ до сихъ поръ, борьбу съ лендлордизмомъ. Лига совершенно измѣняетъ тактику: она не нарушаетъ законовъ, а, напротивъ того, стремится дозволенными закономъ способами сдѣлать законъ совершенно безсильнымъ. Вѣрная основному характеру англійскаго народа, земельная лига вовсе не стремится къ чистотѣ принциповъ, а ищетъ наиболѣе легкихъ и выгодныхъ компромиссовъ. Отрицая ренту въ принципѣ и не скрывая своей цѣли уничтожить ее современемъ окончательно, она пока не идетъ далѣе пониженія ея, а начинаетъ съ того, что предлагаетъ лендлорду полюбовную сдѣлку. Нѣкоторые соглашаются. Но огромное большинство, твердо помня свои «права»—отказывается. Тогда еер-

мера перестаютъ платить какую-бы-то ни было ренту: Лордъ подаетъ на нихъ жалобу въ судъ, получаетъ исполнительные листы, и приступаетъ къ изгнаніямъ массамаи. Лига стремилась сдѣлать всю эту процедуру совершенно бесполезною для лорда и тѣмъ вынудить его къ согласію на свои условія. Ей было очень легко добиться единодушія со стороны мѣстныхъ фермеровъ: по первому рѣшенію лиги они обыкновенно разомъ отказываются отъ уплаты ренты: имъ самимъ слишкомъ пріятно и выгодно слѣдовать такому рѣшенію. Гораздо труднѣе было добиться того, чтобы земли прогнанныхъ фермеровъ оставались пустыми и не приносили поэтому никакого дохода, такъ-какъ охотники на землю могли явиться изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей и даже изъ Англіи и Шотландіи. Лига тщательно избѣгала насильственныхъ мѣръ, которыя оправдали-бы правительственные репрессалии. Она понимала, что можетъ сдѣлаться всемогущей на почвѣ англійской свободы и предлагала ограничиться по отношенію къ врагу «общественнымъ отлученіемъ», напоминавшимъ средневѣковую анафему. «Окружите его презрѣніемъ и молчаніемъ; пусть ни одинъ человѣкъ не говоритъ ни съ нимъ, ни съ его женой, ни съ дѣтьми,—говоритъ одинъ изъ агитаторовъ Редпасъ.—Если его дѣти ходятъ въ школу—возьмите оттуда своихъ. Если онъ или кто-нибудь изъ его семейства войдетъ въ церковь—выходите изъ нея тотчасъ-же. Предупредите лавочника, что онъ лишится своихъ покупателей, если что-нибудь продаетъ этому челоуѣку. Общественное отверженіе—страшная сила, страшнѣе всякихъ револьверовъ. Чтобы не склониться передъ нею, нужна сила героя. А вѣдь герои не измѣняютъ товарищамъ, не берутъ изъ низкой корысти земли, не-справедливо отнятой у сосѣда!»..

Что-же дѣлали тѣмъ временемъ лендлорды? — Они организовали съ своей стороны нѣчто вродѣ анти-земельной лиги. Подобно своимъ врагамъ они собирались на митинги и разсуждали о положеніи дѣлъ. По ихъ словамъ, фермерамъ живется вовсе не такъ дурно, какъ увѣряютъ парнелисты. Еще недавно, говорили они, большинство фермеровъ отлично ходило босикомъ и въ одеждахъ собственнаго издѣлія. Теперь-же почти у всѣхъ башмаки и платье изъ фабричнаго сукна. Очевидно, что они не платятъ ренты только подъ вліяніемъ коммунистическихъ идей, которыя нужно изъ нихъ выгнать. Рѣшено было не идти ни на какіе компромиссы и энергически взыскивать сполна всю январскую ренту. А между тѣмъ съ декабря газеты начинаютъ по чти ежедневно сообщать о случаяхъ голодной смерти. Обозвалось въ самой Англіи нѣсколько благотворительныхъ коми-

тетовъ для помощи голодающимъ. Агенты ихъ, рассылаемые по деревнямъ Ирландіи, возвращаясь назадъ, печатали отчеты о видѣнныхъ ими ужасахъ.—Но всѣхъ этихъ официальныхъ подтвержденій голода недостаточно было, чтобы отклонить лордовъ отъ задуманнаго ими рѣшительнаго похода за рентой.

Война началась предъявленіемъ сразу тысячи слишкомъ исковъ объ изгнаніяхъ. Но изгнать фермеровъ было вовсе не такъ легко. Сопротивленіе населенія приняло серьезный, систематическій характеръ и производить изгнаніе безъ охраны большихъ полицейскихъ отрядовъ стало рѣшительно невозможно. Но и подъ охраной отрядовъ въ 200—300 полицейскихъ производить его въ обширныхъ размѣрахъ оказывалось въ высшей степени затруднительнымъ. Отправляясь въ далекія деревни приходилось забирать съ собой провизію, а въ болѣе глухія мѣста даже топливо и палатки, такъ-какъ купить что-либо или найти ночлегъ, нельзя было рассчитывать. Нужно было имѣть также собственныхъ лошадей, чтобы везти все это, такъ-какъ крестьяне не давали подводъ, а горныя дороги, и безъ того плохія, часто оказывались перекопанными или заваленными камнями въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ. Заставить-же самихъ крестьянъ чинить дороги, брать насильно провіантъ и располагаться на ночлегъ въ чужихъ домахъ, какъ въ своихъ собственныхъ, было-бы для англичанъ варварскимъ самоуправствомъ. Такимъ образомъ защитники «порядка» были поставлены въ очень затруднительное положеніе. Ни чтеніе, «акта о возмущеніи», ни судебныя преслѣдованія за сопротивленіе при изгнаніяхъ никого не пугали. Стрѣлять-же по толпѣ еще не рѣшались. Вообще походъ на фермеровъ-неплательщиковъ окончился полной неудачей и къ веснѣ почти совершенно прекратился.

Между тѣмъ въ мартѣ 1880 года произошло событіе, имѣвшее большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Ирландіи: парламентъ былъ распущенъ и министерство Биконсфильда пало. Къ началу выборовъ Парнелъ возвратился изъ Америки, куда ѣздилъ для агитаціи и сбора пожертвованій. Путешествіе его по этой странѣ было настоящимъ триумфомъ. Не было числа полученнымъ имъ оваціямъ. Но всего важнѣе было то, что американцы могли поддерживать ирландское движеніе громадными денежными пожертвованіями, которыя давались частью на агитацію, но главнымъ образомъ на помощь голодающимъ. За нѣсколько мѣсяцевъ (до апрѣля 80 г.) Америка прислала въ распоряженіе лиги до 350 т. ф. стер., что составляетъ около 3½ милліоновъ рублей на наши деньги.

Начались общіе парламентскіе выборы. Формально земельная лига, какъ организація, не выставяла своихъ кандидатовъ. Въ Уставѣ лиги Мейо есть параграфъ, перешедшій и въ уставъ центральной—запрещающій тратить хотя-бы единый пенсъ денегъ лиги на парламентскую агитаціи. Въ этомъ видно вліяніе Девитта, считавшаго экономическіе вопросы единственно существенными и совѣтовавшаго фермерамъ: «не надѣяться на парламентъ, не ждать отъ него реформъ, а самимъ добиваться ихъ». Онъ отказался поставить свою кандидатуру, поклявшись никогда не переступать порога англійскаго парламента, и счумѣлъ провести свои убѣжденія въ уставъ обѣихъ лигъ. Тѣмъ не менѣе выборы во всѣхъ организованныхъ графствахъ были произведены подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ лиги. Уже въ началѣ марта къ обычнымъ резолюціямъ на митингахъ прибавляется: «не поддерживать тѣхъ кандидатовъ, которые не будутъ сторонниками Парнеля и защитниками интересовъ фермеровъ». Такъ-какъ почти всѣ наиболѣе дѣятельные Home-Ruler'ы принимали горячее участіе въ агитаціи земельной лиги, то всѣ кандидаты, патронируемые лигой, явились передъ избирателями въ качествѣ Home-Ruler'овъ, прибавляя только къ своей характеристикѣ: «сторонники полптяки Парнеля». Умѣренная фракція Home-Ruler'овъ, группировавшаяся вокругъ президента Шоу, также на время выборовъ остерегалась высказываться противъ лиги. Въ результатѣ оказалось, что всѣ кандидаты лиги прошли, Парнель былъ выбранъ въ трехъ мѣстахъ. Всѣхъ избранныхъ въ качествѣ Home Ruler'овъ оказалось болѣе шестидесяти, хотя впоследствии обнаружилось, что искреннихъ сторонниковъ лиги было около сорока.

VI.

МИНИСТЕРСТВО ГЛАДСТОНА И УСМИРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ.

Отъ новаго парламента могли ожидать очень многого. Либералы были въ немъ въ значительномъ большинствѣ. Глава министерства, Гладстонъ, и самый видный изъ членовъ его, Брайтъ, давно считались доброжелателями Ирландіи. Секретаремъ для Ирландіи назначенъ былъ Ферстеръ, о которомъ, правда, нельзя было сказать ничего хорошаго, но и ничего дурного. Но уже тронная рѣчь разочаровала ирландцевъ: она не общала никакихъ существенныхъ реформъ. На запросъ ирландскихъ членовъ по этому поводу, Гладстонъ отвѣчалъ, что такъ-какъ сессія будетъ очень коротка, то нѣтъ надежды провести въ теченіи ея что-нибудь существенное.

Сессія 1881 года началась раньше обыкновеннаго—въ первыхъ числахъ января. Въ тронной рѣчи королева просила у парламента исключительныхъ полномочій для исполнительной власти въ Ирландіи, въ виду многочисленныхъ просьбъ о защитѣ и покровительствѣ, приходящихъ изъ этой страны. Далѣе говорилось, что такъ-какъ земельный актъ 1870 г. оказался не вполне удовлетворительнымъ, то королева предлагаетъ парламенту дать ему дальнѣйшее развитіе въ смыслѣ установленія лучшихъ отношеній между фермерами и лордами. Такимъ образомъ Ирландіи сразу обѣщали, сперва наказаніе за слишкомъ настойчивыя требованія, а затѣмъ большее или меньшее удовлетвореніе этихъ требованій.

Передъ началомъ засѣданій палаты парнелиты собрались чтобы выработать общую программу дѣйствій на предстоящую сессию. На митингъ явилось 38 человекъ и Парнелъ былъ снова единогласно избранъ парламентскимъ главою. Далѣе митингъ вотировалъ: 1) Индивидуально и коллективно, всѣми зависящими отъ партіи средствами, противиться усмирительнымъ законамъ для Ирландіи. 2) Постараться провести въ отвѣтномъ адресѣ королевѣ просьбу не давать лордамъ полицейскихъ и военныхъ конвоевъ при изгнаніяхъ, впредь до проведенія обѣщаннаго въ королевской рѣчи новаго земельного закона. 3) Не вносить самимъ никакого земельного билля, а подождать, пока правительство внесетъ свой, и тогда уже рѣшить, какъ къ нему относиться.

Первая недѣля парламентскихъ засѣданій прошла въ преніяхъ по поводу отвѣтнаго адреса королевѣ, причемъ просьба ирландцевъ была отвергнута подавляющимъ большинствомъ. Затѣмъ выступили на сцену пренія объ усмирительныхъ законахъ и съ самаго начала не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что они пройдутъ почти цѣликомъ.

На ближайшемъ засѣданіи центральной лиги было принято одно важное рѣшеніе касательно земледѣльческихъ рабочихъ, работавшихъ у лордовъ и крупныхъ фермеровъ. Между ними давно уже существовало недовольство, что вся агитація лиги идетъ на пользу однимъ фермерамъ, ихъ-же положеніе нисколько не улучшается. Теперь, вслѣдствіе разстройства своихъ дѣлъ, лорды и крупные фермеры, враждебные лигѣ, стали массами прогонять своихъ рабочихъ, не упуская случая заявлять имъ, что этимъ они обязаны лигѣ. Въ виду этого Байтонъ предложилъ разослать по всѣмъ мѣстнымъ отдѣленіямъ лиги просьбу фермерамъ употреблять часть денегъ, оставшихся въ ихъ карманахъ благодаря лигѣ, на помощь прогоняемымъ рабочимъ и всячески стараться прискивать имъ мѣста. Предложеніе единогласно принято.

Вскорѣ послѣ этого засѣданія Девиттъ былъ внезапно арестованъ и засажень доканчивать свои восемь лѣтъ каторги. Передъ арестомъ онъ успѣлъ подать еще одну, очень полезную для движенія мысль объ основаніи женской лиги, имѣвшей цѣлью преимущественно помощь заключеннымъ и ихъ семействамъ, на случай, если ожидаемый усмирительный актъ повлечетъ много арестовъ.

Мужская лига тоже продолжала старательно готовиться, чтобы какъ можно лучше встрѣтить надвигающуюся грозу. Парнель поѣхалъ въ Парижъ, чтобы чрезъ редакціи газетъ постараться расположить общественное мнѣніе Европы въ пользу Ирландіи. Туда же Эгамъ перенесъ и кассу лиги, въ которую Америка аккуратно продолжала высылать отъ двухъ до трехъ тысячъ фунтовъ въ недѣлю; иногда случались присылки и въ 5—6 тысячъ. Изъ Парижа Парнель писалъ ирландскимъ фермерамъ, сторонникамъ лиги: «Отъ вашего поведенія въ слѣдующіе полгода будетъ зависть судьба Ирландіи на нѣсколько поколѣній». Затѣмъ, перечисляя принесенныя жертвы: щедрую помощь Америки, безстрашное поведеніе Девитта, возвратившагося въ страну, гдѣ ему грозила уже разъ испытанная имъ ужасная каторга, Парнель продолжаетъ: «Но и кромѣ Девитта найдется не мало великодушныхъ людей въ Ирландіи, готовыхъ пойти въ тюрьму за ваше дѣло. Отъ васъ-же самихъ не требуется большихъ жертвъ; вамъ не грозитъ большой опасности. Все, что вы должны дѣлать—это продолжать не платить рентъ и не брать очищенныхъ лордами фермъ. Если вы уступите давленію, то докажете этимъ, что заслуживаете своей судьбы и не стоили приносимыхъ жертвъ. Но я глубоко вѣрю, что этого не случится. Тотъ мощный духъ, который вызвалъ къ жизни нашу организацію, переживетъ временныя преслѣдованія и благоденствіе и спокойствіе нашего отечества будутъ вамъ наградою!»

Тѣмъ временемъ рѣшительная минута приближалась. Въ палатѣ шли безконечныя и утомительныя пренія объ усмирительныхъ законахъ для Ирландіи. Видя абсолютную невозможность воспротивиться ихъ принятію, Парнелиты нарочно всѣми силами затягивали пренія. Они говорили безконечныя рѣчи, заставляли при каждомъ готосованіи считать голоса, хотя и такъ всѣмъ было очевидно, что они въ крошечномъ меньшинствѣ. Они прибѣгали даже къ мальчишескимъ выходкамъ, какъ, напр., Биггаръ, который каждый день заставлялъ спикера пересчитывать палату. Засѣданіе парламента не можетъ состояться, если въ залѣ находится меньше сорока человѣкъ. Биггаръ каждый день кричалъ спикеру о необходимости пересчитать

палату, когда не можетъ быть сомнѣнія, что на лицо находится, по крайней-мѣрѣ, 200—300 человекъ. Но разъ сомнѣніе заявлено, спикеръ обязанъ считать, и считаетъ, хотя отлично знаетъ, вмѣстѣ со всѣми, что это не больше какъ злая шутка несноснаго ирландца. Такимъ поведеніемъ парнелиты хотѣли отсрочить по возможности введеніе исключительныхъ законовъ, а слѣдовательно и арестовъ и дать время своимъ друзьямъ приготовиться; кромѣ того, они желали дискредитировать, осрамить, увидить ненавистный имъ англійскій парламентъ и наглядно доказать англичанамъ, сколько они выиграли-бы, дозволивъ Ирландіи завести свой собственный парламентъ, не тратя драгоцѣннаго парламентскаго времени на чуждыя имъ ирландскія дѣла.

Объихъ этихъ цѣлей парнелиты, по силѣ возможности, достигли. Уже для того, чтобы приступить къ первому чтенію билля, понадобилось облечь спикера небывалой со временъ Кромвеля властью прерывать ораторовъ и объявлять пренія оконченными по собственному усмотрѣнію. Когда это рѣшеніе было принято, парнелиты вышли изъ палаты, протестуя противъ нарушенія ихъ правъ. Но, посоветовавшись они рѣшили, что имъ вовсе не выгодно такъ дешево освободить отъ себя палату, и на другой-же день, ко всеобщему огорченію, снова заняли свои мѣста и принялись за безконечныя рѣчи противъ второго чтенія билля. Въ этомъ прошло нѣсколько дней. Можно было уже ожидать, что палата снова выйдетъ изъ терпѣнія и спикеръ закроетъ пренія. Въ это время получилось извѣстіе объ арестѣ Девитта. Парнель сдѣлалъ запросъ Форстеру: вѣрно-ли это извѣстіе? Форстеръ отвѣчалъ, что Девиттъ дѣйствительно арестованъ за нарушеніе условій амнистіи. Когда-же Парнель спросилъ, какой именно пунктъ амнистіи онъ нарушилъ, Форстеръ отказался отвѣчать и спикеръ перешелъ къ очередному порядку и тотчасъ-же далъ слово Гладстону. Но вмѣстѣ съ министромъ всталъ и Диллонъ и потребовалъ слова къ порядку засѣданія, намѣреваясь снова свести рѣчь на арестъ Девитта. Спикеръ пригласилъ его сѣсть и снова далъ слово Гладстону, но Диллонъ стоялъ съ поднятой рукою. Спикеръ назвалъ его по имени (въ парламентѣ это равняется выговору; ораторы называются по графствамъ, коихъ служатъ представителями). Но и это не помогло. Вотировали его удаленіе изъ залы засѣданія за неуваженіе къ власти спикера. Диллонъ отказался повиноваться. Призываются сержанты и онъ, наконецъ, уходитъ вмѣстѣ съ ними. Спикеръ снова даетъ слово Гладстону, но тутъ встаетъ Парнель и повторится та-же исто-

рія, съ называніемъ по имени, вотировкой и сержантами. За Парнедемъ то-же самое продѣлываетъ Финиганъ, потомъ Барри. Каждое изъ этихъ изгнаній, со всѣми формальностями, отнимаетъ минутъ двадцать. Наконецъ, палата догадывается, что парнелиты намѣрены продолжать эту комедію до самой ночи, и рѣшаетъ сразу изгнать остальныхъ 28 членовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не принимали участія въ послѣднихъ вотахъ, что считается оскорбленіемъ палаты. Они уходятъ вмѣстѣ съ сержантами, а палата поспѣшно пользуется этой минутой избавленія для второго чтенія билля.

Такъ-какъ парнелиты были изгнаны всего на одно засѣданіе, то на слѣдующій день они, конечно, снова явились и съ прежнимъ усердіемъ продолжали мучить парламентъ, оспаривая билль теперь уже въ деталяхъ, внося поправки и требуя исключенія того или другого пункта. Это чрезвычайно скучное по своей безрезультатности занятіе они часто разнообразили явно безнадежными предложеніями, вродь: «отложить дальнѣйшія пренія о биллѣ отъ сегодняшняго числа на полъ года». Третье чтеніе билля состоялось, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ февраля. Затѣмъ, быстро пройдя чрезъ палату лордовъ, онъ получалъ законную силу 2 марта.

Этотъ, такъ дорого стоившій палатѣ, билль заключается въ слѣдующемъ:

1) Всякій человѣкъ, на достаточномъ основаніи заподозрѣнный въ государственномъ преступленіи и въ преступныхъ дѣйствіяхъ, какъ то: насиліи и застрачиваніи, или въ подстрекательствѣ къ насилію и застрачиванію, можетъ, по приказанію главы исполнительной власти въ Ирландіи, быть арестованъ и безъ суда и слѣдствія заключенъ въ тюрьму до 30 сентября 1882 года, когда этотъ актъ теряетъ силу.

2) Актъ имѣетъ обратное дѣйствіе для вышеозначенныхъ преступленій, совершенныхъ не раньше 1 октября 1880 года.

3) Дѣйствіе акта распространяется на всѣ графства, которыя будутъ признаны главою исполнительной власти въ Ирландіи находящимися въ безпокойномъ состояніи.

Извѣстный въ публикѣ подъ именемъ «усмирительнаго», оффициально онъ носитъ названіе: «законъ о лучшемъ охраненіи личностей и собственности въ Ирландіи».

Пятаго марта внесенъ въ палату второй билль о запрещеніи въ округахъ, признанныхъ взволнованными, носить и покупать оружіе безъ полицейскаго разрѣшенія. Этотъ билль парнелиты ухитрились затянуть всего дней на десять. Да онъ и не имѣлъ для нихъ особаго значенія.

Подъ дѣйствіе усмирительнаго акта были подведены сперва только девять графствъ, и въ первыя-же недѣли въ нихъ произведено было до 35 арестовъ изъ числа наиболѣе вліятельныхъ ораторовъ и членовъ лиги.

На усмирительный актъ народъ отвѣтилъ тѣмъ, что въ первое-же воскресенье (6 марта) собралъ въ разныхъ концахъ Ирландіи болѣе дюжины громадныхъ митинговъ. Всюду были повторены съ величайшимъ энтузіазмомъ старыя резолюціи и рѣшено продолжать дѣло лиги до окончательной побѣды и протестовать противъ начавшихся арестовъ. Но еще лучшимъ признакомъ было то, что ни одна изъ вѣтвей, вожаки которой были арестованы, даже въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, не разстроилась ни на минуту. На должности арестованныхъ всюду тотчасъ-же находились замѣстители. Во многихъ графствахъ сильную поддержку фермерамъ начало оказывать въ это время сельское духовенство. Разсчитывая на то, что правительству труднѣе рѣшиться арестовать священника, чѣмъ простого фермера, священники теперь охотно принимаютъ предсѣдательство въ мѣстныхъ лигахъ и чаще прежняго являются ораторами на митингахъ. Въ своихъ рѣчахъ они проповѣдуютъ то-же самое, что и свѣтскіе ораторы, отличаясь отъ нихъ только частыми ссылками на священное писаніе. Доказывая справедливость байкотированія, одинъ священникъ говоритъ такъ: «Вы знаете, братья, что наша католическая религія учитъ избѣгать дурнаго общества, а какоѣ-же общество можетъ быть хуже общества полицейскихъ и людей, берущихъ фермы изгнанныхъ?» Такъ относится къ лигѣ большинство сельскаго духовенства и часть городского. Вышшіе-же сановники, живущіе далеко отъ народа, большею частью порицаютъ ее. Архіепископъ дублинскій осуждаетъ особенно строго женскую лигу, какъ противорѣчащую женской скромности.

Семейства арестованныхъ составляютъ предметъ самыхъ нѣжныхъ попеченій лиги. Сосѣди приходятъ помогать имъ по хозяйству. Когда-же начались сельскія работы, то поля арестованныхъ были обработаны первыми. На эти работы сходились какъ на митинги. Въ заранѣ назначенный день 1,000—2,000 человекъ являются на поле съ заступами и граблями, становятся тѣсными рядами и въ какой-нибудь часъ оканчиваютъ работу, которой хватило-бы семейству на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ всѣ собираются около домика арестованнаго товарища, кто-нибудь тутъ-же произноситъ рѣчь, постановляются резолюціи и затѣмъ всѣ расходятся по домамъ процессіями, распѣвая патріотическія пѣсни. Самъ Форстеръ долженъ былъ признать-

ся, что усмирительный актъ не произвелъ того дѣйствія, какого отъ него ожидали. Со свойственной ему добродушной любезностью онъ заявилъ въ палатѣ, что его мнѣніе объ ирландцахъ очень возвысилось и что они необыкновенно вѣрны другъ другу.

Но лорды еще не успѣли увѣриться въ этомъ. Въ послѣднее время они, какъ мы уже говорили выше, совершенно было притихли. Усмирительный актъ придалъ имъ бодрости и они снова двинулись противъ фермеровъ. Уже къ концу марта они выхлопотали до тысячи исполнительныхъ листовъ и снова начались путешествія приставовъ подъ охраной вооруженныхъ полицейскихъ отрядовъ. По-прежнему навстрѣчу имъ спѣшили толпы крестьянъ. Готовящееся изгнаніе стараются держать въ тайнѣ, но это рѣдко удается. Первые завидѣвшіе ненавистное шествіе бросаются на колокольню и начинаютъ бить въ набатъ. Заслышавъ звонъ, сосѣднія деревни спѣшатъ къ мѣсту дѣйствія. Навстрѣчу имъ несутся вѣстовые и направляютъ ихъ туда, гдѣ совершается изгнаніе. Но за послѣдній годъ, прошедшій безъ столкновеній между полицією и народомъ, настроеніе обѣихъ сторонъ сильно измѣнилось. Это уже не тѣ веселыя свалки, когда загорѣлыя красавицы съ хохотомъ и шутками вырывали у приставовъ исполнительные листы. Теперь, завидѣвъ полицейскихъ, крестьяне тотчасъ-же принимаютъ ихъ въ каменья. Съ другой стороны и полиція, тратившая въ январѣ прошлаго года цѣлые часы, чтобы растолкать, никого не поранивши, безоружную толпу женщинъ,—теперь не задумывается стрѣлять въ нихъ.

Однако, несмотря на энергію полиціи, рѣдко удается доводить массовыя изгнанія до конца. По 1,000 исполнительнымъ листамъ изгнаній произведено только 215. Но несмотря ни на что, лорды упорно продолжаютъ преслѣдовать свою цѣль, чтобы успѣть какъ можно больше «очистить» свои владѣнія къ тому времени, когда пройдетъ билль, долженствующій улучшить положеніе фермеровъ и уменьшить права лордовъ.

VI.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ БИЛЛЬ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Билль, извѣстный подъ именемъ «земельнаго», былъ внесенъ, наконецъ, въ палату 7-го апрѣля текущаго года. Онъ чрезвычайно длиненъ и запутанъ, на что жалуются какъ его

противники, такъ и большинство защитниковъ, и потому мы приведемъ его здѣсь только въ извлеченіи.

Статья 1-я. Каждый фермеръ можетъ продать свое право на ферму, за ту цѣну, по которой найдетъ покупателя.

Статья 2-я. Фермеръ можетъ завѣщать свое право на ферму только одному лицу и лордъ можетъ не принять наследника, какъ фермера, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и покупателя. Въ такомъ случаѣ наследникъ можетъ продать завѣщанное ему право на ферму.

Статья 3-я. Если лордъ требуетъ возвышенія существующей теперь ренты и фермеръ соглашается на это возвышеніе, то такая возвышенная рента будетъ признана законной и не можетъ быть измѣнена въ теченіи 15 лѣтъ. Если фермеръ не соглашается на прибавку, то можетъ продать свое право на ферму и при этомъ лендлордъ долженъ заплатить ему добавочную сумму, равную десяти годовымъ надбавкамъ ренты.

Статья 4-я. Фермеръ не можетъ быть вынужденъ оставить свою ферму до истеченія пятнадцатилѣтняго срока, иначе какъ за нарушеніе имъ одного или нѣсколькихъ законныхъ условій аренды. Эти условія: а) неуплата ренты въ срокъ; б) опустошеніе фермы или истощеніе ея почвы; в) отдача въ аренду части своей фермы другому или принятіе компаньона безъ согласія лорда. При всѣхъ этихъ законныхъ поводахъ къ изгнанію, фермеръ не лишается своего права продажи, но лордъ получаетъ изъ продажной цѣны недоплаченную ренту и вознагражденіе за порчу фермы.

Статья 5-я. Если, по истеченіи законнаго срока аренды, лордъ желаетъ получить ферму, арендаторъ-же не нарушилъ ни одного изъ условій аренды и продавать своего права не желаетъ, то лордъ можетъ лишить его фермы не иначе, какъ заплативши ему сумму равную семи годовымъ рентамъ, если годовая рента ниже 30 ф.; пяти, если рента ниже 50-ти и тремъ, если она выше 100 ф. Сверхъ того, фермеръ можетъ требовать съ лендлорда вознагражденія за сдѣланные имъ улучшенія.

Статья 7-я. Фермера могутъ обращаться къ суду съ требованіемъ установить справедливую ренту на арендуемые ими фермы.

Примѣчаніе. Справедливою должна считаться такая рента, которая можетъ быть выплачиваема изъ доходовъ фермы, *принимая во вниманіе и интересъ фермера.*

За этой частью билля, основанной на извѣстныхъ трехъ (Fixity of tenure—постоянство аренды; Free sale—свобода продажи и Fair rents—справедливая рента) слѣдуетъ еще дополни-

тельная часть, клонящаяся къ развитію крестьянской собственности и поощренію эмиграціи.

Считая необходимымъ узнать мнѣніе самихъ фермеровъ о новомъ законѣ, комитетъ центральной лиги созвалъ въ Дублинѣ конгрессъ изъ представителей фермерскихъ организацій, на этотъ разъ уже со всего острова, такъ-какъ къ этому времени не осталось уже ни одного графства, гдѣ лига не имѣла-бы болѣе или менѣе многочисленныхъ вѣтвей. Конгрессъ состоялся 21-го апрѣля. На него явилось 1,000 делегатовъ, представлявшихъ около 2,500 вѣтвей. Парнелиты представили конгрессу свой проектъ поправки къ биллю, при которыхъ, по ихъ мнѣнію, онъ можетъ принести фермерамъ нѣкоторую пользу.

На конгрессѣ выяснилось, что, по мнѣнію представителей лиги, земельный билль, даже и съ представленными поправками, не разрѣшаетъ земельного вопроса, который можетъ-быть окончательно рѣшенъ только съ уничтоженіемъ лендлордизма.

Однако, въ виду того, что паденіе билля можетъ повести за собой отставку либеральнаго министерства и подать поводъ къ обвиненію ирландскихъ депутатовъ въ томъ, что мѣшая проведенію тѣхъ реформъ, какія возможны въ настоящую минуту, они сами виновны въ томъ, что Ирландія ничего не получила кромѣ репрессій; въ виду всего этого, конгрессъ рѣшилъ, что ирландская парламентская партія при второмъ чтеніи не будетъ вотировать противъ билля, когда-же онъ перейдетъ въ комиссію, то она употребитъ всѣ усилія, чтобы провести свои поправки и, разъ они будутъ приняты, при третьемъ чтеніи будетъ вотировать за билль.

Прежде чѣмъ разойтись, конгрессъ единодушно рѣшилъ, не только не оставлять дѣла лиги, но употребить всѣ силы на его дальнѣйшее развитіе.

Таково было отношеніе ирландцевъ къ земельному биллю, когда онъ только-что былъ представленъ на обсужденіе палаты. Съ тѣхъ поръ не проходило конгресса или митинга, гдѣ-бы на тысячу ладовъ не повторялось то-же самое.

Между тѣмъ, въ палатѣ изъ-за этого билля начались ожесточенные дебаты, сосредоточивавшіе на себѣ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ напряженное вниманіе всей Англій. Мы не ставемъ, разумѣется, излагать всѣхъ перипетій борьбы. Эго было - бы слишкомъ скучно и едва - ли необходимо, такъ - какъ все это происходило такъ недавно, что не успѣло еще забыться.

Билль окончательно принятъ палатою 29 го іюля, большинствомъ 220 голосовъ противъ 14 (такъ-какъ консерваторы разѣхались уже) и переданъ въ палату лордовъ.

Здѣсь начались новыя пренія. Жестоко порицая билль въ принципѣ, какъ явное нарушеніе нравъ собственности, лорды были, однако, настолько благоразумны, что не рѣшились наложить на него свое veto. Они ограничились поэтому частными поправками. Нижняя палата, по настояніи Гладстона, рѣшительно отвергла всѣ поправки лордовъ и, провотировавъ билль въ прежнемъ видѣ, снова передала его лордамъ. Лорды снова повторили свои поправки. Столкновеніе казалось неизбежнымъ. Возбужденіе достигло крайней степени. Дошло до того, что въ палатѣ одинъ изъ республиканцевъ спросилъ Гладстона, знакомъ-ли онъ съ биллемъ 1648 года, упраздняющимъ палату лордовъ и не намѣренъ-ли онъ внести его снова въ ближайшую сессію. Однако, это была буря въ стаканѣ воды. При вторичномъ чтеніи поправокъ лордовъ, Гладстонъ согласился на поправку Салисбери. Право обращенія къ суду со стороны лордовъ было принято почти въ такой-же формулировкѣ, какой желали лорды. Остальныя поправки ихъ были снова отвергнуты. Лорды удовлетворились такимъ «знакомъ почтенія» со стороны палаты и приняли возвращенный имъ билль.

Такъ закончилась эта замѣчательная сессія, которая навсегда останется памятной въ исторіи Англіи, а стало-быть, и Европы.

Съ точки зрѣнія принципиальной невозможно преувеличить значенія земельного билля 1881 года. Онъ представляетъ первый и весьма тяжелый ударъ, нанесенный доселѣ священному и неприкосновенному праву собственности, — тяжелый потому, что онъ нанесенъ не революціей, которой все ни почемъ, а благоразумнымъ и законно-выбраннымъ правительствомъ, съ одобренія всей страны. Что ирландскіе лендлорды становятся только номинальными собственниками половины своей земли, это очевидно съ перваго взгляда. Настоящимъ собственникомъ ея является государство. Тагъ-называемый *tenatright*, право аренды, въ связи съ совершенно равнымъ правомъ подарендаторовъ, снимающихъ землю изъ вторыхъ рукъ, представляетъ первый шагъ къ признанію вообще права на землю исключительно за трудящимся на ней.

Само собой понятно, какое огромное историческое значеніе можетъ имѣть такая мѣра не только для Ирландіи, но и для Англіи и всѣхъ соприкасающихся съ нею странъ. Но если мы обратимся къ приложенію этихъ принциповъ, т. е. къ самому биллю въ его практическомъ примѣненіи, то должны будемъ сказать, что онъ представляетъ компромиссъ и при томъ довольно

слабый. Министерство не рѣшилось идти по избранному направлению до его необходимыхъ въ данномъ случаѣ и даже вовсе не крайнихъ послѣдствій.

Совершенно очевидно, что единственный способъ на долго успокоить Ирландію, заключается въ превращеніи теперешнихъ арендаторовъ въ собственниковъ арендуемой ими земли. Возможна-ли какая-нибудь рента, когда половина всѣхъ фермеровъ владѣть участками настолько незначительными, что даже не платя никакой ренты, они едва-едва не умирали-бы съ голода, а одна четверть (119 тысячъ) имѣетъ въ среднемъ около 1 десятины на семью? Между тѣмъ эти-то мелкіе фермеры платятъ сравнительно самую высокую ренту въ Ирландіи, потому-что конкуренція между ними всего ожесточеннѣе. Что-же касается предоставляемаго фермерамъ права устанавливать ренту судомъ, то именно они никогда этимъ правомъ не воспользуются. Въ Англіи судебные процессы чудовищно дороги и только богатые люди могутъ позволить себѣ такую роскошь, тѣмъ болѣе, что по англійскимъ обычаямъ адвокатамъ платятъ всегда впередъ.

Очевидно, эти мелкіе фермеры, т. е. настоящій ирландскій народъ, будутъ въ такой-же зависимости отъ лендлордовъ, какъ и теперь. Они будутъ вѣчно въ долгу, будутъ изгоняться массами, какъ и теперь — «только съ еще большимъ удобствомъ», какъ объясняетъ дублинскій конгрессъ. Можно даже съ увѣренностью утверждать, что если-бы превратилось сопротивление фермеровъ и лиги, то изгнанія неминуемо усилились-бы, потому-что *чѣмъ больше правъ будетъ имѣть фермеръ, тѣмъ лендлорду выоднѣе избавиться отъ него и сдѣлаться полномочнымъ хозяиномъ отдаваемой имъ въ аренду земли*, и стало-быть, тѣмъ поспѣшнѣе будетъ онъ хвататься за всякій предлогъ для изгнанія своего фермера. Очевидно, сказанное нами относится не только къ гладстоновскому, но и ко всякому акту, оставляющему лендлорду *право на ренту*, другими словами, *право собственности на землю*, потому-что послѣднее необходимо предполагаетъ первое.

Министерство, конечно, прекрасно понимаетъ, въ чемъ заключается настоящее «remedial» отъ ирландскихъ бѣдствій: доказательствомъ этому служитъ самъ земельный билль съ его земельной комиссіей и рабочимъ бюро. Но совершенно очевидно также и то, что крестьянской поземельной собственности создать ему не удастся. Правительство ссужаетъ только $\frac{3}{4}$ покупкой суммы. Это, какъ заявилъ Гладстонъ на засѣданіи 12-го іюля, составляетъ «крайній предѣлъ, переступить который не дозволяетъ самая элементарная осторожность». Остальную четверть долженъ, стало-быть, представить самъ фермеръ. Пола-

гая-же стоимость земли равною 20 рентамъ (какъ это всегда дѣлается при правительственныхъ оцѣнкахъ), мы получимъ, что фермеръ долженъ уплатить разомъ 5 годовыхъ рентъ.

Нечего и говорить, что если-бы благосостояніе ирландскихъ фермеровъ было таково, что позволяло-бы подобную уплату, то не существовало-бы самого ирландскаго вопроса. Очевидно, только наиболѣе состоятельные, т. е. сравнительно крупныя фермеры, воспользуются этимъ закономъ. Бѣднѣйшіе же, т. е. весь ирландскій народъ, не будутъ въ состояніи получить эту ссуду, и останутся въ положеніи таковыхъ-же простыхъ арендаторовъ, какъ и теперь. Освободить ихъ изъ вѣчнаго рабства не можетъ ни ссуда $\frac{3}{4}$, ни $\frac{4}{5}$, ни даже всей полученной суммы, какъ предлагалъ въ засѣданіи 12-го іюля м-ръ Литтонъ, потому что всѣ эти мѣры предполагаютъ согласіе лендлорда на продажу земли, чего, въ большинствѣ случаевъ, не будетъ, потому что, рассматривая вопросъ не только съ точки зрѣнія интересовъ сегодняшняго дня, имѣть землю несравненно выгоднѣе, чѣмъ имѣть равный ей въ настоящую минуту денежный капиталъ. Всякій, даже незнакомый съ политической экономіей, знаетъ, что рента съ земли постоянно возвышается, тогда какъ процентъ съ капитала постоянно падаетъ. Дѣйствительный переворотъ, который на нѣсколько поколѣній обезпечилъ-бы благосостояніе Ирландіи, можетъ сдѣлать, очевидно, только обязательная продажа фермерамъ арендуемой земли по правительственной оцѣнкѣ и съ правительственной гарантіей, какъ это предлагала лига, какъ еще задолго до нея предлагалъ Джонъ Стюартъ Миль.

Министерство Гладстона даже не пыталось предложить этой мѣры. Но не сдѣлало оно этого вовсе не ввиду финансовыхъ затрудненій этой операціи. Билль въ первоначальномъ своемъ видѣ распространяется не на всѣхъ ирландскихъ фермеровъ, а только на мелкихъ. Выкупъ могъ-бы также распространиться на нихъ однихъ. Ссуда трехъ четвертей, которую министерство находить возможнымъ взять на себя, могла-бы обратиться въ единовременный взносъ, при разсрочкѣ уплаты остальной четверти. Очевидно; стало, быть, что затрудненіе было не финансовое, а *принципальное*. Когда дѣло шло объ освобожденіи рабовъ въ британскихъ колоніяхъ, англійское правительство не испугалось финансовыхъ трудностей несравненно болѣе значительныхъ. Ясно, что министерство Гладстона остановилось передъ радикализмомъ этой мѣры. Можетъ быть, оно знало, что не имѣетъ никакихъ шансовъ провести такой билль въ палатѣ и по англійскому обычаю выбрало полумѣру. Можетъ быть, такая полумѣра

была необходима, чтобы подготовить путь слѣдующимъ, болѣе рѣшительнымъ реформамъ. Какъ-бы то ни было гладтсоновскій билль не умиротворитъ Ирландіи и та борьба, которая совершается на нашихъ глазахъ и которую мы, вкратцѣ, изложили, не прекратится.

Каковъ-же долженъ быть ея будущій характеръ?

Предсказывать съ точностью ея дальнѣйшій ходъ было-бы, разумѣется, смѣшно. Но мы всегда вправѣ требовать отъ настоящаго указаній на большую или меньшую вѣроятность тѣхъ или другихъ явленій въ будущемъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ближайшей цѣлью ирландскаго движенія будетъ превращеніе фермеровъ въ собственниковъ.

Мы думаемъ сверхъ того, что своей завѣтной цѣли ирландское движеніе достигнетъ: 1) не въ особенно далекомъ будущемъ и при томъ 2) дѣйствуя тѣми же орудіями борьбы, какъ и до сихъ поръ, т. е. мирной легальной агитаціей, какъ это всегда было въ Англіи, а не путемъ баррикадной борьбы и массовыхъ возстаній, которыми характеризуется поступательное движеніе континентальныхъ странъ.—Основаніе для такого различія мы видимъ, разумѣется, не въ особенностяхъ ирландскаго народа, который по характеру своему напоминаетъ всего болѣе французъ, народъ революціонный par excellence,—а въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ бесполезными и излишними, а стало быть, и невозможными, революціонныя вспышки вообще.—Борьба составляетъ неизбежное условіе жизни и развитія и потому она ведется и всегда будетъ вестись во всякомъ обществѣ. Но формы ея обуславливаются культурой страны, и степень ея *человѣчности* прямо пропорціональна правамъ, которыми пользуется въ ней личность. Въ Англіи, а стало-быть, и въ Ирландіи, нѣтъ надобности прибѣгать къ насилію, именно потому, что свободное проявленіе личности не подавляются насиліемъ. Намъ возразятъ, что въ этой самой Ирландіи дѣйствуетъ въ настоящее время усмирительный законъ, представляющій именно отрицаніе правъ личности. Но если мы взглянемъ на него не сквозь увеличительные очки ирландскихъ патріотовъ, то должны будемъ сознаться, что онъ вовсе не такъ ужасенъ, какъ о немъ говорятъ ирландцы, и что найдется не мало странъ, которыя были-бы очень рады, если-бы у нихъ, а не въ Ирландіи вошелъ въ силу этотъ усмирительный законъ. Вспомнимъ, что при усмирительномъ законѣ ни на одинъ день не была приостановлена или ограничена свобода печати, что митинги въ 10—20 т. человѣкъ безпрепятственно собирались въ

наиболѣе «безпокойныхъ» графствахъ, что земельная лига, какъ организація, не подвергалась никакимъ преслѣдованіямъ, что она продолжала открыто вербовать членовъ, вести свою агитацію, собирать конгрессы, и всѣ проявленія англійской «тираніи» ограничились какой нибудь сотней кратковременныхъ арестовъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ лиги, причемъ на нихъ всегда ввозились обвиненія въ подстрекательствѣ къ убійствамъ и къ сопротивленію полиціи, и т. п. потому-что за дѣятельность какъ членовъ лиги ихъ арестовать было невозможно. Таковъ этотъ пресловутый усмирительный законъ. Нечего и говорить, что онъ рѣшительно не въ состояніи прекратить дѣятельности лиги и всѣхъ подобныхъ ей обществъ. Онъ только увеличилъ ея силу и вліяніе, окруживъ ее особымъ ореоломъ. А между тѣмъ никогда вопли о необходимости насильственного подавленія движенія не были такъ громки. Чтобы разбить земельную лигу и, главное, помѣшать ей возродиться въ иной формѣ, нужно было-бы отнять право собраній и асоціацій, уничтожить свободу печати, учредить исключительные суды, объявить военное положеніе, однимъ словомъ—начать управлять «братскимъ островомъ» какъ турецкимъ пашалыкомъ. — Но возможно-ли такое чудовищное явленіе въ современной Англій? Очевидно, нѣтъ. Общественное мнѣніе Англій не могло-бы никогда потерпѣть возлѣ себя такого попиранія правъ, съ которыми англичане настолько сроднились, что считаютъ немислимымъ существованіе какого-нибудь гражданскаго общества безъ нихъ. Относительно-же Ирландіи существуетъ одно обстоятельство, дѣлающее англичанъ еще болѣе снисходительными: англичане сознаютъ теперь, что виною ирландскихъ бѣдствій—они сами, и что повтому на нихъ-же лежитъ обязанность исправить зло. Насколько за послѣднее поколѣніе измѣнилось настроеніе англичанъ по отношенію къ Ирландіи, доказываютъ сотни митинговъ, собиравшихся въ самой Англій для протеста противъ усмирительнаго акта, противъ запрещенія митинговъ, ареста Девитта и т. п. Но самымъ убѣдительнымъ изъ доказательствъ служить, разумѣется, составъ палаты, принимающей съ такимъ подавляющимъ большинствомъ гладстонскій билль, тогда-какъ двадцать лѣтъ тому назадъ палата не хотѣла и слышать о какихъ-либо правахъ фермеровъ.

И такъ, самая мысль о возможности систематически-насильственнаго управленія Ирландіею невозможна. Если-же невозможно уничтоженіе основныхъ политическихъ правъ, то борьба не измѣнитъ своего характера. Въ формѣ мирной и легальной она будетъ расти и расширяться и въ концѣ-концовъ Ирландія побѣдитъ, потому-что положеніе дѣлъ, подобное тому, которое

существуетъ въ Ирландіи, не можетъ продолжаться сколько-нибудь значительный промежутокъ времени.

Однако, при всей нашей симпатіи къ ирландскому движенію, не слѣдуетъ преувеличивать ни его глубины, ни значенія. Ирландское движеніе по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его видѣ вовсе не носитъ въ своихъ нѣдрахъ сѣмянъ широкаго и всесторонняго развитія въ будущемъ. Для этого оно слишкомъ узко практично, слишкомъ односторонне. Узость его заключается не въ томъ, что оно касается только одного земледѣльческаго сословія, а въ томъ, что оно можетъ послужить на пользу только одной, болѣе привилегированной части этого сословія, нисколько не обезпечивая участи остальныхъ. Легко видѣть, что цѣль движенія—измѣненіе положенія фермеровъ, не касаясь земледѣльческихъ рабочихъ-подеищиковъ, численностью равныхъ двумъ третямъ фермеровъ. Правда, лига говоритъ о необходимости доставлять и имъ возможность пріобрѣтать землю и подъ ея-то влияніемъ проведены двѣ поправки о «подручныхъ» и о «пустопорожнихъ земляхъ». Но разумѣется, никакихъ серьезныхъ практическихъ результатовъ они имѣть не могутъ.

Мы закончимъ статью слѣдующей характерной выпиской изъ одной англійской газеты.

«Если земельный вопросъ на нѣкоторое время уляжется въ Ирландіи благодаря Лендъ-Акту, то въ ближайшій періодъ агитаціи на первый планъ выступитъ вопросъ рабочій. Принявъ Земельный Актъ и воспользовавшись всѣми его преимуществами, фермера (болѣе зажиточные изъ фермеровъ) не станутъ слишкомъ заботиться объ участи земледѣльческихъ рабочихъ. Послѣдніе, видя, что на ихъ долю ничего не досталось изъ общей добычи, охотно соединятся съ городскими рабочими, среди которыхъ, по всей вѣроятности, вскорѣ возникнетъ движеніе параллельное движенію Лиги. Уже и теперь, какъ прелюдія къ нему, раздаются въ городахъ крики о постоянно возрастающей нуждѣ городского пролетаріата и о необходимости «поднять фабричную промышленность». Это говоритъ не Парнелъ, не Девиттъ и даже не Шоу, а добродѣтельный буржуазный «Times» въ № отъ 19-го августа, предаваясь размышленіямъ о будущности, которую готовитъ Ирландіи и Англій Земельный актъ глэдстоновскаго министерства.

Р. С. Телеграфъ извѣщаетъ, что земельный билль санкціонированъ королевою 22-ю августа.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ рукописи).

Письмо семьдесятъ-седьмое *).

Дорогая Дженни!

Вмѣсто того, чтобы послѣ мѣсячнаго моего путешествія по разнымъ континентальнымъ курортамъ возвратиться въ Англію и вмѣстѣ съ тобой ѣхать въ Россію для окончательнаго водворенія въ этой странѣ, полной непочатыхъ еще богатствъ,—я совершенно неожиданно долженъ былъ измѣнить свое намѣреніе (о чемъ писалъ тебѣ изъ Берлина) и возвратиться одинъ въ Петербургъ. Пробывъ здѣсь самое короткое время, я отправлюсь въ Оренбургскій край для того, чтобы продать, и какъ можно скорѣй, купленный мною тамъ недорого лѣсной участокъ, затѣмъ возвращусь домой, въ нашу дорогую Англію, и тамъ мы подумаемъ какъ распорядиться со средствами, столь счастливо приобрѣтенными мною въ теченіи долгаго пребыванія въ Россіи. Такому повороту въ намѣреніяхъ моихъ, помимо соображеній, о которыхъ я сообщалъ изъ Берлина, не мало способствовали различныя встрѣчи съ русскими за границей, людьми, заслуживающими довѣрія, которые дали понять мнѣ, что иностранцамъ въ Россіи, хотя-бы и знатымъ, не будетъ болѣе оказываемо того предпочтенія при покупкѣ земель, какое доселѣ оказывалось, и что вообще рѣшено не допускать по сему предмету никакихъ льготъ; при этомъ одинъ изъ моихъ русскихъ знакомыхъ даже сказалъ съ нѣкоторой твердой стремительностью, нѣсколько меня изумившей: «Отнынѣ,

*) См. Дѣло № 5.

милордъ, хищенія мы не допустимъ ни въ какихъ видахъ. Законъ и экономія!»

Мой русскій другъ, лечившійся съ Карлсбадъ отъ катарра и неудовольствій, возникшихъ между нимъ и его директоромъ департамента и выразившій въ столь рѣзкой формѣ свое замѣчаніе, позаботился еще, до перемѣны взглядовъ правительства на колонизацію въ Оренбургскомъ краѣ, воспользоваться льготами и потому, быть можетъ, такъ энергично отстаивалъ несвоевременность льготъ; такъ или иначе, но меня со всѣхъ сторонъ увѣряютъ, что будто-бы впредь уже нельзя рассчитывать на дешевое приобрѣтеніе въ Россіи земель и угодій, на что я, признаться, однако рассчитывалъ.

Правда, еще остались на сѣверѣ Россіи лѣса, оставленные, повидимому, безъ всякаго вниманія и мнѣ говорили, что возможно дешево купить ихъ или взять на аренду для спекуляцій, но откровенно говоря, я нѣсколько пугаюсь пускаться въ эти далекія холодныя окраины, хотя одинъ знакомый русскій, на дняхъ отъправляющійся туда по дѣламъ службы, и увѣряетъ меня, что въ Архангельскѣ климатъ превосходный, жизнь не скучная, народъ очень патріархальный, начальники образованные, а что касается до рыбы и дичи, то ее въ изобиліи. Оказалось, что мой знакомый специально просилъ перевести его на Сѣверъ, въ виду приволья тамъ для рыбной ловли и удочкой, и сѣтями, и сачками...

И такъ рѣшено—я возвращаюсь въ Англію, моя дорогая. Отчасти я и радъ, что обстоятельства помѣшали мнѣ остаться въ Россіи, несмотря на гостепріимство и радушіе, которымъ я пользовался въ странѣ; радъ потому еще, что въ послѣднее время многіе изъ моихъ русскихъ друзей уѣхали изъ Россіи и проживаютъ за-границей, поправляя разстроенное свое отъ трудовъ здоровье. Вообще во время моего путешествія по заграничнымъ водамъ меня поразило обиліе русскихъ, рассчитывающихъ остаться за-границей не только вакантное время, но и всю зиму. Почти въ каждомъ курортѣ приходилось встрѣчать такихъ старыхъ знакомыхъ, еще недавно цвѣтущихъ и здоровыхъ, несмотря на сѣверныя климатическія условія Петербурга, но теперь настойчиво заявляющихъ о необходимости продолжительнаго отдыха. И не успѣешь еще поговорить съ однимъ, какъ смотришь пріѣзжаетъ изъ Петербурга другой и третій и все по разстроенному здоровью. Въ послѣднее время климатъ Петербурга, какъ говорятъ, ужасно сѣверно дѣйствуетъ, на многіхъ. На другихъ, какъ меня увѣряли, петербургскій климатъ нисколько не вліяетъ, напротивъ, даже

дѣйствуетъ благопріятно и этимъ только я могу объяснить себя, почему начальники отдѣленій, обыкновенно отдыхавшіе лѣто за границей, въ этомъ году сидятъ въ Петербургѣ. Когда я обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства къ одному почтенному джентельмену, то онъ мнѣ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Вѣроятно изъ экономіи.

Вообще бесѣды съ моими прежними знакомыми произвели на меня не то впечатлѣніе, какое я выносилъ изъ ихъ бесѣдъ прежде; всѣ точно растеряны и на вопросы о томъ, что дѣлается въ Россіи, отвѣчаютъ неохотно или же указываютъ на «Московскія Вѣдомости» и говорятъ: «Вотъ прочтите, милордъ... Г. Катковъ подробно описываетъ».

Я читалъ и, разумѣется, однѣ и тѣ-же жалобы, что въ Россіи недостатковъ въ энергическихъ людяхъ.

И въ Дрезденѣ я имѣлъ честь познакомиться съ одной русской леди, которая спеціально воспитываетъ двухъ своихъ дочерей, по совѣтамъ почтенной газеты, давая имъ преимущественно практическое образованіе, на случай выхода замужъ за недостаточно энергичнаго администратора.

— Теперь, милордъ, объяснила она, — такое время, когда надо дѣтямъ давать практическое образованіе по преимуществу и тогда многіе мужчины, теперь иногда по недоразумѣніямъ теряющіе мѣста, скажутъ спасибо. Вотъ не хотите-ли, милордъ, послушать, какъ приготовлены мои дочери къ будущей ихъ дѣятельности? Я полагаю самъ г. Катковъ былъ-бы доволенъ.

И съ этими словами она обратилась къ старшей дочери, прелестной блондинкѣ лѣтъ 19:

— Аline! Скажи пожалуйста, что значитъ уволить безъ разговоровъ?

Миссъ Аline нѣсколько сконфузилась, но, однако, бойко отвѣчала:

— Это значитъ, мама, дать подчиненному агенту волчій паспортъ.

— Но что такое волчій паспортъ? спросила почтенная хозяйка, замѣтивъ недоумѣніе мое при словахъ: «волчій паспортъ».

— Это значитъ, мама, написать виновному такой аттестатъ, чтобы впредь такого джентльмена никуда на службу не принимать.

— А за что ты дала-бы такой аттестатъ?

— За упорство въ дурномъ образѣ мыслей, уже совсѣмъ бойко отвѣчала молоденькая миссъ Аline.

— А что ты называешь дурнымъ образомъ мыслей?

— Неуваженіе ближайшаго начальника, неисполненіе его при-

казаній, невниманіе къ его женѣ и дѣтямъ, прислугѣ и домашнимъ животнымъ.

— Bravo, bravo, Алина Николаевна! воскликнули бывшіе здѣсь джентльмены, хлопая въ ладоши.

— Вы, господа, слишкомъ ее хвалите! скромно замѣтила почтенная хозяйка.—Она еще очень многого не знаетъ.

Самъ хозяинъ, почтенный господинъ, у котораго по отъѣздѣ изъ Россіи, постоянно болѣли зубы—этимъ онъ объяснялъ свое дурное настроеніе—однако-жъ не высказалъ никакого одобренія и, казалось, не особенно интересовался экзаменомъ, а съ какою-то робостью взглядывалъ на свою супругу, когда она по временамъ бросала на него серьезные взгляды.

— Ну, теперь, Anette, твоя очередь! обратилась она къ младшей дочери, хорошенькой брюнеткѣ лѣтъ 17.—Она, милордъ, готовится у меня по судебной части.—Скажи пожалуйста, какія обязанности прокурора?

— Обязанности прокурора, мама, заключаются въ томъ, чтобы обвинять людей, совершившихъ преступленіе, причѣмъ не входить въ разсмотрѣніе по существу...

— Хорошо! перебила мать.—Когда ты можешь отказаться отъ обвиненія?

— Когда, мама, передо мною будетъ порядочный человѣкъ, совершившій преступленіе по ошибкѣ, а не преднамѣренно.

— Когда ты будешь обвинять слабо?

— Когда, мама, обвиняемый принадлежитъ къ порядочному элементу.

— А когда ты будешь обвинять à outrance?

— Тогда, мама, когда подсудимый принадлежитъ къ тѣмъ несчастнымъ людямъ, которые отрицаютъ батистовыя платки и ходятъ въ одеждѣ, выражающей неуваженіе къ костюмамъ, принятымъ въ порядочномъ обществѣ!..

— Bravo, bravo, Анна Николаевна! снова шумно одобрили всѣ присутствующіе.—Изъ васъ выйдетъ превосходный юристъ.

Молоденькая брюнетка со скромностью приняла знаки одобренія и замѣтила:

— Если я что-либо знаю изъ уголовнаго права, то обязана этимъ доброй мамѣ.

— Bravo... bravo!..

— Вы видите, милордъ, что я старалась выполнить по отношенію къ своимъ дочерямъ долгъ матери по совѣсти... Ояъ кое-что смыслятъ! не безъ гордости прибавила эта образованная и энергичная женщина.

Примѣръ этой предусмотрительной почтенной русской леди,

воспитавшей своих дочерей въ исключительно практическомъ направленіи и съ такимъ значительнымъ успѣхомъ—по крайней мѣрѣ судя по бойкимъ отвѣтамъ—несомнѣнно свидѣтельствуешь о политической проницательности, хотя, правда, и нѣсколько оскорбляющей мужчинъ, и, надо думать, вызоветъ подраженія. Такимъ образомъ, весьма легко можетъ случиться, что къ курсу женскаго образованія прибавится и краткій курсъ администраціи. Таковой, если вѣрить сообщеннымъ мнѣ свѣденіямъ, будто бы уже составляется въ Москвѣ подъ руководствомъ почтеннаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей»; онъ, по словамъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, будетъ очень кратокъ и написанъ примѣнительно къ современнымъ потребностямъ, на основаніи практическихъ примѣровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мнѣ сообщали, будетъ сдѣлано нѣкоторое измѣненіе въ программѣ курса лица г. Каткова, а именно тамъ будетъ введено преподаваніе курса администраціи; причемъ, по проекту составителей новой программы, на лѣтнее время для практики молодые люди будутъ посылаться для ознакомленія съ примѣненіемъ теоріи къ практикѣ въ помощь къ полицейскимъ урядникамъ.

Я, конечно, не смѣю судить, на сколько эта мѣра послужитъ къ увеличенію расторопныхъ агентовъ, какъ равно и не имѣю возможности утверждать: дѣйствительно-ли Россія страдаетъ отсутствіемъ таковыхъ, какъ жалуется московская газета; я передаю тебѣ только слухи, характерные въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ: во-первыхъ, несомнѣнное желаніе составителей программы произвести радикальныя реформы въ этомъ смыслѣ, и, во-вторыхъ, нѣкоторое смятеніе въ ихъ умахъ, выражающееся въ односторонности мотивировки необходимости подобнаго измѣненія учебной программы и въ тревожныхъ, можно даже сказать, алармистскихъ возгласахъ, раздающихся въ извѣстной части печати.

Мотивировка у такихъ публицистовъ всегда одна и та-же, а именно: необходимость возстановленія «потрясенныхъ основъ».

Слова эти въ послѣднее время повторяются неуклонно и неизмѣнно въ примѣненіи къ самымъ разнообразнымъ и, казалось бы, не поддающимся обобщеніямъ, фактамъ, такъ-что популярность подобнаго обвиненія дошла въ Россіи до того, что даже самый обыкновенный мошенникъ (я не говорю уже о болѣе крупныхъ), желая воспользоваться чужимъ платкомъ или часами и остановленный тобой въ этомъ намѣреніи, прямо заявляетъ, и безъ всякаго смущенія, что сдѣлалъ онъ это въ виду «поддержанія основъ», ибо лицо, на собственность коего сдѣлано покушеніе, есть нарушитель основъ, такъ-какъ думаетъ

шенно обезпеченъ въ своихъ скромныхъ требованіяхъ. Пріѣхалъ-же онъ за-границу для того, говорилъ онъ, чтобы убѣдиться, такъ-ли тамъ хорошо, какъ пишутъ. Оказалось, по его мнѣнію, что за границей стѣснительно и онъ-бы здѣсь въ станovyе не поступилъ.

— Почему нестоющій народъ? спросилъ я его, когда онъ такъ непочтительно отозвался объ русской интеллигенціи.

— Нѣтъ въ нихъ настоящей закваски... Одна меланхолія!.. продолжалъ онъ своимъ страннымъ языкомъ.

— То-есть, какъ это?

— А такъ! Иной разъ помечтать—помечтаеть, точно—у насъ въ уѣздѣ есть такіе между земцами и акцизными чиновниками—иногда и на счетъ правъ поговорить въ земскомъ собраніи, но чуть пріѣдешь къ нему, онъ ужъ и струсилъ—лебезить: я, говорить, только такъ, отъ избытка чувствъ, больше въ теоріи, и сейчасъ же зоветъ закусывать... Выѣстъ выпьемъ, и выѣстъ иногда, подъ пьяную руку, о правахъ поговоримъ... И замѣшательство ему производить даже какъ-то жаль: не стоитъ, видишь, что онъ интеллигентъ совсѣмъ безобидный... Ну, разумѣется, для порядку иной разъ и пригрозить...

— Ну, а народъ?

— Народъ?.. У него дурныхъ мыслей нѣтъ и некогда имъ заводитьсь, милордъ.—Онъ у насъ въ потъ лица собираетъ въ житницы и, наконецъ, онъ простодушенъ... вѣрить, во все вѣрить... Я съ нимъ отлично ладилъ и рѣдко поролъ, развѣ ужъ очень исправникъ настаивалъ... Я больше чудесами дѣйствовалъ.

— Какъ чудесами?

— Очень просто... Комету иногда сочинишь и скажешь, что комета послана Богомъ для того, чтобы они недоимки уплатить постарались... А то иногда пріѣду къ нимъ во всей формѣ и бесѣдную съ нимъ по душѣ—пропаганду свою веду! усмѣхнулся мой собесѣдникъ.

— Какую пропаганду?

— А своимъ умомъ дошелъ—своимъ. Изрѣдка напушу страху, а чаще пропаганду веду. Сяду, этакъ, ладкомъ, да и говорю, какъ и для чего все на землѣ сотворено, какой твари какъ жить. Иной разъ спрашиваютъ: а становой откуда произошелъ? Объяснишь, что я произошелъ отъ начальства, а начальство—отъ Бога и, слѣдовательно... Однако, въ послѣднее время портиться сталъ народъ! прибавилъ рассказчикъ. Не вѣрили шельмы!.. И даже въ комету не вѣрили... Ну, тогда что дѣлать—выпорешь.

— И помогало?

„Дѣло“, № 9, 1881 г. II.

— То-то нѣтъ. Коли нечего платить—такъ пори не пори, все одно!.. А все-таки народъ хорошій... Съ нимъ можно справляться... И пушки боится, я вамъ скажу, милордъ, ахъ, какъ боится!.. Никакихъ мечтаній у него нѣтъ и только дайте ему чуть-чуть вздохнуть, онъ и никогда не возмечтаетъ... И по моему ему слѣдуетъ дать вздохнуть маленько, настолько, чтобы подати вносить можно было... Тогда и какая будетъ польза и выносливы будутъ, и цѣлы... По крайности на нашъ вѣкъ хватить! Такое мое мнѣніе, благородный милордъ! проговорилъ почтенный старикъ.

Изъ приведенной бесѣды, ты можешь убѣдиться, Дженни, что взгляды и средства почтеннаго моего собесѣдника крайне просты, незамысловаты и, въ иныхъ случаяхъ, рѣшительны. Не берусь судить, насколько онѣ соотвѣтствуютъ его добродушной вѣрѣ въ ихъ цѣлесообразность, хотя и сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ признаетъ, что русскій народъ сталъ послѣднее время портиться и уже не столь легко вѣрить, какъ вѣрилъ прежде, въ связь небесныхъ и административныхъ явленій съ указаніями Божественнаго Промысла и, слѣдовательно, такимъ образомъ, въ народъ уже является уязвимое для сомнѣній мѣсто. Но во всякомъ случаѣ я обязанъ почтенному джентльмену; если онъ и не вполне разрѣшилъ моихъ недоумѣній, то все-таки значительно упростилъ ихъ своимъ краткимъ и искреннимъ объясненіемъ, освобожденнымъ отъ тумана и неясностей передовыхъ статей, трагующихъ столь часто о тѣхъ-же вопросахъ.

Правда, многое въ объясненіи человѣка-практики остается неразъясненнымъ, неполнымъ, многое свидѣтельствовало о незнакомствѣ съ историческимъ процессомъ, а философія его и совсѣмъ не выдерживаетъ критики; но нельзя-же забывать, что человѣкъ этотъ стоялъ на незначительной высотѣ административной лѣстницы и не могъ имѣть передъ собою обширнаго горизонта и слѣдовательно требовать отъ него большаго невозможно.

Однако, пора и кончать. До слѣдующаго письма. — Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ-восьмое.

Возвратился я въ Петербургъ благополучно и никакихъ въ немъ переменъ не нашелъ, исключая развѣ новой формы, въ которой теперь ходятъ петербургскіе подлимены. Особенныхъ новостей нѣтъ; главнѣйшія тебѣ извѣстны изъ нашихъ газетъ, а другихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, на этотъ разъ въ виду не имѣю... Настроеніе петербуржцевъ, на сколько можно судить

изъ бесѣдъ съ разными знакомыми не отличается особенной бодростью и оставляетъ, въ этомъ отношеніи, желать многого; почти всѣ жалуются на что-нибудь: кто на дороговизну, кто на скверныя дѣла, кто на Бисмарка, кто на отсутствіе близкихъ родственниковъ; я встрѣчалъ, Дженни, матерей, которыя жаловались и вздыхали о томъ, что у нихъ сыновья, а не дочери, точно это не все равно. Вообще унылая нотка сквозила въ разговорахъ, хотя со мной, какъ съ чужезцемъ, и сдерживались. Многие изъ моихъ знакомыхъ русскихъ, прежде мало интересовавшіеся политикой, стали интересоваться, а у другихъ оптимистическое настроеніе, къ изумленію моему, смѣнилось пессимизмомъ. Какая-то растерянность, оторопь невольно бросались въ глаза даже въ такихъ людяхъ, которые прежде никогда не терялись; нечего тоже и прибавлять, что въ Петербургѣ, по-прежнему, слухи играютъ едва-ли не главнѣйшую роль при занятіяхъ политикой и потому разнообразіе и часто невѣроятіе ихъ превосходятъ самое пылкое воображеніе; и такъ-какъ въ большинствѣ петербуржцы живутъ въ разбродъ, собираясь въ клубы и собранія единственно лишь для карточныхъ занятій (по уставамъ политическіе разговоры въ клубахъ воспрещены *), то ты поймешь, что при отсутствіи какой-либо возможности обмѣна мыслей, отведено широкое поле для всевозможныхъ измышленій, пересудовъ и цѣлыхъ легендъ; разобраться, гдѣ истина, гдѣ ложь, очень трудно, и вотъ почему я не стану передавать ихъ тебѣ въ письмѣ. Остается, слѣдовательно, руководствоваться печатью, какъ единственной выразительницей мнѣнія, но опять-таки въ такомъ случаѣ пришлось-бы передавать только мнѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» и, слѣдовательно, поневолѣ представить вопросъ только съ одной стороны.

Другіе-же органы почти не касаются интересныхъ вопросовъ, предпочитая почему-то удовлетворять любознательность своихъ подписчиковъ иностранной политикой; если-же, по временамъ, и рѣшаются что-нибудь обсудить, то дѣлаютъ это съ такою темнотой и недомолвками, причемъ и въ началѣ, и въ серединѣ и въ концѣ печатаютъ какой-нибудь стихъ изъ псалмовъ Давида,—что мнѣ кажется изъ нынѣшнихъ редакторовъ должны выработаться не только превосходные дипломатическіе агенты, но и весьма свѣдующіе псаломщики **).

*) Очевидно Знатный Иностранецъ ошибается. Въ клубныхъ уставахъ нѣтъ никакого параграфа объ этомъ и очень понятно почему: при составленіи уставовъ не имѣлось и въ виду политическихъ разговоровъ. *Прим. перев.*

**) По обыкновенію, г. Знатный Иностранецъ преувеличиваетъ.

Прим. перев.

И, однако-же, число газетъ, которыя ты можешь приобрести на улицахъ, значительно уменьшилось. «Голосъ» прекратилъ на время свое изданіе на 6 мѣсяцевъ, объяснивъ, что желаетъ дать отдыхъ сотрудникамъ, разстроившимъ отъ долговременныхъ трудовъ свое здоровье *), «Порядокъ» не продается въ розничной продажѣ, какъ и «Страна», такъ-что только «Новое Время», «Новости» и двѣ-три газеты мелкой прессы служатъ для удовлетворенія петербургской публики. Такимъ образомъ изъ большихъ газетъ «Новое Время» теперь заполонило рынокъ и ежедневно бесѣдуетъ—пожалуй и имѣя на то основаніе — что унывать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ глядѣть впередъ безъ страха и боязни. «Ничего не можетъ быть хуже грусти, ибо грусть это безсиліе ума, это отсутствіе энергіи, это подступы меланхоліи. Однимъ словомъ, грусть—явленіе болѣзненное и люди, одержимые ею, едва-ли способны и мыслить сильно, и *сильно дѣйствовать?*»

Ты, конечно, хорошо поймешь, что названная газета имѣетъ не мало резонновъ быть въ столь бодромъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе отсутствія конкурентовъ она *«сильно дѣйствуетъ»* въ смыслѣ распространенія и усиленія розничной продажи.

Но несмотря на увѣщанія ея, среди русскихъ журналистовъ замѣтна весьма большая меланхолія.

Они жалуются, что рѣшительно не о чемъ писать и что даже басни Езопа не всегда охотно принимаются редакторами. Одинъ изъ литераторовъ полушутя, полугрустно сказалъ мнѣ, что ихъ изведутъ «изморомъ», въ тщетной борьбѣ съ редакторами.

— И безъ того, милордъ, мы, кажется, потеряли подобіе Божіе; самую простенькую и безобидную мысль стараешься какъ-нибудь окутать въ такой туманъ, что и самъ не понимаешь какъ дошелъ до такого литературнаго акробатства, а теперь даже и этого нельзя... Редакторы во всемъ видятъ нарушеніе или какую-нибудь каверзу...

Я съ большимъ участіемъ сталъ его спрашивать и онъ, очевидно, желая передъ кѣмъ-нибудь облегчить свою душу, сталъ мнѣ рассказывать такія подробности объ осторожности редакторовъ, что я рѣшительно сталъ въ тупикъ.

— Мало того, что даже басенъ Езопа не хотятъ брать, продолжалъ онъ,—а вы понимаете до чего дѣло дошло, милордъ...

*) «Голосъ» вовсе не по этой причинѣ прекращенъ, какъ извѣстно, всѣмъ читателямъ. По всей вѣроятности, Знатный Иностранецъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь мистификаторомъ.

Ужь на что, кажется, жучокъ безобидная тема, а и та щекотлива...

— Вы, кажется, шутите! воскликнулъ я... Жучокъ вѣдь это насѣкомое, обличать которое казалось бы полезно...

— То-то и есть, «казалось-бы!» повторилъ онъ въ какомъ-то раздраженіи. «Казалось-бы!» И мнѣ казалось, а вотъ жучекъ-то у меня тутъ въ карманѣ... Редакторъ прочелъ, вздохнулъ, вздохнулъ еще и говоритъ: «несвоевременно!»..

— Почему именно?

— Во-первыхъ: жалобы на жучка, говоритъ онъ,—возбуждаютъ и безъ того взволнованное общество; мѣры противъ него приняты и его, Богъ дастъ, уничтожатъ; во-вторыхъ: не подразумеваете-ли вы подъ жучкомъ какое-нибудь болѣе опасное животное, а?.. Нѣтъ-ли тутъ намека... Не можетъ-ли какъ-нибудь явиться мысль, что подъ видомъ жучка, поѣдающаго столь прожорливо хлѣбъ въ херсонской губерніи, мы подразумеваемъ статскаго совѣтника Кузьмина... «Кузька—Кузьминъ»... И наконецъ, нѣкоторое сходство—и жучекъ сѣрый, и Кузьминъ сѣрый... А это выраженіе: «дай Богъ, чтобы противъ этихъ столь прожорливыхъ насѣкомыхъ были приняты, наконецъ, радикальныя мѣры. Какъ видно, палліативы его не пробираютъ»!.. Не имѣетъ-ли оно обобщающаго значенія? Признаюсь, я даже расхохотался въ глаза редактору. «Смѣйтесь, смѣйтесь... Вамъ что, а отвѣчать придется мнѣ!».. говоритъ онъ и слова его дышутъ тихой грустью.—«Но, однако... Вѣдь такъ нѣтъ ни одного слова, гдѣ-бы нельзя не видѣть намека».—«Ни одного... почти ни одного»... подтвердилъ онъ. «Недавно, рассказываетъ, я помѣстилъ вашъ-же переводъ съ персидскаго, сказку о двухъ Оболдуяхъ, такъ вѣдь потомъ всю ночь не спалъ и наутро самъ поѣхалъ къ цензору справиться, не будетъ-ли чего за Оболдуевъ. Самъ поѣхалъ... Самъ настроенъ такъ, что во всемъ видишь намекъ... Приѣхалъ и бѣднаго цензора перепугалъ. Онъ, разумѣется, и не обратилъ вниманія на извѣстную сказку, а какъ прочелъ громко: «Оболдуй», «Оболдуй», такъ вдругъ весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я гляжу на него и самъ вдругъ чувствую, что мурашки бѣгаютъ по спинѣ. Оба трясемся и шепчемъ: «Оболдуй!» «Оболдуй!»...

— Не правда ли, милордъ, картина! прибавилъ грустно рассказчикъ.

— Чѣмъ-же, однако, кончилось дѣло вашего редактора? спросилъ я, заинтересованный рассказомъ.

— Ничѣмъ. Чѣмъ кончиться?.. Однако, цензоръ совѣтовалъ вообще осторожнѣе. Семья-дѣти. И съ тѣхъ поръ... и жучекъ,

и всякій гадъ, и даже домашнія животныя... все изъято нашимъ редакторомъ изъ обращенія... «Вездѣ, говоритъ, при нынѣшнемъ настроеніи читателя, можно прозрѣть что-нибудь.. Вы, говоритъ, пишете о жеребцахъ, а читатель подумаетъ, что вы имѣете въ виду какихъ-нибудь кавалеристовъ; говорите о комнатныхъ собачкахъ, и читатель, пожалуй, смекнетъ что-нибудь другое... А объ ослахъ ни боже ни, чтобы и слова этого не было... Иначе навѣрное найдутся люди, которые примутъ это слово на свой счетъ!» — И остается только, милордъ, писать скабрзные рассказы, но я, слава Богу, еще до этого не дошелъ... нѣтъ!..

Мы долго еще бесѣдовали съ бѣднымъ джентльменомъ и мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ. Вѣдь существуютъ-же газеты и журналы и наполняются-же матеріаломъ.— Правда, матеріалъ скуденъ, но все-таки столичные органы существуютъ и не одни столичные, а и провинціальныя...

Но литераторъ, очевидно, раздраженный вынулъ изъ кармана газету и прочелъ мнѣ слѣдующее циркулярное разсужденіе «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»:

«Редакціи мѣстныхъ органовъ печати «Саратовскаго Листка» и «Саратовскаго Дневника», 24-го и 25-го сего августа мѣсяца, распорядились напечатать о перемѣнахъ между высшими лицами мѣстной губернской администраціи. Свѣденія, переданныя на публичное обсужденіе, не основаны на формальныхъ данныхъ, дошедшихъ до мѣстнаго общества какимъ-либо несомнѣнно вѣрнымъ, положительнымъ и правительственно-официальнымъ путемъ. Слѣдовательно, такое *извѣстіе*, которое появляется на основаніи слуховъ и догадокъ и еще относительно лицъ, служащихъ высшими представителями правительства въ губерніи, по малой мѣрѣ лишено всякаго сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей къ служебной и общественной дисциплинѣ, и уваженія къ личной скромности служащихъ лицъ.

«Редакціи газетъ, при настоящемъ современномъ взглядѣ на печатное слово, представляютъ собой конторы, имѣющія свою дѣлю распоряженіе обращеніемъ общественной мысли точно такъ-же, какъ торговыя конторы распоряжаются обращеніемъ торговыхъ фондовъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ кредитъ и его поддержка играютъ первостепенную роль—для сохраненія кредита, что пріобрѣтается довѣріемъ общества, нужно вѣрное и точное и справедливое веденіе своихъ операцій; но можетъ-ли то и другое существовать, когда оно основано на летучихъ временныхъ данныхъ? Разумѣется, нѣтъ!!

«Поэтому, для пользы и истины самого дѣла печати предъ-

является редакціямъ частныхъ органовъ печати и гг. служащимъ, имѣющимъ ближайшею обязанностью наблюденіе за исполненіемъ законовъ о печати и постановленіи правительства—цензорамъ, полицеймейстерамъ и исправникамъ въ особенности, чтобы впредь ни подѣ какимъ видомъ не были помѣщаемы никакія свѣденія, касающіяся правительственныхъ лицъ и учреждений, не основанныя на прямыхъ и непосредственныхъ указаніяхъ правительственныхъ органовъ и распоряженій, въ порядкѣ закономъ указываемыхъ и обнаруживаемыхъ».

Когда-же я снова выразилъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того не мистифируетъ-ли онъ меня своими сообщеніями, онъ подарилъ на память мнѣ номеръ провинціальной газеты и уходя, проговорилъ на прощанье:

— Вѣрите, милордъ, что мои извѣстія тоже не лишены своихъ прискорбныхъ сторонъ правды!

Я былъ-бы не на высотѣ безпристрастія, Дженни, если-бы оставилъ тебя въ предположеніи, будто и въ самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ только и видишь, что унылыя или мрачныя лица; обязанность правдиваго наблюдателя заставляетъ меня сказать, что всѣ увеселительныя мѣста и особенно театры, гдѣ даются оперетты, полны публикой, и что между моими знакомыми русскими, особенно изъ не поющихъ «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ» (теперь, Дженни, эта пѣсенка въ модѣ), есть и такіе, которые не только постоянно беззаботны, веселы и глядятъ впередъ безъ страха и боязни, но очень негодуютъ на людей, не выказывающихъ особой радости и даже подозрѣваютъ ихъ, какъ здѣсь водится, въ «нарушеніи основъ».

Не далѣе, какъ на дняхъ, я имѣлъ честь слышать отъ одного изъ джентльменовъ проектъ — теперь, Дженни, только лѣнивый не пишетъ проектовъ—объ обязательномъ упраздненіи унынія. По обыкновенію, проектъ очень кратокъ (русскіе не любятъ длинныхъ проектовъ) и заключалъ въ себѣ слѣдующіе пункты, послѣ самой краткой мотивировки, имѣющей въ виду «поднятіе духа»:

1) Унылый, а равно и удрученный видъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ не дозволяется. Виновные въ семъ подвергаются взысканію.

2) Равнымъ образомъ возбраняется пѣніе всякихъ грустныхъ романсовъ и кантовъ; виновные въ этомъ подвергаются взысканію.

Примѣчаніе 1-е. На сей конецъ должны быть составлены обязательныя постановленія и вмѣнено въ обязанность старшихъ дворниковъ слѣдить, чтобы и въ квартирахъ от-

нюдь не были допускаемы лица, не давшія подписку какъ въ бодромъ расположеніи духа, такъ равно и въ неизмѣнн у себя жестокихъ романсовъ.

Примѣчаніе 2-е. На случай необходимости обывателя впасть въ уныніе (по случаю смерти близкихъ людей, разворенія и т. п. причинъ) обыватели имѣютъ каждый разъ особенное на то дозволеніе мѣстной полиціи.

3) Всѣ произведенія печати, за исключеніемъ «Моск. Вѣд.» и порнографическихъ, упраздняются.

4) Въ Россіи учреждается на новыхъ началахъ театръ, съ ежедневнымъ представленіемъ оперетокъ, въ коихъ обязательно должны показываться женщины въ одномъ трико.

Признаюсь, при всей моей привычкѣ къ весьма оригинальнымъ проектамъ, я пришелъ въ изумленіе и не могъ выговорить ни слова.

— Ну, что вы скажете, милордъ? По моему, эта мѣра рѣшительная, но благотворная. На дняхъ я думаю дать проекту ходъ...

Смѣшно было-бы и прибавлять тебѣ увѣреніе, что этотъ проектъ возбудитъ одни насмѣшки, но я сообщаю тебѣ о немъ, какъ о признакѣ времени.

— Однако, мнѣ кажется, сэръ, вы ужъ черезчуръ...

— Теперь не время колебаній. Надо дѣйствовать безъ колебаній... А то идешь по улицѣ и видишь на лицахъ уныніе— это чортъ знаетъ что... Оно только развращаетъ общество... Будь бодръ, иначе вѣдь можно подумать, что ты замыслиаешь что-нибудь дурное...

— Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ полезности мѣры, мнѣ кажется, трудно услѣдить за исполненіемъ вашихъ предложеній! возразилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ невозможнаго для насъ, милордъ! замѣтилъ онъ даже съ нѣкоторою гордостью.—Для русскихъ нѣтъ невозможнаго. Да! И наконецъ, развѣ, спрашиваю я васъ, такія мѣры не поднимутъ духъ... Развѣ въ мои театры не повалитъ публика??

Я ушелъ отъ этого чудака и вообрази удивленіе, на дняхъ слышу, что онъ въ самомъ дѣлѣ подалъ этотъ проектъ и всетаки не сидитъ въ сѣумашедшемъ домѣ.

Изъ выдающихся произведеній ежедневной прессы указать не на что, исключая развѣ писемъ султана Пирагьева о предметахъ, наводящихъ на размышленіе. На нихъ мнѣ указалъ одинъ русскій и очень ихъ хвалилъ, объясняя, что въ нихъ выполнена весьма удачная попытка соединить стиль Баркова (по

словамъ его, извѣстнаго русскаго поэта) съ хлесткостью бывшаго редактора «Берега», а нынѣ, какъ сообщаютъ газеты, члена іезуитскаго ордена, г. Цитовича. Я не читалъ ихъ, но восторженный ихъ поклонникъ прочелъ мнѣ слѣдующій обращикъ описанія Пешта:

«Ну, скажу вамъ, Пештъ, это не городъ, а рай пророка нашего Магомета, во очію существующій. То есть раемъ-то не городъ собственно представляется, а его обывательниці. Что это за женщины, что это за женщины—въ цѣломъ остальномъ мірѣ нѣтъ имъ подобныхъ! Вотъ ужъ красота, такъ красота: носикъ какъ элифъ, ротикъ какъ мимъ и все прочее въ соответствии. Къ каждой венгеркѣ изъ тѣхъ, съ которыми меня познакомили, можно приложить знаменитый въ персидской литературѣ экспромптъ:

Луна твоего не свѣтлѣ лица,
Румянцу ланитъ твоихъ розы садовъ не замѣна.
Твой взоръ пробиваеги кольчугу бойца.
Какъ Киза конье роковое въ день бивги Пешена.

А кожа, кожа какая! Гдѣ слѣдуетъ—*бархатная*, гдѣ нужно—*атласная*. И эластичность во всѣхъ членахъ изумительная, а сложены какъ покойная Фанни Эльслеръ (помните, та, когорую москвичи, въ избыткѣ восторга отъ ея голеней, на себѣ изъ театра возили) или ваша здравствующая Радина. Правду мнѣ говорилъ казанскій агентъ «Еврейскаго Союза», что отъ одного взгляда на такіа прелести у *порядочноа челоувька глаза вонъ изъ лба выскакивають*».

И затѣмъ онъ прочелъ мнѣ другой отрывокъ о томъ, какъ въ Россіи насаживадся нигилизмъ, по словамъ какого-то тайнаго совѣтника, который сообщилъ объ этомъ Султану Пираліеву, а тотъ читателямъ «Новаго Времени» *). Въ этомъ отрывкѣ упо-

*) *Прим. переводчица.* Даже г. Незнакомецъ возмутился и по поводу шестого письма напечаталъ въ томъ-же номерѣ слѣдующія «Два слова» Султану Пираліеву: «Позвольте, м. г., посоветовать вамъ не особенно вѣрять тайному совѣтнику, который, раздавая уменьшительныя имена и прізвища направо и налево — это ужъ, конечно, такая у него привычка—вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно знакомъ съ тѣмъ, что говорить. Чигал сегодня корректуру ва него письма, я, съ изумленіемъ моему, встрѣтилъ смѣлаю рѣчь г. тайнаго совѣтника объ И. И. Введенскомъ. Онъ будто-бы насадилъ нигилизмъ, онъ будт -бы совращалъ молодежь, «пронивывая ее всевозможнымъ отрицаніемъ, начиналъ съ отрицанія поэтическаго таланта у Сумарокова и Державина, и кончалъ отрицаніемъ Бога и будущей жизни». Во всемъ этомъ едва-ли есть доля правды, какъ и во всемъ послѣдующемъ, что касается Введенскаго. Я два года учился у И. И. Введенскаго, благодаря ему полюбилъ сознательно русскую литературу, благодаря ему сталъ интересоваться литературой европейской и изучать языки, но никогда не слышалъ отъ него

минается множество именъ: и «осель Петрушевскій», «Сашка Г.», и Ир. Введенскій, и Добролюбовъ, словомъ—не мало лицъ, насадившихъ, по мнѣнію Султана, нигилизмъ въ Россіи. Я не читалъ этихъ писемъ — ихъ обѣщано девять — но признаюсь эти отрывки тоже наводятъ на размышленія, не особенно лестныя для почтеннаго Султана. Впрочемъ, и то, отъ киргизкаго Султана нельзя многого требовать!.—До свиданія, дорогая Джени. Черезъ недѣлю ѣду отсюда въ Оренбургъ. Посылаю письмо съ однимъ знакомымъ.—Твой Джонни, Знатный Иностранецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Откровенный Писатель.

отрицанія Бога и проч. Онъ не отрицалъ даже поэтическаго таланта у Лержавина, признавалъ заслуги не только Сумарокова, но даже Тредязковскаго, за котораго онъ горячо заступился, если не вѣнчаетъ мнѣ память, въ «Сѣверномъ Обозрѣніи». Вѣроятно, тайный совѣтникъ, вашъ пріятель, позаимствовалъ о Введенскомъ у Погодина, который говорилъ почти то-же самое въ своемъ „Русскомъ“ Я тогда отвѣтилъ Погодину довольно пространно, упомянувъ, между прочимъ, о томъ, какъ Погодинъ этого самаго Введенскаго безбожно эксплуатировалъ въ своемъ пансіонѣ, гдѣ Введенскій былъ учителемъ. Погодинъ промолчалъ, а онъ не любилъ молчать, когда чувствовалъ за собою хоть тѣнь правды. Вообще я долженъ сказать, что вашъ тайный совѣтникъ весьма недостаточно знакомъ съ тѣми идеями, которыя исторически нарастаютъ въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ. Отдѣльныя лица не особенно много значили, какъ не особенно много значить телеграфистъ. Вѣдь его-бы не было, если-бы не было телеграфной проволоки. Пишу эти строки на корректурѣ сверстаннаго листа и прошу извинить меня за краткость и недомолвки.

Впрочемъ, примите и проч.

Незнакомецъ.

Р. С. Державинъ написалъ оду „Богъ“. Не смѣшалъ-ли вашъ тайный совѣтникъ, поэтому самому, отрицаніе Введенскимъ Державина съ отрицаніемъ Бога? Такіе пассажи бывають.“

Не лучше-ли было-бы, если-бы г. Незнакомецъ и вовсе не пошлалъ писемъ г. Султана Пиралиева?

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра И. П. Айрленда съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго; съ рисунками и съ генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пересылкою 3 руб.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Иог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1861 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составлена по лѣтописямъ и расказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпилльгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Ипполита Ньево. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Иог. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстго. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

Вышла и продается въ Главной Конторѣ журнала „ДѢЛО“ и въ книжныхъ магазинахъ новая книга:

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ Р. ДЖИОВАННОЛИ.

Переводъ съ итальянскаго.

Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЪЛО“

въ 1881 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (до Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только вѣрѣть тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подписаны по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за-границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Для слушающихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначенъ.

Издатель: насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STANFORD
CANCELLED
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 302 634